

РИМ И ВАРВАРЫ: ОТ АВГУСТА ДО АВГУСТУЛА

Балканский поход бастарнов 29 г. до н. э.
Сарматский котел из Нижнего Поднестровья
Погребения III в. н. э. в Усть-Альминском некрополе
Хронология могильника Слобозия-Кишкэрень
Население черняховской культуры по данным антропологии
Вооружение готов по письменным и археологическим источникам
Проблема выделения «германских древностей» на Боспоре
Скандинавская меховая торговля в эпоху переселения народов
Прусские находки в Британском музее
Тайная вечеря в свете книги Даниила
Ad memoriam Виталия Михайловича Зубаря

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КИШИНЕВ ОДЕССА БУХАРЕСТ 2010

ISSN: 1608-9057

Stratum plus. Nr. 4.

Romans and Barbarians: from Augustus to Augustulus

Bastarnae's Balkan Raid in 29 BC
Sarmatian Melting-Pot in the Lower Dniester Basin
Burials of 3rd AD in Necropolis at Ust-Alma
Chronology of Slobozia-Chiscareni Necropolis
Population of Chernyakhov Culture by Anthropological Data
Goths' Armament by Written and Archaeological Records
Identifying "Germanic antiquities" in Bosporus
Scandinavian Fur Trade during the Migration Period
Prussian Finds in British Museum
The Last Supper in the Light of the Book of Daniel
Ad memoriam Vitaly Zubar

Volume Editor — Oleg V. Sharov

St.-Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2010

Stratum plus. Nr. 4.

Romani și barbari: de la Augustus pînă la Augustulus

Campania balcanică a bastarnilor în 29 î. e. n.
Cazan sarmat de pe Nistrul de Jos
Morminte din sec. III al e.n. în necropola Usti-Alma
Cronologia necropolei Slobozia-Chișcăreni
Populația culturii Cerneahov după datele antropologice
Armamentul goților după sursele scrise și arheologice
Problema identificării „antichităților germanice” pe Bospor
Comerțul scandinav cu blană în epoca marilor migrații
Artefacte prusiace în Muzeul Britanic
Cina cea de taină prin prisma Cărții lui Daniel
În memoria lui Vitalii Mihailovici Zubar

Redactorul volumului — Oleg V. Sharov

S.-Petersburg. Chișinău. Odesa. București
2010

The Supreme Council for Science and Technical Development of Moldovan Academy of Sciences and the National Council for Accreditation and Attestation of the Republic of Moldova, through their decision, recognized **Stratum plus** as a specialized journal in history disciplines (decision nr. 4 of 14 October 2004 and nr. 208 of 24 December 2009)

Editor-in-Chief — doctor of history **Mark E. Tkachuk**
Coordinating Editor — doctor of history **Roman A. Rabinovici**
Responsible Secretary — doctor of history **Leonid A. Mosionjnic**

Founder — **Alexei S. Tulbure**

Editorial Board:

M. B. Shchukin. *Through the Decision of the Senate of the High Anthropological School University and Stratum plus editorial board, the name of Mark B. Shchukin shall be written forever in the list of editors of this journal in memory of his outstanding merits.*

- G. Atanasov** — doctor of historical sciences (Museum of Archaeology, Silistra, Bulgaria)
M. Babeş — doctor of history (Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”, Bucharest, Romania)
S. Beletsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
V. Borşevich — doctor habilitat of Physics and Mathematics (Moldovan Branch of the UN International Academy of Informatization, Kishinev, Moldova)
I. Bruyako — doctor of historical sciences (Odessa Archaeological Museum, Odessa, Ukraine)
V. Cavruc — doctor of history (Eastern Carpathians National Museum, Sfântu Gheorghe, Romania)
S. Covalenco — doctor of history (Institute of Cultural Heritage, Moldovan Academy of Sciences, Kishinev, Moldova)
V. Dergacev — doctor habilitat of history (Institute of Cultural Heritage, Moldovan Academy of Sciences, Kishinev, Moldova)
A. Dobrolyubsky — doctor of historical sciences (South Ukraine Pedagogical University, Odessa, Ukraine)
E. Girya — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
B. Govedarica — professor (German Archaeological Institute, Eurasian Department, Germany)
M. Kazansky — doctor of historical sciences (CNRS – French National Center for Scientific Research, Center for Studies in History and Civilization of Byzantium, Paris, France)
V. Kirilko — candidate of historical sciences (Institute of Archaeology, Ukraine National Academy of Sciences, Simferopol, Ukraine)
A. Kovalev — member correspondent of the German Archaeological Institute, leader of Central Asian International Archaeological Expedition (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
I. Manzura — doctor of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova)
K. Marchenko — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
V. Myts — candidate of historical sciences (Institute of Archaeology, Ukraine National Academy of Sciences, Simferopol, Ukraine)
E. Nicolae — doctor of history (Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”, Bucharest, Romania)
L. Nikolova — doctor (International Institute of Anthropology, Salt Lake City, USA)
K. Randsborg — professor in archaeology (University of Copenhagen, Denmark)
N. Russev — doctor habilitat of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova)
O. Sharov — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
P. Shuvalov — candidate of historical sciences (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
O. Shcheglova — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
N. Telnov — doctor of history (Institute of Cultural Heritage, Moldovan Academy of Sciences, Kishinev, Moldova)
L. Vishnyatsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
V. Zuev — candidate of historical sciences (St.-Petersburg, Russia)

Address: MD 2024, Republic of Moldova, Kishinev, Zimbrului St. 10a,
High Anthropological School University, Stratum plus Journal
Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Prin hotărârea Consiliului Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică al AȘ Republicii Moldova, și a Consiliului Național pentru Acreditare și Atestare al Republicii Moldova, revista *Stratum plus* este recunoscută ca revistă de profil în domeniul științelor istorice (hotărârea no. 4 din 14.10.2004 și nr. 208 din 24.12.2009)

Redactor șef — doctor în istorie **Mark E. Tkachuk**
Redactor coordonator — doctor în istorie **Roman A. Rabinovici**
Secretar responsabil — doctor în istorie **Leonid A. Mosionjnic**

Fondator — **Alexei S. Tulbure**

Colegiul redacțional:

M. B. Shchukin. Prin Decizia Senatului Universității Școala Antropologică Superioară și a redacției revistei *Stratum plus*, în memoria meritorului savantului de seamă Mark B. Shchukin, numele său a fost înscris pe veci în componența colegiului redacțional.

G. Atanasov — doctor în științe istorice (Muzeul arheologic, Silistra, Bulgaria)
M. Babeș — doctor în istorie (Institutul de arheologie “Vasile Pârvan”, București, România)
S. Beletsky — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
V. Borșevici — doctor habilitat în fizică și matematică (Filiala RM al Academiei internaționale de informatizare pe lângă ONU, Chișinău, Moldova)
I. Bruyako — doctor în științe istorice (Muzeul Arheologic din Odesa, Ucraina)
V. Cavruc — doctor în istorie (Muzeul Național al Carpaților Răsăriteni, Sfântu Gheorghe, România)
S. Covalenco — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al AȘM, Chișinău, Moldova)
V. Dergacev — doctor habilitat în istorie (Institutul patrimoniului cultural al AȘM, Chișinău, Moldova)
A. Dobrolyubsky — doctor în științe istorice (Universitatea pedagogică din Ucraina de Sud, Odesa, Ucraina)
E. Girya — candidat în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
B. Govedarica — profesor (Institutul German de Arheologie, Departamentul Eurazia, Germania)
M. Kazanski — doctor în științe istorice (Centrul Național pentru Cercetări Științifice din Franța, Centrul pentru Studii în Istorie și Civilizație Bizantină, Paris, Franța)
V. Kirilko — candidat în științe istorice (Institutul de arheologie, Academia Națională de Științe din Ucraina, Simferopol, Ucraina)
A. Kovalev — membru corespondent al Institutului German de Arheologie, conducător al Expediției arheologice internaționale în Asia Centrală (Universitatea de Stat din S.-Petersburg, Rusia)
I. Manzura — doctor în istorie (Universitatea Școala Antropologică Superioară, Chișinău, Moldova)
K. Marchenko — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
V. Myts — candidat în științe istorice (Institutul de arheologie, Academia Națională de Științe din Ucraina, Simferopol, Ucraina)
E. Nicolae — doctor în istorie (Institutul de arheologie “Vasile Pârvan”, București, România)
L. Nikolova — doctor (Institutul Internațional de Antropologie, Salt Lake City, SUA)
K. Randsborg — profesor în arheologie (Universitatea din Copenhaga, Danemarca)
N. Russev — doctor habilitat în istorie (Universitatea Școala Antropologică Superioară, Chișinău, Moldova)
O. Sharov — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
P. Shuvalov — candidat în științe istorice (Universitatea de Stat din S.-Petersburg, Rusia)
O. Shcheglova — candidat în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, S.-Petersburg, Rusia)
N. Telnov — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al AȘM, Chișinău, Moldova)
L. Vishnyatsky — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
V. Zuev — candidat în științe istorice (S.-Petersburg, Rusia)

Adresa: MD 2024, Republica Moldova, Chișinău, str. Zimbrului 10a,
Universitatea Școala Antropologică Superioară, revista *Stratum plus*
Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Решением Высшего Совета по Науке и Техническому Развитию АН Республики Молдова и Национального Совета по Аккредитации и Аттестации Республики Молдова журнал «Stratum plus» признан профильным в области исторических наук (решения от 14.10.2004/№4, от 24.12.2009/№208)

Главный редактор — доктор истории **Марк Е. Ткачук**
Редактор-координатор — доктор истории **Роман А. Рабинович**
Ответственный секретарь — доктор истории **Леонид А. Мосионжник**

Основатель журнала — **Алексей С. Тулбуре**

Редколлегия:

М. Б. Щукин. *Решением Сената университета «Высшая антропологическая школа» и редакции журнала «Stratum plus» имя Марка Борисовича Щукина в память о его выдающихся заслугах навсегда вписано в состав редколлегии этого издания.*

Г. Г. Атанасов — доктор исторических наук (Археологический музей, Силистра, Болгария)
М. Бабеш — доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)
С. В. Белецкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
В. И. Боршевич — доктор habilitation физико-математических наук (Молдавское отделение Международной Академии Информатизации при ООН, Кишинёв, Молдова)
И. В. Бруйко — доктор исторических наук (Одесский археологический музей, Одесса, Украина)
Л. Б. Вишняцкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Е. Ю. Гиря — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Б. Говедарица — профессор (Германский Археологический Институт, Отдел Евразии, Германия)
В. А. Дергачев — доктор habilitation истории (Институт культурного наследия АН РМ, Кишинев, Молдова)
А. О. Добролюбский — доктор исторических наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина)
В. Ю. Зуев — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия)
В. Каврук — доктор истории (Национальный музей Восточных Карпат, Сфынту-Георге, Румыния)
М. Казанский — доктор исторических наук (Национальный центр научных исследований, Центр по изучению истории и цивилизации Византии, Париж, Франция)
В. П. Кирилко — кандидат исторических наук (Институт Археологии НАНУ, Симферополь, Украина)
А. А. Ковалев — чл.-корреспондент Германского Археологического Института, руководитель Центрально-Азиатской международной археологической экспедиции (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)
С. И. Коваленко — доктор истории (Институт культурного наследия АН РМ, Кишинев, Молдова)
И. В. Манзура — доктор истории (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
К. К. Марченко — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
В. Л. Мыц — кандидат исторических наук (Институт Археологии НАНУ, Симферополь, Украина)
Л. Николова — доктор (Международный Институт Антропологии, Солт-Лейк-Сити, США)
Е. Николае — доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)
К. Рандсборг — профессор археологии (Копенгагенский университет, Дания)
Н. Д. Руссев — доктор habilitation истории (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Н. П. Тельнов — доктор истории (Институт культурного наследия АН РМ, Кишинев, Молдова)
О. В. Шаров — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
П. В. Шувалов — кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
О. А. Щеглова — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Адрес: MD 2024, Республика Молдова, Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а,
Университет «Высшая антропологическая школа», журнал «Stratum plus»
Тел./факс: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Stratum plus — международный журнал по археологии и культурной антропологии. Издается университетом «Высшая антропологическая школа», г. Кишинев, Республика Молдова. Журнал выходит шесть раз в год на русском языке в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается либо отдельной эпохе, либо отдельной достаточно актуальной научной проблеме. Все материалы рецензируются.

*Издан при поддержке
Олега Алексеевича Тюренкова
и Алексея Александровича Рыбалко*

Редактор номера — Олег В. Шаров

Редколлегия номера:

**Борис В. Магомедов
Михаил М. Казанский
Роман А. Рабинович
Светлана С. Рябцева
Александр А. Труфанов**

Все права защищены.

© Университет «Высшая антропологическая школа»

© Издательство «Stratum plus»

© Обложка: Д. А. Топал

Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина

Перевод на государственный язык Республики Молдова: А. П. Патракова

Технический координатор: Ж. Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжик, Ж. Б. Кроитор

Корректор: Г. В. Засыпкина

ОГЛАВЛЕНИЕ

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

М. М. Казанский (<i>Париж, Франция</i>). Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов	17
Введение	18
1. Возможные пути скандинавско-средиземноморской меховой торговли	19
2. Охота на пушного зверя в Северной Фенноскандии	29
3. Скандинавия и Балтика в эпоху переселения народов	33
4. Финляндия на Восточном пути	49
5. Эстония, северная Латвия и коммуникации эпохи переселения народов	58
6. Острова восточной части Финского залива, Ладога и первые археологические свидетельства контактов со Скандинавией	77
7. Карелия и русский Север	84
8. Культура псковских длинных курганов	86
9. Западная Двина и Восточный Путь в эпоху переселения народов	103
10. Источники поступления меха и виды промыслового пушного зверя	107
Заключение	112
Литература	113

РИМ И ВАРВАРЫ

Г. М. Казакевич (<i>Киев, Украина</i>). Балканский поход бастарнов 29 г. до н. э. и одно погребение пшеворской культуры Верхнего Поднестровья . .	131
С. И. Курчатова, Н. П. Тельнов (<i>Кишинев, Молдова</i>). Сарматский котел из Нижнего Поднестровья	137
А. А. Труфанов (<i>Симферополь, Украина</i>). Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя	145
А. Е. Пуздровский, А. А. Труфанов (<i>Симферополь, Украина</i>). Бронзовая матрица с изображением Зевса из Юго-Западного Крыма	197

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА И ГОТЫ

О. В. Гопкало (<i>Киев, Украина</i>). К периодизации могильника Слобозия-Кишкэрень в Бессарабии	211
Т. А. Рудич (<i>Киев, Украина</i>). Население черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья по материалам антропологии	223

А. К. Нефёдкин (Санкт-Петербург, Россия). **Вооружение готов: свидетельства письменных источников в сопоставлении с данными археологии** . . . 233

О. В. Шаров (Санкт-Петербург, Россия). **Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре)** 251

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В. И. Кулаков (Москва, Россия). **Прусские находки в Британском музее.** . . 289

ДИСКУССИИ

С. Е. Рысев (Санкт-Петербург, Россия). **Тайная вечеря в свете книги Даниила** 303

С. Б. Сорочан (Харьков, Украина). **Судьба и книги. Памяти Виталия Михайловича Зубаря (5.II.1950—20.III.2009)** 311

Список сокращений. 321

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet 323

Требования к материалам, предоставляемым в редакцию журнала «Stratum plus» 335

Requirements to contributions to *Stratum plus*. 339

CONTENTS

MONOGRAPH INSIDE THE JOURNAL

- M. M. Kazanski** (*Paris, France*). **Scandinavian Fur Trade and the “Eastern Route” during Great Migration** 17

ROMANS AND BARBARIANS

- G. M. Kazakevich** (*Kiev, Ukraine*). **Balkan Raid of the Bastarnae in 29 BC and a Przeworsk Culture Burial in the Upper Dniester Area** 131

- S. I. Kurchatov, N. P. Telnov** (*Kishinev, Moldova*). **A Sarmatian Cauldron from the Lower Dniester** 137

- A. Trufanov** (*Simferopol, Ukraine*). **Burials of 3rd Century A. D. from South-Western Margin of Ust-Alma Necropolis** 145

- A. E. Puzdrovsky, A. A. Trufanov** (*Simferopol, Ukraine*). **A Bronze Matrix with Image of Zeus from South-West Crimea** 197

CHERNYAKHOV CULTURE AND GOTHs

- O. V. Gopkalo** (*Kiev, Ukraine*). **Towards Periodization of Slobozia-Chișcăreni Necropolis from Bessarabia** 211

- T. A. Rudich** (*Kiev, Ukraine*). **Chernyakhov Culture Population on the Territories between the Danube and Dniester Rivers According to the Anthropological Data** 223

- A. K. Nefedkin** (*St. Petersburg, Russia*). **Armament of the Goths: Written Records versus Archaeological Evidence** 233

- O. V. Sharov** (*St. Petersburg, Russia*). **Appearance of the Germans in Cimmerian Bosphorus in the Light of Written and Archaeological Records (The Problem of Identification of “German Antiquities” in Bosphorus)** 251

HISTORY OF RESEARCH

V. I. Kulakov (*Moscow, Russia*). **Prussian Finds in the British Museum** 289

DISCUSSIONS

S. E. Rysev (*St. Petersburg, Russia*). **The Mystical Supper in the Light of the Book of Daniel**. 303

* * *

S. B. Sorocian (*Harkov, Ukraine*). **Destiny and Books. Ad memoriam Vitaly Zubar** (5.2.1950—20.3.2009). 311

List of Abbreviations 323

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet 325

Requirements to contributions to *Stratum plus*. 337

C U P R I N S

MONOGRAFIE ÎN REVISTA

- M.M. Kazanski** (*Paris, Franța*). Comerțul scandinav cu blănuri și „Drumul de Est” în epoca migrației popoarelor 17

ROMA ȘI BARBARII

- G.M. Kazakevich** (*Kiev, Ucraina*). Campania Balcanică a bastarnilor din 29 î. e. n. și un mormînt din cadrul culturii Przeworsk de pe Nistrul Superior . . . 131
- S.I. Kurchatov, N.P. Telnov** (*Chișinău, Moldova*). Un cazan sarmatic din zona cursului inferior al Nistrului. 137
- A. A. Trufanov** (*Simferopol, Ucraina*). Mormintele din sec. III de la marginea de sud-vest a necropolei Ust-Alma 145
- A.E. Puzdrovsky, A. A. Trufanov** (*Simferopol, Ucraina*). Matricea de bronz cu imaginea lui Zeus din Crimeea de Sud-Vest 197

CULTURA SÎNTANA DE MUREȘ — CERNEAHOV ȘI GOȚII

- O.V. Gopkalo** (*Kiev, Ucraina*). Cu privire la periodizarea necropolei Slobozia-Chișcăreni din Basarabia 211
- T.A. Rudich** (*Kiev, Ucraina*). Populația din cadrul culturii Cerneahov de pe teritoriul dintre Dunăre și Nistru pe baza materialelor antropologice . . . 223
- A.K. Nefedkin** (*S. Petersburg, Rusia*). Armamentul goților: dovezile din surse scrise în comparație cu datele arheologice 233
- O.V. Sharov** (*S. Petersburg, Rusia*). Datele surselor scrise și arheologice privind apariția germanilor în regiunea Bosforului (problema depistării „antichităților germanice” din Bosfor) 251

ISTORIA INVESTIGAȚIILOR

V. I. Kulakov (*Moscova, Rusia*). **Descoperirile din Prusia în Muzeul Britanic** . . 289

DISCUȚII

S. E. Rysev (*S. Petersburg, Rusia*). **Cina cea de Taină prin prisma
Cărtii lui Daniel** 303

* * *

S. B. Sorocian (*Harkiv, Ucraina*). **Destin și cărți. În memoria lui Vitalii Zubari
(5.II.1950—20.III.2009)** 311

Listă de Abrevieri. 323

Datele bibliografice transliterate din grafia cirilică în grafia latină. 325

Cerințe pentru materialele prezentate redacției Stratum plus 337

Монография в журнале

Monograph
Monografie

М. М. Казанский

Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов

M. M. Kazanski.

Scandinavian Fur Trade and the “Eastern Route” during Great Migration.

The opinion that some trans-Eastern European trade ways connecting Scandinavia and Byzantium along the Russian rivers existed in 5-6th centuries has a rather long history. Their “discovery” is attributed to Scandinavians, and Scandinavian merchants are supposed to have traded in furs from Northern Russia and even from Western Siberia. Some historians maintain that in 6th century Scandinavians used to sell furs to the Byzantines in the mouth of the Don River. This paper will attempt to verify whether the hypothesis of the Eastern European origin of the Scandinavians’ furs is substantial. Scandinavian influence (and, in a number of cases, also their immediate presence) in the Roman Time and in early Great Migration Age did not spread farther to the east than Estonia and Western Finland. At least, it is not substantiated by any archaeological or written evidence.

The fifth – early sixth centuries saw promotion of Eastern European and Scandinavian exports of furs to the south, the Mediterranean. In Eastern Europe, as Jordannes maintains, fur trade was controlled by nomads from the Pontic steppes, who played the role of middlemen, while in Central Europe this role was played by Germanic peoples from the Middle Danube area, who happened to live on the way between Scandinavia and the Mediterranean. Furs from Fennoscandia were exported to the south mainly through Central Europe.

The early 500-550s were marked by a growing Scandinavian influence on the western outskirts of the Eastern European forest zone – on the islands in the eastern part of the Gulf of Finland and in the northern part of the Ladoga River basin. Most likely, it suggests a search for the new sources of “raw” furs. It does not immediately imply presence of the Scandinavians here, for the Baltic Finns could also be bearers of Scandinavian artefacts; their prestigious culture in Western and Southern Finland and in Western Estonia, for instance, was rather Germanized. At the same time, Finland, Estonia, Sweden, Baltic Sea islands, Prussia and probably the mouth of the Neman River saw development of barbaric ‘little kingdoms’.

Scandinavians and Western Balts, judging by some artefacts found in Belarus, started groping their way to the south. They seem to have failed to find it in the direction Dvina-Dnieper, in the area of Tushemlinskaya culture, and so they moved into the mainland along the Neman-Berezina Rivers. This is not at all accidental: the middle area of the Danube River, which was part of the traditional routes from Scandinavia to the Mediterranean, saw a period of continuous wars between different barbaric kingdoms that emerged on the ruins of the Huns’ Empire after Attila’s death. This could sometimes jeopardize normal function of Central European communications, and so some by-pass routes had to be found. It seems that furs were the main reason for the Scandinavians, Baltic Finns, Danubian Germans, Slavs and Balts to come into the North-West Russia.

M. M. Kazanski.

Comerțul scandinav cu blănuri și „Drumul de Est” în epoca migrației popoarelor.

Acum destul de mult timp s-a format o opinie că în sec. V-VI existau căi comerciale prin Europa de Est care legau prin râuri rusești Scandinavia cu Bizanțul. „Descoperirea” lor este atribuită scandinavilor, presupunându-se că negustorii scandinavi comercializau blănuri din nordul Rusiei și chiar din Siberia de Vest. Unii istorici susțin că în sec. VI scandinavii vindeau blănuri bizantinilor în gura râului Don. În această lucrare vom încerca să verificăm valabilitatea ipotezei despre fluxul de blănuri din Europa de Est în Scandinavia. Influența scandinavă (în unele cazuri și prezența directă) în epoca romană și la începutul Marilor migrații nu s-a extins mai departe spre est de la Estonia și Finlanda de Vest. Cel puțin, potrivit surselor arheologice sau scrise, acest lucru nicidecum nu s-a depistat.

Pe parcursul sec. V – începutul sec. VI, se desfășoară activități de export cu blănuri din Europa de Est și Scandinavia în regiunea Mării Mediterane. În Europa de Est, potrivit lui Iordanes, comerțul cu blănuri era controlat de către nomazii stepelor pontice, aceștia acționând ca intermediari, iar în Europa Centrală – de către popoarele germanice de la Dunărea de Mijloc, care au ajuns la intersecția căilor dintre Scandinavia și Marea Mediterană. Prin Europa Centrală spre sud se transportă preponderent blănuri din Fennoscandia.

De la prima jumătate a sec. VI începe să se manifeste influența scandinavă asupra marginii de vest a zonei de pădure din Europa de Est - pe insulele din partea de est a Golfului Finlandei și în regiunea de nord a lacului Ladoga. Cel mai probabil, se caută unele surse noi de "materii prime" de blănuri. Totodată, nu este vorba neapărat de o prezență directă a scandinavilor; purtători ai obiectelor scandinave ar fi putut să fie și finlandezii baltici, cultura de prestigiu a cărora, de exemplu, în Finlanda de Vest și de Sud și în Estonia de Vest era destul de germanizată. Atunci, atât în Finlanda, cât și în Estonia, Suedia și pe insulele din Marea Baltică, în Prusia, și, eventual, la gura râului Neman, se desfășura procesul de formare a „regatelor mici” barbare.

Scandinavii și balticii occidentali, conform unor descoperiri din Belarus, au început să caute un drum spre sud. Probabil, nu au reușit aceasta în direcția Dvina - Nipru, în zona culturii Tușemlinscaia, astfel pătrunzând tot mai adânc în interiorul continentului pe râurile Neman și Berezina. Acest lucru la fel nu este întâmplător - pe Dunărea de Mijloc, unde sunt situate căile tradiționale de comunicare dintre Scandinavia și Marea Mediterană, după moartea lui Attila începe era războaielor nesfârșite între regate barbare, apărute pe ruinele Imperiului Hun. Acest lucru uneori ar putea împiedica în mod grav funcționarea normală a comunicațiilor din Europa Centrală, fiind nevoie să se descopere unele căi ocolite. Probabil, motivul pentru apariția în Rusia de Nord-Vest a scandinavilor, finlandezilor baltici, germanilor dunăreni, slavilor sau a balticilor, au fost blănuri.

М. М. Казанский.

Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов.

Уже довольно давно сформировалось мнение о существовании в V—VI вв. трансовосточноевропейских торговых путей, связывающих по русским рекам Скандинавию с Византией. Их «открытие» приписывается скандинавам, при этом предполагается, что скандинавские купцы торговали мехом из северной России и даже из Западной Сибири. Некоторые историки утверждают, что в VI в. скандинавы продавали мех византийцам в устье Дона. В данной работе будет предпринята попытка проверить обоснованность гипотезы о поступлении к скандинавам меха из Восточной Европы. Скандинавское влияние (а в ряде случаев и прямое присутствие) в римское время и в начале эпохи переселения народов не распространялось восточнее Эстонии и Западной Финляндии. По крайней мере, археологическими или письменными источниками оно никоим образом не выявляется.

В течение V — раннего VI вв. открывается восточноевропейский и скандинавский меховой экспорт на юг, в Средиземноморье. В Восточной Европе, судя по Иордану, меховую торговлю контролируют кочевники понтийских степей, выступающие посредниками, а в Центральной Европе — германские народы Среднего Дуная, оказавшиеся на путях между Скандинавией и Средиземноморьем. Через Центральную Европу на юг идет главным образом мех из Фенноскандии.

С начала — первой половины VI в. начинает ощущаться скандинавское влияние на западной кромке лесной зоны Восточной Европы — на островах восточной части Финского залива и в северном Приладожье. Скорее всего, идет поиск новых источников мехового «сырья». При этом вовсе не обязательно прямое присутствие скандинавов, носителями скандинавских вещей могли быть и прибалтийские финны, престижная культура которых, например, в Западной и Южной Финляндии и в Западной Эстонии была достаточно германизирована. В это время и в Финляндии, и в Эстонии, и в Швеции, и на островах Балтийского моря, в Пруссии и, возможно, в устье Немана идет процесс формирования варварских «малых королевств».

Скандинавы и западные балты, судя по некоторым находкам в Белоруссии, начинают нащупывать дорогу на юг. Видимо, им это не удалось сделать на магистрали Двина-Днепр, в зоне тушемлинской культуры, и они проникают вглубь материка по Неману-Березине. Это тоже не случайность — на среднем Дунае, где проходили традиционные пути сообщения Скандинавии со Средиземноморьем, после смерти Атилы начинается эпоха бесконечных войн между возникшими на обломках гуннской империи варварскими королевствами. Это подчас могло серьезно препятствовать нормальному функционированию центральноевропейских коммуникаций, приходилось искать обходные дороги. Видимо, причиной появления на Северо-Западе России скандинавов, прибалтийских финнов, дунайских германцев, славян или балтов, была пушнина.

Keywords: fur trade, Great Migration, Baltics, forest zone, Scandinavia.

Cuvinte cheie: comerț cu blană, epoca migrațiilor, zona Baltică, zona forestieră, Scandinavia.

Ключевые слова: меховая торговля, эпоха переселения народов, Балтика, лесная зона, Скандинавия.

Введение

Уже довольно давно сформировалось мнение о существовании в V—VI вв. трансовосточноевропейских торговых путей, связывающих по русским рекам Скандинавию с Византией (напр.: Arrhenius 1978; Haussig 1980; 1987). Их «открытие» приписывается скандинавам, при этом предполагается, что скандинавские, точнее, свейские (свионские) купцы торговали

мехом из северной России и даже из Западной Сибири (напр.: Шрамм 1997: 93; Мачинский, Кулешов 2004). О существовании таких речных путей уже в V в. якобы свидетельствуют находки из могильника Старой Упсалы (Arrhenius 1982). Однако опубликованные вещи из этих погребений на самом деле либо имеют более широкую датировку, либо дати-

руются временем после V в. (Duczko 1996: 78; Kazanski 1992: 77; Казанский 2007). Некоторые историки утверждают, что в VI в. скандинавы продавали мех византийцам в устье Дона (Haussig 1980). В данной работе будет предпринята попытка проверить обоснованность гипотезы о поступлении к скандинавам меха из Восточной Европы.

Вопрос о восточноевропейских торговых путях в эпоху переселения народов необходимо рассматривать на широком историческом и географическом фоне. Поэтому я счел необходимым дать здесь сжатую характеристику как общего состояния наших знаний о балтийских экономических связях в конце античности и в начале средневековья, так и археологической ситуации на «Восточном пути». Пришлось обратиться и к остеологическим данным, свидетельствующим о характере пушной охоты у населения Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Разумеется, часто я полностью зависел от состояния региональных исследований и в ряде случаев вынужден был принимать на веру утверждения моих коллег, поскольку углубленная проверка их заключений не всегда была возможна.

При определении датировки памятников я использовал как региональные хронологические схемы, так и общеевропейскую хронологию Барбарикума эпохи переселения народов, лучше всего изученную для Среднего Дуная, в первую очередь благодаря работам Я. Тейрала (особенно Tejral 1988; 1997; 2005).

Под эпохой переселения народов в Восточной Европе я понимаю здесь исторический период от момента появления гуннов в понто-кавказских степях в 360-е — 370-е годы, до вхождения юга восточноевропейского региона в сферу активности Первого Тюркского и раннего Аварского каганатов в 560-е — 580-е гг. В южной части Восточной Европы для эпохи переселения народов могут быть

выделены следующие общие для всех археологических культур горизонты:

— «гуннский», соответствующий в хронологии европейского Барбарикума периодам D1 (т. н. горизонт Виллафонтана: 360/370—400/410 гг.), D2 (горизонт Унтерзибенбрунн: 380/400—440/450 гг.), D2/3 (горизонт Смолин: 430/440—470/480 гг.);

— «пост-гуннский», или горизонт Шипово, охватывающий время от 430—470 гг. по 530—570 гг., начальная фаза которого соответствует периодам D2/3 (430/440—470/480 гг.), D3 (450—480 гг.) и D3/E1 (480—500/510) общей «варварской» хронологии.

За ним следует горизонт «геральдических» поясов, 550—670/700 гг., уже не относящийся к собственно эпохе переселения народов. В тех случаях, когда в тексте при определении времени вещей я указываю абсолютные даты, то опираюсь именно на данную схему, представляющую собой восточноевропейский вариант общеварварской европейской хронологии переселения народов.

Для вещей южнобалтийского происхождения я применил хронологию, предложенную А. Битнер-Врублевской (Bitner-Wróblewska 2001):

— фаза 1 (период C3): до 350 гг.

— фаза 2 (период D, ранняя часть): 350/370—375/410.

— фаза 3 (период D, поздняя часть): 375/400—430/450.

— фаза 4 (период D/E): 430/450—500/530.

— фаза 5 (период E): после 500/530.

При написании данной работы я использовал информацию, в том числе неопубликованную, которую мне предоставили петербургские археологи Елена Михайлова, Олег Шаров и Александр Сакса. Мне также в высшей степени были полезны их советы и конструктивная критика. Пользуюсь случаем поблагодарить моих коллег за помощь в работе.

1. Возможные пути скандинавско-средиземноморской меховой торговли

Важная роль меховой торговли в развитии трансбалтийских контактов предполагалась уже для римского времени (Hjälte 1917: 218—225; Moora 1938: 642; 643). С расцветом или упадком меховой торговли с Римом связывают даже демографические изменения на территории Финляндии (Seger 1984: 106). К таким утверждениям, однако, надо относиться с осторожностью. Ранее V—VI вв. меховая торговля в Европе вряд ли имела глобальное

значение, поскольку Римская империя — главный потенциальный потребитель — особого интереса к меху не проявляла. Действительно, ранее V века римляне, за исключением, пожалуй, крестьян, пастухов и легионных знаменосцев (Leguilloux 2004: 86), меховой одежды не носили (Howard-Johnston 1998; Kolendo 1999). Напомним, что в поздней Римской империи ношение того или иного вида одежды было связано с социальными функциями ее

владельца и достаточно жестко регламентировалось законом (см. подробнее: Arce 2005). Если судить по письменным источникам, римляне считали ношение меховой одежды признаком дикости и бедности (Leguilloux 2004: 86). Известно употребление ими меха бобра, которому приписывали целебные свойства — из них шили специальные тапочки для лечения подагры (Leguilloux 2004: 84). Стоил он не очень дорого, за одну выделанную шкурку бобра, по эдикту Диоклетиана от 301 г., просили 30 денариев, столько же, сколько за выделанную баранью шкуру (Leguilloux 2004: 10, 11). Знатные римляне, правда, любили одежду из меха экзотических животных (Leguilloux 2004: 87), но, судя по имеющимся данным, речь идет о звериных шкурах, привозимых из Африки и Восточной Азии по Красному морю (Leguilloux 2004: 80, 81).

С другой стороны остеологические данные, как мы увидим ниже, уже для римского времени надежно подтверждают наличие охоты на пушного зверя у некоторых народов Восточной Европы, например, в Верхнем Прикамье и в Волго-Окском бассейне, а значит, и наличие некоего рынка сбыта пушнины. Не исключено, что покупателями меха в римское время могли быть варвары, например, германцы, и, в первую очередь, готы. Действительно, изображение европейского варвара, германца, в меховой одежде очень широко представлено в римской иконографии (см., напр.: Rummel 2007: 199—206: Abb. 8—9). Еще в начале V в. н. э. в Римской империи одежда из шкур животных воспринималась как варварская и даже издавались декреты о запрещении ее ношения в Риме (416 г.), как, впрочем, и причесок с длинными волосами (Codex Theodosianus XIV, 10, 4: цит. по Chastagnol 1976: 94). Однако, это свидетельствует и о некотором успехе новой «варварской моды» (Arce 2005: 43). Скорее всего, эти запрещения касались, прежде всего, солдат, у которых в это время засвидетельствована одежда из меха (Rummel 2007: 160, 164).

С V—VI вв. меха входят в моду, по крайней мере, в Восточной Римской империи (Howard-Johnston 1998: 71; Kolendo 1999).¹ Наиболее раннее упоминание меха в Византии содержится, насколько мне известно, в тексте

¹ Интересно, что примерно в то же время, около 500 г., усиливается интенсивность контактов согдийских купцов с лесными орхотниками Приуралья и Западной Сибири (Маршак 2006: 73). Б. И. Маршак объясняет это удешевлением серебра. Мне кажется, интенсивности контактов мог способствовать и рост спроса на мех.

Приска о подарках Аттилы византийскому посольству (Приск, фр. 14). Видимо, не случайно, что примерно в то же время у средиземноморских авторов просыпается интерес к Скандинавии, и ее первые подробные описания появляются в позднеантичной литературе — германский Север начинает интегрироваться в общеевропейскую систему торговых связей, хотя в континентально-скандинавских контактах нельзя преуменьшать и роль военно-политического фактора (Näsman 1998: 258, 259, 261, 262).

В описании Скандинавии, включенном в «Гетику» Иордана, упоминается скандинавское племя суэханс (*Suehans*), которое через посредство многих народов торгует ценным мехом с Империей (Иордан, *Getica* 21). В племени суэханс обоснованно видят потомков свионов Тацита (I в. н. э.) и предков средневековых свеев (см. Svennung 1974: 81—132). Эта информация и послужила отправной точкой создания гипотезы о скандинавско-византийской торговле по северным русским рекам. Логика здесь нехитрая: если в эпоху викингов варяги осуществляли контакты с Византией по русским рекам, почему бы не предположить, что так же поступали и их предки? Однако происхождение пушного товара у племени суэханс, равно как и маршруты меховой торговли в тексте Иордана никоим образом не уточнены, Восточная Европа в контексте данного рассказа вообще не упоминается. Меховая торговля в Восточной Европе в первой половине VI в. документально засвидетельствована тем же Иорданом в этногеографическом описании Скифии, но там в качестве продавцов меха в данном случае выступают не скандинавское племя суэханс, а причерноморские гунны-хунугуры, а на их какую бы то ни было связь со Скандинавией в источнике указаний не имеется (Иордан, *Getica* 37). Можно уверенно предполагать, что степняки-хунугуры торговали мехом восточноевропейского происхождения (см. ниже). Больше никаких письменных известий о меховой торговле в Восточной Европе в V—VI вв. нет. Если деятельность скандинавов по приобретению или продаже меха в регионах к востоку от Балтийского моря и могла иметь место в эпоху переселения народов, то ее реальность надо доказывать с помощью других видов источников.

Что же касается скандинавско-средиземноморской меховой торговли, о существовании которой прямо говорит Иордан, то наиболее логичным представляется, что ее трасы проходили через Центральную Европу,

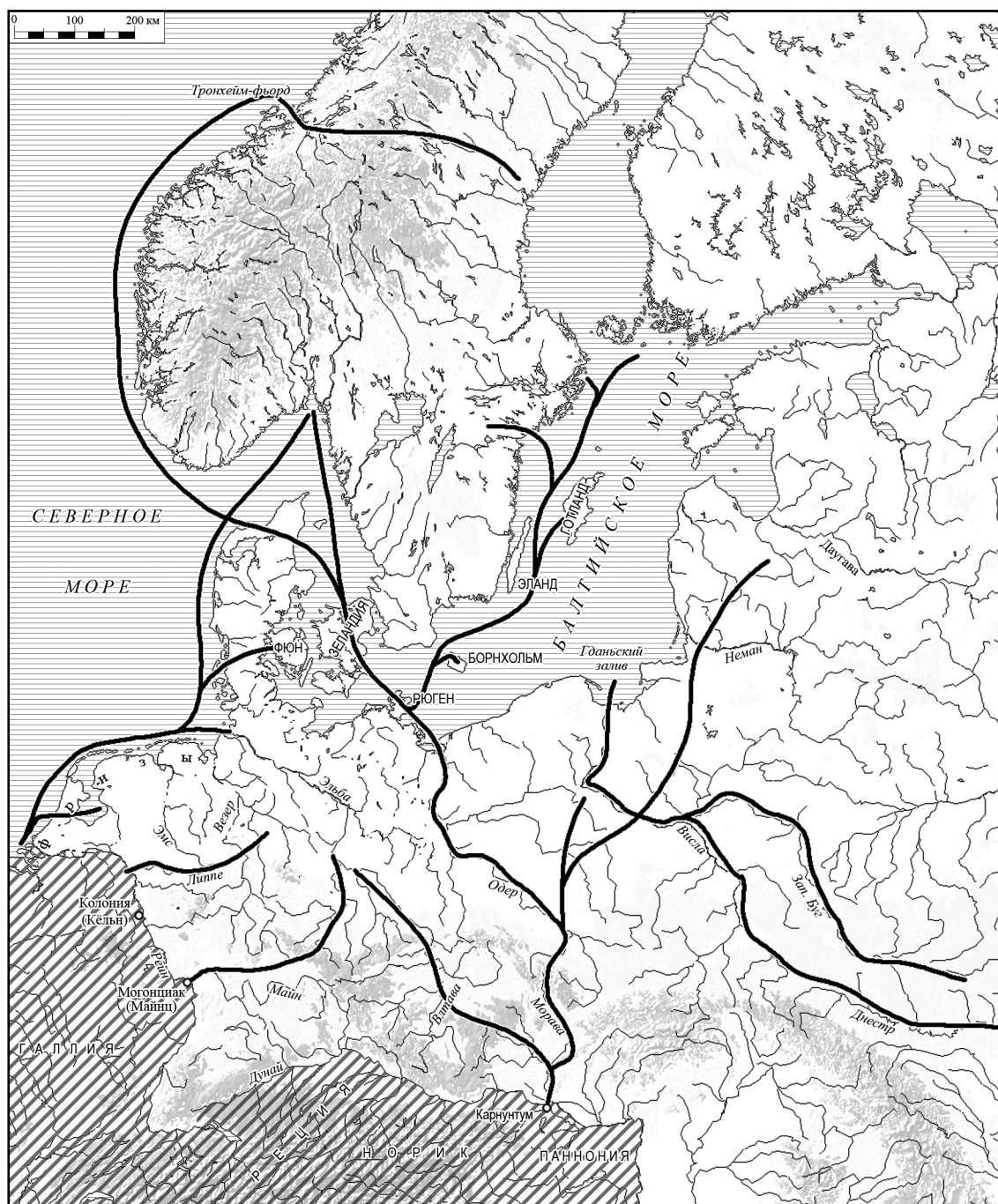

Рис. 1. Трансьевропейские пути в римское время и эпоху переселения народов (по Wheeler 1960).

то есть по двум основным путям контактов Балтика-Средиземноморье, существовавшим уже в римское время (Wheeler 1960: 13—16) и хорошо засвидетельствованным для эпохи переселения народов как нарративными, так и археологическими источниками.

— Средний Дунай — Моравские ворота — верховья Одера — бассейн Верхней Варты — Нижняя Висла — острова Балтийского моря (рис. 1) (Wheeler 1960: 14—16; Arrhenius 1967: 17; Lewis 1978: 133).

Это знаменитый янтарный путь римского времени, проложенный еще в эпоху Нерона (см., напр., Щукин 1994: 224—227;

рис. 76; Jantarová stezka 1997). Для эпохи переселения народов известны контакты эстиев со Средиземноморьем. Сохранилось даже послание Теодориха Великого, написанное в ответ на посольство эстиев в остроготскую Италию (Вольфрам 2003: 455). Эстии известны Иордану как приморский народ, где то к востоку от Вислы (Иордан, *Getica* 36). Поскольку в послании Теодориха идет речь о янтаре, легко догадаться, что в нем под эстиями подразумеваются жители Самбии, самого богатого янтарем участка балтийского побережья. Вне всякого сомнения, дипломатические контакты эстиев с равеннским двором

осуществлялись по трассе Янтарного пути, описанной выше. Само же вислинское устье в первой половине VI в. занимает народ видиварии «собравшиеся из различных племен» (Иордан, *Getica* 36), до этого, в начале эпохи переселения народов, здесь фиксируются памятники вельбаркской культуры, принадлежавшие германскому населению (Cieśliński 2008: 113—126: Abb. 1).

Находки золотых солидов конца IV — начала VI вв. (рис. 2) подчеркивают важное значение устья Вислы в международных контактах (Godłowski 1980: Karten 4—6; Maczyńska 2007: Karten 1, 2). Скандинавское присутствие в дельте Вислы в V—VI вв. хорошо фиксируется археологическими находками на южном берегу Вислинского/Калининградского залива, к востоку от устья реки. Я имею в виду клад золотых гривен типа Андерсон R 300 (о них см. ниже) в Хаммерсдорфе/Млотечно («клад С»: Кулаков 1998: 99: рис. 5; Кулаков 2003: 99: рис. 32; Cieśliński 2008: Abb. 11, 12) или погребения воинских предводителей в Варникаме/Первомайском со скандинавскими «парадными» мечами (рис. 3) (Кулаков 1997: 1998 и 2003: 93—115; Kazanski, Mastykova 2005: 122, 123). Также в Хаммерсдорфе/Млотечно был обнаружен клад или votivное приношение («клад В») в виде обломков римского серебряного сосуда (рис. 4) (Кулаков 1998: рис. 3, 4; Кулаков 2003: 99; Cieśliński 2008: Abb. 9, 10). Такие находки хорошо известны в балтийском регионе, в первую очередь в Дании и Южной Швеции, и связаны с германскими культами (Fabech 1989—1990: 113—116). Назовем находки в Харденберг (Geisslinger 1967: № I,61; Belkowska 1984: pl. 5: 6—8, 11, 17), в Гудме (Kromann et al. 1991: fig. 4) или в Хостенторп (Geisslinger 1967: № I, 59; Voss 1954: fig. 21, 22, 26, 27), всего же на 1990 г. Ш. Фабеш учла для Южной Скандинавии 9 находок (Fabech 1989—1990: fig. 11) (рис. 5). Эти находки располагаются в ареале балтских древностей у устья Вислы.² Не исключено, что здесь существовало небольшое варварское «королевство» с заметным скандинавским компонентом (Кулаков 2003: 93—115). Впрочем, роль скандинавов в формировании элитной

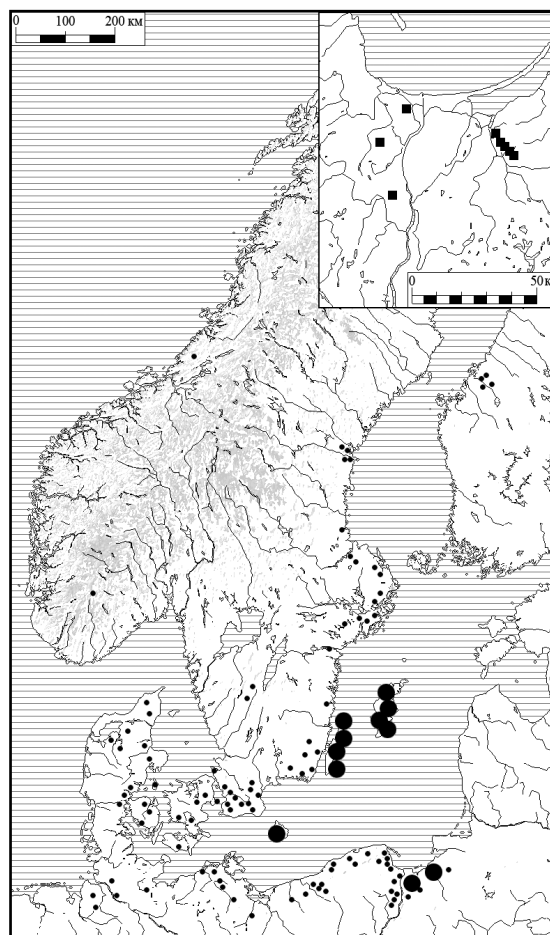

Рис. 2. Находки золотых монет 395—518 гг. в Балтийском бассейне (по: Bitner-Wróblewska 1991).

На врезке: карта находок золотых монет V — раннего VI вв. в устье Вислы.

культуры населения дельты Вислы не стоит преувеличивать. Самой яркой находкой здесь является всё же погребение («клад А») в Хаммерсдорфе/Млотечно с роскошной фибулой горизонта Унтерзибенбрунн (380/400—440/450 гг.), типичной не для скандинавской, а для дунайской аристократии (Кулаков 2003: 99: рис. 30; Cieśliński 2008: Abb. 7: 8).

Видимо, по этому пути в эпоху переселения народов шел экспорт янтаря и распространялись некоторые типы пряжек (Maczyńska 2007: Karte 8) и янтарных бус (Мастыкова 2004). Возможно, какое-то ответвление этого пути проходило через Верхнюю Вислу и Западный Буг, как показывает известный «клад» из Басонии, содержащий около 300 кг балтийского янтаря и примерно 30 кг янтарных бус (Schätze der Ostgoten 1995: №№ 4900—4977). Несомненно, по Висленскому пути попали в бассейн Нижней Вислы известные серогончарные кувшины периода D2 из некрополя Варникам

² Памятники ранней фазы эпохи переселения народов (фаза D) польские исследователи относят здесь к выделяемой ими культуре Доллькайм-Коврово (Andrzejowski, Cieśliński 2007: рис. 28; Cieśliński 2008: Abb. 1). Балтские памятники поздней фазы переселения народов (фаза E) выделяются ими в Эльблонгскую группу (Bitner-Wróblewska 2008: Fig. 1).

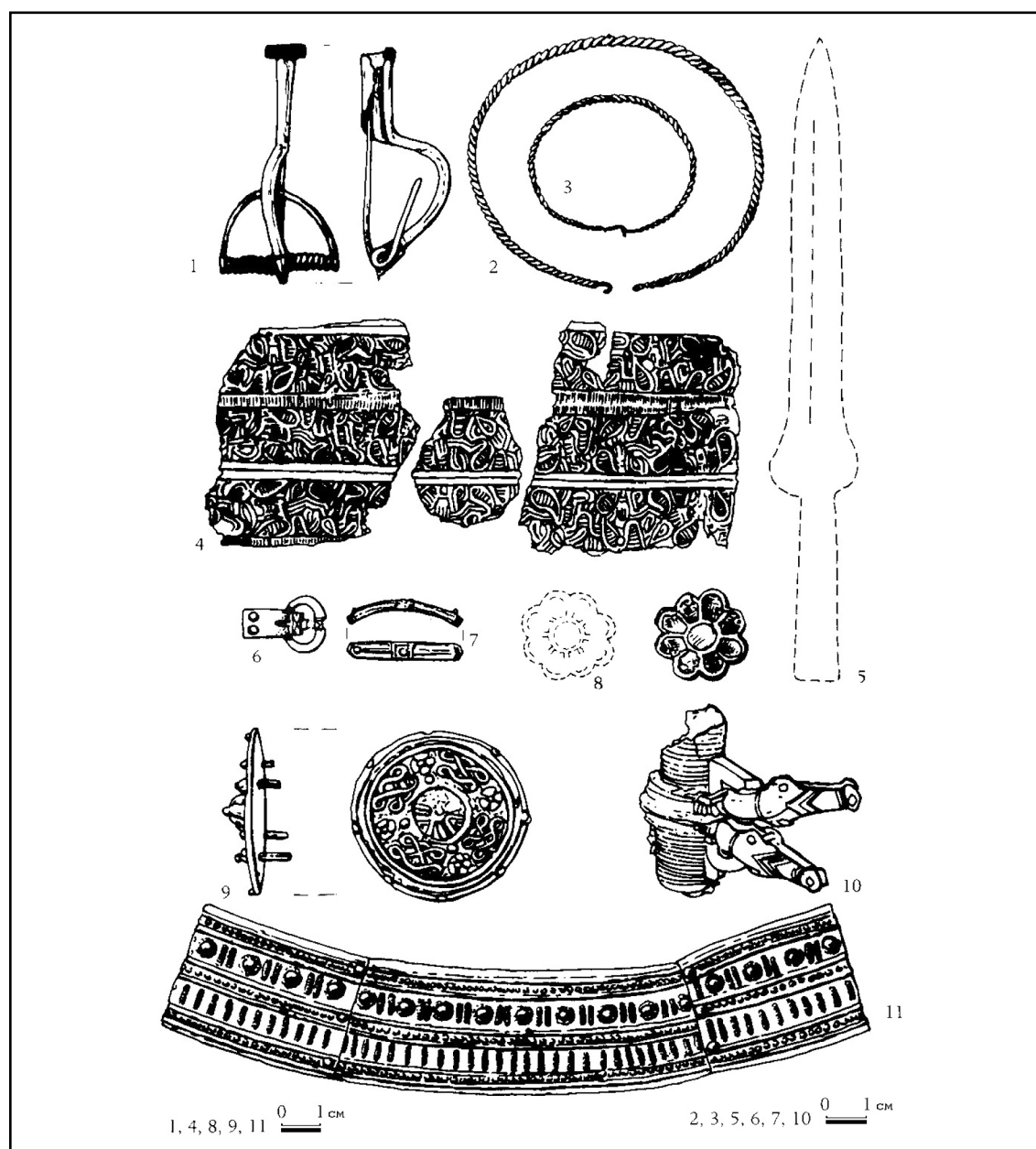

Рис. 3. Погребение 1 некрополя Варникам/Первомайское (Кулаков 1997).

(см., напр.: Кулаков 1997: рис. 8: Wa-30.3; 8.Wa-31.5; 12.Wa-61.3), происходящие из дунайского региона (Nowakowski 1996: 76).³ По этому пути с севера на юг распространяются в начале эпохи переселения народов фибулы с рифлёной спинкой, некоторые типы фибул группы Альмгрен VI 2: язычковые ремешковые наконечники с гравированным декором (Maczyńska 2007: Karten 5—7). Чуть позднее по этой дороге идут на север характерные аксессуары (пряжки и фибулы) германского женского костюма периода D3, то есть

³ Предположение В. Новаковского (2007: 150), что в этих кувшинах перевозили вино, мне кажется слишком экстравагантным. Речь идет все же, скорее, о столовой посуде, а не о транспортной таре.

третьей четверти V в. (см., напр.: Werner 1959: Abb. 3; Näsman 1984: Abb. 2; Maczyńska 1999: fig. 14: 1). Североевропейская фибула с прямоугольной головкой, найденная на славянском поселении в Радзейове (Radziejów: Parczewski 1993: 73: Abb. 20: 10), также, видимо, попала сюда по той же дороге. Наконец, предполагается, что по этому же пути попала к гепидам в Восточную Венгрию и равноплечная рельефная фибула из восточной Скандинавии, обнаруженная в погребении 84 могильника Сентеш-Надьхедь (Bona 1976: pl. 29, 30; Magnus 2007: 190).

Скорее всего, по этому же пути в Мазурию проникают в позднем V — середине VI вв. носители дунайских элементов, представленные в женском уборе памятников ольштын-

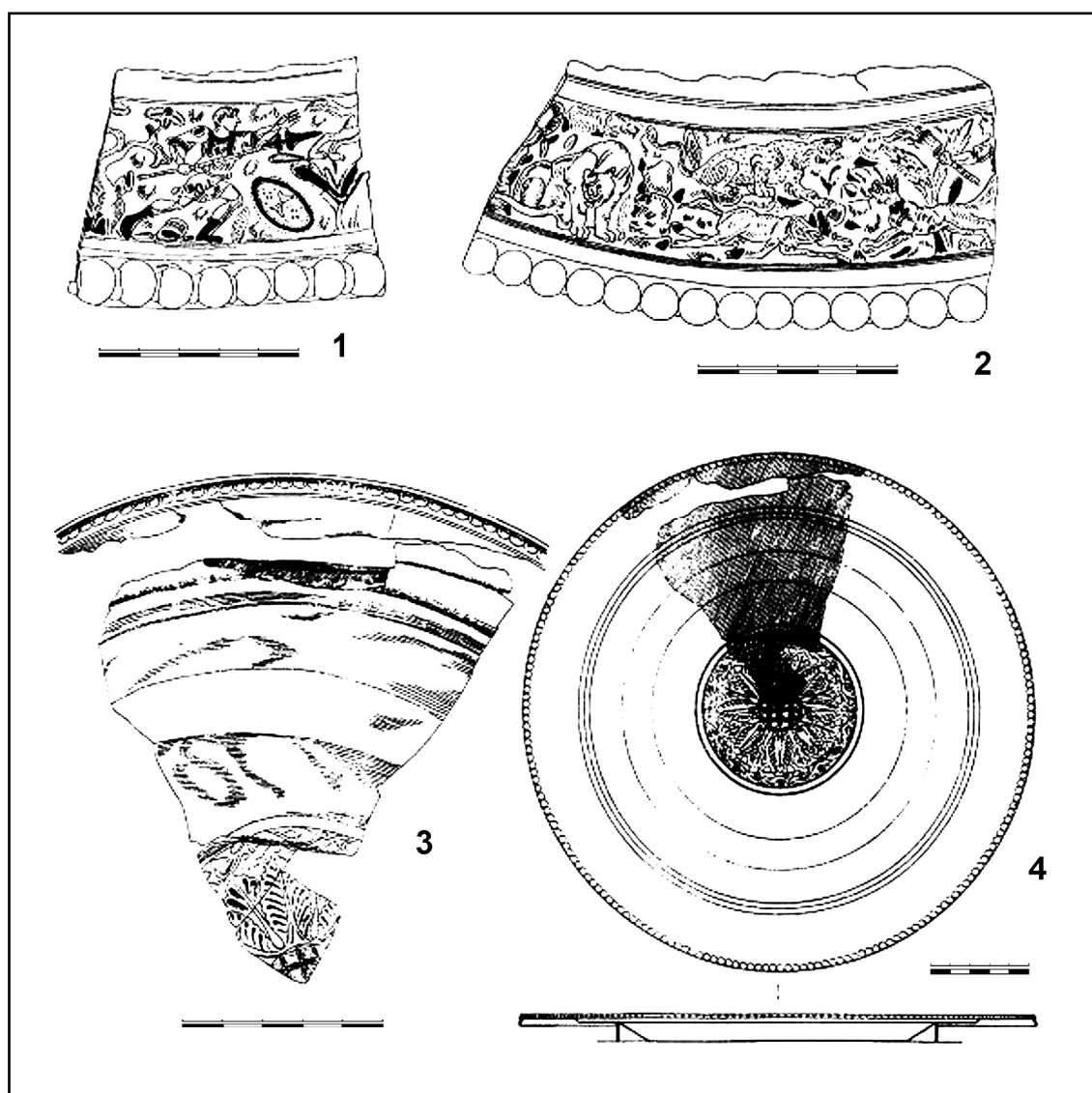

Рис. 4. Находка в Хаммерсдорфе/Млотечно (Кулаков 1998).

ской группы (Кулаков 1989: 174; Nowakowski 2000). К таким элементам принадлежат, в частности, пальчатые фибулы дунайской традиции (напр.: Kühn 1974: Taf. 261: 64, 7, 266: 68, 31; Kühn 1981: Taf. 16: 99; Кулаков 1989: рис. 10: 1—3; 25: 1; Engel et al. 2006: Pl. 11: 14, 22) и гепидская орлиноголовая пряжка, наиболее близкие аналогии которой найдены на могильниках в районе Тиссы (Кулаков 1989: рис. 20: 3; ср. Vona 1976: fig. 1). У населения Самбийского полуострова («культура Доллькайм/Коврово», по терминологии польских исследователей) дунайские вещи и их дериваты фиксируются реже (напр.: Aberg 1919: Abb. 92; Kühn 1974: Taf. 261: 64, 6; возможно, Taf. 263: 65, 15). Еще реже они попадают на куршское побережье (напр.: Engel 1937: Abb. 8; Werner 1977: Abb. 4: 4; Kühn 1981: Taf. 16: 97) или в центральную Литву (рис. 6) (напр.: Bliujienė 2006: fig. 5, 8; Madyda-Legutko 2006: Abb. 2).

— Средний Дунай — Моравские Ворота — Одер — Померания — Мекленбург — Дания (рис. 1) (Wheeler 1960: 14—16; Lewis 1978: 133; Arrhenius 1987: 441; Vierck 1970: 380—382, 389).

Этот путь также восходит к римскому времени, как об этом свидетельствует распространение в Барбарикуме римской бронзовой посуды (см., напр.: Wheeler 1960: 88—101) и некоторых видов римского вооружения (Кулаков 2005: fig. 6). Путь предполагаемой первоначальной миграции готов из Скандинавии на материк в точности соответствует морскому отрезку этого пути (Шукин 2005: рис. 12). Скандинавское присутствие в Поморье, в частности, близ устья Одера, в эпоху переселения народов (последняя треть IV — середина VI в.) хорошо документировано археологическими находками (Machajewski 1992). Скандинавские вещи найдены и южнее, в бассейне Одера, на-

пример, в составе известного клада в Вапно (Kara 1994).

Некоторые исследователи полагают, что по этому пути в Балтийский регион и попадали римские солиды (Näsman 1977: 342, 343), хотя возможно и их поступление через устье Вислы (Arthenius 1967: 17). Столь же трудно сказать, по какому из двух путей на средний Дунай попадают мечи в ножнах с элементами североευропейского происхождения V в. (Bemmann 2006: Abb. 5), рельефные фибулы с прямоугольной головкой скандинавской традиции VI в., обнаруженные в Восточной Венгрии (Солнок-Санда), Северной Сербии (Касиодол) и Северной Болгарии (Хасково) (Bóna 1976: pl. 26; Ivanišević et al. 2006: 15) или характерные для Северной Германии и Померании фибулы с квадратной головкой, родственные типу Монсхейм, недавно найденные на могильнике Врхославице, под Оломоуцем, в Моравских воротах (Tejral 2008: Abb. 3: 12) а также в Словакии, на городище Бойна II (Pieta 2006: obr. 3: 3; Tejral 2008: Abb. 3: 14). Зато найденные в Дании дорогие средиземноморские украшения стиля перегородчатой инкрустации (Arthenius 1990) или браслеты средиземноморской традиции на винтовом замке (Bemmann 2006: Abb. 7), скорее всего, попали сюда через Средний Дунай и Одер.

Из Дании этот торговый путь вел на север вдоль юго-западного побережья Швеции, где и локализуется большая часть скандинавских племен у Иордана (Иордан, *Getica* 19—24), а также гауты (*Gautoi*) Прокопия (Прокопий, *BG* II.15.26), соответствующие гаутиготам (*Gautigoth*) из списка Иордана (рис. 7) (о локализации этих народов см. Svennung 1967: и специально о гаутах, с развернутой филологической аргументацией: Svennung 1967: 65—78, fig. 4, 5). Здесь, в Вестерготланде, в эпоху переселения народов, судя по кон-

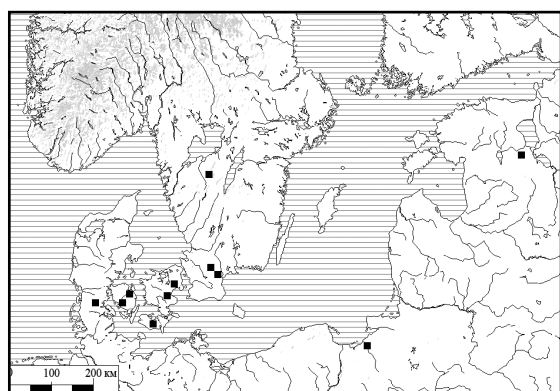

Рис. 5. Карта находок кладов с фрагментами металлической посуды (по Fabech 1989—1990: с дополнениями).

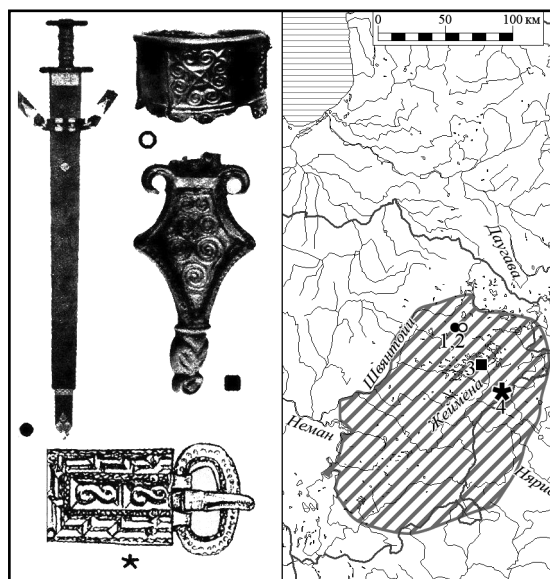

Рис. 6. Концентрация вещей дунайского происхождения в Центральной Литве (по Bliujienė 2006).

1, 2 — Таурапилас, курган 5; 3 — Судота 1, курган 30; 4 — Зиболишке 3.

центрации находок золота (рис. 8), находился важный центр власти (Fabech 2001: fig. 1), предположительно связанный с королевством гаутов.

Возможно, существовало ответвление второго пути вдоль бассейна Эльбы. Действительно, вдоль Эльбы и далее с выходом на Средний Дунай распространяются в V в. фибулы типов Ницефлорштадт, Гросс-Умштадт, Ратевиц, Пфобен-Мариа Понзее (Bemmann 2008: Abb. 2: 36). Скорее всего, в V в., по этому пути, через Тюрингию и Богемию, прошла миграция лангобардов с Нижней Эльбы в Моравию. В Тюрингии также имеются скандинавские вещи (см., напр.: Bemmann 2003), попадают сюда и англосаксонские предметы (Vierck 1970: 355—363), а также вещи из Мекленбурга, такие, например, как характерные северные фибулы с полукруглой головкой и ромбической ножкой (рис. 9) (Böhme 1986: Abb. 73). Отмечены северные фибулы и в Богемии (Reichstein 1975: № 761: Taf. 117: 4). На связи Скандинавии с центральной Германией указывает также находка фибулы типа Висбаден, первой половины V в., на Эланде, в Ленстад (Germanen 1987: 463, XI: 8; по М. Шульце-Доррламму это «тип Порбек»: Schulze-Dörflamm 1986: 621—623), а также распространение некоторых типов брактеатов (Axboe 1994: fig. 10).

Скорее всего, путем Средний Дунай — Дания и воспользовались герулы, ушедшие с Дуная под натиском лангобардов (около 494—512 гг., историки предлагают разные даты) и частично попавшие к гаутам на остров

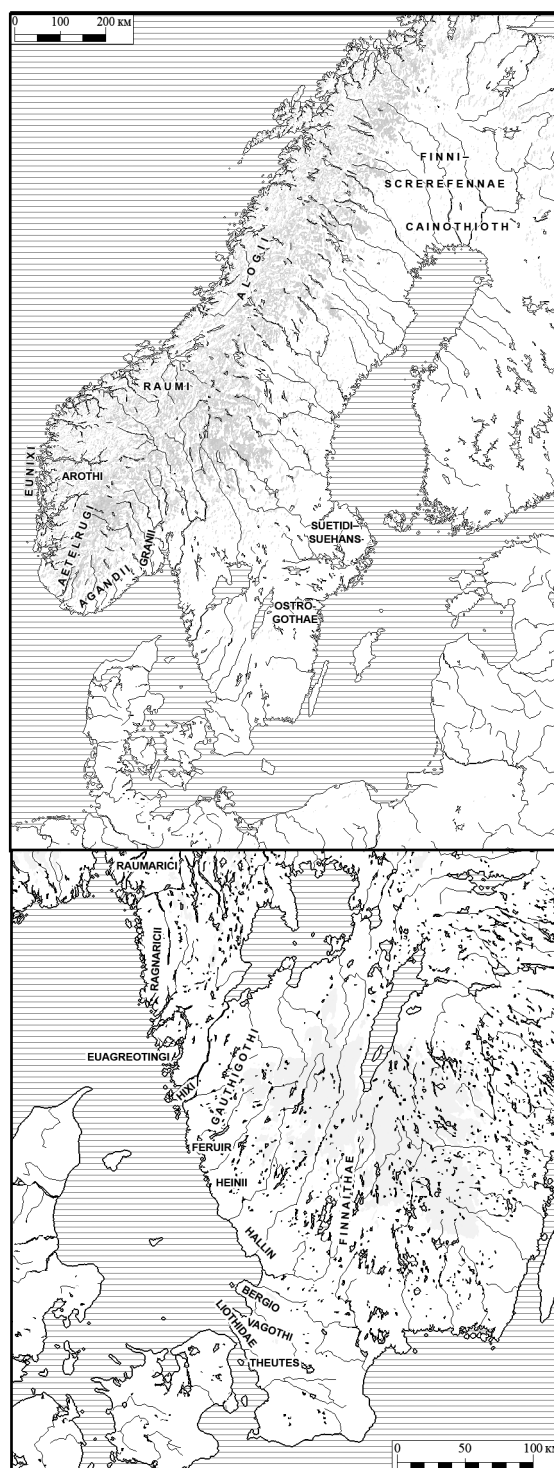

Рис. 7. Расселение скандинавских народов Иордана (по Svennung 1967).

Рис. 8. Распространение находок золотых вещей эпохи переселения народов в Швеции (по Stenberger 1977).

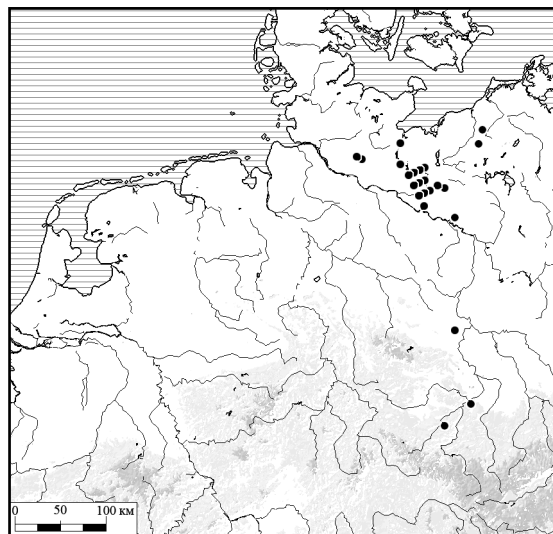

Рис. 9. Распространение северных фибул с полукруглой головкой и ромбической ножкой (по Böhme 1986).

Фуле, то есть в Скандинавию (Прокопий, BG II.15.1—3). Эта информация Прокопия, скорее всего, восходит к каким-то эпическим сказаниям герулов, ведь письменной исторической традиции у них явно не было. Выйдя из Карпатской котловины, судя по всему, с территории южной Моравии (именно там они могли столкнуться с лангобардами: Прокопий, BG II.14.12—22; см. Вольфрам

2003: карта 5) через Моравские ворота, герулы прошли через территорию «всех» славянских племен (здесь «все», возможно, следует отнести к обычным для эпоса гиперболам), то есть, попали сначала к склавинам на территории современной южной или средней Польши (см. карту ранних памятников пражской культуры в Польше: Parczewski 1993: Abb. 24, 26). Затем герулы прошли незаселенные терри-

тории к западу и северо-западу от зоны славянской экспансии, после чего попали к варнам на территории современного Гольштейна и оттуда к данам, в Скандинавию, а затем переместились к гаутам в юго-западной Швеции (да и трудно себе представить, куда еще на север, кроме Южной Швеции или, в крайнем случае, Южной Норвегии, можно попасть от данов).

Почему-то считается, что герулы могли оказаться в Восточной Пруссии и в устье Вислы (см. подробнее об этой версии: Žulkus 2000: 99, 100). В качестве доказательства приводят находки уже упоминавшихся дунайских фибул в Мазовии и Пруссии (Kühn 1981: 20, 21). Как полагает П.В. Шувалов, герулы из устья Вислы занесло даже на Готланд (Шувалов 2004: 89). Основанием для подобного рода реконструкций послужил все тот же рассказ Прокопия о миграции герулов (Прокопий, BG II.15.1—3). Но для V—VI вв. ни одно из названных Прокопием племен — склавины, варны, даны, гауты — в Пруссии или где-то рядом, а тем более на Готланде, никакими источниками не зафиксированы, поэтому присутствие в этих регионах герулов надо отнести к разряду живучих «научных» мифов.

Наверняка по указанному пути, через Моравские ворота на Данию, путешествовали и послы среднедунайских герулов из Сингидуна, направленные в Фуле к скандинавским герулам за новым королем. Отмечено, что они проезжали через земли данов (Прокопий, BG II.15.28—30). Видимо, по этому же пути приехал ко двору Теодориха в Равенну скандинавский король Родульф (Иордан, *Getica* 24).⁴ Скорее всего, по нему же уехал в изгнание к североморским варнам лангобардский принц Ризнульф (Прокопий, BG III. 35.15) и наконец, видимо по этому пути прибыли на службу к итальянским остроготам варны под руководством Ваккара (Агафий, *Historia* I.21).

Исследователей уже давно занимает вопрос распространения в Балтийском регионе римских солидов (рис. 2). Возможны

разные источники поступления римских золотых монет на Север. Они представляют собой, по крайней мере частично, римскую дань Аттиле, розданную им, в знак покровительства, вассальным германским вождям. Этот момент нашел, в частности, отражение в «Песне о Хильдебранте» (известна в записи VIII в.), где король Хильдебрант дарит своему сыну браслет, сделанный из римского золота, которое он в свое время получил от короля гуннов (цит. по Kyhlberg 1986: 71; я не нашел этого пассажа в русских переводах «Песни о Хильдебранте»). Действительно, судя по информации Приска Панийского, Аттила претендовал на власть над островами в «Океане», то есть в Балтийском море.⁵

Но чаще всего предполагается, что римские солиды поступают на Балтику через посредство остроготов. Наверняка часть солидов действительно попала в балтийский регион в результате активности остроготов на поприще коммерции меха и янтаря (Fagerlie 1967: 168, 169; Arrhenius 1967: 15—17; Arrhenius 1990: 134; Vierck 1970: 382). Но не исключена и роль скандинавских наемников в их распространении, возможно, служивших у остроготов, поскольку экономическую роль северной трансевропейской торговли все же не стоит преувеличивать (Näsman 1977: 342, 343; Näsman 1998: 260).

Кстати, какая-то часть северных воинов, вместе с сопровождающими их семьями, могла оказаться и на службе в Византии.⁶ В письменных источниках на это нет никаких указаний. Мне, по крайней мере, не удалось найти в текстах ни одного достоверного упоминания о таких наемниках, хотя по книгам Прокопия, Иордана, Марцеллина Комеса или Агафия можно составить внушительный список самых разнообразных варваров, служивших под знаменами Империи (гунны, савиры, болгары, аланы, герулы, вандалы, готы, лангобарды, склавины, анты, цанны, абасты и пр.). Столь же пестро выглядят подчас и армии варварских королей, например, остроготских Амалов. Но скандинавов там тоже нет, если не считать уже упоминавшегося принца Родульфа, подвизавшегося при равеннском

⁴ Родульфа считают королем герулов, о чем имеется прямое указание Кассиодора. Однако из контекста рассказа Иордана можно скорее предполагать, что он был королем данов (Щукин 2005: 49) или светидов, о которых специально идет речь в данном параграфе у Иордана. По У. Несману, это король раниев (Ranii), упомянутых Иорданом непосредственно перед именем Родульфа (Näsman 1998: 261). Есть и иные версии, в частности, о том, что исторических персонажей с таким именем было несколько, не менее двух (подробнее см.: Щукин 2005: 49, 50).

⁵ Впрочем, степень интенсивности гунно-скандинавских контактов некоторыми археологами явно преувеличивается (см. подробнее: Näsman 2008).

⁶ Одно время даже считалось, что каменные укрепления Экеторпа, на о. Эланд, были построены под влиянием позднеимперской военной архитектуры, элементы которой были занесены на Балтику скандинавскими наемниками, вернувшимися с византийской службы. Сейчас эта гипотеза оставлена (см. Näsman 1989).

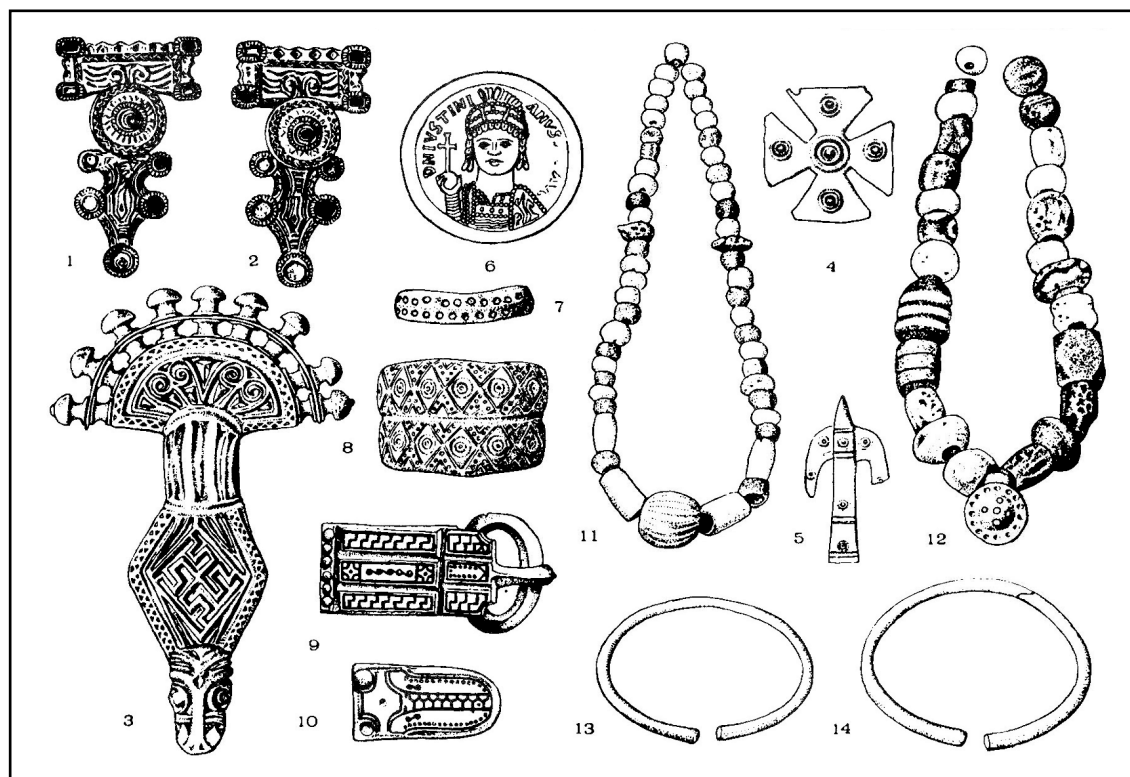

Рис. 10. Вещи из погребения в Грачанице, в Южной Сербии (Vierck 1981).

дворе или тех же варнов (саксов) Ваккара с южного берега Балтики — Северного моря. Зато имеются археологические находки, такие как золотые медальоны и фрагменты золотого южнскандинавского ожерелья позднего V—VI века из Удовице в Сербии (Fischer 2008; Porović 2008),⁷ женская могила в Грачанице (Южная Сербия) с парой типичных скандинавских фибул с прямоугольной головкой, второй половины VI в. (рис. 10) (Vierck 1981: Abb. 2; Милинковић 2003) или уже упоминавшиеся фибулы из Хасково (Болгария) и Касиодола (Сербия), восходящие к скандинавским пототипам середины V — первой четверти VI вв. (Ivanišević

⁷ С. Фишер и И. Попович относят находку к позднему V в., видимо, исходя из того, что ожерелье включает медальоны с изображениями Валентиниана III, Гонория и Константина III, Ливия Севера. Вместе с тем, как справедливо отмечает И. Попович, со ссылкой на скандинавских археологов, такие кольца в Скандинавии не получили узкой даты, их относят к довольно широкому периоду, от начала IV в. до начала VII в. (Porović 2008: 78). Так, известную шарнирную воротничковую золотую гривну из Оллеберга (Älleberg), содержащую пронизки как в ожерелье Удовице, В. Холмквист относит к первой половине VI в., а подобную гривну из Мёне (Möne) — к VI в. (Holmqvist 1965: 168—169). Скорее всего, находку этого ожерелья в Удовице следует связывать с герулами, размещенными Юстинианом в Сингидунуме и окрестных крепостях (об их археологическом выражении см.: Ivanišević et alii 2006: 123, 133, 134).

et al. 2006: 15). Как известно, в архаических обществах элементы женского убора, в силу их сакрального характера, не являются предметом купли-продажи или дарения, за исключением аристократических украшений, принадлежащих интернациональной «княжеской моде», и перемещаются в пространстве, чаще всего, с их носительницами (см., напр.: Werner 1970). Напомним также, что по римским законам браки между варварами и римскими гражданами юридически считались недействительными. Поэтому солдаты-варвары, воевавшие под знаменами Империи и получавшие римское гражданство лишь после многих лет службы, должны были искать спутниц жизни в Барбарикуме, что частично и объясняет появление на римской территории погребений с характерным варварским женским убором. К сожалению, выделить скандинавских солдат по погребальному инвентарю не представляется возможным — хорошо известный феномен престижной воинской моды быстро нивелировал различия в костюме и декоре оружия у разноплеменных варваров, служивших ромеям.

Итак, есть все основания полагать, что меховая торговля народа суэханс со Средиземноморьем шла через Центральную Европу, поскольку пути от Среднего Дуная до Балтики хорошо засвидетельствованы как археологическими находками, так и письменными источниками. Стратегическое по-

ложение на обоих путях занимает регион Среднего Дуная, охватывающий современные территории Моравии, Нижней Австрии и Юго-Западной Словакии. Напомним, что здесь сосредоточены такие яркие памятники варварской «княжеской» культуры, как Журань, Унтерзибенбрунн, Лаа, Оберляйсберг, Смолин, Левице, Блучина, Бешенов, Коморно (см., напр.: Germanen 1987; Or des princes barbares 2000). Ясно, что эта территория была особенно притягательной для

варваров и важные трансевропейские пути Барбарикума, по которым мех поступал из Скандинавии в Средиземноморье, просто не могли ее миновать.

В то же время, как мы впоследствии увидим, следы скандинавского присутствия на русских реках в V—VI вв. крайне незначительны. Возникает вопрос, каким мехом торговали племена суэханс: восточноевропейским или скандинавским? Или и тем и другим?

2. Охота на пушного зверя в Северной Фенноскандии

Напомним, что мех добывали не только в Восточной Европе, но и в Северной Фенноскандии, возможно, уже в римское время (Шумкин 1985). Исследователи неоднократно подчеркивали роль меховой охоты и торговли в освоении северной половины скандинавского полуострова (Svennung 1967: 38—40). Именно «меховой лихорадкой» объясняется демографический взрыв в V—VI вв. в Северной Норвегии: здесь нет условий для земледелия, а между тем население по сравнению с позднеримским временем удваивается (Vierck 1970: 382).

Судя по археологическим источникам, в эпоху переселения народов практически весь норвежский берег уже был освоен скандинавами. При этом зона более или менее сплошного расселения уже в римское время простиралась, по меньшей мере, до Лофотенских островов (Sjøvold 1962; Sjøvold 1974). Камерное трупоположение с крестообразной фибулой типа Мундхейм, позднего V в., было обнаружено в Финмарке, в районе Вардё, на Варангерфиорде (Grunnes: Reichstein 1975: 38, 132: № 342). Оно на сегодняшний день маркирует крайнюю точку продвижения скандинавов на север, зафиксированную археологически.

Иордан (рис. 7) знает народ *Alogii* (*halogii*, то есть обитатели Халогаланда: Svennung 1967: 32—41; Hoffmann 1992: 176), проживающий в скалистой местности (Иордан, *Getica* 19), последнее обстоятельство хорошо соответствует реалиям северононорвежского побережья. Упомянутые у Иордана острова в замерзшем море, где слепнут волки (Иордан, *Getica*, 18), интерпретируются как совр. Вардё (средневековый *Vargeyjar* от *vargr* — волк, то есть «Волчьи острова») (Wagner 1974).⁸

⁸ В качестве альтернативы предлагаются и шхеры Ботнического залива (Щукин 2005: 48).

Важные демографические изменения, связанные с пушной охотой, происходят и в Северной Швеции. Судя по распространению норвежских крестообразных фибул, в эпоху переселения народов функционирует путь, возможно, существовавший уже в римское время (рис. 1) (Sternberger 1977: 373), который пересекает Скандинавский полуостров от норвежского побережья до области Медельпад на Ботническом заливе (Reichstein 1975: Karte 1). В Ямтланде (*Jämtland*), во внутренней части Скандинавского полуострова такие фибулы были найдены в курганном захоронении (Kungsnäs: Reichstein 1975: 134: № 379) и вне контекста (Täng: Reichstein 1975: 134: № 380). В той же провинции известны и погребения с рельефными фибулами с прямоугольной головкой (Sternberger 1977: 374, Abb. 246). Эти вещи являются свидетельством норвежского влияния на культуру шведского Норрланда в эпоху переселения народов (Sternberger 1977: 368).

В Даларна, самой северной провинции Свеаланда, где, в зависимости от округов, только от 1 до 28% земли пригодны для сельского хозяйства и территория сильно залесена, население с IV по IX вв. постоянно возрастает. Здесь, по данным И. Сернинг на 1966 г., обнаружено 150—170 «лесных» могил, в одном погребении первой половины VI в. найдены характерные орудия по обработке шкур пушных животных (рис. 11) (Vierck 1970: 385, 386, Abb. 57). В погребениях относительно часто попадают костяные стрелы, широко используемые, в первую очередь, в пушной охоте. На 16 мужских погребений, учтенных Б. Сломанн, в 13 отмечены находки промысловых костяных стрел, и только в одном погребении — железных (Vierck 1970: 383). Считается, что основным поставщиком мехового сырья для племен суэханс-свеев являлся Норрланд, особо отмечается роль охоты на медведя, фаланги и когти которого часто

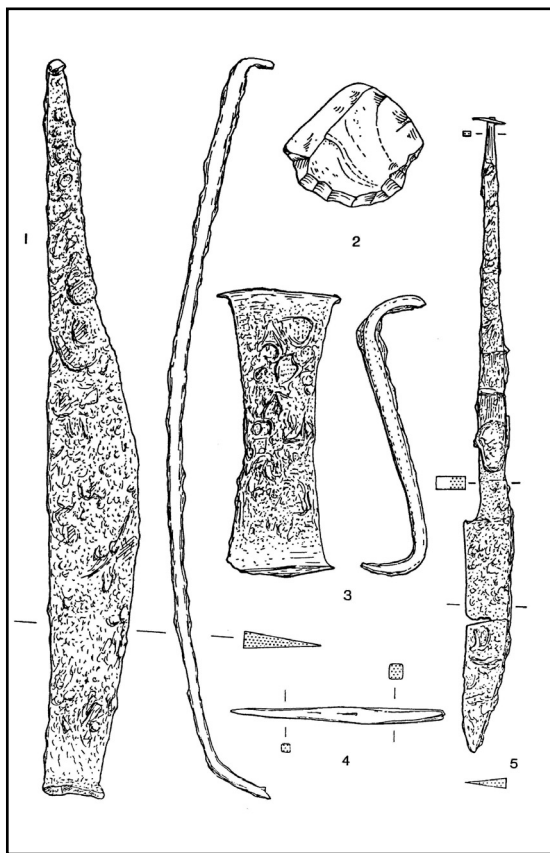

Рис. 11. Орудия обработки шкур пушного зверя из могильника эпохи переселения народов в Тисъон (Tisjön, Ksp. Lima) (Vierck 1970).

1, 3—5 — погр. 5; 2 — погр. 1.

находят в местных погребениях (Vierck 1970: 383; Lundström 1985: 281).

Одними из основных добытчиков меха выступали саамы (лапоны). Их контакты с германцами, несомненно, имели место уже в римскую эпоху, о чем свидетельствуют находки норвежских по происхождению предметов римского времени в Финмарке (Карпелан 1979: 146). Здесь эпоха переселения народов соотносится с посткерамическим или ранним саамским железным веком (Карпелан 1979: 143: рис. 1). В эту эпоху у лапонов прекращается местное керамическое и металлургическое производство, что чрезвычайно затрудняет исследования. Недолговременные поселения саамских охотников и рыболовов обнаружить трудно, а погребальные памятники, в виде каменных насыпей, так называемые «саамские камни», очень редко содержат датированный погребальный инвентарь.⁹ Сокращение собственного производства у саамов, возмож-

⁹ Для региона Беломорья связь этих валунных насыпей с саамами поставлена под сомнение. Предполагается их принадлежность средневековым карелам (см.: Шахнович 2003).

но, связано с их жесткой ориентацией на обменную торговлю лесными «товарами», когда необходимые предметы поступали извне, от прибалтийских финнов и германцев. О реальном присутствии в саамской зоне выходцев с других территорий свидетельствует болотная находка лыж «южного» типа, датированных по радиоуглероду первой половиной I тыс. н. э. (Карпелан 1979: 146—149).

Для саамов в VI в. в Северной Фенноскандии реконструируются этнонимы *Finni* — *Screrefennae/Scretefennae* (иногда трактуется из древненорвежского как «финны-лыжники») и, видимо, *Uinuiloth/Caino-thioth*. Последние могли составлять отдельную финскую или финногерманскую милитаризованную группу, оперировавшую в зоне скандинавско-саамских контактов, позднее известную как квены — *Kvæner, Kainuu* (см. подробнее Svennung 1967: 41—44, 91—97), то есть, финноязычное средневековое население по обе стороны Ботнического залива. Интересно, что данные анализа ДНК, проведенного по материалам погребений в ладьях некрополя Туна, подтверждают наличие родственных связей между саамами и элитой Свеаланда, по крайней мере, в более позднее вендельское время. О тех же родственных связях между саамскими и свейскими правящими кланами свидетельствует, по мнению Б. Аррениуса, и «*Ynglinga saga*» (Arrhenius 2002: 46).

Если предлагаемая Свеннунгом реконструкция верна, то возникает интересная параллель: в сказаниях саамов в Северной России в качестве врагов, разбойников, то есть агрессивной милитаризованной группы, выступает чудь (Керт 1961: 7; Попов 1973: 79), возможно, по Х. Моора, насильно облагавшая данью саамов (Моора 1956: 106). Одна из возможных этимологий названия «чудь» — германская, от готск. *thiuda* «народ», «войско» (см. Лебедев 1988: 94; Лебедев 2005: 443), ср. *Caino-thioth*. Эта германская этимология нравится не всем (см., напр.: Попов 1973: 70, 71), но контраргументов не приведено. Не имеют ли место здесь типологически сходные процессы, происходившие в разное время в широкой зоне пограничных контактов финнов и германцев? При этом *thioth-thiuda-чудь* могли изначально являться какими-то германизированными военными группировками финнов, игравшими роль «посредников» между германцами и саамами. Типологически близким финно-германским военизированным образованием были, видимо, и более поздние колбяги русских письменных источников (Мачинский 1988).

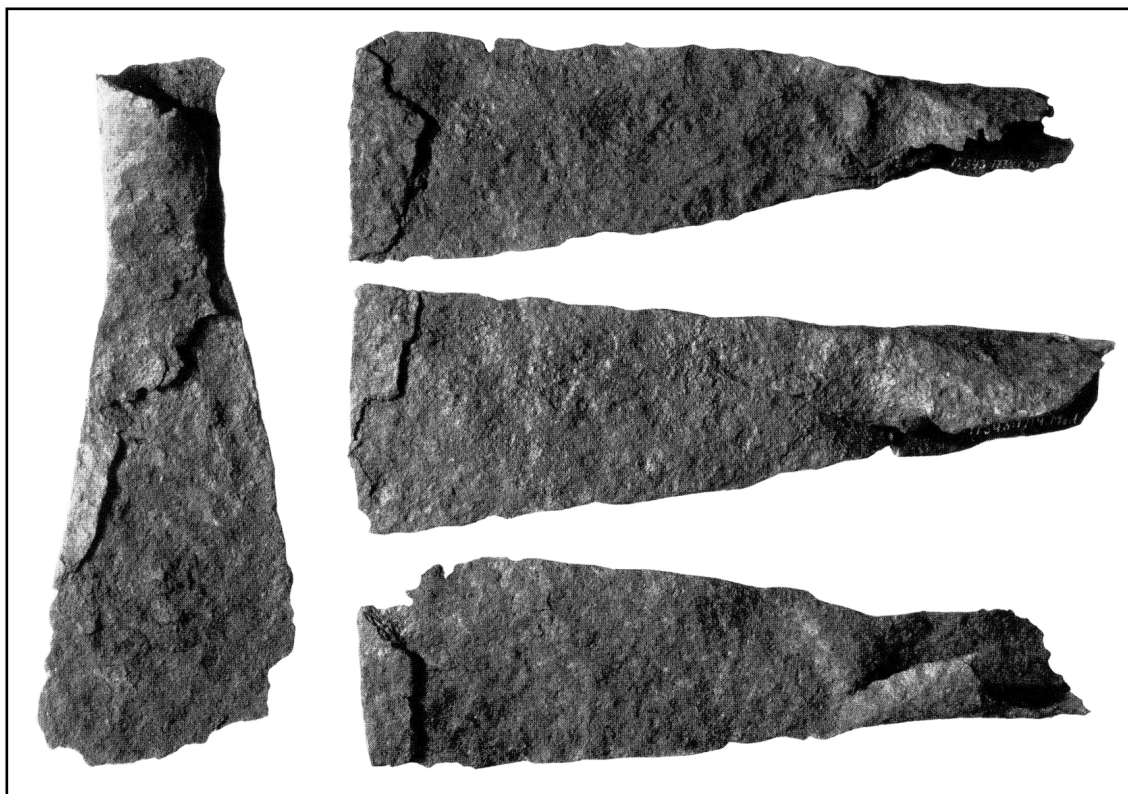

Рис. 12. Секировидные железные бруски из Хельгё (Hallinder, Haglund 1978).

Уже неоднократно отмечавшееся знание скретифенов у древних авторов (для VI в. Иордан, *Getica* 21; Прокопий, BG II.15.16—23; несколько позднее, для VIII в., Paulus Diaconus, *Historia Langobardorum* I.5: у последнего специально описываются даже лыжная охота саамов¹⁰ и их одежда из оленьих шкур) явно связано со значительной ролью этого народа в меховой торговле (Svennung 1967: 39; Vierck 1970: 388; Лебедев 2005: 71). Добыча лесных продуктов и торговля ими становится основной деятельностью лапонского населения Фенноскандии и основательно трансформирует саамское общество (Карпелан 1979: 149).

Торговля с северными охотниками, видимо, носила бартерный характер (прямой обмен), как это обстояло еще в начале VI в. в коммерции между шведами и саамами. В южном Норрланде из добывавшегося здесь железа изготавливались бруски в виде топоров, служившие обменной единицей вплоть до эпохи викингов (рис. 12) (Vierck 1970: 381—385; Stenberger 1977: 299, 300, Abb. 191; Hallinder, Haglund 1978). Находки таких секировидных

брусков особенно часты в южном Норрланде (рис. 13) (Hallinder, Haglund 1978: 31—33: fig. 3). Интересно, что рост производства железа отмечен в VI в. как для средней Швеции (пров. Dalarna), так и для Норрланда (пров. Hälsingland) (Magnusson 1995: 62, fig. 2). Скупка меха, возможно, происходила зимой, на ледовых торжищах, например, на льду озер, где обеспечивался необходимый минимум обходной безопасности. В таких местах скоро возникают торговые центры вроде Хельгё (Arthenius 1994). Кстати, роль Хельгё, как одного из основных центров торговли пушной, уже отмечалась исследователями (Vierck 1970: 388). Для Северной Финляндии предполагается, что торговые контакты осуществлялись на зимних поселениях-«talvikylä», располагавшихся на лесных возвышенностях.

Иордан, рассказывая о свейской торговле, упоминает особо ценный мех *sappherinae pelles*, который поступает из Скандинавии. Трудно сказать, что это был за зверь, все возможные интерпретации историками уже предложены, от голубого песца до соболя, включая куницу, горностая, белку и лису-чернобурку, и никто в конечном итоге не знает, какая версия лучше (Svennung 1967: 47—51). Что касается соболя, которого явно предпочитают русские археологи, то все же непонятно, почему тогда он в Западной Европе получил не скандинавское, а славянское имя (как уверяют фило-

¹⁰ К сожалению, в недавнем русском переводе это место искажено до неузнаваемости. См. Павел Диакон. История лангобардов. Перевод Ю.Б. Циркина. Санкт-Петербург: Издательский дом «Азбука-классика», 2008: 43.

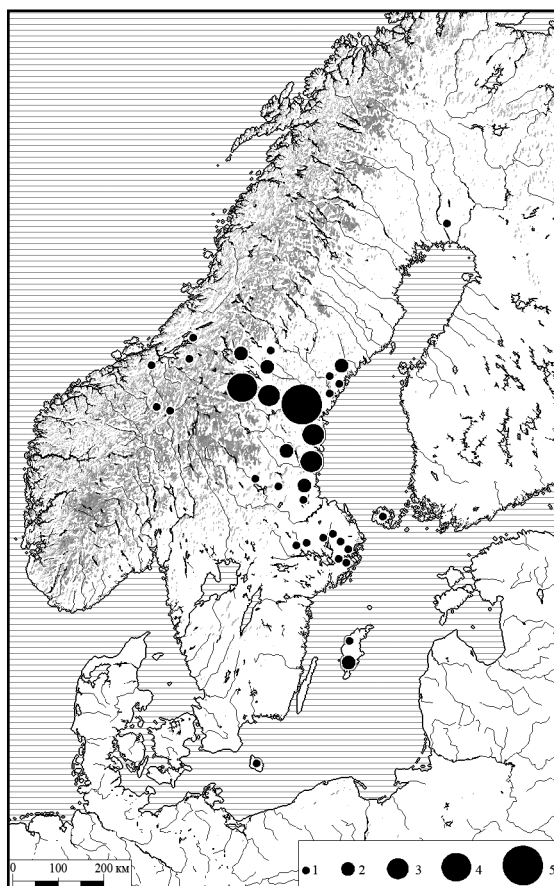

Рис. 13. Карта распространения секировидных железных браслетов (по Hallinder, Haglund 1978).

логи, на сегодняшний день — это самое древнее славянское слово во французском языке), и почему это название известно на римско-германском Западе только с VIII века (когда, к слову сказать, резко возрастает добыча кунных в Прикамье, о чем см. ниже), если им торговали не славяне, а скандинавы, и при этом уже в VI в. Как мы увидим впоследствии, остеологические данные говорят, скорее, о широкой коммерциализации меха других видов пушного зверя.

Чтобы ответить на вопрос, торговали ли скандинавы в V—VI вв. восточноевропейским мехом, необходимо, из-за отсутствия письменных свидетельств, проверить, какие есть археологические доказательства скандинавского присутствия в довендельское время в Восточной Европе, в зоне, называемой скандинавами «Восточный путь», *Austrvegr* (Джаксон 1993: 246, 247), охватывающей территорию к востоку от Балтийского моря, и есть ли вещи V—VI вв. северо-восточноевропейского происхождения в Фенноскандии.

Как мы увидим далее, археологически скандинавское присутствие проявляется к востоку от Финского залива лишь на поздней стадии эпохи переселения народов. Что же касается

римского времени, то далее побережья Юго-Западной Финляндии и Северной Эстонии никаких археологических следов скандинавского присутствия в лесной зоне Восточной Европы не имеется (см. разбор материала: Kazanski 1992: 78, 79). Однако в целом германское, точнее, черняховское, в меньшей степени вельбаркское и пшеворское влияние в южной части лесной зоны, в бассейнах Днепра, Оки и Волги, археологически засвидетельствовано находками фибул, гребней, шпор, элементов поясной гарнитуры, реже серогончарной керамики (Kazanski 1992; Леонтьев 1996: 19—21). Видимо, это влияние, по крайней мере частично, связано с деятельностью Германариха (Kazanski 1992),¹¹ о чем рассказывает Иордан в известном пассаже про «*arctoi gentes*» (Иордан, *Getica* 116). Последний сюжет, возможно, представляет литературную обработку какой-то готской саги (Лебедев 1985; 1988). Список «северных народов», якобы покоренных Германарихом, однозначной трактовки у филологов не получил, он продолжает вызывать споры.

Что касается филологических изысканий по поводу «народов Германариха» и скандинавско-восточноевропейских связей в римское время и в эпоху переселения народов, которые в России в основном проводят почему-то не филологи, а археологи (Лебедев 1985; 1988; Мачинский 1984; Шувалов 2002; 2004; Мачинский, Кулешов 2004; Булкин 2007), то это, конечно, захватывающее чтение. Но полученные результаты ни в коем случае нельзя абсолютизировать, как например, и труды филологов по части археологических находок (таких филологов, правда, находится немного). Авторы, при локализации народов из списка Иордана, как правило, основываются на простом созвучии этнонимов текста Иордана с гораздо более поздними названиями народов и местностей (Merens = меря, Mordens = мордва, Vasinabronkas = весь; в этот ряд так и просится знаменитое «этруски = русские»), хотя народы Иордана можно сравнивать и с античными этнонимами,

¹¹ Позднее к теме походов Германариха обращался А. М. Обломский при рассмотрении исследований М. Б. Щукина, Д. А. Мачинского и В. С. Кулешова (Обломский 2008). Ряд выводов А. М. Обломского поразительно совпадает с моими (ср., например, карты гипотетических походов: Kazanski 1992: fig. 17 и Обломский 2008: рис. 6). При этом моя статья не цитируется совсем, видимо, она осталась неизвестной А. М. Обломскому. Тем не менее данная работа разбирается как раз в публикациях М. Б. Щукина, Д. А. Мачинского и В. С. Кулешова, с которыми А. М. Обломский ведет полемику.

а это дает совсем иную картину (см., напр.: Korkkanen 1975). При этом почему-то считается, что «народы Германариха», которых хотят «посадить» на карту на основании поздних письменных источников, проживали на одном и том же месте по крайней мере с IV по XI—XII вв., что было бы для варварской континентальной Европы феноменальным явлением. В целом, привлечение средневековых сочинений, основанных на устной традиции, таких, как «Инглинга-Сага» (Шувалов 2002 и 2004) или гипотетическая сага о Германарихе, изложенная у Иордана (Лебедев 1985; 1988; Мачинский 1984; Мачинский, Кулешов 2004; Булкин 2007) требует особой осторожности, при этом вряд ли

в них следует выискивать конкретные исторические факты (Джаксон 1993: 47, 48). В таких сочинениях имеются разновременные наслоения, есть там и просто фантазии средневековых составителей. В общем, реконструировать скандинавское или восточноевропейское прошлое по сагам — это все равно, что изучать историю Соединенных Штатов Америки по голливудским вестернам.

Но в любом случае, к истории скандинавского присутствия в Восточной Европе завоевания Германариха отношения не имеют. Скорее всего, появление скандинавов на восточноевропейских путях связано с изменением ситуации на Балтике в эпоху переселения народов.

3. Скандинавия и Балтика в эпоху переселения народов

Представляется, что «Восточный путь» показывает некое новое направление скандинавской экспансии, связанное с общим изменением ситуации на Балтике. В южной Скандинавии, где хронология древностей сейчас разработана более подробно (особенно для Борнхольма), эпоха переселения народов археологически определяется как «ранний германский железный век» и датируется временем от середины IV в. по первую половину VI в. Его поздняя, вторая фаза датируется временем от второй трети V в. по первую половину VI в. (Høilund Nielsen 1987: 60; Høilund Nielsen 1999; Jørgensen 1989: 179—181; Hedeager 1992: 6—14). Для Швеции, включая острова Готланд и Эланд, чаще используют периодизацию О. Монтелиуса (см., напр.: Nerman 1935; Stenberger 1977: 306—378; Näsman 1977), где эпохе переселения народов в целом соответствуют периоды VI:1 (400—470/500) и VI:2 (470/500—550/600) (Bitner-Wróblewska 2001: 14—19). Их сменяет вендельская эпоха (550—800). Для поздней фазы скандинавской эпохи переселения народов, которая здесь нас интересует в первую очередь, являются характерными вещи первого звериного стиля, в частности, рельефные фибулы, а также массивные золотые украшения, браслеты и гривны с расширенными концами, брактеаты, специфичный набор арбалетных фибул и ряд других признаков.

В это время балтийский бассейн вступает в эпоху коренной перестройки, в результате которой его северная часть оказывается более тесно связанной с другими регионами Европы (Лебедев 2005: 134—136). До 500-х гг. продолжается эпоха военной напряженности в южной Балтике, в которую в IV—V вв. были ввергнуты Ютландия, дат-

ские острова, Борнхольм, Эланд и Скания (Näsman 1999: 5, 6). О такой напряженности свидетельствует, в частности, география интенсивных «болотных» приношений, отражающих военные победы (рис. 14). Они отмечены для второй половины V в. в восточной и юго-восточной Ютландии, на Борнхольме, в южной Швеции, на Эланде и Готланде (Stenberger 1977: 333—335, Abb. 216; Ilkaer 1995: 105, 106; Näsman 1998: 261; Näsman 2006: fig. 3). О сложной военной обстановке в эпоху переселения народов на Балтике свидетельствуют и укрепленные пункты на возвышенностях, и, наконец, скудные и с трудом поддающиеся интерпретации известия нарративных источников о сражениях и морских блокадах (Näsman 1998: 260; Näsman 2006: 219, 220, fig. 4).

Военная экспансия с юга Скандинавского региона выплескивается на Запад. Наиболее известно переселение англов, саксов и ютов на острова Британского архипелага, но это событие было для эпохи переселения народов не единственным примером скандинавской экспансии в западном направлении. В середине — второй половине V в., если верить сообщениям античных авторов, саксы и скандинавские герулы атакуют континентальное атлантическое побережье, вплоть до устья Шаранты и Пиренейского полуострова (Demougeot 1979: 721; Näsman 1998: 258). Однако набег датского (по «Беовульф» гаутского) конунга Хигелака (Chlochilaicus = Hugelāc) в 515 г. на франкскую морскую границу обернулся для скандинавов военной катастрофой (Grégoire de Tours, Histoire des Francs III. 3; Hoffmann 1992: 148, 149) и сообщения о морских набегах северян надолго исчезают со страниц раннесредневе-

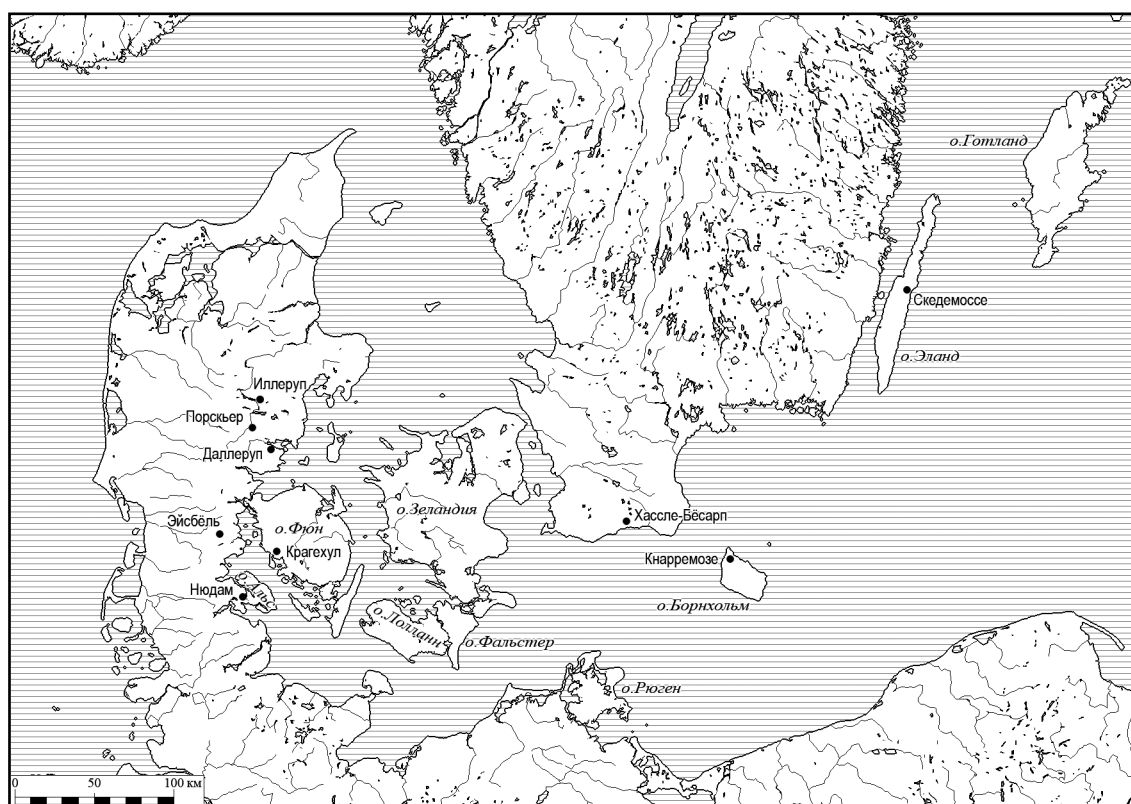

Рис. 14. Распространение болотных скандинавских жертвоприношений в период «D» (по Ilkjaer 1990).

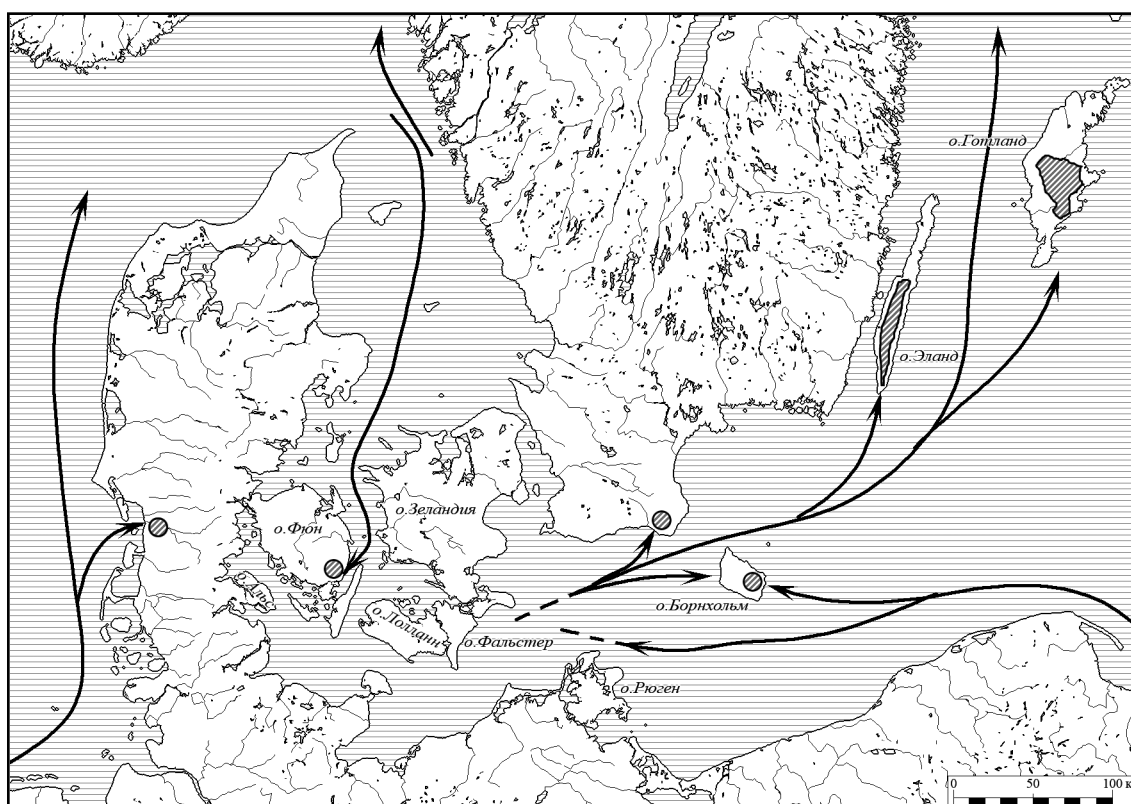

Рис. 15. Направление торговых связей и основные торговые центры в Южной Скандинавии в V в. (по Lund Hansen 1988).

ковых хроник. Похоже, что кровавый урок скандинавам запомнился основательно — даже в «Беовульфе» рассказывается о смерти Хигелака на франкском берегу. В это же время, в раннем VI в., наконец, происходит и спад военной активности в южнобалтийском бассейне (Näsman 1998: 261, fig. 1).

В эпоху переселения народов на Балтике существенно меняется география экономических отношений, равно как и география центров власти. Активность у датских центров позднеримского времени перехватывают более восточные, островные (рис. 15). Из датских, поселения Рибе на западном берегу Ютландии и Гудме на о. Фюн (Kromann et al. 1991; Näsman 2006: 239) остаются, тем не менее, ключевыми на западном и южном направлениях экономических связей. Но теперь в центре экономических контактов на Балтике оказываются территории Борнхольм, Скания, Эланд, Готланд, Уппланд (Lund Hansen 1988: 161, 162, Abb. 2; ср. Geisslinger 1967: Karte 8, 9).

Надо отметить, что в Дании на эпоху переселения народов приходится значительное количество кладов и отдельных находок золотых вещей (Hedeager 1992: 48—66). Больше всего золота (по весу) было обнаружено в северо-восточной Ютландии, где, кстати, на сегодняшний день лучше всего известны погребальные памятники раннего германского железного века (Hedeager 1992: fig. 3, 4; Ringtved 1999: 52—60, fig. 3) и где находится ряд важных «болотных» жертвоприношений V в. (Ilkaer 1995: fig. 1: 3—5), а также на островах Зеландия и Лолланн (Hedeager 1992: fig. 2: 19; Ringtved 1999: 52, 53, fig. 3). Немало золотых находок также на о. Фюн и в Шлезвиге (Geisslinger 1967: Karten; Hedeager 1992: fig. 2: 19, 4; Ringtved 1999: 52, 53, fig. 3; Henriksen, Horsnæs 2004 и 2006). Даже если часть из этих сокровищ носит вотивный характер, другие явно принадлежали конкретным людям (Hedeager 1992: 76, 77). В любом случае они свидетельствуют о концентрации здесь немалых богатств, а стало быть, и о наличии сильных политических и экономических центров. Такие центры в это время возникают повсюду в Фенноскандии (рис. 16). Считается, что в это время в Дании формируются политические образования на базе племенных конфедераций (Näsman 1999: 7, 8, fig. 6). Их здесь насчитывают не менее четырех (рис. 17):

- 1) в северной Ютландии — южной Норвегии;
- 2) в центральной и южной Ютландии;

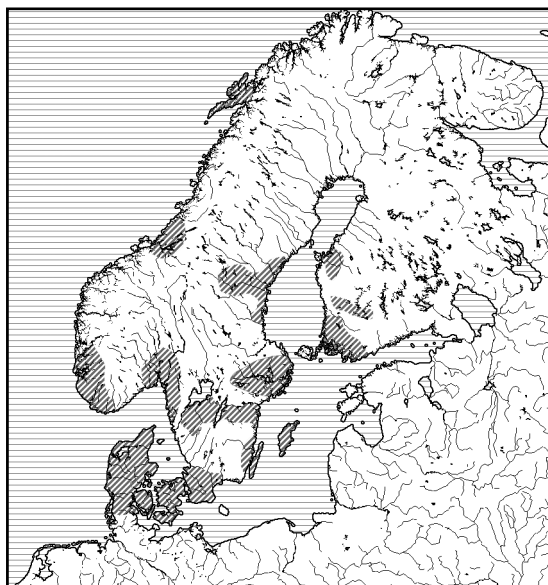

Рис. 16. «Малые» варварские королевства Фенноскандии в эпоху переселения народов (по Ramqvist 1991).

3) в регионе Шлезвига — о. Фюн — о. Лолланн — о. Зеландия;

4) по обоим берегам пролива Зунд (Ringtved 1999: 57—60, fig. 11).

Известны и южношведские центры власти, география которых определяется концентрацией находок золотых вещей, в частности, брактеатов (Stenberger 1977: Abb. 209). Один из них находился в Вестерготланде (Fabech 1999; Fabech 2001). Здесь исследователи обычно локализуют прославленных в «Беовульфе» гаутиготов/гаутов (Gautigoth/Gautoi) Иордана и Прокопия (Svennung 1967: fig. 5; Hoffmann 1992: 147—149). Другой центр находился на восточной окраине Скании (Fabech 1999a; Fabech 2001). Наконец, наблюдается высокая концентрация находок золотых вещей эпохи переселения народов в южной части Скании (рис. 8) (Stenberger 1977: Abb. 22; Helgesson 1989—1990).

На международных путях до 476/477 гг., судя по количеству находок солидов, лидирует Эланд (см. список монетных кладов: Kyhlberg 1986: 114: № 40, 50, 80a, 87, 90b, 99, 115). Известны здесь и богатые клады с золотыми вещами (Stenberger 1977: 319, 320, Abb. 206; Hoffmann 1992: 148), такими как браслеты с расширенными концами, достаточно редкие в Швеции (Kyhlberg 1986: 118: № 8—12, fig. 20). Подобные браслеты у скандинавов, да и не только у них, являлись символом королевской власти (Lund Hansen 2001; Fabech 2001: 190, 191). Высокая концентрация этих браслетов на Эланде и в прилегающей части скандинавского побережья явно указы-

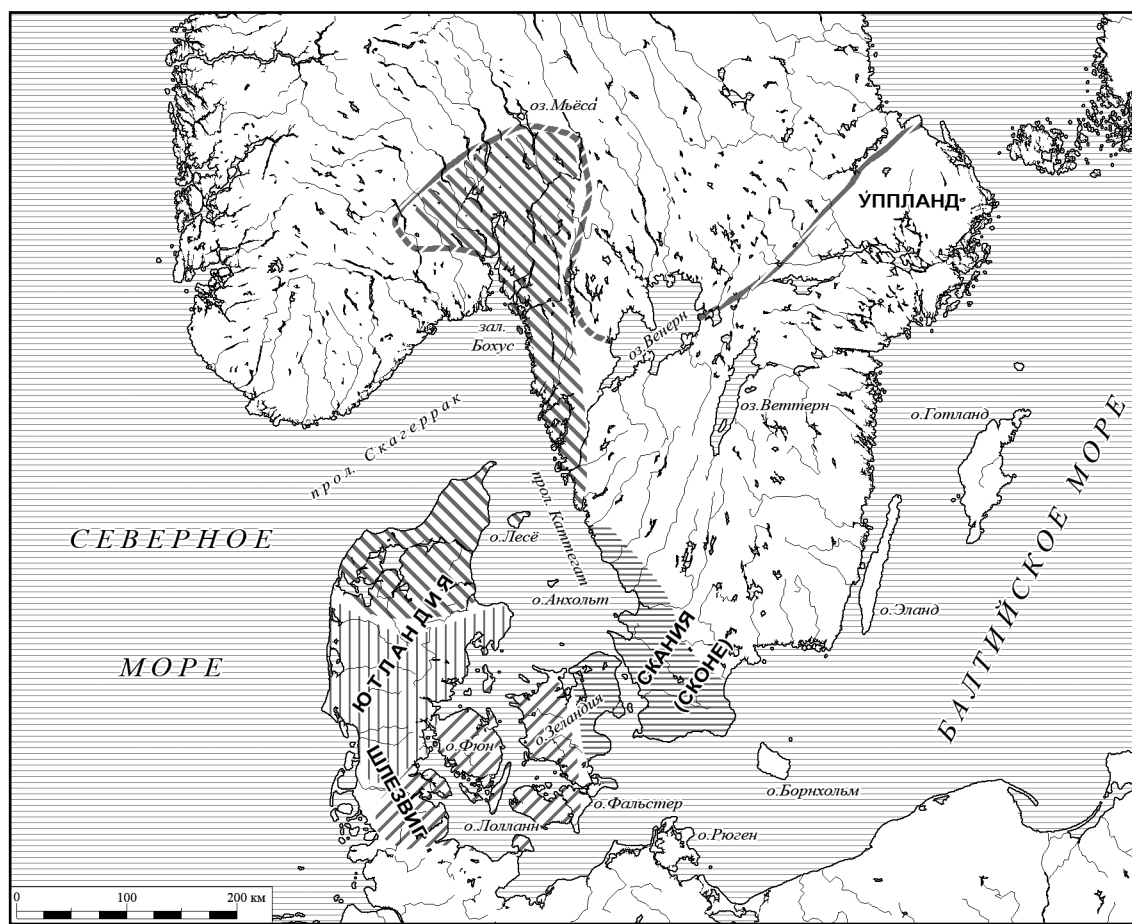

Рис. 17. Предполагаемые политические объединения (племенные конфедерации? «королевства»? позднеримского времени и эпохи переселения народов в Южной Скандинавии (по Ringtved 1999).

ваит на особые связи населения Эланд с событиями политической и военной истории 460-х — 480-х гг. на континенте (Kyhllberg 1986: 72).

Потом на Эланде происходит какая-то катастрофа. И на Эланде, и на Готланде в 475—550 гг. уменьшается количество погребений. Это свидетельствует о некоем демографическом спаде, связанном то ли с военной нестабильностью, то ли с климатическими изменениями (Näsman 1977: 337, 338). Монеты, найденные в кладах на Эланде, до попадания в землю практически не циркулировали, что скорее указывает на некую военную опасность, которую, впрочем, не надо преувеличивать. Действительно, укрепленное поселение Экеторп (горизонт 2) продолжает существовать как до, так и после 476/477 гг. Укреплений на Эланде найдено немало, что казалось бы подтверждает тезис о военной угрозе, однако они имеют более широкие датировки чем последняя треть V в. и их запустение также не связывается обязательно с этим периодом (Näsman 1977: 344—349). По У. Несману, в упадке Эланда роковую роль сыграло в первую очередь ухудшение климата и обеднение почвы, что и вызвало мигра-

ции групп населения, а стало быть, и военные столкновения, отразившиеся в зарытии кладов 476/477 гг. (Näsman 1977: 352—357).

Активность до 550—560 гг. перехватывает Готланд (Fagerlie 1967: 152, 153, 164, 168, 169; Näsman 1977: 342, 343). На Готланде также известны клады солидов, начиная от 510—520 гг. (Kyhllberg 1986: 58, 114, tabl. 44, № cat. 122, 130b, 135, 136, 137b, 147, 156a, 164, 166, 176, 179a) и находки характерных золотых браслетов с расширенными концами (Kyhllberg 1986: 118, № 5—7, fig. 20). Известны здесь и погребения воинских предводителей, такие, как могила в Барсхалдерсхед (Barshaldershed), скорее всего, относящаяся к середине — третьей четверти V в. (Nerman 1935: № 159). Напомним также находки на Готланде престижных мечей эпохи переселения народов (Nerman 1935: Taf. 21: 269, 270) и шлемов типа Балденхейм (Arthenius 1967: fig. 2, 3). Скорее всего, и на Эланде, и на Готланде существовали политические структуры типа малого варварского королевства (об их скандинавском варианте *Folkland* см. Ramqvist 1991).

Возникая в специфической ситуации повышенной военной напряженности, малые

королевства строятся по принципу военной организации. В ней главную роль играют отношения жесткого подчинения королю (предводителю) как составляющих такое королевство кланов (семей), так и отдельных воинов, объединенных в королевскую дружину («дружина конунгов», о ее специфике см. Хлевов 1999: 53). При этом подданные, по крайней мере, на первых порах, часто выбирают предводителя, и сохраняют за собой право сместить, а то и просто убить неудачливого короля (Селицкий 1999: 66, там же конкретные примеры для эпохи Великого переселения народов). Король здесь, прежде всего, военный предводитель, остальные функции второстепенны. Он является объединяющей фигурой, вокруг которой собирается разнородная дружина, представляющая реальную опору его власти (Селицкий 1999: 65). Такая форма организации часто сопутствует первому типу этногенеза по Х. Вольфраму (так называемые «новые народы», руководимые военными предводителями: Wolfram 1997: 129, 130). Этническое происхождение воинов, как, впрочем, и остальных подданных, при этом имеет второстепенное значение. Судьба такого рода образований, созданных для войны, целиком и полностью зависит от военного успеха, удачливости предводителя, поэтому малые варварские королевства являются очень недолговечной формой. Показательно, что в бесконечных войнах V века выживают в первую очередь те королевства, которые базируются, хотя бы частично, на территории с романским населением и где германские короли в конечном итоге находят общий язык со своими римскими подданными. Здесь варвары немедленно воспринимают «римское наследие» и, прежде всего, военно-административные институты поздней империи. Ярким примером является Меровингское королевство в Северной Галлии, владетели которого прямо пошли на включение римских войск армориканской оборонительной линии в состав своей армии, или Бургундское королевство, где римляне являлись составной частью военной знати и сохранили это качество и после аннексии Бургундского королевства Меровингами. Быстрое восприятие римского военно-административного, экономического, культурного и идеологического наследия, в частности, христианства, является залогом успеха романо-германских королевств раннего средневековья. Отсутствие такого наследия в Барбарикуме не позволило малым варварским королевствам этой зоны сформироваться в сильные государства и в конечном итоге обрекло их на исчезновение (Казанский

1997; Казанский, Мастыкова 2001; Ахмедов, Казанский 2004).

Некий спад на Готланде наблюдается в середине VI в. Может быть, в это время до скандинавских островов докатилась, как считают некоторые исследователи, общеевропейская эпидемия чумы эпохи Юстиниана, 541—590 гг. (Сегер 1984: 107; Ахбое 2001: 130). В целом, в середине VI в. в балтийском бассейне происходят какие-то важные изменения, выразившиеся в «выпадении» кладов золотых вещей. На этот период в Европе приходится не только чума, но и суровые зимы, частые солнечные затмения, неурожай, голодовки, выразившиеся в повышенной смертности среди населения Северной Европы. Возможно, эти мрачные события и послужили причиной зарытия значительного числа жертвенных кладов (Ахбое 2001: 129—131).

Остров Борнхольм, судя по нумизматическим материалам, играет в циркумбалтийских контактах скорее вспомогательную роль, солиды сюда поступают сначала с Эланда, потом с Готланда (Fagerlie 1967: 169). Не стоит, однако, сбрасывать со счетов существование на Борнхольме важного религиозного и экономического центра Сорте Мюльд (Klindt-Jensen 1957; Батт 1989: 41), а также довольно многочисленных погребений с мечами, свидетельствующих о развитой воинской структуре (Klindt-Jensen 1957). Возможно, здесь существует небольшое варварское «королевство» (см. подробнее: Hoffmann 1992: 174, там же библиография).

Судя по археологическим данным, в V—VI вв. на восточном берегу скандинавского полуострова, помимо Эланда с прилегающей территорией, формируются еще два малых «королевства» (Ramqvist 1991: 48, fig. 1).¹² Первое «королевство», возможно, уже тогда принадлежавшее знаменитой династии Инглингов (Ynglingar), локализуется в Восточном Свеаланде, преимущественно в Уппланде (Hoffmann 1992: 145—147; Arthenius 2002). С ним связан, в частности, культовый и политический центр в Уппсале (Stenberger 1977: 349—352), где, правда, наиболее значимые находки относятся уже к вендельскому времени.¹³

¹² Термин «королевство», конечно, условен. Другие исследователи предпочитают для этого времени говорить о «племенных конфедерациях», в которых есть верховный правитель и региональные вожди (Näsman 1999: 8). Однако, на мой взгляд, точные реконструкции, по причине отсутствия письменных свидетельств, носят, скорее, гадательный характер.

¹³ Монументальные королевские курганы Уппсалы

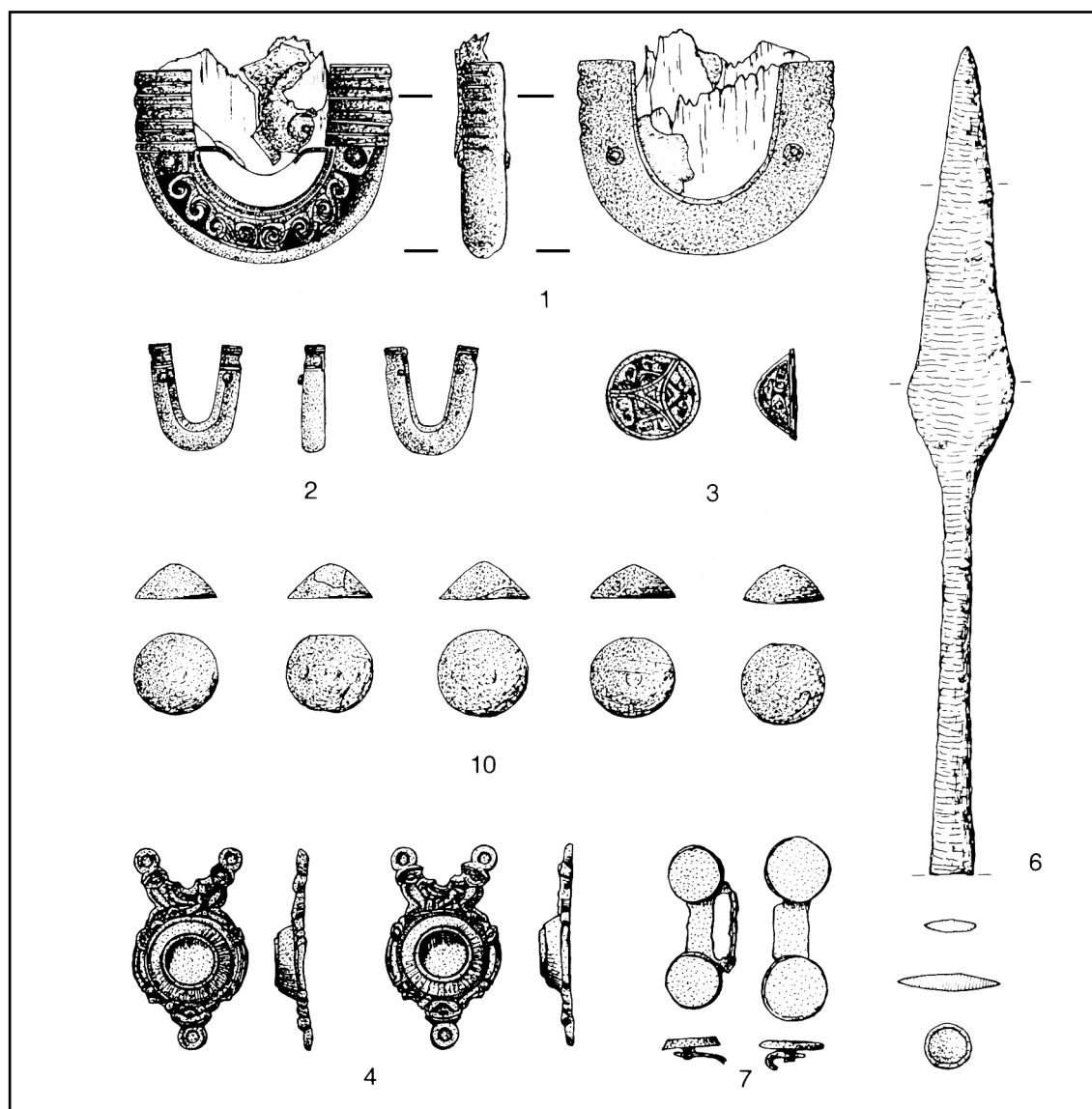

Рис. 18. Вещи из «вождеского» погребения в Лувё (Lovö) (Menghin 1983).

Здесь же, в Уппланде, находится известное торгово-ремесленное поселение в Хельгё, основная масса находок с которого приходится на 500—800 гг. (Stenberger 1977: 407—412). Отсюда происходят клады золотых солидов 509—519 и 510—520 гг. (Kyhberg 1986: 58, tabl. 44). В Уппланде найдены клады, такие как Турехольм (Туна/Вестерлюнг), содержащий около 12 кг золота (Stenberger 1977: 316,

317; Лебедев 2005: 137, 138). Известны здесь и «вождеские» погребения с мечами, как, например, камерное захоронение в Лувё (Lovö) (рис. 18), датируемое поздним V в. (Menghin 1983: 203). Хронология Лувё и золотых кладов в Хельгё свидетельствует о кристаллизации королевства в Уппланде к 500—520 гг.

Второе небольшое «королевство» появляется на побережье Ботнического залива, в центральном Норрланде (рис. 19) (Ramqvist 1991; 1995). С этим королевством, в частности, связаны вождеские курганы V в. в Хёгуме (о них см. Ramqvist 1992), а также укрепленные поселения, некоторые из них — Тунаборг (Tunaborg), Мьяллеборген (Mjälleboergen) — явно играли роль важных центров (Ramqvist 1995: 34). С деятельностью этого «королевства» в значительной степени и связана меховая торговля и железорудная Норрланда, о которых речь шла выше (рис. 20). Всего

содержат вещи вендельской эпохи (Duczko 1996) и, видимо, датируются концом VI или ранним VII вв. (подробно см.: Ljungkvist 2008). Также ко времени не ранее второй половины — конца VI в. относится и большой уппландский курган «Ottarshögen». Из него происходит поясная гарнитура позднего VI в. (Straume 1987: 112, 113). Недавно сведения о больших шведских курганах были собраны и проанализированы И. Еремеевым (Еремеев 2007). Внимательное изучение таблицы в его работе показывает, что больших курганов в Средней Швеции ранее вендельского времени пока нет.

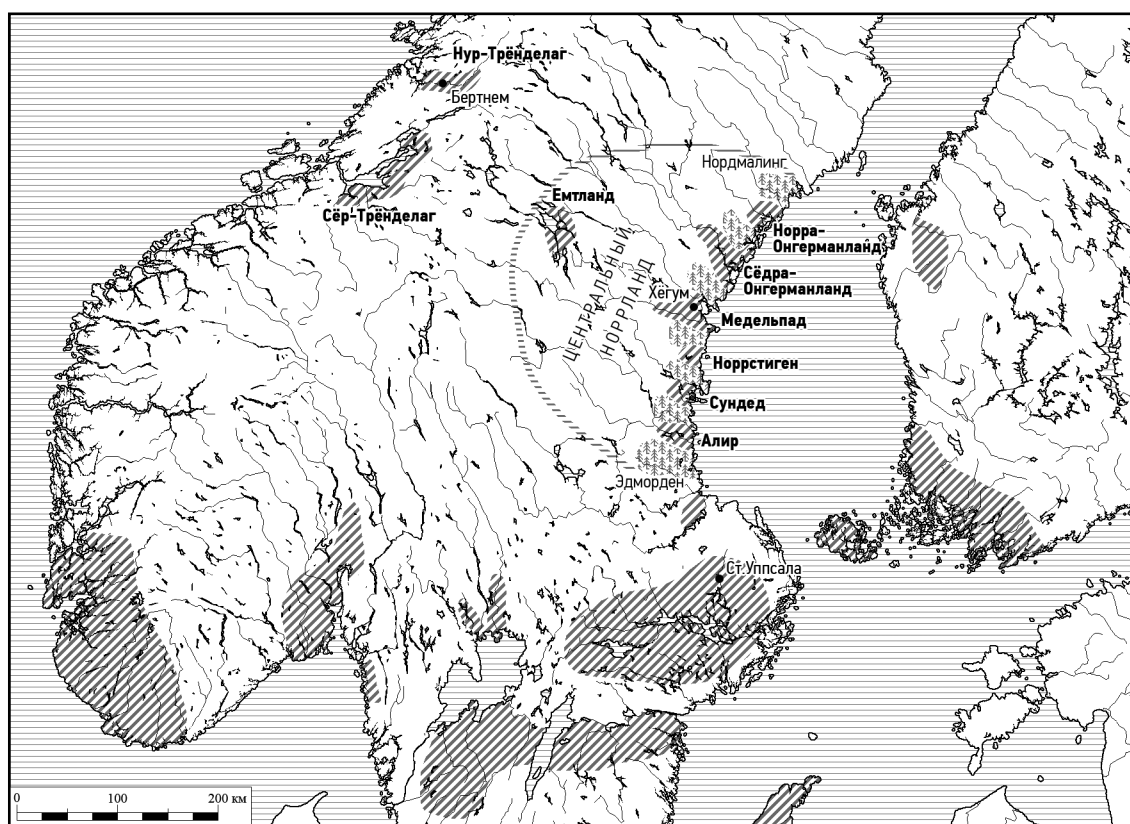

Рис. 19. «Малые» варварские королевства в Норрланде в эпоху переселения народов (по Ramqvist 1991).

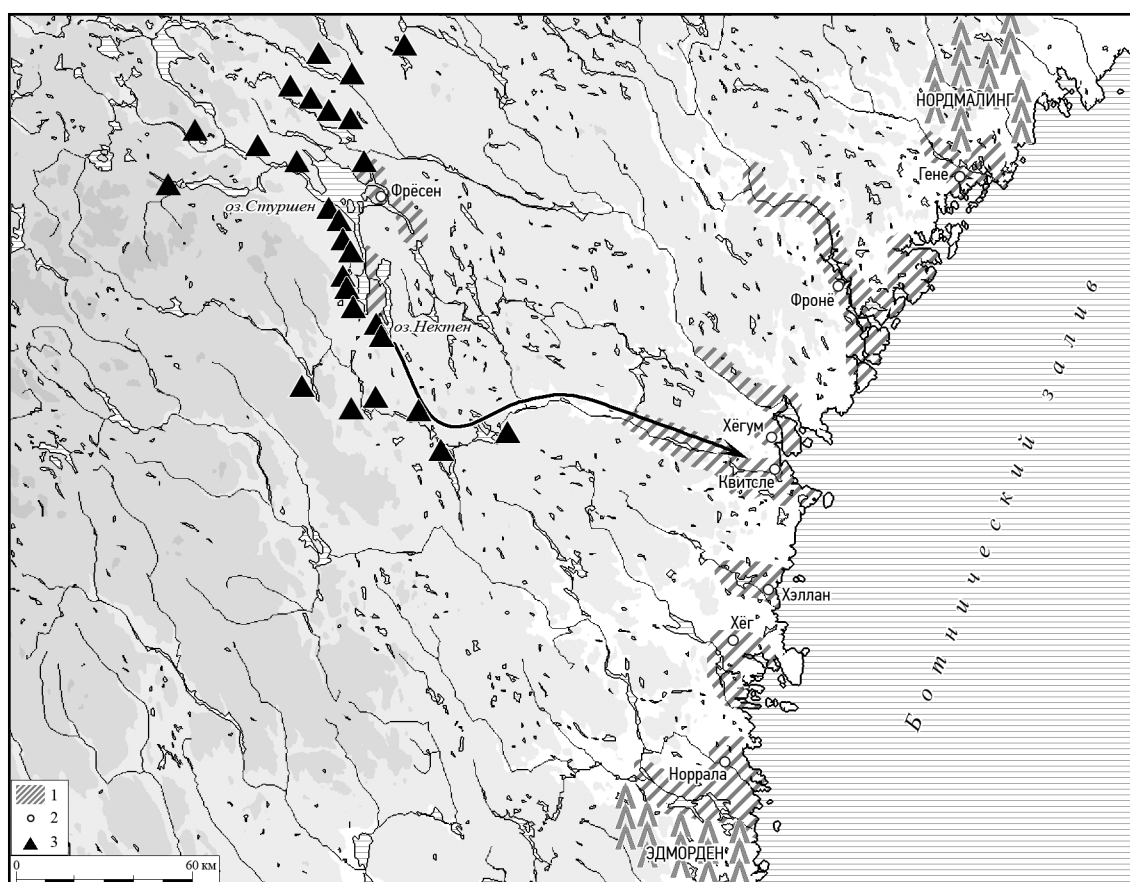

Рис. 20. Районы заселения в Северном Норрланде и их связь с местами добычи железа. Стрелками показаны возможные пути доставки железа на побережье (по Ramqvist 1991). 1 — районы концентрации населения; 2 — «центральные» поселения; 3 — памятники, где зафиксирована добыча железа, преимущественно в римском железном веке и в эпоху переселения народов.

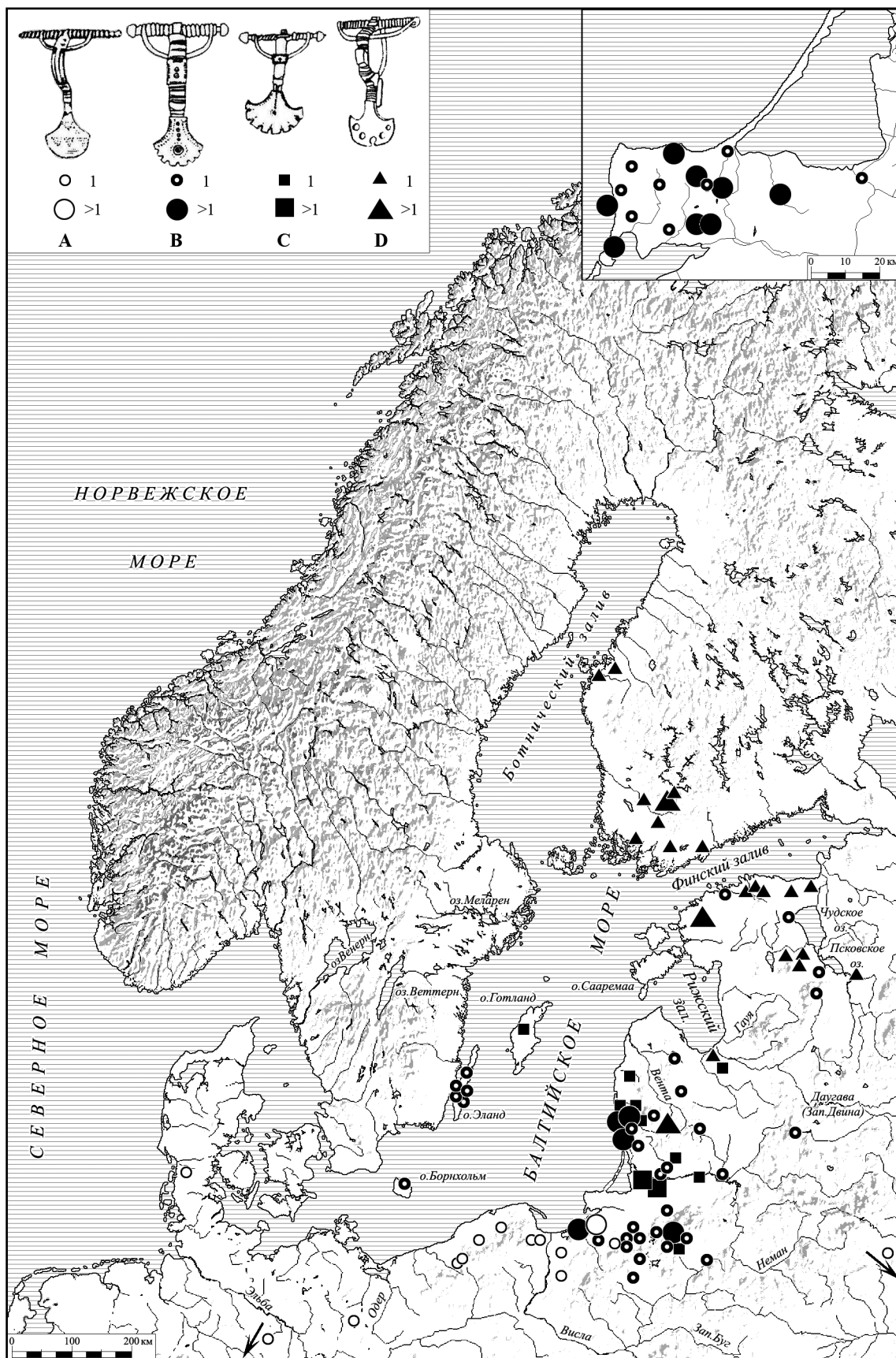

Рис. 21. Распространение фибул с расширенной звездчатой или лопатковидной ножкой (по Bitner-Wróblewska 2001).

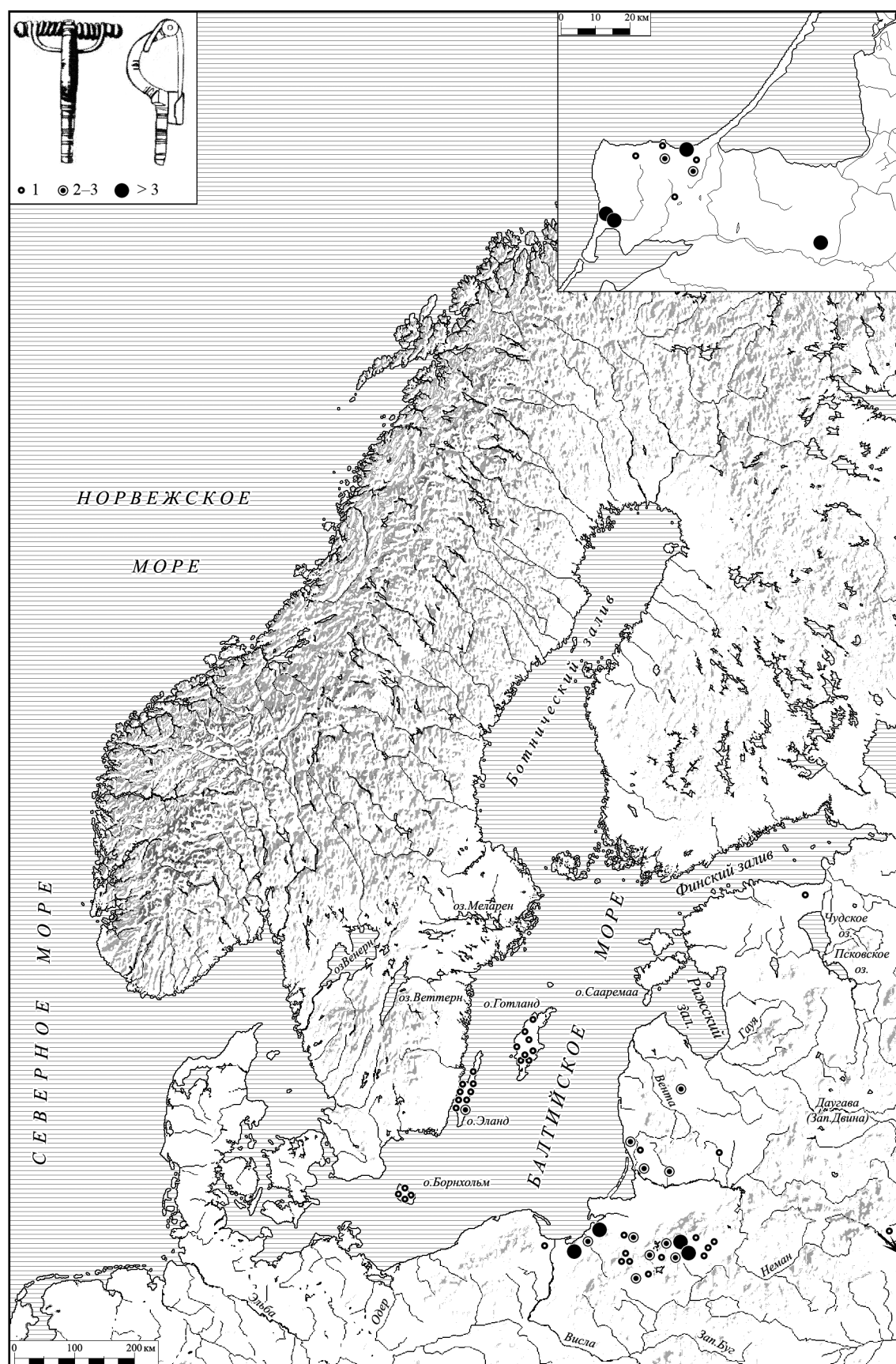

Рис. 22. Распространение фибул типа Шонварлинг (по Bitner-Wróblewska 2001).

3. Скандинавия и Балтика в эпоху переселения народов

№4. 2010

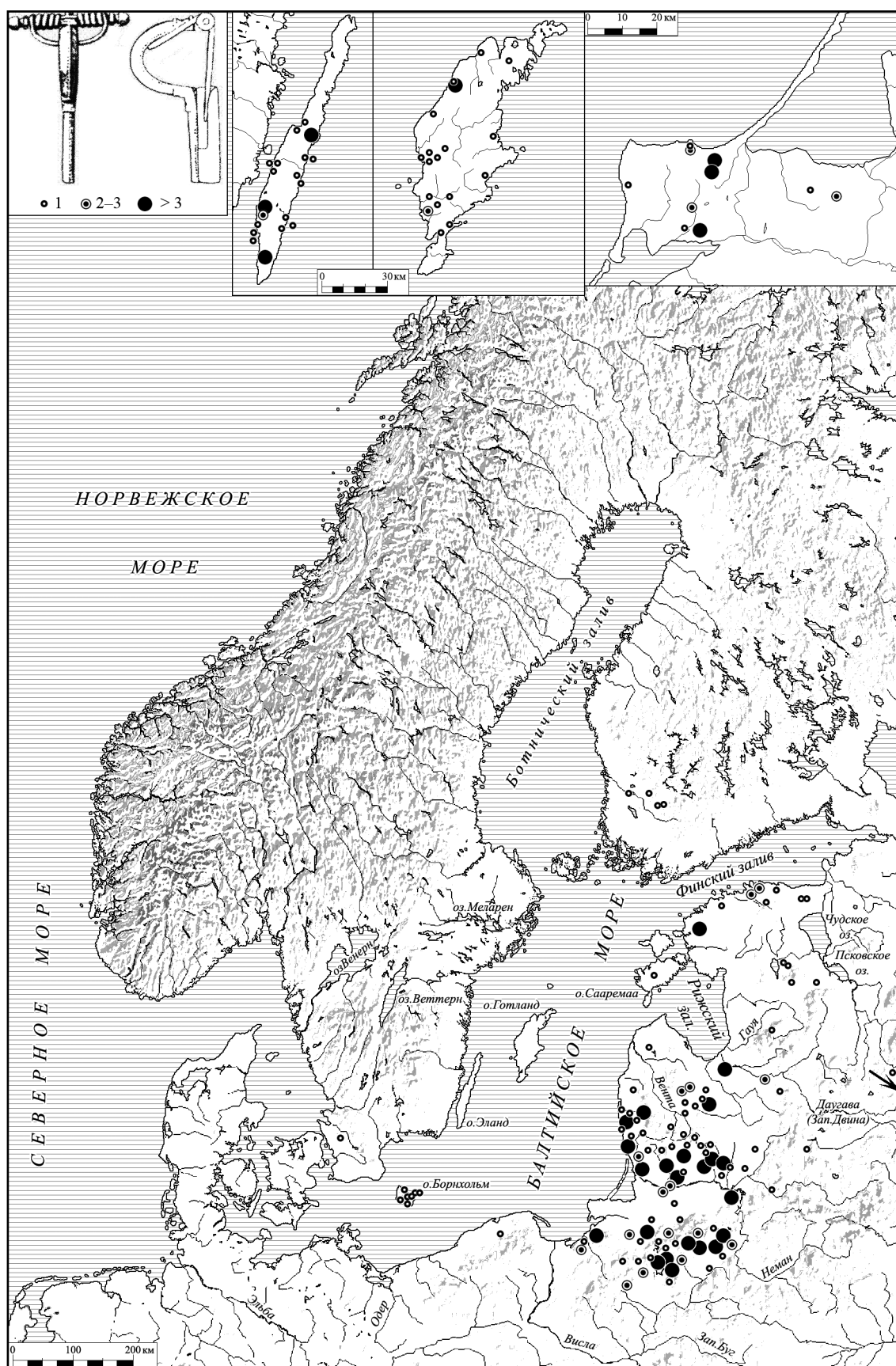

Рис. 23. Распространение фибул типа Долльхайм/Коврово (по Bitner-Wróblewska 2001).

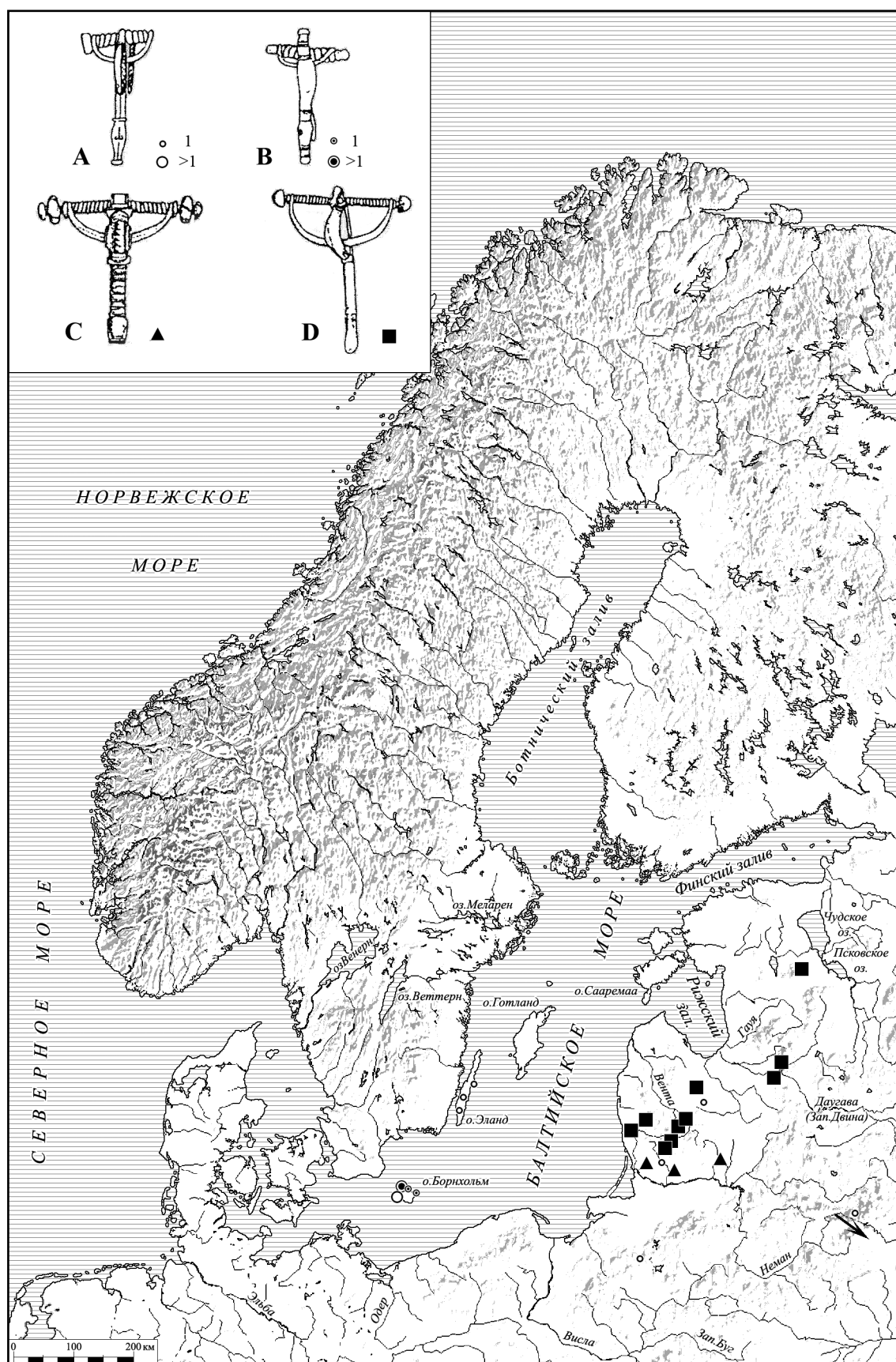

Рис. 24. Распространение фибул типа Сенсбург/Мронгово (по Bitner-Wróblewska 2001).

в Скандинавии и Финляндии исследователи выделяют 13 таких образований (Ramqvist 1991: 48, fig. 1; см. также Myhre 2003: 76), что точно соответствует, как заметил П. Рамквист (1991: 46), числу племенных скандинавских «королевств» у Прокопия (Прокопий, BG II.15.5).¹⁴

Вышеперечисленные центры по-разному участвуют в трансбалтийских контактах. Археологический материал показывает для Скании, Борнхольма, Готланда и Эланда приоритетную направленность связей с южным балтийским побережьем, то есть с Самбией, устьем Вислы, Мазурией (Несман 1989: 20). Эти связи носят не только экономический характер. Так распространение балтских фибул со звездчатой ножкой (рис. 21) свидетельствует, как предполагается, о наличии экзогамных браков между населением Самбии, с одной стороны, и Эланда, в меньшей степени, Готланда, с другой (Bitner-Wróblewska 2001: 124, 125, fig. 11, 12). В то же время фибулы типов Шонварлинг (рис. 22) и Доллькайм/Коврово (рис. 23), типичные для балтов, в заметном количестве «выпадают» на Борнхольме, Эланде, Готланде (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 3, 6, 7), а фибулы типа Сенсбург-Мронгово (Sensburg/Mragowo) (рис. 24), характерные для Эланда и Борнхольма, появляются в Пруссии, Литве и даже на днепровских порогах (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 15, 16a).

Более северная — скандинавская зона, включающая Готланд, Уппланд и Норрланд, ориентируется на контакты с Финляндией и Эстонией (Несман 1989: 20). Шведская экспансия на восточном берегу Балтики ощущается все более и более со второй половины V в. (Nerman 1929). Роль торговли в этих контактах несомненна, однако некоторые скандинавские археологи считают, что ее не стоит преувеличивать. По их мнению, политические альянсы между знатью разных племен, а также чисто военные события — набеги с целью грабежа — играли не меньшую роль (Несман 1989: 21). Предполагается, что особенно притягательными для скандинавов были янтарь на юге и меха на востоке (Несман 1989: 21). Все же считается, что «связи через Балтику были спорадическими

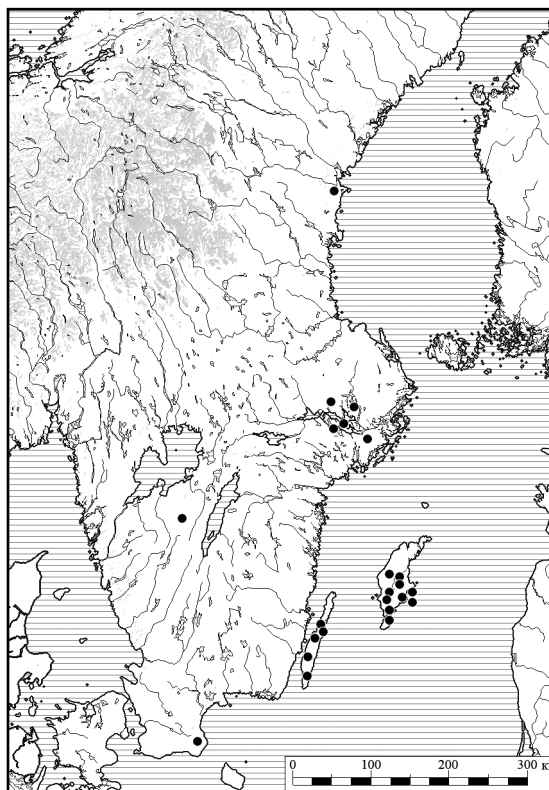

Рис. 25. Распространение кубков типа Снартемо в Швеции (по Stjernquist 1985—1986).

и представляли собой в большей степени выражение человеческого любопытства и жадности, нежели необходимость культурных контактов» (Несман 1989: 22). В этом смысле для У. Несмана балто-финно-славянские внутриконтинентальные контакты представляют собой неизмеримо более важное явление.

В определенной степени такая точка зрения оправдана. Действительно, в эпоху переселения народов на Балтике импорты сводятся почти исключительно к предметам роскоши, таким, как стеклянная посуда, украшения, золотые монеты (Lundström 1985: 272, 273), что указывает на ограниченную роль торговли. О роли политических связей в эпоху переселения народов говорят и находки в балтийском бассейне золотых брактеатов. Последние, как известно, имитируют римские наградные союзнические медальоны. Не исключено, что к скандинавским вождям они попадали в качестве дипломатических подарков от континентальных германских королей (Näsman 1998: 262).

Но, как бы там ни было, в V—VI вв. балтийский регион и Скандинавия достаточно прочно «привязаны» к общеевропейской системе коммуникаций и, в частности, к североевропейскому морскому пути (Vierck 1967: 59—63; Vierck 1981: 65, Abb. 1). Он

¹⁴ У. Несман выделяет в циркумбалтийском регионе гораздо большее количество раннегосударственных образований, их непрерывная цепь занимает на карте У. Несмана практически все балтийское побережье (Näsman 2006: fig. 6a). Однако аргументации для своей реконструкции У. Несман не приводит.

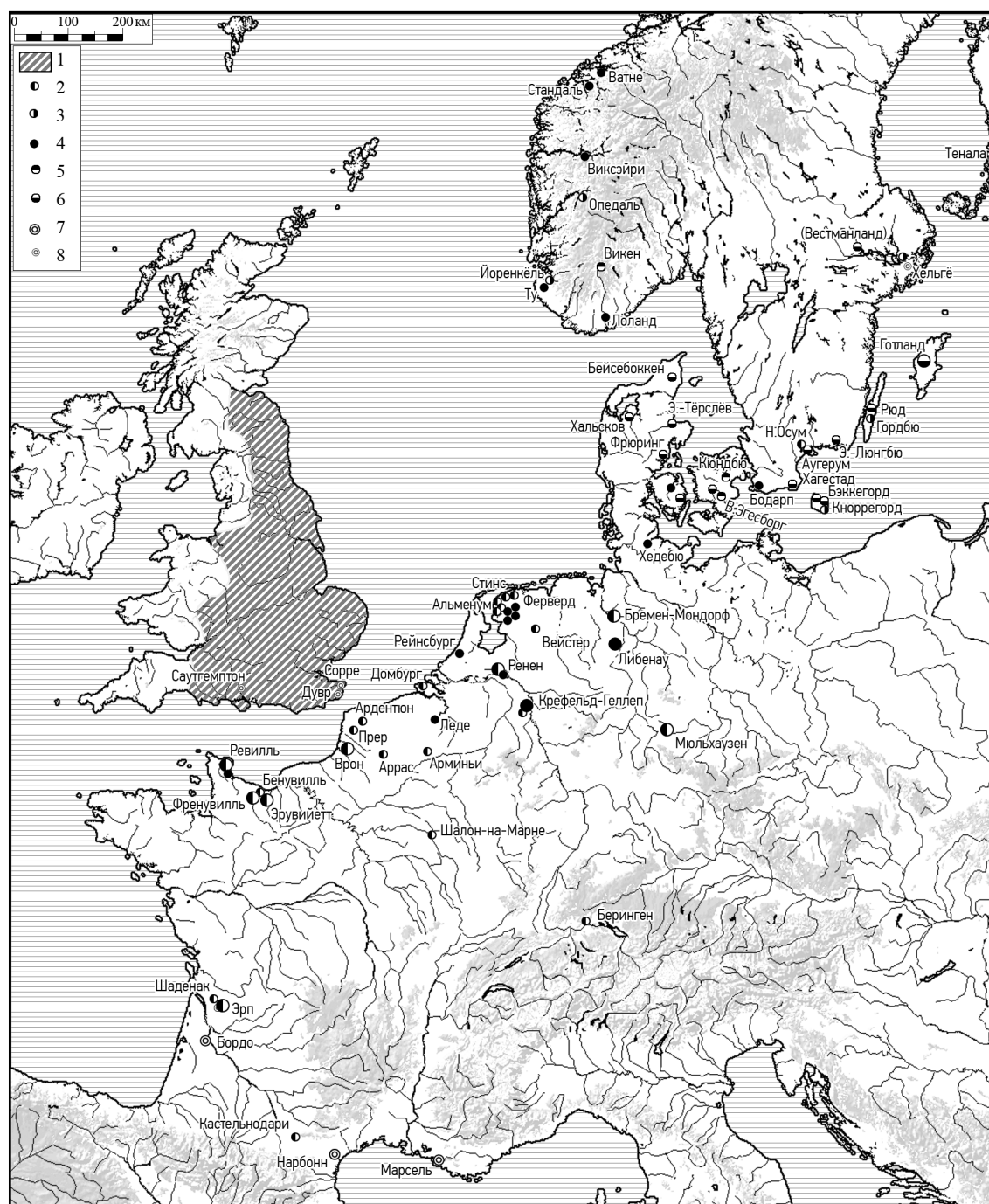

Рис. 26. Распространение англо-саксонских находок VI—VII вв. вне Англии и «Западный путь» (по Vierck 1981). 1 — регион происхождения англо-саксонских вещей; 2 — англо-саксонские вещи VI в.; 3 — копии англо-саксонских вещей VI в.; 4 — англо-саксонские вещи VII в.; 5 — копии англо-саксонских вещей VII в.; 6 — плоские круглые фибулы Южной Скандинавии, сделанные по англо-саксонским образцам, около 600 г.; 7 — торговые центры, известные по разным источникам; 8 — предполагаемые торговые центры.

проходил по Балтийскому и Северному морям (Vierck 1967: fig. 52), либо через датские проливы, либо через Ютландию, либо, наконец, с перевалочным пунктом у основания Ютландского перешейка (Kazanski, Mastykova 2005). Скорее всего, по этому пути попадают в Скандинавию западноевропейские импорты, такие как стеклянные кубки типа Снартемо, центр производства которых

локализуется где-то к северу от Альп и к западу от Эльбы, или же кубки типа Кемпстон (Näsman 1998: 264, fig. 2). Интересна география распространения кубков типа Снартемо (рис. 25). Они особенно хорошо представлены на Эланде, Готланде и в Восточном Свеаланде (Stjernquist 1985—1986: fig. 3), то есть в районах существования гипотетических варварских королевств. Видимо, по тому же пути

попадают в Скандинавию и престижные образцы предметов меровингской аристократической культуры (мечи, шлемы и пр.), которые и формируют в VI в. местную «княжескую» моду (Näsman 1998: 278).

Основную роль на западном отрезке этого пути играли, судя по археологическим данным, континентальные и островные саксы, а также англ, юты, фризы. Не стоит забывать и варнов. Они в VI в., если верить Прокопию, контролировали побережье Северного моря до Рейна (Прокопий, BG IV.30.2, 18), то есть достаточно далеко продвинулись в западном направлении. Скорее всего, Прокопий, да и другие ранневизантийские авторы, называют варнами саксов, которые реально и занимали в это время территорию от Гольштейна до Рейна. Саксонское (или англо-саксонское) присутствие (рис. 26) хорошо проявляется в археологическом материале на нормандском и пикардийском побережье в V—VI вв., где известны лепная керамика, брактеаты, женские украшения, в первую очередь фибулы, а также пряжки и булавки, и, наконец, кремации саксонского облика (Böhme 1986: Abb. 69: Liste 8, № 68, 74, 75; Pilet 1992; Seillier 1992; Soulat 2009). Речь идет о несомненных археологических следах присутствия англо-саксонского населения V—VI вв. на галльском побережье Ла-Манша и Северного моря, по крайней мере, в секторе от Па-де-Кале до Шербурга. Поскольку англо-саксонские элементы в «чистом виде» в Галлии неизвестны и фиксируются только на могильниках и поселениях местного населения, можно заключить, что аккультурация этих заморских германцев происходила очень быстро и что политически они находились под эгидой меровингских королей.

Возможно, англо-саксам на этом пути содействовали и какие-то группы населения с Балтики. Во всяком случае, находки рельефных фибул с фризом из птичьих голов, скандинавской традиции, позднего V — раннего VI в., если судить по карте У. Несмана (рис. 27) (Näsman 1984: Abb. 2), концентрируются, с одной стороны, на островах Балтийского моря — Эланде, Готланде, Борнхольме, а с другой — на пикардийском и нормандском побережье (Thennes, Douvrend: Näsman 1984: Taf. 15: 5, 6; Bierbrauer 1975: Taf. 60: 1—3; Koch 1998: Taf. 37: 1, 2; Lortzen 2001: pl. 2: 1). Впрочем, большинство исследователей, как и сам У. Несман, считают эти фибулы, скорее, итало-восточногерманскими (см., напр.: Bierbrauer 1975: 93; Koch 1998: 247—249; Lortzen 2001: 35—37). Однако вне балтийско-североморской зоны учтена

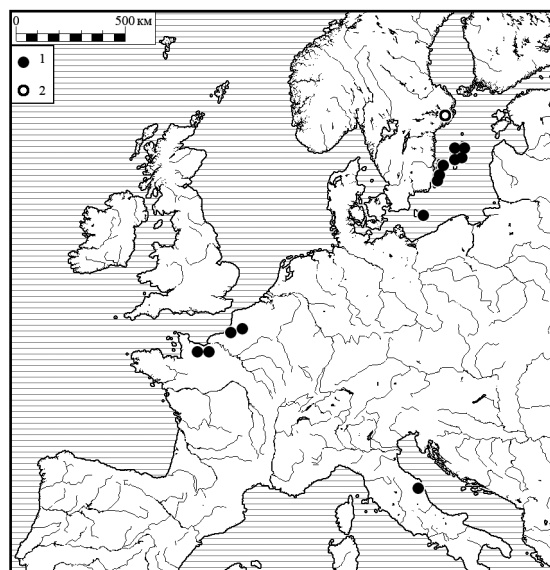

Рис. 27. Карта распространения рельефных фибул с фризом из птичьих голов (по Näsman 1984).

лишь одна подобная фибула, в Италии (San Andrea di Grottamare: Näsman 1984: Taf. 15: 4; Bierbrauer 1975: Taf. 23: 1).

Уже в V в. англо-саксы закрепляются, видимо, не без покровительства визиготов, на атлантическом побережье Западной Галлии, в стратегически важном месте, на Шаранте, об этом свидетельствуют находки англо-саксонских вещей в некрополе Эрп (Haith 1988; Kidd, Ager 1992; Эпоха меровингов 2007: VII.10.3—8; VII.10.11—15; VII.10.18, 19). Англо-саксонская крестообразная фибула найдена также в Аквитании, в Кастельнодари (Werner 1970: 77, Abb. 6; Reichstein 1975: 149, № 760), на сухопутной дороге, связывающей Атлантику со Средиземноморьем (Vierck 1970: 390—393; Vierck 1981: Abb. 1). Так к середине VI в. формируется «Западный путь» (рис. 26), который, вместе с «Восточным путем», становится осевой линией североевропейских коммуникаций.

В то же время на восточном отрезке этого североевропейского пути, на Балтике, активную роль видимо играют скандинавы, при участии балтов и финнов. Вдоль южного и восточного берега Балтики в V — раннем VI вв. фиксируется цепь археологических памятников, оставленных какими-то милитаризованными группами (Kulakov 2000: 288—289). Эти памятники характеризуются находками «парадной» экипировки, такой, как мечи с богатым декором или престижный конский убор, а также предметов «профессионального» вооружения, например, мечей и умбонов щитов (в отличие от так называемого «народного» оружия — копья, стрелы, топоры, скрамасаксы).

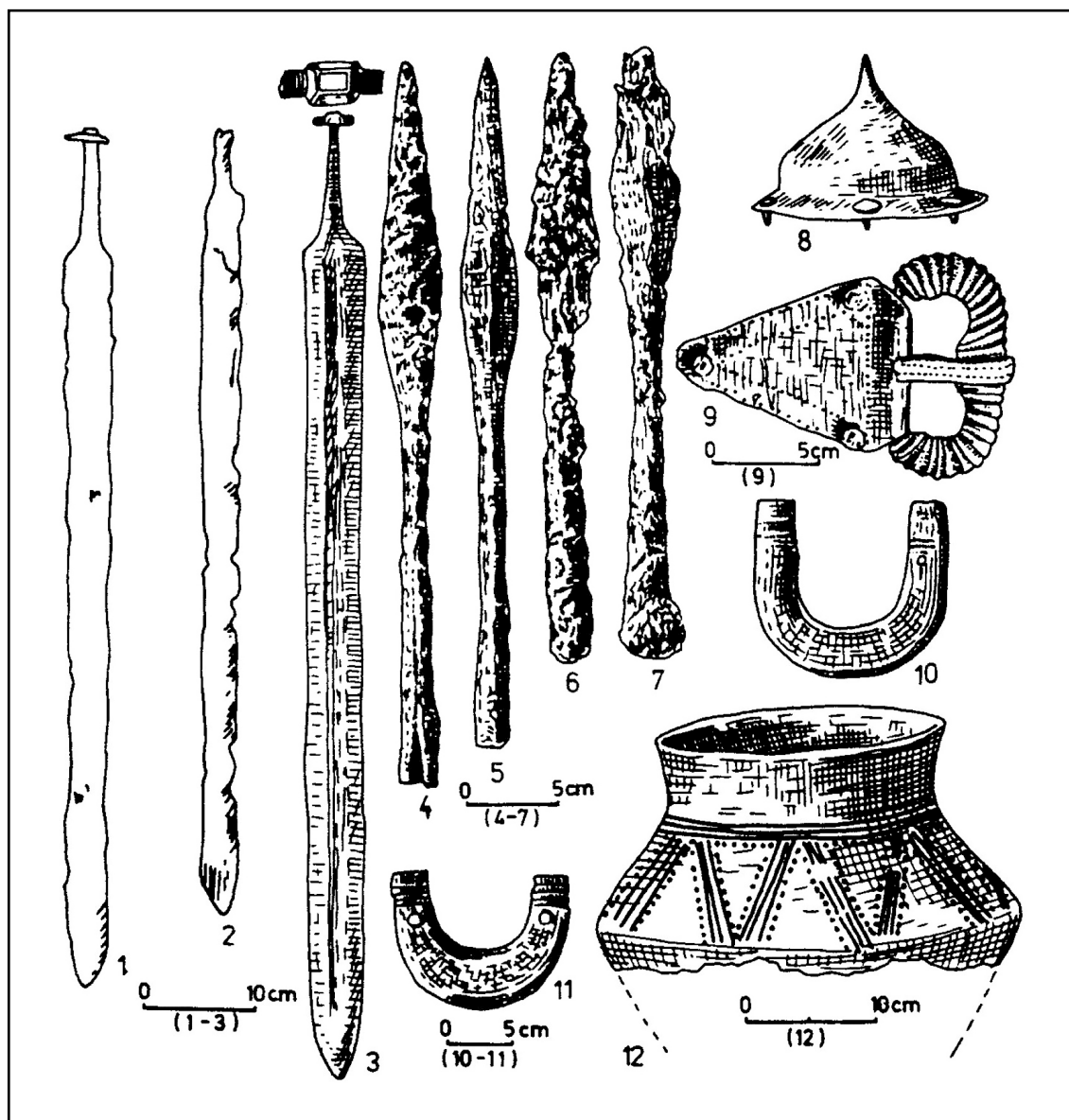

Рис. 28. Вещи из находки в Глувчице/Гловис (Machajewski 1992).

Назовем находки в Поморье, такие как погребение Глувчице (Glówczyce/Glowiss) на побережье (рис. 28) и речная находка в Фридрихсхаль (Friedrichsthal), в нижнем течении Одера (рис. 29) (Machajewski 1992: 77, 78, гус. 4; Эпоха меровингов 2007: № 0.1).¹⁵ В Восточной Пруссии известны уже упоминавшиеся захоронения воинских предводителей с парадными мечами и конским убором в некрополе Варникам/Первомайское (рис. 3), на южном берегу Вислинского/Калининградского залива (Кулаков 1990: 62, № 17; Кулаков 1997; Kulakov 2005: 139, 140). В Экриттен/Ветрово,

на противоположном берегу Самбийского полуострова, также найдено «вождеское» погребение с золотой фольгой от декора меча (Ehrlich 1931: 30, Abb. 14; Кулаков 1990: 81, № 68, табл. 25, 2).

Погребения V в., явно связанные с воинской элитой, обнаружены у балтов близ устья Немана, на могильнике Видгирай. Здесь отсутствуют привычные для таких памятников парадные мечи и предметы профессионального вооружения, зато в погребениях представлены скрамасаксы с портупейной гарнитурой, шпоры и престижные серебряные фибулы с позолотой (Šimenas 2006). Удивляет отсутствие подобных погребений на куршском побережье Литвы и Латвии, тем более что позднее, с вендельского времени, здесь функционирует известный военноторговый центр в Гробине. Возможно, это

¹⁵ По непонятным причинам эта находка, времени не ранее 500 г., в каталоге (Эпоха меровингов 2007) помещена в разделе «Начало эпохи Великого переселения народов».

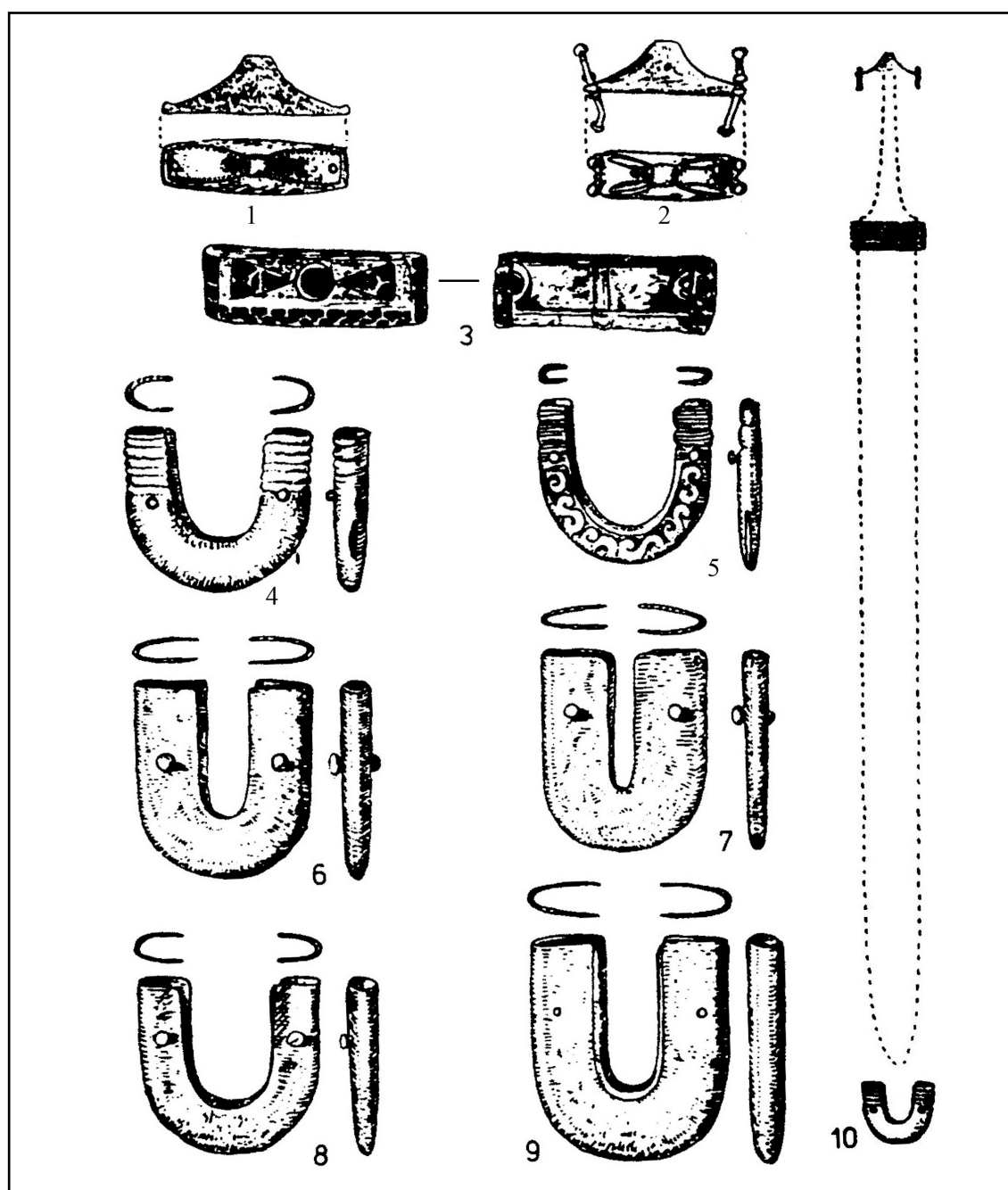

Рис. 29. Вещи из погребения Фридрихшталь (Machajewski 1992).

связано с обезлюдением данного сектора балтийского побережья в конце поздне римского времени и в эпоху переселения народов (Žulkus 2000: 92—97), когда постепенно исчезают западнолитовские могильники римского времени, содержащие погребения с каменными венцами (о них см.: Таутовичюс 1980: 81; Žulkus 2000: 89—96). Однако немногочисленные материалы V—VI вв. на куршском побережье известны, по крайней мере, в его литовской части, в частности, на могильниках Аукштакемья/Оберхоф (Nowakowski 1999: 110, 112—114), Вилькичай/Вилкитен (Bliujienė 2003: 125, fig. 2) и Сленгай (Žulkus

2000: 97). При этом на Аукштакемья/Оберхоф найдена северонемецкая фибула, близкая типу Брейтенфурт (Reich 2006: Abb. 6: 3), которая, скорее всего, попала сюда морским путем.

Как мы увидим далее, в западной и северо-западной Эстонии погребения с престижными мечами найдены на о. Сааремаа (Пайю: рис. 45:7, 8), на берегу Моонзундского пролива (Лихула, Киримяэ: рис. 45: 6 и 48) и близ устья Финского залива (Прооза: рис. 45: 1—5). На противоположной стороне Финского залива, в Суоми-Варсинайс и западной части Усимаа, воинские погребения также представлены двумя группами. Одна такая группа ло-

кализуется у основания полуострова Гангут-Ханко (Pihlman 1990: Kuva 2; Пихлман 1992: рис. 1: 7), вторая находится несколько севернее, на территории современной провинции Сало/Ускела (Pihlman 1990: Bild 2; Пихлман 1992: рис. 1: 5).

В Померании эти находки явно связаны с присутствием скандинавского элемента, в то время как в Пруссии и Литве они принадлежат, скорее, балтам-эстиям или видивариям, а на эстонском и финляндском побережье —

финнам. Таким образом, к середине VI в. формируется морская трасса от Атлантики до Финляндии; она приобретает особое значение в связи с военной активностью авар и славян, перерезавших с 560—570-х гг. среднеевропейские коммуникации (подробно Vierck 1967; 1970; 1981). В этом контексте и следует рассматривать сведения письменных источников о скандинавской торговле мехом, а также первые археологические свидетельства появления скандинавов в Северной России.

4. Финляндия на Восточном пути

В Фенноскандии, помимо Норвегии, Норрланда и Лапландии, есть еще один регион добычи пушнины: это современная Средняя и Южная Финляндия. Предполагается даже, что пушная охота вызвала еще в римское время волну переселения прибалтийских финнов из Эстонии в Финляндию (Salo 1968: 238—240). По мнению филологов, Юго-Западная Финляндия и Остерботния известны в античной письменной традиции уже с римского времени. Это полуостров *Aeningia* = *Feningia* Плиния (Svennung 1974: 67—70). Так ли это, сказать трудно: на карте балтийского региона можно легко найти и другие территории, имеющие форму выступа и заселенные в древности финнами — такие, как, например, западная Эстония с Моондзунским архипелагом или северо-западная часть Курземе. Последняя трактовка, кстати, и принята русскими исследователями (см., напр.: Mačinsky 1974; Мачинский, Тиханова 1976: 63; 64; Щукин 1994: 240; Shchukin et al. 2006: 7). Считается также, что *Sitonum gentes* Тацита, соседящие со свионами и управляемые женщинами (*Germania* XLV.9), соответствуют населению Суоми или Остерботнии, то есть юго-западного и западного побережья Финляндии (Svennung 1974: 220—243). Впрочем, близкие по созвучию этнонимы зафиксированы и в других регионах финского мира. Вспомним хотя бы современных сету российско-эстонского пограничья в районе Изборска.

Как бы то ни было, скандинавское влияние в Финляндии фиксируется по археологическим материалам уже с римского времени: назовем, в частности, привилегированную могилу с римскими импортами в Лайтила-Соукайнен (Laitila-Soukainen) (Kivikoski 1954). Кстати, по Х. Фирку, основной побудительной причиной установления финско-

скандинавских контактов была добыча меха (Vierck 1970: 388).

Рассмотрим ситуацию в южной половине Финляндии в эпоху переселения народов и возможную роль этого региона в меховой торговле. Археологические памятники интересующего нас времени из Южной и Средней Финляндии финские археологи относят к ранней фазе эпохи переселения народов (400—550/600), древности последующей эпохи (550/60—800) характеризуются как принадлежащие поздней фазе переселения народов (Kivikoski 1973: 10) или как «меровингские» (напр., Сегер 1984).

Напомним, что в эпоху переселения народов в южной половине Финляндии существуют три зоны расселения (рис. 30) (Сегер 1984):

1. Суоми-Варсинаис, с западной оконечностью области Уусимаа (далее — Суоми). С точки зрения демографии это ведущий регион, со стабильной демографией, сравнительно плотным земледельческим населением (Сегер 1984: 100, 105, 106). В Суоми погребения с оружием располагаются почти исключительно в шхерах и на небольших речках, что может объясняться соображениями безопасности (Сегер 1984: 105). На прилегающих Аландских островах могильники известны с VI в. (Kivikoski 1968: 91).

2. Сатакунда — южная часть Тавастланда-Хяме (далее — Сатакунда). Здесь наблюдается постоянный рост населения в течение всего железного века, количество могильников все время возрастает. Это указывает на внутреннюю колонизацию, связанную с развитием промыслов, требующих передвижки населения (Сегер 1984: 100, 106). Восточная часть Хяме, по мнению финских исследователей, отличается самобытностью и скорее тяготеет к восточноевропейским культурным типам (Корпела 2006: 76).

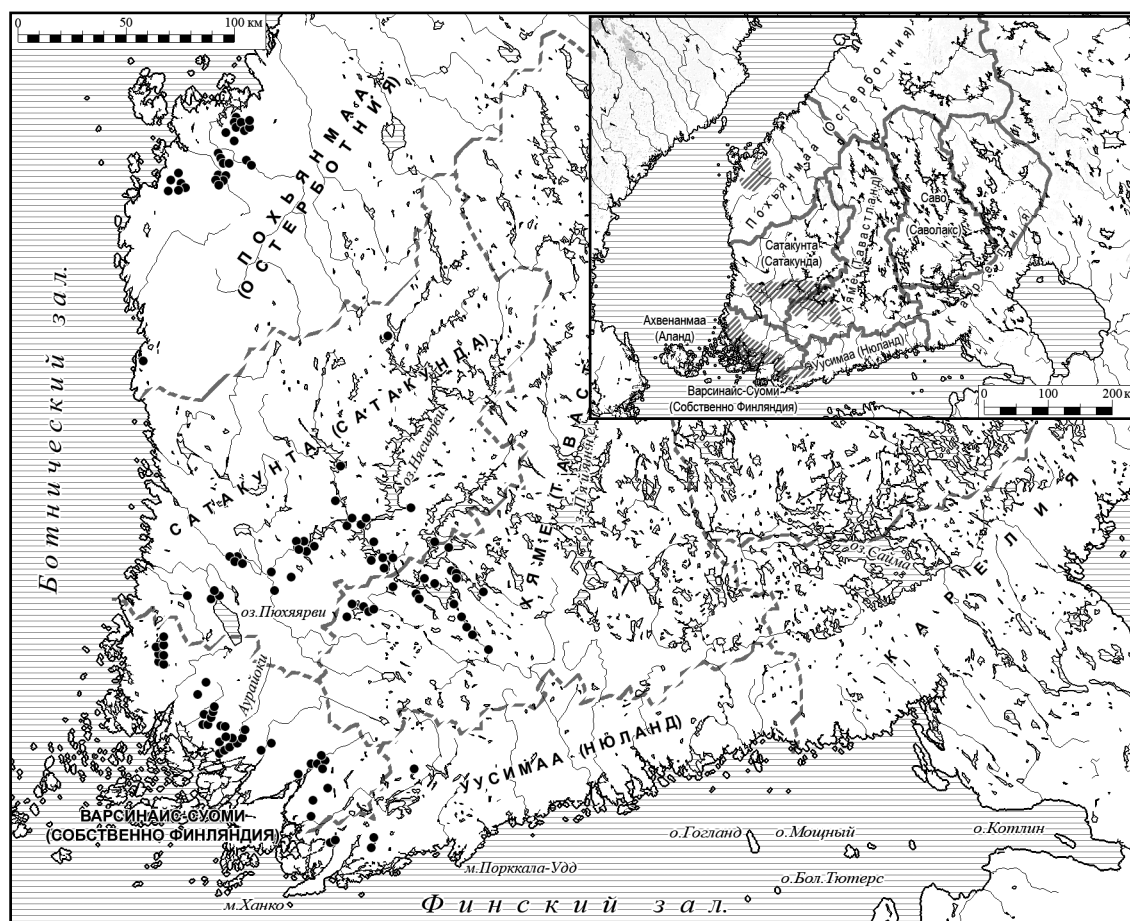

Рис. 30. Памятники эпохи переселения народов в Финляндии (по Pihlman 1990; врезка — по Schauman-Lönnqvist 1999).

3. Остерботния. Этот регион, составляющий часть исторической области Похьямаа, пережил демографический расцвет в эпоху переселения народов, сменившийся впоследствии резким демографическим спадом. Возможно, упадок связан с социально-экономическими причинами, такими, как кризис в торговых контактах с внутренними областями Финляндии (Пихлман 1992: 90), или же с военной угрозой, а может быть, даже и с уже упоминавшейся юстиниановой чумой (Сегер 1984: 100, 101, 107).

Все три региона характеризуются одинаковой материальной культурой и погребальной обрядностью (Schauman-Lönnqvist 1999: 65). Во всех трех регионах имеются зоны концентрации погребений с оружием (Pihlman 1990: Bild 2; Пихлман 1992: рис. 1). Здесь нередко встречается «профессиональное» оружие: умбоны и рукояти-манипулы щитов, мечи, в том числе меч с навершием «саксонского» типа Фрелсгарден-Либенау (рис. 31) (Tenhola-Eastarby: Kivikoski 1973: Taf. 55: 502; Menghin 1983: 307: A.I.1.c.3: о них см. ниже), известен воинский ритуал преднамеренной порчи оружия (см., напр.: Hackman 1905:

Abb. 15: 2, 4, 5, 16: 1, 18: 2, 3, 19: 1, 21: 10. Kivikoski 1973: Taf. 34: 286; Hirviluoto 1976: fig. 1: 5). Население Финляндии быстро реагирует на инновации в военной технологии в Балтийском регионе. Так, в V в. здесь распространяются двушипные копья, копья на длинной втулке с листовидным пером и умбоны с шипом, а в первой половине VI в. — умбоны, напоминающие меровингские, с кнопкой на шипе (Pihlman 1990: 307—308; Kuva 25—26). Высокая степень милитаризации и наличие могил предводителей с престижными мечами германской традиции (Menghin 1983: Abb. 36: 40) свидетельствуют о существовании здесь военно-политических структур, схожих со скандинавскими, то есть малых варварских «королевств», которые и контролировали финскую территорию (Ramqvist 1991: 48; 1992: 23, fig. 7; Wyszomirska-Werbart 1992).

По количеству престижных находок выделяются два региона: Сало в Варсинайс-Суоми и Южная Остерботния (Schauman-Lönnqvist 1999: 66), видимо, соответствующие каким-то центрам власти. Особенно привлекают внимание две могилы с золотыми вещами, Гюлдинт

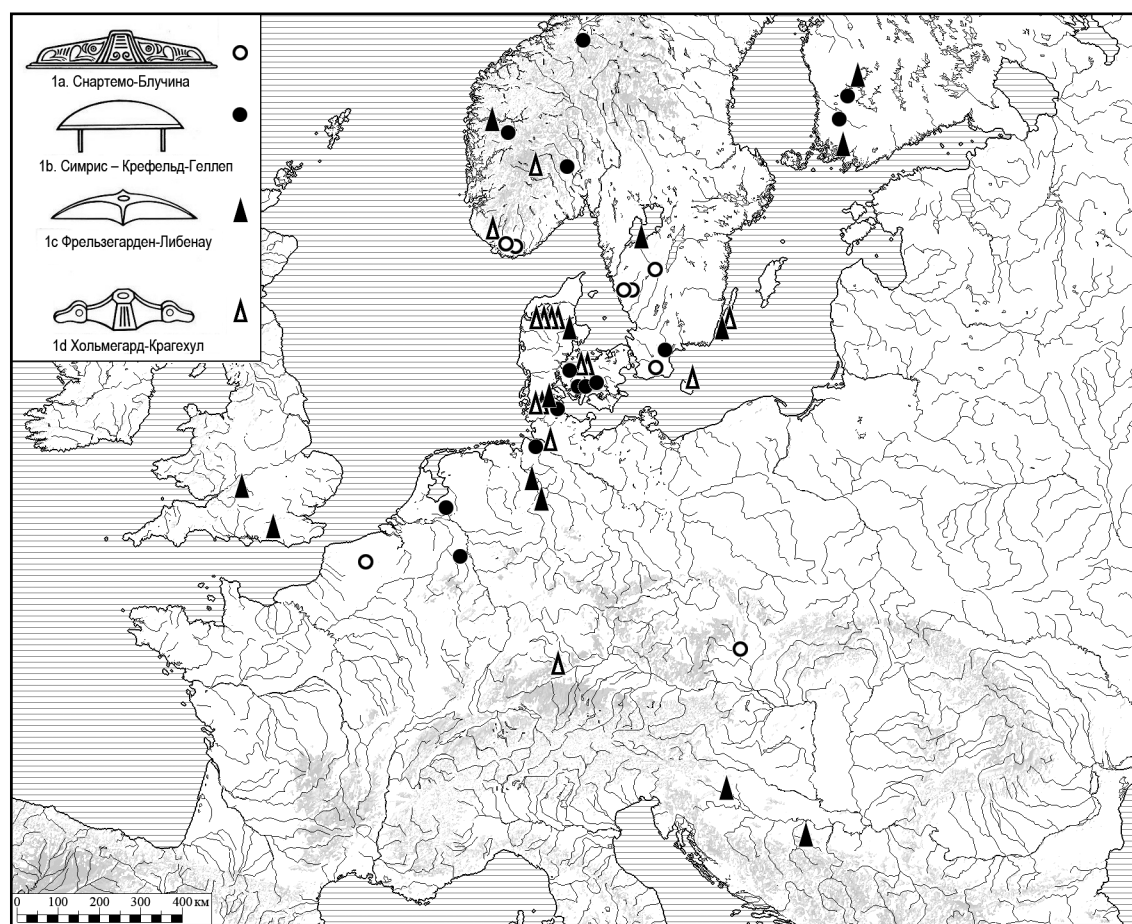

Рис. 31. Распространение наверший меча типов Фрельзегарден-Либенау и Симрис-Крефельд-Геллеп (по Menghin 1983).

(Gulldynt) и Киристимяки (Kiristimäki), курган 151 в Остерботнии (Schauman-Lönnqvist 1992: 235). Следует отметить и находки «дружинных» мечей VI в., с кольцами, вмонтированными в навершие. Такого рода мечи воины получали от предводителя в момент вступления на службу, они являются несомненным доказательством существования профессиональных воинских элит. В Остерботнии известно две находки таких наверший, в Сатакунде-Хяме — четыре. Их нет для VI в. в Суоми (там известны только более поздние формы, начала VII в.: Müller-Wille 1999: 8, Abb. 10), но такие навершия с кольцами есть на Аланде в Стенхаген, в кургане 22 (Schauman-Lönnqvist 1992: 234).

Самые ранние навершия с кольцами, найденные в южной Англии (Petersfinger, Faversham), датированы концом V в. (Evison 1967; Fischer 2007: 21). С VI в. навершия с кольцами распространяются в первую очередь в юго-восточной Англии и в Меровингском королевстве, от Сены до Везера (Fischer 2007: carte 1). В меровингских погребениях мечи с кольцами в навершии характерны начиная со второй трети VI в. (см. Legoux, Périn, Vallet

2004: № 93). К числу наиболее ранних находок относится меч из «вождеского» погребения Крефельд-Геллеп 1782, датированного второй четвертью VI в. (Franken 1996: Bd. I, Abb. 192, Bd. II., 899, 900, Kat. V.4.8). Считается, что в раннем VI веке такие мечи распространяются и в южной половине скандинавского региона. Они в это время известны в Дании, в Скании, в южной Норвегии, на Борнхольме, на Готланде и в Свеаланде (Müller-Wille 1999: 8, Abb. 8; Fisher 2007: carte 1). Надо, однако, учитывать два обстоятельства. Во-первых, наиболее ранние финляндские находки, как и большинство скандинавских (Fischer 2007: 21), относятся все же к несколько более позднему вендельскому времени, видимо, не ранее второй трети — середины VI в. Во-вторых, датировка скандинавских древностей VI в., предложенная А. Норгард-Йоргенсен (см., напр., для Готланда: Nørgård-Jørgensen 1992; для Борнхольма: Jørgensen, Nørgård-Jørgensen 1997; в целом для скандинавских погребений с оружием: Nørgård-Jørgensen 1999) и принятая в цитируемой работе М. Мюллер-Вилле (1999), вряд ли может считаться единственно возможной. Особое сомнение вызывают

относимые к первой половине VI в. пряжки меровингской традиции (Nørgård-Jørgensen 1992: fig. 4: GU 3; Jørgensen, Nørgård-Jørgensen 1997: fig. 54: GU3; Nørgård-Jørgensen 1999: Abb. 110: GU3), которые на континенте надежно датируются временем не ранее последней трети VI в. (ср. Legoux, Périn, Vallet 2004: № 148, 149: 157—159, 184).

Для эпохи переселения народов по археологическим данным выявлены достаточно сильные связи Свеаланда и Норрланда с Финляндией, прежде всего с Остерботнией. О них свидетельствует, например, распространение здесь вещей первого звериного стиля, скандинавских типов вооружения и убора.

Вещи первого звериного стиля, появившиеся в Финляндии под скандинавским влиянием (Erä-Esko 1965; Kivikoski 1973: № 226, 227, 231, 232, 259, 333, 329, 331, 288, 335, 334), отмечены во всех трех регионах расселения финнов, а также и на Аландских островах (Erä-Esko 1965: fig. 1). Всего на 1992 г. зафиксирована 31 находка вещей звериного стиля, из них 29 происходят из погребений (рис. 32) (Schaumann-Lönnqvist 1992: 232, 235, 238: Karte 10). Украшения звериного стиля попадают довольно далеко на восток, на о. Тютерс и на северную Ладугу (см. ниже), а также на север, в финскую Лапландию, как свидетельствует случайная находка рельефной фибулы в Рованиеми (Schaumann-Lönnqvist 1992: Anhang 3: № 31: Karte 10). Последняя находка, видимо, имеет прямое отношение к германо-лапонским контактам и к меховой торговле.

Среди вещей первого звериного стиля надо назвать рельефные фибулы (Erä-Esko 1965: pl. 3—6, 10), производившиеся в Хельгё, а возможно, и в других ремесленных центрах Свеаланда, встреченные в Остерботнии (Holmqvist 1972: fig. 105, 108, 111, 112, 114, 116, 117). Другим проявлением звериного скандинавского стиля являются пряжки с зооморфным вытянутым щитком (рис. 33: 4, 5) (см., напр.: Hackman 1905: Fund 22, Abb. 6: 20; Erä-Esko 1965: pl. 2: 11; 9: 39; Kivikoski 1973: Taf. 38: 329, 331; ср. Franzén 2007: fig. 1, 2, 17; Quast 2003: Abb. 4: 4).¹⁶ Необходимо назвать и Т-образные фибулы с зооморфными головками (рис. 33: 1, 7), явно восходящие к скандинавским прототипам (Kivikoski 1973: Taf. 26:

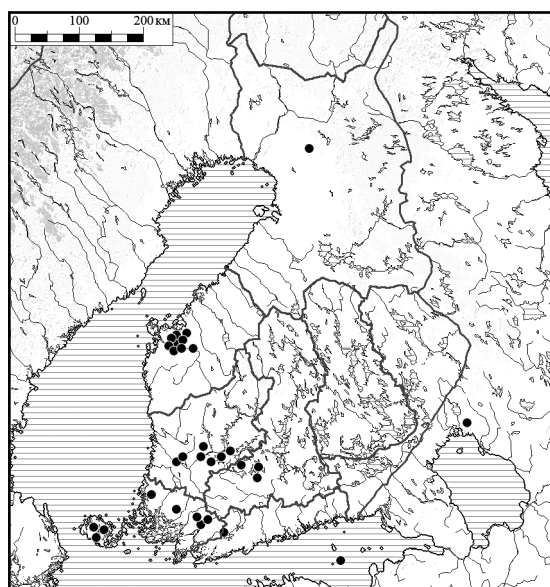

Рис. 32. Находки скандинавских вещей первого звериного стиля в Финляндии и на сопредельных территориях России (по Schaumann-Lönnqvist 1992).

226: ср. Эланд; Aberg 1919: Abb. 38: и более широко: Reichstein 1975: Taf. 37: 2, 6; 38: 4; 51: 8; 72: 2). Металлические «пуговицы» из средней Швеции, типичные для VI в. и особенно для его первой половины, есть в Остерботнии и в Тавастланд-Сатакунде (Lamm 1972: fig. 37: 41; Erä-Esko 1965: pl. 11—13; Erä-Esko 1986: Abb. 4b, 7b, c, 13), отдельные их типы изредка появляются и в Суоми (Lamm 1972: fig. 38: 50).

Шведские по происхождению булавки эпохи переселения народов и вендельского времени, особенно типичные для Свеаланда, и также, по крайней мере частично, изготовлявшиеся в Хельгё, известны в Остерботнии, в меньшей степени в Суоми (Waller 1972: fig. 8, 9, 11; Waller 1996: fig. 2a, b, d). Добавим сюда поясные гарнитуры эпохи переселения народов, в виде пластины с подвесным кольцом (как на рис. 51), известные в Финляндии (Vierck 1967: 58, Abb. 2: 1), Эстонии (см. ниже), на Готланде периода VI:1 (см., напр.: Nerman 1935: Barshaldershed № 11, Taf. 15: 171; Lilla-Björge, № 13: Taf. 16: 185; ср. также Waller 1996: pl. 8: I, 1—2.), в Норрланде (см., напр., Ramqvist 1990: fig. 49), в Свеаланде (см., напр., Waller 1996: pl. 1: 6; 4: 104; 8: 2) и в устье Вислы, на могильнике Пруц Гданьский 5 (Quast 2004: Abb. 17: 5). Видимо, к числу скандинавских элементов надо причислить и крючки-застежки с крупными кнопками (Kivikoski 1973: Taf. 39: 347), параллели которым имеются, например, на Готланде, на Эланде и в Свеаланде (напр., Nerman 1935: № 178: Taf. 51: 532; Stenberger 1933: fig. 43; Menghin 1983: 203: № 7) и даже в восточной

¹⁶ Впрочем, похожие зооморфные пряжки имеются не только в Скандинавии. Близкая параллель пряжке Вякхюрё-Кирстиньяки (рис. 33: 4) происходит также с прусского могильника Ротебуде (Quast 2003: Abb. 4: 3). Известны зооморфные пряжки и в Византии, хотя они и несколько отличаются (Quast 2003: Abb. 4: 1).

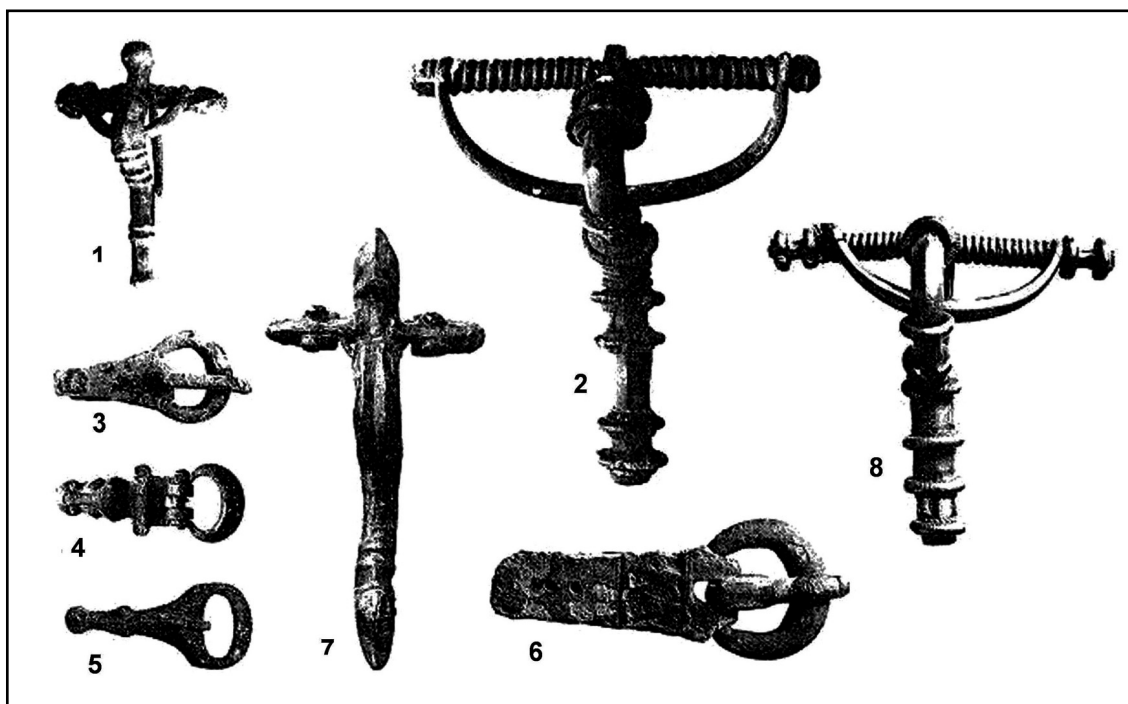

Рис. 33. Некоторые инородные вещи эпохи переселения народов в Финляндии (Kivikoski 1973). 1 — Вяхяюрё-Валлинмяки (Vähäkyrö-Vallinmäki, № 199); 2 — Кокемяки-Кёёникямяки (Kokemäki-Köönikämäki, № 197); 3 — Маалаhti-Юнкайсбрэннан (Maalahti-Junkaisbrännan, № 322); 4 — Вяхяюрё-Кирстинмяки (Vähäkyrö-Kirstinmäki, № 331); 5 — Лайтила-Пярккё (Laitila-Pärkkö, № 329); 6 — Маалаhti-Лилтелсар (Maalahti-Liltelsar, № 328); 7 — Муурила-Эйяля (Muurila-Äijälä, № 226); 8 — Турки-Корпполайсмьяки (Turki-Korppolaismäki, № 198).

Англии (Vierck 1967: Abb. 2: 8), а также характерные гребни типа Томас 3: «скандинавской» серии, с выемками у основания выступа (Kivikoski 1973: Taf. 40: 361: ср. Ramqvist 1992: pl. 73).

Скандинавское происхождение имеет и ряд двупластинчатых и арбалетных фибул эпохи переселения народов, найденных в Финляндии. Это, например, дериваты скандинавских Т-образных (Kivikoski 1973: Taf. 27: 223, 227), арбалетные литые фибулы с кнопкой и расширенной спинкой (рис. 33: 1) (Kivikoski 1973: Taf. 24: 199; 26: 214; 27: 222; ср. Готланд: Straume 1987: Taf. 88: 3; Almgren, Nerman 1923: Textfig. 167), арбалетные литые с расширенной ножкой (Kivikoski 1973: Taf. 25: 207: ср. Готланд: Bitner-Wróblewska 2001: Pl. 10: 2), двупластинчатые с выступами на головке и на ножке (Kivikoski 1973: Taf. 26: 221; ср. Готланд: Nerman 1935: № 56, 92: Taf. 7: 46, 50; Straume 1987: Taf. 88: 1), двупластинчатые с полукруглой головкой и подтреугольной ножкой (Kivikoski 1973: Taf. 26: 213; ср. Готланд: Nerman 1929: Abb. 3: 26), арбалетные с коротким приемником и рифленной спинкой (Kivikoski 1973: Taf. 24: 201; ср. Эланд: Åberg 1919: Abb. 67).

Гривны с заходящими концами типа Андерссон R 300 (Andersson 1995: 946—94), найденные, в частности, в Старгарде

и Хаммерсдорфе (см., напр.: Эпоха меровингов 2007: IV.1: IV.4; Кулаков 1998: 99: рис. 5), найденные в Финляндии (см. список: Moora 1938: 339; Kivikoski 1973: № 254), также могут быть скандинавскими по происхождению. Эти гривны скандинавского типа в римское время появились в Скандинавии и в Северной Германии и оттуда распространялись в Балтийском бассейне (Moora 1938: 322—332; Lincke 1939; Аун 1992: 138—139; Abegg-Wigg 2008: 31—34). В Восточной Прибалтике речь чаще всего идет, конечно, о местных дериватах, которые, тем не менее, отражают скандинавско-южнобалтийскую моду. Эти гривны переживают эпоху переселения народов и существуют по VII—IX вв (см., напр.: Андудай, погр. 319: Lincke 1939: Abb. 9).

Что касается пребывания скандинавов на территории Финляндии, то с ними связывают здесь грунтовые трупосожжения ранней фазы эпохи переселения народов. Такие сожжения считаются готландскими (Kivikoski 1968: 85). Позднее, в период 550—800 гг., ингумации в Сатакунде также связываются с иммигрантами из Швеции (Kivikoski 1968: 103). Однако массового переселения германцев на территорию Финляндии не происходит, о чем свидетельствует хотя бы разница в традициях домашней архитектуры

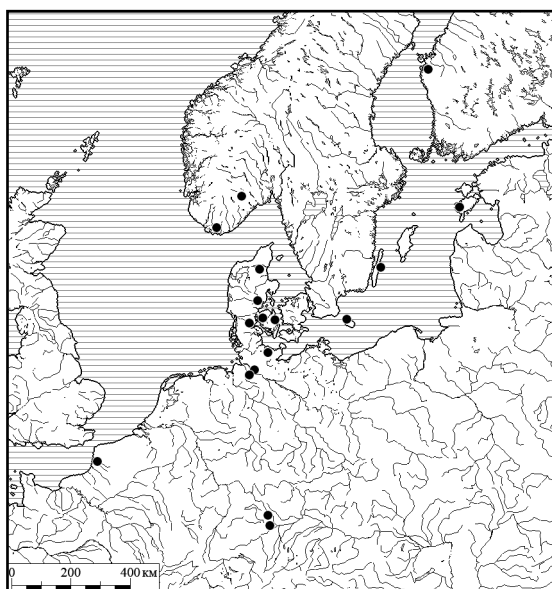

Рис. 34. Распространение наверший меча типа Кнар-ремозе (по Bemmman, Hahne 1994).

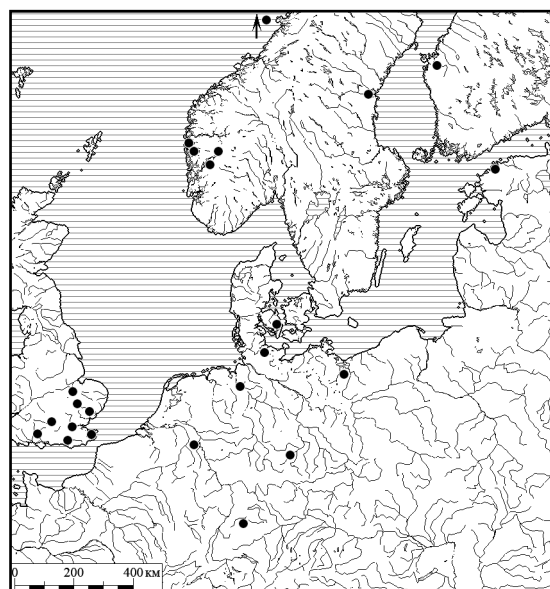

Рис. 35. Распространение наверший меча типа Брайтхемптон/Сигпи (по Bemmman, Hahne 1994).

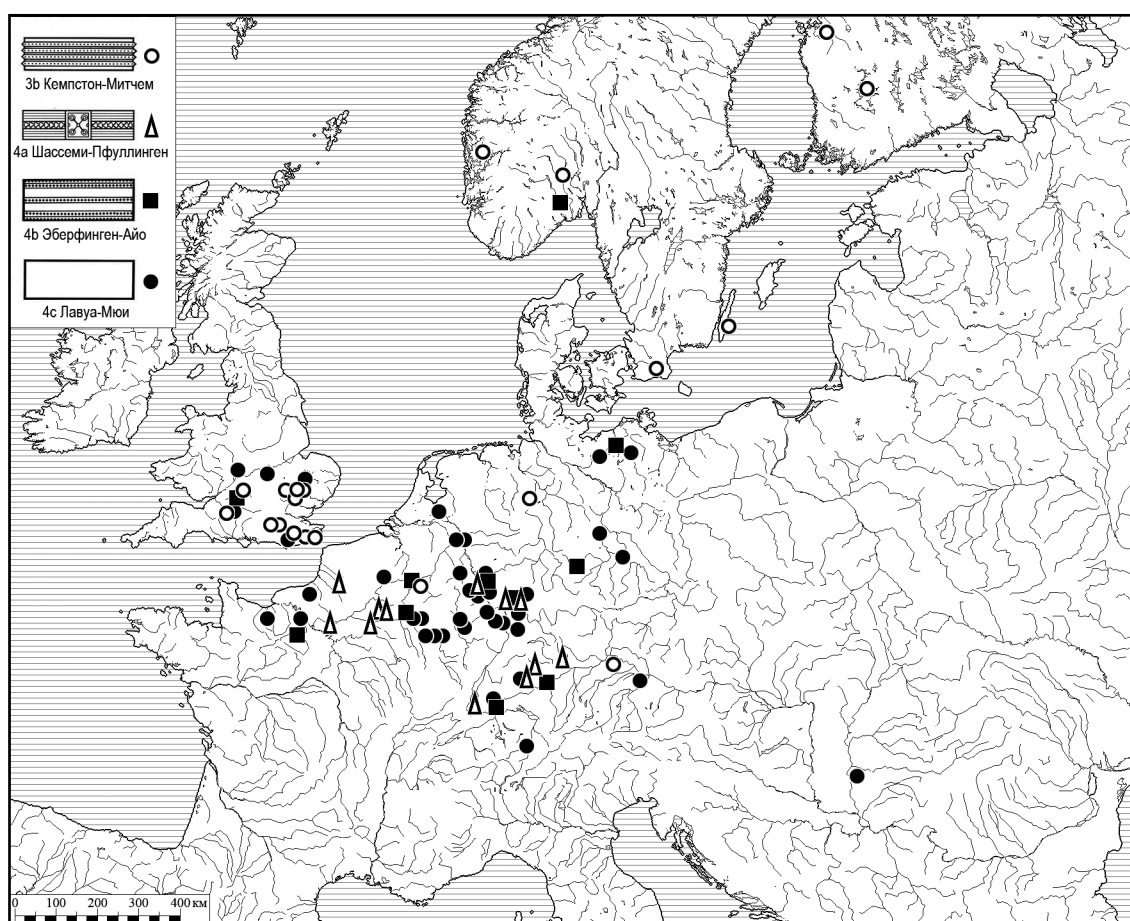

Рис. 36. Распространение устей ножен меча типа Кемпстон-Митчем (по Menghin 1983).

(Ramqvist 1991: 61—66). Нет, разумеется, и никаких признаков скандинавского политического лидерства в Финляндии в интересующий нас период (Kivikoski 1968: 102). Но в любом случае, как бы ни оценивать

роль скандинавов, их присутствие здесь очевидно.

Несколько иную географию распространения, чем украшения и детали убора, имеют найденные в Финляндии детали «парад-

ных» мечей V — раннего VI в. Так, скандинавское навершие меча V в. типа Кнарремозе (или Хольмегард-Крагехул по Menghin 1983) (рис. 34), найденное в Юнскарбраана (Junskarbränna) в Остерботнии, распространяется не в Норрланде и Свеаланде, а на Эланде, на Борнхольме, в Ютландии, на о. Фюн, в Шлезвиге, редко в Южной Норвегии, на о. Сааремаа (см. ниже), в Северной Галлии и на Верхнем Дунае (последние список и карта распространения: Vemmman, Nahne 1994: 564, Abb. 45). Навершие мечей V — раннего VI в., типа Симрис-Крефельд-Геллеп (рис. 31), известные в Сатакунде (Menghin 1983: Karte 1, Liste A, I, 1b: 10, 13), также более типич-

ны для южной Скандинавии. Они единично представлены в Скании, но их довольно много в Норвегии и в Дании, особенно на о. Фюн, известны они в также устье Эльбы и на нижнем Рейне (Menghin 1983: Karte 1: Liste A, I).

Навершие типа Фрельзегарден-Либенау (рис. 31), датированные V в., известны в Суоми и в Сатакунде (Menghin 1983: Karte 1: Liste A, I, 1 с, 3, 6). Их единичные находки отмечены на Эланде, в юго-западной Швеции, южной Норвегии и в Ютландии. Одна находка известна в Шлезвиге, две на нижнем Везере и две в южной Англии. Такая география распространения позволяет предположить их саксонское происхождение.

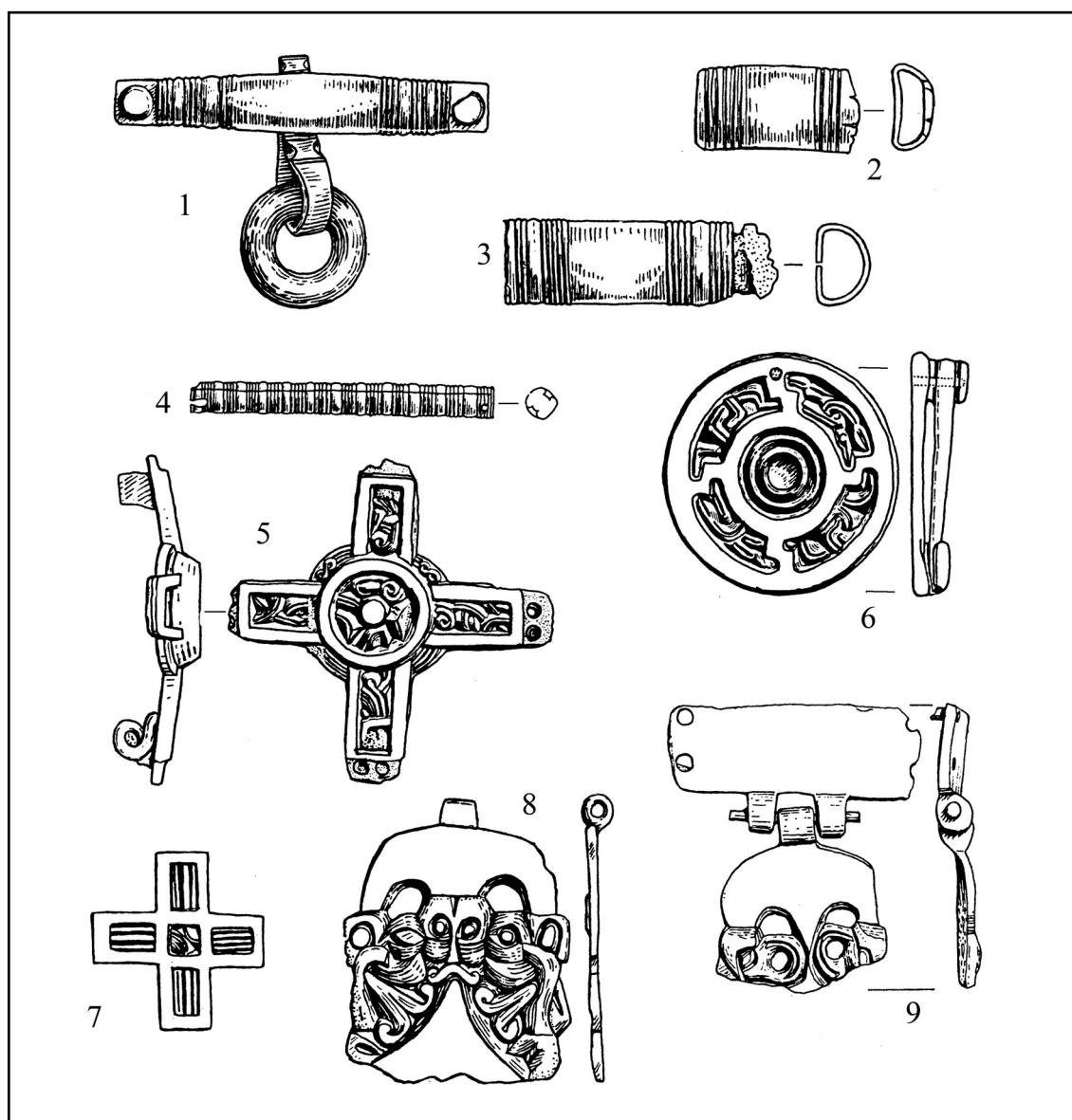

Рис. 37. Англо-финские и англо-скандинавские параллели VI в. (Vierck 1967).

1, 3 — Лойма (Loima), Сатакунда; 2 — Алфристон, Сассекс; 4 — Литтл Вилбрэхэм, погр. 26/27; 5 — Хельгё, сооружение 1; 6 — Ипсвич, Суффолк, погр. 124; 7 — Эстри, Кент; 8 — Бегинтон, Уорикшир; 9 — Асум (Åsum), Скания.

Навершие типа Брайтхемптон/Сипли (рис. 35) конца V — первой половины VI в. из Лагпелткангас, в Остерботнии, имеет единичные параллели в Эстонии (см. ниже), в Норрланде, на о. Фюн, в Шлезвиге, в Мекленбурге, в Тюрингии, Саксонии. Но в основном эти навершия распространяются в Южной Норвегии, меровингско-аламанской зоне от Северной Галлии до Верхнего Дуная, и в юго-западной Англии (Menghin 1983: Karte 2: Liste A, I.1.2b: 24; последние список и карта распространения: Bemmman, Nahne 1994: 565, Abb. 46). Мне представляется, что эти навершия связаны, в первую очередь, с англо-саксами.

Наконец, устья ножен типа Кемпстон-Митчем (рис. 36), позднего V — раннего VI в., попадающие в Остерботнию и Сатакунду (Menghin 1983: Karte 12: Liste B, I, 3b: 37, 41), известны по единичным находкам на Эланде, в Скании, в Саксонии и на верхнем Дунае, а также в северной Галлии и в южной Норвегии, но больше всего их в южной Англии (Menghin 1983: Karte 12, Liste B, I).

Таким образом, «парадное» оружие финнов в эпоху переселения народов указывает на ориентацию их воинской элиты на престижные стандарты не Свеаланда и Норрланда, а южной Скандинавии и Северного моря. О той же ориентации свидетельствуют и детали металлической поясной гарнитуры в виде металлических каннелированных втулок, времени около 500 г., найденные в Сатакунде и имеющие прямые англо-саксонские параллели (рис. 37) (Vierck 1967: 54—56, Abb. 1: 1—3; Kivikoski 1973: Taf. 39: 343, 344). Скорее всего, эта престижная воинская мода распространялась в рамках контактов по морскому североευропейскому пути, о котором уже шла речь.

С тем же путем связаны и известные в Финляндии «континентальные» вещи общемеровингского стиля позднего V—VI вв. Это пряжки с прямоугольным и трапециевидным основанием язычка (Kivikoski 1973: Taf. 38: 325; 65: 573; Erä-Esko 1986: 80—81, Abb. 13, 14), рубчатые пряжки (Erä-Esko 1986: 80—81, Abb. 16c, 17a), симметричные равноплечие фибулы (Erä-Esko 1986: 5V—VI2, Abb. 2). Отметим, наконец, находки солидов в Финляндии. Это монеты Феодосия II (Vöyri-Gulldunt: Kyhlberg 1986: 46) Льва I (Isokyrö-Pukkila: Kyhlberg 1986: 46), Зенона (Vöyri-Gulldunt: Kivikoski 1973: Taf. 34: 284) и Валентиниана III (Vöyri-Gulldunt: Erä-Esko 1986: Abb. 12) из Остерботнии.

В южной и западной Финляндии в заметном количестве встречены и вещи, про-

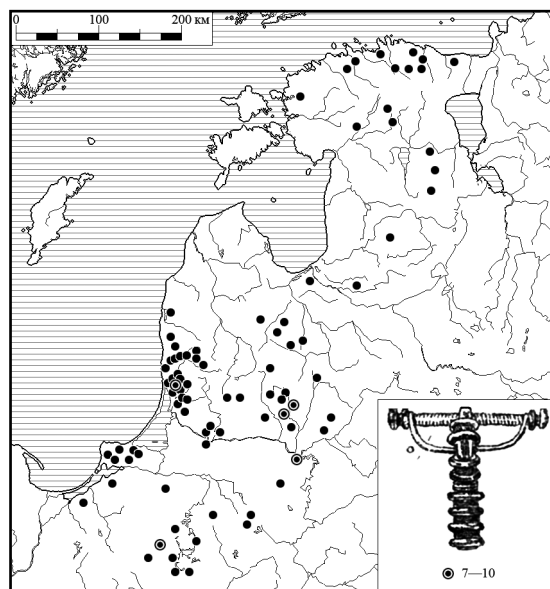

Рис. 38. Распространение фибул с кольцевым декором в Прибалтике (по Bertašius 2000).

исходящие с территории Восточной и Юго-Восточной Прибалтики. Прибалтийские влияния особенно сильны в Суоми, к югу от р. Аурайоки (Пихлман 1992: 88). Назовем в первую очередь фибулы с кольцевой гарнитурой, позднего V—VI вв. (рис. 33: 2, 8) (Kivikoski 1973: 41, № 197, 198; о них см. Moora 1938: 132—144). Подобные фибулы распространялись из Пруссии и с куршского побережья (рис. 38) (см. карту: Кулаков 2003: рис. 91), скорее всего, морским путем, как предлагал в качестве возможной гипотезы Х. Моора (Moora 1938: 134—135; Аун 1992: 140). Много их в приморских могильниках Курземе, в частности, в Руцаве (Moora 1929: Taf. 8: 6), а также в Литве (напр.: Moora 1938: 133, Abb. 24: 4). Фибулы с кольцевой гарнитурой есть в Земгалии, например, в могильнике Кюры на Тервете (Атзасис 1977: 433), единично они отмечены в устье Западной Двины, например, на могильнике Плявниекалнс под Ригой (Moora 1929: Taf. 9: 10; LA 1974: 41: 4. att). К северу от Западной Двины эти фибулы иногда встречаются на р. Гауе (Странте), затем появляются в Эстонии. В областях Уганди и в Ярвемаа (Järvamaa-Nurmekund-Mohu) известно 3 находки, 1 находка отмечена в Западной Эстонии, в области Ланемаа. Больше всего таких фибул в северо-восточной прибрежной части Эстонии, в Вирумаа (Bartašius 2000: Abb. 6), причем здесь есть ранние варианты (прототипы) еще римского времени (напр., Moora 1938: 133: Abb. 22: 2). К сожалению, после работ Х. Мооры данные фибулы не были предметом специального типологического изучения.

Похоже, что в Финляндии эти фибулы распространялись со второй половины V — рубежа V—VI вв. (Pihlman 1990: Kuva 28).

Балтские фибулы со звездчатой и лопатковидной ножкой (рис. 21) также известны в Суоми, Сатакунде и Остерботнии (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 11; fig. 27). Эта группа хорошо изучена (Bitner-Wróblewska 2001: 59—76), что избавляет меня от подробного описания их типологии, хронологии и зоны распространения. Интересно отметить, что балтские фибулы типа Долъкайм/Коврово (рис. 23) попадают только в Остерботнию и Сатакунду (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7).

Помимо фибул, в Финляндии известны и балтские булавки с коленчато изогнутым навершием (Kokemäki-Köönikänmäki, tumulus VII: Hackman 1905: № 29, Abb. 5: 9; Kivikoski 1973: Taf. 36: 249; Pernyö-Päärvis: Kivikoski 1973: 66, Taf. 47: 439, «латвийский тип V—VII вв» по Э. Кивикоски). Такие же булавки известны, например, в Великушкес (Седов 1987: табл. 125: 2; The Selonians 2007: № 577, 578), в Кентскалнс (Stubavs 1976: tabl. 5: 37—43), в Скерстайни (LA 1974: tabl. 41: 25), в Мошкенай (The Selonians 2007: № 817), в Юдонис (The Selonians 2007: № 581, 582).

Известны в Финляндии и пластинчатые браслеты с продольными рельефными валиками (напр.: Kivikoski 1973: Taf. 33: 262; 50: 454). Такие браслеты широко распространены у прибалтийских финнов и у балтов (Moora 1929: Taf. 26: 4; Moora 1938: 440—445). Они появляются здесь уже в позднеримское время (см., напр.: находки в Реола: Моора 1962: рис. 3: 8; Кохтла-Ярве 1: Шмидехельм 1955: рис. 32: 9; Ябара: Шмидехельм 1955: рис. 20: 9) и существуют в начале средневековья. Известны они и позднее, в древностях культуры смоленских длинных курганов и роменской культуры.¹⁷ Эти браслеты часто имеют гравированный декор (напр., Aspelin 1884: 343, fig. 1850, 1851; Graudonis 2001: fig. 5: 5, 6; 9: 5, 6; Graudonis 2003: 20: 5, 6; LA 1974: pl. 37: 34; 41: 32, 34; Kazakevičius 1993: pav. 187: 2, 23: 191: 2; Stubavs 1976: tabl. 3: 8; Vaitkunskienė 1995: fig. 2). Есть, однако, и гладкие браслеты (Kazakevičius 1993: pav. 102: 10—13; 187: 11, 17; Kuncienė 1983: pav. 4: 3; Graudonis 2003: att. 46: 6; LA 1974: 41: 28 att.; Tamla, Jaanits 1977: Abb. 2: 9). Узкие манжетообразные браслеты характерны в первую очередь для Земгалии и северной Литвы

(Атгазис 1980: рис. 5), хотя в Прибалтике они распространяются шире.

В Финляндии в нескольких погребениях эпохи переселения народов встречаются удила с трехчастными грызлами (напр.: Maalahti-Junkaisbrännan, Kaaria-Ristimäki: Hackman 1905: Abb. 15: 2; Kivikoski 1973: Taf. 42: 387; 70: 632). Этот тип идентифицирован С.Ю. Каргопольцевым как балтский (Каргопольцев 1994: 76; Каргопольцев 2000: 159). Эти удила действительно известны у балтов с римского времени и широко распространены в эпоху переселения народов, они попадают в V—VI вв. на Готланд, в Норрланд, Финляндию. Однако их дата может быть шире, чем эпоха переселения народов, поскольку на аламанском некрополе Клепсау такие удила представлены в контексте последней трети — конца VI в. (Koch 1999: 189—191, Abb. 11: a). В Карелии они встречаются и позднее, в эпоху викингов (Казанский 1999: 410).

Подводя некоторый итог, можно отметить, что набор прибалтийских и шведских импортов теснее всего связан с женским костюмом, возможно, это свидетельства перекрестных браков между знатными семьями Финляндии, Эстонии, Норрланда и Свеаланда (Schauman-Lönnqvist 1992: 227), а также, возможно, Пруссии, куршского побережья и Латвии. В то же время воинская престижная культура финнов ориентируется, судя по находкам парадных мечей, не на среднешведские, а на южно-скандинавские и англосаксонские воинские элиты, которые, в свою очередь, подражают военной культуре меровингской знати.

В Финляндии для эпохи переселения народов археологически отмечены и контакты с Восточной Европой. В Остерботнии найдена пряжка, типичная для древностей Прикамья (рис. 33: 3) (Maalahti-Lilltelsar: Kivikoski 1973: 54, № 322; ср., напр.: Голдина, Водолаго 1990: табл. 24: 5, 6, 14, 15), пока единственная уральская вещь V—VI вв. в северо-восточной Прибалтике.¹⁸ Подобные вещи полностью отсутствуют в Скандинавии и южной Прибалтике. Помимо Приуралья, эти пряжки также известны в бассейне Верхней

¹⁷ Например, на могильниках Слобода Глушица, Ярцево, Новотроицкое, Волинцево. Пользуюсь случаем поблагодарить Е.Р. Михайлову, которая указала мне эти поздние параллели.

¹⁸ Напоминает уральские и еще одна пряжка эпохи переселения народов (рис. 33: 6) (Maalahti-Lilltelsar, Kivikoski 1973: Taf. 38: № 328). Она имеет вытянутый щиток, сужающийся к концу, как это типично для уральских пряжек (ср., напр.: Голдина 1985: табл. 6: 9, 12, 13; Голдина, Водолаго 1990: табл. 24: 9, 10). Однако точные параллели финляндской пряжке пока назвать сложно.

Волги, на Унже, в погр. 1, и в слое могильника Попово (Рябинин 1989: рис. 4: 2, 7), в бассейне Клязьмы, на Хотимльском могильнике, в погр. 6 (Горюнова 1961: рис. 56: 20) и в районе современного Нижнего Новгорода, на Безводнинском могильнике, в погр. 151 (Краснов 1980: рис. 39: 21). Кроме того, как мы увидим ниже, вещи пермско-уральского облика есть в русской Карелии.

В Финляндии известно также 6 находок так называемых топоров центральнорусского типа, из них два отнесены к VI в. (Kivikoski 1973: 58, № 367). В лесной зоне России такие топоры действительно бытуют в V—VII вв., см., напр.: Новленский мог., погр. 1 (Горюнова 1961: рис. 58: 13), Сарское (Леонтьев 1996: рис. 45: 5), Воротыньск, городище мощинского типа (Негматуллин и др. 2005: рис. 133: 25), Мощинское городище (Никольская 1959: 59, рис. 24: 4, 5), Заречье 4: погр. 24 (Ахмедов, Белоцерковская 1996: рис. 22: 3). В Литве такие топоры также известны в контексте V—VII вв., в частности, в Цегельне, Рекучае, Таурапиласе (Казакиявичюс 1988: 78—80). Однако в Белоруссии, Латгалии, Польше, Литве подобные топоры продолжают существовать и в VIII—XI вв. (Казакиявичюс 1988: 80—81; Malonaitis 2002: 170, Abb. 3). Очень поздно, до XI—XII вв. включительно, известны такие топоры и у поволжских финнов (см., напр.: Голубева 1987: табл. 43: 5; 44: 22; Голубева 1987а, табл. 52: 11, 19).

Однако в Приуралье прибалтийско-финские вещи не попадают (Kivikoski 1968: 104). Иными словами, археологически фиксирует-

ся некое движение с востока на запад, а не наоборот. Видимо, прав Г. С. Лебедев в том, что инициатива в налаживании контактов «Запад-Восток» принадлежала не скандинавам, а восточным финнам (Лебедев 2005: 463). Финские археологи видят в подобных находках доказательство активности торговцев из Прикамья, достигавших территории Финляндии (Эря-Эско 1986: 170). Однако на сегодняшний день нет никаких оснований говорить о существовании в среде уральских финнов V—VI вв. профессиональных торговцев. Скорее уж можно предположить, что какие-то группы восточнофинских охотников-промысловиков с востока уже в V в. проникали очень далеко на Запад.

Но как бы там ни было, Южная и Западная Финляндия выступает как важный стратегический пункт на «Восточном пути», являющемся продолжением трансевропейской морской магистрали, начинавшейся на Атлантике (см. выше). Здесь сталкиваются разные импульсы, идущие как с Запада, так и из Восточной Европы, отмечено присутствие как скандинавов, так и, возможно, выходцев из лесной зоны России. Таким образом, население Финляндии вполне могло оказаться вовлеченным в меховую торговлю VI в., описанную у Иордана. Напомним, что, по мнению финских археологов, процветание прибрежных регионов Суоми и Остерботнии в эпоху переселения народов зиждилось на их посреднической роли в торговле с внутренними областями Финляндии, откуда поступали, в частности, меха (Пихлман 1992: 90).

5. Эстония, северная Латвия и коммуникации эпохи переселения народов

Рассмотрим теперь регион расселения прибалтийских финнов к югу от Финского залива, то есть территорию современных Эстонии и латвийской Видземе. В эстонской археологии принята периодизация, где выделяется позднеримский железный век (200—450 гг.) и эпоха переселения народов (450—600 гг.) (см. Quast 2004: Abb. 1).

Нас интересует, в первую очередь, роль этих территорий в контактах между Скандинавией и лесной зоной современной России в эпоху великого переселения народов. Сразу же отметим, что связи этого региона со Скандинавией хорошо прослеживаются уже в доримское и в римское время (Шмидехельм 1955: 212—214). О них свидетельствует, в частности, наличие здесь ладьевидных каменных погребальных кладок

или, скажем, появление эстонских эмалевых фибул в Скандинавии (Ginters 1961; Quast 2004: 249—258; Лебедев 2005: 266). С начала нашей эры известны в северо-восточной Эстонии и болотные находки типа скандинавских, например, в Кунда, где встречены вещи I—II вв. (Lõugas 1985: 58, Abb. 2; Tamla 1995). Судя по документам XIII в., морской путь из Скандинавии проходил от Упланда вдоль южной кромки Аландских островов и собственно финляндского побережья до мыса Порккала-Удд, затем он поворачивал на юг, до Таллиннской бухты, очень удобного места корабельных стоянок, и шел далее на восток, вдоль южного берега Финского залива (Шаскольский 1954; Корпела 2006: 77; Носов, Хвоцкая 2007: 14, 15). Вполне вероятно, что формирование этой морской ма-

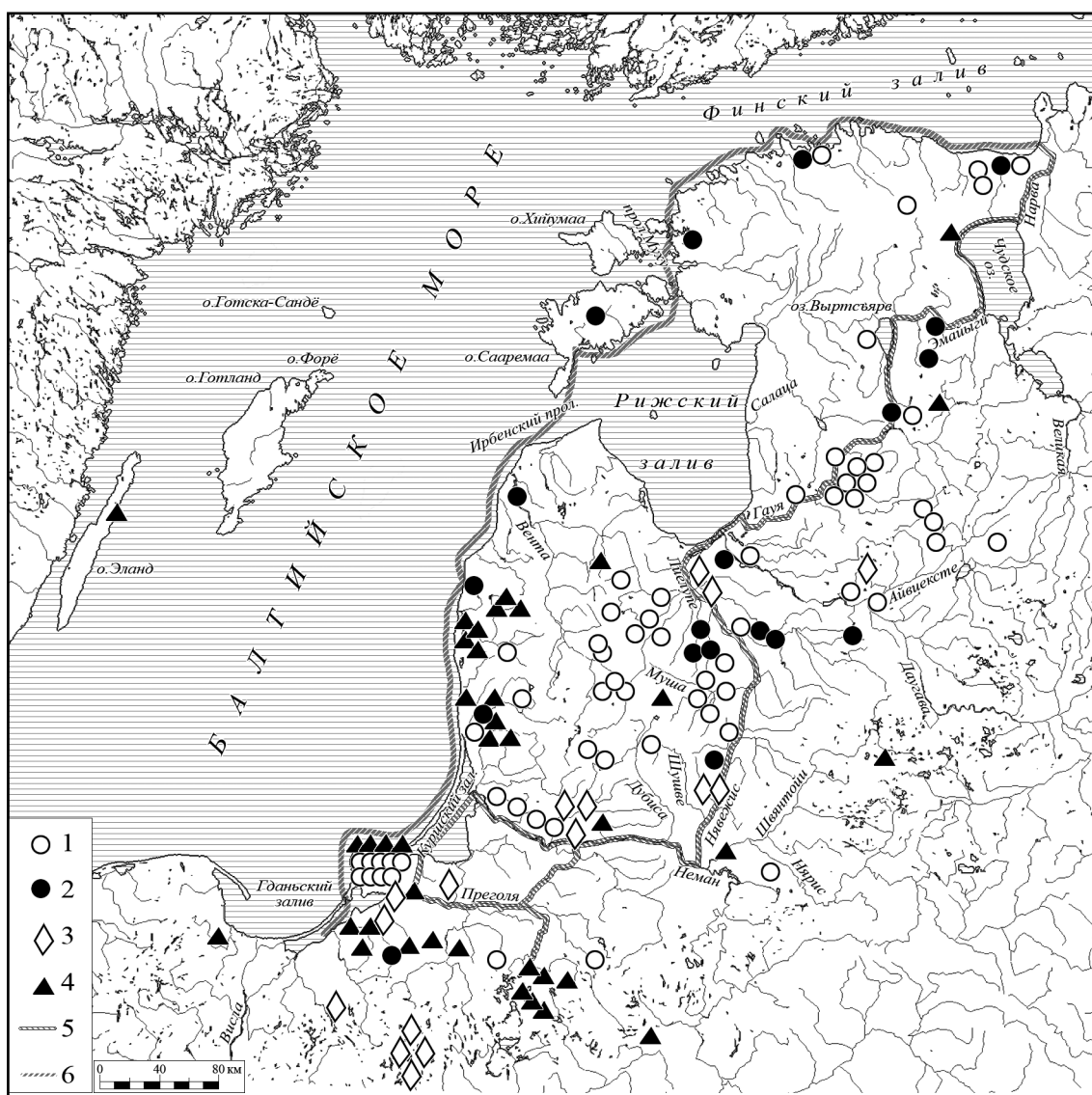

Рис. 39. Торговые пути в Юго-Восточной Прибалтике в римское время и в раннем средневековье (по: Кулаков 2003).

1 — находки гривен с воронковидными концами (I в. н. э., по Х. Янкуну); 2 — находки серебряных гривен с заходящими концами (V — нач. VI вв., по Б. Блинке); 3 — находки фибул со звёздчатой ножкой типов II и V (V–VI вв., по А. Битнер-Врублевской); 4 — находки арбалетовидных «звериноголовых» фибул (ок. 550–700 гг.); 5 — речные трассы межплеменных контактов в Прибалтике I — нач. VIII вв.; 6 — каботажный морской путь V — нач. VI вв.

гистрала приходится еще на римское время, по крайней мере, археологические данные не противоречат такому предположению.

Археологические материалы свидетельствуют и о функционировании уже в римское время морского прибрежного пути из Южной Прибалтики в Финский залив (Шмидехельм 1955: 211). Наконец, южную и юго-восточную Эстонию пересекает речная дорога с Рижского залива на Чудское озеро, проходившая по системам рек Гауя и Эмайыги (рис. 39). Для римского времени она реконструируется по распространению торков с воронковидными концами I в. (Kulakov 2000: fig. 1; Кулаков 2003:

рис. 38), «очковых» фибул прусской серии (Pfeiffer-Frohnet 1998: Abb. 1), а также перекладчатых фибул 5 (эстонской) серии (Hauptmann 1998: Abb. 13). Дорога существовала и во II–III вв., как показывает распространение эмалей в Эстонии и в северной Латвии (Корзухина 1978: карта 1).

Что же касается контактов древнего населения Эстонии с лесной зоной России, в частности, с Верхним Подвиньем и Верхним Поволжьем, то они также достаточно хорошо выявляются в археологическом материале уже в раннем железном веке (Шмидехельм 1955: 216). Заслуживают внимания и особенности распространения некоторых типов укра-

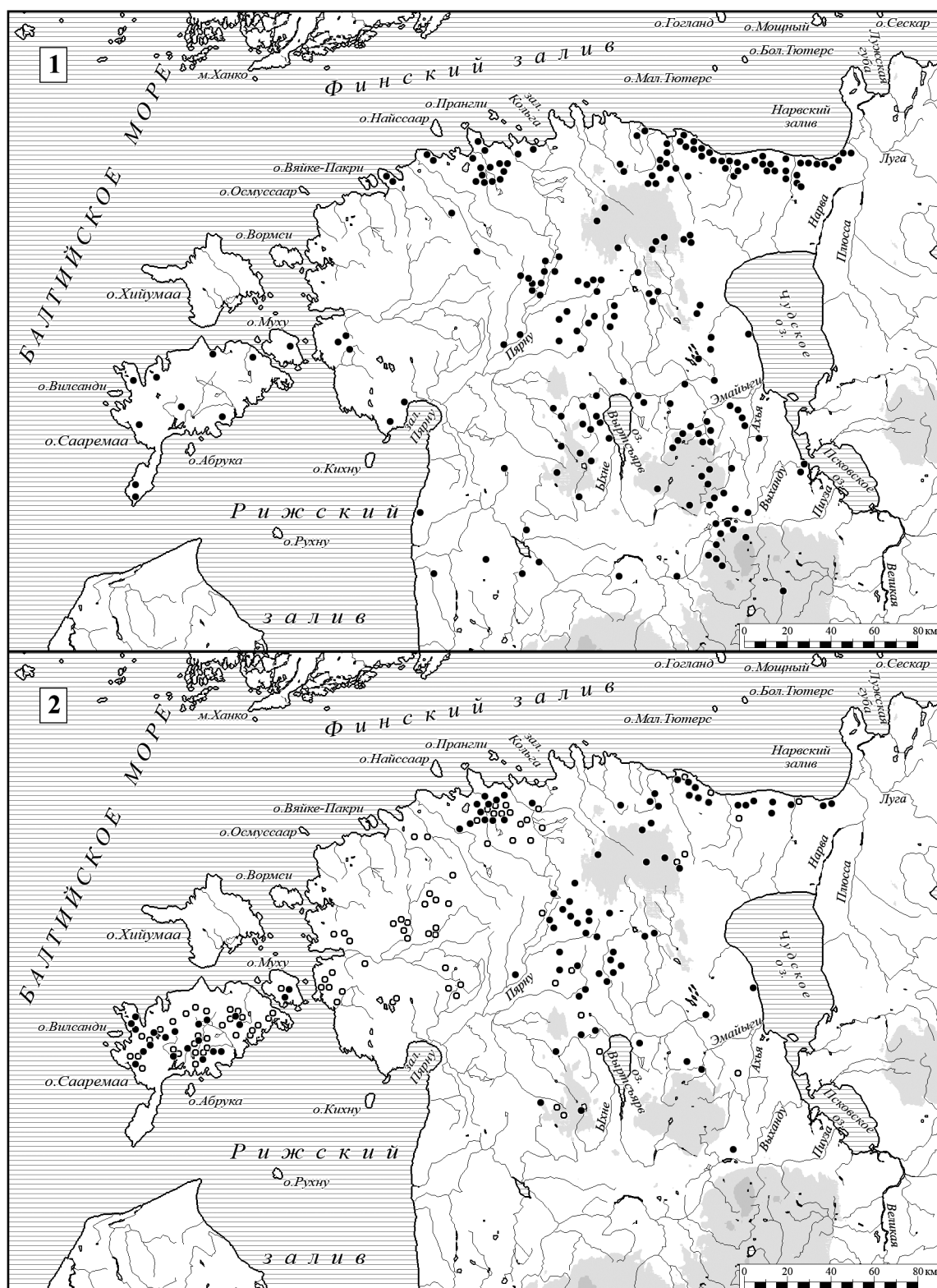

Рис. 40. Погребальные памятники Эстонии с каменными конструкциями (по Laul 1985).

1 — могильники культуры Таранд, римского времени; 2 — каменные могильники с иррегулярной кладкой (чёрные кружки — компактная кладка; белые кружки — плоская вымостка).

шений римского времени с эмальями (сводка: Корзухина 1978), явно указывающие на восточные связи финских племен, проживавших на территории Эстонии.

Финское население Эстонии и Видземе в римское время и в эпоху переселения на-

родов археологически известно в основном по погребальным памятникам. Это коллективные кремации в каменных оградках, так называемые «tarand», а с эпохи переселения — каменные могильники с нерегулярной кладкой, также содержащие коллектив-

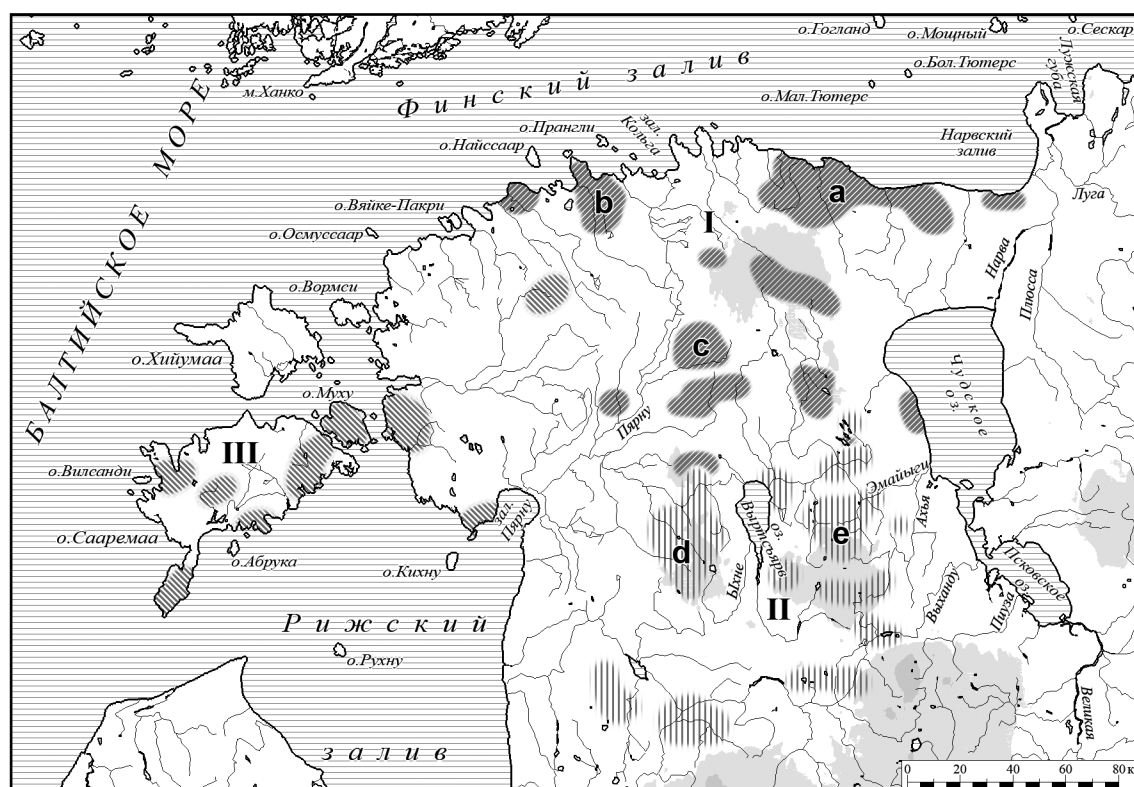

Рис. 41. Культурные области на территории Эстонии в римское время (по: Моора 1956). I — северозэстонская область, а — вирумасская группа, б — таллиннская группа, с — пайде-тюриская (среднеэстонская); II — южно-эстонская область, d — сакаласская группа, е — тарту-вирумасская группа; III — западноэстонская область.

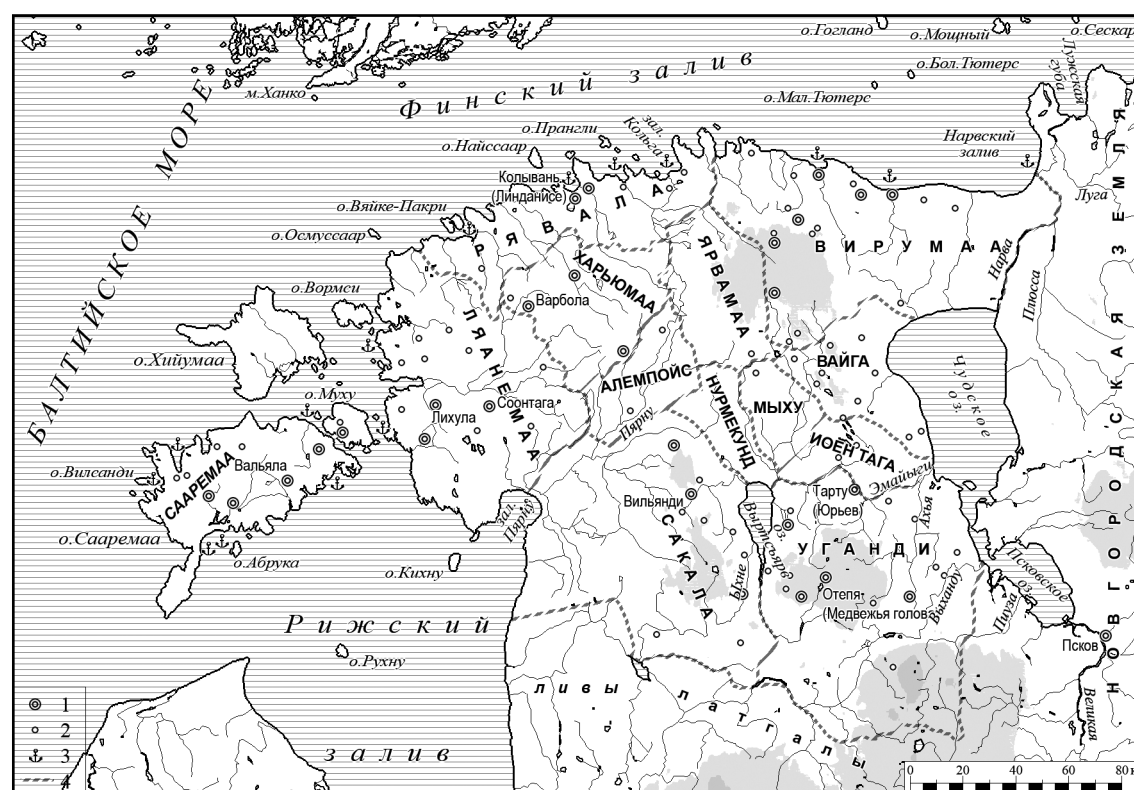

Рис. 42. Области («мааконды») средневековой Эстонии (по: Моора 1954 а).

1 — крупные средневековые городища; 2 — прочие городища; 3 — гавани; 4 — границы маакондов.

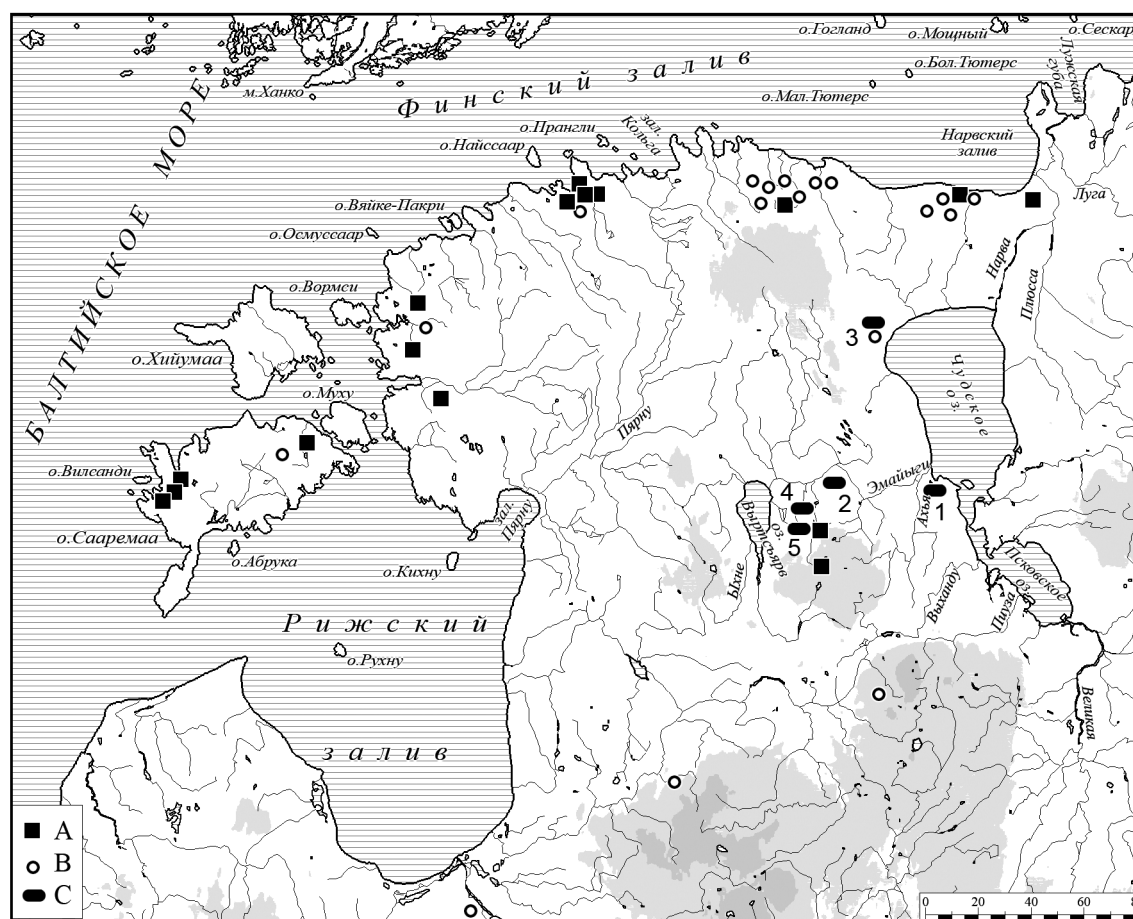

Рис. 43. Распространение скандинавских и балтских вещей в материковой Эстонии в эпоху переселения народов. А — скандинавские вещи (по Quast 2004); В — балтские вещи (по Bitner-Wróblewska 2001); С — клады (по Аун 1992 и Moora 1935); 1 — Криймани; 2 — Кардла; 3 — Пиилси; 4, 5 — Паали 1 и 2.

ные трупосожжения (рис. 40) (Моора 1938: 1—21; Моора 1954а; Моора 1956: 107—122; Laul 1985; Лаул 1985; Laul 2001). Памятники располагаются вдоль водоемов, на супеси, легкой для вспашки, разделенные пустынными залесенными территориями (Лаул 1982: 90—91). Отмечается довольно резкий рост населения в первые века н.э. по сравнению с предшествующим периодом (Моора 1956: 109; Хвощинская 2008: 22). Основные скопления памятников римского времени доживают до эпохи переселения народов (Моора 1954: рис. 1; Моора 1954а: 103—107; Laul 1985: Abb. 3). По мнению Х. Моора, зоны концентрации археологических находок соответствуют каким-то племенным группировкам.

Выделяются две культурные зоны: северная, в Северной и Средней Эстонии, и южная, к югу от линии Тарту-Вильянди, включая Северную Латвию (Моора 1954а: 103; Хвощинская 2008: 22). Слабее выделяется западноэстонская зона (см. карту: Шмидехельм 1955: рис. 54). Возможно, это связано с тем, что повышение среднегодовой зимней температуры в римское время способствова-

ло развитию земледелия в восточной и средней Эстонии, отсюда и демографический рост в этих регионах. В то же время в западной половине Эстонии происходит переувлажнение почв, не способствующее земледелию (Лаул 1982: 90). В частности, для о. Сааремаа считается, что культура местного населения в течение всего железного века была жестко ориентирована на деятельность, связанную с морем, а не с земледелием (Mägi 2006: 62).

В северной зоне для римского времени выделяются следующие группы памятников (рис. 41):

— «Таллиннская группа» по Х. Моора, самая «бедная» и самая маленькая (Моора 1954а: 103—105), в северо-западной Эстонии в районе современного Таллина, соответствующей исторической области Рявяла (см. рис. 42) (Rävala,¹⁹ об археологии этого региона см. Lang 1996). Могильники здесь неболь-

¹⁹ Здесь и далее названия земель «маакондов» (рис. 42) даны, естественно, по более поздним источникам и употребляются чисто условно.

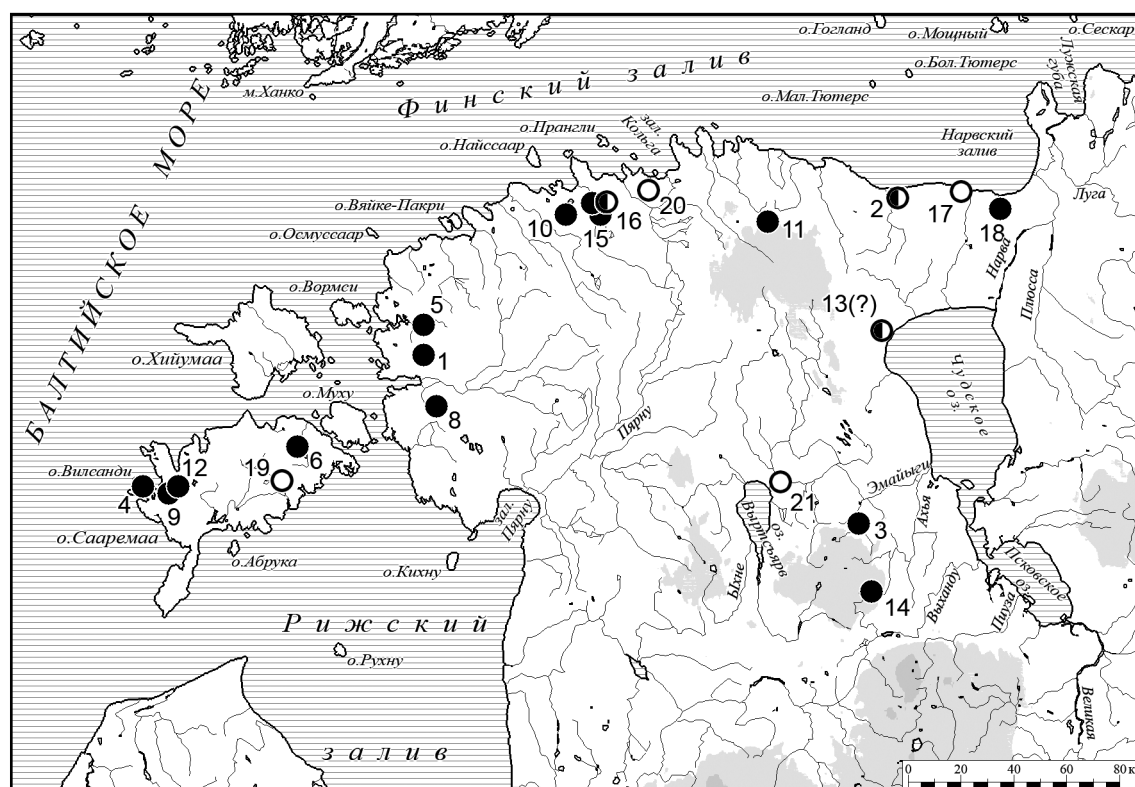

Рис. 44. Находки скандинавских вещей римского времени и эпохи переселения народов в Эстонии (по Quast 2004). 1 — Эхмья (Ehmja); 2 — Ябара (Jäbara); 3 — Камбья (Kambja); 4 — Кихельконна (Kihelkonna/Vaike-Vilsandi); 5 — Киримяз (Kirimäe); 6 — Кунингусте (Kuninguste); 7 — Лagedи (Lagedi); 8 — Лихула (Lihula); 9 — Люманда (Lümanda); 10 — Мойгу-Пеетри (Moigu-Peetri); 11 — Оявески (Ojawesi); 12 — Пайю (Paju); 13 — Пиилси (Piilsi); 14 — Пиккярви (Pikkjärve); 15 — Прооза (Proosa); 16 — Саха (Saha); 17 — Тойла (Toila); 18 — Тюрисмяз (Türsamäe); 19 — Вальяла Тонья (Valjala Tonja); 20 — Валкла (Valkla); 21 — Вереви-Сандимярди (Verevi-Sandimärdi). Белые кружки — римское время, черные кружки — эпоха переселения народов.

шие, что отражает демографические реалии. Группа имеет свою специфику в уборе (Моора 1956: 112).

— **«Вирумааская группа»** по Х. Моора (Моора 1954а: 103; Моора 1956: 11, 112), в северо-восточной Эстонии, в восточной половине исторической области Вирумаа (Virumaa),²⁰ сравнительно хорошо изученная, с многочисленными погребальными памятниками с богатым инвентарем (Шмидехельм 1955; 1956). Помимо трупосожжений в каменных оградках, здесь, на могильнике Ябара, зафиксированы трупоположения в каменных ящиках, а также каменные круги, в том числе с материалом начала н.э. (Шмидехельм 1955: 38—42). Группа отличается большим количеством эмалевых украшений, особенностями в разнообразном фибульном костюме и в орудиях труда (Моора 1954а: 104; Шмидехельм 1955: 195). Особым богатством

отличается инвентарь поздне римского времени, III—IV вв. (Шмидехельм 1955: 195). Выделяется несколько микрорегионов расселения, некоторые возникают в римское время (Шмидехельм 1956: 176—178).

— **«Пайде-выруская группа»** (Моора 1954а: 103, 104) в средней Эстонии, в области Ярвамаа-Нурмекунд-Мыху (Järvamaa-Nurmekund-Mohu) в средней Эстонии; здесь очень мало эмалей, набор фибул меньше, чем в Вирумаа (Моора 1956: 113). Однако по ряду признаков (в частности, по фибулам) «пайде-выруская группа» близка памятникам Вирумаа (Шмидехельм 1955: 198—202).

Южная зона в римское время отличается от севера характерными перекладчатыми фибулами и ножными браслетами, а также своеобразной керамикой, здесь мало перстней (Моора 1954а, 103). Выделяются следующие группы:

— **Группа в области Уганди** (Ugandi, называемая балтами *Igaunia*, *Ungaunia*, по р. Гауя) (см. Laul 2001), на юго-востоке Эстонии. Здесь типичными являются перекладчатые и дискообразные фибулы, «нож-

²⁰ Кажется, что благодаря работам петербургских археологов, сейчас зону вирумааской группы можно значительно расширить на восток, вплоть до Копорья (см. ниже).

ные» браслеты и др. (Моора 1956: 113, 114). Сейчас в юго-восточной Эстонии известно 106 каменных могильников, они существуют здесь до середины I тыс. н. э., а также есть и грунтовые могилы с трупосожжениями (Laul 2001: 263, 264).

— **Группа в области Сакала**, к западу от озера Выртсъярв и южнее совр. г. Вильянди. Это группа не очень многочисленная, представленная каменными могильниками с оградками и имеющая свои особенности в материальной культуре (Вассар 1956: 203—216). Памятники концентрируются на Сакальской возвышенности, в то время как территория на восточном берегу Рижского залива остается пустой (Вассар 1956: 208, рис. 42).

— **Группа в Северной Латвии, Видземе, на р. Гауе**. Эта группа также представлена характерными могильниками с каменными оградками (Моора 1956: 114, 115; Laul 2001: 265). Она доживает до раннего средневековья, как свидетельствуют находки в Ошбирзес (LA 1974: pl. 40: 8—12) и в Попес межс (Popes mežs: LA 1974: pl. 40: 7, 20). На нижней Гауе уже в римское время финны соседят с балтским населением (Моора 1956: 121).²¹

Западная зона в римское время является наименее заселенной, «депрессивной», из-за неплодородных почв (Моора 1954 а: 105, 106; Моора 1956: 115). В области Лянемаа (Länemaа), в Западной Эстонии и на о. Сааремаа сравнительно немногочисленные памятники римского времени очень рассеяны, что, несомненно, отражает демографию региона. Ряд каменных могильников, таких, как Карусте, все же известен на Сааремаа (Вассар 1956: 190—196). Как и в Северной Курземе, заселенной в римское время финнами, на Сааремаа каменные могильники не имеют четких прямоугольных оградок (Моора 1956: 121). Зато отчетливо зафиксированы каменные круги, как на могильнике Карусте, датированном I—II вв. (Вассар 1956: рис. 33, 34). Отмеченный здесь обряд трупоположения генетически восходит к традициям раннего железного века

(Вассар 1956: 196). Ряд находок римского времени известен и в Лянемаа, в частности, «уплощенные» курганы с каменными концентрическими кругами или прямоугольными оградками, коллективные могильники с прямоугольными оградками практически отсутствуют. В римское время в западной Эстонии происходит переход от кремаций к ингумациям (Вассар 1956: 197, 198).

В позднеримское время в Эстонии появляется мало новых могильников с каменными оградками: видимо, это соответствует какому-то демографическому спаду (Laul 1985: 74), который, похоже, был преодолен в V—VI вв. При этом надо иметь в виду, что памятники эпохи переселения народов в Эстонии идентифицируются сложнее, чем для предшествующего периода, поскольку выразительных датированных вещей, в первую очередь предметов убора, на могильниках меньше (Моора 1956: 123). С конца IV в. могильники с оградками постепенно вытесняются каменными могильниками с нерегулярной кладкой (рис. 40) (Лаул 1985: 61, 62; Laul 2001: 266, 272; Хвоштинская 2008: 22).

При этом сохраняется довольно высокая концентрация населения северной и средней Эстонии в таких территориальных группах, как Рявяла, Вирумаа и Пайде-тюриская. Судя по количеству каменных могильников, быстро возрастает население в Западной Эстонии, в Ланемаа и на о. Сааремаа. Зато происходит резкий демографический спад в южной зоне, в Уганди и в Сакала (Laul 1985: 76, Abb. 8). Впрочем, и здесь в середине I тыс. появляются новые могильники без упорядоченной каменной кладки — такие, как Ляэтса или Кыюла (Laul 2001: 266).

С эпохи переселения народов, помимо деградации каменной конструкции могильников (Laul 2001: 266), отмечаются и другие изменения в погребальном обряде. В отдельных случаях в краевых насыпях могильников появляются трупоположения, что более характерно для Северной и Западной Эстонии (Laul 2001: 267). На эстонских коллективных могильниках четче выделяются «семейные» участки, чаще встречается оружие, по крайней мере, в Западной и Северной Эстонии (Mägi 2006: 59—62). Считается, что в V—VI вв. происходит какая-то социальная перестройка, распадаются племена, и на их месте появляются территориальные образования, сформировавшиеся из разноплеменных элементов (Моора 1954 а: 113—118; Моора 1956: 123; Вассар 1956: 217). Так это или нет, проверить трудно, но некое «перераспределение» археологических находок

²¹ Археологи стран Прибалтики традиционно употребляют для римского времени и эпохи переселения народов этнонимы эпохи развитого средневековья: латгалы, земгалы, курши, пруссы, жемайты, ливы и пр. Это примерно то же самое, что рассуждать о полянах или кривичах в римское время. Напомним, за некоторыми исключениями (сёлы, возможно, курши), эти средневековые названия никакими источниками ранее IX—XI вв. не зафиксированы. Поэтому я использую эти названия только для обозначения исторических регионов — Пруссия, Латгалия и т. д.

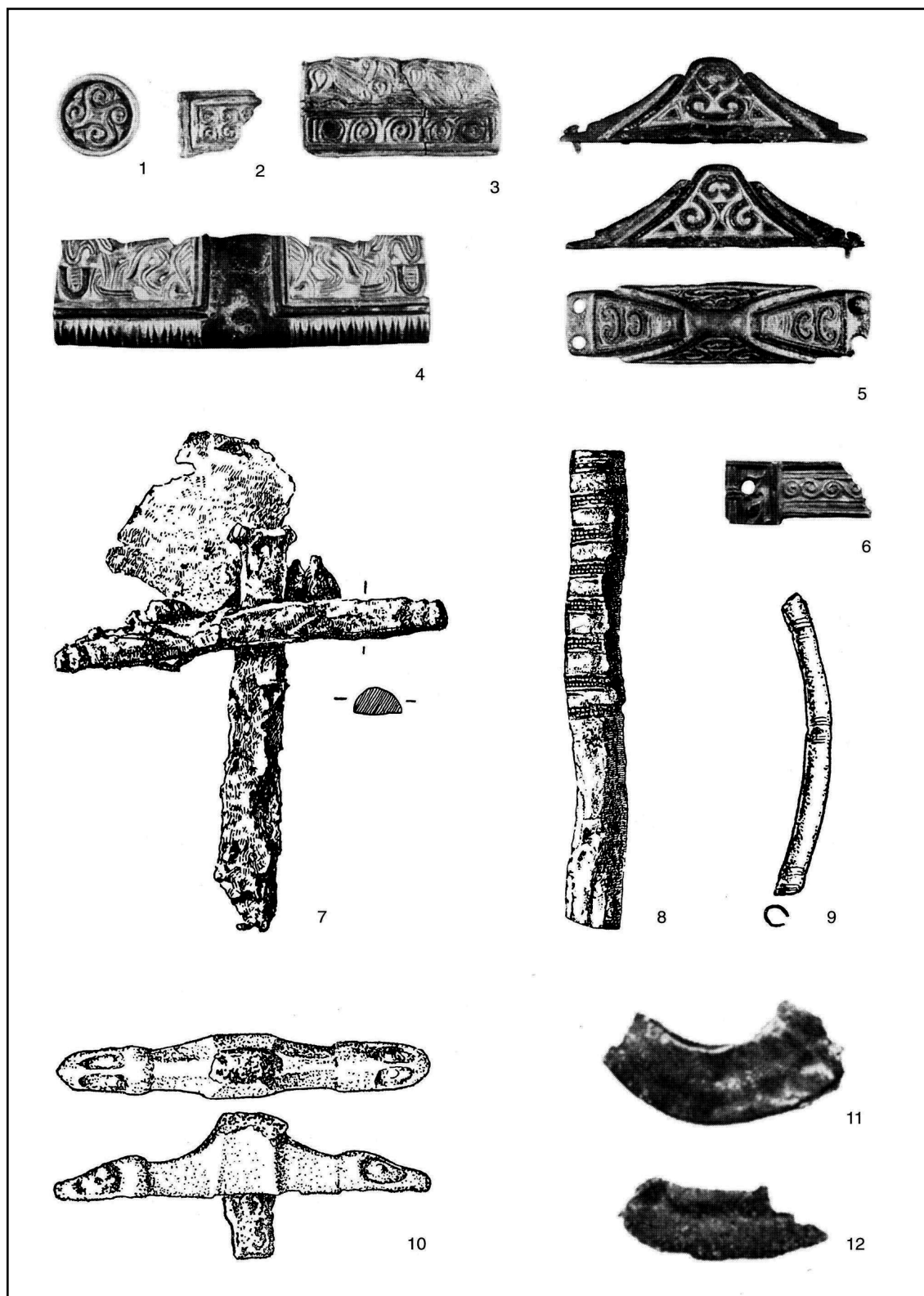

Рис. 45. Детали мечей скандинавского происхождения, найденные в Эстонии (Quast 2004).

1—5 — Прооза; 6 — Лихула; 7, 8 — Киримяз; 9, 10 — Пайю; 11 — Лагеди; 12 — Оявески.

на эстонской территории в эпоху переселения народов налицо.

Рассмотрим на этом фоне распространение в Эстонии в V—VI вв. скандинавских (рис. 43—44) и балтских вещей (см. сводку

скандинавских находок в Эстонии: Quast 2004: 274—276, Abb. 21; балтских вещей см. Moora 1929; 1938; Bitner-Wróblewska 2001). Те и другие типы находок, как и в Финляндии, могут характеризовать степень проникновения ино-

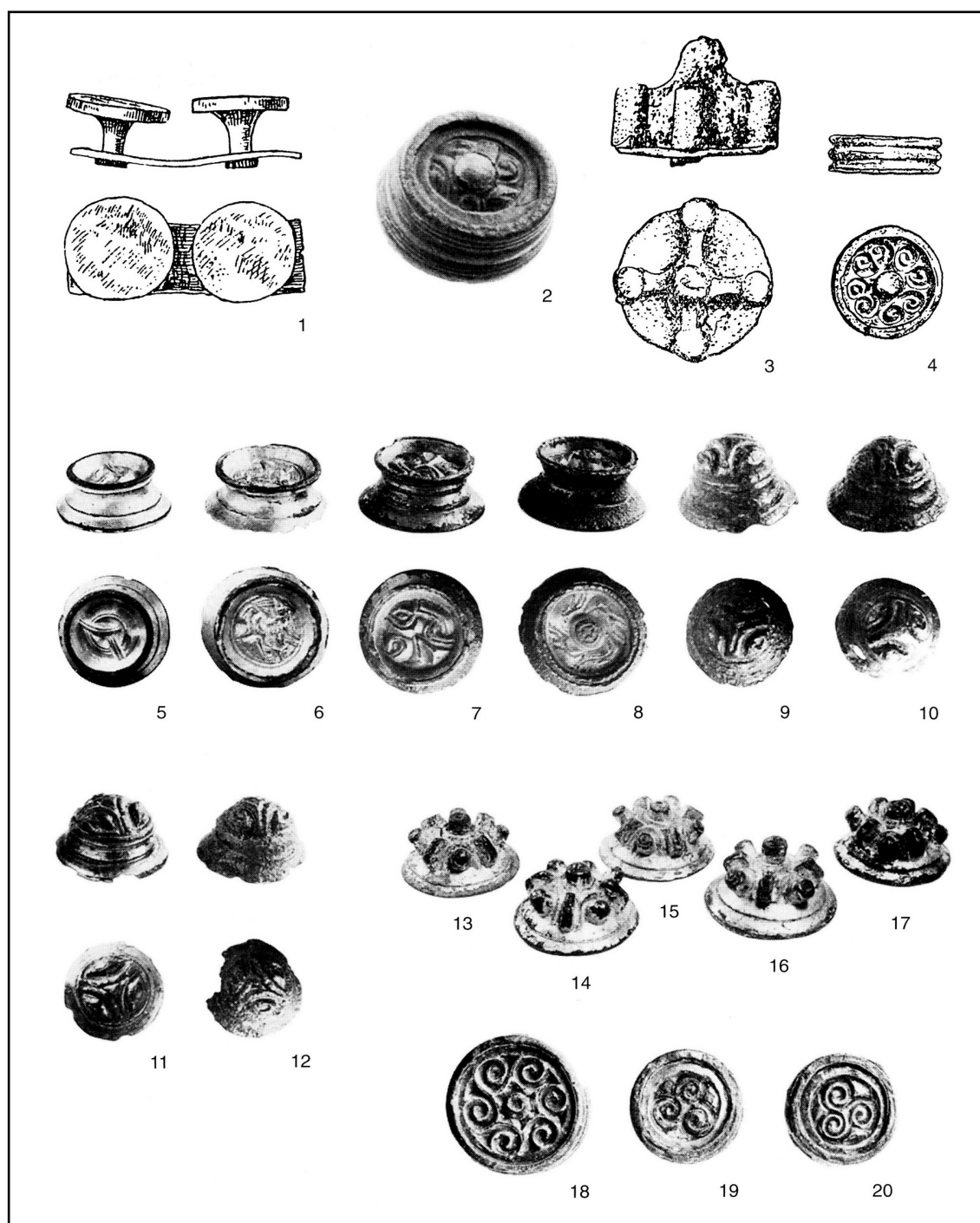

Рис. 46. Застежки-«пуговицы» скандинавского происхождения, найденные в Эстонии (Quast 2004).

1 — Ябара Б; 2 — Эхмья; 3, 4 — Пайю; 5—20 — Прооза.

родных элементов в регион в эпоху переселения народов.

Памятники о. Сааремаа представляют собой наиболее западную из североэстонских групп. Как уже говорилось, остров был слабо заселен в римское время. Зато здесь очень многочисленны раннесредневековые каменные могильники (Вассар 1956: 202; Laul 1985: 76, Abb. 8; Mägi 2006: fig. 1), отмечены каменные «домики мертвых» (Mägi 2006: 53, 54).

Это, несомненно, свидетельствует об увеличении населения Сааремаа в раннем средневековье (Моора 1956: 123). Культура Сааремаа с V в. приобретает самобытные черты (Вассар 1956: 202). Один из могильников, в Пайю, на западном побережье, скорее всего, отражает существование здесь какого-то центра власти. По крайней мере, здесь отмечены находки «парадного» оружия, свидетельствующие о формировании воинских элит. Это на-

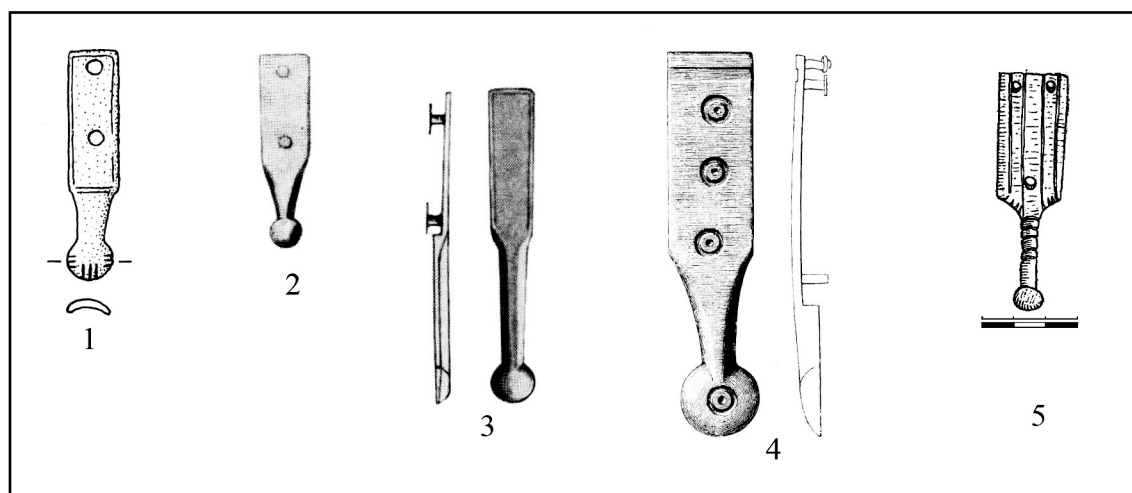

Рис. 47. Наконечники поясов «готландского» типа (1—4 — Quast 2004; 5 — Митрофанов 1978).

1 — Кунигусте; 2, 3 — Стора Хестнес (Stora Hästnäs); 4 — Готланд; 5 — Лабенщина.

вершие меча уже упоминавшегося южнскандинавского типа Кнарремозе (рис. 45: 9, 10) (Tamla, Janits 1977: Abb. 2: 8; Quast 2004: 261, № 12, Abb. 14: 10). Встречены здесь и другие скандинавские вещи, как, например, пряжки с заостренной передней частью кольца (Tamla, Janits 1977: Abb. 3: 5; Mägi 2006: fig. 5), имеющие параллели на Готланде периода VI:1 (Nerman 1935; Lilla-Björge, № 13: Taf. 14: 161; Stora Hästnäs, № 116: Taf. 13: 162), скандинавские «пуговицы» среднешведского или готландского происхождения (рис. 46: 3, 4) (Tamla, Janits 1977: Abb. 1: 8; Quast 2004: № 12, Abb. 13: 3, 4).

Интересно, что в той же части острова найдены две золотые монеты, остающиеся пока единственными для Эстонии: солид Феодосия II из Вилсанди (Vaik-Filsandi) (Кропоткин 1961: № 1507) и солид Валентиниана III в Пайю (Кропоткин 1961: № 1514). Из той же части острова, а именно из Люманда, происходит и единственная в Эстонии трехпалая фибула дунайской традиции, дериват типа Сокольнице (Tallgren 1926: Abb. 42; Quast 2004: 265, Abb. 18: 1).

В противоположной, восточной части острова, в Кунигусте (Kuninguste) найден ремешковый наконечник (рис. 47: 1) (Quast 2004: № 6, Abb. 15: 1), имеющий параллели на Готланде (рис. 47: 4) (Quast 2004: Abb. 15: 2—4), в кургане 2 могильника Хегом в Норрланде (Ramqvist 1992: pl. 75: 19), близ устья Вислы в вельбаркском могильнике Пруц Гданьский-5 (Quast 2004: Abb. 17: 1) и, как мы увидим ниже, в Рявяла. Мне также известна находка похожего наконечника в Белоруссии (рис. 47: 5) (см. ниже). Скандинавское происхождение этих наконечников, предполагаемое Д. Квастом, представляется несо-

мненным (Quast 2004: 263). Типичные готландские, по Б. Нерману, наконечники позднего V в. были найдены еще в ряде пунктов на Сааремаа, в Пила, Уппа, Иллпа (Pila, Uppa, Ilpla: Nerman 1929: Abb. 25—28).

Попадают на Сааремаа и западнобалтские вещи, такие, как фибулы с кольчатой гарнитурой из Пайю и Лепна (рис. 38) (Tamla, Janits 1977: Abb. 10: 1; Mägi 2006: fig. 5) или же фибулы типа Доллькайм/Коврово (рис. 23) (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7, № 380; Mägi 2006: fig. 5).

Напомним, что слабую заселенность Сааремаа в предыдущую эпоху эстонские археологи объясняют его малой пригодностью для развития земледелия. Можно предположить, что рост населения здесь в эпоху переселения народов и появление на Сааремаа какого-то центра в Пайю объясняется не успехами аграрной экономики, а выгодным положением Моонзундского архипелага на морских торговых путях эпохи переселения народов. Это заставляет более критично относиться к точке зрения У. Несмана (см. выше) о незначительной роли трансбалтийских контактов.

Все сказанное относится и к западной части материковой Эстонии, к области Лянемаа. Она также была слабо заселена в римское время, и многочисленные каменные могильники раннего средневековья фиксируют демографический рост начиная с эпохи переселения народов (Laul 1985: 76, Abb. 8; Mandel 1995; Mandel 2003). Как и на Сааремаа, здесь появляются «престижные» предметы вооружения. Это, в частности, детали скандинавского меча из грунтового могильника в Кирияэ (рис. 45: 7, 8) (Quast 2004: № 5, Abb. 14: 7—9), а также на могильнике Лихула (рис. 45: 6) (Quast 2004: № 8, Abb. 14: 6). В целом оружие (ко-

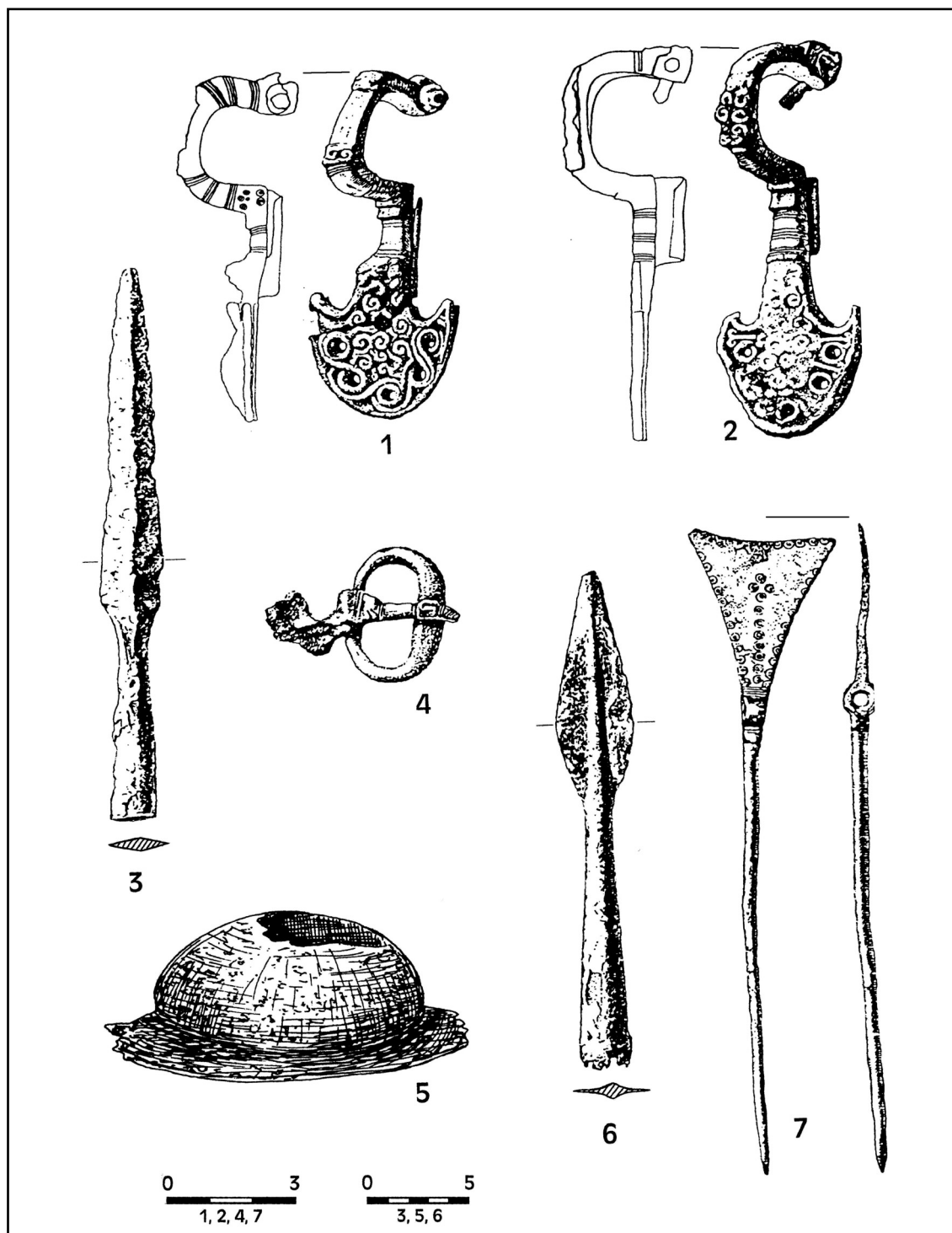

Рис. 48. Погребение в Киримяэ (Bitner-Wróblewska 2001).

пья, умбоны щитов) и конское снаряжение хорошо представлены на могильниках Лихула, Киримяэ (рис. 48) и Эхмья (см. подробнее Mandel 2003).

На каменном могильнике в Лихула найдены скандинавские пряжки с заостренным кольцом (Mandel 1976: Taf. 6: 6; Mandel 2003: Taf. 2: AM 478, 6); скандинавские ременные наконечники типа, найденного на Сааремаа (Mandel 1976: Taf. 6: 9, 10; Mandel 2003:

Taf. 2: AM 478, 106), удила с трехчастными грызлами (Mandel 1976: Taf. 6: 12; Mandel 2003: Taf. 2: AM 478, 170), вещи первого звериного стиля (Quast 2004: 261, № 8, Abb. 14), уже упоминавшиеся детали скандинавского меча (рис. 45: 6). Отметим и находку скандинавской «пуговицы» в некрополе Эхмья (рис. 46: 2) (Ehmja «Vartemägi»: Mandel 2003: Taf. 6: AM 554, 752; Quast 2004: № 1, Abb. 13: 2), где также найдены удила с трехчастны-

ми грызлами (Mandel 2003: Taf. 6: AM 554, 286, 287). Известны в Лянемаа и гривны типа Андерссон R 300 (Moora 1938: 339, 341), а также типично западнобалтские вещи, такие, как фибулы типа Доллькайм/Коврово и фибулы с перфорированной лопатковидной ножкой (рис. 48: 1, 2) (Киримяэ: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7, 11d, № 352) и фибулы с кольцевой гарнитурой (Киримяэ: Tallgren 1926: Abb. 9).

Все эти находки концентрируются вдоль берега Моонзундского пролива, что свидетельствует об их связи с морскими коммуникациями. Видимо, в районе Киримяэ-Лихула закрепляется какая-то милитаризованная группа, с отчетливыми следами скандинавских и балтских импульсов в материальной культуре, которая и контролирует пролив.

На южном побережье Финского залива, в Рявяла (Laul 1985: 76, Abb. 8) в эпоху переселения народов еще функционируют некоторые могильники с оградками, как, например, могильник в Курна, где известны вещи и более позднего времени (Шмидехельм 1995: 145). Но в целом, похоже, доминируют каменные «аморфные» могильники. Концентрация «престижных» элементов воинского убора на некоторых могильниках, например, Прооза (могильник с оградками III—V вв. и каменный могильник V—VI вв.), к востоку от Таллинна на р. Пирита (Lang 1996: 176—197), явно свидетельствуют о кристаллизации воинских элит. Интересно отметить, что это «парадное» вооружение, как и некоторые металлические элементы убора, отчетливо фиксируют контакты со Скандинавией. Так, на могильнике Прооза (Quast 2004: № 15) были обнаружены 16 скандинавских металлических «пуговиц» (рис. 46: 5—20), скорее всего, происходящих из Свеаланда или с Готланда (Deemant 1977: Taf. 7: 4—7; Selirand, Deemant 1985: 244, 246, 247, Abb. 4—7, 8: 1; Седов 1987: 17; Lang 1996: tav. 50: 4—15; Quast 2004: 257—261), скандинавские зооморфные пряжки, напоминающие находки в южной Швеции и в южной Норвегии (Deemant 1977: Taf. 7: 1; Selirand, Deemant 1985: 249, Abb. 10; Lang 1996: tav. 50: 16; Quast 2004: 258, 259), декор меча (Selirand, Deemant 1985: 248, 249, Abb. 8: 4, 9), крестообразная гарнитура (Selirand, Deemant 1985: 249, 250, Abb. 11; Lang 1996: tav. 50), подобная найденной в Хельгё (Vierck 1967: Abb. 1: 5), а также в южной Норвегии и южной Швеции (Quast 2004: 258). Отметим также элементы декора меча, в частности, навершие (рис. 45: 5) уже упоминавшегося типа Брайтхемптон-Сипли (Selirand, Deemant 1985: 248, Abb. 5; Lang 1996: tav. 50: 17), которое, как

и в Финляндии (см. выше), указывает на дальние меровингско-англосаксонские связи.

Эстонские археологи полагают, что в данном случае речь идет о скандинавской колонии второй половины V — первой половины VI вв. (Selirand, Deemant 1985: 251). Такое предположение кажется вполне вероятным, особенно если учесть роль Таллиннской бухты на морских путях из Скандинавии в Прибалтику (см. выше), а стало быть, и притягательность региона Рявяла для скандинавов. Непонятно, правда, почему гипотетические скандинавские колонисты решили погребать своих умерших по местному обряду. Может быть, это всё же местная финская группа, усвоившая элементы престижной культуры? Отметим, что, как и в Финляндии, детали «парадной» воинской группировки соответствуют южноскандинавским и северо-морским стандартам, в то время как металлические «пуговицы» указывают скорее на Готланд и среднюю Швецию.

На могильнике Хагери Микури (Hageri Mikuri) зафиксированы два каменных концентрических круга (Tallgren 1922: Abb. 18), подобные известным в скандинавских и вельбаркских некрополях римского времени (тип 3 по Р. Волонгевичу: Wołagiewicz 1986: 67: Abb. 6: 3) а также на о. Сааремаа и в Лянемаа (Вассар 1956: 196, 197, рис. 33, 34). Здесь, среди прочих вещей, обнаружен характерный ремешок наконечник (Tallgren 1922: Abb. 17: 3), подобный найденному на о. Сааремаа.

Возможно, к эпохе переселения народов относятся и многовитковые перстни, имеющие скандинавские прототипы, из Лагеди (Quast 2004: № 7, Abb. 10: 9), Мойгу-Пеетри (Quast 2004: № 10, Abb. 10: 3), Саха (Quast 2004: № 16, Abb. 10: 8), Виимси (Lang 1996: joon. 58: 1—3, 5, 6), а также бутероль ножен меча из Лагеди (Quast 2004: № 7, Abb. 14: 11). Впрочем, многовитковые перстни широко распространены в Прибалтике и в римское время, а фрагмент бутероли из Лагеди недостаточно выразителен. Стоит назвать и гривны с заходящими друг на друга концами типа Андерссон R 300 (см. выше), происходящие из Уури (Uuri, Krsp. Kuusalu: Moora 1938: 339) и из Виимси (Lang 1996: joon. 56: 2). Конечно, эта гривна может быть и южнобалтийской по происхождению, но в целом вещей, происходящих из балтской среды, найдено в Рявяла не так много. Это, например, фибулы с кольцевой гарнитурой из Прооза (Deemant 1981: Taf. 5: 1, 2; Lang 1996: tav. 49: 1, 4; Bartašius 2000: Abb. 6) или из могильника Виимси (Lang 1996: joon. 55: 1—4), а также фибулы, близкие типу Доллькайм/Коврово, из Прооза (Lang

1996: joon 66: 1, 2). Интересно отметить присутствие на могильнике Виимси фибулы явно южнобалтийского происхождения, с лопатковидной ножкой и кнопкой (Lang 1996: joon. 55: 5). Подобные фибулы с кнопкой известны для ранней фазы эпохи переселения народов, скорее всего, для периода D2, в Померании (ср. Bitner-Wróblewska 2001: pl. 37: 1).

В северо-восточной Эстонии, в области Вирумаа, в начале средневековья демографическая ситуация по сравнению с римским временем существенно не меняется (Шмидехельм 1956: 179, 180). Здесь, в частности, в нижнем течении р. Прутсе, некрополи с трупосожжениями в каменных оградках также «доживают» до эпохи переселения народов (Шмидехельм 1955: 225), хотя с V в. на них доминируют индивидуальные погребения, в том числе трупоположения в краевой насыпи могильников (Ябара, Пада, Кохтла-Ярве: Шмидехельм 1955: 110, 126, 127, 134, 135, рис 55; Шмидехельм 1956: 178). В редких случаях, как на могильнике в Оявески, погребения в каменных оградках совершались и в последующее время, вплоть до VIII—IX вв. (Шмидехельм 1955: 144, 145). Иногда, как, например, на могильнике Ябара С, сложно сказать, совершались ли здесь захоронения в эпоху переселения народов или же найденные в оградках предметы этого времени представляют собой жертвоприношения более позднего времени (Шмидехельм 1955: 73, 89, 90).

Вещи скандинавского происхождения эпохи переселения народов в Вирумаа менее выражены, чем в более западных группах, нет здесь и «престижных» воинских погребений, свидетельствующих о выделении воинской элиты. На могильнике Ябара к скандинавским вещам эпохи переселения народов отнесены многовитковый пластинчатый перстень и металлические заклепки (Quast 2004: № 2. Abb. 10: 1, 2; 13: 1). Подобный пластинчатый многовитковый перстень происходит и из могильника Тюрсамяэ (Quast 2004: № 18, Abb. 10: 10). В Оявески, возможно, в курганном погребении найден язычок антропоморфной пряжки и фрагмент бутероли ножен меча (рис. 45: 12), оба, по Д. Квасту, относятся к числу скандинавских вещей эпохи переселения народов (Quast 2004: № 11, Abb. 12: 3; 14: 12). Это единственные вещи, которые в Вирумаа могли бы свидетельствовать о наличии элементов «дружинной» воинской культуры. Гривны типа Андерссон R 300 найдены в Лиимала (Liimala, Krsp. Lügänuuse: Moora 1938: 325, 340, 341,

Abb. 41: 4) и в Пагари (Pagari, Krsp. Jõhvi: Moora 1938: 339). Возможно, к эпохе переселения народов относятся, хотя бы частично, болотные находки в Кунде и Алулинна (Aspelin 1884: fig. 1732—1740; Lõugas 1985: 57; Tamla 1995). Они, во всяком случае, очень напоминают скандинавские воинские жертвоприношения (об их воинском характере см. Plkjær 1995).

Датировать эти эстонские находки трудно, но подобные вещевые «клады» типичны для южного побережья Балтийского моря в V—VI вв., точнее, для региона Мекленбурга (Schwaan, Demmin: Geisslinger 1967: 98—107, Karte 16: № 382, 383, 388), а также для Готланда (Äfversta: Tillväxten 1902). В Средней Эстонии, в области Ярвамаа (Järvamaa), к северо-западу от территории Вайга, в Рикассааре найден клад из 54 копий и 7 боевых ножей, отнесенный к VI в. (Mandel, Tamla 1977; Tamla 1995). Наконец, в Восточной Эстонии такой же клад найден в Игавере (Tamla 1995). Подобный клад известен и в Латгалии, в Подвинье: Мукакална (Mūkukalna) (копья, топоры, сельскохозяйственные орудия, дата около 500 г.: Urtans 1977: № 21). Такие же находки известны и в Курземе: в Вецмокас (Vecmokus) (топоры, копья, украшения, сельскохозяйственные орудия, его дата VI в.: Urtans 1977: № 26), в Русиши (копье, шпоры, сельскохозяйственные орудия, удила, украшения, дата — около 500 г.: Urtans 1977: № 22), Коку Муйжа (Koku muiža/Dobelsberg) I и II (многочисленные копья, топоры, орудия труда, меч: Aspelin 1884: fig. 1848—1862; Moora 1929: 71—78; Urtans 1977: № 18, 19). Выстраивается как бы цепочка кладов железных изделий: Мекленбург — Готланд — Курземе — Латгалия — Эстония.

Зато в Вирумаа достаточно хорошо представлены балтские вещи. Фибулы типа Шонварлинг, частые в Пруссии и западной Литве, отмечены на могильнике Кохтла-Ярве 1 (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 3, № 356). Интересно, что в Прибалтике этот тип не распространяется к северу от Западной Двины, он редок даже в Курземе (рис. 22). В Вирумаа эти фибулы, видимо, попадают морским путем. Фибулы с кольцевой гарнитурой известны, в частности, в Тырма (Шмидехельм 1955: рис. 37: 7), Ябара В (Шмидехельм 1955: рис. 17: 8), Кохтла-Ярве 1 (Шмидехельм 1955: рис. 32: 7) (всего 7 пунктов в северо-восточной Эстонии: Bartašius 2000: Abb. 6). Здесь также обнаружены балтские фибулы типа Доллькайм/Коврово (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7), фибулы с перфорированной лопатковидной ножкой (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 11 d) и одна фибула с расширенной

звездчатой ножкой (Оявески: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 11 b, № 365). Среди других находок балтских вещей необходимо отметить булавки с коленчато изогнутым навершием (Оявески: Шмидехельм 1955: рис. 36: 3). Наконец, в Вирумаа, в Кейла (Укснурми) найдены удила с трехчастными грызлами (Aspelin 1884: 330, fig. 1744) (о них см. выше).

Как и в Финляндии, для Вирумаа археологически фиксируются связи с населением лесной зоны России. Правда, найденные здесь восточные вещи относятся либо к римскому периоду, как эполетообразное украшение пьенборского типа из Ябара (Шмидехельм 1955: рис. 24: 1), либо ко времени не ранее развитого VII в., как неволинский «геральдический» наконечник пояса из Оявески (Шмидехельм 1955: рис. 25: 3). Вещи же эпохи переселения народов восточного происхождения пока в Вирумаа не найдены. К VI—VII вв. обычно относят топоры «центральнорусского» типа из болотной находки в Кунде (Lõugas 1985: 58, Abb. 2: 6—12), но, как уже отмечалось для финляндских находок, их дата шире (см. выше).

Итак, на материалах Северной и Западной Эстонии четко видны контакты с Южной Прибалтикой и Скандинавией, скорее всего, поддерживавшиеся морским путем. Показательно, что скандинавские импорты, а также памятники, отражающие появление воинских элит, отмечены прежде всего для наиболее западных территорий: Сааремаа, Лянемаа, Рявяла. В то же время в Вирумаа, судя по археологическим памятникам, игравшему большую роль в римское время, скандинавское влияние выражено гораздо слабее. Военизированные группы с элементами престижной скандинавской культуры концентрируются вдоль эстонского побережья: Прооза, Пайю, Лихула, Киримяэ. Как уже говорилось выше, это очень напоминает ситуацию в польском Поморье (Глувице, Фридрихшталь) или в Восточной Пруссии (Варникам/Первомайское, Экриттен/Ветрово), где также зафиксированы подобные военизированные группы V—VI вв., привязанные к побережью. К сожалению, состояние хронологии эстонских древностей пока не позволяет зафиксировать момент, когда появляются памятники с культурными элементами воинской элиты. Пока что создается впечатление, что их возникновение — середина V в. — более или менее совпадает по времени с выдвижением регионов Готланда и Свеаланда на ведущие места в трансбалтийских связях.

Рассмотрим теперь ситуацию в южной Эстонии и в Видземе. Этот регион важен для нас потому, что здесь проходили, как мы увидим, важные речные пути, связывающие Балтику (точнее, Рижский залив) с системой озер Псковщины.

Лучше всего изучена Юго-Восточная Эстония, соответствующая исторической области Уганди времени крестовых походов (Laul 2001). Здесь в начале средневековья происходят очень важные изменения: количество каменных могильников резко сокращается в V в. (Laul 2001: 272), грунтовые погребения с каменными конструкциями концентрируются в западной части Уганди, ближе к озеру Выртсъярв, а на востоке области распространяются длинные курганы (Аун 1992: рис. 1). Сразу же подчеркнем, что до появления длинных курганов эта часть Уганди, с песчаными почвами, малопригодными для земледелия, была заселена слабо. Отмечено, что длинные курганы явно ориентируются на бассейн Чудского и Псковского озер (реки Кяэпа, Ахья, Выханду, Пиуза) (Лаул 1982: 92, 93). В принципе, дерново-подзолистые почвы юго-восточной Эстонии подходили для подсежного земледелия, но не способствовали развитию животноводства, поэтому подсека еще долго оставалась здесь ведущей формой земледелия (Laul 2001: 275, 276).

Южная Эстония в течение всего римского времени и средневековья являлась зоной финно-балтских контактов. В Уганди хорошо фиксируются связи с Видземе и Земгалией. Оттуда в Эстонию поступают цветные металлы, заимствуются типы украшений — арбалетные фибулы, гривны с заходящими концами, браслеты с треугольным сечением, типичные для балтов на территории Латвии (Аун 1992: 156, 157; Laul 2001: 272, 275). При этом балтские импорты в начале средневековья концентрируются в зоне каменных могильников, их гораздо меньше в зоне длинных курганов, которые с эпохи переселения народов распространяются в Юго-Восточной Эстонии (Аун 1992: 157). В латышском языке названия *Igaunia*, *Igeunis*, *Ungaunia* означают Эстонию и эстонцев, как в финском *Virolainen*, то есть житель Вирумаа (Попов 1973: 74). Эти языковые данные позволяют предположить, что традиционно контакты населения Эстонии с балтами осуществлялись через Уганди, а с Финляндией — через Вирумаа. О последнем обстоятельстве свидетельствуют и находки в Финляндии вещей римского времени, происходящие из Северо-Восточной Эстонии (Шмидехельм 1955: 222).

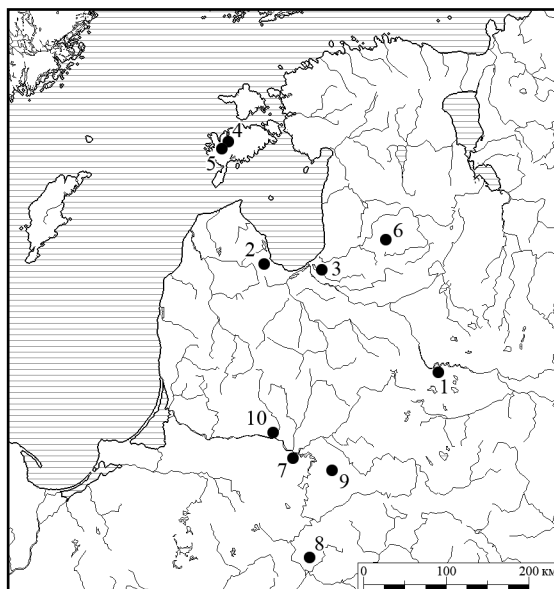

Рис. 49. Находки монет последней трети IV — первой половины VI вв. в Прибалтике к востоку от Немана и на сопредельной территории Белоруссии.

1 — Браслав; 2 — Энгуре; 3 — Разас; 4 — Вилсанди; 5 — Пайю; 6 — Яунзеке; 7 — Каунас; 8 — Гродно; 9 — Кашетос; 10 — Вилюона.

Интересно отметить, что в Эстонии балтские фибулы встречены только в могильниках с каменными конструкциями или в кладах с этой территории, но ни разу надежно не зафиксированы в длинных курганах. Это застегивки типа Доллькайм/Коврово (Unipiha: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7; Laul 2001: joon. 45: 5), арбалетные фибулы со звездчатой ножкой (Pikkjärve I, Virunika: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 11 в; Laul 2001: joon. 44), в том числе «звездчатые» с чешуйчатым декором, редкие за пределами Самбии (Pikkjärve I: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 12; Laul 2001: joon. 46: 1), арбалетные фибулы с лопатковидной перфорированной ножкой (Unipiha: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 11 d; Laul 2001: joon. 46: 4), летто-литовские дериваты фибул типа Сенсабург/Мронгово (Pikkjärve I: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 16 d; Laul 2001: joon. 46: 2). Попадают сюда, скорее всего, из Восточной Литвы и редкие центрально-европейские фибулы типа Прага (Laul 2001: joon. 45: 3; о них см. Schulze-Dörrlamme 1986: 600—605).

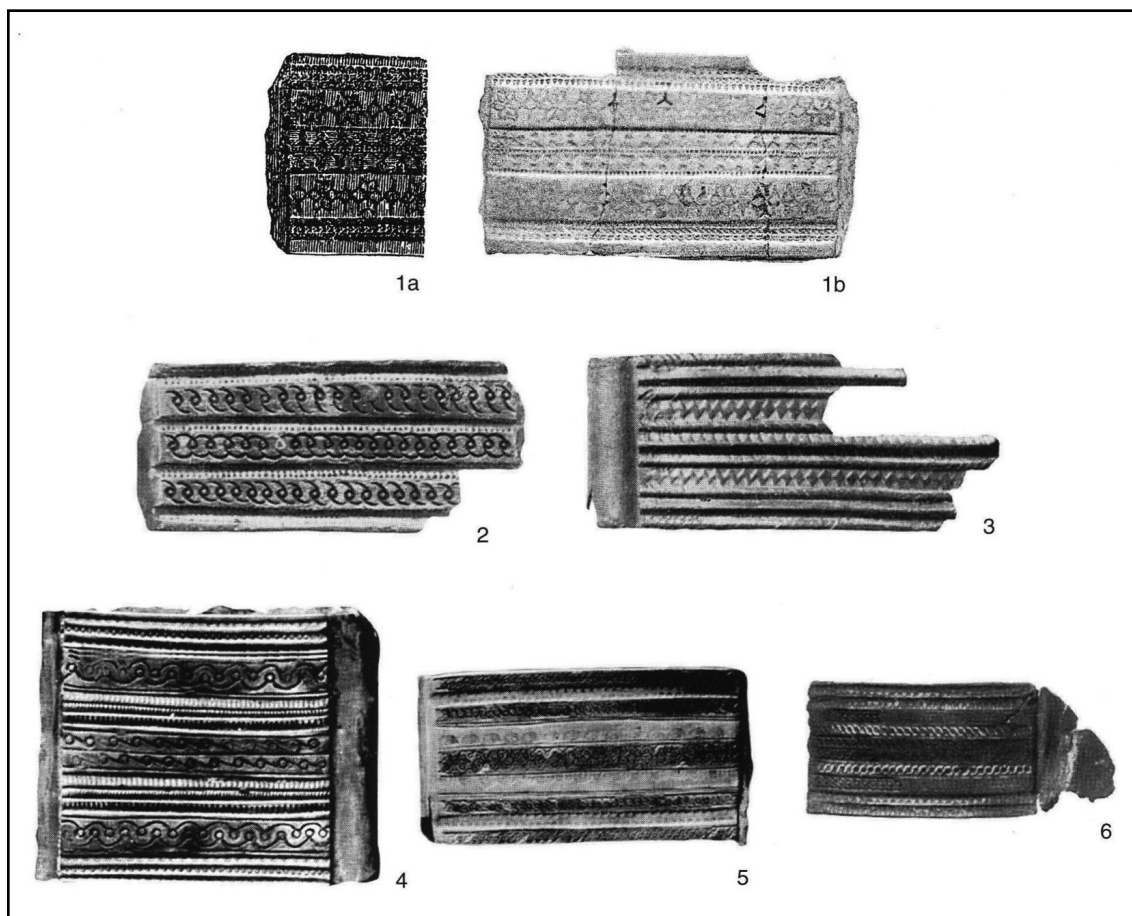

Рис. 50. Параллели находке деталей ножен меча из Пиккярви (Quast 2004).

1 — Пиккярви (Pikkjärve); 2 — Холтан (Holtan); 3 — Эвре Вейен (Øvre Veien); 4, 5 — Нюдам (Nydam); 6 — Крагехул (Kragehul).

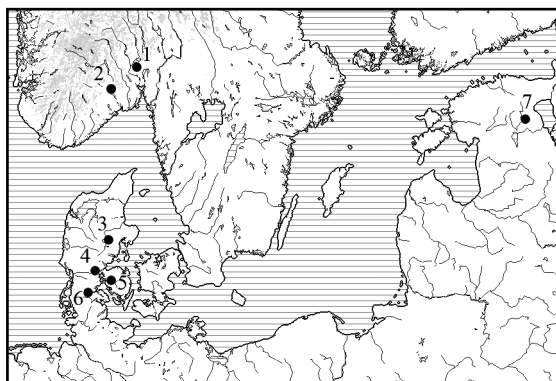

Рис. 51. Распространение деталей ножен меча, аналогичных находке в Пиккярви (по Quast 2004).

1 — Эвре Вейен (Øvre Veien); 2 — Холтан (Holtan); 3 — Даллеруп (Dallerup); 4 — Эйсбол (Ejsbøl); 5 — Крагехул (Kragehul); 6 — Нюдам (Nydam); 7 — Пиккярви (Pikkjärve).

Балтские фибулы с кольцевой гарнитурой известны в Уганди по находке в составе одного из двух кладов, обнаруженных в Паали (Аун 1992: табл. 53: 3, 5), где они соседствовали с балтийскими фибулами периода Е, или пятой балтийской фазы по А. Битнер-Врублевской, то есть VI—VII вв. Возможно, эти фибулы поступали в южную Эстонию через Земгалию (ср., например, уже упоминавшуюся фибулу в некрополе Плявниекалнс, под Ригой: Moora 1929: Taf. 9: 10; LA 1974: 41.4.att.). Возможность попадания фибул с кольчатой гарнитурой в Южную Эстонию через Гаюю подтверждает и находка такой фибулы в Странте (см. выше). Видимо, в эпоху пересе-

ления народов, как и в предшествующее время (см. выше), работала речная дорога по Гаюе (Moora 1938: 646, Abb. 91). Возможно, с функционированием речного пути по Гаюе в эпоху переселения народов связан и малоизвестный клад в Яунземи (Jaunzemju), где якобы найдены монеты с 337—350 по 395—408 гг. (рис. 49) (Кропоткин 1961: 103, № 1504; LA 1974: 62, № 16, 124 att.).

Известны в зоне каменных могильников Уганди и вещи скандинавского происхождения, сравнительно недавно изученные Д. Квастом (Quast 2004). Это, в первую очередь, декор ножен меча, обнаруженный в Пиккярви (Pikkjärve) (рис. 50: 1), параллели которому отмечены в Дании, в меньшей степени в южной Норвегии (Quast 2004: 243—248, № 14, Abb. 4) (рис. 50: 2—6; 51). В этой же зоне находятся и уже упоминавшиеся два клада в Паали. Клад Паали 2/Камбья, найденный севернее каменной стенки ограды могильника, содержал гарнитуру пояса скандинавского типа (рис. 52: 1) (Аун 1992: табл. 54; Quast 2004: 263, 264, № 3, Abb. 16). Эта гарнитура имеет, как отметил Д. Кваст, хорошие параллели в готландском материале периода VI: 1 (рис. 52: 2—5) и в устье Вислы, а также в Финляндии, Свеаланде, Норрланде (см. выше). В том же кладе найдена пряжка с удлинненным зооморфным щитком (ср. Nerman 1935; Lilla-Bjärge: № 14, Taf. 13: 143) и заостренным кольцом (о них см. выше, по поводу находок в Пайю). Наконец, из кла-

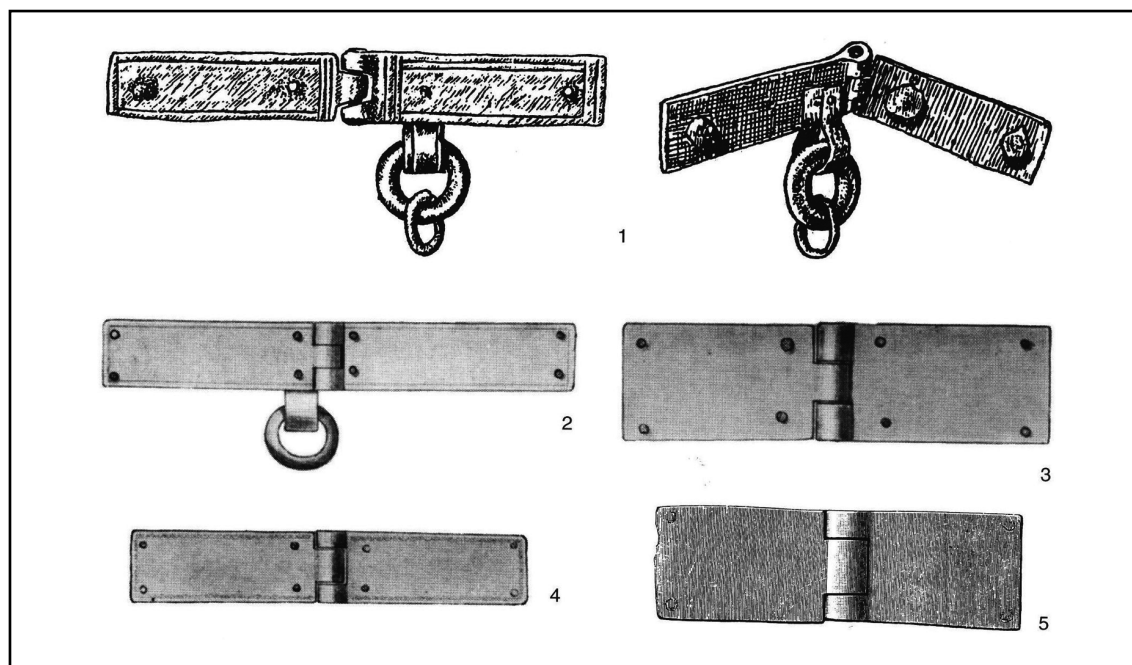

Рис. 52. Скандинавская поясная гарнитура из Эстонии (1) и ее готландские параллели (Quast 2004).

1 — Камбья; 2 — Барсхалдерсхед; 3, 4 — Энгес; 5 — Хавор.

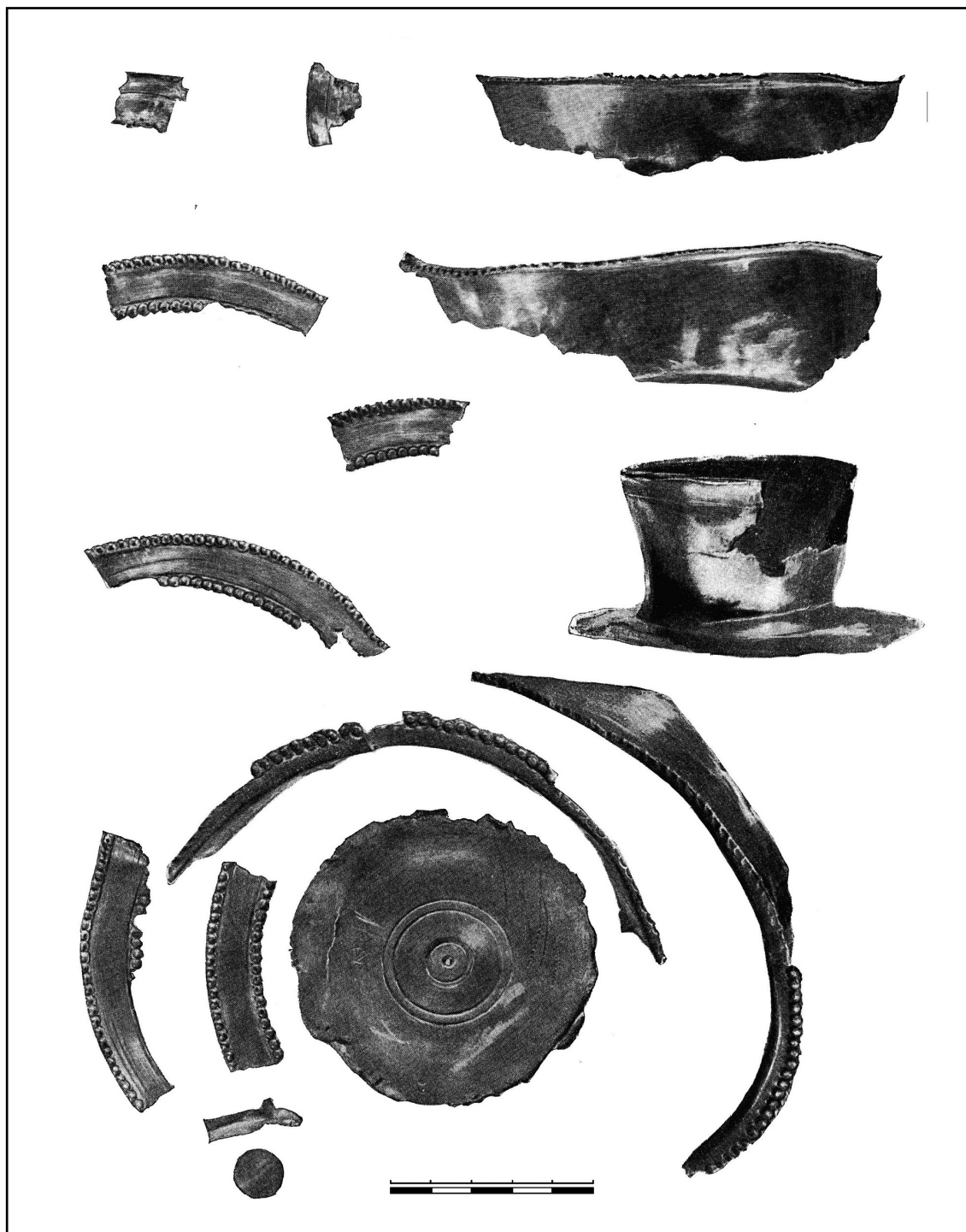

Рис. 53. Фрагменты ранневизантийского сосуда из Криймани (Кропоткин 1970).

да 1 в Паали, найденного под камнем, на территории каменного могильника, происходят гривны скандинавско-южнобалтийского типа Андерссон R 300 с заходящими концами (Аун 1992: табл. 51: 4, 5).

Особое внимание надо уделить группе кладов, найденных на северной окраине Уганди, в земле Иоентага и на южной границе земли Вайга (последнее название лингвисты ассоциируют с водью древнерусских летописей: Моора 1954 а: 117).

В первую очередь назовем находку в Криймани, в нижнем течении р. Эмайыги, где под кучей камней были обнаружены обломки византийского серебряного сосуда (Кропоткин 1970: № 746; Аун 1992: 142). Это чаша на ножке с «жемчужным» орнаментом по бортику (рис. 53). Еще один сосуд, аналогичный по форме чаше из Криймани, был найден в Варнья, к северу от устья Эмайыги (Аун 1992: 142).

Серебряные и бронзовые чаши с «жемчужным» орнаментом на довольно высокой ножке известны в контексте как V в. (см., напр.: погребение гуннского времени Павловка, на Дону: Кропоткин 1970: № 74, или одно из погребений могильника Брени в Пикардии: Kazanski 2002: pl. 52: 2, 59: 3, 66: 6), так и развитого VI в. (см., напр.: могила 118 некрополя Виминациум 2 в Сербии: Ivanišević et al. 2006: pl. 15). Подобные сосуды, но на низком поддоне, известны в погребениях позднего IV — первой половины V вв. (Засецкая 1993: № 6, 182). В.В. Кропоткиным было высказано предположение, что чаша из Криймани происходит из каменного могильника. Однако в эстонских каменных могильниках металлическая посуда неизвестна, зато в значительном количестве встречаются предметы убора из недорогих цветных металлов, которых вроде бы нет в Криймани. Поэтому предположение М. Аун о том, что речь идет все-таки о кладе, мне представляется более обоснованным (Аун 1992: 143).

В Кардла, на р. Эмайыги, в 11 км к северо-востоку от Тарту, на территории каменного могильника, найден клад под камнем, в котором присутствуют гривны и браслеты, в том числе скандинавско-балтийские гривны с заходящими концами, одна из них золотая (Moora 1938: Abb. 40: 2; Аун 1992: 138, 139). Такие гривны попадали сюда с юга, из Латвии, как показывают, в частности, находки в Пилтене, в Западном Курземе (Moora 1938: 341, Abb. 40: 1), в Салгале, Маз-Роти (Maz-Roki) под Елгавой (Moora 1938: 341), в Плявниекалнс на Западной Двине (Moora 1929: Taf. 20: 1) или в Кишукалнс в восточной Латгалии (Urtans 1977: 153, № 27).

Странный клад найден в 1930 г. в Пиисли, близ северо-западной оконечности Чудского озера (Moora 1935). Отметим, что в этом районе, кажется, нет ни захоронений типа «Таранд» с каменными оградками, ни каменных могильников (Шмидехельм 1956: рис. 29). Он зарыт, как считается, в первой половине — середине V в., на это четко указывает находящаяся в нем фибула со «звездчатой» ножкой типа V (Moora 1935: Abb. 5: 3; Bitner-Wróblewska 2001: 188, № 370). Из того же клада происходит гривна скандинавского типа с лопастью (Moora 1935: Abb. 7: 1; Quast 2004: 275, № 13)²² и гривна с расширенными заходящими концами типа Страгард-Хаммерсдорф (Moora 1935:

Abb. 5: 1; Moora 1938: 339). Но в то же время в этом кладе найдена ранняя эмалевая подковообразная фибула (Moora 1935: Abb. 8; Корзухина 1978: 79, № 166) и североэстонская «глазчатая» фибула (Moora 1935: Abb. 6: 5; 10: 1), типичные, как отметил Х. Моора, для Вирумаа римского времени (Moora 1935: 295; о «глазчатых» фибулах см. Nowakowski 1998). Может быть, это клад ремесленника, где древние вещи представляют собой лом для переплавки? По крайней мере, так предполагает В. Новаковский (Nowakowski 1998: 122). Но в этом кладе нет обычных для такого рода кладов орудий труда, полуфабрикатов, заготовок и пр.

Соккрытие кладов под камнями характерно для северогерманской традиции с эпохи бронзы и до эпохи викингов. Особенно отчетливо эта традиция выступает на о. Борнхольм (Geisslinger 1967: 32, 33). Но такие клады под камнями в эпоху переселения народов известны и в других частях циркумбалтийского региона, например, в Померании (Godłowski 1981: 92). Разломанная (видимо, в ритуальных целях) серебряная посуда римского происхождения также достаточно хорошо известна в балтийских кладах скандинавской традиции (см. выше) (рис. 5). В Эстонии, правда, основная часть кладов связана с каменными могильниками, что скорее свидетельствует об их принадлежности местному финскому населению, как полагает М. Аун (Аун 1992: 143). Однако присутствие в их составе скандинавских вещей и помещение вещей под камни позволяет всё же предполагать некое скандинавское влияние, выразившееся в характере формирования и способах сокрытия этих кладов.

Наконец, помимо кладов, упомянем находку к северу от Эмайыги, на территории Ионентага, в Игавере (Igavere). Здесь в болоте были найдены пять втульчатых топоров (Tamla 1995: 103), которые могут иметь широкую дату. Мы уже говорили о возможных скандинавских и южнобалтийских параллелях эстонским болотным находкам.

Создается впечатление, что клады скандинавско-южнобалтийского облика V — (раннего?) VI в., а также болотная находка в Игавере, сосредоточенные в районе р. Эмайыги и западного побережья Чудского озера, связаны с какой-то трассой. Думается, что это речная дорога, которая вела от Рижского залива через рр. Гауя и Эмайыги на Чудское озеро и далее на р. Нарову. Ее маркируют для эпохи переселения народов также гривны с заходящими концами и летто-литовские дериваты арбалетных фибул типа Сенсбург/Мронгово

²² Такие украшения с лопастями в скандинавском контексте известны уже в периоды C1-C2, то есть в III в.: см., напр., Шаров 2006: 193: рис. 14 (погребение 8 на могильнике Вальстенарум, на Готланде).

D (Kulakov 2000: fig. 1; Кулаков 2003: рис. 38), находки поздне римских монет (рис. 43 и 50). Такая дорога, кстати, реконструируется уже для римского времени (см. выше) (рис. 39).

Все эти балтские и скандинавские элементы не попадают в зону длинных курганов в Восточной Уганди. Зато здесь, как мы увидим далее, явно выступает некий «южный», преположительно, славянский элемент. Похоже, что в Уганди проходит какая-то граница, отмеченная распространением скандинавских и южнобалтийских элементов, с одной стороны, и «южных», с другой. Граница эта, конечно, условная, поскольку «южные» вещи, например, пальчатые дунайские фибулы, попадают в Западную Эстонию (см. выше), а южнобалтийские (в прибалтийско-финской переработке) и скандинавские, как мы увидим далее, — на территорию длинных курганов.

Несколько хуже известна ситуация в Видземе, в бассейне Гауи, но в целом данные по этой территории подтверждают вышеизложенные наблюдения. Это регион также входит в зону коллективных могильников с каменными конструкциями (LA 1974: 59.att.). В целом материал выглядит здесь более бедно, чем в римское время, но это может быть лишь следствием состояния исследований. Вещи эпохи переселения народов (в Латвии она соответствует среднему железному веку: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 1) встречены, насколько мне известно, на финских могильниках с каменными конструкциями в Попес Межс, Триката, Рауна, Странте. В это же время на нижней Гауе засвидетельствованы балтские курганные могильники с ингумациями. Возможно, идет подвижка балтского населения на север, на территорию финских племен (Моора 1956: 123).

Скандинавские вещи известны здесь и в предшествующий период. Так на каменном могильнике Яун Тевенес (Jaun-Tēvenēs) обнаружена поздне римская скандинавская гривна с лопастями (Aspelin 1884: fig. 1825; Moora 1929: Taf. 18: 1; Quast 2005, Abb. 9: 5). Гривна эпохи переселения народов, с заходящими концами известна на нижней Гауе в балтском курганном могильнике Симтени (Simtēni: LA 1974: 41.14 att.). Этим пока исчерпывается список известных мне скандинавских вещей на Гауе.

Попадают в финские каменные могильники Видземе и западнобалтские вещи. Это фибула типа Доллькайм/Коврово, найденная в Рауне (Moora 1929: Taf. 4: 8; Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7, № 374), фибула литовского варианта того же типа Доллькайм/Коврово в Попес Межс (Bitner-Wróblewska 2001: fig. 9, ср. LA 1974: pl. 40: 7), уже упоминавшаяся фибула с кольцевой гарнитурой в Странте (Aspelin 1884: fig. 1775; Moora 1929: Taf. 9: 1) и фибула, скорее всего, балтский дериват скандинавского типа Сенсбург-Мронгово в Трикате (Moora 1929: Taf. 9: 3). Эти западнобалтские вещи являются доказательством функционирования пути по Гауе в эпоху переселения народов. По этому пути скандинавы и балты, скорее всего, и проникали в V—VI вв. в глубь прибалтийско-финских земель, вплоть до Чудского озера.

Итак, для финских территорий в Эстонии и Северной Латвии фиксируется два направления проникновения скандинавских импортов и культурных импульсов, а возможно, и их физических носителей. Первое — это морской путь вдоль побережья, мимо Сааремаа и через Моонзунд и далее вдоль берега Финского залива. Видимо, с его активизацией в эпоху переселения народов и следует связывать рост населения на Сааремаа, в Лянемаа и в Рявяла, мало пригодных для земледелия (см. выше). Второе направление — речной путь из Рижского залива по Гауе и Эмайыги на Чудское озеро и Нарву. На первом направлении вдоль побережья фиксируется наличие неких групп с престижным вооружением и элементами скандинавской материальной культуры (Пайю, Лихула, Киримяз, Прооза). На втором направлении, в Уганди, те же элементы и то же скандинавское престижное оружие (Пиккярви, Паали) могут свидетельствовать о кристаллизации здесь каких-то милитаризованных образований. Некоторые клады в бассейне Эмайыги, в первую очередь Криймани и Кардла, могут иметь вотивный характер, и в этом случае они вписываются в традицию северогерманских жертвоприношений.

Интересно, что оба реконструируемых пути сближаются в одной точке — в Северо-Восточной Эстонии. Постараемся проследить, имели ли они продолжение на востоке.

6. Острова восточной части Финского залива, Ладога и первые археологические свидетельства контактов со Скандинавией

Рассмотрим редкие скандинавские находки в регионе, откуда начинается система речных путей Восточной Европы (рис. 54). В первую очередь привлекают внимание острова восточной части Финского залива. Их цепочка начинается с островов Гогланд, Большой и Малый Тютерс, восточнее находятся острова Мощный/Лавенсаари, Малый, Сейскари и Котлин, с которого в погожие дни видно устье Невы. Эти острова занимают крайне важное стратегическое положение на коммуникациях Финского залива (Лебедев 1989; Лебедев 2005: 267, 268) и были, вне всякого сомнения, освоены еще в допарусную эпоху (Svennung 1967: 18; Лебедев 2005: 269). Острова, и ныне являющиеся закрытыми военными объектами, археологически исследованы очень слабо.

До Второй мировой войны там работали финские археологи, а в последние годы и петербургские исследователи. Древности эпохи переселения народов были зафиксированы на о. Большой Тютерс и, кажется, на о. Мощный/Лавенсаари.

На острове Большой Тютерс древности эпохи переселения народов найдены в урочище Каунисмяки, в бухте на восточном берегу острова, у северного края дюны при

осыпи песка, на участке почти 1 км в длину и 400—500 м в ширину. Место находки удалено от берега примерно на 300 м. В свое время на этом месте рос лес, после вырубки которого всё и занесло песком. В 1896 г. в песке была найдена равноплечная или «рельефная» позолоченная фибула со звериным узором (рис. 55), которая поступила в музей при посредничестве торговца древностями. В 1909 г. в Каунисмяки рядом с местом находки фибулы обнаружены черепки глиняных сосудов, пережженные кости, угли и обожженные камни. Последние упомянутые находки были обнаружены в окрестностях небольших слегка возвышающихся куч песка. А. Хакман вместе со студентом А. Европеусом сняли план местности, а также исследовали участок примерно $7 \times 4,5$ —5,5 м. На этом месте были два залегающих друг над другом слоя угля. Находки встречались в различных местах и состояли из глиняных черепков, обожженных костей и углей. А. Хакман и А. Европеус исследовали также одну песчаную кучу, в которой был только на вершине горелый слой; в остальном холм состоял из чистого песка. Курганами песчаные кучи не были. В 1926 г. в песке, примерно в 160 м к северу от наход-

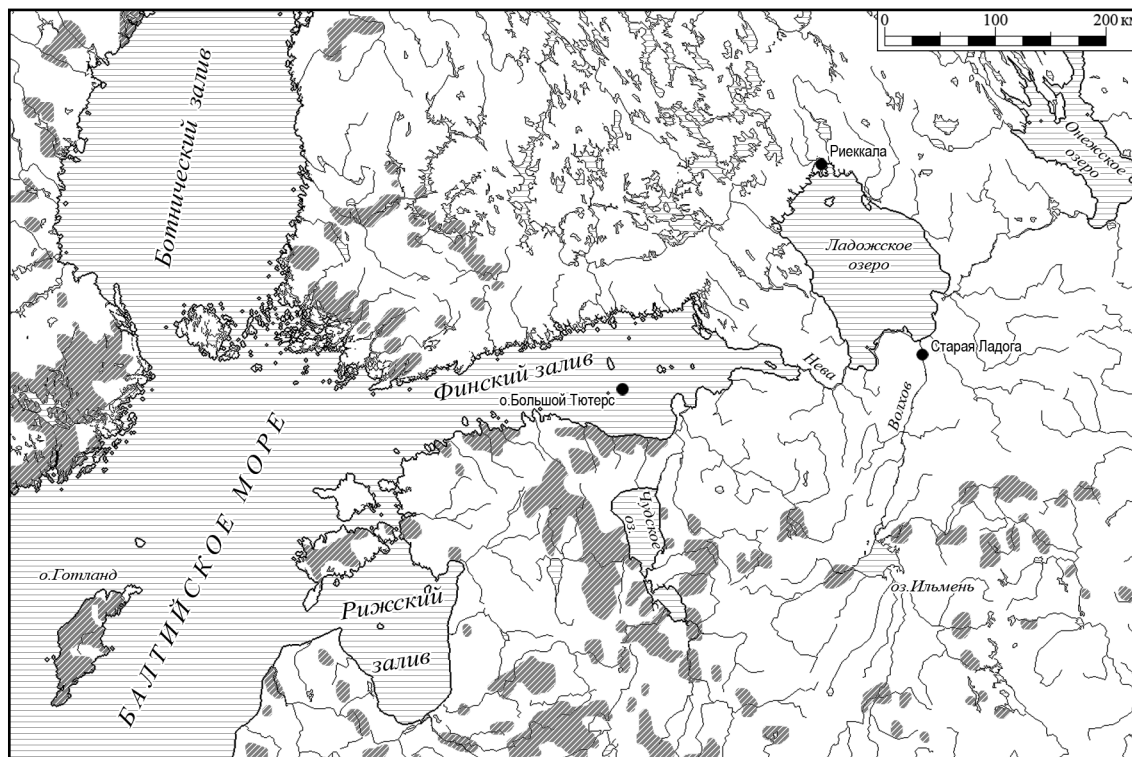

Рис. 54. Карта наиболее ранних находок скандинавского облика на Северо-Западе России (по Callmer 2000). Штриховкой отмечены места концентрации населения в VI-VII вв.

Рис. 55. Рельефная фибула с о. Большой Тютерс (Erä-Esko 1965).

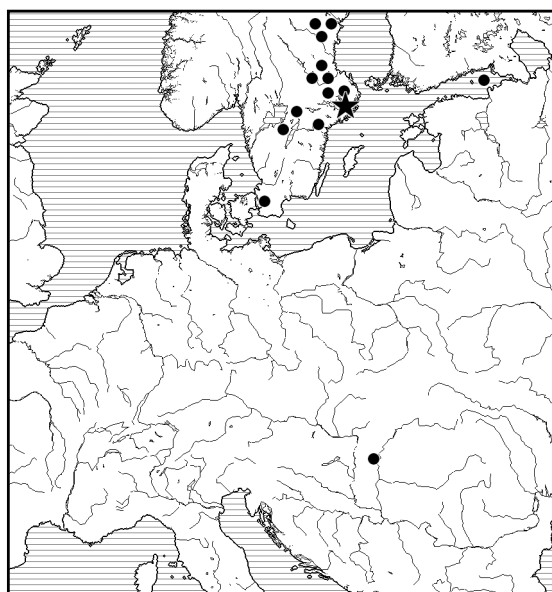

Рис. 56. Карта распространения рельефных фибул, близких найденной на о. Большой Тютерс. Звездочкой помечено ателье в Хельгё (по Magnus 2007).

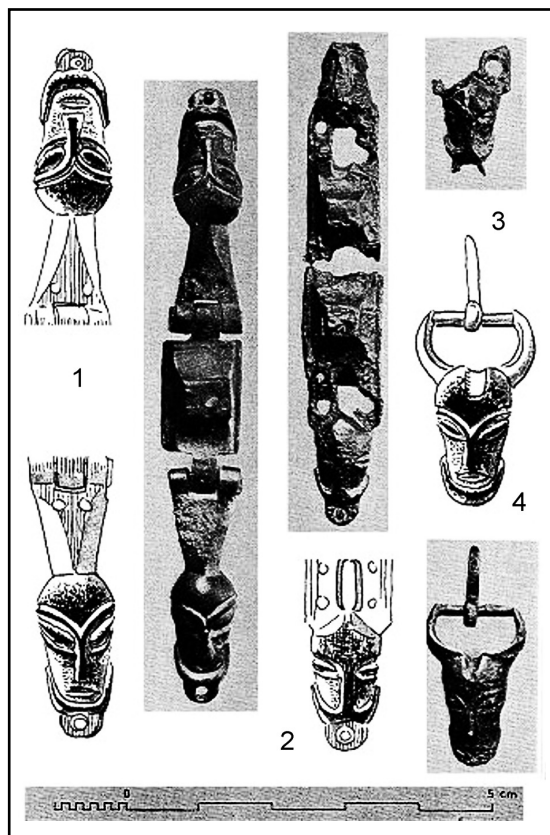

Рис. 57. Скандинавские вещи с о. Большой Тютерс (Erä-Esko 1965).

ки фибулы, были найдены бронзовые ременные накладки и пряжки (рис. 57), а также их фрагменты и обломки костей. А. Хакман посетил это место в 1927 г. и на следующий год провел раскопки на месте находки вещей. Он встретил слой саж и обгорелых камней, перекрытых кучей песка. Находки в этот раз составили глиняные черепки и жженные кости (Uino 1997: 340; Carpelan, Uino 2003).²³ Предполагается, что здесь находился некрополь с кремациями (Erä-Esko 1965: 116; Лебедев 1989; Лебедев 2005: 268).

Вещи, найденные в этом урочище и, возможно, связанные с некрополем, очень выразительны. Действительно, подобного рода украшения обычно происходят либо из кладов, либо из погребений. Случайно найденная после шторма на галечнике у песчаной дюны Каунисмяки серебряная рельефная симметричная фибула звериного стиля со следами позолоты и черни (рис. 55) (Erä-Esko 1965: № 35, pl. 10; Kivikoski 1973: Taf. 28: 229; Carpelan, Uino 2003: 76, 77), возможно, произведена в Хельгё — такие были распространены в Свеаланде, Норрланде, Остерботнии (рис. 56) (Holmqvist 1972: 248,

²³ Благодарю Е. Р. Михайлову за любезно предоставленный перевод финских публикаций.

249, fig. 116), одна попала далеко на юг, к гепидам в Восточной Венгрии (Magnus 2007). Но на фибуле из Тютерса есть и элементы, не представленные в Финляндии, а только в Швеции и Норвегии (Holmqvist 1972: fig. 112, 115), что позволяет предположить ее скорее среднешведское происхождение. Для датировки этих фибул важны застёжки из упландского некрополя Хаде, отнесенные к середине VI в. (Hade: Magnus 1999: 120, fig. 7: 3, 7: 4). В целом фибулы данного типа появляются, видимо, около 500 г. и используются в течение жизни двух-трех поколений (Magnus 2007: 190). Видимо, в пределах первой половины — середины VI в. и надо датировать фибулу с Тютерса.

Другие вещи, найденные в 160 м к северу: пряжка того же стиля, накладки и трехчастная бронзовая деталь ременной гарнитуры первого звериного стиля (рис. 57) (Egä-Esko 1965: pl. 10: № 36—39; Kivikoski 1973: 55, Taf. 39: 334; Carpelan, Uino 2003: 79—80), — также принадлежат скандинавской традиции. Они имеют параллели в Средней Швеции (Franzén 2007: fig. 11—13).²⁴ Кроме того, в Каунисмяки была найдена лепная керамика финского облика, имеющая аналогии для эпохи переселения народов, согласно Э. Кивикоски, в Сатакунде (Ujala-Niemumäki: Kivikoski 1973: 60, Taf. 42: 392). В целом, такая посуда типична как для Эстонии, так и для Финляндии в эпоху бронзы и железа, что указывает на прибалтийско-финский характер островного населения (Carpelan, Uino 2003: 81—82).

По мнению некоторых археологов, эти находки показывают, что Большой Тютерс в эпоху переселения народов, не позднее первой половины VI в., превратился в базу торговцев или пиратов (Vierck 1970: 388), возможно, скандинавского происхождения, активность которых была направлена на эстонское побережье и устье Нарвы (Kivikoski 1968: 89). Впрочем, другие археологи предполагают несколько иную трактовку материалов Тютерса. Уже говорилось о финском облике лепной керамики Тютерса, что ставит под сомнение скандинавское происхождение островного населения. Что же до украшений скандинавского облика, они получили широкое распространение у прибалтийских финнов, как в Эстонии, так и в Финляндии (см. выше). Из урочища происходит и остеологический материал: определены кости зайца, тюленя, свиньи, овцы/козы.

Такой набор скорее характерен для поселения, чем для некрополя с трупосожжениями. Население Тютерса занималось скорее морским промыслом, охотой и скотоводством, чем пиратством и торговлей (Carpelan, Uino 2003: 84). Одно при этом не исключает другого. Стоит также подчеркнуть, что керамические находки и костные остатки на Тютерсе могут принадлежать не только эпохе переселения народов, но и более раннему времени (Carpelan, Uino 2003: 85).

Следы древнего финского населения зафиксированы и на о. Мощный/Лавенсаари. Здесь известны 32 кургана, три из которых были раскопаны в 1930 году. Это небольшие округлые и овальные сооружения, два из них с каменными кругами нерегулярной кладки (Edgren 1992: kuva 2—7), содержащие погребения по обряду кремации. Финские исследователи с помощью радиоуглеродного анализа отнесли эти захоронения к доримскому и римскому времени и соотнесли их с морскими охотниками Финского залива (Edgren 1992). Однако в 1999 г. один из курганов с сожжениями, раскопанный А. И. Саксой, по данным радиоуглеродного анализа был датирован VI в. (устное сообщение А. И. Саксы), что позволяет говорить о присутствии населения на Лавенсаари в интересующую нас эпоху. Каменные кладки, явно связанные с древним финским населением, но не имеющие хронологической привязки, имеются и на Гогланде (работы Г. С. Лебедева и К. В. Шмелева).

Кажется, в это время античный мир впервые узнал о Неве. Именно так интерпретируют *Vagi Fluvius* Иордана (Иордан, Getica 17; Svennung 1967: 14—18; Svennung 1967 a; Мачинский 1984: 9; Мачинский 1986: 4; Мачинский, Кулешов 2004: 50, 51). Трудно при этом представить себе, что величественно спокойная Нева «волнуясь, извергается», как пишет Иордан (в переводе Е. Ч. Скржинской), в море. Поэтому предлагаются и другие атрибуции *Vagi Fluvius*.²⁵ Это может быть, например, Вуокса с бурным водопадом Иматра (Svenning 1967: 14, 15). В средние века Вуокса, связывающая цепь озер от Ладоги до Саймы и, видимо, соединявшаяся с Финским заливом через Хейнийокский пролив, ныне исчезнувший, была полноводнее, по ней проходила водная дорога через Карельский перешеек, от Выборга до Приозерска (Сорокин 1997: 186; Петров, Петрова 2002).

²⁴ Впрочем, одна подобная пряжка имеется и в Византии (Quast 2003: Abb. 4: 2).

²⁵ Из них наиболее фантастичной следует признать идентификацию *Vagi Fluvius* как речной дороги Волга-Кама-Северная Двина: Pekkanen 1980: 82—85.

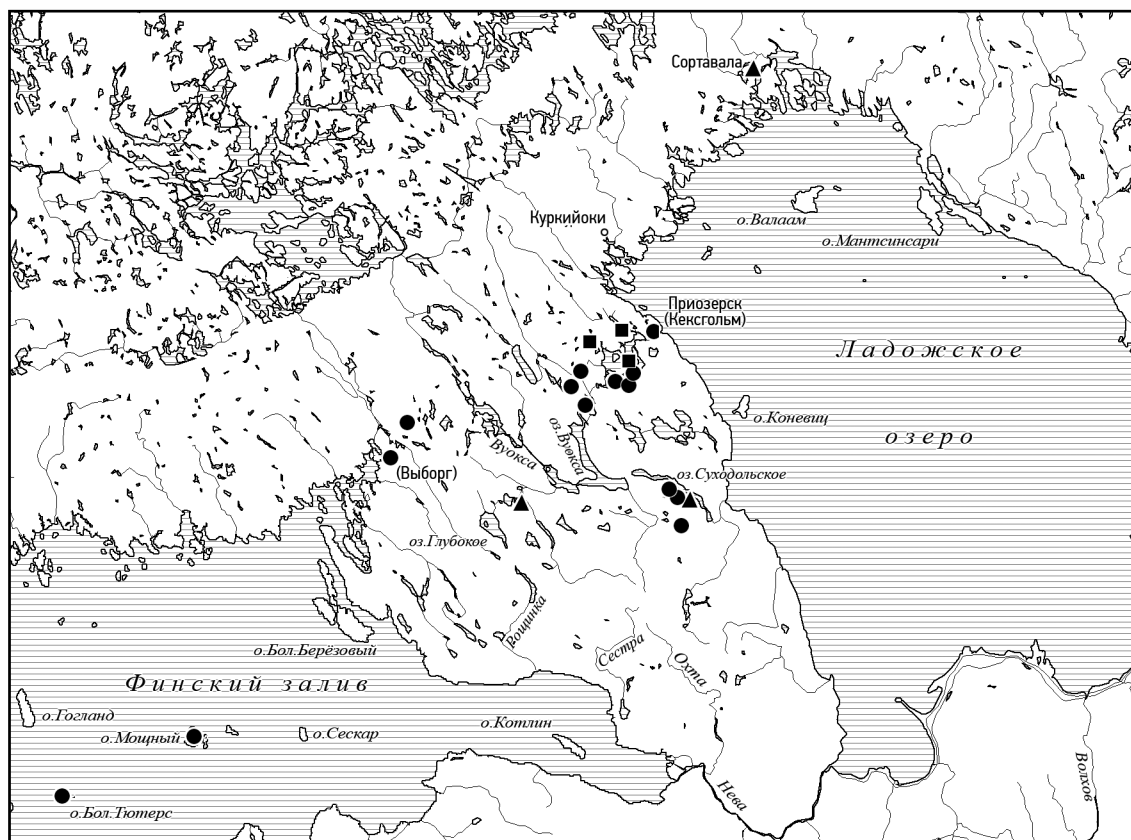

Рис. 58. Раннесредневековые памятники Карельского перешейка (по Uino 1997).

Функционирование пути по Вуоксе в интересующее нас время вроде бы подтверждается археологическими находками VI—VIII вв. (рис. 58), совершенно отсутствующими на Неве (Сакса 2007: 11).

Однако с находками эпохи переселения народов на Карельском перешейке дело обстоит далеко не блестяще (Сакса 2006 а: 142). Часто цитируют топоры «центрально-русского» типа из Карисалми и Калмистомяки (Кочкуркина 1981: рис. 2: 2, № 10 и 29), но они, как мы уже видели, имеют более широкую дату. Есть еще топор из Ряйсяля (Кочкуркина 1981: рис. 2: 1, № 32), но его дата очень ранняя, топор датируется началом I в. н. э. (Кочкуркина 1982: 15) или даже доримским временем (Сакса 1997: 179). В ряде пунктов в районе Выборга найдены продолговатые каменные огнива (Кочкуркина 1981: № 19, 27, 28, 30, 32). Однако их дата также очень широка и включает римское время (Кочкуркина 1982: 14, 15). Представляется вполне логичным заключение А. И. Саксы, что Карельский перешеек до VII в. был зоной промыслового освоения, после чего началось формирование центров оседлого населения (Сакса 1997: 181; Сакса 2006 а: 142). Впрочем, можно по-

вторить, на Неве для этой эпохи вообще пока ничего нет.

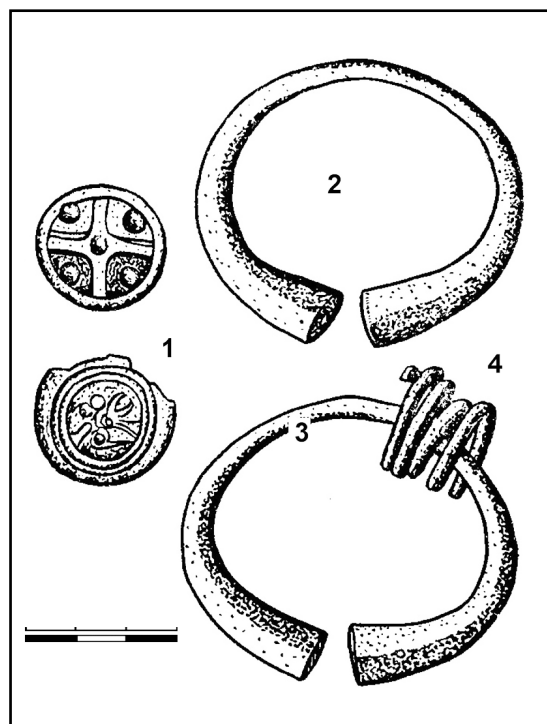

Рис. 59. Вещи из погребения в Нукутталаhti (Кочкуркина 1981).

Рис. 60. Аграф — «пуговица» из погребения в Нукутталаhti и ее параллели (Erä-Esko 1965).

1 — Гулдинт (Guldynt); 2 — Нукутталаhti (Nukuttalahti); 3 — Киилия (Kiiliä).

Но как бы там ни было, по Неве или по Вуоксе, носители скандинавских вещей, скорее всего, прибалтийские финны, попадают в VI в. на Ладожское озеро. Наиболее ранним свидетельством их проникновения в лесную зону к востоку от Финского залива является погребение в Нукутталаhti, на острове Риеккала, в северной части Ладожского озера. Место находки располагается на западном берегу залива Нукутта. В 1936 г. были найдены 2 браслета с утолщенными концами, спиральный перстень и две «пуговицы» стиля «Salin I», принадлежавшие раннему VI в. (рис. 59 и 60) (о них подробно

см. Quast 2004). Э. Кивикоски в 1938 г. провела здесь раскопки. На месте находки еще оставалась яма, на дне которой было видно много пережженных костей. Под тонким слоем торфа была зафиксирована небольшая каменная вымостка, состоящая из беспорядочно лежащих камней (ок. 1,5 × 2 м). Она была выложена на скальной основе, камни лежали в один слой. Пережженные кости, около 300 граммов, находились на камнях и в промежутках между ними, предметы (в том числе железное орудие, скорее всего, для обработки дерева и кости, бронзовая спираль, оплавленная бусина из стеклянной массы, кварцевый

скребок) встретились непосредственно под дерном; в районе южной половины погребения был найден кварц, который указывает на поселение каменного века. При обследовании округи Сортавалы в 1989 г. А. Сакса также посетил Нукутталахти. Согласно его сообщению, на той же гряде, южнее была замечена еще одна насыпь (Erä-Esko 1965: 116, 117; Кочкуркина 1981: № 14; Uino 1997: 328, 329; Сакса 2007: 11).²⁶

Браслеты с расширенными концами достаточно типичны для лесной зоны, как и многовитковое кольцо, возможно, имеющее балтские или прибалтийско-финские корни (см. ниже). Зато «пуговицы» явно скандинавские, раннего VI в., одна из них принадлежит варианту I:2 d, распространявшемуся, возможно, из Хельгё в Уппланде (рис. 61) (Lamm 1972: 103, 104, fig. 37). Вторая «пуговица» принадлежит варианту VII, распространявшемуся, помимо Свеаланда, в Остерботнии и в Сатакунде (рис. 60: 1, 3) (Lamm 1972: 118, 119, fig. 41).

Находка была интерпретирована как погребение охотника за мехом («Pelzjägergrab»: Schaumann-Lönnqvist 1992: 235), возможно, местного жителя, поскольку несомненно скандинавскими являются лишь «пуговицы» (Хурре 1979: 141, который излагает точку зрения К. Мейнандера). К этому жителю скандинавские вещи, возможно, попали в результате обмена (Сакса 1997: 181). Какое-то население на северном берегу Ладоги на этот момент могло быть, об этом свидетельствуют находки уже упоминавшихся каменных кресал (Кочкуркина 1981: № 58), а также находка финского ангона второй половины VI—VII вв. в Ритэ, сравнительно недалеко от Ладоги (Кочкуркина 1981: № 70; Кочкуркина 1982: рис. 2: 3, ср. Pihlman 1990: Bild. 13: R3; 27: 11214, 3). Более того, как отмечает А. И. Сакса, в образцах донных отложений озера Кириявалампи, расположенного недалеко от Риеккала-Нукутталахти, постоянно присутствует, начиная от рубежа VI—VII вв., пыльца ржи, что, несомненно, свидетельствует о наличии здесь постоянного земледельческого населения (Сакса 2006: 63). Для VII в. пыльцевой анализ показал также наличие земледелия и на о. Валаам (Кочкуркина 2006: 248).

Если уппландские вещи попали к местному жителю в результате обмена, то в этом случае находка в Риеккала-Нукутталахти, как и вещи с Тютерса, является свидетельством

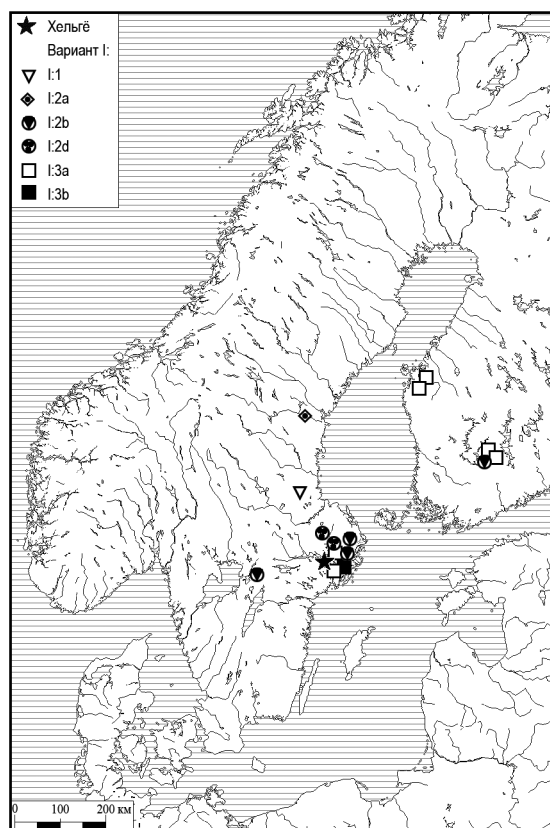

Рис. 61. Карта распространения «пуговиц»-аграфов, близких найденной в погребении Нукутталахти (по Lamm 1972).

скандинавской торговой экспансии VI в. (Vierck 1970: 388). При этом надо учитывать, что западное и южное побережье Ладоги опасны и неудобны для каботажного плавания. То есть, если западное проникновение осуществлялось через Вуоксу, то дальнейшее движение вдоль северного, а потом восточного берега озера представляется наиболее логичным (Сорокин 1997: 186, 187, илл. 1).

Что же касается южного побережья Ладоги, то здесь, похоже, скандинавские элементы появляются позднее — уже в вендельское время. В Ладоге, где, как известно, появление постоянного поселения пока может быть отнесено к середине VIII в.,²⁷ наиболее ранней северогерманской находкой на сегодняшний день является симметричная дуговидная фибула (рис. 62: 1) (Петренко 1984: рис. 2: 4). Она относится к типу Орнесес F1, имеет параллели на Готланде (рис. 62: 2—5) и датируется периодом VII:1, то есть 550—600 гг. (Quast 2004: 265, 266). Однако некоторые исследователи полагают, что фибула по парал-

²⁶ При описании этого погребения я использовал переводы с финского, сделанные Е. Р. Михайловой.

²⁷ По Г. С. Лебедеву, более раннее поселение было найдено в урочище Любша, на противоположном берегу Волхова (Лебедев 2005: 460—462). Однако до подробной публикации материала Любши следует воздержаться от каких бы то ни было заключений.

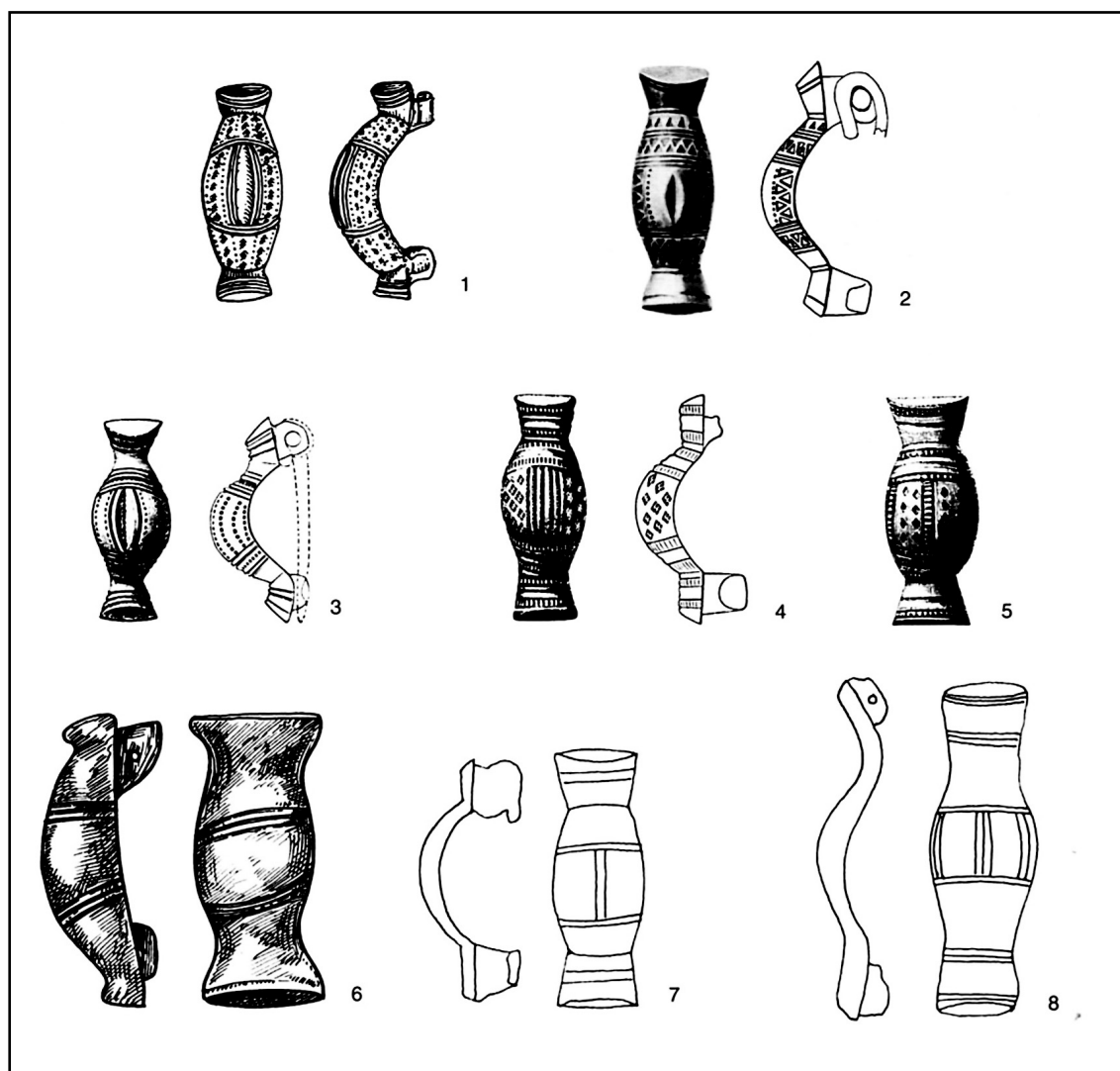

Рис. 62. Симметричные фибулы Северной России и их параллели (Quast 2004).

1 — Ладога; 2 — округ Трекумла (Готланд); 3 — Экес (Готланд); 4 — округ Гретлингбо (Готланд); 5 — Хавор (Готланд); 6 — Изборск; 7 — Вирринг (Ютландия); 8 — Харлев (Ютландия).

лелям в Финляндии скорее относится к VII в. (Волковицкий 2001: 61; Лебедев 2005: 463). Отметим, что, видимо, к раннему вендельскому времени относится еще одна скандинавская вещь. Это какое-то навершие, с изображением Одина, найденное в самом раннем слое Ладожского поселения (Рябинин 1985: рис. 23: 11; из недавних публикаций: Kazanski 2000: fig. 5: 18). Его предложено датировать последней четвертью VI в. (Meinander 1985). Однако навершие, как и вышеупомянутая фибула, могли попасть в Ладогу и позднее, в VIII в., в качестве лома для пререработки на более модные украшения.

Не исключено, что примерно в это же время в Ладоге появляется «южное» население, связанное с культурой длинных курганов, точнее, с ее ранним горизонтом. Я имею

в виду раскопанный в южной части Ладоги С.Н. Орловым могильник с захоронениями кремаций в грунтовых ямах (Kazanski 2000: 33, там же библиография). Небогатый погребальный инвентарь этого могильника содержит вещи, типичные для культуры длинных курганов (рис. 63) (Кузьмин 1995: 13; Kazanski 2000: 33). Возможно, могильник относится к позднему V—VI вв. Действительно, другие введенные в научный оборот грунтовые некрополи с трупосожжениями в Северо-Западной России, такие, как Съезжее (Носов 1984), где найдены «крапчатые» полихромные бусы второй трети V — середины VI в. (о них см. Ivanišević et al. 2006: 76), или Юрьевская Горка (см. ниже), соотносятся именно с этим временем. Такой дате не противоречат и вещи Ладожского могиль-

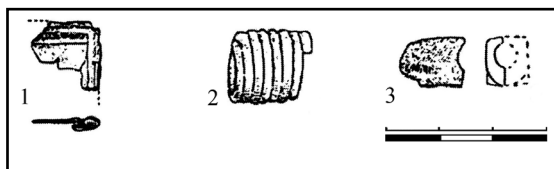

Рис. 63. Вещи из грунтового могильника с трупосожжениями в Ладоге (Kazanski 2000).

ника. Так, синие стеклянные полиэдрические бусы (рис. 63: 3) известны для середины VI в. в Юрьевской Горке (о датировке этого памятника см. подробно ниже), хотя существуют и позднее. Металлические пластинки, возможно, от венчиков-вайнаг (рис. 63: 1) в лесной зоне России хорошо известны уже в позднеримское время, например, на Мощинском городище, а также, не позднее VI в., как в длинных курганах, так и в эстонских каменных мо-

гильниках (Казанский 1999: 407, рис. 3: 2—4, 17; Kazanski 2000: 33), так и в Восточной Литве (Волкайте-Куликаускаене 1986: 158). Спиралевидные трубочки-пронизки (рис. 63: 2) также повсеместно распространены в лесной зоне, как в римское время, так и в раннем средневековье. Надо, правда, учитывать, что и пластины, и спиралевидные пронизки существуют и позднее, в VIII и, может быть, IX вв., в культуре смоленских длинных курганов (см., напр.: Шмидт 1963: рис. 13: 1—5 6; Енуков 1990: рис. 14: 11—16; 15: 1—5). Сложно установить без визуального осмотра и более или менее точную хронологию синих многогранных бус, эта форма существует долго. Поэтому ранняя дата Ладожского могильника, а стало быть, и присутствие здесь «южного» населения вполне возможны, но пока не могут быть аргументированы.

7. Карелия и русский Север

Памятники эпохи переселения народов на русском Севере, от Белого озера до Онежского озера и Каргополья, в зоне позднекаргопольской культуры, выделяются с трудом, количество надежно датированных находок крайне невелико (Макаров 1997: 25, 26). Еще меньше количество предметов, указывающих на внешние связи лесного населения. Тем не менее, по имеющимся материалам для позднеримского времени и эпохи переселения народов намечаются, в первую очередь, контакты не с балтийским бассейном (рис. 64), а с Приуральем и Прикамьем. Это подтверждает точку зрения, согласно которой для населения русского Севера вплоть до конца I тыс. приоритетными были не западные, а восточные связи (Косменко 2006: 219).

Так, с поселения Водоба II на северном берегу Белого озера происходит птицевидная фигурка уральского происхождения (рис. 65: 8), условно датируемая римским временем и эпохой переселения народов (Макаров 1986: 28, рис. 2: 10). В зоне позднебеломорской культуры, на поселении Сумозеро 15, недалеко от юго-западного побережья Белого моря найдена бронзовая фигурка птицы, приуральского происхождения (Косменко 1996 а: 262, 263, рис. 63: 6). К востоку от Онежского озера, на территории позднекаргопольской культуры, в районе Водлозеро, на поселении Илекса III найдены азелинские лапчатые подвески (рис. 65: 2, 3) (Манюхин 1996: 235, рис. 58: 4, 5) и бляха пермского стиля с медведями (рис. 65: 1) (Манюхин 1996: 235, рис. 58: 1). Подобные изображения медведей (сюжет

«медведь в жертвенной позе») известны на территории Среднего Прикамья и в бассейне Оби. Наиболее близкие аналогии происходят из бывшей Пермской губернии, из коллекции Зеликмана и из устья Оби, с Усть-Полуйского городища (Чемакин 2006: 71, рис. 1). Отметим, что, по имеющимся на сегодняшний день дендродатам, Усть-Полуйское городище датируют I в. до н.э. — I в. н.э. (Чемакин 2006: 71). Если эта дата верна, то «пермская» бляха с поселения Илекса 3 не имеет отношения к нашей эпохе. Зато харинский поясной наконечник (Манюхин 1996: 234, рис. 58: 3), обнаруженный на поселении Илекса V (рис. 65: 4), явно относится к эпохе переселения народов. Подобные поясные наконечники имеют и восточнее, на р. Унже в погр. 2 могильника Попово (Рябинин 1989: рис. 4: 20).

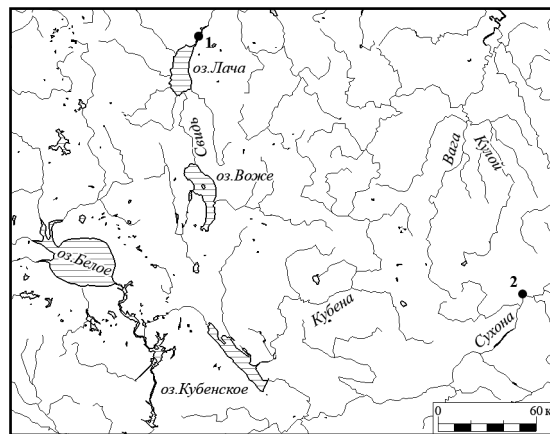

Рис. 64. Памятники русского Севера с вещами «западного» происхождения (по: Макаров 1986). 1 — Надпорожье; 2 — Усть-Царева.

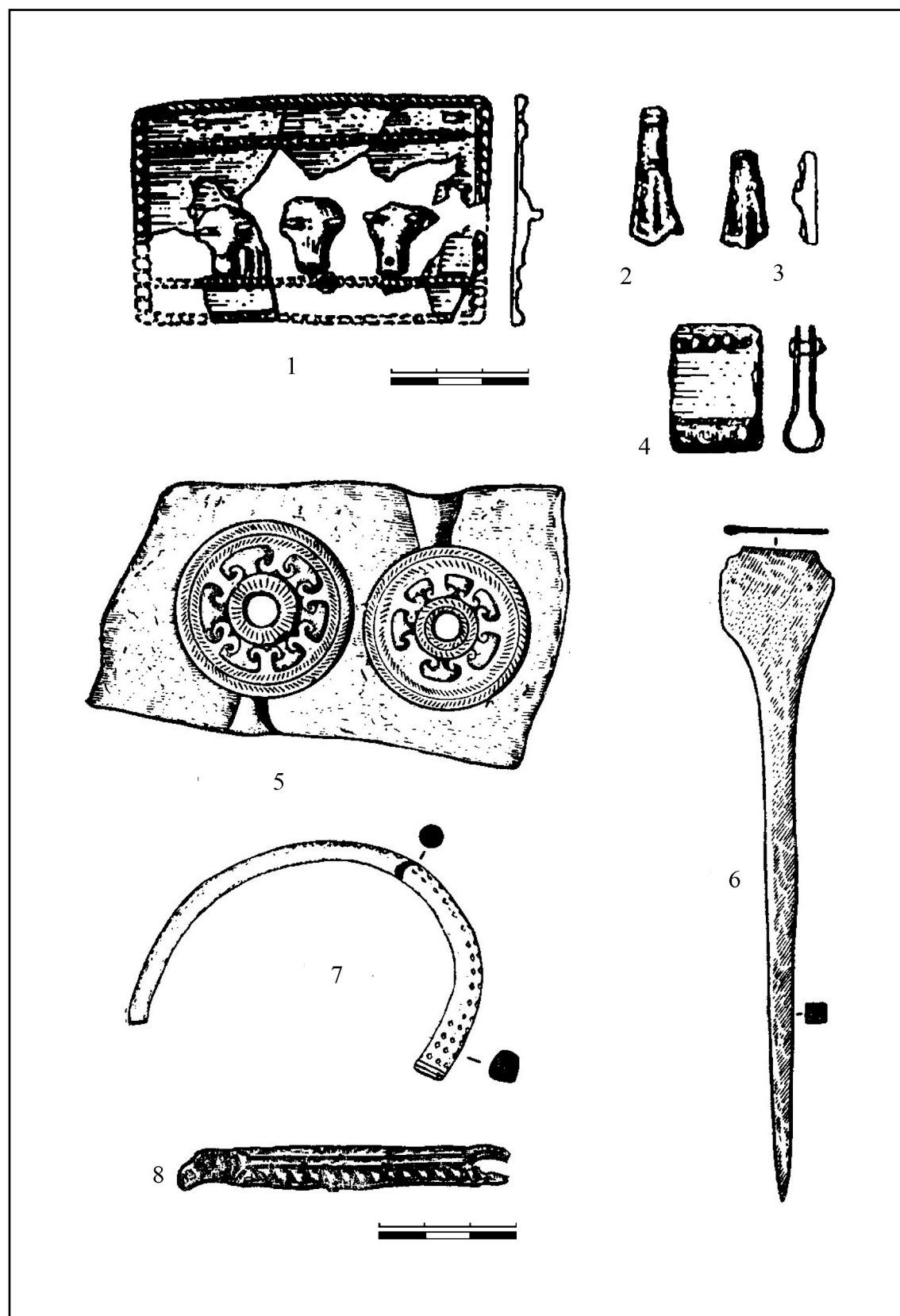

Рис. 65. Предметы с поселений русского Севера (1—5 — Манюхин 1996; 6—8 — Макаров 1986).
1—3 — Илекса III; 4 — Илекса V; 5 — Каргополь; 6 — Усть-Царева; 7 — Надпорожье; 8 — Водоба.

Находка на Унже намечает пути распространения приуральских вещей на Запад через бассейн Верхней Волги. О том же свидетельствует и находка в Каргополе формочки для отливки круглых блях V—VII вв. (рис. 65: 5). Параллели таким бляхам имеются в Среднем Поволжье и Волго-Окском регионе (Макаров 1986: 29, рис. 2: 11). Предполагается, что бронза из Прикамья поступала на русский Север в обмен на мех (Манюхин 1996: 235; Косменко 1996 в: 268, 269). Видимо, с тем же связано и появление поволжских литейных формочек в Каргополе.

Привлекают внимание находки на Безводнинском могильнике. Там такие бляхи происходят из погр. 85, содержавшего хоботковую пряжку V—VI вв., из погр. 142 и, наконец, из погр. 159, сопровождавшегося крестовидной фибулой V—VI вв. (Краснов 1986: рис. 23: 3; 36: 1, 2). На волжском могильнике Холуй такая бляха была найдена в погр. 2, вместе с пряжкой V—VI вв. (Горюнова 1961: рис. 57: 9). Эти закрытые комплексы позволяют отнести данные бляхи, в первую очередь, к V—VI вв. К сожалению, отсутствие развернуто аргументированной датировки древностей междуречья Оки и Волги эпохи переселения народов делает все хронологические выкладки предварительными.

Вещи прибалтийского происхождения в этой зоне крайне редки. На левом берегу Онеги к северу от озера Лача, в Надпорожье был найден браслет с характерными выемками (рис. 65: 7), типичный для прибалтийско-финских древностей V—VII вв. в Эстонии и Финляндии (Макаров 1986: 28, рис. 2: 9). Впрочем, такие же браслеты имеются и у балтов (см., напр.: Kaczyński 1963: гус. 18: е; Buténienė 1968: fig. 4: 4; Петренко, Вирсе 1993: рис. 4: 1, в том числе, с глубокими выемками: Балас в Земгалии: LA 1974: 41.36 att.)

Прибалтийские кельты римского времени найдены на памятнике Кудомы 11, на Сямозере между Ладогой и Онегой,

принадлежавшем культуре Лууконсаари (Косменко 1996: 249, рис. 63: 1, 2), а также на поселении Бохта 2 в Северной Карелии, к западу от беломорского побережья, принадлежавшему позднебеломорской культуре (Косменко 1996 а: рис. 63: 3). Считается, что находки этих кельтов показывают наличие меховой торговли с Прибалтикой и Финляндией (Косменко 1996 б: 268, 269). Впрочем, такие же кельты, за исключением кельта с ушком из Кудомы 11 (Косменко 1996: 249, рис. 63: 1), есть и на Средней Волге в V—VI вв. Иными словами, бесспорно прибалтийским для V—VI вв. является лишь браслет из Надпорожья. Стоит, однако, отметить еще один «западный» предмет. Это так называемое долотовидное кресало (рис. 65: 6), обнаруженное на поселении Усть-Царева (Макаров 1985: рис. 2: 4). Такие кресала характерны для восточной половины ареала культуры длинных курганов, то есть для территории от бассейна Мологи до Ильменя (Лыч 2000: табл. 6). Их прототипы имеются в центральноевропейских древностях позднеримского времени и начала эпохи переселения народов (см., напр.: Tejral 1986: Abb. 8: 19; 10: 16, 17; 11: 11; 12: 19).

Вполне возможно, что внешние контакты населения русского Севера осуществлялись по системе волоков, соединявших в древнерусское время бассейн Северной Двины с Онежским озером и далее с Ладогой (о них см.: Макаров 1997: 48—104). По крайней мере, остатки небольших поселений середины — второй половины I тыс. н.э., существовавших сравнительно недолгое время, известны в районе Мощинского волока, соединявшего р. Онега с бассейном Северной Двины (Макаров 1997: 80), а также в районе Кенского, Славенского, Ухтомского волоков (ср. Макаров 1997: рис. 5, рис 20). Однако точная дата этих памятников, ввиду отсутствия хронологически важных вещей, остается пока невыясненной.

8. Культура псковских длинных курганов

Письменные источники V—VI вв. не дают никакой реальной информации о северной половине Восточной Европы, за исключением, как уже говорилось, Балтийского побережья (устье Вислы, приморские эстии, возможно, устье Невы). Греческим и латинским авторам известна южная половина Восточноевропейской равнины с такими великими реками, как Волга, Дон и Днепр, известны населяющие этот регион степные кочевники и славянские народы. Зато им со-

вершенно не известны территории к востоку от балтийского побережья. У Иордана юго-восточными соседями эстиев являются степные акациры (Иордан, *Getica* 37). Как уже неоднократно отмечалось исследователями (напр.: Казанский 1999: 415), соседство балтийских эстиев и степных акацир в тексте Иордана может объясняться тем, что в представлении античных географов Восточная Европа представляла собой довольно узкую полосу между «Океаном»

(Балтийским морем) на севере и Азовским и Каспийским морями на юге (см. напр: Джаксон, Калинина, Коновалова, Подосинов 2007: 23).²⁸ Таким образом, для лесной зоны России этническое определение археологических культур, а тем более их сопоставление с конкретными этнонимами, носит скорее гадательный характер.

Как уже говорилось, можно полагать, что не позднее середины — второй половины VI в. в Южном Приладожье скандинавские или финно-скандинавские мигранты вошли в контакт с населением культуры псковских длинных курганов (ее надо отличать от более южной культуры смоленских длинных курганов, датируемой VIII—X вв.; о них см., в частности: Енуков 1990). С другой стороны, прямой контакт носителей культуры длинных курганов с прибалтийскими финнами, а возможно, и с какими-то скандинавами, продвигавшимися по трассе Рижский залив — Гауя — Эмайгги — Чудское озеро, мог иметь место и в Юго-Восточной Эстонии. Рассмотрим, какие внешние культурные компоненты отчетливо выступают в древностях культуры длинных курганов и какие археологические находки могут свидетельствовать о контактах этой цивилизации с бассейном Балтийского моря.

К сожалению, нормальной археологической периодизации, не говоря уж о хронологии, для лесных древностей России не создано,²⁹ поэтому в русских публикациях для

северных памятников чаще всего непосредственно употребляются абсолютные даты. Это методически неправильно, особенно если учесть неразработанность датировок материала севера Восточной Европы в целом. Абсолютные датировки наверняка будут меняться, в то время как периодизации, то есть отнесение памятников к конкретному культурному пласту, остаются, как правило, неизменными. Поэтому я пока буду употреблять общеевропейскую терминологию, где древности I—IV вв. характеризуются как принадлежащие римскому времени, а материал позднего IV—VI вв. — как относящийся к эпохе переселения народов. Очень близкая терминология принята на соседних территориях, например, в Эстонии и Финляндии (см. выше).

Археологические памятники римского времени на территории между Чудским озером и бассейном Верхней Волги изучены крайне недостаточно. На востоке, к северу от Волги, В.А. Башенькиным открыта группа погребальных памятников первых веков по Р.Х. (курганы, «домики мертвых», возможно, грунтовые погребения по обряду кремации), несомненно принадлежавших финскому населению (см., напр.: Башенькин 1995; Башенькин 1999; Башенькин, Васенина 2005). Верхневолжский регион, южная и юго-восточная часть Новгородской земли в это время были заняты носителями позднеримской культуры (Смирнов 1974: 76—89; Орлов 1984: 83—84; Исланова 1997: 8—20), в том числе с датирующими вещами середины IV в. (например, пряжка позднеримского облика: Буров 2003: рис. 14: 28).

Территория к западу от линии Волхов — Ильмень — Ловать для римской эпохи остается плохо изученной. Предполагается, что в римское время здесь была малозаселенная зона контакта двух этнокультурных массивов, скорее всего, прибалтийско-финского и поволжско-финского (Лебедев 1984: 49; Лебедев 2005: 436, 438, 439, рис. 132: III). По мнению А. Тальгрена, в римское время сюда с территории Эстонии проникали рыболовы и охотники, ведущие подвижный образ жизни (Tallgren 1938: 88—90). Но здесь имеются и погребальные памятники, каменные могильники, свидетельствующие о наличии здесь в римское время постоянного оседлого населения.

Они выявлены к югу от Финского залива, на территории между реками Нарва и Коваши. Так, Е.А. Рябинин в этом регионе изучил погребальные сооружения с каменными прямоугольными кладками в Валговицах и Великоино, видимо, римского времени. В по-

²⁸ Возможно и другое, на мой взгляд, менее вероятное объяснение. На V — ранний VI вв. приходится период военной напряженности в лесной зоне, частично связанный, как мы увидим ниже, с военной активностью балтских племен. Отдельные военизированные группы балтского происхождения могли при этом проникать далеко на восток в лесную зону и войти в контакт с кочевниками южнорусских степей, что и нашло отражение у Иордана (Казанский 1999: 415). Только с запада (в частности, от балтов) могли попасть к населению Волго-Окского бассейна умбоны щитов типа Либенау, как в Луковне (Ахмедов, Казанский 2004: рис. 5: 8) или шпоры типа Лейна, как на могильнике Ундрих (Ахмедов, Казанский 2004: рис. 9: 1). Те и другие, кстати, известны и у восточных балтов (см., напр., умбон типа Либенау — Казакевичюс 1988: рис. 48: 4; шпоры типа Лейна — Kazakevičius 1993: pav. 137: 12, 17).

²⁹ Работа по периодизации и хронологии культуры длинных курганов проделана Е. Р. Михайловой в диссертации (2009 а). Пока опубликованы предварительные результаты этого исследования (Михайлова 2001; 2005—2009; 2006; 2007; 2007 а; 2009; 2009 а). Она предлагает разделить древности культуры длинных курганов на три периода: 1 — конец V/рубеж V—VI — середина VI в., 2 А — вторая половина VI — начало VIII вв., 2 Б — VIII в., 3 — IX — начало XI вв. (Михайлова 2009; 2009 а).

следнем случае кальцинированные кости были рассыпаны между камней. В Валговицах был найден характерный для римского времени железный кельт с ушком и три браслета, а в Великино — железная булава и коса-горбуша (Рябинин 1987: 408—411; Рябинин 1994: 24; Кулешов 2005: 186—188; Шаров 2006: 194; Хвоцкая 2008: 36—37). Видимо, эти каменные могильники отражают культуру местного финского населения железного века (Конькова 2008). Совсем недавно могильник культуры Таранд был обнаружен и частично изучен в Удосолово, около современного г. Копорье (Шаров 2006: 194; Сорокин, Шаров 2006).³⁰ В 2008 г. в Полужье, в Кёрстово, М. Юшкова начала раскопки еще одного каменного могильника с трупосожжениями типа Таранд (Хвоцкая 2008: 37). Наконец, отдельные вещи культуры Таранд были найдены в Ратчино.³¹ На этих памятниках надежно выявлен пока лишь материал не позднее III в. н. э.

В нижнем течении р. Великой каменный могильник с трупосожжениями римского времени, по-видимому, был выявлен в Выбутах, для данного региона имеются сведения и о других подобных памятниках (Кулешов 2005: 189, 190). Наконец, памятник, близкий эстонской культуре Таранд, выявлен и в западном Приильменье, в Солоницко (Кулешов 2005: 184—186).

К востоку от Чудского озера к римскому времени относятся и некоторые городища и селища, такие, как Сторожинец и Горка, с керамикой, сопоставимой с синхронными находками в Эстонии. На городище Сторожинец отмечены следы заселения и более позднего времени, V—VI вв. (Попов 1989; Хвоцкая 2008: 27).

К югу от Ладожского озера достоверные памятники римского времени пока не найдены, хотя в слое более позднего поселения в Старой Ладогe найдены формочки для изготовления украшения круга варварских эмалей (Корзухина 1978: № 147, табл. 22: 1), II—III вв. (о хронологии эмалей см. Гороховский 1982), с возможным существованием в лесной зоне в IV в., а также перекладчатая фибула эстонского происхождения, также II—III вв. (Шаров 2006).

³⁰ Благодарю О. В. Шарова, любезно предоставившего мне для ознакомления рукопись этой, тогда еще не опубликованной, работы.

³¹ Благодарю И. Стасюка за любезно предоставленную информацию.

Ряд интересных находок позднеимского времени был сделан в бассейне Луги. Это боевой узколезвийный топор из д. Глумицы, имеющий параллели в центральноевропейских древностях культуры Любошице (бассейн Одера) периодов C2-C3, может быть, D, а также металлическая рукоять испанского (иногда его ошибочно характеризуют как «вестготско-римский»: Лебедев 2005: 443) боевого ножа IV в. из кургана в Турово. Параллели этому ножу представлены в позднеимских погребениях с оружием в бассейне Дуэро (Каргопольцев, Шукин 2002; Булкин, Седых, Каргопольцев 2005; Kargopol'tsev, Schukin 2006; Kargapol'tsev, Sedyh 2008). Если идентификация этих предметов верна,³² то они указывают на какие-то контакты с югом и юго-западом в позднеимскую эпоху.

Полагают, что здесь проходил некий «Лужский путь», по которому скандинавы из Финского залива могли попадать в глубинные территории Северо-Западной России чуть ли не в римское время (Лебедев 2005: 443). Отсюда они могли проникать и в центральную Россию по гипотетическому «Серегерьскому пути», который якобы связывал Верхнюю Волгу с Ильменским бассейном (Лебедев 2005: 439, 443). Но его существование в позднеимское время и в эпоху переселения народов требует доказательств. В. А. Булкин и А. С. Герд приводят данные о функционировании «Серигерьского пути» в древнерусское время (Булкин, Герд 1999: 257, 258). Однако основанием для утверждения о его реальности в предшествующее время является, по сути, лишь убежденность исследователей, что «такой устойчивый путь через глухие леса, болота, озера и реки мог сложиться, конечно, только в течение многих веков» (Булкин, Герд 1999: 258), чего явно недостаточно. Предлагаемая реконструкция «Лужского пути» также нуждается в дополнительной аргументации. В самом деле, реальных следов скандинавского присутствия в восточной части Финского залива, а тем более на территориях к вос-

³² Аутентичность этих находок, однако, была поставлена под сомнение, если не в опубликованных работах, то, по крайней мере, в устных дискуссиях. Так, отмечалось, что «испанский» нож очень напоминает оружие раннего железного века из Поволжья, а топор может иметь параллели в военной экипировке Московской Руси. Не являясь специалистом ни по раннему железному веку, ни по позднесредневековым древностям, я от участия в этой дискуссии воздерживаюсь, отмечу лишь, что предложенные позднеимские параллели мне представляются весьма вероятными.

току от него, ранее начала VI в. не имеется (см. выше). Далее, если речь идет действительно о «пути», то есть направлении, по которому осуществлялись не только военные, но и культурно-экономические контакты, то где их следы? Почему находят только оружие? И последнее: найденное здесь поздне римское оружие не имеет параллелей в Северной Европе, и поэтому оно может скорее принадлежать каким-то «южным» воинам, а не скандинавам.

Памятники культуры длинных курганов располагаются на борových песках озерно-ледниковых равнин, что указывает на особую роль скотоводства и пашенного земледелия в экономике носителей данной культуры, подсечное земледелие на таких почвах непродуктивно (Микляев 1995: 30).

Формирование культуры длинных курганов падает на эпоху переселения народов, видимо, на V в. Диагностической является серия пряжек с округлым кольцом и загнутым вниз, далеко выступающим за кольцо хоботковидным язычком (Городня: Александров 1982: рис. 3: 1; Дубровка: Седов 1974: табл. 24: 18; Лезги: Седов 1974: табл. 24: 9; Любахин: Башенькин 1995: рис. 8: 14; Полибино: Станкевич 1960: табл. 63: 5; Потерпелицы 1: информация Е.Р. Михайловой;³³ Рысна-Сааре II: информация Е.Р. Михайловой). Такие пряжки в Восточной и Центральной Европе широко распространяются в конце IV—V вв. и выходят из употребления к концу V в.

Этому периоду на Северо-Западе России соответствует горизонт очень разнородных памятников: курганы, грунтовые погребения, открытые поселения, городища, клады с неоднородной лепной керамикой и достаточно пестрым набором металлических изделий. Этот горизонт предложено называть «Линдора-Полибино» (Каргопольцев 1994; 1996 и 1997). По Г.С. Лебедеву, данные памятники составляют некую «предкурганную культуру» (Лебедев 2005: 444). Но последнее название крайне неудачно, уже хотя бы потому, что в списке ранних памятников горизонта Линдора-Полибино, наряду с немногочисленными грунтовыми могильниками и плохо изученными и опубликованными поселениями, фигурирует некоторое количество бесспорных курганов. Явная пестрота и культурная многокомпонентность памятников горизон-

та Линдора-Полибино вполне соответствуют фазе возникновения новой археологической культуры. Вспомним хотя бы классический пример формирования черняховской культуры, где подчас и не поймешь, каких элементов больше на памятниках ранней фазы черняхова — вельбаркских, пшеворских, поздне скифских или собственно черняховских (Shchukin et al. 2006: 22—24).

Интересно отметить, что в археологическом материале культуры длинных курганов лучше всего и представлен горизонт Линдора-Полибино. Надежно датированного материала VII—IX вв. в материальной культуре длинных курганов русского Северо-Запада пока крайне мало.

Среди устойчивых культурных черт, объединяющих ранние памятники культуры длинных курганов на широкой территории (если включать сюда грунтовые могильники и поселения типа Юрьевской Горки), надо назвать следующие:

— погребальный обряд, а именно — практика захоронения остатков кремации на стороне, часто в курганных насыпях удлиненной и округлой формы, реже в грунтовых ямах;

— элементы женского убора, включающие ожерелья из стеклянных, чаще всего синих или голубых бус, пластинчатые бляшки-обоймицы и спирали, возможно, от венчиков или от других украшений (о них специально: Михайлова 2007), парные браслеты, с расширенными концами или пластинчатые с продольным ребром (Васенина 1990: 52; Башенькин, Васенина 1993: 12—15). Отмечено, что данный убор отличается от финского предшествующего времени, известного главным образом по белозерскому региону и включающего, помимо известных на длинных курганах венчиков, браслетов, гривен, височных колец, такие типичные для финнов украшения, как наконечники, нагрудные бляхи и застежки, булавки, зооморфные украшения и пр. (Васенина 1990: 52; Башенькин, Васенина 1993: 5—12);

— мужская (?) поясная гарнитура с характерными «рубчатыми» пряжками, получившими повсеместное распространение в Европе в V—VII вв. и с так называемыми бляшками-скорлупками (см. Михайлова 2005—2009: 23—26);

— специфический набор воинского снаряжения и конской экипировки, который я называю «лесным»: стрелы, дротики, копья (?), узколезвийные топоры, шпоры с крючками, удила с кольчатыми псалиями, подпружные прямоугольные пряжки, — близкий славянским культурам V—VII вв. и в то же время отличный и от восточно-финского, и от вос-

³³ Пользуюсь случаем поблагодарить Е.Р. Михайлову за ценную информацию и конструктивную критику, использованные в написании этой главы.

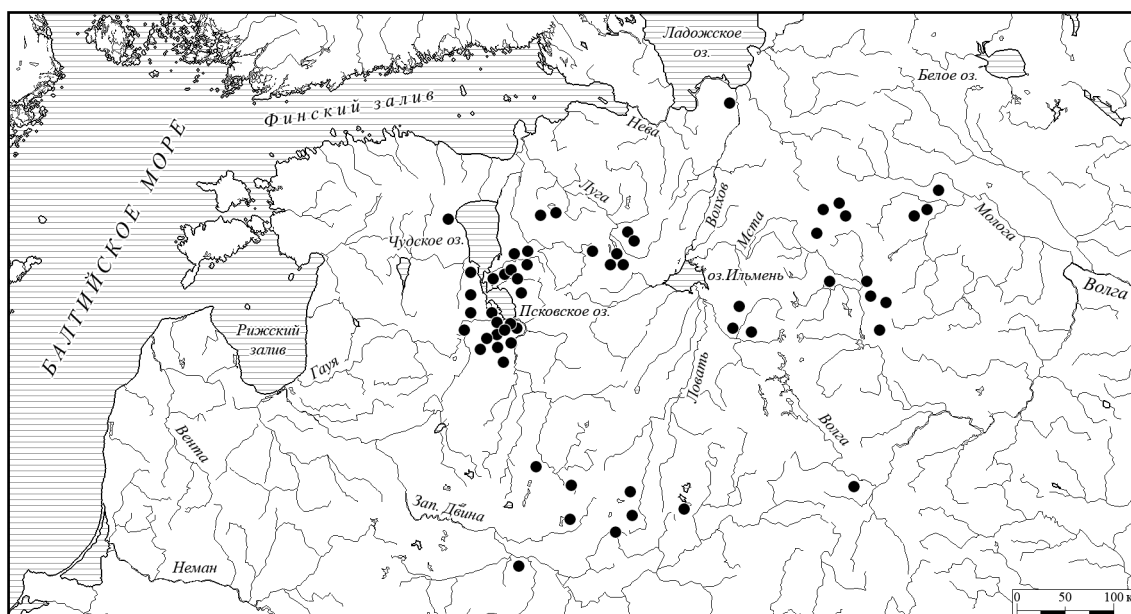

Рис. 66. Распространение наиболее ранних погребений культуры длинных курганов (по Kazanski 2007).

точнобалтского, и от прибалтийско-финского воинского и конского снаряжения (Kazanski 2007);

— лепная посуда высоких «баночных» форм.

К сожалению, состояние публикации уже исследованных памятников культуры длинных курганов (последняя сводка: Седов 1974) выглядит поистине катастрофическим, что очень препятствует обобщению данных по этой культуре и включению их в общеевропейский контекст.

Памятники культуры длинных курганов образуют несколько территориальных групп (рис. 66) (см. карты: Седов 1974: табл. 1; Седов 1995: рис. 60):

1. в юго-западной Эстонии, к западу от Псковского озера;
2. к востоку от Чудского и Псковских озер, до бассейна р. Луга (эту группу иногда объединяют с первой, см. Лыч 2000);
3. в верхних течениях рек Великая, Западная Двина и Ловать;
4. в бассейнах рр. Мста и Молога.

При этом по погребальному инвентарю культура длинных курганов разделяется на две зоны: западную (бассейн Чудского и Псковского озер, Луги и Плюсы) и восточную (регион от Мсты до Мологи) (рис. 67) (Лыч 2000). Предметы мужского убора распространяются по территории культуры равномерно (Лыч 2000: 74). Зато женские браслеты с расширенными концами и прямоугольные бляшки с пуансонным орнаментом более характерны для восточной зоны (хотя и попадают в западную зону, в Репьи, Полибино и Городню), а проволоочные височные кольца

с надетой на них синей бусиной, каменные блоковидные кресала и железные долотовидные кресала — для западной (Лыч 2000: 74—76, табл. 6).

По общему мнению, культура длинных курганов гетерогенна по происхождению и представляет собой синтез автохтонных и аллогенных элементов (см., напр., Седов 1995: 216; Белецкий 1996: 37—43; Буров 1996: 122, 123; Буров 1996 а: 6, 7; Конечский 1997 и 2007; Kazanski 1999: 130; Лопатин 2006), спор идет о том, какие элементы были доминирующими. В древностях длинных курганов исследователи выделяют несколько разных культурных традиций: прибалтийско-финскую, особенно хорошо представленную в юго-восточной Эстонии

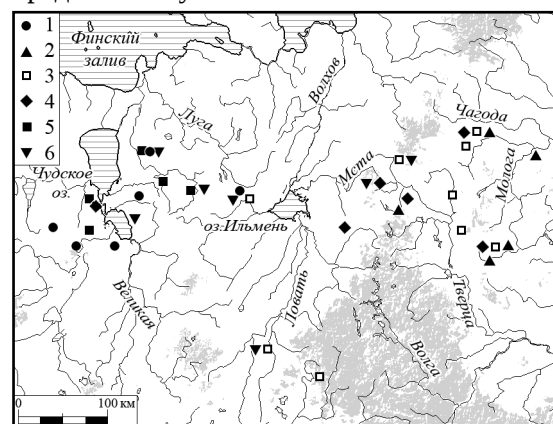

Рис. 67. Региональные особенности погребального инвентаря культуры длинных курганов (по: Лыч 2000). 1 — блоковидные огнива; 2 — штампованные бляшки типа I; 3 — браслеты с расширяющимися концами; 4 — долотовидные кресала; 5 — височные кольца с напущенной бусиной; 6 — штампованные бляшки типа II.

(Аун 1980; 1992; Kazanski 1999: 135; Лебедев 2005: 444), балтскую (см., например: Седов 1995: 216; Казанский 1999; Kazanski 1999: 133—135), славянскую (например, Седов 1980; Kazanski 1999: 133; Лебедев 2005: 444). Возможно, население, оставившее памятники римского времени типа Заозерье (о них см. Верхнее Поднепровье 2002), было ведущим компонентом, на их основе и сформировалась культура длинных курганов, а к югу от нее — родственная культура Тушемли (Лопатин, Фурасев 1995; Лопатин 2006; Лопатин, Фурасев 2007). С другой стороны, подчеркивается роль финских памятников с «домиками мертвых» и текстильной керамикой (Лаул 1997), а также роль памятников раннего железного века Северо-Западной России (Конецкий 2007).

Какой компонент был основным, сейчас, до развернутой публикации основных памятников начальной стадии культуры длинных курганов, говорить преждевременно. Сегодня наиболее реальными являются две гипотезы. Согласно первой, которую отстаивают эстонские, петербургские и новгородские исследователи, в культуре длинных курганов доминирует прибалтийско-финский элемент. Ее даже конкретно соотносят с чуждью (Лебедев 2005: 444) или с гипотетической финской неромой/неровой (Мачинский 1986: 9) русских летописей, хотя существование этой неромы в долетописное время нуждается в доказательствах, да и для летописного времени её локализация и этническая принадлежность (балты или финны?) гадательны (см., в частности: Хвоцкая 2008: 19, 20). В этом случае предками культуры длинных курганов действительно являются носители культуры текстильной керамики. Согласно второй точке зрения, культура длинных курганов принадлежит в основном славянскому или балто-славянскому населению. Оно то ли пришло из Центральной Европы, как полагал В.В. Седов, то ли проживало здесь, по крайней мере, с римского времени, если принять мнение Н.В. Лопатина и А.Г. Фурасева о родстве памятников типа Заозерье с более южными славянскими древностями киевского типа (подробно: Лопатин, Фурасев 2007). Славянская (или балто-славянская) атрибуция культуры длинных курганов стала наиболее популярной и у зарубежных археологов (см., напр.: Werner 1981; Godłowski 1983).

Славянское присутствие в зоне цивилизации длинных курганов, во всяком случае, четко фиксируется материалами открытого поселения и сопутствующего могильника Юрьевская Горка (рис. 68) (Исланова 1997:

21—55). Это сравнительно недолговременный памятник: здесь практически нет следов «перекрытия» построек, а как мы знаем, средний срок функционирования землянки не превышает 20 лет (Березовец 1963: 187). Поселение и могильник, скорее всего, датируются первой половиной — серединой VI в. Об этом свидетельствуют находки здесь «крапчатой» полихромной бусины второй трети V — середины VI в. (рис. 68: 4) (о них см. Ivanišević et al. 2006: 76) и западной пряжки второй трети VI в. (рис. 68: 11), имеющей надежно датированные аналоги в лангобардских и аламанных древностях.

Прямые параллели этой пряжки имеют на лангобардском некрополе Голубице в Южной Моравии (Kazanski 2000: 24). Это погребение относится к фазе MD 5 дунайской хронологии, то есть ко второй трети VI в., когда и прекращаются захоронения в данном некрополе (Tejral 2005: Abb. 13: D1, Tabelle 3). Саму пряжку Я. Тейрал относит к концу данного периода, поскольку ее параллели у аламанных, по материалам могильника Плейдельсхейм, датированы У. Кох фазой SD-6, то есть 555—580 гг. (Koch 2001: Abb. 23: M54). Основанием для такой датировки служит присутствие этой формы в закрытом комплексе вместе с монетой Юстиниана (Koch 2001: 85, 86, 296, 297). Но это в принципе не исключает и ее датировку несколько более ранним временем, чем 555 год.

Поселение выделяется наличием значительного количества лепной керамики (31%), очень напоминающей тип Прага (рис. 68: 15—19), и полуземлянками с печью (рис. 68: 23) (жилища типа Исланова 4: Исланова 1997: 42), что также является характерным признаком славянских культур. Рядом с поселением исследован небольшой могильник с грунтовыми трупосожжениями, вполне типичными для славян (Исланова 1997: 21—55). Необходимо сразу же отметить, что «в чистом виде» славянский материал в лесной зоне нигде не обнаружен, он присутствует на памятниках, где в большом количестве встречены вещи местных «лесных» культур. Так, на том же поселении Юрьевская Горка доминирует керамика, обычная для культуры длинных курганов, а среди украшений встречаются типичные финские и балтские вещи (рис. 68: 5—7, 12). В целом памятник отражает культурные черты как автохтонного «лесного» населения (культура длинных курганов), так и каких-то аллохтонных групп, скорее всего, славян (Исланова 1997: 55; Kazanski 2000: 24). Помимо поселения Юрьевская Горка, лепная керамика, близкая пражской, отмечена в длинных курганах

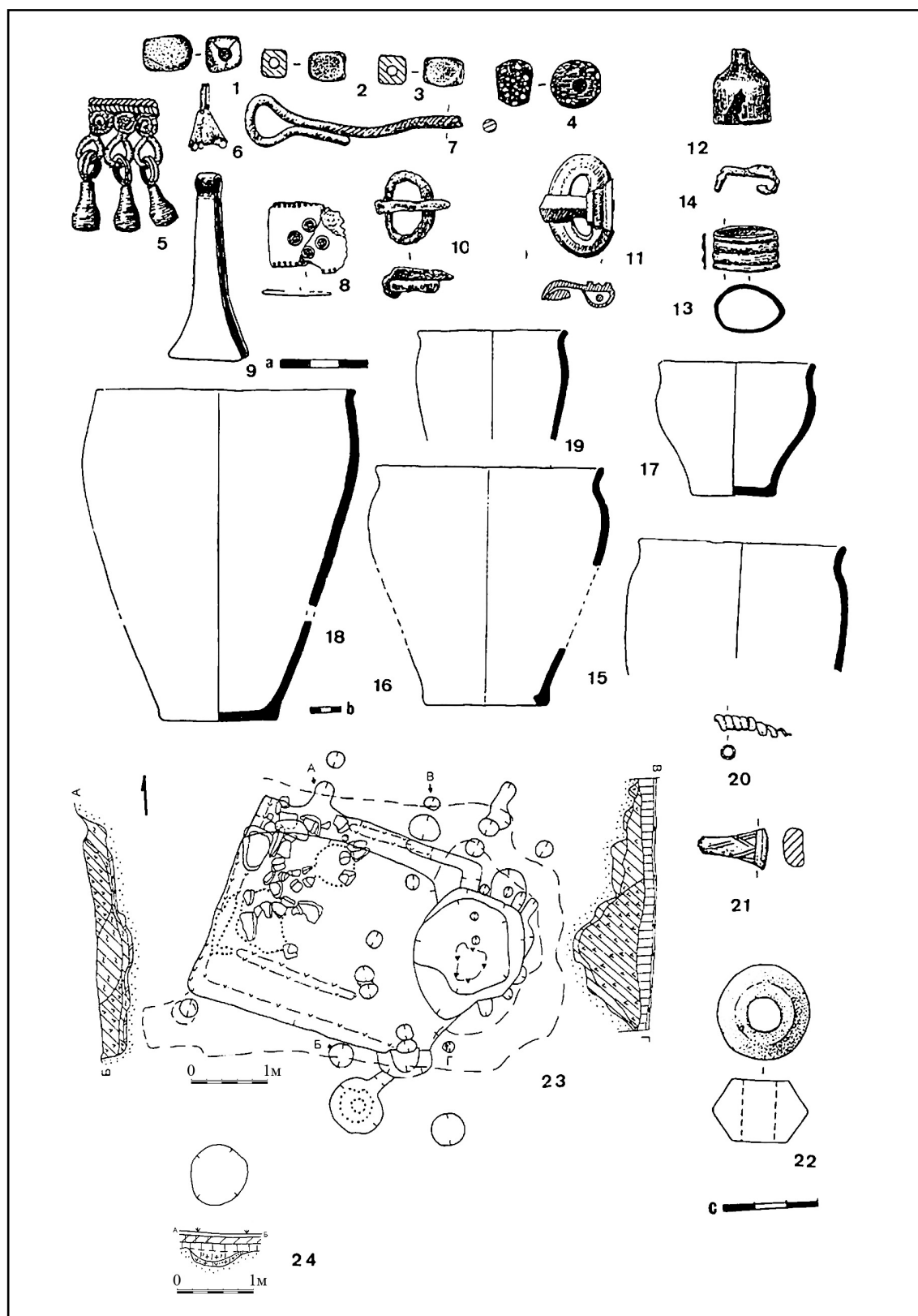

Рис. 68. Находки, происходящие с поселения и могильника Юрьевская Горка. 1—15, 23 — поселение; 20—22, 24 — могильник (Исланова 1997).

Михайловское, Володи, Жеребятино (Седов 1980: 7).

Далее, исследователи считают типичным для славян зафиксированный в крема-

циях обычай очистки кальцинированных костей от остатков погребального костра (Седов 1980: 6, 7). Возможно, со славянами в зону длинных курганов попадают также «южные»

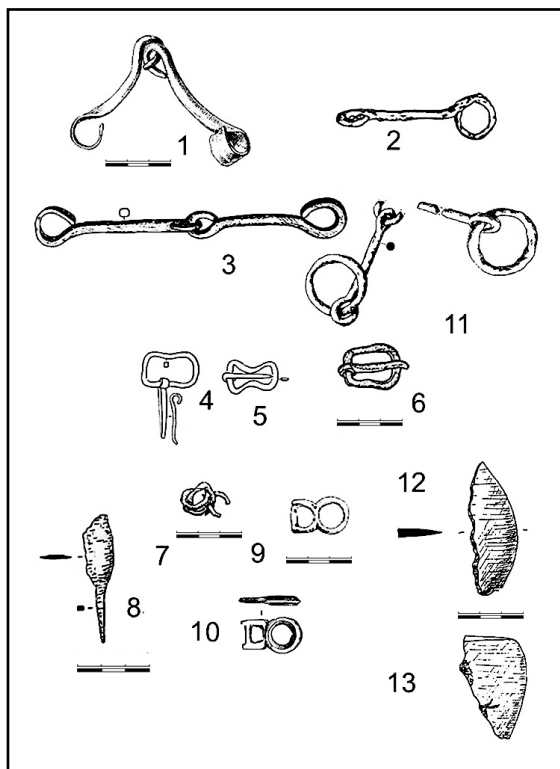

Рис. 69. Предметы конского снаряжения и оружие из зоны культуры длинных курганов (1—3, 6—9) и их параллели (4, 5, 10) (Kazanski 2007).

1, 9 — Залахтовье, курган 154/10; 2 — Жеребятино, курган 1; 3 — Дорохи-1, курган 1; 4, 5 — Кунцево; 6 — Пуйга, курган 20; 7, 8, 12, 13 — Юрьевская Горка; 10 — Здвиженское.

элементы вооружения: фрагменты кольчуги, подпружные пряжки (рис. 69: 7, 9) (подробно см. Kazanski 2007).

Наконец, некоторые женские украшения культуры длинных курганов могут также иметь славянское происхождение. Это, например, металлические треугольные аппликации, известные по находке каменной формочки для их изготовления в одном из курганов могильника Лоози в юго-восточной Эстонии (Седов 1974: табл. 27: 2). Подобные аппликации также изготавливались, судя по найденным здесь каменным формочкам, на поселении пражской культуры Бернашевка, на Днестре (Винокур 1997: рис. 22, 23, 45).

По О.А. Щегловой, такие украшения распространялись с юга, из склавинской зоны (Щеглова 2001). При этом она ошибочно полагает, что их распространение происходило не ранее конца VI в. Такого рода утверждения опираются, с одной стороны, на общеисторические представления о времени славянской миграции в лесную зону, а с другой, на мнение И.О. Гавритухина о датировке Бернашевки последними десятилетиями VI — первыми десятилетиями VII в., вероятнее всего — рубежом VI—VII вв. (Гавритухин 1997: 47;

Гавритухин 2005: 415). Основанием для такой даты служит наличие в Бернашевке формочек для отливки элементов убора шиповского горизонта, фибулы восточногерманской традиции и пряжки с двойной рамкой.

Фибула, к сожалению, точных аналогов не имеет и может быть датирована лишь в широких рамках VI—VII вв. И.О. Гавритухин соотносит шиповский горизонт в основном с периодом Ig своей северокавказской хронологии, то есть около 500—580 гг. (Гавритухин 2001: 43). На мой взгляд, дата шиповского горизонта — это скорее вторая треть V — вторая треть VI вв. (Kazanski, Mastykova 1999: 530—537, 554). Конечно, отдельные элементы шиповского горизонта могут существовать и позднее, но в Бернашевке в наличии не отдельные элементы, а целый набор.

Представляется, что существенным индикатором, позволяющим уточнить дату Бернашевки, является формочка для изготовления прорезного наконечника «геральдического» пояса с «шиповским» декором (Винокур 1997: рис. 16). Несмотря на хаотическое состояние хронологии этих поясов, сейчас в общем ясно, что они широко распространяются в Европе со времени Юстиниана, то есть со второй трети VI в. В качестве таких опорных хронологических индикаторов могут служить находки из погребения 33 в Базель-Бернерринг с монетой Тотилы (541—553 гг.) (Moosbrugger-Leu 1982: Abb. 36: 16), мужского погребения 56 из Суук-Су в Крыму с монетой Юстиниана I (527—565 гг.) (Репников 1906: 16, табл. 5: 15—17, 19); из слоя, предшествующего пожару 550—551 годов в Цибилеуме (Воронов, Багжба 1985: рис. 97: 15; 113: 51), из погребения Е 199 нижне-дунайского могильника Пятра-Фрикэцей, где пряжка типа Сучидава, найденная вместе с монетой Юстина I (518—527 гг.), имела характерный прорезной декор (Schulze-Dörrlamm 2002: Abb. 57), а также из захоронения 132 византийского некрополя Каллатис, в котором была найдена монета Юстиниана, отчеканенная в 538—545 гг. (Preda 1980: pl. 34: 1—3). Наличие на наконечнике из Бернашевки шиповских элементов декора позволяет отнести его к начальной фазе горизонта геральдических поясов, то есть ко времени Юстиниана.

Но даже не вступая в дискуссию о верхней дате шиповского горизонта и начале распространения геральдических поясов, можно найти более простой способ датировки «лесных» формочек — посмотреть материал наиболее ранних памятников лесной зоны, где

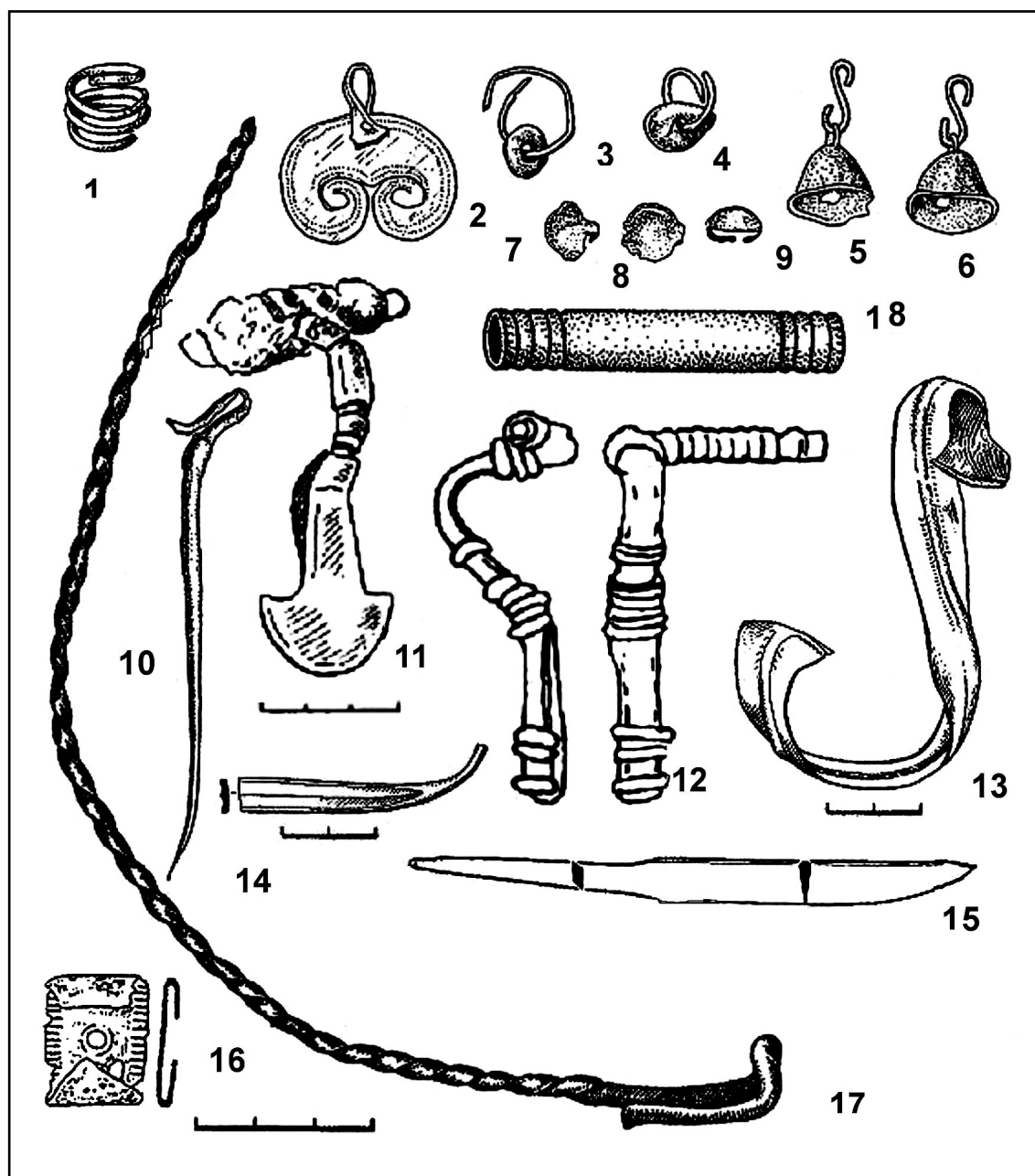

Рис. 70. Некоторые предметы убора, происходящие из зоны длинных курганов (1—10 — Аун 1992; 11 — Белецкий 1980; 13—15 — Александров 1982; 16—18 — Исланова 2006).

1—4 — Рысна-Сааре II; 5—8 — Рысна-Сааре I; 9 — Арнико III; 10; 11 — Псков; 12; 13 — Совий Бор, курган 2; 14 — Жеребятино, курган 2; 15 — Городня, курган 3; 16 — Шихино, курган 28; 17 — Шихино, курган 30; 18 — Млевский Бор, курган 23.

такие предметы найдены. Как мы уже могли убедиться, дата поселения Юрьевская Горка, где такие формочки представлены, не выходит за пределы второй трети V — второй трети VI в. По сочетанию западной пряжки и «крапчатой» бусины, оптимальная дата Юрьевской Горки определяется серединой VI в. К этому времени, если не к первой половине VI в., и можно отнести распространение фомочек в лесной зоне. Можно вспомнить и находки на мощинском городище

Николо-Ленивец (Никольская 1962: рис. 6: 2, 3). Как я уже подчеркивал, мощинская культура вряд ли переживает V в. (Казанский 1999: 407). Правда, в последнее время сборы на некоторых мощинских памятниках выявили на них наличие вещей «геральдического» стиля (Воронцов 2003). Так что в дальнейшем верхняя дата мощинской культуры может быть пересмотрена, когда такие вещи появятся и в закрытых комплексах или в надежно документированных мощинских слоях.

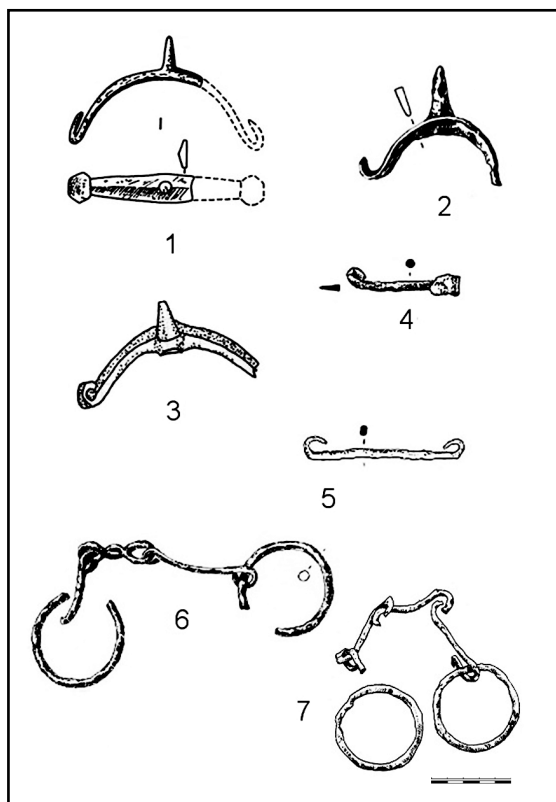

Рис. 71. Шпоры и удила из зоны культуры длинных курганов (1, 4, 5) и их балтские аналогии (2, 3, 6, 7) (Kazanski 2007).

1 — Дорохи-4, курган 1; 2, 6 — Саукасмуина; 3 — Саугиняй; 4, 5 — Юрьевская Горка; 7 — Яунейкай.

Помимо славянского компонента, в культуре длинных курганов ощущается и балтский компонент. Уже неоднократно подчеркивалось родство цивилизации длинных курганов с балтскими древностями, в частности, с культурой восточнолитовских длинных курганов. В обоих случаях наблюдается удлиненная форма насыпей, отмечается наличие погребального костра под насыпями (Таутавичюс 1959: 144, 145; 1980; Конецкий 1997: 221). В.В. Седов также обратил внимание на сходство некоторых длинных курганов с захоронениями в группе Сувалки. Так, каменные конструкции прослежены в длинных курганах Северик, Лосицы, Лоози, Верепково, Выбуты (Седов 1995: 216). Похожие каменные конструкции известны и в курганах с трупосожжениями в группе Сувалки (Jaskanis, Okulicz 1981: 241; Седов 1987: 415).

Балтские элементы присутствуют и в женском уборе культуры длинных курганов. Височные проволочные кольца, найденные в курганах Казиха, Репьи, возможно, Лезги, происходят из Восточной Литвы (Седов 1995: 218—229). В могильниках Березно, Рысна-Сааре II, Березцы VI найдены бусины, надеваемые на проволочные кольца (рис. 70: 3, 4) (Аун

1992: рис. 51: 8, 9; Кузьмин 2003: рис. 1: 14, 2: 1, 7).³⁴ Как уже отмечалось, они присутствуют только в западной части ареала культуры (Лыч 2000: 76). К носителям культуры длинных курганов они могли попасть в результате контактов с западными балтами, поскольку такие вещи имеются в группе Сувалки, в кургане 7 могильника Нетта (Okulicz 1955: tab. 38: 1).

На поселении Юрьевская Горка (Исланова 1997: рис. 76: 22) и в кургане 30 могильника Шихино (Мальм, Фехнер 1969: рис. 4: 2) найдены балтские гривны с замком в виде посоха (рис. 68: 7; 70: 17). Такие гривны довольно редко попадают на территории к востоку от Прибалтики. Назовем находку в Вязовенка, культуры Тушемля (Шмидт 1994: рис. 5: 5) и клад в Узьмина Горка, Гдовского уезда (Tallgren 1938: 12, Abb. 15; Корзухина 1954: табл. 3). Зато они хорошо известны в зоне расселения балтов и прибалтийских финнов. Этот тип гривен существует уже в середине VI в., как показывает находка в погр. 145 литовского некрополя Плинкайгалис (Kazakevičius 1993: рав. 145: 1, 3) вместе с парой фибул типа Доллькайм/Коврово, литовского варианта (о них см. Bitner-Wróblewska 2001: 48—50).³⁵ Отметим также находку из кургана 5 могильника Судата 1 (Kaczyński 1963: рис. 9: p) из группы Сувалки, с довольно ранним умбоном щита. Другие находки подобных гривен обычно относят к VII—VIII вв. Это, например, гривна из Середжюс (Урбанавичюс 1987), из могильников Боки (The Semigallians 2005: № 63), Оши (The Semigallians 2005: № 119), Паюостис (The Selonians 2007: № 86), или из кладов с территории Латвии (Urtans 1977: № 30, att. 62: 3; № 33, att. 65: 1; № 34, att. 66: 3; № 35, att. 67: 1, 2, 4, 5). Некоторые находки латвийские археологи датируют еще более поздним временем (см., напр.: The Semigallians 2005: № 214, 234, 977; The Selonians 2007: № 132).

Колокольчики с широким краем, так называемого «латгальского типа» (рис. 70: 5, 6), относимые ко времени с VII в., были найдены в кургане в Арнико (Седов 1974: табл. 23: 35) и в кургане 1 некрополя Рысна-

³⁴ Эти украшения имеют восточногерманское происхождение, поскольку для римского времени они хорошо засвидетельствованы, прежде всего, в цивилизациях Вельбарк и Черняхов (Kazanski, Mastykova 2003: 166).

³⁵ В целом такие фибулы в Юго-Восточной Прибалтике относятся к периоду Е южнобалтийской хронологии (его абсолютные датировки отличаются от дунайского периода Е), то есть к VI—VII вв.

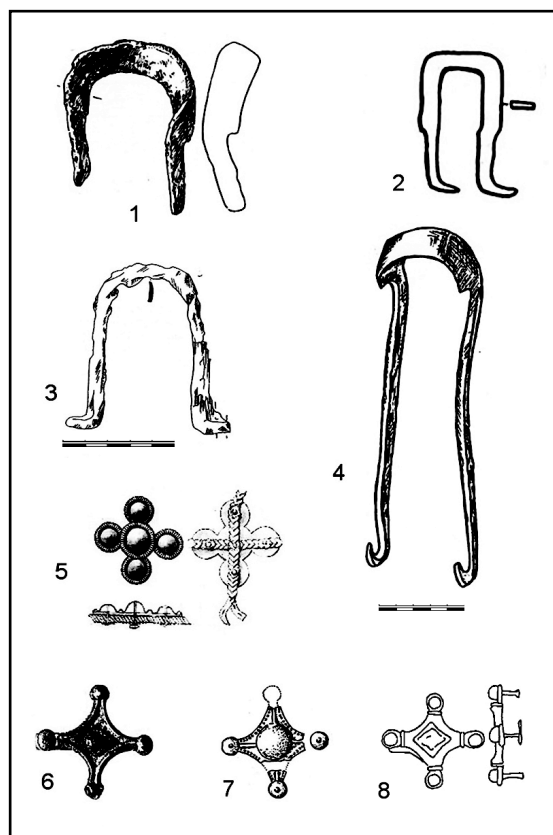

Рис. 72. Находки скребниц (?) и крестообразных уздечных накладок из кургана 25 могильника Шихино и их балтские параллели (Kazanski 2007).

1 — Руцава-Мазкатужи; 2 — Вершвай; 3 — Хюненберг/Гора Великанов; 4, 7 — Шихино, курган 25; 5 — Швайцария; 6 — Альтхоф-Инстербург; 8 — Алдиг-Хейдекруг.

Сааре (Аун 1992: рис. 51: 1—6), а также в Заполье-1 (Платонова 1996: 11). Эти колокольчики хорошо известны в балтском контексте начала средневековья (см., напр.: Звяруга 2005: рис. 31: 11; LA 1974: 42: 22, 84 att.; Седов 1987: табл. 106: 20; Kuncienė 1983: pav. 1: 10; Kasiński 1963: rys. 18: w). Реже они встречаются у финнов (Kentskalns: Stubavs 1976: 4: 9 tab.; Дьяково: Кренке 1983; Uskela-Palomäki: Kivikoski 1973: Taf. 33: 273), в цивилизации Тушемля (Звяруга 2005: рис. 69: 3), а также у славян культуры Прага (например, для поздней фазы пражской культуры, на укрепленном поселении Шелиги: Parczewski 1993: Abb. 19: 11—13), а для более позднего времени в Изборске и в смоленских длинных курганах (Михайлова 2006: 113).

Типичные для восточных (летто-литовских) балтов украшения головы, состоящие из металлических пластинок и витых пронизок, хорошо известны в погребениях цивилизации длинных курганов (рис. 68: 8, 20; 70: 16): Володи, Городня, Березино,

Березно 1, Березицы 4, Репьи, Полибино 1, Квасильниково, Любахин 1, Ладыгинский Бор, Усть-Белая, Подол-1, Юрьевская Горка, Шихино, Крюково озеро, Степаново 3, Варшавский Шлюз 1, Куженкино, Потерпелицы 1, Северик, Плесо 6, Гринино 2, Куреваниха 3, Березовый Рядок (сводка: Михайлова 2007). Они имеют хорошие параллели в Восточной Литве и в прилегающих районах Белоруссии (Volkaite-Kulikauskene 1986: 158; Kuncienė 1973: 5: 4, 5: pav. 4; Покровский 1897: табл. 9: 5, 6). Впрочем, отнесение всех металлических пластин, найденных в длинных курганах, именно к женскому убору несколько условно. Похожие пластины в Восточной Латвии, напоминающие изделия из Любахино и Подол-1, входили в состав поясных гарнитур, датируемых здесь VI—VIII вв. (Ciglis 2006: pav. 4: 4). Надо также учитывать, что зона распространения таких пластин шире балтского ареала и охватывает также финские территории лесной зоны, а в предшествующее римское время — также зону мощинской культуры и даже Крым (например, Tallgren 1926: Abb. 16; Tamla, Janits 1977: Abb. 1: 12; Розенфельд 1982: рис. 1: 7; Воронина и др. 2005: рис. 33: 9; Мыц и др. 2006: 156, 157).

Известны в культуре длинных курганов и балтские булавки с коленчато изогнутым навершием (см. выше). Они найдены в Лаоссина, курган 11 (рис. 70: 10) (Аун 1992: рис. 51: 16), и на поселении Колода (информация Е. Р. Михайловой).

Некоторые предметы вооружения — шпоры с невысокой уплощенной аркой и двумя отогнутыми наружу крючками (рис. 71: 1), умбон типа Либенау (см. ниже), четырехлепестковые накладки на сбрую (рис. 72: 7), так называемые «скребницы» (рис. 72: 4)³⁶ — также попадают в зону длинных курганов вместе с балтами (подробно: Kazanski 2007; Казанский 2008).

Умбон типа Либенау (о них см. подробно Kazanski 1994: 445, 446; Казанский 2008: 307, 308) из Доложского погоста (рис. 73: 2) привлекает особое внимание. Он происходит из кургана 45 некрополя Доложский погост (курганная группа Заручье 1), в истоке р. Долгой, левого притока Луги (Спицын 1896: табл. 18: 16). Этот тип широко распространен в эпоху переселения народов, как у германцев, так

³⁶ Некоторые специалисты высказывают сомнения в правомерности отнесения этого предмета к погребальному инвентарю кургана, поскольку он был обнаружен непосредственно под дерном, то есть практически на современной дневной поверхности.

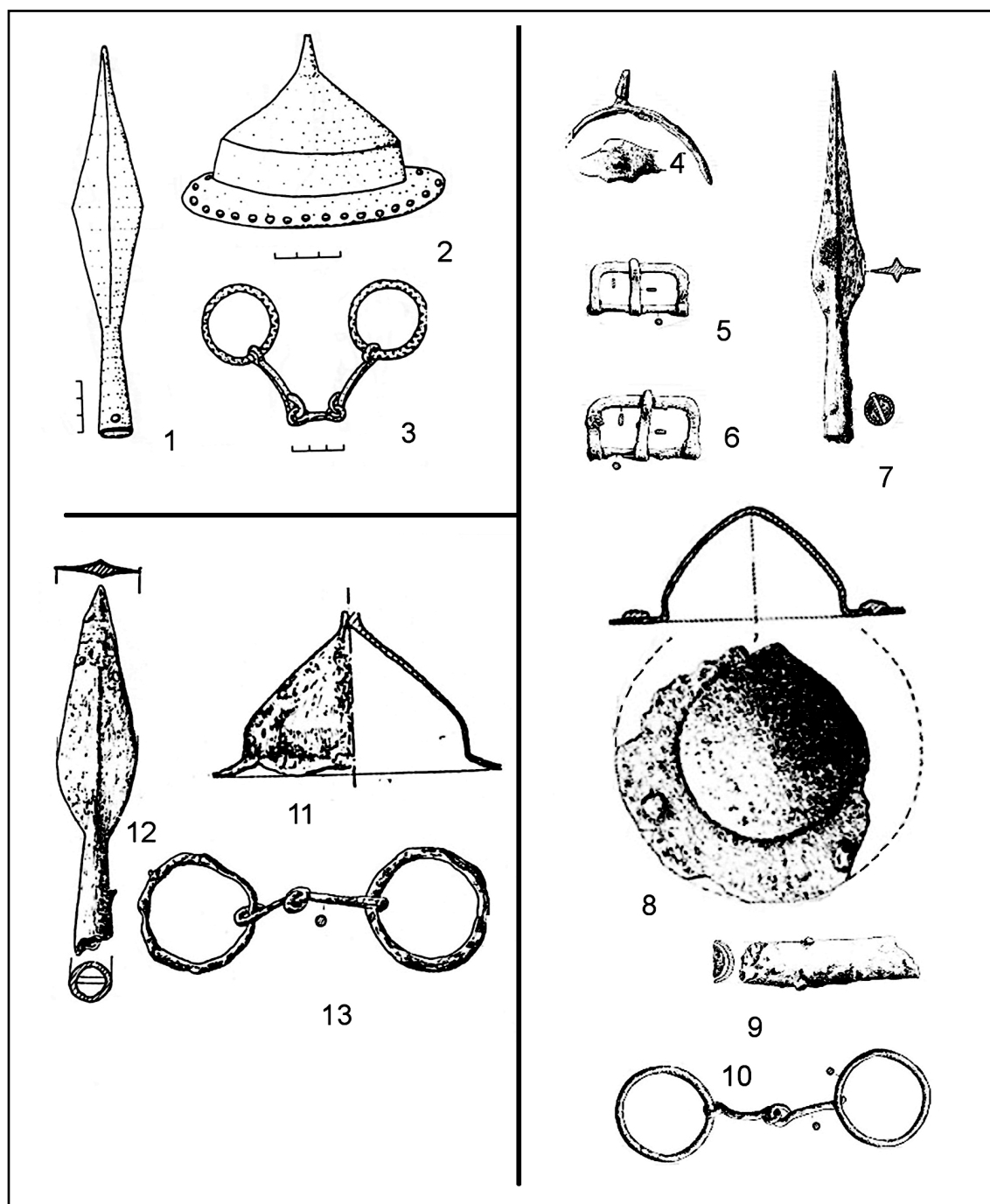

Рис. 73. Комплекс вооружения из кургана 45 могильника Доложский погост и его некоторые параллели из погребений группы Сувалки (Kazanski 2007).

1—3 — Доложский погост, курган 45; 4—10 — Осова, курган 4; 11—13 — Осова, курган 71.

и в позднееримской армии. Сравнительно редко умбоны типа Либенау появляются на южном и восточном берегу Балтики (Kazanski 1987: annexe 4). Назовем находки в Глувиче в польском Поморье (Machaewski 1992: рус. 3: 8), Страгнай в западной Литве (Казакявичюс 1988: рис. 48: 4), Киримяэ в западной Эстонии (Tallgren 1926: Abb. 20, 21). Их несколько больше в юго-западной Финляндии, где они появляются в V в. (напр.: Pihlman 1990:

296, 297, Bild. 21: 6, 25; Kazanski 1987: annexe 4, № 32—40). В последнее время несколько умбонов типа Либенау были зафиксированы для эпохи переселения народов на Среднем Дунае (см. список: Ivanišević et al. 2006: 42). В лесной зоне Восточной Европы, помимо Доложского погоста, мне известен лишь один умбон типа Либенау, с городища дьяковского типа Луковня в Подмосковье (Ахмедов, Казанский 2004: рис. 5: 8).

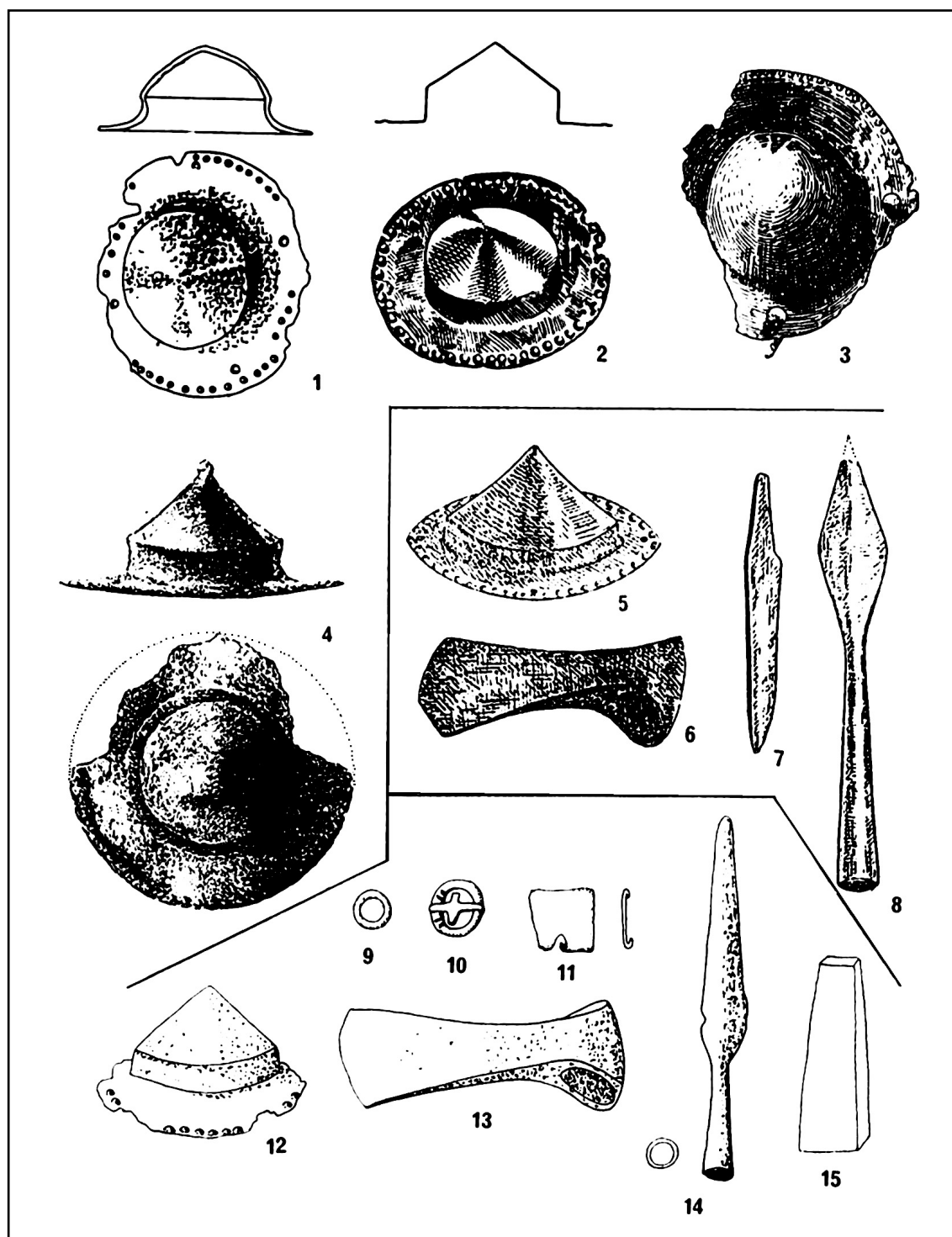

Рис. 74. Некоторые находки балтских умбонов с «жемчужным» декором (Kazanski 1991).

1 — Григишкес, курган 13; 2 — Памусис; 3 — Черная Луза; 4 — Крикштонис; 5—8 — Парнаугле, курган 1; 9—15 — Верескеляй.

Как уже было показано мною ранее, «жемчужный» декор на поле умбона из Доложского погоста имеет аналоги почти исключительно на балтских умбонах из Литвы и Белоруссии. В качестве примера можно назвать умбоны из Черной Лузы, Григишкеса, Крикштониса, Таурапиласа, Рамусиса, Версекеле, Вижая

(рис. 74) (Kazanski 1991: fig. 4—6; Казанский 1999: 409; Kazanski 2000 a: 204; Казанский 2008: 308; Каргопольцев, Шукин 2002: рис. 6; Kargopol'tsev, Schukin 2006: fig. 8), Засвири и Каробки (Звяруга 2005: рис. 30: 2, 44: 2). Поэтому данный умбон уже давно причислен к балтским (Kazanski 1991). «Жемчужный»

декор имеет, видимо, германское происхождение, поскольку для римского времени его прототипы зафиксированы на умбонах из скандинавских болотных находок (напр.: Raddatz 1987: Taf. 22: 5, 79). Однако в Скандинавии этот декор, видимо, не прижился: по крайней мере, в эпоху переселения народов мне он здесь не известен.

Набор вооружения из кургана 45 — копье, умбон с характерным «балтским» декором, удила — идентичен находкам в курганах сувальской группы позднеимского времени (рис. 73: 4—13) (Осова, курганы 41 и 71; Швейцария, курган 2) и редко встречается за пределами балтского мира (Казанский 1999: 411; Kazanski 2000 a: 205). Предметы конской экипировки, найденные в кургане 25 могильника Шихино, в частности, крестообразная бляха сбруи и «скребница» (рис. 72: 4, 7), типичны для западных балтов Самбии и региона Сувалки (Казанский 2008: 310, 311). Можно заключить, что эти два погребения, скорее всего, связаны с выходцами из западнобалтской среды. Отметим, что как раз в эпоху переселения народов у западных (прусских) и восточных (летто-литовских) балтов в погребальном контексте начинают четко выделяться захоронения воинской элиты (Vaitkunsienė 1995; 2003, Кулаков 2003: 204—206; Kulakov 2005 a: 54, 63, 64), традиции которых и могли служить примером для подражания у других лесных варваров.

Итак, балтский вклад в формирование культуры длинных курганов, наряду со славянским и финским, мне представляется очевидным, тем более что древние балтские топонимы хорошо представлены на русском Северо-Западе (Агеева 1989: 185—208). Видимо, с какими-то группами балтского населения и проникают в лесную зону России предметы «западного» вооружения. Вряд ли их диффузию можно объяснить только внутрикультурными изменениями в местной среде (Лебедев 2005: 444). Такие изменения наверняка имели место в эпоху переселения народов, могла существовать и воинская мода на «балтскую» экипировку, но реальные образцы этой моды, притом в достаточном количестве, могли появиться в зоне длинных курганов только с ее носителями.

Рассмотренный материал, как мне представляется, подтверждает уже высказанное ранее предположение, что в эпоху переселения народов, в V—VI вв., какие-то милитаризованные группы дунайско-германского, славянского и балтского населения продвигаются в лесную зону Восточной Европы

(Казанский 1999; Kazanski 2000 a; Kazanski 2000 b; Ахмедов, Казанский 2004). Это движение было вызвано дестабилизацией военно-политической ситуации в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае в эпоху становления там гуннской державы, ее распада и формирования дунайских королевств восточных германцев. Сравнительно немногочисленные, но жестко организованные и высоко милитаризованные группы разноплеменного населения покидают черноморско-дунайский регион и мигрируют в разных направлениях, вплоть до южной Скандинавии, как об этом свидетельствует уже упоминавшийся рассказ Прокопия Кесарийского о герулах (Прокопий. BG, II.15).

Другие группы, о которых в письменных источниках не сохранилось никаких сведений, видимо, продвигались в северо-восточном направлении. Кстати, дунайские элементы в культуре балтского населения Пруссии и Литвы уже неоднократно отмечались исследователями (см., напр.: Werner 1977; Кулаков 1989: 174; Nowakowski 2000). Компактная группа находок среднедунайского происхождения позднего V — раннего VI в. четко фиксируется в Восточной Литве, к востоку от верхнего течения Швянтойи, вокруг озера Рубикю (рис. 6) (Bliujienė 2006: 131—138, fig. 8; Bliujienė, Steponaitis 2009). Из Литвы по рекам балтийского бассейна центральноевропейские воины и сопутствующие им группы балтов могли попадать в лесную зону. Практически одновременно, не позднее рубежа V—VI вв., фиксируется начало славянской экспансии из Приднепровья и Приднестровья на юг, к Дунаю. Кульминационным моментом раннего периода этой миграции стали ужасающие склавинские нашествия на Балканы 540-х — 550-х гг. Для того же времени склавини зафиксированы и на Среднем Дунае, где они ввязываются в борьбу за престол между представителями лангобардского королевского дома. О наличии в это время у славян высокомилитаризованных группировок свидетельствует появление антских и склавинских наемников-профессионалов в армии Юстиниана (Казанский 2005—2009). Логично предположить, что славянская экспансия второй трети VI в. могла задеть не только балкано-дунайские земли, но и более северные территории, занятые родственным славянским и балто-славянским населением. Появление «южных» и «западных» военизированных групп приводит к обострению военной обстановки в лесной зоне Восточной Европы.

Действительно, судя по археологическим данным, в эпоху великого переселения народов в лесной зоне от Немана до Волги происходит резкое возрастание военной опасности (см. подробнее Лухтан 1996; Фурасьев 1996; Казанский 1999; Kazanski 2000 a; Kazanski 2000 b; Ахмедов, Казанский 2004; Kulakov 2006 и др.). Возникает большое количество укрепленных городищ, на ряде из них зафиксированы слои пожаров. На некоторых, например, на Демидовке, Аукштадварисе, Аукуро-Калнасе отмечены бесспорные следы военных действий (Лухтан 1996; Фурасьев 1996). Интересно, что на этих трех городищах найдены не характерные для лесной зоны трехлопастные наконечники стрел «гуннского типа» (рис. 77: 11). Одна стрела засела в костях человека, погребенного на могильнике Плинкайгалис (Казакевичус 1986; Kazakevičius 1993: 63 pav.). Было бы неправильно связывать такие стрелы только со степными кочевниками, они широко применялись и оседлыми варварами, в частности, славянами и германцами (Казанский 1999; Kazanski 2000 a; Казанский 2008: 306, 307; Bitner-Wróblewska, Kontny 2006; о раннеславянском оружии подробно: Kazanski 1999 a; Казанский 2005—2009). Да и трудно себе представить прорыв степной кавалерии в Литву, на Псковщину или на Смоленщину, куда кочевники не добирались даже во времена Батыя.

Среди возможных причин продвижения аллохтонных групп на север, вызвавших общую дестабилизацию в лесной зоне, можно назвать события конца IV в. — V в.: вторжение гуннов в Восточную Европу, падение готской «империи Германариха», неудачную войну остготов со своими северными соседями венедами-антами и их гуннскими покровителями (Иордан, *Getica* XLVIII, 246), рождение и гибель гуннской «империи», возвращение гуннов в черноморские стапи после разгрома у Недао, уход остготов и захват их территории антами и склавинами, появление болгар в восточноевропейских степях, бесконечные войны между германскими королевствами на Дунае. Это все происходило в южной части Восточной Европы, хорошо освещенной письменными источниками; что конкретно происходило севернее, можно лишь догадываться. Мигранты не оставили глубокого следа в культуре местного населения и, видимо, были достаточно быстро ассимилированы, но в конкретной ситуации V — начала VI в., в момент общей дестабилизации в лесной зоне Восточной Европы, такие группы на короткий период могли сыграть

важную роль в военно-политической истории региона. Видимо, их деятельность напоямнала акции скандинавов на той же территории в более позднее время, в VIII—IX вв. События могли принять характер цепной реакции: агрессия со стороны пришлых групп могла вызвать быстрое отступление носителей культур длинных курганов и Тушемли на запад, север и северо-восток, что, в свою очередь, спровоцировало волну миграций финского и балтского населения по всей лесной зоне. Недаром Г.С. Лебедев удачно сравнил «среднеевропейский» импульс с «ударной волной» (Лебедев 2005: 444). Впрочем, повторюсь, как разворачивались конкретные события, не знает сейчас никто.

В контексте нашего исследования особенно интересно присутствие в культуре длинных курганов прибалтийско-финских и, возможно, скандинавских элементов.

По мнению В.В. Седова, финским является и обычай предварительного выжигания места для кургана (Седов 1995: 217). Впрочем, совсем не исключено, что речь идет о погребенной почве в зоне лесных подзолов (Рыук 1979).

Прибалтийско-финские вещи и элементы проявляются прежде всего в женском уборе.³⁷ Хорошо известны в длинных курганах бляшки-скорлупки (рис. 70: 7—9). Они распространены по всей территории этой культуры, от Эстонии и Северной Белоруссии до Мологи и Шексны. Назовем находки на таких памятниках, как Арнико (Седов 1974: табл. 25: 23), Володи (Седов 1974: 49), Яблонька 3 (Исланова 2006: рис. 94: 1—13), Горско (Александров 1982, рис. 3: 7), Жеребятино (Седов 1974: табл. 25: 25, 33), Лезги (Седов 1974: 47), Светлые Вешки (Седов 1974: табл. 25: 24), Северик (Седов 1974: 46), Степаново III (Петров 2006: рис. 2: 1, 3: 10), Которск (Кузьмин 2003: рис. 3: 5), Репьи (Лебедев 1978: рис. 2: а, в), Михайловское (Станкевич 1960: рис. 77: 2), Атоки (Штыхау 1992: мал. 14: 1—20), Квасильниково (Конецкий 1996: рис. 1: 5), Раха (Пронин 1988: рис. 4), Любахин (Башенькин 1995: рис. 8: 4). В Эстонии бляшки-скорлупки известны в могильниках позднеримского железного века и эпохи переселения народов с каменными

³⁷ Вряд ли серьезно сопоставление эстонских каменных могильников с каменными конструкциями в курганах, поскольку камни в курганах хорошо известны и у балтов (Седов 1995: 216). Еще менее серьезны такие аргументы, как наличие текстильной и гладкостенной керамики, обряд трупосожжения, бедность инвентаря (см., напр.: Селиранд 1983: 28).

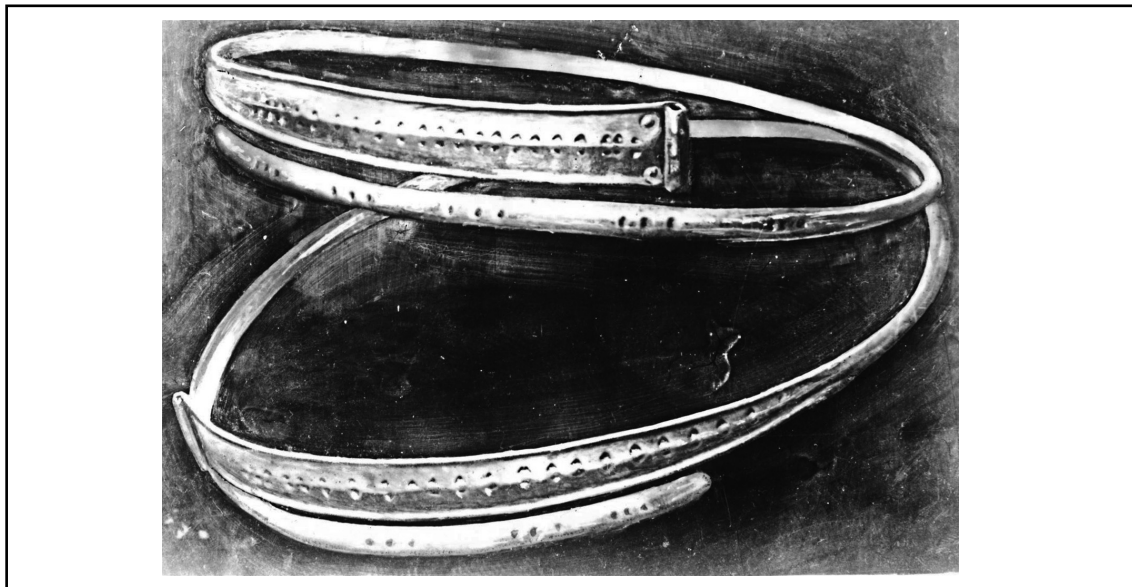

Рис. 75. Браслет из могильника Володи (фото предоставлено Е. Р. Михайловой).

оградками, в Кохтла-Ярве 2 (Шмидехельм 1955: рис. 34: 7), Ябара В (Шмидехельм 1955: рис. 19: 7). Бляшки из длинных курганов принадлежат к группе ША, распространенной в римское время на Готланде и в Прибалтике, от Пруссии до Латгалии (Blumbers 1982: 19, 22, 23). При этом, кажется, намечается их постепенная диффузия с запада на восток. Так, в Пруссии эти бляшки известны с I в., в Литве — со II в. и в Латгалии с IV в. (Blumbers 1982: 26). Логично предположить, что к населению длинных курганов эти бляшки попадают от прибалтийских финнов, оставивших могильники типа Таранд. Бляшки-скорлупки могут быть как украшениями поясов, в том числе мужских, так и элементами головного венчика в женском уборе.

Не исключено, что прибалтийско-финскими являются уже упоминавшиеся пластинчатые узкие браслеты с рельефным продольным валиком (рис. 70: 13). Они найдены в курганах Городня (Седов 1974: табл. 26: 19), Горско (Седов 1974: табл. 26: 22, 23), Грядище (Седов 1974: табл. 26: 17, 18), на Юрьевской горке (Исланова 1997: рис. 19: 13) и в Верепкове (Грушина 1990). Известна и случайная находка таких браслетов в Турове, в бассейне Лути (информация Е. Р. Михайловой). Впрочем, как уже говорилось выше, такие браслеты известны также у балтов и славян и их дата шире, чем эпоха переселения народов.

Видимо, прибалтийско-финским элементом в длинных курганах являются и спиральные перстни (рис. 70: 1): Лаоссина, Рысна-Сааре II, Городня, Овчинище-Обинитса, Каменка, Шихино, курган 17 (информацией о последних трех находках я обязан

Е. Р. Михайловой). Они распространены у прибалтийских финнов и у балтов (напр.: Aspelin 1880: 251, fig. 1224, 258, Abb. 1291, 1292; Aspelin 1884: 330, 333, 338, fig. 1747, 1765, 1811; Appelgren-Kivalo 1907: Taf. 1: 13; Hackman 1905: Abb. 11: 7, 8; Moora 1929: Taf. 27: 5, 28: 1, 2, 4, 9; Kivikoski 1973: Taf. 16: 126, 33: 266; Шмидехельм 1955: рис. 13: 2, 7; 9: 10; 14: 1, 8, 10, 16, 20, 21, 23; 19: 11, 13; 28: 2; 30: 1, 2; 31: 4; Аун 1992: табл. 26: 10, табл. 53: 4; рис. 20: 4; 26: 1; Петренко, Вирсе 1993: рис. 4; Розенфельд 1982: рис. 20: 20, 21; LA 1974: pl. 1: 1, 2; Казанский 1999: 407). С другой стороны, такие перстни известны и довольно далеко на востоке (Розенфельд 1982: рис. 20: 10—19).

Также прибалтийско-финскими, судя по географии их распространения, являются браслеты с довольно длинными, расширяющимися к концам лопастями. Они также засвидетельствованы, насколько мне известно, только в районе Псковского и Чудского озер (рис. 70: 14; 75): Володи, Жеребятино, Сторожинец (Кузьмин 1991: табл. 2: 12; Александров 1982: рис. 3: 11; Попов 1989: рис. 3: 17). Возможно, их прототипами послужили браслеты поздне-римского времени из Эстонии (Quast 2004: 254—256, Abb. 9). Не исключено даже, что, как полагает Е. Р. Михайлова,³⁸ два браслета из Володей (рис. 75) сами по себе являются поздне-римскими. Параллели (правда, довольно поздние) известны и в Финляндии (Kivikoski 1973: Taf. 50: 457). В то же время в Южной

³⁸ Это мнение пока ею высказано лишь в устных докладах и в частных беседах.

Прибалтике, точнее, в Пруссии, эти браслеты засвидетельствованы уже в римское время (Nowakowski 1996: Taf. 86: 7). Возможны и их скандинавские прототипы позднеимского времени (Quast 2004: 254—256).

Считается, что трехрогие лунницы с гравируемым декором или с его имитацией, происходящие из длинных курганов (рис. 70: 2) (Горско, Рысна-Сааре, Любахин: Каргопольцев, Бажан 1993: рис. 6: 13, 14, 19, 20), восходят к подвескам стиля Сесдаль (Каргопольцев, Бажан 1993: рис. 6: 1, 3—8, 10—12). Но по форме лунницы из Рысна-Сааре и Любахина стоит сравнить с финляндской подвеской (Kivikoski 1973: Taf. 70: 633, она отнесена к VII в.). Иными словами, такие лунницы могли попадать к населению длинных курганов через посредство прибалтийских финнов. Известны, правда, такие подвески и у западных балтов, например, в Келларен, но там лунница имеет еще и тисненый орнамент (Aberg 1919: 102, Abb. 144, 145).

Наконец, стоит упомянуть ножи с длинным черенком (рис. 70: 15), найденные, в частности, в Рысна-Сааре I, курган 1 (Аун 1992: табл. 50: 5) и в Которске 12, курган 1 (Кузьмин 2003: рис. 3: 1).³⁹ Такие же ножи известны у прибалтийских финнов, в каменных оградках в Ябара (Шмидехельм 1955: рис. 12: 8, 24: 1) и в Финляндии (Aspelin 1880: 256, fig. 1264; Hackman 1905: Fund 1, Abb. 12: 7; Fund 50, Abb. 12: 5, Kivikoski 1973: Taf. 20: 176, 40: 370; Schauman-Lönnqvist 1988: Fig. 21: 98; 29: 4; 49: 21). Такие ножи хорошо представлены и в скандинавском материале позднеимского времени — эпохи переселения народов (см., напр.: Ørsnes 1988: Taf. 105: 7, 8 и др.).

Вне контекста длинных курганов присутствие прибалтийских финнов к востоку от Псковского озера фиксируется для конца переселения народов, скорее для VI в., двумя находками:

— **Псков, слой поселения** (рис. 70: 11) (Белецкий 1980: рис. 6: 5). Лопатковидная фибула типа VI—VII. Она представляет собой местную, прибалтийско-финскую переработку лопатковидных балтских фибул (Bitner-Wróblewska 2001: 63);

— **Городня и Люботеж, городища в б. Гдовском уезде** (рис. 70: 12) (Tallgren 1938: fig. 14; Шмидехельм 1955: 220).

Фибулы с кольчатым декором. Из них опубликована лишь фибула из Городни, находка из Люботеж описана как «очень похожая». По публикации А. Тальгрена сложно понять, то ли речь идет о городище у дер. Городня (на р. Черной, впадающей в Чудское озеро), то ли о дер. Городище того же Гдовского уезда, где также имеется городище с длинными курганами (обо всех памятниках — информация Е. Р. Михайловой). К сожалению, детальная типология и хронология этих западнобалтских по происхождению фибул (см. выше) на современном уровне не изучалась. Похоже, что застежка из Городни относится к поздним вариантам фибул с кольцевой гарнитурой. Территориально наиболее близкие параллели происходят с территории Финляндии и Эстонии (см. выше), что и позволяет отнести это изделие к числу импортов из прибалтийско-финской зоны.

Прямое скандинавское влияние в зоне культуры длинных курганов крайне незначительно. Так, пронизка из Млевского Бора (рис. 70: 18) (Исланова 2006: рис. 102: Г. 9) несколько напоминает находки в Лойма в Финляндии и Алфрестон в Англии (рис. 37: 2, 3) (Vierck 1967: Abb. 1: 2, 3). К несколько более позднему времени, чем интересующая нас эпоха, относятся уже упоминавшиеся симметричные скандинавские фибулы из Изборска и Ладоги (рис. 62: 1, 6) (Quast 2004: 265, 266). Стоит особо подчеркнуть отсутствие воинских предметов южно-скандинавского или североморского происхождения. Похоже, что население культуры длинных курганов скорее подражало культуре балтских воинских элит: об этом свидетельствуют курганы в Доложском погосте и в Шихино. Нет здесь и изделий, например, женских украшений первого звериного стиля, довольно широко распространявшихся под скандинавским влиянием в Финляндии и Эстонии.

В целом, стоит подчеркнуть, что находки вещей прибалтийско-финского облика в зоне культуры длинных курганов свидетельствуют о контактах населения Северо-Западной России с соседними прибалтийскими финнами, возможно, даже о включении отдельных прибалтийско-финских групп в состав населения культуры длинных курганов. Зато ни о каком заметном скандинавском присутствии или о влиянии в этой зоне, в отличие, скажем, от соседней Эстонии, говорить не приходится. Археологических данных или свидетельств письменных источников на этот счет не имеется.

³⁹ В целом для зоны длинных курганов таких ножей насчитывается не менее полутора десятков, в основном в западной части ареала этой культуры (информация Е. Р. Михайловой).

9. Западная Двина и Восточный Путь в эпоху переселения народов

Остается рассмотреть еще один возможный путь проникновения скандинавов в лесную зону Восточной Европы, богатую пушным зверем, — по Рижскому заливу и Западной Двине, с дальнейшим выходом в бассейн Верхней Волги.

В интересующее нас время бассейн нижнего течения Западной Двины входит в зону восточнобалтских культур, определяемых в Латвии как древности среднего железного века. Ближе к устью представлены грунтовые могильники с ингумациями, выше по течению — как грунтовые могильники, так и курганы с каменными венцами и ингумациями, везде отмечены городища и открытые поселения (LA 1974: 133—174, 59 att.; Седов 1987 а: 354—380; The Semigallians 2005; The Selonians 2007). Их латвийские археологи, а вслед за ними и В.В. Седов, связывают с латгалами, селами и земгалами, заселявшими регион в эпоху крестовых походов, хотя существование земгалов и латгалов в эпоху переселения народов весьма проблематично. Что же касается селов, то первое упоминание о них, возможно, восходит еще к «Географии» Птолемея (Σάλοι, Saloi: Клавдий Птолемей, Географическое руководство, III.5.10, см. Žulkus 2000: 92).⁴⁰

Верхнее и среднее течение Западной Двины занято памятниками культуры Тушемля или Тушемля-Банцеровщина (Митрофанов 1978; Звяруга 2005; Шадыра 2006). В этой зоне наблюдается три основных направления культурных взаимодействий: из зоны колочинской культуры с юга, из зоны длинных курганов с севера и из зоны восточнолитовских курганов с запада (Шадыра 2006: карта 5).

Как известно, двинский путь широко использовался скандинавами в эпоху викингов, чем и объясняется появление в Полоцке варяжского князя Рогволода, известного нам по русским летописям. В то же время водный путь с Готланда на Западную Двину зафиксирован и скандинавскими нарративными источниками,

такими, как «Гута-Сага» (Сыромятников 1892).

Вне всякого сомнения, Западная Двина служила речной дорогой и в римское время. Об этом, в частности, свидетельствуют археологические материалы, отмечающие речной путь Днепр — Березина — Двина — Рижский залив (подробнее см.: Kazanski 1992: 82—84, fig. 9). Следует отметить присутствие на Певтингеровой карте *Caput fluminis Selliani* (Подосинов 2002). Эта река вытекает из Северного Океана и в то же время является правым притоком Гипаниса (Южного Буга), соединяя, таким образом, балтийский и черноморский бассейны. Название этого водного потока обычно переводится как «река селов». Учитывая данные о локализации селов на Западной Двине, можно предположить, что данные Певтингеровой карты отражают в искаженном виде какие-то сведения о Западной Двине (Анцилис, Янсон 1962: 100). К востоку от «реки селов» находится еще один рукав Гипаниса *Ca(put) (Hyp)anis paludis* или *Caput fluminis paludis*. На карте четко написано *Cap. Fl. Nis. paludis*, то есть «исток болота Гипаниса» или «исток болотной реки» (Segm. VII.4, Подосинов 2002: 336). Может быть, это Гауя — важная речная дорога римского времени? По крайней мере, так думают латвийские исследователи (Анцилис, Янсон 1962: 100).

Возможно, на существование какой-то трассы вдоль южного берега Рижского залива, так или иначе связанной с устьями Западной Двины и Гауи, указывают находки позднеримских/ранневизантийских монет (рис. 49). Это, если не считать сомнительного клада в Яунземи, в бассейне Гауи (Кропоткин 1961: № 1505), золотой солид Анастасия (491—514 гг.), найденный в Енгуре, на морском побережье к западу от двинского устья (Moora 1938: 586; Кропоткин 1962: 39, № 308; LA 1974: 62, № 16, 124 att.), а также бронзовая монета Юстиниана I, единственная в Прибалтике, найденная в Разас, к востоку от двинского устья (Кропоткин 1962: 39, № 308). Интересно, что в устье Западной Двины, пустующем в римское время, в V в. на левом берегу появляется население, оставившее могильник Катлакална Плявниекалнс с грунтовыми могилами (рис. 76) (Radiņš 2006: 83, fig. 2, 3). Это, может быть, связано с активизацией речных и морских трасс в районе устьев Западной Двины и Гауи в эпоху великого переселения народов.

⁴⁰ С селами идентифицируют курганные могильники II—VI вв. (см. ниже), которые совпадают с диалектной картой говоров с восходящей интонацией, последние считают типичными для селов (Седов 1987 а: 365). В целом, на основании археологических, исторических и языковых данных со средневековыми селами идентифицируют территорию в основном к югу от Западной Двины, в глубине материка (об их территории и формировании в средневековье см. Simniškytė 2005; The Selonians 2007).

Рис. 76. Устье Западной Двины в римское время (1) и в раннее средневековье (2) (Radiņš 2006).

1 — укрепленные поселения; 2 — открытые поселения; 3 — грунтовые могильники.

Находки фибул прусского происхождения на нижнем участке течения Западной Двины свидетельствуют, что какие-то контакты по этому водному пути осуществлялись и в V—VI в. Это фибулы с кольчатой гарнитурой (Plavniekkalns, см. выше), фибулы типа Доллькайм/Коврово (Plavniekkalns, Jungjelava, Kuncī: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 7), фибулы со звездчатой ножкой (Plavniekkalns: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 11), летто-литовские версии фибул типа Сенсбург-Мронгово (Jēkabris, Krustpils Mantas: Bitner-Wróblewska 2001: fig. 16). Необходимо упомянуть и балтские питьевые рога V—VI вв. или их детали. Они есть в Уппланде (находка в Хаде, середины VI в.,

см. о ней специально Magnus 1999: 121, 122) и в бассейне Западной Двины (Kentes, Lejasbitēne, Lielpuderi: Andrzejowski 1991: № 129, 166, 170); правда, дата латвийских находок априорна, она базируется на устаревшей дате эмалей как изделий V—VI вв. Все это заставляет с осторожностью относиться к мнению латвийских археологов о том, что путь по Западной Двине был дестабилизирован в середине I тыс. (The Selonians 2007: 246). Видимо, контакты по реке все же продолжались.

Однако вверх по Двине, в зону тушемлинской культуры, западнобалтский импорт не идет. Видимо, по каким-то причинам население, оставившее тушемлинские памятники Западной Двины, не пропускало на свою территорию носителей западнобалтских вещей.⁴¹ Нет пока на Западной Двине и находок скандинавского происхождения. Клад из Браслава (Поболь 2001: 77), содержащий золотую монету Валента (364—378 гг.), найденный в Подвинье, недалеко от современной латвийско-белорусской границы, как бы маркирует конечную восточную точку западнодвинской речной магистрали.

Интересно отметить, что при этом в зону тушемлинских памятников Подвинья проникают типичные для восточных (летто-литовских) балтов вещи, такие, как копья типа Казакавичюс II (рис. 77: 10) (Шадыра 2006: табл. 15: I.1), удила с трехчастными грызлами (Шадыра 2006: табл. 15: II.37), браслетообразные проволочные височные кольца (рис. 77: 8, 9) (Шадыра 2006: табл. 17: II.4; 19: II.1), головные венчики со спиральными пронизками (Шадыра 2006: табл. 19: I.1.6; II: 2), многовитковые перстни (Шадыра 2006: табл. 19: I.1) и пр. Значительное количество шпор, найденных на территории тушемлинской культуры, также сближает ее с восточными балтами. Видимо, территория тушемлинской культуры была недоступной не для всех.

Попадают в тушемлинскую зону и вещи дунайской традиции (рис. 77: 1—7), в частности, двупластинчатые фибулы (Демидовка: Шмидт 1970: рис. 3: 11) и элементы поясной гарнитуры (Амброз 1970: рис. 1: 1, 2; Kazanski 2000 b: fig. 4: 18, 19; см. также вещи, опубликованные в: Эпоха меровингов 2007: III: 2; III: 5). Последние датируются второй половиной V в. Об этом свидетельствует спираль-

⁴¹ Похожая ситуация отмечена здесь и для римского времени: вещи, маркирующие контакты Прибалтики с Волго-Окским бассейном, не попадают в Верхнее Поднепровье, занятое тогда населением днепро-двинской культуры (Kazanski 1992: fig. 11).

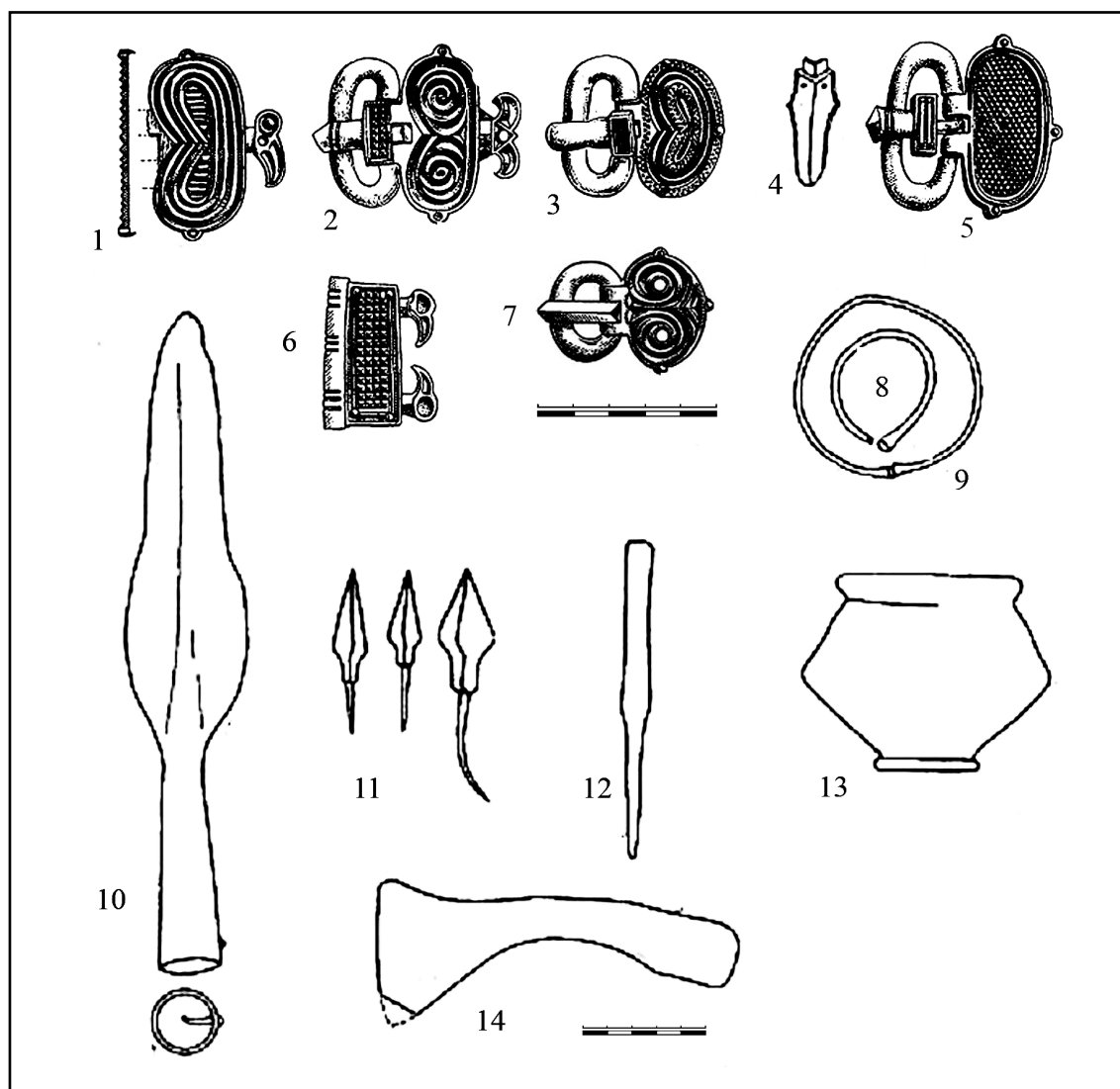

Рис. 77. Вещи из Верхнего Поднепровья и их некоторые параллели (1—3, 5—7 — Амброз 1970; Шмидт 1970).

1 — Хотыща; 3 — место находки неизвестно; 5, 6 — Борки; 7 — Блужина; 2, 4, 8—14 — Демидовка.

ный декор изделий с городища Демидовка и из Хотыщи. Почковидные пряжки со спиралевидным декором типа демидовской широко распространены в Европе во второй половине V — начале VI вв. Спиралевидный декор представлен на пряжках из Блужины, Быстрец, Роммерсхейм (*Or des princes barbares* 2000: № 33, 10; Marcu 1987: fig. 4: 1; Kessler, Schnellerkamp 1933: Abb. 5: 1), все они датируются по контексту находок третьей четвертью — второй половиной V в. Такой же декор присутствует на ножнах восточногерманского парадного меча из княжеского погребения в Таурапиласе (Tautavicius 1981: 12 pav.), датируемого по портупейным пряжкам серединой — второй половиной V в. (об их дате: Tejral 1988: 279) и, наконец, на некоторых центральноевропейских фибулах того же времени (Svoboda 1965: t. 33: 2; Bertram 1995: Taf. 8). Мотив из двух птичьих

голов, развернутых в противоположные стороны, как на демидовской пряжке, известен на восточногерманских украшениях со второй половины V в. (например, на итальянской фибуле из Десаны: Bierbrauer 1975: Taf. 6: 1, 2, ее сейчас относят не к эпохе остроготского королевства, а ко времени Одоакра: Menke 1986: 262). Решетчатый декор элементов пояса со Смоленщины (Амброз 1970: рис. 1: 6; Эпоха меровингов 2007: III: 5) хорошо представлен на различных изделиях от середины V до конца VI вв. (Vallet 1988: 52; Tejral 1988: Abb. 38: 1, 2; Tejral 2005: Abb. 3: D.23; I Goti 1994: fig. III: 23). Возможно, к числу центральноевропейских заимствований надо отнести и долотовидные кресала (см. выше), вроде найденного на Демидовке (рис. 77: 12) (Шмидт 1970: рис. 3: 15).

Эти вещи могут свидетельствовать о появлении здесь каких-то выходцев со Среднего

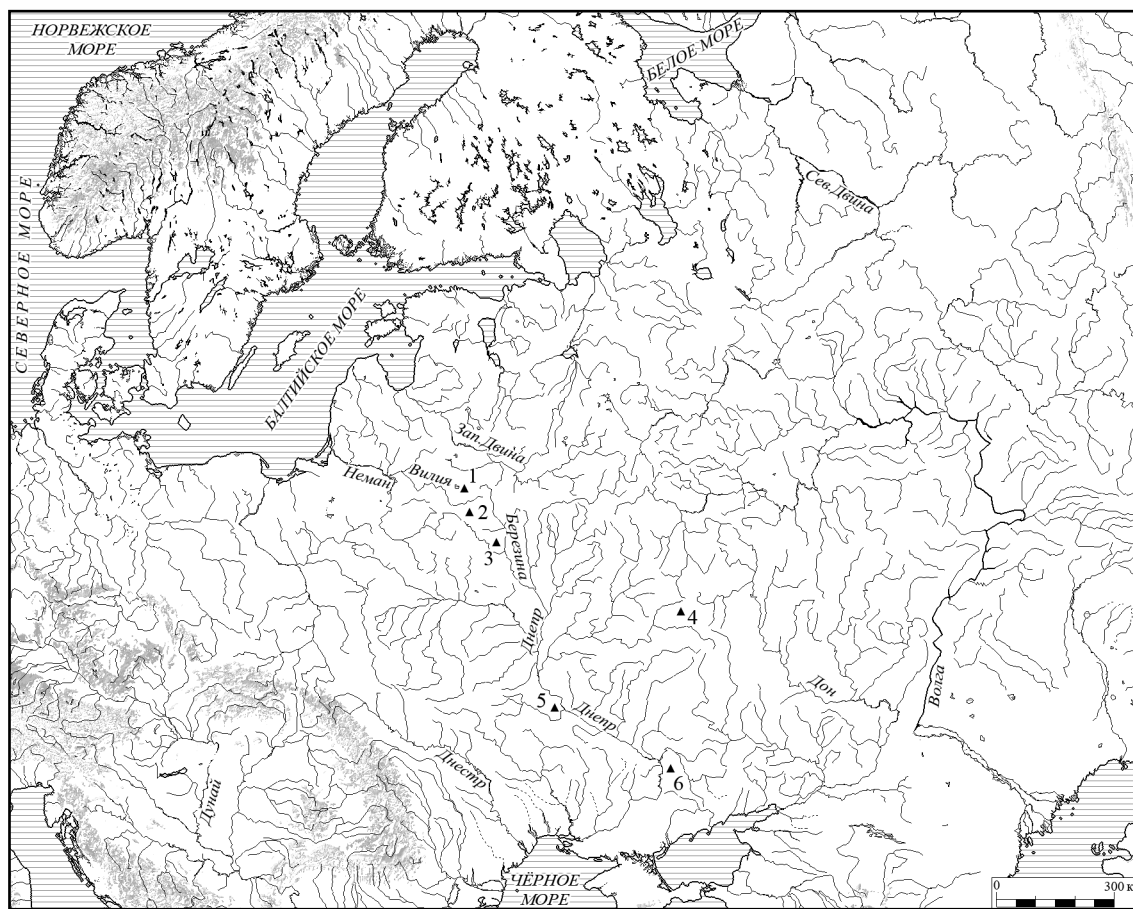

Рис. 78. Распространение западнобалтских и скандинавских вещей в Поднепровье в эпоху переселения народов. 1 — Гуры; 2 — Лабенщина; 3 — Березина; 4 — Каменево-2; 5 — Бабина Гора; 6 — Шульговка.

Дуная. Видимо, их поясная гарнитура послужила образцом для воинских поясов носителей тушемлинской культуры. Действительно, пряжки с почковидным щитком в целом в Западной и Центральной Европе более характерны для мужских погребений с оружием, особенно для захоронений предводителей («*tombes des chefs*» в меровингской археологии), хотя подчас встречаются и в достоверно женских могилах. Скорее всего, с дунайской волной попадают в тушемлинскую зону отдельные предметы «западного» вооружения, такие, как, например, западногерманский боевой топор типа Хюбнер А (рис. 77: 14) (Hübener 1980: 72, Abb. 12: 43, 44), найденный на городище Демидовка (Шмидт 1970: рис. 3: 6). Такие топоры были на вооружении в Меровингском королевстве, а также в Англии, в Северной Италии, на Среднем Дунае и в северной части Балкан (Hübener 1980: 91—96; Казанский 2008: 305—306). В целом можно отметить, что, в отличие от цивилизаций балтийской зоны, воинская престижная культура Тушемли ориентируется не на южнобалтийский и североморский регионы, а на Среднее Подунавье.

В ареале тушемлинской культуры фиксируется и серия «южных» импортов, например, серогончарный (черняховский?) сосуд (рис. 77: 13) и наборный пояс «капуловского» типа на Демидовке (Шмидт 1970: рис. 3: 27; 4: 2, о поясах см. подробно: Kazanski 1993: 121—124). Это может свидетельствовать о прорыве на Верхний Днепр в конце IV — первой половине V вв. групп «южного» населения: венедов, их союзников гуннов, разбитых гуннами готов и др. (подробнее Фурасьев 1996; Казанский 1999; Kazanski 2000 а и 2000 б).

Зато западнобалтские и даже отдельные скандинавские вещи эпохи переселения народов отмечены южнее, в бассейнах Березины и Вилии, на западной и южной кромке территории тушемлинской зоны. Создается впечатление, что они маркируют водную трассу Неман — Вилия — Березина — Днепр,⁴² в обход днепро-двинского пути. Это балтские фибулы с лопатковидной ножкой, най-

⁴² Судя по археологическим данным, этот путь существовал уже в римское время (подробнее Kazanski 1992: 82—84, fig. 9).

денные в Гурах, Каменево 2, на Каневщине, на Бабиной горе, а также фибула типа Сенсбург-Мронгово из Шульговки (Казанский 1999: 411, 412) (рис. 78). На особую активность на Немане в эпоху переселения народов указывают находки поздне римских монет. Это клад с монетой Гонория (395—423 гг.) из Каунаса (Michelbertas 1972: № 20), монета Валентиниана I или II из Кашетос (Michelbertas 1972: № 21) и клад с монетами Валента (364—378 гг.) из Велюоны (Michelbertas 1972: № 66). Наконец, стоит упомянуть и монету Феодосия (379—395 гг.), найденную в Гродно-Городничанка, также в бассейне Немана (Поболь 2001: 77).

Есть и более экзотические вещи: это скандинавский брактеат, найденный на Березине, вместе с монетами 323—361, 425—455, 461—465, 473—474 гг. (Ахбое 1981: 86). Брактеат принадлежит к малочисленной группе «Dreigötter-Brakteaten» (Ахбое 1994: 72—73, Appendix C). Он происходит, судя по карте распространения изделий это-

го типа, с датских островов, в первую очередь с о. Фюн, где найдено 3 из 6 учтенных экземпляров (Ахбое 1994: fig. 7). В верхнем слое городища Лабенщина (культура Тушемли), располагающемся на одном из притоков Свислочи в бассейне Березины, найден готландский ременной наконечник типа Stora Hästnäs (рис. 47: 5) (Митрофанов 1978: рис. 25: 11, об этих наконечниках см. выше). Но намечаемая этими находками, речная дорога Неман — Вилия — Березина — Днепр (рис. 78) ведет с Балтики на юг Восточной Европы, и сложно сказать, имеет ли она какое-либо отношение к меховой торговле. Возникновение такой дороги в Восточной Европе, как бы в обход бассейнов Вислы, Одера и Дуная, возможно, связано с конкретными политическими событиями в Центральной Европе, где время от времени, например, сразу после смерти Атиллы, вспыхивали вооруженные конфликты, временно нарушавшие сложившуюся систему трансевропейских связей.

10. Источники поступления меха и виды промыслового пушного зверя

Помимо уже упоминавшихся известий Иордана о меховой торговле хунгуров, все остальные сведения письменных источников о восточноевропейской охоте на пушного зверя и коммерциализации добытой пушнины относятся уже ко времени не ранее IX в. Для раннего средневековья среди ценного пушного зверя, на которого велась охота в Восточной Европе, восточные источники упоминают горностая или ласку, соболя, белку, куницу, лису, бобра (Нунан 2004: 273—277). Особенно на мусульманском Востоке ценились соболь и чернобурая лисица (Нунан 2004: 274, 275). Но все же больше всего в это время добывали, судя по остеологическим данным, бобра (Нунан 2004: 277, 278). Волжские булгары в конце X в. продавали через Хорезм соболя, белку, горностая, ласку (или степную лису), куницу, лису, бобра (Нунан 2004: 273). В частности, бобра булгары покупали в стране «вису» (белозерская весь или Верхнее Прикамье?) (Даркевич 1976: 153). Оттуда же поступали соболя и чернобулки. От народа «ару», жившего за «вису», поступали бобр, горноста́й и белка (Нунан 2004: 277). Еще более далекие «иура» (югра Приуралья) поставляли соболя (Даркевич 1976: 153; Нунан 2004: 276). Однако, еще в XVI—XVII вв., помимо территории позднейшей Пермской губернии, соболь встречался в восточных частях будущих

Вятской, Вологодской и Архангельской губерний (Даркевич 1976: 153). Русы Артании⁴³ также поставляли на рынок черного соболя (Нунан 2004: 277). Много пушнины добывалось на территории Окского бассейна. Здесь водились лисы-чернобулки, соболя, куницы (Даркевич 1976: 153). Чернобурая и рыжая лиса поступали от буртасов, сакалиба (славяне и их соседи по терминологии арабских авторов) были известны своей охотой на бобра. Реки в землях болгаров и русов считались в мусульманском мире основными зонами охоты на бобра (Нунан 2004: 277). Однако, все эти сведения касаются несколько более поздней эпохи, не ранее IX—XII вв.

Что же касается эпохи переселения народов, то мы вынуждены опираться только на результаты остеологических исследований. При этом надо учитывать, что данные для многих регионов отрывочны, а даты для поселенческих памятников, откуда, собственно, и происходит остеологический материал, как правило, расплывчаты. Тем не менее, если привлечь находки с широкой территории Восточной Европы, в рамках V—VIII вв.,

⁴³ Локализация спорна, мне наиболее вероятной представляется точка зрения Д. А. Мачинского, согласно которой речь идет о Волго-Окском междуречье (Мачинский 1985).

то общие тенденции выступают достаточно отчетливо.

Самый северный регион, по которому я располагаю сведениями, это бассейн Печоры. Здесь, на поселении Кузьмовын 2, относящемся к ванвиздинской культуре, зафиксированы кости бобра, белки, выдры (Розенфельд 1987: 121).

Несколько южнее, в Вятско-Камском междуречье, в бассейне р. Чепцы, на памятниках поломской культуры часто встречаются бобровые кости (Розенфельд 1987 а: 133). В частности, на селище Горд-Кушское 1, датированном VI—IX вв.,⁴⁴ встречены кости двух особей бобра (Петренко 1991: табл. 37).

Относительно Верхнего Прикамья исследователи считают, что здесь охота носила «меховой» характер уже с ананьинского времени и вплоть до развитого средневековья (Голдина 1985: 151; Голдина, Кананин 1989: 102, 103). Действительно, 50—70% костей диких животных, найденных на верхнекамских памятниках, составляют пушные, при этом добывалось 14 из 29 видов пушных зверей, представленных на Среднем Урале (Голдина 1985: 151). Куны породы и бобр хорошо представлены в предшествующие нашей эпохе ананьинское и гляденовское время. Они составляют соответственно 23,2% и 24,8% для ананьинской эпохи, 43,4% и 36,4% — для гляденовской. После некоторого перерыва (см. ниже) роль охоты на куных снова возрастает с VII—VIII вв. по XIV в. (Голдина 1985: табл. 25).

В интересующее нас время Верхнее Прикамье занимает население ломоватовской культуры. На городище Шудьякар, в слое VI—VII вв., кости меховых животных не выявлены (Голдина, Кананин 1989: 97, табл. 28). Зато на Опутятском городище, датированном V—VI вв., кости бобра составили 37,5% от диких животных, остальные принадлежали лосю (Голдина, Кананин 1989: 98, табл. 29). На городище Сандьяк кости пушных зверей составляют 59,75% от общего количества диких животных. При этом доминирует бобр, его кости составляют 69,39%, представлены также лисы породы — 4,08% и куны — 2,04% (Голдина 1985: 150, 151, табл. 23 и 25). На городище Верхний Утчан, VI—IX вв., пушные звери составляют 85,7% от общего количества костей диких животных, при этом доминирует бобр — 83,3%.

⁴⁴ Здесь и ниже, кроме особо оговоренных случаев, указаны даты, предлагаемые в региональных исследованиях.

Несколько южнее по Каме в раннем средневековье располагается зона неволинской культуры. Здесь, на селище Лобач, VI—IX вв., бобр зафиксирован в количестве 13 особей, куны — 4 особей и лисы — 1 особи (Петренко 1991: табл. 37). На селище Бартымское 1, конца VI—VII вв., бобр представлен 20 особями, куница — 1 особью (Петренко 1991: табл. 37). Наконец, на Верх-Саинском городище 1, датированном VI — началом IX вв., выявлено костей бобра 17 особей, лисы — 2 особи и куных — 2 (Петренко 1991: табл. 37).

Для Среднего Прикамья я располагаю данными по мазунинской культуре, III—V вв. (Останина 1999: табл. 37). Здесь на Чужьяловском городище бобр составляет 63,7% от костей диких животных, куны — 6,1%. На Сосновском городище бобр составляет 100% от найденных костей диких животных, а на Сорвихинском городище лисы породы — 16,7%. В целом, исследователями признается незначительная, некоммерческая роль пушной охоты, в которой преобладает бобр (Останина 1999: 149).

На Нижней Каме и в Среднем Поволжье, на памятниках именковской культуры, имеются кости куницы, соболя, горностая, лисы, бобра, но в целом процент костей диких животных невелик, доминируют «мясные» — лось и медведь; роль пушной охоты у «именковцев», стало быть, невелика (Старостин 1967: 27).

Для Верхнего Поволжья данные по эпохе переселения народов крайне отрывочны. На Поповском городище на реке Унже выявлены отдельные кости бобра (Леонтьев 1989: 94).⁴⁵ На Попадьинском селище, датированном VI—VII вв.⁴⁶ и связываемом с позднелыковской культурой (Леонтьев 1996: 232), бобр представлен в количестве 50 костей/10 особей, куница — 6/3, выдра — 2/1 (Цалкин 1966: Приложение 13).

В Волго-Окском бассейне, как показывают материалы дяковской культуры (Дубынин 1970: 49), и, в меньшей степени, мощинской, добыча меха налажена уже в рим-

⁴⁵ Исследователями на этом памятнике выделяется два археологических периода, VII и IX вв. (Леонтьев 1989: 89, 90). Однако отдельные вещи, как пряжка из постр. IV (Леонтьев 1989: рис. 10: 6), датируется скорее V—VI вв. (ср. пряжки с Поповского могильника: Рябинин 1989: рис. 4: 4—6), равно как и бляшки-скорлупки из городищенского слоя (Леонтьев 1989: рис. 26: 8). «Геральдический» наконечник из постройки III (Леонтьев 1989: рис. 8: 7) датируется, скорее, поздним VI — серединой VII вв.

⁴⁶ Среди опубликованных материалов Попадьинского селища, четко выраженного VII в. нет.

ское время.⁴⁷ Кости пушных зверей от общего количества диких особей составляют для дьяковской культуры 74,7%, для мощинской — 68,39% (для сравнения: в черняховской культуре — 37,5%) (Цалкин 1966: рис. 35). Судя по остеологическим данным, основным объектом охоты «дьяковцев» были «мясной» лось и «пушной» бобр, остальных зверей били эпизодически (Цалкин 1966: 63).

Более конкретно процент пушных от общего количества диких животных выглядит следующим образом (первая цифра — количество костей, вторая — количество особей, по Цалкин 1966: 62, табл. 50):

— Бобр: дьяковская культура — 30,9/34; мощинская культура — 10,5/16,7.

— Лиса: дьяковская культура — 7,2/8, 8; мощинская культура — 7,4/11,3.

— Куница: дьяковская культура — 2, 3/7; мощинская культура — 9,6/10,4.

— Выдра: дьяковская культура — 1, 1/3, 3; мощинская культура — 0,5/2,3.

Везде на дьяковских памятниках встречается в большом количестве бобр, видимо, охота на него представляла важнейший промысел (Цалкин 1966: 57, 58). Всего на дьяковских памятниках В. И. Цалкин учел на 1966 г. 910 костей от 155 особей. Добываемый в таком количестве бобровый мех явно предназначался на продажу (Цалкин 1966: 65).

Приведем два примера. На Щербинском городище поздне римского времени среди костей диких животных бобр составляет 50%, куны — 10,7%, лиса — 4%, выдра — 5%, хорек — 1,4% (Дубынин 1974: 244, табл. 2). На Троицком городище, того же времени от общего количества костей диких животных бобр составляет 25,37%, лисица — 8,98%, выдра — 2,08%, куница — 1,19%, барсук — 1,14% (Дубынин 1970: 47, табл. III).

Такое количество выдры и барсука необычно для дьяковских и мощинских городищ, обычно, они встречаются реже (Цалкин 1966: 55). Куница есть на большинстве учтенных В. И. Цалкиным дьяковских памятников, а также на мощинских городищах, но в небольшом количестве, всего 196 костей от 56 особей (Цалкин 1966: 56, 57). Среди ред-

ких зверей надо назвать песца, представленного единственной костью на Пекуновском городище (видимо, случайно забежал с севера: Цалкин 1966: 55), а также очень редкие находки костей хорька, рыси, горностая, белки (Цалкин 1966: 57).

В Волго-Окском бассейне, несмотря на возможную смену населения в VII в., связанную с приходом мери (Леонтьев 1996: 292), традиция охоты на бобра сохраняется и в раннем средневековье, после VII в. На Дурасовском селище, относящемся к IX в., бобр представлен в количестве 3 костей/1 особи, в слоях Ростовского кремля — соответственно 3/2, костей других пушных зверей на этих двух памятниках не засвидетельствовано. На поселениях озер Неро и Плещеево: Козарка, Шурск, Кустерь 1, Слуда, из пушных представлен бобр (Козарка — 9 особей, Шурск 3 — 4, Кустерь 1 — 55, Слуда — 1), куница известна только на поселении Кустерь 1 — 1 особь (Леонтьев 1996: табл. 1). На древнемордовском памятнике Сакены 2, бобр представлен в количестве 80 костей/7 особей, барсук — 2/1, куница — 2/1 (Цалкин 1966: Приложение 13).

Итак, в целом, в Волго-Окском бассейне больше всего добывался бобр, на него особенно охотились в римское время и в раннем средневековье «дьяковцы» (34% от общего числа диких особей), меря (54,2% от общего числа диких особей), мордва (35,8% от общего числа диких особей), кривичи (46,6% от общего числа диких особей), славяне — носители борщевской культуры (37,8% от общего числа диких особей; для сравнения: славяне роменской культуры — 10,7%, население черняховской культуры — 13%) (Цалкин 1966: 64).

Для территории Белоруссии сведения об остеологических находках недавно были опубликованы для Подвинья (Шадыра 2006). На памятниках раннего железного века и римского времени, принадлежащих днепровской культуре, кости домашних животных составляют 66%, диких — 34%. При этом среди пушных зверей доминирует все тот же бобр.

Приведем данные по конкретным памятникам (Шадыра 2006: 36, табл. Е).

— Урагва (VI в. до н.э. — IV в.н.э.): лиса — 19 костей/3 особи — 2,6% от всех животных; бобр — 2/1 — 0,9%.

— Бураково (VI в. до н.э. — V в.н.э.): бобр — 30/7 — 21,2%, лиса — 3/3 — 9,1%; куница — 1/1 — 3%; рысь — 1/1 — 3%.

— Кубличи (IV в. до н.э. — III в.н.э.): бобр — 8/2 — 7,2%, лиса — 9/5 — 3,5%.

⁴⁷ Напомним, что самые поздние вещи на поселениях дьяковской культуры относятся к горизонту «геральдических» поясов середины VI — середины VII вв. (Дьяково, Луковня, Усть-Черная), хотя их связь со слоями дьяковского времени не всегда доказуема. К V—VI вв. относится, видимо, и появление нижнего горизонта Сарского городища и связанного с ним могильника (см. копье с ромбическим пером: Леонтьев 1996, рис. 34: 8, как в кургане Доложский погост, см. выше).

— Заронава (V в. до н.э. — IV в.н.э.): бобр 12/3 — 17,6%.

— Кострица (V в. до н.э. — V в.н.э.): бобр — 4/1 — 5,9%.

— Поддубники (VI в. до н.э. — V в.н.э.): бобр — 26/12 — 6,4%, куница — 1/1 — 0,5%.

Ситуация остается прежней в эпоху переселения народов и в начале средневековья, когда Подвинье занято памятниками тушемлинской культуры (Шадыра 2006: 93, табл. Г) и, на западном пограничье, балтскими памятниками с «облитой» керамикой (Шадыра 2006: 94, табл. Д):

— Клишина (II в. до н.э. — VIII в.н.э.): бобр — 6,1%, лиса — 0,3%, барсук — 0,3%.

— Лужасна (V—VIII вв.н.э.): бобр — 5,9%.

— Прудники (V—X вв.н.э., городище/селище): бобр — 3,4/6,1%, куница — 3,4/1,2%, лиса — 0,4/0,2%, выдра — 0,4%, барсук — 0,4%, рысь — 0,4%.

В Юго-Восточной Эстонии во второй половине I тыс. на всех исследованных памятниках среди костей диких животных преобладают кости бобра. Так, на городищах Рыуге и Отепя из всех пушных зверей представлен только бобр: соответственно: 25/5 и 30/9 костей/особей (Цалкин 1966 а: Приложение 3). Бобр является в раннем средневековье одним из наиболее распространенных промысловых зверей в Южной Эстонии и в Северной Латвии (Аун 1992: 146). Судя по остеологическим данным, роль охоты на куницу и белку возрастает после 1000 г., когда их кости становятся преобладающими на поселениях прибалтийского региона (Аун 1992: 146).

В Латвии остеологические данные имеются для ряда городищ раннего средневековья. Так, на городище и селище Кентскалнс (с IV—V по VIII—IX вв.), принадлежавшим смешанному балто-ливскому населению, в костном материале выделяется бобр. Он составляет 43,5% на городище и 33,8% на селище среди костей охотничьей добычи, уступая лишь лосю, куница от костей диких животных составляет соответственно 0,8 и 2,6% на городище и селище (Stubavs 1976: 134).

Для латвийских городищ V—XIII вв. имеются следующие данные:

— Тервете в Земгалии: бобр представлен 57 костями/14 особями, барсук — 12/5, куница — 9/5, хорек — 5/2, лиса — 1/1 (Цалкин 1966 а: Приложение 3).

— Даугмале в Земгалии: бобр — 266/22, куница — 26/8, лиса — 15/3, барсук — 13/7, рысь — 1/1, нерпа — 1/1 (Цалкин 1961: Приложение 1).

— Асоте в Латгалии: бобр — 519/62, куница — 391/128, барсук — 27/16, лиса — 20/7, хорек — 9/4, выдра — 2/2, росомаха — 2/1, ласка — 2/1 (Цалкин 1961: Приложение 1).

— Дигнай в Латгалии: бобр — 68/5, куница — 21/7, барсук — 1, белка — 1, (Цалкин 1961: Приложение 1).

Судя по этим данным, в V—XIII вв., до крестоносного завоевания, в Латгалии значение охоты было выше, чем в Земгалии (Цалкин 1961: 217). Добывалось не менее 14 видов пушных животных, основным объектом охоты были бобр и куница, на них приходится 62,8% костей диких животных в Земгалии и 78,2% в Латгалии. При этом в земгальской зоне доминировала охота на бобра, как и повсюду в Восточной Европе, а у латгалов — на куницу, что составляет особенность данного региона (Цалкин 1961: 218, 219).

Итак, если верить остеологическим данным, везде, от Урала до Прибалтики, в римское время и в раннем средневековье бобр является основным объектом охоты на пушного зверя, а стало быть, и основной статьей мехового экспорта. Надо, однако, учесть еще одно обстоятельство. Мясо бобра, судя по средневековым арабским авторам XII в. (Абу Хамид аль-Гарнати), употреблялось в пищу финно-угорским населением русского Севера «вису» и «юра» (Нунан 2004: 278 и примечание 100), поэтому его тушки могли не выкидываться на месте промысла, как это часто делалось с другими пушными зверями, а приноситься на поселения. Однако, судя по тому же источнику, народы Севера также употребляли в пищу мясо редкого соболя и широко распространенной белки, но их костей на поселениях нет или очень мало. Так что дело, скорее всего, не в гастрономических наклонностях населения лесной зоны Восточной Европы.

Как уже говорилось, для VI в. документально засвидетельствовано, что торговлю восточноевропейским мехом осуществляли причерноморские гунны-хунугуры. В рассказе Иордана о меховой торговле хунугуров речь идет о *pellium murinarum*, в которых французский переводчик Иордана видит куницу (Jordanès, Histoire des Goths 37), а Е. Ч. Скржинская — степных грызунов (Иордан, Getica 37). Торговля шкурками степных грызунов в значительных масштабах вряд ли возможна, по крайней мере, никакими другими источниками для восточноевропейской степи античности и средневековья она не документирована. Зато VI век — время расцвета транзитной

меховой торговли между севером Европы и Средиземноморьем (Howard-Johnston 1998; Kolendo 1999). Совершенно очевидно, что и хунугуры торговали не степными сусликами и мышами-полевками (кто бы их стал покупать?), а выступали в качестве посредников в трансевропейской меховой торговле между Севером и Югом (Haussig 1971: 71, 72).

Общеизвестно, что районом добычи мехов в Восточной Европе была исключительно лесная зона (напр.: Kazanski 1992: 95; Мельникова 1986, 102, 103, рис. 42). Судя по остеологическим данным, приведенным выше, а также по сообщениям более поздних письменных источников, промысловый характер пушная охота имела у населения Вятско-Камского междуречья, Верхнего Прикамья, Волго-Окского бассейна (см. выше). Также не вызывает сомнений, что в эпоху хунугуров, как и ранее, в позднеримское время (напр.: Kazanski 1992), или позднее, в эпоху Киевской Руси (см., напр.: Даркевич 1976: 163, 164, табл. 52, 53), основными магистралями торговли с лесной зоной служили большие реки. Чтобы участвовать в такой торговле, хунугуры должны были контролировать одну из крупных речных магистралей степного Причерноморья, идущих из лесной зоны — Днепр или Дон.

Гуны-хунугуры, по моему мнению, проживали в приазовских степях близ дельты Дона, где их и помещают некоторые историки (Altheim 1952: 205). Действительно, перечисление степных народов у Иордана идет с запада на восток, поскольку первыми, над Понтом, упоминаются болгары (Иордан, *Getica* 37), которые в 480-х — 530-х гг. являются непосредственными соседями Византии, часто тревожившими своими набегами Восточную Римскую империю. За ними, то есть к востоку, если следовать логике описания, размещаются гуны, разделенные на две ветви — кавказские савиры и крымские альциагиры. Где-то, на северных окраинах кочевого мира (якобы по соседству с балтийскими эстиями), возможно, в междуречье Днепра и Дона, живут акациры, видимо, выбитые с юга сарагурами и их союзниками (Ромашов 2000—2001: 263). Наконец, Иордан упоминает как отдельный народ и оногуров (хунугуров), ведущих меховую торговлю (Иордан, *Getica* 37). Хунугуры явно живут к востоку от болгар. По крайней мере, болгары вторгались на Балканы в VI в., а хунугуры — нет (Артамонов 1962: 80, 81). Поскольку непосредственно вслед за болгарскими в списке следуют крымские альциагиры, можно с большой долей уверенности

предположить, что болгары контролировали степи на излучине Черного моря от Дуная до Перекопа и р. Молочной. Итак, местом локализации хунугуров, по Иордану, является какая-то территория к востоку от Перекопа, скорее всего, нижний Дон, с которого, кстати, было легко попасть не только в Волго-Окское междуречье и далее в Северную Россию, но и на Волгу, а по ней — в богатые пушной районы Приуралья (Засецкая и др. 2007: 104—107).

Хунугуры торговали мехом, полученным из лесной зоны Восточной Европы, либо по Волге, либо по речному пути Верхняя Ока — Дон — Донец. Последний реконструируется для поздней античности и раннего средневековья по находкам боспорских монет III—IV вв. в бассейне Верхней Оки, довольно редких в восточноевропейском Барбарикуме (Kazanski 1992: 96, note 114), по распространению стеклянных бус эпохи переселения народов (Мастыкова, Румянцев, Егорьков 2006) или покладам диргемов IX в. (Даркевич 1976: 146, 147, 153, табл. 50: II; Нунан 2004: 259). О существовании очень древнего пути по Дону может свидетельствовать и античная письменная традиция, согласно которой по Дону можно было попасть в Северный океан (Джаксон, Калинина, Коновалова, Подосинов 2007: 35—49; Podossinov 2008). Видимо, о том же говорит и «Географическое руководство» Птолемея, где перечисляется с севера на юг список народов, привязанный к Дону (Клавдий Птолемей, *Географическое руководство*, III.5.10; Шелов-Коведяев 1994: 60; Кулаковский 2003: карта). Показательно, что Донской путь «упирается» в регион активной добычи меха в Окском бассейне (Даркевич 1976: 153).

На трассе этого пути, в Верхнем Подонье, сейчас выявлена группа памятников гуннского времени, где представлены культурные черты как понтийского (скорее всего, танаисского) происхождения, например, серогончарная керамика, так и генетически связанные с «лесными» культурами, например, с мощинской (Обломский 2004). Здесь же найдены металлические украшения дунайской традиции, например, фибула-дериват типа Сокольнице (Гавритухин 2004), средиземноморские «крапчатые» бусы (Мастыкова 2004), средиземноморская стеклянная посуда (Археологические открытия 2006 года, рис. на стр. 4) и даже «княжеское» погребение (Мухино), горизонта Унтерзибенбрунн (380/400—440/450 гг.), свидетельствующее о распространении здесь престижной аристократической моды понто-дунайских вар-

варов (Земцов 2003). Все это лишний раз подчеркивает стратегическую значимость Донского пути в эпоху переселения народов.

Судя по выше приведенным остеологическим данным, основной статьей восточно-европейского мехового экспорта были шкуры бобра. К Скандинавии и к племени суэ-

ханс эта торговля вряд ли имеет какое-либо отношение. Однако сведения о новых «источниках сырья» на Востоке могли проникать и в Скандинавию, через тех же балтийских финнов, и стимулировать, таким образом, начало проникновения скандинавов в Восточную Европу.

Заключение

Итак, подведем итог. Скандинавское влияние (а в ряде случаев и прямое присутствие) в римское время и в начале эпохи переселения народов не распространялось восточнее Эстонии и Западной Финляндии. По крайней мере, археологическими или письменными источниками оно никоим образом не выявляется. В то же время камско-приуральские влияния, маркируемые археологическим материалом, достигают к V в. территории западной Финляндии. В то же время какой-то «южный» импульс, возможно, связанный с военно-политической дестабилизацией в южной части Восточной Европы, начинает ощущаться в верхнем Поднепровье.

В римское время пушнина лесной зоны Восточной Европы еще не идет на средиземноморский экспорт, но добыча меха в некоторых регионах (Верхнее Прикамье, Волго-Окское междуречье) здесь уже налажена, видимо, для другого потребителя (восточные германцы?). Добывается в Восточной Европе, в первую очередь, бобр, охота на других пушных животных носит вспомогательный характер, поэтому говорить о налаженной коммерции, например соболя, не приходится. Лишь с VII—VIII вв. по XIV в. в Верхнем Прикамье начинает развиваться охота на куных, возможно, к этому же времени относятся и данные о заметной роли охоты на куницу, происходящие с городищ Латгалии V—XIII вв. Видимо, тогда же, с VII—VIII вв., на европейский рынок начинает в заметном количестве поступать и восточный соболь, получивший здесь славянское название, что может указывать на одного из возможных посредников в этой торговле.

В течение V — раннего VI вв. открывается восточноевропейский и скандинавский меховой экспорт на юг, в Средиземноморье. В Восточной Европе, судя по Иордану, меховую торговлю контролируют кочевники понтийских степей, выступающие посредниками, а в Центральной Европе — германские народы Среднего Дуная, оказавшиеся на путях между Скандинавией и Средиземноморьем. Через Центральную Европу на юг идет, главным образом, мех из Фенноскандии.

Видимо, не случайно, что именно с этого времени, с начала — первой половины VI в. начинает ощущаться скандинавское влияние на западной кромке лесной зоны Восточной Европы — на островах восточной части Финского залива (Тютерс) и в северном Приладожье (Нукутталахти). Скорее всего, идет поиск новых источников мехового «сырья». При этом вовсе не обязательно прямое присутствие скандинавов, носителями скандинавских вещей могли быть и прибалтийские финны, престижная культура которых, например, в Западной и Южной Финляндии и в Западной Эстонии была достаточно германизирована. Похоже, что тогда же впервые в античные письменные источники проникают какие-то сведения о Неве или Вуоксе (Иордан, *Getica* 17).

Несколько раньше, с V в. фиксируется некая активность на речном пути из Рижского залива в сторону Чудского и Псковского озер, от Гауи и Эмайыги. Опять-таки скандинавский культурный элемент выступает здесь вполне отчетливо, но в этот раз в сочетании не с прибалтийско-финским, а с балтским элементом.

Интересно, что такое же сочетание западнобалтских и скандинавских элементов фиксируется на памятниках, маркирующих прибрежный путь вдоль восточного берега Балтийского моря, в частности, в Эстонии. Скандинавы и сопутствующие им балты по логике вещей должны были пытаться «зацепиться» за эстонский и финский берег. Но нельзя однозначно интерпретировать скандинавские находки на прибрежных памятниках Эстонии и Финляндии только как доказательства существования здесь скандинавских эмпориев. Они могут отражать и общую «скандинавизацию» элитной культуры прибалтийских финнов. Вообще же в это время и в Финляндии, и в Эстонии, и в Швеции, и на островах Балтийского моря, в Пруссии и, возможно, в устье Немана идет процесс формирования варварских «малых королевств». Одним из археологических выражений этого процесса и было появление воинской германизированной культуры на южных и восточ-

ных берегах Балтики. При этом знаменательно, что образцом для подражания служила культура воинских элит не Свеаланда или Готланда, а южной Скандинавии и бассейна Северного моря.

Скандинавы и западные балты, судя по некоторым находкам в Белоруссии, начинают нащупывать дорогу на юг. Видимо, им это не удалось сделать на магистрали Двина — Днепр, в зоне тушемлинской культуры, и они проникают в глубь материка по Неману — Березине. Это тоже не случайность — на среднем Дунае, где проходили традиционные пути сообщения Скандинавии со Средиземноморьем, после смерти Аттилы начинается эпоха бесконечных войн между возникшими на обломках гуннской империи варварскими королевствами. Это подчас могло серьезно препятствовать нормальному функционированию центральноевропейских коммуникаций, приходилось искать обходные дороги.

При этом на Восточном пути действуют, как можно было бы ожидать, не только свеи и жители Готланда, но и даны и/или другие скандинавы из южной Балтики — связи с этим регионом прямо документируются находками престижных мечей южно-скандинавской и североморской традиции в Эстонии и Финляндии или датского бракетата на Березине.

Прорываются на север и носители каких-то дунайских культурных элементов — германских и славянских. Скорее всего, речь идет о «выбросах» милитаризованных групп населения из дунайско-карпатского региона, вроде того, что засвидетельствовал Прокопий в отношении герулов. Наконец, появляются здесь и носители летто-литовской воинской традиции. Интересно, что вооружение, конская и воинская экипировки населения культур длинных курганов и Тушемли имеют параллели у балтов, славян, дунайских германцев. Видимо, под влиянием этих этнокультурных групп и происходит формирование воинского комплекса населения «лесных» культур Северо-Западной, Западной России и Белоруссии. При общем сходстве с вооружением более южных славянских культур Колочин, Пеньковка и Прага (о нем

см. Kazanski 1999 а), ориентация «лесных» цивилизаций на модный убор воинских элит была различной. Престижная воинская культура цивилизации длинных курганов, скорее всего, ориентировалась на балтские образцы, в то время как у населения тушемлинской культуры в воинском уборе отчетливей выступают германско-дунайские прототипы. В то же время у славян, по крайней мере, с начала правления Юстиниана, наиболее престижной, видимо, считалась степная и византийская воинские экипировки. Об этом свидетельствует достаточно широкое распространение «геральдических» поясов (в Бернашевке и Зимно даже отмечены следы их производства на месте), наличие боевого лука с костяными накладками (Хитцы) и довольно многочисленных трехлопастных стрел, Р-образных серебряных портупейных скоб мечей (Мартыновка), ранневизантийских мечей с широким перекрестьем (неопубликованная находка из Картамышево) (см. подробнее Kazanski 1999 а). Имеются и прямые указания Прокопия о кавалерии «гуннского типа» у антов и склавинов (см. Казанский 2005—2009).

Видимо, причиной появления на Северо-Западе России скандинавов, прибалтийских финнов, дунайских германцев, славян или балтов, была пушнина, та самая, которая позднее, в XVII в. являлась основным стимулом покорения русскими Сибири. Скорее всего, «меховая лихорадка» и вызвала появление в лесной зоне России германских, финских, славянских и балтских предшественников Ермака. Их присутствие чувствуется как в зоне тушемлинской культуры, так и в ареале длинных курганов. В последнем возникают ступки-группировки памятников с вещами «южного» или «западного» происхождения. Если эти территориальные группы длинных курганов пока нельзя интерпретировать, как малые «варварские королевства» (нет таких характерных признаков, как погребения и клады военизированной знати, захоронения с профессиональным оружием), то, во всяком случае, они принадлежат каким-то сильным кланам, «племенам». Но их надо изучать уже на более широком фоне лесных цивилизаций Восточной Европы.

Литература

- Агафий, *Historia* — Agathias, *Historiarum Libri Quinque* (ed. R. Keydell), 1967. New York.
Агеева Р. А. 1989. *Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации*. Москва: Наука.

- Александров А. А. 1982. Полусферические курганы с сожжениями на Псковщине. *КСИА* 171, 21—28.
Амброз А. К. 1970. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. В: Кухаренко Ю. В. (отв. ред.). *Древние славяне и их соседи*.

- МИА 176, Москва: Наука, 70—74.
- Анцилис К.Я., Янсон А.Я. 1962. Некоторые вопросы этнической истории древних селов. *Советская этнография* (6), 92—104.
- Артамонов М.И. 1962. *История хазар*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Археологические открытия 2006 года в Липецкой области. 2007. Липецк.
- Атгазис М.К. 1977. Раскопки Терверской экспедиции. *Археологические открытия 1976 года*. Москва: Наука, 432, 433.
- Атгазис М.К. 1980. Вопросы этнической истории земгалов. *Из древнейшей истории балтских народов*. Рига, 89—101.
- Аун М. 1980. *Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры*. Таллинн: Валгус.
- Аун М. 1992. *Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии*. Таллинн: Олион.
- Ахмедов И.Р., Казанский М.М. 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст. В: Горюнова В.М., Щеглова О.А. (отв. ред.). *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 168—202.
- Башенькин А.Н. 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. В: *Проблемы истории Северо-Запада Руси*. Санкт-Петербург, 3—29.
- Башенькин А.Н. 1999. Финно-угры и славяне на Кобоже и Чагодоще. В: Безнин М.А. (отв. ред.). *Чагода. Историко-краеведческий альманах*. Вологда: Ардвисура, 19—39.
- Башенькин А.Н., Васенина М.Г. 1993. Женский убор древнего населения Устюженского края. *Устюжна* 2, 3—15.
- Башенькин А.Н., Васенина М.Г. 2005. Могильник раннего железного века Усть-Колоденка на реке Колпи. *Археология Севера* 1, 55—63.
- Белецкий С.В. 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные и проблема происхождения города). *КСИА* 160, 3—18.
- Белецкий С.В. 1996. *Начало Пскова*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Березовец Д.Т. 1963. Поселения уличей на р. Тясмине. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Славяне накануне образования Киевской Руси*. МИА 108, Москва: АН СССР, 145—208.
- Булкин В.А. 2007. Волга «доволжская» (кто прав: Геродот или Иордан?). В: *Труды по русской истории*. Москва, 108—127.
- Булкин В.А., Герд А.С. 1999. Очерк древнейшей истории озера Селигер. В: *Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон*. Санкт-Петербург, 251—264.
- Булкин В.А., Седых В.Н., Каргопольцев С.Ю. 2005. Реки восточной части Балтийского бассейна и Северо-Запад России в позднеантичное время (письменные и археологические данные). *Вестник Санкт-Петербургского университета*, серия 2 (история), 3, 142—152.
- Буров В.А. 1996. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов. *РА* (1), 122—131.
- Буров В.А. 1996 а. К проблеме этнической принадлежности носителей культуры длинных курганов (псковско-новгородская группа). *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья* 1, 6—10.
- Буров В.А. 2003. *Городище Варварина Гора. Поселение I—IV и XI—XIV веков на юге Новгородской земли*. Москва: Наука.
- Васенина М.Г. 1990. Женские украшения Белозерья середины — третьей четверти I тыс. н.э. *Новгород и Новгородская земля* 3, 50—52.
- Вассар А.К. 1956. К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии. В: Моора Х.А. (отв. ред.). *Вопросы этнической истории эстонского народа*. Таллинн: Эстонское гос. изд., 187—218.
- Ватт М. 1989. Производственные, торговые и религиозные центры на о. Борнхольм и в западной Балтике в I тысячелетии нашей эры. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря*. Ленинград: Наука, 40, 41.
- Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—V веках н.э. Материалы. *Раннеславянский Мир* — 4. 2002. Москва: ИА РАН.
- Винокур И. 1997. *Слов'янські ювеліри Подністров'я. Кам'янець-Подільський: Oіum*.
- Волкайте-Куликаускас Р.К. 1986. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Москва: Наука, 146—171.
- Волковицкий А.И. 2001. Фибула из урочища Сопки и проблема «нулевой фазы» Ладоги. В: Мачинский Д.А., Селин А.А. (отв. ред.). *Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятое чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург, 56—63.
- Вольфрам Х. 2003. *Готы*. Санкт-Петербург: Ювента.
- Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. 1985. *Материалы по археологии Цебельды*. Тбилиси: Мецниереба.
- Воронцов А.М. 2003. К вопросу о поздней дате мощинской культуры. В: *Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История*. Т. 1. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 294—300.
- Гавритухин И.О. 1997. Хронология пражской культуры. В: Седов В.В. (отв. ред.). *Труды VI Международного конгресса Славянской археологии*. Т. 3. *Этногенез и этнокультурные контакты славян*. Москва: ИА РАН, 39—52.
- Гавритухин И.О. 2001. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла. В: Малашев В.Ю. *Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка*. Москва: ИА РАН, 40—49.
- Гавритухин И.О. 2004. Ранние формы пальчатых фибул и экземпляр из Замятино. В: Обломский А.М. (отв. ред.). *Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Раннеславянский мир* 6. Москва: ИА РАН, 89—94.
- Гавритухин И.О. 2005. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами. In: *Archeologia o poszczatkach Słowian*. Kraków, 404—461.
- Голдина Р.Д. 1985. *Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье*. Иркутск: Иркутский университет.
- Голдина Р.Д., Водолога Н.В. 1990. *Могильники неволинской культуры в Приуралье*. Иркутск: Иркутский университет.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. *Средневековые памятники верховьев Камы*. Свердловск: Ураль-

№4. 2010

Литература

- ский университет.
- Голубева Л.А. 1987. Мордва. В: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва: Наука, 97—107.
- Голубева Л.А. 1987 а. Марийцы. В: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва: Наука, 107—115.
- Гороховский Е.Л. 1982. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев: Наукова Думка, 125—140.
- Горюнова Е.И. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА 96. Москва: ИА РАН.
- Грушина Л.Е. 1990. Курганно-жальничный могильник у деревни Верепково. В: *Земля Псковская, древняя и современная*. Псков, 22, 23.
- Даркевич В.П. 1976. *Художественный металл Востока VIII—XIII вв.* Москва: Наука.
- Джаксон Т.Н. 1993. *Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.)*. Тексты, перевод, комментарий. Москва: Наука.
- Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. 2007. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. Москва: Индрик.
- Дубынин А.Ф. 1970. Троицкое городище. В: Смирнов К.Ф. (отв. ред.). *Древнее поселение в Подмосковье*. МИА 156, 5—98.
- Дубынин А.Ф. 1974. Щербинское городище. В: Краснов Ю.А. (отв. ред.). *Дьяковская культура*. Москва: Наука, 198—281.
- Енуков В.В. 1990. *Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей*. Москва: Наука.
- Еремеев И.И. 2007. Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции — проблемы сравнительного исследования. В: *У истоков русской государственности*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 240—255.
- Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н.э. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 3, 23—105.
- Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. 2007. *Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху*. Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж.
- Звяруга Я.Г. 2005. *Беларускае Півілле ў жалезным веку і раннім сярэднявекюй*. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі.
- Земцов Г.Л. 2003. Миграционные потоки III—V вв. н.э. и Верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2). В: Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. (отв. ред.). *Контактные зоны Евразии на рубеже эпох*. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 108—117.
- Иордан. 1997. *Getica. О происхождении и деяниях готы*. Латинский текст, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Исланова И.В. 1997. *Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннем средневековье*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Исланова И.В. 2006. *Верхнее Помостье в раннем средневековье*. Москва: Тверской государственный университет.
- Казакевичос В. 1986. Погребение с наконечником стрелы из могильника Плинкайгалис. *СА* (3), 238—243.
- Казакевичос В. 1988. *Оружие балтских племен II—VIII вв. на территории Литвы*. Вильнюс: Моклас.
- Казанский М.М. 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху — рассказ Иордана и археологические данные. В: Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. (отв. ред.). *Stratum + Петербургский археологический вестник*. Санкт-Петербург; Кишинев, 181—193.
- Казанский М.М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов. *Археологические вести* 6, 404—419.
- Казанский М.М. 2007. Курганы Старой Уппсалы и Восточный путь. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 21, 125—137.
- Казанский М.М. 2007. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья. В: Наумов А.Н. (отв. ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 304—325.
- Казанский М.М. 2005—2009. О славянской коннице VI в. *Stratum plus* (5), 457—471.
- Казанский М., Мاستыкова А. 2001. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V—VI вв. В: Абрамова М.П., Марковин В.И. (отв. ред.). *Северный Кавказ — историко-археологические очерки и заметки*. Москва: ИА РАН, 138—161.
- Каргопольцев С.Ю. 1994. *Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III—VI вв.* Дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Каргопольцев С.Ю. 1996. О нижней дате памятников типа Линдора-Полибино. В: Мачинский Д.А. (отв. ред.). *Ладога и Северная Европа*. Санкт-Петербург, 6—9.
- Каргопольцев С.Ю. 1997. Северо-Запад Восточной Европы III—VI вв. в контексте общеевропейских древностей (некоторые проблемы хронологии и взаимосвязей). В: Седов В.В. (отв. ред.). *Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян*. Москва: ИА РАН, 88—978.
- Каргопольцев С.Ю. 2000. Составные кольчатые удила как индикатор синхронизации восточноевропейских древностей эпохи великого переселения народов. В: *Археология Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара 1996—1999*. Псков, 157—160.
- Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III—VI вв.). *Петербургский археологический вестник* 7, 113—122.
- Каргопольцев С.Ю., Шукин М.Б. 2002. Новая находка оружия позднеримского времени на западе Ленинградской области. В: Носов Е.Н., Смирнова Г.И. (отв. ред.). *Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси*. Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж, 76—90.
- Карпелан К. 1979. Финские саамы в железном веке. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Финно-угры и славяне*. Ленинград: Наука, 143—151.
- Керт Г.М. 1961. Образцы саамской речи. Москва; Ленинград: Наука.
- Конечский В.Я. 1996. Новые данные о погребальных памятниках в долине р. Белой. *Новгород и Новгородская земля* 10, 32—37.
- Конечский В.Я. 1997. К вопросу о формировании культуры длинных курганов. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 11, 213—225.
- Конечский В.Я. 2007. Археология Северо-Запада России в начале XXI в., итоги и перспективы. В: *У ис-*

Литература

№4. 2010

- токов русской государственности. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 256—267.
- Конькова О.И. 2008. Археологические находки на западе Ленинградской области и проблема происхождения ижоры. В: Сорокин П.Е. (отв. ред.). *Археологическое наследие Санкт-Петербурга*. Выпуск 2. *Древности Ижорской земли*. Санкт-Петербург, 9—32.
- Корзухина Г.Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. *САИ* Е1—43. Ленинград: Наука.
- Корпела Ю. 2006. Емь и Ладога. В: Кирпичников А.Н., Носов Е.Н., Сакса А.И. (отв. ред.). *Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 73—81.
- Косменко М.Г. 1996. Культура лууконсаари. В: *Археология Карелии*. Петрозаводск, 238—253.
- Косменко М.Г. 1996 а. Позднебеломорская культура. В: *Археология Карелии*. Петрозаводск, 257—267.
- Косменко М.Г. 1996 б. Хозяйство и искусство эпохи бронзы-железа. В: *Археология Карелии*. Петрозаводск, 267—270.
- Косменко М.Г. 2006. Проблемы изучения этнической истории бронзового века — раннего средневековья в Карелии. В: *Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит-средневековье)*. Петрозаводск, 158—229.
- Кочуркина С.И. 1981. *Археологические памятники корелы V—XV вв.* Ленинград: Наука.
- Кочуркина С.И. 1982. *Древняя корела*. Ленинград: Наука.
- Кочуркина С.И. 2006. Этнокультурные процессы эпохи средневековья. В: *Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит — средневековье)*. Петрозаводск, 230—275.
- Краснов Ю.А. 1980. *Безводнинский могильник*. Москва: Наука.
- Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР. *САИ* Г4—4. Москва: АН СССР.
- Кропоткин В.В. 1962. Клады византийских монет на территории СССР. *САИ* Е 4—4. Москва: АН СССР.
- Кропоткин В.В. 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э.—V в. н.э.). *САИ* Д1—27). Москва: Наука
- Кузьмин С.Л. 1991. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли). В: *Проблемы хронологии и периодизации в археологии*. Ленинград, 87—98.
- Кузьмин С.Л. 1995. Ладога и некоторые проблемы археологии Северо-Западной Руси. В: Мачинский Д.А. (отв. ред.). *Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург, 12—15.
- Кузьмин С.Л. 2003. Некоторые итоги изучения культуры псковских длинных курганов (по материалам памятников в бассейне Луги и Плюссы). В: Мазуркевич А.Н. (отв. ред.). *Древности Подвинья — исторический аспект*. Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж, 220—232.
- Кулаков В.И. 1989. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V—VIII вв (по материалам раскопок 1878—1938 гг.). *Barbaricum* 1, Warszawa, 148—275.
- Кулаков В.И. 1990. Древности пруссов VI—XIII вв. *САИ* Г 1—9. Москва: Наука, 1990.
- Кулаков В.И. 1997. Варникам. Древности прусских вождей. *Гістарычна-археалагічны зборник* 12, 143—171.
- Кулаков В.И. 1998. Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в V в. н.э. *Гістарычна-Археалагічны Зборник* 13, 98—119.
- Кулаков В.И. 2003. *История Пруссии до 1283 года*. Москва: Индрик.
- Кулаковский Ю.А. 2000. Карта Европейской Сарматии по Птолемию. В: Кулаковский Ю.А., *Избранные труды по истории аланов и Сарматии*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Кулешов В.С. 2005. Памятники культуры Tagandgräber на северо-западе Европейской части России. В: Еременко В.Е. (отв. ред.). *Альманах молодых археологов*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 183—198.
- Лаул С.К. 1982. Некоторые закономерности распространения древнего населения в свете изучения могильников I тыс. н.э. в Восточной Эстонии. В: Столяр А.Д. (отв. ред.). *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Ленинград: Ленинградский университет, 89—94.
- Лаул С. 1985. Проблемы изучения этнического состава населения культуры каменных могильников с оградками. В: *Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий*. Таллинн, 57—67.
- Лаул С. 1997. Ранний железный век в Южной Эстонии и «предкурганная культура». В: Кирпичников А.Н. (отв. ред.). *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919—1997)*. Том 1. Санкт-Петербург; Псков: ИИМК РАН, 402—409.
- Лебедев Г.С. 1978. Сопка у д. Репья в Верхнем Полужье. *КСИА* 155, 99—99.
- Лебедев Г.С. 1984. Культурная стратиграфия Северо-Запада Европейской части России и проблемы формирования Новгородской земли. В: Лебедев Г.С. (отв. ред.). *Археологическое исследование Новгородской земли*. Ленинград: Ленинградский университет, 46—54.
- Лебедев Г.С. 1985. Северо-Восток Европейской части России в середине I тыс. н.э. В: Столяр А.Д. (отв. ред.). *Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока*. Сыктывкар: Пермский университет, 24—34.
- Лебедев Г.С. 1988. Русь и чужь, варяги и готы (итог и перспективы историко-археологического изучения). В: *Славяно-русские древности*. 1. *Историко-археологическое изучение древней Руси*. Ленинград, 79—99.
- Лебедев Г.С. 1989. Остров Тюттерс и водные пути в Карелию, Приладожье, Понаровье-Причудье. В: *Нарва, Ивангород, Принаровье — воздействия культур. История и археология*. Нарва, 27, 28.
- Лебедев Г.С. 2005. *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Леонтьев А.Е. 1989. Поповское городище (результаты раскопок 1980—1984 гг.). В: Седов В.В. (отв. ред.). *Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья*. Москва: ИА РАН, 5—105.
- Леонтьев А.Е. 1996. *Археология мери*. Москва: ИА РАН.
- Лопатин Н.В. 2006. Основные концепции заселения славянами Северо-Запада Русской равнины. В: *Археология Пскова и Псковской земли. Материалы семинара, посвященного памяти академика В.В. Седова*. Псков, 333—341.

№4. 2010

Литература

- Лопатин Н.В., Фурасев А.Г. 1995. О роли памятников III—V вв.н.э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины. *Петербургский археологический вестник* 9, 136—141.
- Лопатин Н.В., Фурасев А.Г. 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III—V веках н.э. *Раннеславянский мир* 8. Москва: ИА РАН.
- Лухтан А. 1996. Война в Литве в V веке. В: *Беларусь ў сьстэме трансэўрапейскіх сувязяў у I тысячагодзі н.э.* Минск, 53—54.
- Лыч Б.Г. 2000. О территориальных различиях погребального инвентаря носителей культуры длинных курганов. *Вестник молодых ученых. Серия — исторические науки* 5, 72—76.
- Макаров Н.А. 1986. О некоторых комплексах середины — 3-й четверти I тысячелетия н.э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне. *КСИА* 183, 23—32.
- Макаров Н.А. 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII веках. Москва: Наука.
- Мальм В.А., Фехнер М.В. 1969. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во 2-й половине I тысячелетия н.э. В: *Экспедиции государственного исторического музея.* Москва: ГИМ, 159—192.
- Манюхин И.С. 1996. Позднекаргопольская культура. В: *Археология Карелии.* Петрозаводск, 220—237.
- Мастыкова А.В. 2004. Янтарные бусы с нарезным декором эпохи Великого переселения народов. *РА* (3), 55—67.
- Мастыкова А.В. 2004. Стекланные бусы комплекса поселений у с. Замятино. В: *Обломский А.М. (отв. ред.). Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Раннеславянский мир* 6. Москва: ИА РАН, 84—88.
- Мастыкова А.В., Румянцева О.С., Егорьев А.Н. 2006. Связи населения Центральной России и понтийского региона в эпоху Великого переселения народов (по материалам стекланных бус). В: *Бессуднов А.Н. (отв. ред.). Археологическое изучение Центральной России.* Липецк: Липецкий гос. пед. университет, 264.
- Маршак Б.И. 2006. Серебро за меха. В: *Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов.* Санкт-Петербург, 72—82.
- Мачинский Д.А. 1984. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности. В: *Лебедев Г.С. (отв. ред.). Археологическое исследование Новгородской земли.* Ленинград: Ленинградский университет, 5—24.
- Мачинский Д.А. 1985. Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов. В: *Столяр А.Д. (отв. ред.). Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока.* Сыктывкар: Пермский университет, 3—23.
- Мачинский Д.А. 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси. В: *Бернштам Т.А., Чистов К.В. (отв. ред.). Русский Север.* Ленинград: Наука, 3—29.
- Мачинский Д.А. 1988. Колбяти «Русской Правды» и приладожская курганная культура. В: *Тихвинский сборник.* Тихвин, 90—103.
- Мачинский Д.А., Кулешов В.С. 2004. Северные народы середины IV — первой половины VI в. в «Getica» Иордана. В: *Мачинский Д.А. (отв. ред.). Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской.* Санкт-Петербург: Нестор-История, 2004, 26—72.
- Мачинский Д.А., Тиханова М.А. 1976. О местах обитания и направлениях движения славян I—VII вв.н.э. *Acta Archaeologia Carpatica* 16, 59—94.
- Мельникова Е.А. (отв. ред.). *Славяне и скандинавы.* 1986. Москва: Прогресс.
- Микляев А.М. 1995. Каменный — железный век в междуречье Западной Двины и Ловати. *Петербургский археологический вестник* 9, 7—39.
- Милинковић М. 2003. О тзв. женском германском гробу из Улпијане. В: *Споменица Јована Ковачевића.* Београд, 143—178.
- Митрофанов А.Г. 1978. *Железный век Средней Белоруссии.* Минск: Наука и техника.
- Михайлова Е.Р. 2001. К обоснованию нижней даты псковских длинных курганов. В: *Мачинский Д.А. (отв. ред.). Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры.* Санкт-Петербург, 35—46.
- Михайлова Е.Р. 2005—2009. Погребения культуры псковских длинных курганов: распределение вещевого материала. *Stratum plus* (5), 18—30.
- Михайлова Е.Р. 2006. Некоторые находки с Труворова городища и финальный этап культуры длинных курганов. В: *Седов В.В. (отв. ред.). Изборск и его округа.* Изборск, 109—124.
- Михайлова Е.Р. 2007. Тисненные бляшки-обоймицы из памятников культуры псковских длинных курганов. В: *Хаврин С.В. (отв. ред.). Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова.* Санкт-Петербург: Культ-Информ-Пресс, 158—164.
- Михайлова Е.Р. 2007 а. Культура псковских длинных курганов: памятники финального этапа. *Вестник Санкт-Петербургского университета,* серия 6/4, 389—398.
- Михайлова Е.Р. 2009. О периодизации псковских длинных курганов. *Сайт Северо-Западной археологической экспедиции.* URL: <http://www.nwae.spb.ru/> (дата просмотра 5.04.2009).
- Михайлова Е.Р. 2009 а. *Культура длинных курганов. Проблемы хронологии развития материальной культуры.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Моора Х.А. 1954. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. *КСИА* 53, 3—22.
- Моора Х.А. 1954 а. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. *СА* 21, 95—118.
- Моора Х.А. 1956. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В: *Моора Х.А. (отв. ред.). Вопросы этнической истории эстонского народа.* Таллинн: Эстонское гос. изд., 49—140.
- Моора Х. 1962. Клад V века, найденный в Реола, близ г. Тарту. *Światowit* 24, 343—351.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. 2006. *Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму.* Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Несман У. 1989. Этнос и связи на Балтике в V—X веках нашей эры. В: *Массон В.М. (отв. ред.). Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря.* Ленинград: Наука, 19—23.
- Никольская Т.Н. 1962. Городище у д. Николо-Ленивец. *СА* (1), 221—240.
- Новаковский В. 2007. Восточные пруссы как связующее звено между Восточной и Западной Европой — археологические свидетельства V—VIII вв. В: *Menghin W. (Hrsg.). Эпоха меровингов. Европа*

- без границ. Berlin: Minerva, 145—155.
- Носов Е. Н. 1984. К вопросу о сложении погребального обряда культуры длинных курганов. *КСИА* 179, 11—18.
- Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. 2007. Связи населения центрального Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX—X вв. В: Носов Е. Н. (отв. ред.). *Северная Русь и народы Балтики*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 6—17.
- Нунан Т. С. 2004. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. В: Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (отв. ред.). *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 2004, 256—313.
- Обломский А. М. (ред.). 2004. Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. *Раннеславянский мир* 6. Москва: ИА РАН.
- Обломский А. М. 2008. Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германариха на восток. В: Наумов А. Н. (отв. ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов*. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 142—162.
- Останина Т. И. 1997. *Население Среднего Прикамья в III—V вв.* Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.
- Орлов С. Н. 1984. Памятники раннего железного века на территории Новгородской области. В: Лебедев Г. С. (отв. ред.). *Археологическое исследование Новгородской земли*. Ленинград: Ленинградский университет, 70—84.
- Петренко А. Г. 1991. Результаты исследований остеологических материалов из раскопок средневековых памятников Прикамья. В: Иванова М. Г. (отв. ред.). *Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы*. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 64—64.
- Петренко В. П. 1984. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладogi. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Новое в археологии СССР и Финляндии*. Ленинград: Наука, 83—90.
- Петренко В. П., Вирсе И. А. 1993. Исследование могильников Гробиняс Приеденс в Западной Латвии. *КСИА* 208, 95—103.
- Петров Н. И. 2006. Древности эпохи раннего средневековья в среднем течении Кушаверы. Опыт культурной стратиграфии. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 20, 155—171.
- Петров И. В., Петрова М. И. 2002. Водные пути древних карел. Доклад в Русском Географическом Обществе, февраль 2002 г. *Сайт Кирижж*. URL: <http://www.kirjazh.spb.ru>
- Платонова Н. И. 1996. О «белых пятнах» на археологической карте памятников третьей четверти I тыс. н. э. на Северо-Западе. В: Мачинский Д. А. (отв. ред.). *Ладога и Северная Русь. Вторые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург, 9—12.
- Поболь Л. Д. 2001. Находки римских монет на землях Беларуси. *Lietuvos Archeologija* 21, 73—80.
- Подосинов А. В. 2002. *Восточная Европа в римской картографической традиции*. Москва: Индрик.
- Попов А. И. 1973. *Названия народов СССР*. Ленинград: Наука.
- Попов С. Г. 1989. Городище Сторожинец. *КСИА* 198, 45—56.
- Приск Панийский. 1890. Готская история. В: Латышев В. В., *Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе*. Том I. *Греческие писатели*. Санкт-Петербург, 810—846.
- Прокопий, BG — Procopius. 1962—1968. III—V. *History of the Wars, Books V—VIII* (éd. H. W. Dewing, Loeb Classical Library). London; Cambridge (Massachusetts).
- Пронин Г. И. 1988. Исследование памятников второй половины I тысячелетия н. э. в восточных районах Новгородчины. *Советская археология* (4), 169—179.
- Репников Н. И. 1906. Некоторые могильники области крымских готов. *Известия Императорской археологической комиссии* 19, 1—80.
- Розенфельд И. Г. 1982. *Древности Волго-Окского междуречья в VI—IX вв.* Москва: Наука.
- Розенфельд Р. Л. 1987. Ванвиздинская культура. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва: Наука, 116—122.
- Розенфельд Р. Л. 1987 а. Поломская культура. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва: Наука, 130—135.
- Ромашов С. А. 2000—2001. Историческая география Хазарского каганата (V—XIII вв). *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 11, 219—338.
- Рыук А.-М. 1979. Некоторые вопросы сооружения и морфологии курганов Юго-Восточной Эстонии. *Известия Академии наук ЭССР* 28/3, 249—265.
- Рябинин Е. А. 1987. Об исследовании средневековых могильников води в Ленинградской области. *Известия Академии наук ЭССР* 36/4, 408—410.
- Рябинин Е. А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973—1975 гг.). В: Седов В. В. (отв. ред.). *Средневековая Ладога*. Ленинград: Наука, 27—75.
- Рябинин Е. А. 1989. Могильник и селище у д. Попово на р. Унже. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья*. Москва: ИА РАН, 127—170.
- Рябинин Е. А. 1994. К проблеме этногенеза води. В: *Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов*. Санкт-Петербург, 23—29.
- Сакса А. И. 1997. Город Корела — центр приладожской Карелии. В: Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А., Сакса А. И. (отв. ред.). *Славяне и финно-угры. Археология, история, культура*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 179—185.
- Сакса А. И. 2006. Хозяйство и ремесло населения Карельской земли в средние века. *РА* (3), 63—74.
- Сакса А. И. 2006. Карелия и Саво. К вопросу о происхождении населения саволакского погоста. В: Кирпичников А. Н., Носов Е. Н., Сакса А. И. (отв. ред.). *Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 141—152.
- Сакса А. И. 2007. *Древняя Карелия во второй половине I — первой половине II тыс. н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Сергеев Т. 1984. Заселение в эпоху железа (статистический анализ). В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Новое в археологии СССР и Финляндии*. Ленинград: Наука, 100—112.
- Седов В. В. 1974. Длинные курганы кривичей. *САИ* Е1—8. Москва.
- Седов В. В. 1980. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов. *КСИА* 166, 5—11.

№4. 2010

Литература

- Седов В.В. 1987. Эсты. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред). *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва: Наука, 13—23.
- Седов В.В. 1987 а. Балты. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред). *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва: Наука, 353—456.
- Седов В.В. 1995. *Славяне в раннем средневековье*. Москва: Фонд археологии.
- Селиранд Ю. 1983. О начале взаимоотношений эстонских и восточнославянских племен. В: *Древнерусское государство и славяне*. Минск: Наука и техника, 28—30.
- Селицкий А.И. 1999. К вопросу о генезисе королевской власти у древних германцев. В: Мельников А.С. (отв. ред). *Скандинавские чтения 1998 года*. Санкт-Петербург: Наука, 58—81.
- Смирнов К.А. 1974. Дьяковская культура. В: Краснов Ю.А. (отв. ред.). *Дьяковская культура*. Москва: Наука, 7—89.
- Сорокин П.Е. 1997. Возникновение Валаамского монастыря и формирование его топографии. В: Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А., Сакса А.И. (отв. ред.) *Славяне и финно-угры. Археология, история, культура*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 186—194.
- Сорокин П.Е., Шаров О.В. 2008. О новых находках римской эпохи на Северо-Западе. В: Сорокин П.Е. (отв. ред.). *Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Выпуск 2. Древности Изгорской земли*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 167—201.
- Спицын А.А. 1896. *Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского*. Санкт-Петербург.
- Станкевич Я.В. 1960. История населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н.э. *МИА* 76. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Старостин П.Н. 1967. Памятники именниковской культуры. *САИ* Д1—32. Москва: Наука.
- Сыромятников С.И. 1892. Балтийские готы и Гута-Сага. *Живая Старина* 2/1, 25—48.
- Таутавичюс А.З. 1959. Восточнолитовские курганы. В: Моора Х.А. (отв. ред.). *Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии*. Москва: АН СССР, 128—153.
- Таутавичюс А.З. 1980. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н.э. В: *Из древнейшей истории балтских народов*. Рига, 80—88.
- Урбанавичюс В. 1987. Новые памятники у пос. Серджукс. В: *Археологические открытия 1985 года*. Москва: Наука, 487, 488.
- Фурасьев А.Г. 1996. О времени и обстоятельствах гибели городища Демидовка в верховьях Днепра. В: Мачинский Д.А. (отв. ред.). *Ладога и Северная Европа. Чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург, 4—6.
- Хвоцкая Н.В. 2008. *Славяне и финны на Северо-Западе древнерусского государства*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва.
- Хлевов А.А. 1999. Дружина Севера как исторический феномен. В: Мельников А.С. *Скандинавские чтения 1998 года*. Санкт-Петербург: Наука, 49—58.
- Хурре М. 1979. Концепции финских археологов о происхождении племени карелов и культуры Карелии в эпоху железного века. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Финно-угры и славяне*. Ленинград: Наука, 138—142.
- Цалкин В.И. 1961. Фауна из раскопок средневековых городищ на территории Латвии. В: Шноре Э.А. *Асотское городище*. Рига: АН Латвийской ССР, 203—222.
- Цалкин В.И. 1966. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке. В: Цалкин В.И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. *МИА* 107. Москва: Наука, 5—96.
- Цалкин В.И. 1966 а. Фауна из раскопок археологических памятников средневековой Прибалтики. В: Цалкин В.И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. *МИА* 107. Москва: Наука, 97—140.
- Чемякин Ю.П. 2006. Об одном сюжете «пермского звериного стиля». В: Голдина Р.Д. (отв. ред.). *Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов*. Ижевск: Удмуртский гос. университет, 70—80.
- Шадыра В.І. 2006. *Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.)*. Минск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі.
- Шаров О.В. 2006. О находке перекладчатой фибулы в Старой Ладоге. В: Кирпичников А.Н., Носов Е.Н., Сакса А.И. (отв. ред.). *Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 176—211.
- Шаскольский И.П. 1954. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. *Географический сборник* 3, 146—159.
- Шахнович М.М. 2003. К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море. В: *Природное и историко-культурное наследие Северной Феноскандии*. Петрозаводск, 111—116.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1994. Птолемей. В: Гиндин Л.А., Иванов С.А., Литаврин Г.Г. (сост.). *Свод древнейших письменных известий о славянах*. Том I (I—VI вв.). Москва, 46—62.
- Шмидехельм М.Х. 1955. *Археологические памятники периода разложения родового строя на Северо-Востоке Эстонии*. Таллинн: Эстонское гос. изд.
- Шмидехельм М.Х. 1956. О племенах северо-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н.э. и в первой половине I тысячелетия н.э. В: Моора Х.А. (отв. ред.). *Вопросы этнической истории эстонского народа*. Таллинн: Эстонское гос. изд., 172—186.
- Шмидт Е.А. 1963. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н.э. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Славяне накануне образования Киевской Руси*. *МИА* 108, Москва: АН СССР, 51—67.
- Шмидт Е.А. 1970. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины. В: Кухаренко Ю.В. (отв. ред.). *Древние славяне и их соседи*. *МИА* 176, Москва: Наука, 63—69.
- Шмидт Е.А. 1994. Проблемы хронологии тушемлинской культуры в верховьях Днепра. В: *Археологія і старожытна гісторыя Могіляўшчыны і сумежных тэрыторый*. Могилев, 104—113.
- Шноре Э.Д. 1961. *Асотское городище*. Рига: АН Латвийской ССР, 203—222.
- Шрамм Г. 1997. *Реки Северного Причерноморья*. Москва: Eastern Communications.
- Штыхаў Г.В. 1992. *Крывічы*. Минск: Навука і тэхніка.
- Шувалов П.В. 2002. Инглинги и Восточный путь в IV—V вв. (*Yngl.* 18, 19). В: Лебедев Г.С. (отв. ред.). *Европа — Азия: проблемы этнокультурных контактов*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН-НИИКСИ СПбГУ, 215—219.
- Шувалов П.В. 2004. *Pelles sappherinae* и Восточный путь. К вопросу о политической истории Балто-

- Скандии в V—VI вв. В: Мачинский Д. А. (отв. ред.). *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 73—108.
- Шумкин В. 1985. Древняя история аборигенного населения Кольского полуострова (к проблеме происхождения саамов). В: *Проблемы этнической истории балтов*. Рига, 109—111.
- Щеглова О. А. 2001. К вопросу о месте формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках «типа Камно-Рыуге». В: Мачинский Д. А. (отв. ред.). *Миграции и оседлость от Дуная до Ладого в первом тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург, 46—55.
- Щукин М. Б. 1994. *На рубеже эр*. Санкт-Петербург: Фарн.
- Щукин М. Б. 2005. *Готский путь*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Эпоха меровингов. Европа без границ*. 2007. Menghin W. (Hrsg.). Berlin: Minerva.
- Эря-Эско А. 1986. Племена Финляндии. В: Мельникова Е. А. (отв. ред.). *Славяне и скандинавы*. Москва: Прогресс, 169—174.
- Abegg-Wigg A. 2008. Germanic and Roman-provincial symbols of power — Selected finds from the aristocratic burials of Neudorf-Bornstein. In: Niezabitowska-Wiśniewska B. et alii (ed.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. Lublin: UMCS, I, 27—38.
- Åberg N. 1919. *Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit*. Uppsala.
- Almgren O., Nerman B. 1923. *Die ältere Eisenzeit Gotlands*. Stockholm.
- Altheim F. 1952. *Attila et les Huns*. Paris: Payot.
- Andersson K. 1995. *Romartida guldsmede i Norden III*. Uppsala: Uppsala University.
- Andrzejowski J. 1991. Okucia rogów do picia z młodszego okresu przedrzymskiego i okresu wpływów rzymskich w Europie Środkowej i północnej. *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne* 6, 7—113.
- Andrzejowski J., Cieśliński A. 2007. Germane i Baltowie u schyłku starożytności. Przyjazne związki czy wrogie sąsiedztwo? In: Bitner-Wróblewska A. (ed.). *Kultura bogaczewska w 20 lat później*. Warszawa: Muzeum Archeologiczne, 279—319.
- Appelgren-Kivalo H. 1907. *Finnische Trachten aus der jüngeren Eisenzeit*. Helsinki.
- Arce J. 2005. Dress control in Late Antiquity — Codex Theodosianus 14.10.1—4. In: *Kleidung und Repräsentation in Antike und Mittelalter*. Mittelalter Studien 7. München, 33—44.
- Arrhenius B. 1967. I rapporti italo-svedesi tra il 450 e il 600. *Alto Medioevo* I, 1967, 9—34.
- Arrhenius B. 1978. Рец. на R. Bruce-Mitford, The Sutton-Hoo Ship Burial I. *Medieval Archaeology* 22, 189—195.
- Arrhenius B. 1982. Snorris Asa-Etymologie und das Gräberfeld von Altuppsala. In: *Tradition als historische Kraft*. Berlin; New-York, 65—77.
- Arrhenius B. 1987. Scandinavien und Osteuropa in der Völkerwanderungszeit. In: Bott G. (Hrsg.). *Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit*. Nürnberg: Germanisches Nationalmuseum, 441—447.
- Arrhenius B. 1990. Connections between Scandinavia and the East Roman Empire in the Migration period. In: Austin D., Alcock L. (ed.). *From the Baltic to the Black Sea. Studies in Medieval Archaeology*. London; Boston; Sydney; Wellington, 118—136.
- Arrhenius B. 1994. Aspects of Barter Trade exemplified at Helgö and Birka. In: *The Archaeology of Gudme and Lundeberg*. København, 189—194.
- Arrhenius B. 2002. Kingship and Social Relations in the Early Medieval Period in Svealand elucidated by DNA. In: *The Scandinavians from the Vendel Period to the Tenth Century. An Ethnographic perspective*. Woodbridge, 2002, 45—58.
- Aspelin J. R. 1880. *Antiquités du Nord finno-ougrien. IV. L'Âge du Fer. Antiquités de la Finlande*. Helsinki; Saint-Petersbourg; Paris.
- Aspelin J. R. 1884. *Antiquités du Nord finno-ougrien. V. L'Âge du Fer. Antiquités des provinces baltiques*. Helsinki; Saint-Petersbourg; Paris.
- Axboe M. 1978. The Scandinavian gold bracteates. Studies on their manufacture and regional variations. *Acta Archaeologica* 52, 1—100.
- Axboe M. 1994. Gudme and Gold Bracteates. In: *The Archaeology of Gudme and Lundeberg*. København, 68—77.
- Axboe M. 2001. Amulet Pendants and a Darkened Sun. In: *Roman Gold and the Development of Early Germanic Kingdoms*. Stockholm, 119—136.
- Belkowska I. 1984. Rzymskie naczynia srebrne strefy bałtyckiej i ich naśladownictwa. *Archaeologia* 34, 73—93.
- Bemmann J. 2003. Eine skandinavische Relieffibel aus Haverlah, Lkr. Wolfenbüttel. *Fornvännen* 98, 169—177.
- Bemmann J. 2006. Eine völkerwanderungszeitliche Bestattung aus Epöl, Kom. Esztergom, mit Schwertriebmendurchzügen skandinavischer Form. In: Mihailescu-Bîrluba V. et alii (ed.). *Miscellanea romano-barbarica. In honorem septagenarii magistri Ion Ioniță oblata*. București: Editura Academiei Române, 217—246.
- Bemmann J. 2008. Mitteldeutschland im 5. Jahrhundert — Eine Zwischenstation auf dem Weg der Langobarden in den mittleren Donaauraum? In: Bemmann J., Schmauder M. (Hrsg.). *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden-Awaren-Slawen*. Bonn: Habelt, 145—227.
- Bemmann J., Hahne G. 1994. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Skandinavien. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 75, 283—640.
- Bertašius M. 2000. Zentrum und Peripherie bei den Westbalten. Zu den Beziehungen zwischen dem Samland und der Region um Kaunas vom 5. bis 8. Jh. n. Chr. *Archaeologia Baltica* 4, 135—148.
- Bertram M. (ed.). 1995. *Merowingerzeit. Die Altertümer im Museum für Vor- und Frühgeschichte*. Berlin. Mainz.
- Bierbrauer V. 1975. *Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien*. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo.
- Bitner-Wróblewska A. 1991. Between Scania and Samland. From Studies of Stylistic Links in the Baltic Basin during the Early Migration Period. *Fornvännen* 86, 225—241.
- Bitner-Wróblewska A. 2001. *From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period*. Warszawa: Muzeum Archeologiczne.
- Bitner-Wróblewska A. 2008. Observers or participants? The Balts during turbulent epoch. In: Niezabitowska-Wiśniewska B. et alii (ed.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the*

№4. 2010

Литература

- Migration Period*. Lublin: UMCS, I, 97—112.
- Bitner-Wróblewska A., Kontny B. 2006. Controversy about three-leaf arrowheads from Lithuania. *Archaeologia Lituana* 7, 104—122.
- Bliujienė A. 2003. A Microregion between Šilutė-Priekulė and Švėkšna in western Lithuania or alternatively the Lamata land according to archaeological data. *Archaeologia Lituana* 4, 122—137.
- Bliujienė A. 2006. Watershed between Eastern and Western Lithuania during the Early and Late Migration Period. *Archaeologia Lituana* 7, 123—143.
- Bliujienė A., Stepanaitis V. 2009. Wealthy Horsemen in the Remote and Tenebrous Forests of East Lithuania during the Migration Period. *Archaeologia Baltica* 11, 185—205.
- Blumbers Z. 1982. *Bronzebuckelchen als Trachtzier. Zu den Kontakten Gotlands mit dem Kontinent in der Älten Römischen Eisenzeit*. Stockholm.
- Böhme H.-W. 1986. Das Ende der Römerherrschaft in Britannien und die angelsächsische Besiedlung Englands im 5. Jahrhundert. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums* 33, 469—574.
- Bóna I. 1976. *À l'aube du Moyen Âge. Gépides et Lombards dans le bassin des Carpates*. Budapest: Korvina-Press.
- Butėnienė E. 1968. Lazdininkų kapinynas. In: *Lietuvos pajūrio I—VII a. kpinynai*. Vilnius, 1968, 143—161.
- Callmer J. 2000. From West to East. The Penetration of Scandinavians into Eastern Europe ca. 500—900. In: Kazanski M., Nercissian A., Zuckerman C. (dir.). *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Paris: Lethielleux, 45—94.
- Carpelan C., Uino P. 2003. Between Estonia and Finland — A Reassessment of old Finds from Tytärsaari Island. In: *Archeologia Läänemereaaades. Uurimus Jüri Seliranna auks*. Tallinn; Tartu, 2003, 75—93.
- Chastagnol A. 1976. *La fin du monde antique. De Stilicon à Justinien (Ve siècle et début VIe)*. Recueil de textes présentés et traduits par Andre Chastagnol. Paris: Nouvelles éditions latines.
- Cieślinski A. 2008. Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit an der Passarge/Pasłęka. In: Niezabitowska-Wisniewska B. et alii (ed.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. Lublin: UMCS, 113—131.
- Ciglis J. 2006. V—IX amžiaus diržų sagtys Rytų Latvijoje. *Archaeologia Lituana* 7, 156—170.
- Deemant K. 1977. Neue Funde aus dem Steingraberfeld von Proosa. *Известия Академии Наук ЭССР* 26/1, 1977, 62—63.
- Deemant K. 1981. Ausgrabungen in Proosa. *Известия Академии Наук ЭССР* 30, 1981, 394—396.
- Demougeot E. 1979. *La formation de l'Europe et les invasions barbares. 2. De l'avènement de Dioclétien au début du VIe siècle*. Paris: Aubier.
- Duczko W. 1996. Uppsalahögarna som symboler och arkeologiska källor. In: Duczko W. (ed.), *Arkeologi och miljögeologi i Gamla Uppsala*. Uppsala: Uppsala University, 59—93.
- Edgren T. 1992. Lavansaaren Suursuonmäen rökkiöhaudat. *Suomen Museo* 99, 5—20.
- Ehrlich B. 1931. Schwerter mit silberbeschlagen Scheiden von Benkenstein, Kr. Elbing und einige west- und ostpreussische Vergleichstücke. *Prussia* 29, 16—46.
- Engel C. 1937. Ostpreussens Stellung im Rahmen der gesamtdeutschen Vorgeschichte. *Germanen-Erbe* 2—9/10, 250—357.
- Engel M., Iwanicki P., Rzeszotarska-Nowakiewicz A. 2006. „Sudovia in qua Sudovitae“; The new hypothesis about the origin of Sudovian Culture. *Archaeologia Lituana* 7, 184—211.
- Erä-Esko A. 1965. *Germanic Animal Art of Salin's Style I in Finland*. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aika-kauskirja 63. Helsinki.
- Erä-Esko A. 1986. Domburg-Gulldynt. *Finskt Museum* 93, 54—84.
- Evison V. 1967. The Dover ring-sword and other sword-rings and beads. *Archaeologia* 101, 65—122.
- Fabech C. 1989—1990. Sjörup — an Old Problem in a New Light. *Meddelanden från Lunds universitets historiska museum* 8, 101—119.
- Fabech C. 1999. Organising the Landscape. A matter of production, power, and religion. In: *The Making of Kingdoms* (Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History 10). Oxford, 37—47.
- Fabech C. 1999 a. Centrality in sites and landscapes. In: *Settlement and Landscape*. Aarhus, 455—473.
- Fabech C. 2001. The Spatial Distribution of the Gold Hoards in Southern Scandinavia and the Geography of Power. In: *Roman Gold and the Development of Early Germanic Kingdoms*. Stockholm. 189—204.
- Fagerlie J. 1967. *Late Roman and Byzantine Solidi Found in Sweden and Denmark*. New-York.
- Fischer S. 2007. „Les seigneurs des anneaux“. Inscriptions runiques de France, t. 1. Saint-Germain-en-Laye: AFAM.
- Fischer S. 2008. The Udovice Solidus Pendants. Late 5th Century Evidence of South Scandinavian Mercenaries in the Blakans. *Fornvännen* 103, 81—90.
- Die Franken. Wegbereiter Europas*. 1996. Mainz: Philipp von Zabern.
- Franzén R. 2007. Om folkvandringstida masksöljor med anledning av ett fynd från Ösmo. *Fornvännen* 102, 153—167.
- Geisslinger H. 1967. *Horte als Geschichtsquelle dargestellt an der völkerwanderungs- und merowingerzeitlichen Funden des südwestlichen Ostseeraums*. Offa-Bücher 19. Neumünster: Karl Wachholtz.
- Bott G. (Hrsg.). 1987. *Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit*. Nürnberg: Germanisches Nationalmuseum.
- Ginters V. 1961. Die emailverzierte Fibel von Helgö, Ksp. Ekerö, Uppland. *Fornvännen*, 1—25.
- Godłowski K. 1980. Zur Frage der völkerwanderungszeitlichen Besiedlung in Pommern. *Studien zur Sachsenforschung* 2, 63—106.
- Godłowski K. 1981. Okres wędrowek ludów na Pomorzu. *Pomorania Antiqua* 10, 1981, 65—129.
- Godłowski K. 1983. Zur Frage der Slawensitze vor der grossen Slawenwanderung im 6. Jahrhundert. *Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo* 30, 257—303.
- Graudonis J. 2001. The Finery of the anciens Semigallians. *Lietuvos Archeologija* 21, 55—62.
- Graudonis J. 2003. *Lielupes krastos pirms gadu simtiem. Arheoloģiskie pētījumi Jaunsviorlaukas pagastā*. Riga, Latvijas vēstures institūts.
- Grégoire de Tours, *Histoire des Francs*. Paris, vol. I. 1975, vol. II — 1979 (traduction et R. Latouche).
- Hackman A. 1905. *Die ältere Eisenzeit in Finnland*. Helsingfors.
- Haith C. 1988. Un nouveau regard sur le cimetière d'Herpes (Charente). *Revue Archéologique de Picardie* 3—4, 71—80.
- Hallinder P., Haglund K. 1978. Iron currency bars in Sweden. In: Lamm C., Lundström A. (ed.). *Excavations at Helgö V/1. Workshop. Part II*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 30—37.

- Hauptmann T. 1998. Studien zur Dreisprossenfibeln. In: Kunow J. (Hrsg.). *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte, 159—173.
- Haussig H. W. 1971. *Histoire de la civilisation byzantine*. Paris.
- Haussig H. W. 1980. Nachrichten über den skandinavischen Pelzhandel mit byzantinischen Kaufleuten an der Mündung des Don in der ersten Hälfte des 6. Jahrhunderts. In: *Wirtschaft, Technik und Geschichte. Festschrift für A. Timm*. Berlin, 53—62.
- Haussig H. W. 1987. Die Praxis des Warenaustasches im Wärrangerhandel mit den chasarischen Märkten Sarkel und Itil. In: *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa*. 4., Göttingen, 528—544.
- Hedeager L. 1992. *Iron-Age Societies. From Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to AD 700*. Oxford; Cambridge (Massachusetts): Blackwell.
- Helgesson B. 1990. The Gold Necklet from Kyhl. *Meddelanden från Lunds universitets historiska museum*, 120—128.
- Henriksen M. B., Horsnæs H. W. 2004. Guldskatten fra Boltinggård Skov på Midtfyn. *Fynske Minder*, 123—151.
- Henriksen M. B., Horsnæs H. W. 2006. Boltinggård Skov — A Hoard of Roman gold coins of Constantin period from Funen, Denmark. *Revue numismatique* 162, 259—271.
- Hirviluoto A.-L. 1976. Ainolan asellöytö. *Suomen Museo* 83, 59—67.
- Hjärne E. 1917. Bronsfyndet från Strokåge. *Fornvännen* 12, 1917, 147—172, 203—225.
- Hoffmann E. 1992. Der heutige Stand der Erforschung der Geschichte Skandinaviens in der Völkerwanderungszeit im Rahmen der mittelalterlichen Geschichtsforschung. In: *Der historische Horizont der Götterbild-Amulette aus der Übergangsepoche von der Spätantike zur Frühmittelalter*. Göttingen, 143—182.
- Høilund Nielsen K. 1987. Zur Chronologie der jüngeren Germanischen Eisenzeit auf Bornholm. *Acta Archaeologica* 56, 47—86.
- Høilund Nielsen K. 1999. Zur frühmittelalterlichen Chronologie Skandinaviens — eine Einführung. In: von Freedon U., Koch U., Wiczorek A. (Hrsg.). *Völker an Nord- und Ostsee und die Franken*. Bonn: Habelt, 51—60.
- Holmqvist W. 1965. L'art des Germains depuis le Ve siècle. In: Eggers H. J., Will E., Joffroy R., Homkvist V. *Les Celtes et les Germains à l'époque païenne*. Paris: Albin Michel, 152—221.
- Holmqvist W. 1972. Reliefbrooches. Comparative analysis of the A-B-C elements at the Helgö workshop. In: Holmqvist W. (ed.). *Excavations at Helgö IV. Workshop. Part I*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 230—255.
- Holmqvist W. 1972 a. Die schwedischen Goldskragen. In: Hagberg E. (Hrsg.). *Studia Gotica*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 234—253.
- Howard-Johnston J. 1980. Trading from Classical Antiquity to the Early Middle Ages. In: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology*. London, 65—79.
- Hübener W. 1980. Eine Studie zu den Beilwaffen der Merowingerzeit. *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters* 8, 65—127.
- I Goti*. 1994. Milano: Skira.
- Ilkjær J. 1990. *Illerup Ådal 1. Die Lanzen und Speere*. Århus: Aarhus University Press.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastyskova A. 2006. *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations*. Paris: ACHCB.
- Jantarová stezka. *Peregrinatio Gothica*. Supplementum ad Acta Musei Moraviae 82. 1997, Brno.
- Jaskanis J., Okulicz J. 1981. Kultura zachodniobałtyjska. In: *Prahistoria ziem polskich. V. Późny okres lateński i okres rzymski*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 216—247.
- Jordanès, *Histoire des Goths*. 1995. Paris: Les Belles Lettres (traduction en français de O. Devilliers).
- Jørgensen L. 1989. En kronologi for yngre romersk og ældre germansk jernalder på Bornholm. *Arkeologiske Skrifter* 3, 168—187.
- Jørgensen L., Nørgård-Jørgensen A. 1997. *Bækkegård and Glasegård. Two cemeteries from the late Iron Age on Bornholm*. Nordiske Fortidsminder 14. København.
- Kaczyński M. 1963. Materiał z cmentarzyska kurhanowego badanego w 1934 r. w miejscowości Sudata, pow. Świeciany na Wileńszczyźnie. *Wiadomości Archeologiczne* 29, 138—156.
- Kara M. 1994. Skandynawski skarb złotych przedmiotów z przełomu starożytności i średniowiecza z miejscowości Wapno, woj. piłskie. *Przegląd Archeologiczny* 42, 73—110.
- Kargapol'tsev S., Schukin M. 2006. Nouvelles découvertes d'armes occidentales de l'époque romaine tardive en Russie du Nord-Ouest. In: Delestre X., Kazanski M., Périn P. (dir.). *De l'Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologie funéraire, princes et élites guerrières*. Saint-Germain-en-Laye: AFAM, 288—294.
- Kargapol'tsev S., Sedyh V. 2008. Les feluves de la partie orientale du bassin de la mer Baltique dans des sources écrites d'Antiquité tardive et quelques découvertes sur le fleuve de Louga. *Ancient West & East* 7, 287—293.
- Kazakevičius V. 1993. *Plinkaigalio kapinynas*. Lietuvos Archeologija 10. Vilnius.
- Kazanski M. 1987. Quelques parallèles entre l'armement en Occident et à Byzance (I^{ve}—VIIe s.). In: Landes C. (dir.). *Gaule mérovingienne et monde méditerranéen. Les derniers Romains en Septimanie, IVe—VIIIe siècles*. Lattes: IMAGO, 75—87.
- Kazanski M. 1991. Quelques objets baltes trouvés en Gaule datés entre la fin du IVe siècle et le VIIIe siècle. À propos des contacts entre l'Occident et le rivage oriental de la mer Baltique. *Archéologie Médiévale* 21, 1—20.
- Kazanski M. 1992. Les arctoi gentes et «l'empire» d'Hermanaric. *Germania* 70/1, 75—122.
- Kazanski M. 1993. Les objets orientaux de l'époque des Grandes Migrations découverts dans le couloir rhodanien. *Antiquités Nationales* 25, 119—127.
- Kazanski M. 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique — origine et diffusion. In: von Carnap-Bornheim C. (Hrsg.). *Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lubin; Marburg: UMCS, 429—485.
- Kazanski M. 1999. *Les Slaves. Les origines, Ier—VIIe siècle après J.-C.* Paris: Errance.
- Kazanski M. 1999 a. L'armement slave du haut Moyen-Âge (V^e—VIIe siècles). À propos des chefs militaires et des guerriers professionnels chez les anciens Slaves. *Prehled vyzkumu* 39, 197—236.
- Kazanski M. 2000. Les Slaves dans la zone forestière d'Europe orientale au début du Moyen Âge. In: Kazanski M., Nercissian A., Zuckerman C. (dir.). *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, By-*

№4. 2010

Литература

- zance et Orient. Paris: Lethielleux, 17—44.
- Kazanski M. 2000 a. Les armes baltes et occidentales dans la zone forestière de l'Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations. *Archaeologia Baltica* 4, 199—212.
- Kazanski M. 2000 b. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des Grandes Migrations. In: Maczińska M., Grabarczyk T. (Hrsg.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź, Uniwersytet Łódzki, 406—459.
- Kazanski M. 2002. *La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne)*. Montagnac: Monique Mergoil.
- Kazanski M. 2007. The Armement, Horsmen's Accoutrements, and Riding Gear of Long Barrow Culture (Fifth to Seventh Centuries). *Archaeologia Baltica* 8, 238—253.
- Kazanski M., Mastykova A. 1999. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e—6e siècles. À propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare. *Eurasia Antiqua* 5, 523—573.
- Kazanski M., Mastykova A. 2003. Les éléments germaniques dans la civilisation de la population du Caucase du Nord à l'époque des grandes migrations. In: von Carnap-Bornheim C. (Hrsg.). *Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrhundert nach Christus*. Neumünster: Wachholtz, 135—176.
- Kazanski M., Mastykova A. 2005. Les contacts entre la Gaule du Nord et la côte sud-est de la mer Baltique durant l'époque des grandes migrations et au début de l'époque mérovingienne. In: Plumier J., Regnard M. (dir.). *Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne*. Namur: Ministère de la région wallone, 115—132.
- Kessler A., Schnellerkamp W. 1933. Ein frühmerowingisches Grab bei Rommersheim (Eichloch) in Rheinhessen. *Mainzer Zeitschrift* 28, 118—125.
- Kidd D., Ager B.-M. 1992. Herpes, commune de Courbillac (Charente). Collections du British Museum, Londres. In: *Les Barbares et la Mer. Les migrations des peuples du nord-ouest de l'Europe du Ve au Xe siècle*. Caen; Toulouse: Musée de Normandie, 83—95.
- Kivikoski E. 1954. Skandinavisches in der römischen Eisenzeit Finnlands. *Acta Archaeologica* 25, 1954, 161—170.
- Kivikoski E. 1968. *Finland*. London.
- Kivikoski E. 1973. *Die Eisenzeit Finnlands*. Helsinki: Weilin+Göös AB.
- Klindt-Jensen O. 1957. *Bornholm i folkervandrigstiden*. København.
- Koch A. 1998. *Bügelfibeln der Merowingerzeit im westlichen Frankenreich*. Bonn: Habelt.
- Koch U. 1999. Nordeuropäisches Fundmaterial in Gräbern Süddeutschlands rechts des Rheins. In: von Freedon U., Koch U., Wiczorek A. (Hrsg.). *Völker an Nord- und Ostsee und die Franken*. Bonn: Habelt, 175—194.
- Koch U. 2001. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim*. Stuttgart: Konrad Theiss.
- Kolendo J. 1999. L'importation de fourrures du Barbaricum sur le territoire de l'Empire romain. *Münsterische Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte* 18/2, 1999, 1—23.
- Korkkanen I. 1975. *The Peoples of Hermanaric Jordanes, Getica 116*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
- Kowalski J. 1991. Z badań nad chronologią okresu wędrówek ludów na ziemiach zachodniobałtyjskich. In: *Archeologia Bałtyjska*. Olsztyn, 1991, 67—85.
- Kromann A., Nielsen P.O., Randsborg K., Petersen V., Thomsen P.O. 1991. Gudme og Luneborg — et fynsk rigdomscenter i jernalderen. *Nationalmuseets Arbejtsmark*, 144—161.
- Kühn H. 1974. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland*. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt.
- Kühn H. 1981. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland*. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt.
- Kulakov V. 2000. La terre prusse entre Scandinavie et Orient. In: Kazanski M., Nercissian A., Zuckerman C. (dir.). *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Paris: Lethielleux, 283—298.
- Kulakov V. 2005. Légionnaires romaines et guerriers mérovingiens sur la côte d'Ambré. In: Plumier J., Regnard M. (dir.). *Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne*. Namur: Ministère de la région wallone, 133—144.
- Kulakov V. 2005 a. *The Amber Lands in the Time of the Roman Empire*. BAR International Series 1354. Oxford: Archaeopress.
- Kulakov V. 2006. Das Echo der Hunnenkriege ins Balticum. In: Delestre X., Kazanski M., Périn P. (dir.). *De l'Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologie funéraire, princes et élites guerrières*. Saint-Germain-en-Laye: AFAM, 295—306.
- Kuniciene O. 1983. Grigiškių (Neravų, Traku raj.) pilkapyno radiniai 2. Paušalai. *Lietuvos TSR Mosklų Akademijos darbai. A serija*, 1 (82), 49—60.
- Kyhlberg O. 1986. Late Roman and Byzantine Solidi, An archaeological analysis of coins and hoards. In: Lamm C., Lundström A. (ed.). *Excavations at Helgö. X. Coins, Iron and Gold*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 12—126.
- LA 1974 — *Latvijas PSR Arheologia. IV*. Riga: Zinātne.
- Lamm K. 1972. Clasp buttons. In: Holmqvist W. (ed.). *Excavations at Helgö IV. Workshop. Part I*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 70—131.
- Lang V. 1996. *Muistne Rävala*. Muinasaja Teadus 4. Tallinn.
- Laul S. 1985. Die Entwicklungsetappen und Chronologie der Steingräber in Estland. In: Loit A., Selirand J. (Hrsg.). *Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum aufgrund der archäologischen Quellenmaterialien*. Studia Baltica Stockholmensia I. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 67—82.
- Laul S. 2001. Rauaaja kulturi kujunemine Eesti kaguosas (500 e Kr.-500 p. Kr.). *Muinasaja Teadus* 9. Tallinn.
- Leguilloux M. 2004. *Le cuir et la pelleterie à l'époque romaine*. Paris: Errance.
- Legoux R., Périn P., Vallet F. 2004. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine*. Saint-Germain-en-Laye: AFAM.
- Lewis A. 1978. Byzantine light-weight solidi and trade to the North Sea and Baltic. In: Lewis A., *The Sea and Medieval Civilisations*. Variorum Reprints 82, London, 131—155.
- Lincke B. 1939. Eine baltische Halsringform der Völkerwanderungszeit. *Prähistorische Zeitschrift* 28—29/1—2, 80—157.
- Lorren C. 2001. *Fibules et plaques-boucles à l'époque mérovingienne en Normandie*. Paris: AFAM.
- Lõugas V. 1985. Über die Beziehungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum in der Bronze- und frühen Eisenzeit. In: Loit A., Selirand J. (Hrsg.). *Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum aufgrund der archäologischen Quellenmaterialien*. Studia Baltica Stockholmensia I. Stockholm: Alm-

Литература

№4. 2010

- qvist & Wiksell International, 51—60.
- Lungkvist J. 2008. Dating two royal mounds of Old Uppsala — evaluating the elite of the 6th—7th century in Middle Sweden. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 38/2, 263—282.
- Lund Hansen U. 1988. Handelszentren der römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Dänemark. In: *Trade and Exchange in Prehistory*. Lund, 155—166.
- Lund Hansen U. 2001. Gold Rings — Symbols of Sex and Rank. In: *Roman Gold and the Development of Early Germanic Kingdoms*. Stockholm, 157—188.
- Lundström A. 1985. Handel während der Völkerwanderungszeit und Merovingerzeit in Ostskandinavien. In: *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Teil III. Der Handel des frühen Mittelalters*. Göttingen, 270—290.
- Machajewski H. 1992. Skandynawskie elementy kulturowe na Pomorzu zachodnim z okresu wędrówek ludów (2 połowa IV w. — początek VI w.). *Przegląd Archeologiczny* 40, 71—96.
- Mačinsky D.A. 1974. Die älteste zuverlässige urkundliche Erwähnung der Slawen und der Versuch, sie mit der archäologischen Daten zu vergleichen. *Ethnologica Slavica* 4, 51—70.
- Maćczyńska M. 1999. La fin de la culture de Przeworsk. In: Tejral J., Pilet C., Kazanski M. (dir.). *L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations*. Brno: Archeologický Ústav, 141—170.
- Maćczyńska M. 2005. La question de l'origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l'époque des grandes migrations. In: Delstre X., Périn P., Kazanski M. (dir.). *La Méditerranée et le monde mérovingien — témoins archéologiques*. Aix-en-Provence: Association Provence Archéologie, 247—255.
- Maćczyńska M. 2007. Pommern in der Völkerwanderungszeit — 20 Jahre nach dem Aufsatz von Kazimierz Godłowski. In: Tejral J. (Hrsg.). *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. Brno: Archeologický Ústav, 147—171.
- Madyda-Legutko R. 2006. Zu den Beziehungen der litauischen Gebiete zu dem mitteleuropäischen *Barbaricum* in der frühen Völkerwanderungszeit. *Archaeologia Litwana* 7, 144—155.
- Mägi M. 2006. Changing Connections, Changing Society. Burial Rites on Iron Age Saaremaa. In: Bertašius M. (ed.). *Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas: Kaunas University of Technology, 51—64.
- Magnus B. 1999. The assemblage from Hade in Gästrikland and its relevance for the chronology of the late Migration Period in eastern Sweden. In: *The Peace of Change. Studies in Early-Medieval Chronology*. Oxford, 115—125.
- Magnus B. 2007. Die Frau aus Grab 84 von Szentes-Nagyhegy und die Gleicharmigen Relieffibeln der Völkerwanderungszeit. *Communicationes Archaeologicae Hungariae*, 175—193.
- Magnusson G. 1995. Iron Production, Smithing and Iron Trade in the Baltic during the Late Iron Age and Early Middle Ages (c. 5th—13th Centuries). In: Jansson I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic*. Stockholm: Stockholm University, 61—70.
- Malonaitis A. 2002. Schmaläxte mit Nacken in Litauen. *Archaeologia Baltica* 5, 163—183.
- Mandel M. 1976. Ausgrabungen einer Steinsetzung in Lihula. *Известия Академии Наук ЭССР* 25/1, 1976, 56—58.
- Mandel M. 1995. Eisenzeitliche Grabformen und Bestattungsbräuche auf dem westestnischen Festlande. In: Jansson I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic*. Stockholm: Stockholm University, 111—121.
- Mandel M. 2003. *Läänemaa 5—13 sajandi kalmed*. Eesti Ajaloomuseum Töid Ajaloo Alalt 5. Tallinn.
- Mandel M., Tamla T. 1977. Rikassaare relevaieid. *Известия Академии Наук ЭССР* 26/2, 158—164.
- Marcu D. 1987. Un mormînt de înhumăție descoperit la Bistret, jud. Dolj. *Studii și Cercetări de Istorie Veche* 38/2, 184—191.
- Meinnader C.F. 1985. Odin i Staraja Ladoga. *Finskt Museum* 92, 65—90.
- Menghin W. 1983. *Das Schwert im Frühen Mittelalter*. Stuttgart: Konrad Theiss.
- Menke M. 1986. Archäologische Befunde zu Ostgoten des 5. Jahrhunderts in der Zone nordwärts der Alpen. In: *Peregrinatio Gothica*. Archaeologia Baltica VII, Łódź: Uniwersytet Łódzki, 239—281.
- Michelbertas M. 1972. Prekubiniai ryšiai su Romo imperija. In: *Lietuvos gyventojų prekybiniai ryšiai I—XIII a.* Vilnius, 5—125.
- Moora H. 1929. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 N. Chr. I. Teil — Die Funde. *Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused* XXV. Tartu.
- Moora H. 1935. Der Verwahrfund von Piils, Kirchspiel Avinurme. *Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat* 1933, 283—303.
- Moora H. 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 N. Chr. II. Teil — Analyse. *Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused* XXIX. Tartu.
- Moosbrugger-Leu R. 1982. *Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Basel. Führer durch das Historische Museum Basel*. 3. Basel: Historisches Museum.
- Müller-Wille M. 1999. Das Frankenreich und der Norden. Zur Archäologie wechselseitiger Beziehungen während der Merowinger- und frühen Karolingerzeit. In: von Freeden U., Koch U., Wiczorek A. (Hrsg.). *Völker an Nord- und Ostsee und die Franken*. Bonn: Habelt, 1—18.
- Myhre B. 2003. The Iron Age. In: Helle K. (ed.), *The Cambridge History of Scandinavia*. Cambridge, 2003, 60—93.
- Näsman U. 1977. Öland, Eketorp and the Transition between Montelii Periods VI and VII. *Tor* 17, 335—361.
- Näsman U. 1984. Zwei Relieffibeln von der Insel Öland. *Præhistorische Zeitschrift* 59/1, 48—80.
- Näsman U. 1989. The Gates of Eketorp-II. To the question of Roman prototypes of the Öland ring-forts. In: *The Birth of Europe — Archaeology and Social Development in the First Millenium A.D.* Roma, 129—139.
- Näsman U. 1998. The Justinianic Era of south Scandinavia — an Archaeological View. In: *The Sixth Century. Production, Distribution and Demand*. Leiden; Boston; Köln, 255—278.
- Näsman U. 1999. The Ethnogenesis of the Danes and the Making of a Danish kingdom. In: Dickinson T., Griffiths D. (ed.). *The Making of Kingdoms*. Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History 10. Oxford, 1—10.
- Näsman U. 2006. Danerne og het danske kongeriges opkomst. Om forskningsprogrammet "Fra Stamme til Stat i Danmark". *Kuml*, 205—241.
- Näsman U. 2008. Scandinavia and the Huns. A source-critical approach to an old question. *Fornvännen* 103, 111—118.

№4. 2010

Литература

- Nerman B. 1929. *Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit*. Stockholm.
- Nerman B. 1935. *Die Völkerwanderungszeit Gotlands*. Stockholm.
- Nørgård-Jørgensen A. 1992. Weapon sets in Gotlandic grave finds from 530—580 A.D.— A Chronological Analysis. In: Jørgensen L. (ed.). *Chronological Studies of Anglo-Saxon England, Lombard Italy and Vendel Period Sweden*. Copenhagen: University of Copenhagen, 1992, 5—34.
- Nørgård-Jørgensen A. 1999. *Waffen und Gräber. Typologische und chronologische Studien zu skandinavischen Waffengräbern 520/30 bis 900 n. Chr.* København: Der Kongelige Nordiske Oldskriftselskab.
- Nowakowski W. 1996. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt*. Marburg; Warszawa: Vorgesellschaftliches Seminar der Philipps-Universität Marburg.
- Nowakowski W. 1998. Die Fibeln Almgren 55 und 56 aus heutiger Sicht. In: Kunow J. (Hrsg.). *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte, 119—134.
- Nowakowski W. 1999. Das Problem der Chronologie der spätrömischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit im Memelgebiet hinsichtlich der Funde aus dem Gräberfeld Aukštakiemai (Oberhof). *Archaeologia Lituana* 1, 110—118.
- Nowakowski W. 2000. Die Olsztyn-Gruppe (Masurgermanische Kultur) in der Völkerwanderungszeit. Das Problem ihrer chronologischen und territorialen Grenzen. In: Maczińska M., Grabarczyk T. (Hrsg.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 168—180.
- Okulicz J. 1955. Cmentarzysko z III—V w. naszoj ery z miejscowości Netta pow. Augustowa. *Wiadomości Archeologiczne* 22, 284—303.
- L'Or des princes barbares. *Du Caucase à la Gaule, Ve siècle après J.-C.* 2000. Paris: Réunion des musées nationaux.
- Ørsnes M. 1988. *Ejsbøl I. Waffenopferfunde des 4.-5. Jahrh. nach Chr.* København: Der Kongelige Nordiske Oldskriftselskab.
- Parczewski M. 1993. *Die Anfänge der frühslawischen Kultur in Polen*. Wien: Österreichische Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte.
- Paul Diacre. 1994. *Histoire des Lombards*. Présentation et traduction par F. Bougard. Brepols.
- Pekkanen T. 1980. Exegetical Notes on the Latin Sources of Northern Europe. *Arctos* 14, 79—89.
- Pfeiffer-Frohnert U. 1998. „Mit Augen am Fuss und mit Wulst statt Scheibe“. Verbreitung und Zeitstellung der preussischen Nebenserie. In: Kunow J. (Hrsg.). *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte, 125—134.
- Pieta K. 2006. Hradiská Bojná II a Bojná III. Významné sídlo z doby st'ahovania národov a opevnenia z 9. storočia. In: Pieta C., Ruttkay A., Ruttkay M. (ed.). *Bojná. Hospodárske a politické centrum Nitranského kniežatstva*. Nitra: Archeologický Ústav SAV, 173—190.
- Pihlman S. 1990. *Kansainvelli- ja varhaismerovinkiajan aseet suomessa*. Iskos 10. Helsinki — Suomen Muinasmuistoyhdistys.
- Pilet C. 1992. Installations anglo-saxonnes sur le littoral de l'actuelle Basse-Normandie aux Ve, VIe et VIIe siècles? In: *Les Barbares et la Mer. Les migrations des peuples du nord-ouest de l'Europe du Ve au Xe siècle*. Caen; Toulouse: Musée de Normandie, 111—130.
- Podossinov A. V. 2008. Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. III — Die Flussverbindungen zwischen dem Baltischen und dem Schwarzen Meer nach Angaben der antiken, mittelalterlichen und arabischen Geokartographie. *Ancien West & Est* 7, 107—134.
- Popović I. 2008. Solids with Filigreed Tubular Suspension Loops from Udovice in Serbia. *Fornvännen*, 103, 73—80.
- Preda C. 1980. *Callatis, necropole romano-bizantină*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste Române.
- Quast D. 2003. Childerichs Schwertgut. Ein neuer Rekonstruktionvorschlag. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 33/4, 597—614.
- Quast D. 2004. Ein scandinavisches Spathascheidenmundblech der Völkerwanderungszeit aus Pikkjärve (Põlvamaa, Estland). *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 51, 243—279.
- Raddatz K. 1987. *Der Thorsberg Moorfund Katalog*. Offa-Bücher 65. Neumünster: Karl Wachholtz.
- Radiš A. 2006. Lower Daugava Area in the 1st — 11th Century. Ethnic, Economic, social and Political Change — on the Question of Activity along Daugava Waterway. In: Bertašius M. (ed.). *Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas: Kaunas University of Technology, 81—92.
- Ramqvist P. A. 1991. Über ökonomische und sozio-politische Beziehungen der Gesellschaft der nordischen Völkerwanderungszeit. *Frühmittelalterliche Studien* 35, 45—72.
- Ramqvist P. H. 1992. *Högom. The excavations 1949—1984*. Neumünster: Karl Wachholtz.
- Ramqvist P. H. 1995. Resources, Population and Power in the Migration Period. An Analysis of the Archaeological Remains in Central Norrland. In: Jansson I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic*. Stockholm: Stockholm University, 33—38.
- Reich C. 2006. Das Gräberfeld von Oberhof — Kulturelle Beziehungen und Kontakte. *Archaeologia Lituana* 7, 85—97.
- Reichstein J. 1975. *Die kreuzförmige Fibel. Zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Skandinavien, auf dem Kontinent und in England*. Offa-Bücher 34. Neumünster: Karl Wachholtz.
- Ringtved J. 1999. The geography of power — South Scandinavia before the Danish kingdom. In: *The Making of Kingdoms* (Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History 10). Oxford, 49—63.
- Rummel P. von. 2007 *Habitus barbarus. Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Rundkvist M. 2003. *Barshalder 1. A cemetery in Grötlingbo and Fide pareishes, Gotland, Sweden, c. A.D. 1—1100. Excavations and finds 1826—1971*. Stockholm: University of Stockholm.
- Salo U. 1968. *Die frühromische Zeit in Finnland*. Helsinki.
- Schätze der Ostgoten. 1995. Stuttgart: Theiss.
- Seillier C. 1992. Les migrations anglo-saxonnes en Boulonnais et en Ponthieu. In: *Les Barbares et la Mer. Les migrations des peuples du nord-ouest de l'Europe du Ve au Xe siècle*. Caen; Toulouse: Musée de Normandie, 192, 97—109.
- Schauman-Lönnqvist M. 1988. *The Development of Iron Age Settlement in the Isokylä Area in Salo*. Iron Age

- Studies in Salo III. Helsinki.
- Schauman-Lönnqvist M. 1992. Kontinentaler und skandinavischer Import als Indikator sozialer Strukturen der Kaiser- und Völkerwanderungszeit in Finnland. *Prähistorische Zeitschrift* 67, 220—239.
- Schauman-Lönnqvist M. 1999. The West Finnish Warriors and the early Svea Kingship in the Merovingian period (AD 550—800). In: Dickinson T., Griffiths D. (ed.). *The Making of Kingdoms*. Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History 10. Oxford, 1999, 65—70.
- The Selonians. Sēliai*. 2007. Riga: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs.
- Selirand J., Deemant K. 1985. Völkerwanderungszeitliche Gegenstände mit ostskandinavischen Ornamenten von Proosa (Nordestland). *Fornvännen* 80, 1985, 243—253.
- The Semigallians. Žiemgaliai*. 2005. Riga: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs.
- Schulze-Dörrlamm M. 1986. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. Aus dem Gebieten westlich der Rheins und südlich der Donau. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 33, 593—720.
- Schulze-Dörrlamm M. 2002 *Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. I. Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts*. Mainz: Habelt.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. 2006. *Des Goths aux Huns — Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations*. BAR International Series 1535. Oxford: Archaeopress.
- Simniškytė A. 2005. Sėlos kraštas VI/VII—XIII/XIV amžiais — teritorinė struktūra ir hierarchija. *Lietuvos Archeologija* 27, 2005, 29—48.
- Šimenas V. 2006. *Etnokultūriniai procesai Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje*. Vilnius: Vilniaus Universiteto Leidukla.
- Sjøvold Th. 1962. *The Iron Age Settlement of Arctic Norway I*. Oslo; Tromsø.
- Sjøvold Th. 1974. *The Iron Age Settlement of Arctic Norway II*. Oslo; Tromsø.
- Soulat J. 2009. *Le matériel archéologique de type saxon et anglo-saxon en Gaule mérovingienne*. Saint-Germain-en-Laye: AFAM.
- Stenberger M. 1933. *Öland under äldre järnåldern*. Stockholm.
- Stenberger M. 1977. *Vorgeschichte Schwedens*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Stjernquist B. 1985—1986. Glass from the Settlement of Gårdlösa, Southern Sweden. *Meddelanden från Lunds universitets historiska museum* 6, 139—166.
- Straume E. 1987. *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.* Oslo: Universitetsforlaget.
- Stubavs A. 1976. *Ķentes pilskalns unapmetne*. Riga: Zinātne.
- Svennung J. 1967. *Jordanes und Scandia. Kritisch-exegetische Studien*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Svennung J. 1967 a. Goternas utvandring och Vagi Fluvius hos Jordanes. *Historisk Tidskrift* 1, 78—92.
- Svennung J. 1974. *Scandinavien bei Plinius und Ptolemaios. Kritisch-exegetische Forschungen zu den ältesten nordischen Sprachdenkmälern*. Uppsala: Almqvist & Wiksell.
- Svoboda B. 1965. *Čechy v době stěhování národů*. Praha: Academia.
- Tallgren A.M. 1922. Zur Archäologie Eestis I. Vom Anfang bis etwa 500 n. Chr. *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis* III. B. Tartu.
- Tallgren A.M. 1926. Zur Archäologie Eestis II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis* VIII. B. Tartu.
- Tallgren A. 1938. The Prehistoria of Ingria. *Eurasia Septentrionalis Antiqua* 12, 79—108.
- Tamla T. 1995. Einige estnische Moorfunde aus dem ersten Jahrhundert. In: Jansson I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic*. Stockholm: Stockholm University, 103—110.
- Tamla T., Janits K. 1977. Das Gräberfeld und spätneolitische Siedlungsplatz von Paju. *Известия Академии Наук СССР* 26/1, 64—76.
- Tejral J. 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit. In: *Peregrinatio Gothica*. Archaeologia Baltica VII, Łódź: Uniwersytet Łódzki, 175—238.
- Tejral J. 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum. *Archaeologia Austriaca* 72, 1988, 223—304.
- Tejral J. 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum. In: Tejral J., Friesonger H., Kazanski M. (Hrsg.). *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno: Archeologický Ústav, 321—392.
- Tejral J. 2005. Zur Unterscheidung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses. In: Pohl W., Erhart P. (Hrsg.). *Die Langobarden. Herrschaft und Identität*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 103—200.
- Tejral J. 2008. Ein Abriss der frühmerowingerzeitlichen Entwicklung im mittleren Donauraum bis zum Anfang des 6. Jahrhunderts. In: Bemmman J., Schmauder M. (Hrsg.). *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden-Awaren-Slawen*. Bonn: Habelt, 249—283.
- Tillväxten 1902 — Tillväxten under år 1907. *Fornvännen* 2, 1902, 267—270.
- Uino P. 1997. *Ancient Karelia*. Archaeological studies. Helsinki.
- Urtans V. 1977. *Senākie depozīti Latvija*. Riga: Zinātne.
- Vaitkunskienė L. 1995. The formation of a warrior elite during the Middle Iron Age in Lithuania. *Archaeologia Baltica*, 1, 94—106.
- Vallet F. 1988. A propos des tombes à épées d'apparat de la Rue Saint-Pierre (Oise) et d'Arcy-Sainte-Restitue (Aisne). *Revue Archéologique de Picardie* 3—4, 45—55.
- Vierck H. 1967. Bemerkungen zum Verlaufsweg finnisch-angelsächsischer Beziehungen im sechsten Jahrhundert. *Suomen Museo* 74, 54—63.
- Vierck H. 1970. Zum Fernverkehr über See im 6. Jahrhundert angesichts angelsächsischer Fibelsätze in Thüringen. Eine Problemskizze. In: Hauck K. *Goldbrakteaten aus Sievern*. München, 1970, 355—395.
- Vierck H. 1981. *Imitatio imperii und interpretatio Germanica* vor der Wikingerzeit. In: *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance)*. Uppsala: Almqvist & Wiksell International, 64—113.
- Voss O. 1954. Høstentorp Silver Hoard and its Period. A Study of a Danish Find of Scrap Silver from about 500 A.D. *Acta Archaeologica* 25, 171—219.
- Wagner N. 1974. Die Wolfinseln bei Jordanes. Ein Station auf einer Pelzhandelsroute des frühen 6. Jahrhunderts? *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur* 103/2, 73—80.
- Waller J. 1972. Dress pins. In: Holmqvist W. (ed.). *Excavations at Helgö IV. Workshop. Part I*. Stockholm:

№4. 2010

Литература

- Almqvist & Wiksell International, 27—69.
- Waller J. 1996. *Dräknålar och dräktsäck I östra Mälarden*. Aun 23. Uppsala: Uppsala University.
- Werner J. 1959. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine. *Slovenská Archeológia* 7/2, 422—438.
- Werner J. 1970. Zur Verbreitung frühmittelalterlicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wanderhandwerk-Handel-Familienverbindung). *Early Medieval Studies* 1. Antikvariskt Arkiv 38, Stockholm, 65—81.
- Werner J. 1977. Der Grabfund von Taurapilis, Rayon Utna (Litauen) und die Verbindung der Balten zum Reich Theoderichs. In: *Archäologische Beiträge zur Chronologie der Völkerwanderungszeit*. Bonn, 87—92.
- Werner J. 1981. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.-6. Jahrhundert. *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte* 1, 1981, 695—701.
- Wheeler M. 1960. *Les influences romaines au-delà des frontières impériales*. Paris: Plon.
- Wolągiewicz R. 1986. Die Goten im Bereich der Wielbark-Kultur. In: *Peregrinatio Gothica*. Archaeologia Baltica VII, Łódź: Uniwersytet Łódzki, 63—98.
- Wolfram H. 1997. La typologie des ethnogeneses — un essai. *Antiquités Nationales* 29, 127—136.
- Wyszomirska-Werbart B. 1992. Scandinavia and the Eastern Baltic during the Migration Period. The Cultural Interactions. In: Hårdt B., Wyszomirska-Werbart B. (ed.). *Contacts across the Baltic Sea during the Late Iron Age (5—12 centuries)*. Lund: University of Lund, 59—72.
- Žulkus V. 2000. Die Völkerwanderung und die Westbalten die Entstehung der Kuren. *Archaeologia Baltica* 4, 2000, 89—108.

Монография поступила в номер 18 сентября 2009 г.

Michel Kazanski (Paris, France). Dr. hab. on history. National Center for Scientific Research. University Paris 1/Sorbonne.

Michel Kazanski (Paris, Franța). Doctor habilitat în istorie. Centrul național de cercetări științifice. Universitatea Paris 1/Sorbonne.

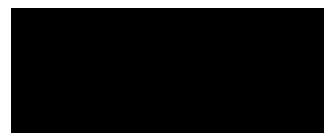
Казанский Михаил Михайлович (Париж, Франция). Доктор хабилитат истории. Национальный центр научных исследований, Университет Париж 1/Сорбонна.

E-mail: michel.kazanski@mail.ru

Рим и варвары

Romans and Barbarians

Roma și barbarii

Г. М. Казакевич

Балканский поход бастарнов 29 г. до н.э. и одно погребение пшеворской культуры Верхнего Поднестровья

G. M. Kazakevich.

Balkan Raid of the Bastarnae in 29 BC and a Przeworsk Culture Burial in the Upper Dniester Area.

The article deals with some disputable aspects of written and archaeological sources about the Bastarnae raid in Moesia and Thracia in 29 BC. It is pointed out that the Przeworsk burial № 3 in Grinev suggests a probable participation of the Upper Dniester area population in that raid. It is argued that the opus interasile chape from that burial belongs to the Gundestrup style.

G. M. Kazakevich.

Campania Balcanică a bastarnilor din 29 î.e.n. și un mormânt din cadrul culturii Przeworsk de pe Nistrul Superior.

Articolul abordează o serie de aspecte controversate privind sursele scrise și arheologice despre campania bastarnilor în Moesia și Tracia din 29 î.e.n. Pe baza materialelor despre mormântul nr. 3 din necropola Grinev din cadrul culturii Przeworsk s-a demonstrat că, probabil, la această campanie a luat parte populația de pe Nistrul Superior. Sunt prezentate argumente că căptușeala de dantelă la teaca de sabie din acest mormânt aparține stilului sincretic Gundestrup.

Г. М. Казакевич.

Балканский поход бастарнов 29 г. до н.э. и одно погребение пшеворской культуры Верхнего Поднестровья.

В статье рассматривается ряд спорных моментов письменных и археологических источников о походе бастарнов в Мезию и Фракию в 29 г. до н.э. На материале погребения № 3 гриневского могильника пшеворской культуры показана возможность участия в этом походе населения Верхнего Поднестровья. Обоснована принадлежность ажурной накладки ножен меча из этого погребения синкретическому гундеструпскому стилю.

Keywords: Bastarnae, Przeworsk culture, chape, opus interasile, Gundestrup style.

Cuvinte cheie: bastarni, cultura Przeworsk, căptușeală la teaca de sabie, opus interasile, stilul Gundestrup.

Ключевые слова: бастарны, пшеворская культура, накладка ножен меча, opus interasile, гундеструпский стиль.

Балканские походы бастарнов II—I вв. до н.э. сыграли большую роль в процессе вовлечения варварского населения Восточной Европы в военно-политические события Подунавья и Фракии. Последний из этих походов привел к открытому столкновению бастарнов с римскими войсками и, в конечном итоге, к полной перестановке сил на Нижнем Дунае. Римско-бастарнский конфликт имел определенную предысторию. В 74—63 гг. до н.э. бастарны приняли участие в войне Рима с Митридатом VI Евпатором на стороне последнего (App. Mithr. 69), а во время антиримского восстания западнопонтийских городов на рубеже 60—50-х гг. I в. до н.э. бастарны

пришли на выручку Истрии и нанесли римлянам чувствительное поражение (Dio Cass. XXXVIII.10.1—3; LI.26.5). Около середины I в. до н.э. бастарны были разгромлены Буребистой (Щукин 1994: 169), однако уже вскоре письменные источники вновь сообщают об их вторжении на Балканы.

Эти события описывает Дион Кассий (Dio Cass., LI. 23—27). В 29 г. до н.э. бастарны захватывают часть Мезии, покоряют трибаллов и дарданов, а затем вторгаются в земли союзных Риму денделетов. Проконсул Македонии Марк Лициний Красс Младший двинулся денделетам на помощь, и бастарны отступили. Преследуя их, Красс занялся покорением

мезов, а бастарны, в свою очередь, остановились на р. Цибрице, наблюдая за дальнейшими действиями римлян. Обнаружив со стороны последних враждебные намерения, бастарны отправили к Крассу посольство с просьбой о мире. Римский военачальник благожелательно отнесся к послам, обещая дать ответ на следующий день, напоил варваров вином и выведал их планы. Ночью Красс основную часть войска спрятал в лесу, а против бастарнов выставил лишь слабый заслон. Это спровоцировало атаку варваров на следующее утро: бастарнов заманили в ловушку, окружили и начали истреблять, пользуясь возникшей сумятицей. Дион Кассий сообщает, что бастарны пытались спастись, но им помешал собственный обоз с женами и детьми. Часть оставшихся в живых бастарнов укрылась в лесу и была уничтожена огнем, другие погибли при переправе через Дунай, третьих перебили союзные римлянам геты. Красс предпринял также карательную экспедицию против бастарнских баз в низовьях Дуная (Syme 2000: 200). Впрочем, несмотря на этот разгром, бастарнское объединение продолжало существовать и далее. Часть населения, очевидно, оставалась на месте, не принимая участия в походе за Дунай, и, похоже, не всех бастарнов римлянам удалось истребить.

Во всех перипетиях конфликта Рима с бастарнами в 29 г. до н.э. остается непонятным следующий момент. Для похода на Балканы бастарны собрали, по-видимому, значительные людские ресурсы и внушительные военные силы, которые не только позволяли им свободно чувствовать себя в Мезии, но и заставили римское командование прибегать к сложным военным хитростям. О масштабах бастарнской угрозы косвенно свидетельствуют и почести, которые должен был получить Красс от римского сената, и ревность Августа к победе своего полководца (Dio Cass. LI 24. 4; Syme 2000: 197). Это тем более странно, если принять во внимание, что всего за два десятилетия до описываемых событий бастарны подверглись разгрому со стороны даков. К этому времени прекратили существование могильники Поянешты и Лукашевка и лишь северная часть ареала связываемой с бастарнами археологической культуры пережила середину I в. до н.э. (Шукин 1994: 169—170). Напрашивается вывод о том, что в поход 29 г. до н.э. были втянуты не только потомки носителей поянешты-лукашевской культуры, но и население глубинных районов варварской периферии Восточной Европы, как это случалось и ранее (Еременко 1997: 193—194; Пачкова 2005: 223—224, 347).

Вблизи бастарнского ареала в позднелатенское и раннеримское время значительные передвижения населения зафиксированы в Верхнем Поднестровье, куда проникают носители пшеворской культуры. С ними связывается ряд могильников и отдельных погребений, испытавших на себе влияние соседних культур, в первую очередь — липицкой, отчасти — сарматской. Дата формирования верхнеднестровской группы пшеворской культуры пока еще остается спорной. Д. Н. Козак относит ее ко второй половине I в. до н.э. (Козак 1984: 36—37), М. Б. Шукин — к первой половине I в. н. э. (Шукин 2005: 67). Особого противоречия здесь нет, так как процесс становления был растянут во времени и его ранняя стадия, как это часто бывает, не очень отчетливо просматривается.

Именно с пшеворской культурой Верхнего Поднестровья М. Б. Шукин связывал поздних бастарнов, известных по письменным источникам I в. н. э. (Шукин 1994: 227—232). Основания для такого сопоставления исследования для такого сопоставления исследователь усматривал в наличии на Среднем и Верхнем Днестре ряда смешанных памятников, сочетающих в себе пшеворские и поянешты-лукашевские элементы, в том числе погребения в Рэкэтэу и Лучке. Первое из них датируется второй половиной I в. до н.э. — первой половиной I в. н. э., второе — 20—40 гг. I в. н. э. Оба содержат богатый инвентарь, в том числе ценные предметы военного снаряжения. В Рэкэтэу — это кольчуга, в Лучке — ажурная накладка ножен меча с прорезной лицевой стороной.

Типологически и хронологически близкое явление представляет собой комплекс погребения № 3 пшеворского могильника Гринев в Верхнем Поднестровье. Это довольно известный памятник, открытый Д. Н. Козаком еще в 1975 г. В погребении найдено много предметов воинского снаряжения: меч, наконечник копья, железная шпора, три ножа (из них два целых), умбон щита, набор оковки ножен меча. В качестве урны был использован импортный гончарный сосуд, аналоги которого известны в кельтских и дакийских комплексах позднелатенского времени. Среди сопутствующего инвентаря обнаружены фибула, бритва, ажурная оковка конца пояса и многочисленные фрагменты пшеворской керамики (Козак 1984: 25, 30, 86—87). В настоящее время предметы инвентаря погребения № 3 могильника Гринев экспонируются во Львовском музее истории религий.

Хронологические индикаторы, в частности, фибула «Альмгрен 67», позволяют датировать погребение в пределах 20-х — 40-х гг.

I в н.э. (Козак 2008: 43). Привлекают внимание особенности погребального обряда. Традиция помещать в могилу согнутые и сложенные предметы типична для пшеворской культуры. В то же время, обычай сооружать поддерживающий урну «треножник» из обломков переломанного меча уходит корнями на северо-запад, в зону соприкосновения пшеворской культуры с вельбаркской (Щукин 2005: 67—68). Появление среди инвентаря ножиц — в целом, редкая черта для пшеворской культуры — демонстрирует связь с погребальными традициями латенского мира Центральной Европы (Filip 1956: 508).

На мысли о возможной связи гриневского погребения № 3 с событиями задунайского похода бастарнов 29 г. до н.э. наводит один из предметов инвентаря — ажурная накладка ножен меча (рис. 1: 1). Она представляет собой выполненную из близкого к латуни сплава пластину, на которой отчеканены и прорезаны антропоморфные и зооморфные изображения. Они сгруппированы в пять секций: хищный зверь, терзающий птицу (секция А), орлиноголовый грифон (секция В), обнимающиеся фигуры мужчины и женщины (секция С), некое животное, склонившееся над стеблем с листком (секция D), а также фигура всадника с занесенным копьем (секция Е). Гриневская накладка представляет собой одну из наиболее ярких находок рубежа эр в Поднестровье. Но, как ни странно, серьезно этим памятником никто не занимался, кроме Д. Н. Козака (Козак, Орлов 1980: 104—105; Козак 2008: 199—200), изыскания которого, к сожалению, не подкреплены сравнительным иконографическим материалом. По этой причине нельзя принять его предположение, согласно которому накладка из Гринева была изготовлена на заказ в одной из римских провинциальных мастерских (Козак 1984: 30). Сомнения вызывает и мнение исследователя о том, что иконография гриневской накладки отображает «мифологический сюжет о происхождении и истории верхнеднестровского племени» (Козак 2008: 199). Вообще, главная проблема интерпретации гриневской накладки состоит в том, что памятник не имеет прямых аналогов, он выбивается из общей канвы находок позднего латена и раннеримского времени.

Типологически гриневская находка относится к ажурным накладкам в стиле «opus interasile». В пшеворской культуре они появляются в последние десятилетия до н.э. Накладки такого типа являются развитием кельтского стиля «венгерских мечей», известного, главным образом, по находкам богато декорированных ножен мечей (Pleiner 1993: 67—

68; Szabo 1996: 522—553). Я. Филип относил появление накладок в стиле «opus interasile» к зоне кельто-германских контактов (Filip 1956: 164—165, обр. 96), однако, на сегодняшний день известно, что аналогичные предметы имели распространение и в собственно кельтской среде Западной и Центральной Европы. В ареал латенизированных культур Восточной Европы этот стиль украшения ножен проникает под кельтским влиянием. Находки, материалом для которых послужила бронза и серебро, К. Чарнецка предлагает считать кельтскими импортами, железные — местными дериватами, хотя исключения из этого правила также допустимы (Czarnecka 2007: 292—293). Впрочем, ни одна из известных сегодня накладок в стиле «opus interasile» не имеет декора, хотя бы отдаленно напоминающего антропоморфные изображения из Гринева. Последние — очень своеобразны, но параллели им все-таки существуют (рис. 1: 2—7).

Так, относительно хорошо узнаваемым является изображение всадника в секции Е, близкое стилю фракийских серебряных пластин. Очень похожий «фракийский всадник» представлен на известной пластине из Летницы IV в. до н.э. (Cunliffe 2000: 169, fig. 141). Сцену в секции А, где хищный зверь схватил птицу со сложенными крыльями, воспроизводит фалар «греко-бактрийского» стиля из клада позднелатенского времени с о. Сарк в Ла-Манше (Щукин 1994: 145—146, рис. 54). В свою очередь, изображения орлиноголовых грифонов, почти до деталей совпадающие с гриневским, можно найти на серебряных пластинах №№ С6572 и С6573 знаменитого ритуального котла, найденного в 1891 г. в болоте близ с. Гундеструп в Дании (Nielsen et al. 2005: 11). На них грифоны, а также другие фантастические и реальные животные, окружают мужское (№ С6572) и женское (№ С6573) божества с явными солярными атрибутами в виде колес со спицами.

Наиболее близкие параллели антропоморфным фигурам гриневской накладки также можно найти на пластинах гундеструпского котла. Их объединяет характерный стиль и пропорции, а также костюмы персонажей, наиболее отчетливый элемент которых — короткие штаны до колен. Интересно, что на гриневской накладке женская фигура с длинными заплетенными в косу волосами также облачена в штаны, что не находит прямых параллелей среди произведений собственно кельтского или фракийского художественного ремесла. В античном искусстве такая особенность в редких случаях имеет место при воспроизведении образа женщины-воительницы.

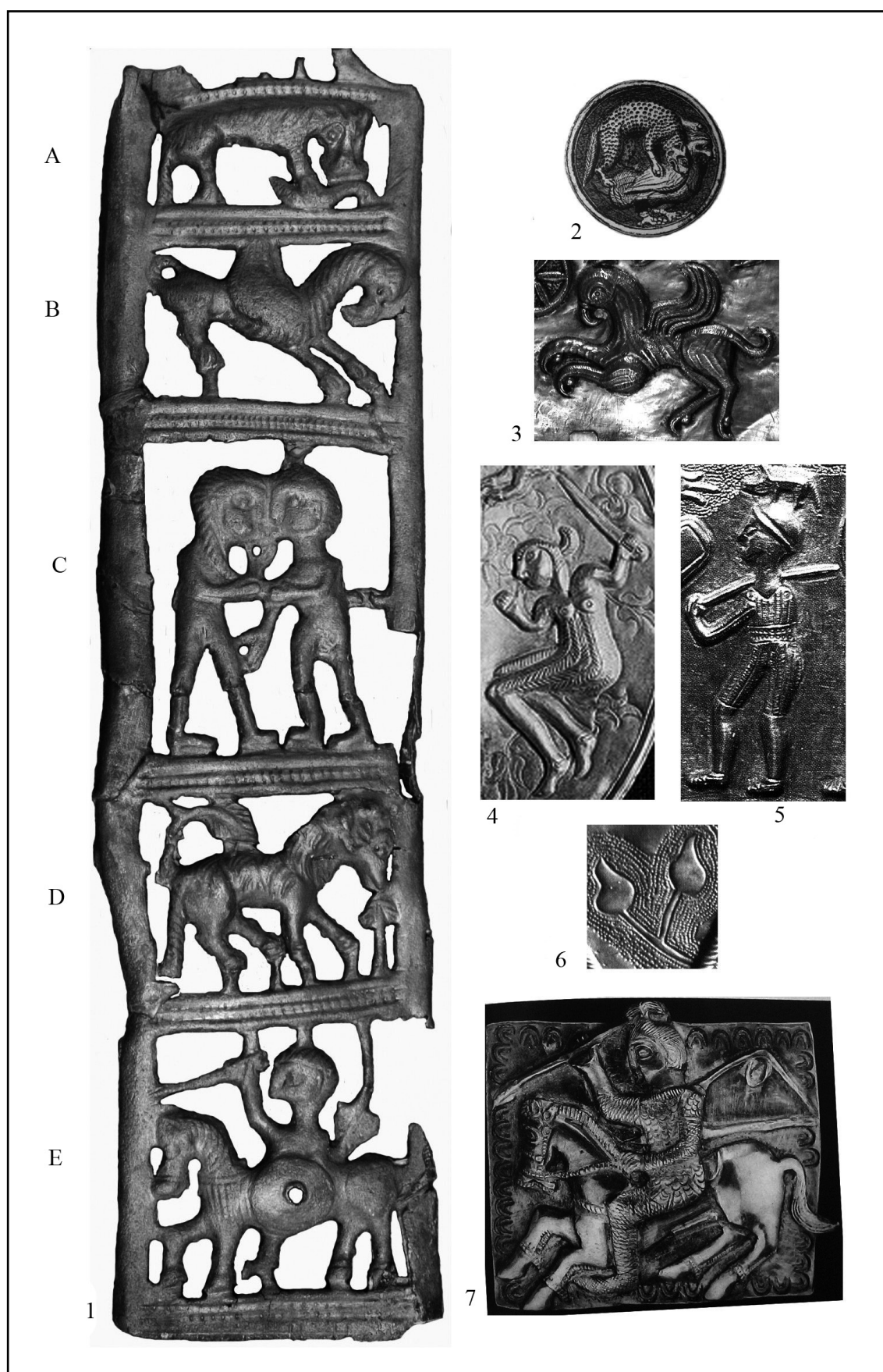

Рис 1. Сюжетно-стилистические параллели изображений накладки ножен меча из погребения № 3 могильника Гринев: 1 — антропозооморфные изображения гриневской накладки (секции А-Е); 2 — сцена охоты на фаларе из клада на о. Сарк; 3 — изображение фракийского всадника на пластине из Летницы; 4—7 — изображения грифона, антропоморфных фигур и растительного орнамента на пластинах гундеструпского котла.

Так, к примеру, изображена сражающаяся с Гераклом амазонка на аттической чернофигурной гидрии второй половины VI в. до н.э. (AVB. 360. 3). На котле из Гундеструпа женские персонажи, изображенные в полный рост, одеты в длинные платья. Но на круглой пластине, которая украшает дно котла (№ C6563), именно в короткие штаны облачена борющаяся с огромным быком женская фигура с развевающейся косой и четко очерченной грудью. Отметим также, что и на гриневской накладке, и на котле из Гундеструпа присутствуют одни и те же растительные элементы — листья подтреугольной формы на длинных стеблях.

По-видимому, изображения на накладке ножен из Гриневы и на серебряных пластинках котла из Гундеструпа принадлежат одной и той же художественной традиции, которую в литературе иногда называют «гундеструпским стилем». Просуществовал он очень недолго, значительного влияния на развитие художественного ремесла не оказал, что и позволяет более-менее определенно говорить о месте и времени изготовления предметов, созданных в его русле.

Не вдаваясь в детали многолетней дискуссии о происхождении котла из Гундеструпа и интерпретации его образов (Klindt-Jensen 1959; Bergquist, Taylor 1987; Kaul, Martens 1995), отметим, что сегодня почти единодушно признан синкретический характер памятника, в котором переплелись главным образом кельтские и фракийские религиозные представления и художественные приемы. Влияние фракийского искусства на формирование гундеструпского стиля считается наиболее глубоким (Powell 1971: 19; Kaul 1993: 45). Эта особенность иногда вводит в заблуждение исследователей, которые склонны приписывать синкретическому «гундеструпскому стилю» в целом типичные для собственно фракийского искусства предметы (Еременко 1997: 47—49).

Ф. Каул, наиболее авторитетный современный исследователь гундеструпского котла, полагает, что этот памятник был изготовлен по заказу элитарной прослойки этнически смешанного сообщества, которое отождествляется с союзом скордисков и трибаллов на рубеже II—I вв. до н.э. (Kaul 1993: 47—48). Эта датировка и этнокультурная атрибуция принята на сегодняшний день в большинстве работ. Впрочем, точная дата создания котла до сих пор окончательно не ясна. Предпринятая недавно попытка установить ее с помощью естественнонаучных методов не привела к однозначному результату. Радиоуглеродный анализ следов воска, использовавшегося в процессе изготовления се-

ребряных пластин гундеструпского котла, дал очень широкий разброс дат, от VI в. до н.э. до начала V в. н.э., причем образец, признанный наиболее надежным, датируется в пределах второй половины I в. до н.э. — I в. н.э. (Nielsen et al. 2005: 53—54, 57, fig. 36).

В литературе наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой гундеструпский котел попал на территорию современной Дании в результате передвижений кимбров. Однако Ф. Каул, который в целом также разделяет это мнение, сделал интересное замечание, что котел мог быть вывезен из Фракии бастарнами в 29 г. до н.э. и затем — в результате обмена, оказаться в Ютландии. Именно этот последний путь представляется наиболее вероятным для решения вопроса о происхождении накладки ножен из пшеворского погребения в Верхнем Поднестровье. Возможно, этим же путем в глубину ареала пшеворской культуры попал позднелатенский шлем восточнокельтского типа Ново Место, который был использован в качестве урны погребения в Шемехове, датированном концом I в. до н.э. (Mihaljević, Dizdar 2007: 125).

Следует отметить, что богато украшенные ножны, к которым относится и находка из Гриневы, представляют собой исключительно важную инсигнию власти вождя, которая едва ли могла быть предметом торгового обмена (Pleiner 1993: 68). Считать ее военным трофеем, захваченным у трибаллов, также вряд ли возможно, поскольку во Фракии ножны с накладками в стиле «opus interasile» не известны. Скорее всего, гриневская накладка была изготовлена уже в Поднестровье ремесленником, который был хорошо знаком с этим специфическим кельто-фракийским художественным стилем и синкретическими религиозными представлениями. Вероятно, он был вывезен из Фракии для обслуживания потребностей высшей прослойки варварской элиты. Подобные случаи в пшеворской культуре имели место. В частности, К. Чарнецка полагает, что железная накладка в стиле «opus interasile» из Каменьчика была местным изделием, а ее автор был носителем кельтских технологических и эстетических приемов (Czarnecka 2007: 293). В этой связи интересно отметить, что во второй половине I в. до н.э. на могильниках тынецкой группы в Малопольше появляется ярко выраженный средиземноморский антропологический тип, наглядно демонстрирующий приток какого-то пришлого населения с юга (Rudnicki 2005: 201).

Таким образом, накладка ножен меча из погребения № 3 могильника Гринев представляет собой синкретический памятник,

изготовленный в русле традиций пшеворской культуры, но декорированный в характерном кельто-фракийском гундеструпском стиле I в. до н.э. Это позволяет связывать происхождение гриневской накладки с балканским похо-

дом бастарнов 29 г. до н.э., который в поздне-латенское время привел к наиболее тесному соприкосновению населения Поднестровья с фракийскими племенами Подунавья и их культурными традициями.

Литература

- Еременко В. Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III—I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. Санкт-Петербург.
- Козак Д. Н. 1984. Пшеворська культура у Верхньому Подністрів'ї і Західному Побужжжі. Киев.
- Козак Д. Н. 2008. Венеди. Киев.
- Козак Д. Н., Орлов Р. С. 1980. Пам'ятка стародавньої міфології. Народна творчість та етнографія. 1, 104—105.
- Пачкова С. П. 2006. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев.
- Щукин М. Б. 1994. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э.—I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. Санкт-Петербург.
- Щукин М. Б. 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). Санкт-Петербург.
- AVB — Beazley J. D. 1956. *Attic Black-Figure Vase-Painters*. Oxford.
- Bergquist A., Taylor T. 1987. The origin of the Gundestrup Cauldron. *Antiquity*. 61.
- Cunliffe B. 2000. *The Ancient Celts*. Hammonds Worth.
- Czarnecka K. 1997. Germanic weaponry and its Celtic background. *JRMES*. 8.
- Filip J. 1956. *Keltové ve střední Evropě*. Praha.
- Kaul F. 1993. The Gundestrup cauldron and the periphery of Hellenistic world. *Centre and periphery in the Hellenistic world*. Ed. Bilde P., Engberg-Pedersen T., Hannestad L., Zahle J., Randsborg K. Aarhus.
- Kaul F., Martens J. 1995. Southeast European Influences in the Early Iron Age of Southern Scandinavia. Gundestrup and the Cimbri. *Acta Archaeologica*. 66.
- Klindt-Jensen O. 1959. The Gundestrup Bowl — a reassessment. *Antiquity*. 33.
- Mihaljević M., Dizdar M. 2007. Late La Tène Bronze Helmet from the River Sava near Stara Gradiška. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu* 3, XL.
- Nielsen S. et al. 2005. The Gundestrup cauldron. New scientific and technical investigations. *Acta Archaeologica*. 76.
- Pleiner R. 1993. *The Celtic sword*. Oxford.
- Powell T. G. E. 1971. From Urartu to Gundestrup: the agency of Thracian metal-work. *European community in later prehistory*. Ed. Boardman J., Brown M. A., Powell T. G. E. London.
- Rudnicki M. 2005. A Late La Tène inhumation grave from Pełczyska: comments on the cultural situation in the upland area of Little Poland (with an analysis of the anatomical remains by Karol Piasecki. *Celts on the margin*. Ed. Dobrzańska H., Megaw V., Poleska P. Krakow.
- Syme R. 2000. *The provincial at Rome: And Rome and the Balcans 80 BC — AD 14*. Exeter.
- Szabo M. 1996. L'expansion Celte et l'armement décoré. *MEFRA*. 108.

Статья поступила в номер 5 октября 2009 г.

Gennadii Kazakevich (Kiev, Ukraine). Candidate of historical sciences. “Taras Shevchenko” National University of Kiev.

Gennadii Kazakevich (Kiev, Ukraine). Candidat în științe istorice. Universitatea Națională din Kiev „Taras Șevcenko”.

Казакевич Геннадий Михайлович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко.

E-mail: g.kazakevich@gmail.com.

С. И. Курчатов, Н. П. Тельнов

Сарматский котел из Нижнего Поднестровья

S. I. Kurchatov, N. P. Telnov.

A Sarmatian Cauldron from the Lower Dniester.

The paper presents an iconographic and semantic analysis of a small ritual Sarmatian cauldron with three different zoomorphic apotropaic handles and a tubular spout, which represents an isolated finding from the left bank of the lower Dniester (near the town of Slobozia). The obtained results suggest that the cauldron was manufactured by a craftsman who was strongly influenced by some religious ideas typical of Central Asian region, and who might have been brought into the North-Western Black Sea area by one of numerous waves of migration (by Alani). Some analogous cauldrons are thought to have been used in some mysteries accompanied by incense psychotropic substances and preceding the funeral ceremony.

S. I. Kurchatov, N. P. Telnov.

Un cazan sarmatic din zona cursului inferior al Nistrului.

Articolul dat prezintă o analiză iconografică și semantică a unui cazan sarmatic de cult prevăzut cu cioc tubular și trei torți zoomotfe avînd rol apotropaic, găsit întîmplător în preajma or. Slobozia, pe malul stîng al Nistrului inferior. Reieșind din rezultatele obținute, meșterul care l-a confecționat, se afla sub influența puternică a unor idei religioase specifice arealului Asiei Centrale, și care probabil a nimerit pe țărmul de nord-vest al Mării Negre cu un nou val (alanic) al migrației sarmatice. Asemenea cazane, se poate presupune, erau utilizate în misterele legate de arderea unor substanțe psihotropice, ce anticipau ritualul funerar.

С. И. Курчатов, Н. П. Тельнов.

Сарматский котел из Нижнего Поднестровья.

В настоящей работе дается иконографический и семантический анализ небольшого ритуального сарматского котла с тремя различными зооморфными ручками — апотропеями и трубчатым носином-сливом, случайно найденного в районе Слободзеи на левобережье Нижнего Днестра. Судя по полученным результатам, изготовивший его мастер, находящийся под сильным влиянием религиозных представлений, характерных для Центральноазиатского региона, попал в Северо-Западное Причерноморье с очередной (аланской) волной мигрантов. Аналогичные котлы, надо полагать, использовались в неких мистериях, связанных с воскрешением психотропных веществ, предшествующих погребальному обряду.

Keywords: Sarmatians, Alani, apotropaic, cauldron, zoomorphic handles.

Cuvinte cheie: sarmați, alani, apotropeu, cazan, mînere zoomorfe.

Ключевые слова: сарматы, аланы, апотропей, котел, зооморфные ручки.

Мир степных культур раннего железного века Северного Причерноморья, базирующийся на подвижной пастушеской экономике, создал во многом самобытную культуру со своими жестко регламентированными правилами и традициями. Оставаясь не только ретранслятором передовых идей, связанных преимущественно с методами ведения войны

и типами вооружения, Степь и сама с легкостью воспринимала культурные инновации, синтезируя и адаптируя их к специфическим условиям жизни. Неприкосновенными оставались только идеологические представления социума, сохранявшие значительные пережитки общинно-родового уклада, порожденные древними преданиями и мифами. С течением

времени вырабатывались связанные с ними специфические обрядовые нормы, требовавшие соответствующих атрибутов отправления культовой практики.

В культуре кочевников причерноморских степей нормативная знаковость функций предметов материального быта проявляется в наиболее рельефной форме. В этом случае традиционная форма предмета утрачивала утилитарное значение и становилась элементом духовной культуры.

Одной из специфических категорий подобной утвари выступает группа небольших литых бронзовых котлов с зооморфными ручками. Котлы широко использовались в быту кочевых народов евразийских степей. Применение их было многофункционально. Присутствие в культовых и погребальных комплексах экземпляров с дефектами, исключающими приготовление в них пищи, свидетельствует об использовании сосудов для каких-то иных целей. По общему убеждению, котлы относятся преимущественно к жертвенно-поминальным сосудам.

У Геродота они упоминаются в связи с обрядом жертвоприношения богам (Herodot IV, 60). С жертвенно-поминальными функциями, надо полагать, согласуется семантика зооморфных ручек предметов этого круга. Свойства вещи напрямую зависели от того, что на ней изображалось. Именно по этой причине оформление вещей не допускало никакой фантазии. Оно было глубоко прагматичным (Байбурин 1989: 68). Помещение неких символов на сосуде должно было придать его содержимому охранно-магический характер. Изобразительное пространство приобретало черты идеально организованной системы бытия. В этом случае ритуальные фигурки обладали, в восприятии представителей традиционных обществ, особым языком. Являясь своеобразными посредниками между миром природы и миром человека, они контролировали каналы связи между ними. Наконец, через вкушение жертвенной пищи (божественной благодати) во время магических церемоний адепты приобщались к божеству, приобретая его покровительство.

Ярким свидетельством ритуального назначения предметов этого круга является недавно найденный на левобережье Нижнего Днестра небольшой сарматский литой бронзовый котел с зооморфными ручками. Точные условия его обнаружения неизвестны. Первая информация о находке поступила в начале 2000-х. В 2002 г. несколько посетителей, вероятно, находчики, обратились в Археологическую лабораторию Приднестровского государствен-

ного университета (г. Тирасполь) в надежде получить за него определенное материальное вознаграждение. Они рассказали, что котел был найден в районе поселка Слободзея при каких-то земляных работах. Данную информацию по горячим следам проверить не удалось. Не встретив понимания у сотрудников лаборатории, посетители удалились.

Следует отметить, что в то время котел был практически цел, за исключением отломленной ручки — козла, находившейся вместе с ним. При каких условиях это произошло, неизвестно. К счастью, было сделано несколько

Рис. 1. Фотографии котла из Слободзеи с утерянной ручкой.

ко рабочих фотографий котла вместе с ручкой (рис. 1), сохранивших для нас ее облик.

Спустя несколько лет (осенью 2007 г.), судя по всему, они же принесли котел в Тираспольский краеведческий музей на оценку. К этому времени третья, отломленная, ручка уже не фигурировала. В скором времени он был вывезен в Кишинев и попал в частную коллекцию. Только тогда нам удалось непосредственно ознакомиться с находкой.

Бронзовый литой котел сферической формы с трубчатым носиком-сливом и тремя зооморфными ручками на рюмковидной формы ножке изготовлен достаточно грубо. Весь облик сосуда свидетельствует о неопытности мастера. Внешняя поверхность не обрабатывалась. Часть дефектов литья на корпусе, наиболее крупный из которых находился между фигурками козла и кошачьего хищника, была залита с наружной стороны металлом. Другие, как отверстие на носике, оставлены без ремонта. На верхней части корпуса сохранились отпечатки распорок, удерживавших модель при формовке, — жеребеек круглой формы, диаметром 1,2 см, три под венчиком и две в средней части, у орнаментального валика. Невысокий венчик с рельефным внутренним ребром резко отогнут. Край утончен. Асимметричной формы тулово в области наибольшего расширения опоясано орнаментальным рельефным валиком, имитирующим веревочку. Высота котла 21 см, диаметр венчика 19—19,8 см, диаметр тулова в области наибольшего расширения 28,8—30 см.

Трубчатый носик-слив конусовидной формы отлит, судя по всему, вместе с туловом. Длина 5 см, диаметр 3,6—2,4 см. Полая ножка была прилита к тулову отдельно. На ее основании сохранились два грубо обрубленных литика овальной формы 0,9—1×0,4 см, расположенные напротив друг друга. Несколько наплывов металла на дне котла с внутренней стороны не исключает также наличие заклепок. Внутри полый ножки, в месте крепления к котлу, сохранились остатки цементирующего раствора — опоки или грунта, в котором отливался или был найден котел (Минасян 1986: 77). Высота ножки 7,4 см, диаметр в основании 11,8 см, в месте крепления к котлу 5 см. Общая высота котла 25,6—30,8 см.

К краю венчика и плечикам котла вертикально крепились три ручки, оформленные в виде различных животных, расположенных в следующем порядке слева направо от носика-слива: коня, козла и кошачьего хищника, возможно, льва. Животные трактованы условно и лаконично, но вместе с тем доста-

точно выразительно. Фигурка коня смоделирована в статичной позе П-образной формы. Маленькая головка с выделенными ушками на длинной С-видной шее на $\frac{3}{4}$ повернута назад. Длинный хвост только намечен, ноги не разделены. Совершенно очевидно, что мастер стремился передать хорошо знакомую ему породу коня. Формы хоть и схематичны, но ясно артикулированы. Длина фигурки 5,8 см, высота 7,4 см.

Фигурка козла (прорисовка сделана с фотографии, что не исключает ее небольшое искажение) передана довольно реалистично. Сухощавое тело с загнутым вверх хвостиком венчает вытянутая вперед (?) голова с намеченной бородкой и мощным полукруглой формы рогом. Длина 7 см, высота 4 см.

Фигурка хищника кошачьей породы (льва) доведена до схематизма. Мастер, как видно, плохо представлявший себе живого льва, и выделил наиболее значимые, по его мнению, признаки хищника. Крупная округлая голова на мощном поджаром туловище лишь условно передает образ зверя. Длинный прямой хвост только обозначен. Длина ручки 6 см, высота 4 см.

Ручки отливались, судя по всему, отдельно в двухсторонних формах и впоследствии были припаяны к котлу. На подбрюшье всех фигурок сохранился облой. Отсутствие следов заглаженности на ручках исключает возможность подвешивания котла. Сохранность сосуда отличная (рис. 2, 3). Внешняя поверхность закопчена. Котел не имеет каких-либо следов доработки и длительного использования.

Настоящий экземпляр относится к XI типу варианта 6, по классификации С.В. Демиденко (Демиденко 1997: 131, рис. 9), небольших бронзовых котлов, использовавшихся во второй половине I — первой половине II в. Уникальность рассматриваемого экземпляра состоит в наличии трех различных зооморфных ручек. Сосуды с аналогичным количеством ручек, две из которых идентичны, происходят с левобережья Волги — Киляковка (Скрипкин 1970: 207, рис. 2; 3) (два козла и оседланная лошадь), без носика-слива. Из кургана 28 могильника Высочино VII (Беспалый 1985: 168, рис. 2: 2) (два осла и лошадь) и кургана 9 могильника Валовый I (Мордвинцева, Сергацков 1995: 122) (две лошади и кабан) с Нижнего Подонья. Типологически близок к ним котел, также закрывающийся крышкой со скульптурной группой из двух сидящих напротив друг друга фигурок людей и носиком-сливом, оформленным в виде головы быка (Скрипкин 2000: 96, рис. 1: 1) (две птицы, держащие

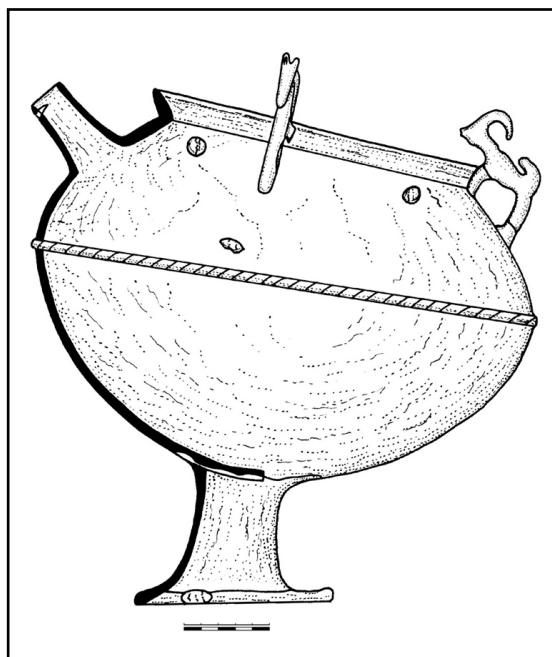

Рис. 2. Котел из Слободзеи.

в когтях рыбу и оленя). На этом круг аналогий замыкается. Остальные котлы близких типов имели по две или одной зооморфной ручке.

Сарматские бронзовые котлы к западу от Днестра встречаются достаточно редко (рис. 4). Следует отметить, что мы преднамеренно не обращаемся к котлам из Бубуечь (Бубуй) (описание и рисунок последнего в первой публикации отсутствуют) и Великопольского, так как это явление другого культурно-исторического порядка и их отнесение к сарматской культуре вызывает обоснованные сомнения. Помимо рассматриваемого, тождественные экземпляры происходят из разрушенных погребений у сел Давыдов Брод (Костюк 1975; Симоненко 1993: 62, рис. 19: 2) и Ярошевка (Соломоник 1959: 156, рис. 142) на правобережье Днестра, Трояны Подольской губернии Балтского уезда (ОАК 1918: 201, рис. 255; Минасян 1986: рис. 4: 2; 7: 6) и элитного захоронения, исследованного у с. Мокра (Кашуба и др. 2003: 208—209, рис. 14: 4) на левобережье Среднего Днестра. Все они относятся к близким типам котлов с зооморфными ручками, объединяемых вместе с обозначенными выше в третий граф (Демиденко 1997: 135—137). Время их использования в сарматском быту также не выходит за рамки I — первой половины II в. н. э.

Западнее Прута нам известен только один крупный бронзовый котел (высотой более 42 см), VI типа, вариант 6 по классификации С.В. Демиденко (Демиденко 1997: 127). Сосуд найден на поселении II—I вв. до н. э. Пятра Шоймулуй (Piatra Șoimului-Calu) в до-

лине р. Бистрица (Bichir 1993: 139, fig. 3), ведущей через сравнительно труднодоступные перевалы Биказ (1257 м) и Прислоп (1413 м) в Трансильванскую котловину и долину р. Тиса. Румынские исследователи датируют его I в. до н. э. — I в. н. э. Каким образом он оказался в лесных предгорьях Восточных Карпат, в ареале фракийских культур, для которых подобные сосуды абсолютно чужды, неизвестно. Котлы этого типа в Северном Причерноморье ближе Нижнего Подонья не встречаются (Демиденко 1997: рис. 12). Сарматские памятники в ближайшей округе также неизвестны. Только после ликвидации дакийского заслона в начале II в. сарматы начинают активно осваивать запрутские степи. До этого их присутствие к западу от Прута прослеживается слабо. Не исключено, что котел мог попасть на поселение в качестве трофея, в результате неудачной экспедиции за солью. Место его обнаружения находится в 50 км от крупных разработок этого продукта в Тыргу Окна и Слэник Молдова. Либо в результате одного из походов Буребисты.

Семантический анализ зооморфных ручек позволяет скорректировать позиции котла в системе сарматских ценностей. Сарматский бестиарий обширен. Кочевнический политеизм с его развитым пантеоном канонизированных животных вобрал в него домашних, диких и мифических животных и птиц. Наши сведения о древних пластах сарматской мифологии отрывочны и представлены

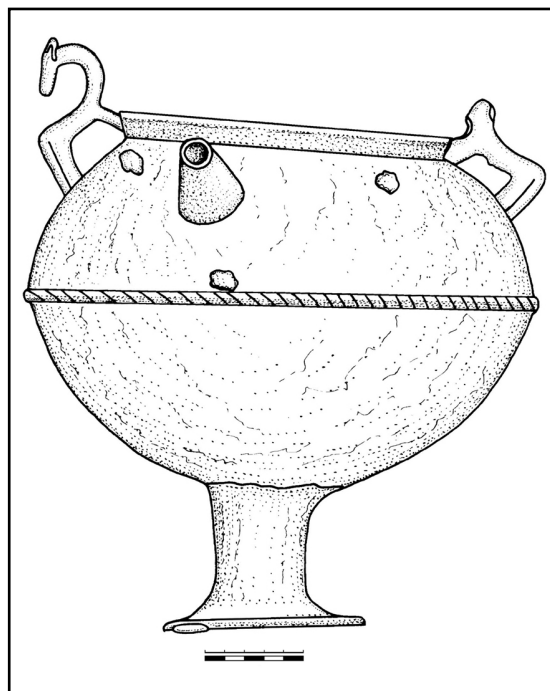

Рис. 3. Котел из Слободзеи.

преимущественно материалами археологических исследований. В этой связи все семантические построения основаны на наиболее вероятном толковании имеющихся в нашем распоряжении свидетельств. Впрочем, дело даже не в истории происхождения образов, а в том, куда они нас приведут. Устоявшаяся в мифопоэтическом сознании древних людей оппозиция правой — сакрализованной благоприятной части пространства, в отличие от неблагоприятной — левой, обусловила порядок анализа изображенных на котле животных справа от трубчатого носика-слива налево.

Кочевническая культура, находясь в сильнейшей зависимости от окружающего мира, приводит к тому, что он оказывается неразрывной частью ментальности, отражающей систему взглядов на окружающую его реальность. Животное дляномада всегда было выражением морально-нравственного эстетически ценного абсолюта. Это не столько тотемный, сколько солярно-космический образ. Изображались не конкретные животные, а носители определенной идеи, так же как и форма вещи всегда соотносилась с одной из известных человеку форм явлений его естественного окружения. Причем это соотношение отнюдь не было произвольным. Так кипящий котел выступал космической метафорой горящего светила — солнца, первозданного огня. Огонь оставался основным элементом космологических представлений ираноязычных кочевников Евразийских степей, ассоциировавшихся с образом коня, занимавшего в их системе религиозных представлений значительное место. Открытие в результате раскопок «храмов огня» и ритуальных захоронений лошадиных черепов вблизи или у входов на территорию культовых площадок свидетельствует о тесной связи в сарматской культовой практике образа коня с почитанием первозданного огня — солнца. В подтверждение его сакрализации обычно приводятся свидетельства Геродота (Herodot I, 216) и Страбона (Strabo XI, 8.6) о верованиях массагетов, персонифицировавших лошадь, белой либо рыжей масти, как эманацию солнца.

В традиции всех индоиранских народов конь связан с верховным богом и царем. В Авесте солнце носит постоянный эпитет «быстроконное». Представление солнца в виде конной колесницы или коня нашло отражение и в изобразительном искусстве. Изображение сегнерова колеса — круга с четырьмя конскими головами — воспроизводит тождественные тексты известных источников (Авеста, Михр Яшт IV, 13; XXXI, 125;

XXXII, 136), в которых колесница Митры представлена как четверка белых коней с одним колесом солнца.

Иконография рассматриваемой ручки уводит нас далеко на восток. Маленькая сухая голова, посаженная на плавно изогнутую шею и вытянутое стройное тело, насколько это возможно было передать в литейной форме, — характерные особенности среднеазиатского аргамака, — специально выведенной в конце I тысячелетия до н.э. породы коней. Они известны в китайских хрониках как «небесные кони», их изображения, удивительно напоминающие нашу ручку, мы видим на наскальных изображениях Ферганской долины (Бернштам 1948: 157, рис. 1; Заднепровский 1962: 179, рис. 41).

Следующая ручка представлена статуэткой козла. Изображения козлов и семантически близких им архаров-баранов наиболее часто встречаются на сарматских котлах и прочих ритуальных и бытовых предметах. Не останавливаясь на широко распространенном представлении о баране-козле как олицетворении фарна — эманации солнца, божественного огня, связанного с царской властью, отметим другие области его воплощения. Являясь в представлении древних священным животным, он предназначался для жертвоприношений героям и предкам. Козел-баран традиционно служил в скотоводческих обществах символом богатства, силы и власти. По этой причине он считался равным культурному герою, который должен умереть, иными словами, быть принесенным в жертву. Немалую роль играла также сексуальная сила козла-барана, универсального олицетворения плодородия, — основного производственного животного скотоводческих сообществ. Иконографически идентичные рассматриваемому изображения козлов-архаров также присутствуют в культовых сценах солярного круга на упоминавшихся выше наскальных изображениях Тянь-Шаня (Бернштам 1948: 155—156, рис. 1) и Памира.

Интерпретационно наиболее сложен образ кошачьего хищника, в нашем случае, вероятно, льва, всегда изображавшегося в иранской изобразительной традиции схематично. Амбивалентность заложена в самом его образе. Рыжий цвет гривы, мощь и необузданная ярость зверя ассоциировались древними с огненной природой, связанной преимущественно с хтоническим, подземным миром, войной и хаосом (Акер, Апедемак, Лаббу, Хаос и пр.) (Мифологический словарь 1991: 27, 51, 308, 519—520). С этой стороны его природы, надо полагать, связана сцена противоре-

яния козла и льва на одном из семиреченских светильников-курильниц (Артамонов 1973: 38, рис. 46). В мифологии других народов он выступает то как демиург, участвующий в мироустройстве (достает и укрепляет на небе солнце и становится его символом), то выполняет охранительные функции, ассоциировавшиеся с божественным огнем и домашним очагом (Арэв, Херувимы) (Мифологический словарь 1991: 63, 589).

Близкий культуре ахеменидского Ирана образ кошачьего хищника не был чужд и сарматам Северного Причерноморья. Штампованные накладные фигурки львов украшали рукоять и ножны меча из элитного погребения 1 кургана 2, исследованного у с. Пороги (Симоненко, Лобай 1991: 10, рис. 4: 1, 4, 7). Ручки-пантеры украшали кубки из драгоценных металлов в Высочино, Мигулинской и деревянный ковшик из Новоалександровки. Периодически встречаются бусины из египетского фаянса с лежащим львом в наборах ожерелий первых веков нашей эры. Широко известны ольвийские львы с «энциклопедиями» сарматских тамг (Соломоник 1959: 87—97, рис. 41). Следует отметить, что изображения кошачьих хищников присутствовали преимущественно в захоронениях, имевших широкие восточные параллели.

В архаичных обществах числам придавалось сакральное значение. Мифопоэтическое мышление мастера, базирующееся на троичном принципе организации пространства, создало пластический образ мира, позволяющий видеть в сосуде источник информации самого разного уровня. В этом, по всей видимости, ключ к пониманию функционального назначения сосуда. Три зооморфные ручки рассматриваемого котла символизировали физическую стабильность мира как пластическое воплощение идеи круговорота времени и жизни: рождение — жизнь — смерть или три космические зоны: небо — земля — нижний мир (Топоров 1991: 272—273; 1992: 630).

Таким образом, композиция котла раскрывает космогоническую картину мифопоэтизированного мира, в котором конь мог символизировать небесные сферы, козел — срединный, земной, а кошачий хищник — нижний, хтонический мир. Как упоминалось выше, большинство исследователей относят небольшие котелки с зооморфными ручками к ритуальным сосудам (Скрипкин 1970: 208—209; Боковенко 1977: 234; Косяненко, Флеров 1978: 203; Демиденко 1997: 135—137).

Помимо котлов, зооморфные ручки известны на различных предметах сарматского обихода: деревянной и керамической по-

суде, парфюмерных флаконах и вотивных предметах — курильницах. Во всех случаях они выполняли охранные функции (Скалон 1948: 182—184, 215—217). Практическое использование котлов было различно. Наиболее экстравагантной остается версия о принадлежности рассматриваемой группы сосудов к перегонке араки — молочной водки (Очир-Горяева 2004: 168 и сл.). Ранее, рассматривая небольшой котел из Мокры с остатками смолистого вещества внутри, мы предположили, что он использовался в качестве сосуда для воскуривания неких наркотических средств (Кашуба и др. 2003: 232). Широкое распространение в кочевнической среде психотропных растений жесткого типа (эфедра, конопля или опий) для достижения религиозного транса находит подтверждение как в свидетельствах древних авторов, так и в материалах раскопок (Очир-Горяева 2004: 173, 174; Демиденко 2007: 59). В обрядовой практике небольшие котелки с зооморфными ручками использовались, скорее всего, в различных мистериях, связанных преимущественно с обрядовыми действиями, предшествующими погребальному обряду.

Судя по морфологическим признакам Кальмиусского котла, есть основания предполагать генетическую связь рассматриваемой группы котлов с ритуальными сосудами Северного Китая (Скрипкин 2000: 97—98; Демиденко 2007: 58). Однако, попав в иную культурную среду кочевников Центральной Азии, они подверглись как техническому (Демиденко 2009: 63, 64), так и идеологическому переосмыслению, на что указывает символика зооморфных ручек котла из Слободзеи. Широкое распространение котлов рассматриваемых типов связано с продвижением в европейские степи в I в. н. э. новой сарматской волны мигрантов (аланов), имевших тесные связи со среднеазиатским регионом. Вероятно, именно с ней следует связывать появление в Северо-Западном Причерноморье мастера, изготовившего слободзейский котел.

К настоящему времени не находит приемлемого объяснения отсутствие сарматских котлов в Днестровско-Пруто-Дунайском междуречье, несмотря на достаточно плотный массив сарматского населения по отношению к Днепровско-Буго-Днестровскому междуречью, при значительной концентрации разновременных элитных захоронений на Южном Буге (Соколова Могила, Весняное) и Среднем Днестре (Пороги, Грушка, Мокра). К настоящему времени в регионе, исключая массив нижнедунайских памятников, исследовано более тысячи захоронений рубежа эр — пер-

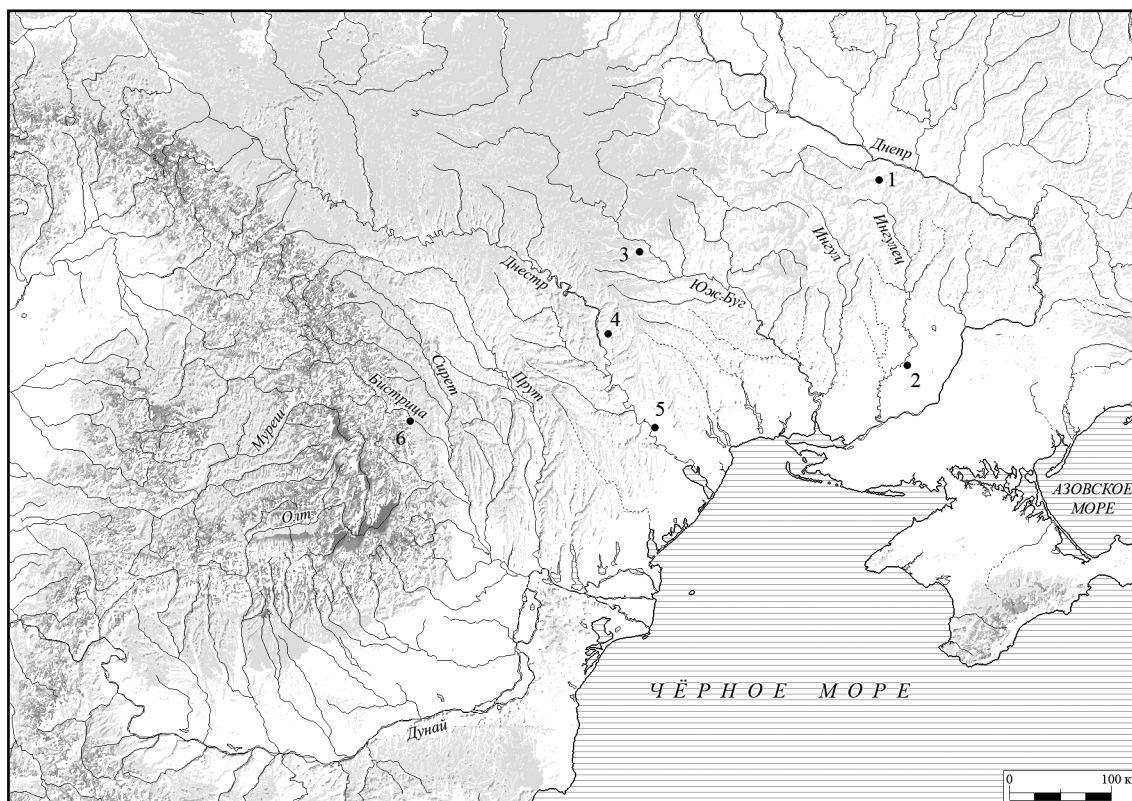

Рис. 4. Карта распространения сарматских литых котлов к западу от Днестра: 1 — Ярошевка; 2 — Давыдов Брод; 3 — Трояны; 4 — Мокра; 5 — Слободзея; 6 — Пятра Шоймулуй.

вой половины III в. Обращает на себя внимание тяготение комплексов с котлами к берегам наиболее крупных рек региона. На востоке — Днепр, на западе — Днестр (рис. 4). Ранее А. Симоненко пришел к выводу, что эти территории с середины I в. н. э. занимали племена аорсов (Симоненко, Лобай 1991: 83 и сл.; Симоненко 1993: 123).

Между тем, до начала II в. материалы из захоронений рядового сарматского населения, кочевавшего по обоим берегам Днестра, принципиально не отличаются. Только с первой трети века в погребальном обряде кочевников Днестровско-Пруто-Дунайского междуречья появляются своеобразные элементы, нашедшие отражение в практике захоронения соплеменников в погребальных камерах с подбоем в западной стене, окруженных кольцевым ровиком. И традиции обустройства на могильниках и вблизи курганов прямоугольных или квадратных культовых площадок, ограниченных ровиками. Известные захоронения племенной элиты (Корпач, Казаклия и др.) оказа-

лись совершенно разрушены, что не позволяет судить об их содержании. Хронологически к ним тяготеют аристократические захоронения в Олонештах и Мокре. В это же время, судя по всему, в междуречье появляются стелы с тамгами.

Все свидетельствует о появлении в регионе новой, аланской, по нашему мнению, волны кочевников, прорвавшихся на Дунай в начале II в. Смешавшись с кочевавшим в междуречье сарматским населением, они придали его культурным проявлениям свои специфические черты. Следует отметить, что в Днепро-Днестровском междуречье подобные памятники до сих пор не известны. Создается впечатление, что комплексы с котлами как бы маркируют некую культурно-племенную границу, прошедшую по Днестру. Так ли это или традиционно связано с тяготением сарматской элиты к территории Ольвийского полиса, снабжавшего ее предметами роскоши, вопрос остается открытым.

Литература

Авеста в русских переводах (1861—1996). 1998. Мухоморова Е. П. Перевод И. М. Стеблин-Каменского. Санкт-Петербург: Журнал «Нева», «Летний Сад».

Артамонов М. И. 1973. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. Москва: Искусство.

- Байбурун А.К. 1989. Семиотические аспекты функционирования вещей. В: А.С. Мыльников (Отв. ред.). *Этнографическое изучение знаковых средств культуры*. Ленинград: Наука, 63—88.
- Бернштам А.Н. 1948. Араванские наскальные изображения и Даваньская (Ферганская) столица Эшери. *СЭ* (4), 155—161.
- Беспалый Е.И. 1985. Курган I в.н.э. у г. Азова. *СА* (4), 163—172.
- Боковенко Н.А. 1977. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе. *СА* (4), 228—235.
- Демиденко С.В. 1997. Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа. В: Демиденко С.В., Журавлев Д.В. (отв. ред.). *Древности Евразии*. Москва: ГИМ, МГУ им. М.В. Ломоносова, 120—159.
- Демиденко С.В. 2008. *Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. — III в.н.э.)*. Москва: ЛКИ.
- Заднепровский Ю.А. 1962. *Древнеземледельческая культура Ферганы*. МИА 118. Москва; Ленинград.
- Кашуба и др. 2003: Кашуба М.Т., Курчатов С.И., Щербатова Т.А. 2003. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра). *Stratum plus 2001—2002*. (4). Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая Антропологическая Школа, 180—252.
- Костюк Л.И. 1975. Сарматское погребение у с. Давыдов Брод Херсонской области. *150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции*. Киев, 98—99.
- Косыненко В.М., Флеров В.С. 1978. Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии). *СА* (1), 192—205.
- Минасян Р.С. 1986. Литые бронзовых котлов у народов степей Евразии (VII в. До н.э. — V в.н.э.). *Археологический сборник ГЭ*. 27. Ленинград, 61—78.
- Мордвинцева В.И., Сергацков И.В. 1995. Богатое сарматское погребение у станции Бердия. *РА* (4), 114—124.
- Мифологический словарь*. 1991. Москва: Советская Энциклопедия.
- ОАК за 1913—1915 гг.* Петроград, 1918 г.
- Очир-Горяева М. 2004. О возможном назначении парных бронзовых котлов у кочевников раннего железного века Евразии. *Археологические памятники раннего железного века Юга России*. МИА России (6). Москва, 166—178.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в.н.э. (Погребения знати у с. Пороги)*. Черненко Е.В. (отв. ред.). Киев: Наукова думка.
- Симоненко А.В. 1993. *Сарматы Таврии*. Мурзин В.Ю. (отв. ред.). Киев: Наукова думка.
- Скрипкин А.С. 1970. Случайные находки сарматских бронзовых котлов на территории Волгоградской области. *СА* (4), 206—209.
- Скалон К.М. 1948. Изображения животных на керамике сарматского периода. *Тр. ОИПГ ГЭ* (I). Ленинград, 173—218.
- Скрипкин А.С. 2000. О китайских традициях в сарматской культуре. *Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 7-го археологического семинара*. Краснодар, 6—11 июня 1999 г. Краснодар, 97—98.
- Соломоник Э.И. 1959. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев: АН УССР.
- Топоров В.Н. 1991. Геометрические символы. *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 1. Москва: Советская Энциклопедия, 272—273.
- Топоров В.Н. 1992. Числа. *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 2. Москва: Советская Энциклопедия, 629—631.
- Bichir Gh. 1993. Date noi cu privire la pătrunderea sarmatilor în teritoriul geto-dacic (I). *SCIVA*, t. 44, nr. 2. București, 135—169.

Статья поступила в номер 13 апреля 2010 г.

Serghei Kurchatov (Kishinev, Moldova). Cultural Heritage Institute, Moldova Academy of Sciences.

Serghei Kurchatov (Chișinău, Moldova). Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei.

Курчатов Сергей Иванович (Кишинев, Молдова). Институт культурного наследия, Академия наук Республики Молдова.

Nicolai Telnov (Kishinev, Moldova). Doctor of history. Cultural Heritage Institute, Moldova Academy of Sciences.

Nicolai Telnov (Chișinău, Moldova). Doctor în istorie. Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei.

Тельнов Николай Петрович (Кишинев, Молдова). Доктор истории. Институт культурного наследия, Академия наук Республики Молдова.

E-mail: Telnov@puma2.mail.ru.

А. А. Труфанов

Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя

A. A. Trufanov.

Burials of 3rd Century A. D. from South-Western Margin of Ust-Alma Necropolis.

The article is dedicated to the publication of materials from burials of 3rd century A. D. studied on Late-Scythian Ust-Alma necropolis (excavations of 1997, 1998 and 2002—2006), located in South-Western Crimea.

Considered burials contain ware finds, typical for the Crimean cemeteries of 200—250 A. D. However, some published tombs (793 and 914), probably, must be dated by a later time. This assumption is based on some brooches of 250—300 A. D. found in them. If so, the end of Ust-Alma necropolis can be related to a date after the middle of 3rd century, which, in its turn, leads to a possible revision of the date of destruction of some late Scythian settlements in Crimea.

A. A. Trufanov.

Mormintele din sec. III de la marginea de sud-vest a necropolei Ust-Alma.

Articolul este dedicat publicării mormintelor din sec. III, cercetate în cadrul necropolei scitice târzii Ust-Alma (săpăturile din anii 1997, 1998 și 2002—2006), situate în Crimeea de Sud-Vest.

Mormintele respective conțin obiecte tipice pentru necropole din Crimeea din prima jumătate a sec. III. Însă, unele morminte publicate (793 și 914), probabil, trebuie datate dintr-o perioadă mai târzie. Drept argument sunt fibule din a doua jumătate a sec. III. În acest caz încetarea funcționării necropolei Ust-Alma se poate referi la perioada de după mijlocul sec. III, iar acest lucru poate duce la o posibilă revizuire a datării destrămării unor așezări scitice târzii din Crimeea.

A. A. Труфанов.

Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя.

Статья посвящена публикации материалов погребений III в. н. э., исследованных на позднескифском Усть-Альминском могильнике (раскопки 1997, 1998 и 2002—2006 гг.), расположенном в Юго-Западном Крыму.

Рассматриваемые погребения содержат вещевые находки, типичные для крымских могильников первой половины III в. н. э. Однако, некоторые публикуемые погребения (793 и 914), возможно, следует датировать более поздним временем. Основанием для этого служат найденные в них фибулы второй половины III в. н. э. Если так, то прекращение функционирования Усть-Альминского некрополя может относиться ко времени после середины III в. н. э. А это ведет к возможному пересмотру датировки гибели некоторых позднескифских поселений в Крыму.

Keywords: Late-Scythian necropolis, burials, fibulae, buckles, bracelets, beads, red slip pottery.

Cuvinte cheie: necropola scitică târzie, morminte, fibule, cataramе, brățări, coliere, vase acoperite cu lac roșu.

Ключевые слова: позднескифский некрополь, погребения, фибулы, пряжки, браслеты, бусы, краснолаковая посуда.

Статья посвящена публикации материалов погребений III в. н. э., исследованных на юго-западной окраине позднескифского Усть-Альминского могильника (раскопки 1997, 1998 и 2002—2006 гг.)¹, расположенного в Крыму. Многолетние исследования позволили установить, что захоронения III в. н. э. с разной степенью частоты встречаются на всей площади некрополя, и какую-либо систему в их расположении установить трудно. Предположение о расширении некрополя по направлению к городищу можно принимать лишь в самых общих чертах, с многочисленными оговорками. Специфика же публикуемого участка состоит в том, что комплексы второй половины II — середины III в. н. э. составляют здесь большинство при относительной компактности самого участка (рис. 1). Часть этих могил с уверенностью можно датировать первой половиной III в. н. э., то есть относить к позднему этапу функционирования позднескифского Усть-Альминского некрополя.

К западу от участка раскопками 2009 г. были выявлены разграбленные в древности склеп второй половины I в. н. э. и могила с каменным перекрытием первой половины III в. н. э.

В пределах крайнего юго-западного квадрата на рассматриваемом участке погребения обнаружены не были. В южной части квадрата, вдоль всего южного борта зафиксировано понижение древней поверхности (неглубокий искусственный ров или естественный размыв почвы — определить трудно), заполненное грунтом, насыщенным фрагментами керамики I—III вв. н. э. Территория, примыкающая к этому квадрату с юга, перекопанная грабительскими шурфами, пока не исследовалась.

К северо-востоку от участка расположена полоса пустых площадей шириной до 10 м, что в совокупности с прочими аналогичными участками позволяет предполагать, что здесь проходила древняя дорога времени функционирования могильника, которая вела от ворот городища на юго-восток через весь некрополь.

Остальная территория могильника находится в секторе между ЮВ и СВ от рассматриваемого участка.

Могила 631, грунтовая с заплечиками и каменным перекрытием (рис. 2).

¹ Выражаю благодарность руководителю Альминской экспедиции А. Е. Пуздровскому за разрешение опубликовать не введенные в научный оборот материалы.

Обнаружена на глубине 1,3 м². Входная яма (размеры 2,5×0,9 м, глубина 0,6 м) ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Часть камней перекрытия просела внутрь могильной ямы. Могильная яма размером 2,3×0,7 м, глубиной 0,6 м. В ее засыпи, ниже уровня заплечиков найден фрагмент нижней части лепного горшка (рис. 2: 3).

На дне могилы находилось погребение взрослого человека, погребенного в вытянутом положении, головой на ЮЮВ. Судя по сохранившимся костям и вещевым находкам, руки умершего располагались вдоль туловища, ноги были сближены у щиколоток.

На груди погребенного зачищены бронзовая подвеска-лунница (рис. 2: 7), бронзовая лучковая фибула (рис. 2: 5) и четыре пронизи: бронзовая (рис. 2: 13) и стеклянные (рис. 2: 12) (3 экз., из которых два рассыпалось при зачистке). На кистях рук находились по два бронзовых браслета (рис. 2: 14, 15). У правого бедра найдены две бронзовые пряжки (рис. 2: 10, 11) и наконечник ремня (рис. 2: 9). У левого бедра — железные пластины (рис. 2: 8), у левого — железная втулка с прикипевшими остатками ткани (рис. 2: 6). На голеностопных суставах зафиксированы две бронзовые пряжки (рис. 2: 18), два наконечника ремней (рис. 2: 19), бронзовая фигурная пластина с отверстием и прикипевшим к ней железным пластинчатым предметом (рис. 2: 16), рядом лежал железный топорик (рис. 2: 17). У южной стенки могилы, за головой погребенного стояла краснолаковая тарелка (рис. 2: 2) с лежащим внутри железным ножом (рис. 2: 4) и краснолаковый кувшин (рис. 2: 1).

1. Кувшин краснолаковый, узкогорлый, с грушевидным туловом (рис. 3: 1)³. Диаметр венчика 5,6 см, высота 16,6 см, диаметр поддона 4,9 см. На рассматриваемом участке кувшины этого же типа найдены также в могилах 702, 824 и 825, а также (фрагментированный) в склепе 803. В могиле 1 (Танковое) такой же кувшин найден вместе с монетой Каракаллы (Вдовиченко, Колтухов 1994: 83, рис. 2: 2) 211—217 гг. н. э., в могиле 18

² В условиях Усть-Альминского могильника уровень обнаружения могил приблизительно соответствует глубине залегания древней поверхности времени сооружения могил, составляющей на разных участках от 0,50 до 0,90 м. Но иногда, из-за сложности грунта, контуры могилы прослеживались ниже. Здесь и далее при описании параметров грунтовых могил с заплечиками различаются могильная яма (выкопанная от условной древней поверхности до уровня заплечиков) и собственно могила (т. е., яма ниже уровня заплечиков).

³ Здесь и далее номера рисунков находок соответствуют номерам находок на чертеже.

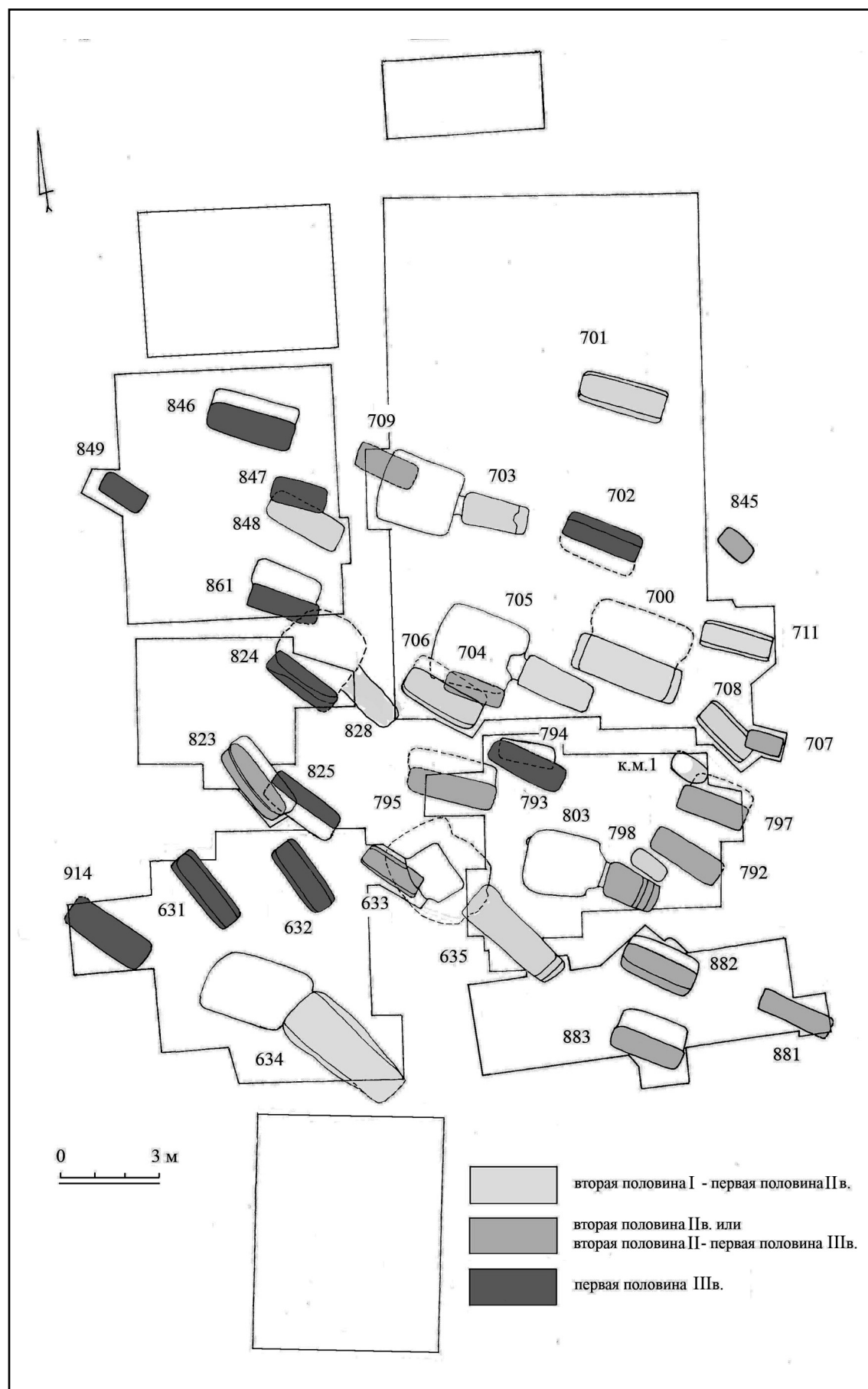

Рис. 1. Усть-Альминский могильник. План юго-западного участка.

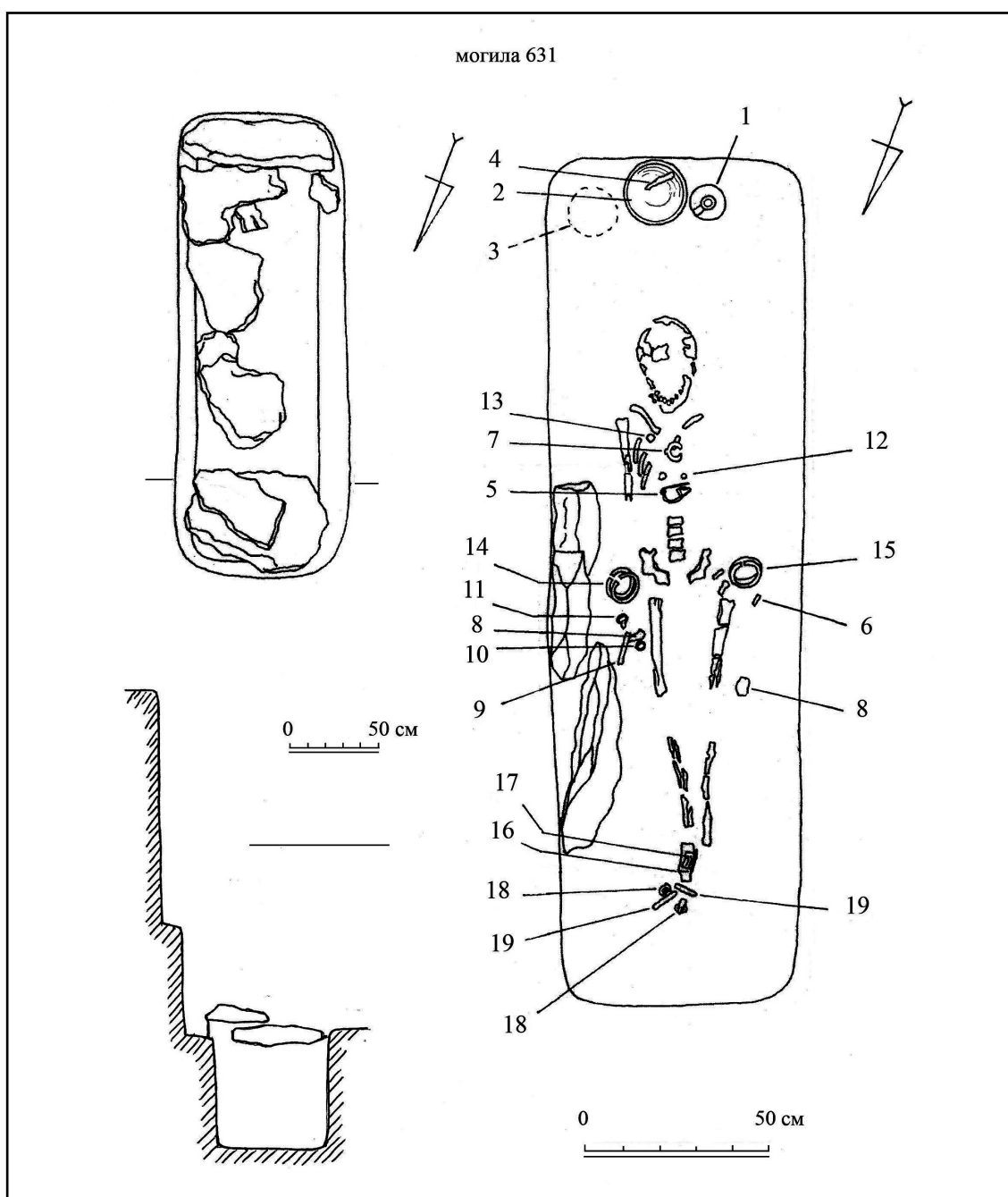

Рис. 2. Могила 631. План, разрез, план погребения.

(Бельбек III)⁴ с монетой начала III в. н. э. В ряде случаев в состав комплексов с узкогорлыми кувшинами входили лучковые фибулы 5-го варианта, датируемые первой половиной III в. н. э., или краснолаковые тарелки это-

го же времени⁵. Некоторые комплексы с аналогичными кувшинами содержат материал, который может быть датирован более широко, но не противоречит вероятному совершению таких погребений в первой половине — середине III в. н. э.⁶

⁴ Используется нумерация могил Бельбека III, приведенная в таблице И. И. Гущиной (Гущина 1974: 46—64). Напомню, что в публикации материалов Бельбека III между таблицей и подписями к иллюстрациям существует расхождение на одно порядковое число и могилы, обозначенные в таблице под номерами 13, 14, 18 и 20, в иллюстративной части работы числятся под №№ 14, 15, 19 и 21 соответственно (Гущина 1974: 54, рис. VII: 1).

⁵ Могилы 173 и 772 (Усть-Альма), 17-а (Перевальное), 152 (Нейзац), 12 (Левадки) (Храпунов, Стоянова, Мульд 2001: рис. 16: 8).

⁶ В могиле 218 (Усть-Альма) находилась лучковая фибула с фигурной обмоткой, в могилах 13 и 20 (Бельбек III) — лучковые фибулы со сплошной обмоткой (Гущина 1974: 53, 54, рис. VI: 1; VII: 23). Инвен-

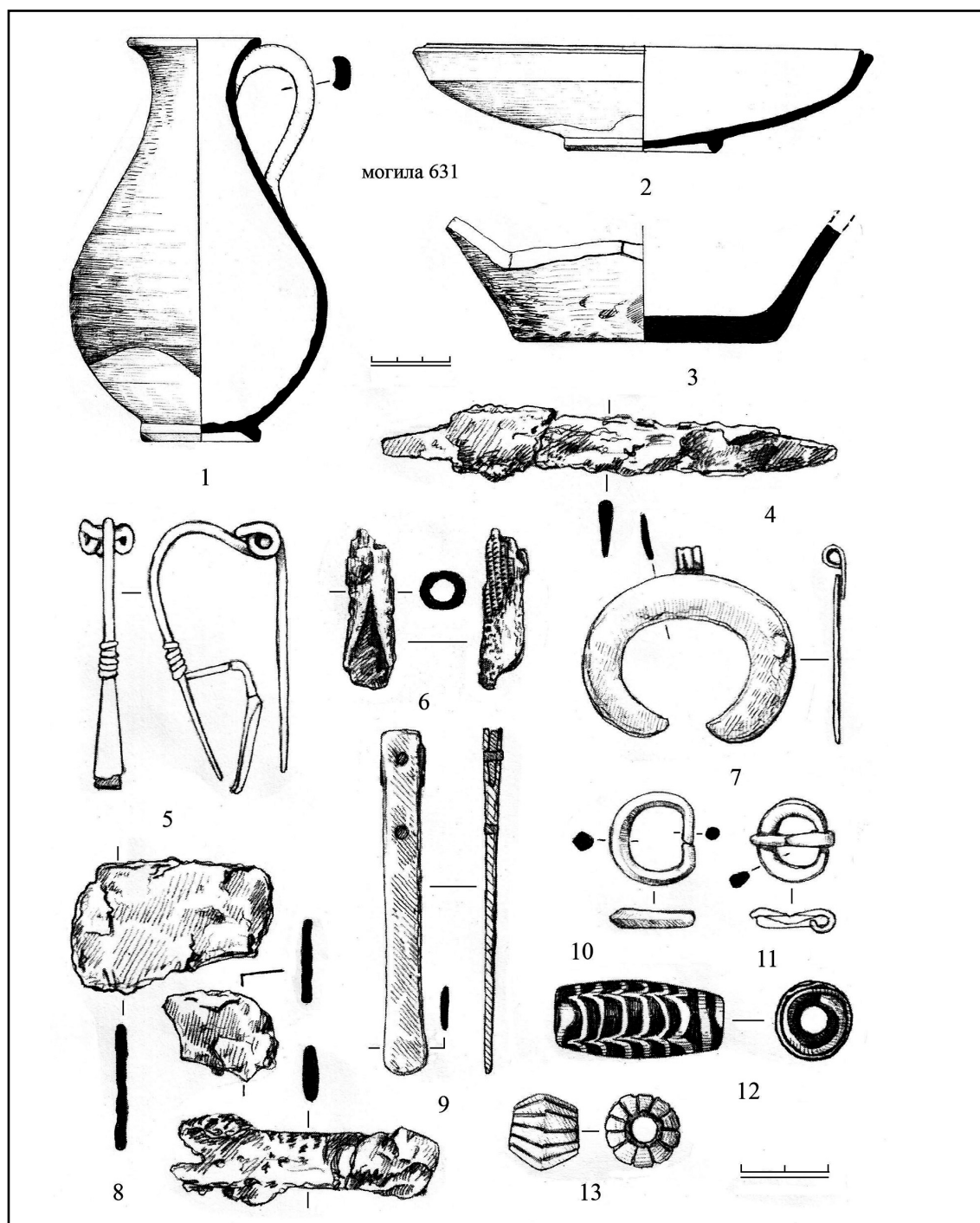

Рис. 3. Могила 631. Находки.

Т. Н. Высотская, ввиду отсутствия таких кувшинов в известных ей публикациях материалов боспорских памятников, сочла их продукцией Херсонеса и датировала I—III вв. н. э. (Высотская 1994: 78). Другие исследователи

относили кувшины к III в. н. э. (Вдовиченко, Колтухов 1994: 86) или даже к III—IV вв. н. э. (Храпунов 2003: 339). Последняя датировка мне кажется излишне широкой, так как формально похожие кувшины IV в. н. э. отличаются более крупными размерами, наличием валика (а не желобков) на горле и иной профилировкой ручки.

2. Тарелка краснолаковая с желобком по верхнему краю венчика (рис. 3: 2). Диаметр венчика 18,3 см, высота 4,3 см, диаметр

тарь прочих комплексов менее выразителен (могила 75, Неаполь (Пуздровский 1992: рис. 7: 51), могила 14, Бельбек III (Гущина 1974: рис. VI: 8), могила 5, Танковое (Вдовиченко, Колтухов 1994: 84, рис. 2: 4) и т. д.), но не противоречит принятой датировке.

поддона 6,4 см. Такие тарелки встречены в нескольких комплексах Усть-Альминского могильника (могилы 631, 694, 824, 849) и некрополя Брянское (склеп 19), в том числе вместе с кувшинами и фибулами первой половины III в. н. э.

3. Нижняя часть лепного сосуда (рис. 3: 3) из засыпи могилы. Диаметр дна 11 см.

4. Нож железный (рис. 3: 4). Длина лезвия 8,5 см.

5. Бронзовая одночленная проволоочная лучковая подвижная фибула с верхней тетиной и прогнутой спинкой (рис. 3: 5). Высота 6,1 см. В обобщающей работе А. К. Амброз датировал такие изделия (5-й вариант) первой половиной III в. н. э. (Амброз 1966: 51), а в статье, посвященной материалам Танаиса, расширил предложенную датировку, отметив, что, возможно, такие фибулы появились в конце II в. н. э. и существовали в III в. н. э. (Амброз 1969: 252). Фибулы 5-го варианта широко представлены в погребениях Крымской Скифии конца II — середины III в. н. э.⁷ На рассматриваемом участке аналогичная фибула найдена в могиле 847.

6. Наконечники ремней бронзовые (2 экз., длина 6,8 и 6,9 см) из склепанных длинной и короткой пластин, с насечками по верхнему краю лицевой пластины и слабо выраженными фасетками (рис. 4: 19). Находят соответствия среди одночастных наконечников-подвесок без расширения нижней части типа Н3а, по В. Ю. Малашеву (2000: 197), и наконечников типа II (вариант 4а), по И. Н. Храпунову (2008: 66). В корреляционной таблице материалов Северного Кавказа и Нижнего Дона, составленной В. Ю. Малашевым, восемь комплексов с такими наконечниками отнесено к концу II — первой половине III в. н. э., и лишь один комплекс зачислен в группу второй половины III в. н. э. (Малашев 2000: рис. 1; 2). Погребения с такими же наконечниками из Нейзаца И. Н. Храпунов отнес

к III в. н. э. (2008: 62). На Усть-Альминском могильнике аналогичные наконечники найдены в склепе 649/2 вместе с узкогорлой светлоглиняной амфорой типа D по Д. Б. Шелову и монетами Септимия Севера и Плавтилла (?) (Пуздровский 2007: 194, рис. 99: 22, 23).

Третий наконечник (рис. 3: 9) представляет собой бронзовое изделие с раздвоенной верхней частью (длина 7,1 см). По данному признаку соответствует наконечникам типа I (вариант 1), по И. Н. Храпунову (2008: 64), отличаясь от них отсутствием выраженных фасеток. По его мнению, такие наконечники появляются в Крыму в позднеримское время⁸ и заменяют двупластинчатые в конце IV — начале V в. н. э. (Храпунов 2008: 65).

7. Пряжки бронзовые (2 экз.) с круглыми рамками, с подвижными прогнутыми фасетированными язычками без уступа у основания и прямоугольными щитками из перегнутых пополам пластин, скрепленных заклепками (рис. 4: 18). Соответствуют пряжкам типа П1 в типологии В. Ю. Малашева, датировавшего погребения с такими изделиями от середины — второй половины II до первой половины III в. н. э. (группы I и IIa) (Малашев 2000: 195, 208, 209).

Пряжка (1 экз.) с овальной, уплощенной в сечении рамкой с утолщением в передней части и подвижным прогнутым язычком (рис. 3: 11). По форме рамки и язычка близки пряжкам типов П1 и П2а, по В. Ю. Малашеву, отличающаяся от них отсутствием щитка. Исследователь датировал погребения с такими изделиями в рамках середины II — второй половины III в. н. э. (группы I, IIa и IIб) (Малашев 2000: 195, 207—209).

Пряжка (1 экз.) с овальной, граненой в сечении рамкой с утолщением в передней части (рис. 3: 10). Язычок не сохранился. Пряжки с гранеными рамками найдены также в могилах 824 (рис. 18: 1) и 914 (рис. 35: 10).

8. Подвеска бронзовая в форме лунницы с припаянной рифленой петлей (рис. 3: 7) типа 27 (Алексеева 1982: 25, 26)⁹. Размеры 4,9×4,5 см.

Небольшие подвески-лунницы из бронзы, серебра или золота, использовавшиеся

⁷ В могиле 3 (Бельбек III) фибула 5-го варианта находилась с монетой Антонина Пия (138—161 гг. н. э.) (Гущина 1974: рис. IV: 8, 13). В нескольких комплексах такие же фибулы найдены с кувшинами III в. н. э. (могилы 693 (Усть-Альма), и 17-а (Перевальное)), в некоторых погребениях — с зеркалами-подвесками поздних вариантов (могилы 18 (Курское) и 87 (Битак)) и фибулами «инкерманской» серии (могила 15-б, (Перевальное)). В могиле 9 (Суворово) фибула 5-го варианта найдена с шарнирным браслетом со щитком полихромного стиля, появление которого относят к середине III в. н. э. (Зайцев 1997: рис. 58: 9). Из прочих северо-причерноморских комплексов упомяну могила 171 (Танаис), где фибула 5-го варианта встречена с узкогорлой светлоглиняной амфорой типа Шелов-D (Арсеньева 1977: 16, табл. XXXIV: 3).

⁸ Могилу 222 (Нейзац) с таким наконечником И. Н. Храпунов отнес к III в. н. э. (2008: 61).

⁹ Е. М. Алексеева разделила тип 27 на варианты и датировала их: 27-а (из пластинки с треугольным сечением, петля припаяна) второй половиной III — IV в. н. э.; 27-б (круглопроволочные, петля припаяна) IV в. н. э.; 27-в (пластинчатые с отверстием для петли) второй половиной III в. н. э.; 27-г (вогнутые, отлитые вместе с ушком, с утолщенными концами) II — IV вв. н. э. (1982: 25, 26).

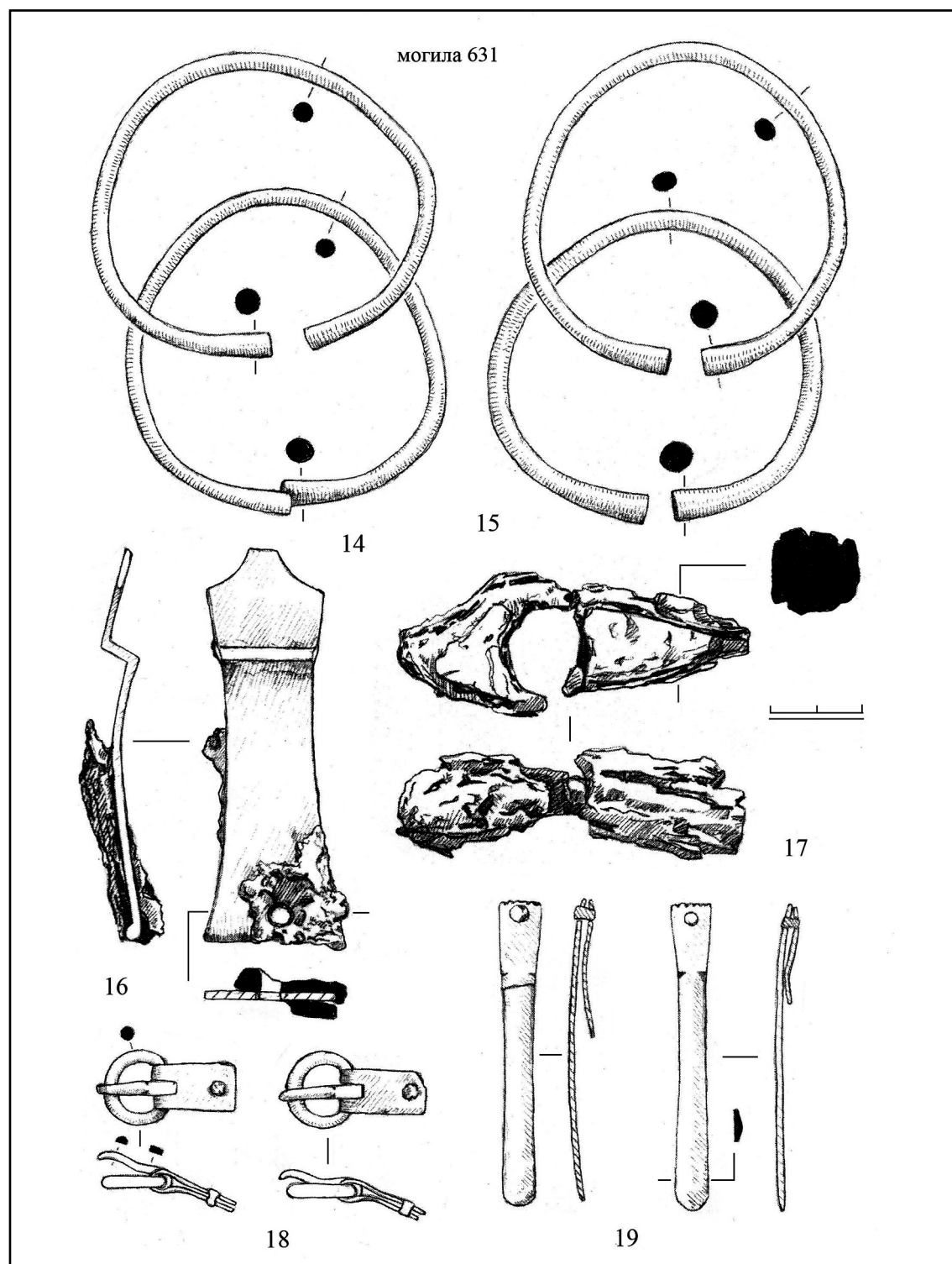

Рис. 4. Могила 631. Находки.

как нагрудные украшения (в составе ожерелья или подвешенные на гривну), известны в комплексах второй половины I в. н. э. С конца II — начала III в. н. э. получают распространение бронзовые, более крупные подвески, использовавшиеся в качестве амулетов и фиксируемые чаще всего у бедра погребенных (вместе с зеркалом, связкой бус и другими пронизями и подвесками). Пластинчатые

лунницы с прикрепленной петлей встречены в комплексах с лучковыми фибулами 5-го варианта, пластинчатыми фибулами «инкерманской» серии, узкогорлыми грушевидными кувшинами и другими индикаторами конца II — середины III в. н. э. (могила 11 (Курское), могилы 17-а, 15-б (Перевальное)). Подвески близких форм найдены в могиле 29 (Нейзац) с монетой 161—180 гг. н. э. (Храпунов, Мульд

2000: рис. 14, 28), в могиле 20 («Совхоз 10») с монетой Гордиана III (238—244 гг. н. э.) и узкогорлой светлоглиняной амфорой типа D по Д. Б. Шелову (Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2005: табл. 4, 39).

9. Браслеты бронзовые с утолщенными концами (4 экз.) (рис. 4: 14, 15). Диаметр от 5,5 до 6,5 см¹⁰. Тип V по Т. Н. Высотской (Высотская 1994: 110). Золотые браслеты с утолщенными, круглыми в сечении концами фиксируются среди материалов богатых погребений I в. н. э. Усть-Альмы. Около середины II в. н. э. появляются, а в первой половине III в. н. э. получают широкое распространение бронзовые (реже — серебряные) браслеты с утолщенными, круглыми или овальными в сечении концами. Такие изделия найдены в могиле 20 (Дружное) с монетой Галлиена (253—268 гг. н. э.) и в могиле 24 (Дружное) с монетами Деция Траяна (249—251 гг. н. э.), Гордиана III (238—244 гг. н. э.) и Филиппа II (247—249 гг. н. э.) (Храпунов 1994: 531, 535, рис. 4: 15). В могиле 19/44 некрополя Тиритаки такой же браслет найден с монетой 262 г. н. э. (Гайдукевич 1959: рис. 95: 2).

10. Пластина бронзовая, фигурная, с перегибом и отверстием (рис. 4: 16). Размеры 8,4×3,0 см. На пластине сохранились прикипевшие остатки какого-то железного предмета, возможно, составлявшего с ней единую конструкцию.

11. Железный топор (рис. 4: 17). Размеры 7,6×3,0×2,1 см. Помнению А. Е. Пуздровского, данный топорик, учитывая его небольшой размер, мог являться «символом власти или принадлежности к воинскому сословию» (Пуздровский 2007: 134). Другой топор найден в мужском погребении Битакского могильника (могила 29/1) (Пуздровский 1992а: рис. 94), которое может быть датировано второй половиной II в. н. э.

12. Фрагменты железных предметов: втулка с остатками прикипевшей ткани (рис. 3: 6) и пластинчатые обломки (рис. 3: 8).

13. Бусы:

Полихромная бочковидная из глухого черного стекла с белыми фестонами (1 экз.) типа 262-а (Алексеева 1978: 48) (рис. 3: 12). Аналогичные бусы найдены в могиле 29 (Нейзац) вместе с монетой 161—180 гг. н. э. (Храпунов, Мульд 2000: 508, рис. 14: 40), в могиле 1 (Танковое) с денарием Каракаллы 198—217 гг. н. э. (Вдовиченко, Колтухов 1994:

рис. 3: 18) и среди публикуемых здесь находок в могиле 793 (Усть-Альма).

Бронзовая литая усеченно-биконическая ребристая (1 экз.) типа 14 (Алексеева 1982: 24) (рис. 3: 13).

Дата: около середины III в. н. э.

Могила 632, грунтовая с заплечиками и каменным перекрытием (рис. 5). Обнаружена на глубине 0,7 м по заполнению могильной ямы и трем вертикально стоящим камням над плитами перекрытия, по-видимому, исполнявшим роль надгробия. Могильная яма размером 2,20×0,90 м, глубиной 0,45 м ориентирована по оси СЮ с небольшим отклонением. На заплечики, шириной 0,1—0,15 м, опирались плиты перекрытия. В могиле, размером 2,00×0,65 м, глубиной 0,45 м, на дне зафиксированы стенки деревянного гроба размером 1,90×0,53 м.

Внутри контуров гроба зачищены остатки костяка взрослого человека, судя по которым, он был положен в вытянутом положении, головой на юг.

Справа от черепа стояла краснолаковая тарелка (рис. 5: 2), слева — краснолаковый кувшин (рис. 5: 1), у кисти правой руки найдена бронзовая пронизь (рис. 5: 3).

1. Кувшин краснолаковый (рис. 5: 1). Диаметр венчика 5,6 см, высота 16,4 см, диаметр поддона 5,6 см. (рис. 1). Соответствует кувшинам варианта 7а в типологии керамики могильника Совхоз 10 (Стржелецкий и др. 2005: 103, табл. XXIII: 5, 7; 13, 79; 31, 20). Авторы публикации датировали комплексы с такими кувшинами серединой III в. н. э. и III—IV вв. н. э. (Там же: 103), но, на мой взгляд, по крайней мере, два из трех опубликованных погребений совершены в пределах III в. н. э.¹¹ Сосуды этого же типа известны из раскопок некрополей Танковое (Вдовиченко, Колтухов 1994: рис. 2: 8) и Брянское (Труфанов 1998: рис. 2: 1).

2. Тарелка краснолаковая с вертикальным бортиком (рис. 5: 2). Диаметр венчика 12,5 см, высота 4,2 см, диаметр поддона 4,0 см. Полагаю, что такие тарелки (тип III-Д-3) встречаются в комплексах второй половины II — первой половины III в. н. э. (Труфанов 1997: 189). Соответствует тарелкам формы 4.2 по Д. В. Журавлеву, датировавшему их существование всем II в. н. э. с заходом в первую половину III в. н. э. (Журавлев 2005: 146).

¹¹ Основанием для такой датировки служат находки в могиле 97 красноглиняной амфоры со сложнопрофилированными ручками типа Зеест-75 (Зеест 1960: табл. XXXI, 75), а в могиле 258 стеклянной чаши III в. н. э. (Стржелецкий и др. 2005: табл. 31: 20).

¹⁰ Здесь и далее упоминается внутренний диаметр браслетов.

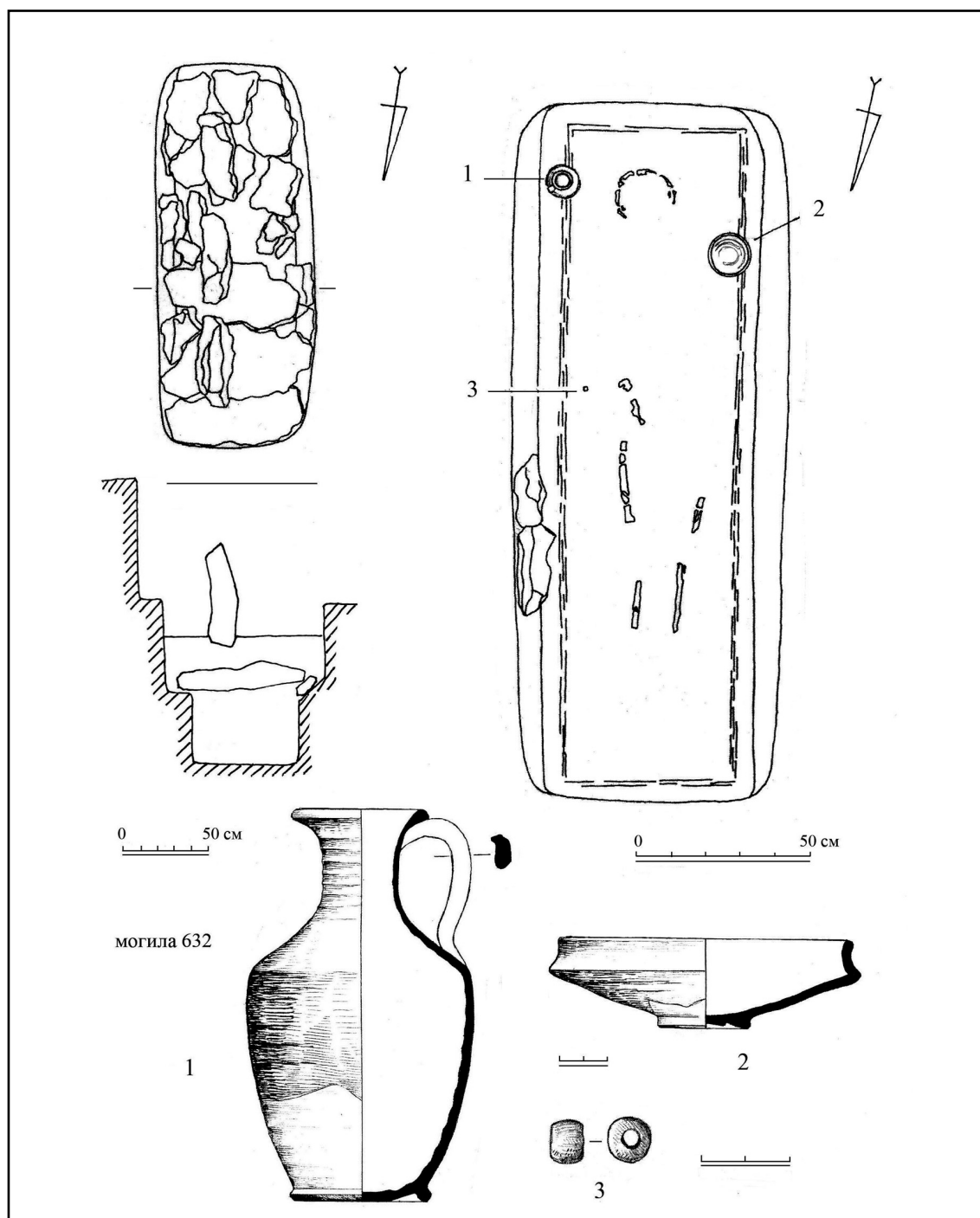

Рис. 5. Могила 632. План, разрез, план погребения. Находки.

3. Пронизь бронзовая литая бочковидная поперечно сжатая (1 экз.) типа 3 (Алексеева 1982: 23, 24) (рис. 5: 3).

Дата: первая половина III в. н. э.

Могила 633, грунтовая с заплечиками и каменным перекрытием (рис. 6). Обнаружена по плитам заклада на глубине 1,5 м. Могильная яма размером 1,80×0,75 м, прослежена на глубину 0,5 м, ориентирована по оси ССЗ—ЮЮВ. При сооружении могилы частично был поврежден свод склепа 635,

к тому времени уже ограбленного через дромос. Восточный угол заклада нарушен при совершении подзахоронения в камеру склепа 635 в гуннское время. При этом известняковые блоки, которыми была засыпана камера склепа, оказались на одном уровне с плитами перекрытия могилы 633. Заплечики, на которые опирались камни, прослежены только вдоль длинных сторон, их ширина 0,1—0,15 м.

На дне могилы, размером 1,8×0,5 м, глубиной 0,5 м, зафиксирована подсыпка из гальки и глины, толщиной до 0,1 м. На ней было

совершено погребение взрослого человека, судя по остаткам черепа, лежавшего головой на ЮЮВ. Остальные части костяка не сохранились.

У южной стенки могилы, на боку лежали раздавленная краснолаковая миска (рис. 6: 1) и железный нож (рис. 6: 2).

1. Чашка краснолаковая с отогнутым венчиком (рис. 6: 1). Диаметр венчика 15,2 см, высота 6,0 см, диаметр поддона 4,8 см. Соответствует сосудам типа II, варианта 5 в типологии керамики могильника Совхоз 10. По мнению авторов, такие сосуды появляются на рубеже II—III вв. н. э. и существуют в III—IV вв. н. э. (Стржелецкий и др. 2005: 85, табл. XV: 12—21).

2. Нож железный (рис. 6: 2). Длина лезвия 8,7 см.

Дата: первая половина III в. н. э.

Склеп 634. Дата: конец I — первая половина II в. н. э.

Склеп 635. По мнению авторов отчета, склеп функционировал во II в. н. э. и был ограблен во второй четверти III в. н. э., а в конце IV — первой половине V в. н. э. (или во второй четверти V в. н. э.) в его камеру было впущено гуннское захоронение (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 1999: 194, 203).

Могила 700, подбойная. Дата: первая половина II в. н. э.

Могила 701, грунтовая с заплечиками. Дата: конец I — начало II в. н. э.

Могила 702, подбойная (рис. 7). Обнаружена по пятну заполнения ямы на глубине 0,50 м. Входная яма ориентирована по оси СЗ—ЮВ, ее размеры 2,4×0,8 м, глубина 2,0 м. Вдоль ее северо-западной стенки, на глубине 1,6 м устроена ступенька шириной 0,25 м, высотой 0,30 м. На дне ямы и частично в камере лежали камни, образуя фундаментный ряд кладки. Возможно, верхняя часть заклада была сложена из дерна, сырцовых кирпичей или состояла из деревянных плашек. С глубины около 0,50 м до самого дна в заполнении ямы попадались разрозненные кости конечностей конского скелета и зубы. Подбой находился с юго-западной стороны ямы, его размеры 2,25×0,60 м, сохранившаяся высота свода 0,9 м.

На дне лежал костяк женщины, погребенной в вытянутом положении на спине, головой на ЮВ, руки вытянуты вдоль туловища, правая рука чуть согнута в локте, а ее кисть

расположена на тазу, ноги слегка сближены в коленях. Умершая была положена на подстилку из камыша или тростника, остатки которого сохранились под левой рукой и тазом. Под костями и на них прослежен темно-бурый тлен, свидетельствующий о том, что погребенная была завернута в кошму.

Над остатками раздавленного черепа стояла краснолаковая тарелка (рис. 7: 2) с костью животного внутри (рис. 7: 14). В районе грудной клетки зачищены ряды стеклянных, сердоликовых, гагатовых и янтарных бус (рис. 7: 5), бронзовая пластинчатая подвеска с петлей и отверстием (рис. 7: 8), бронзовая лучковая фибула, продетая сквозь бронзовое кольцо (рис. 7: 13), бронзовое орнаментированное зеркало с боковой петлей (рис. 7: 11), лежавшее в кожаном чехле квадратной формы. На тазовых костях найдены бусы и пронизи из стекла, камня и бронзы (рис. 7: 4), железный ключ с прикипевшим остатком ткани (рис. 7: 10), бронзовая игла (рис. 7: 7), железный нож (рис. 7: 9). К ЮВ от черепа, у стенки подбоя прослежены детали и пятно тлена деревянной шкатулки размером 0,30×0,25 м (рис. 7: 6), внутри которой зачищено несколько плотно уложенных нитей стеклянных и гагатовых бус (рис. 7: 3), а также лепное пряслице (рис. 7: 12). Рядом стоял краснолаковый кувшин (рис. 7: 1).

1. Кувшин узкогорлый грушевидный, краснолаковый (рис. 8: 1). Диаметр венчика 7,8 см, высота 20 см, диаметр поддона 6,4 см. Такие же кувшины найдены также в могилах 631, 824 и 825 и в склепе 803.

2. Тарелка усеченно-коническая, с ребром и обращенным вовнутрь прямым бортиком, краснолаковая (рис. 8: 2). Диаметр венчика 21,7 см, высота 6,2 см, диаметр поддона 9,6 см. В могильниках Крымской Скифии такие тарелки встречены в комплексах с хроноиндикаторами первой половины III в. н. э.¹²

3. Фибула бронзовая с плоской спинкой, украшенной проволочной «змейкой», и с нижней тетивой (рис. 8: 13). Высота 8,4 см. А. К. Амброз датировал такие фибулы (серия II, вариант 2) второй половиной II—III в. н. э. (1966: 52). Подобные фибу-

¹² В могиле 415 (Усть-Альма) тарелка данной формы встречена в составе инвентаря верхнего погребения, а к нижнему относилась лучковая фибула 5-го варианта. В могиле 23 (Суворово) такая же тарелка найдена с лучковой фибулой 4-го варианта (Зайцев 1997: рис. 23), в могиле 12 (Левадки) с узкогорлым грушевидным кувшином и другими вещами первой половины III в. н. э. (Храпунов, Стоянова, Мульд 2001: рис. 16: 10).

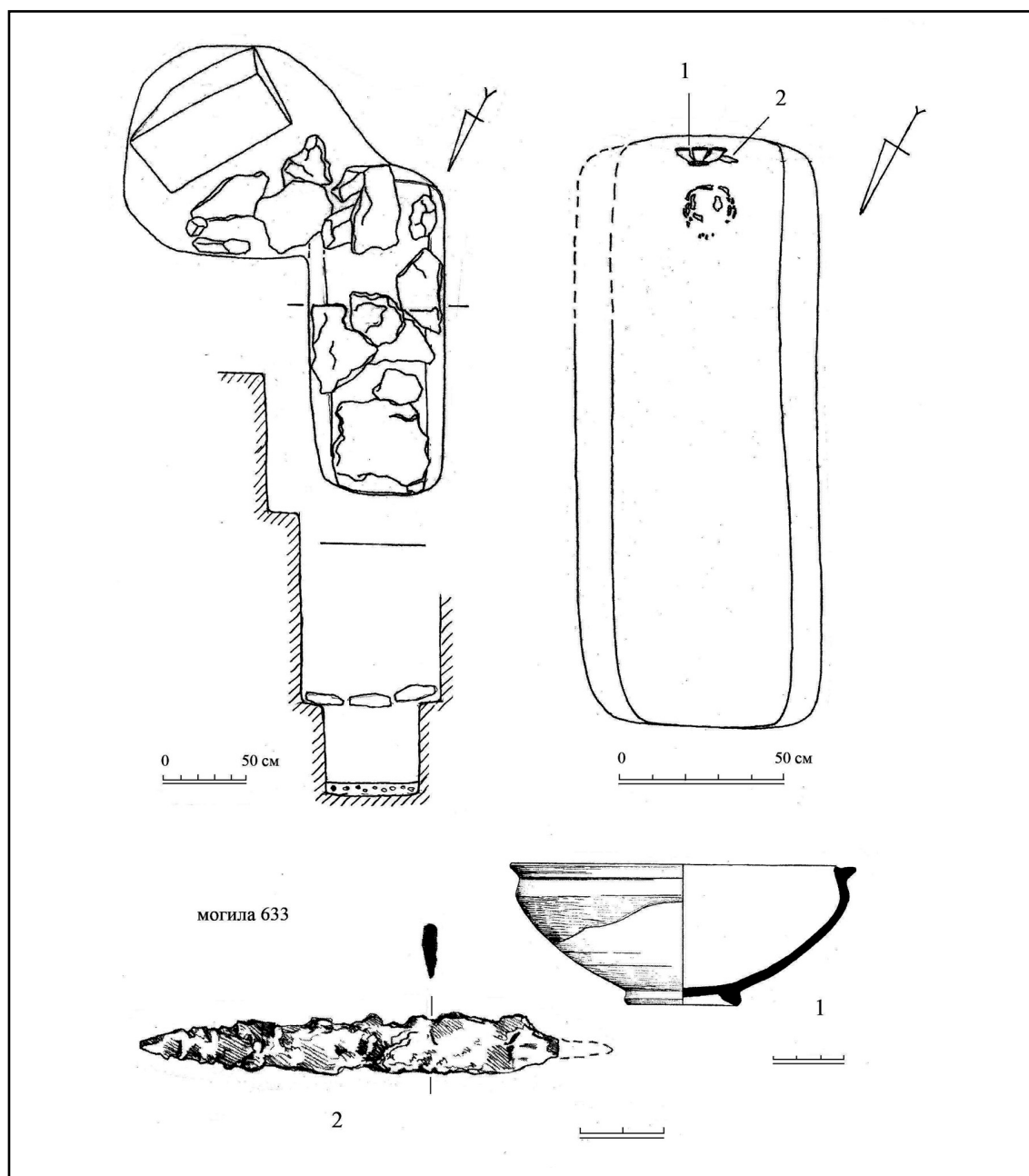

Рис. 6. Могила 633. План, разрез, план погребения, находки.

лы встречены в погребениях многих крымских могильников (Усть-Альма, Неаполь, Перевальное, Суворово, Черноречье, Нейзац, Брянское). Их существование в первой половине III в. н. э. подтверждается находками в одних с ними комплексах соответствующих хроноиндикаторов¹³. Аналогичная фибула на рассматриваемом участке Усть-Аль-

¹³ В могиле 84 (Неаполь) такая фибула встречена со змеевидным браслетом III в. н. э. (Симонович 1983: табл. XXVIII: 3; XXXV: 15). В могиле 15-6 (Перевальное) с тремя погребениями, помимо двух фибул данного типа, находились лучковые фибулы 5-го варианта, фибулы со сплошной обмоткой спинки и фибула с фигурной обмоткой проволоочной спинки.

минского некрополя найдена в могиле 824 (погребение 2).

4. Кольцо бронзовое (рис. 8: 13), в которое была продета фибула. Диаметр 3,6 см.

5. Зеркало бронзовое, орнаментированное, с боковой петлей (рис. 8: 11). Такие зеркала с орнаментом в виде «лучей», выходящих из центра (вариант 6-Б), происходят в основном из комплексов конца II — первой половины III в. н. э. (Труфанов 2007: 178).

6. Бронзовые крепления от шкатулки (рис. 8: 6) и железный ключ с прикипевшим остатком ткани (рис. 8: 10).

7. Ножа железного фрагмент (рис. 8: 9).

8. Игла бронзовая (рис. 8: 7).

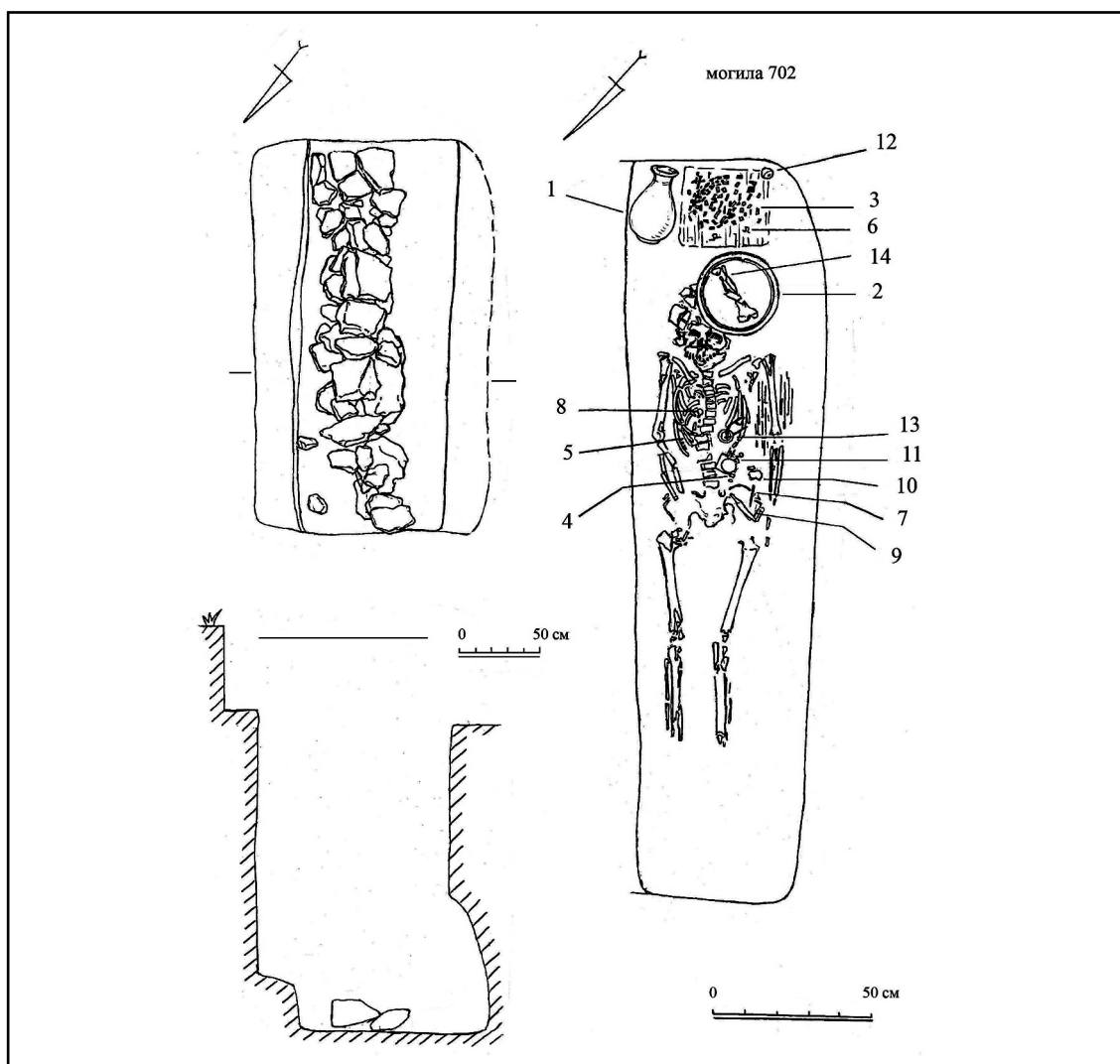

Рис. 7. Могила 702. План, разрез, план погребения.

9. Бронзовый предмет в виде круглого пластинчатого щитка с отверстием и с петлей (рис. 8: 8).

10. Пряслице биконическое, лепное, лощеное (рис. 8: 12). Диаметр 2,8 см, высота 2,4 см.

11. Бусы:

Округлые из прозрачного стекла с металлической прокладкой: сдвоенные (23 экз.) и одиночные (10 экз.) типа 1 (Алексеева 1978: 29, 30) (рис. 8: 3а, 5к).

В форме искривленных четырнадцатигранников из прозрачного зеленого стекла (65 экз.) (рис. 8: 3б) и из прозрачного лилового стекла (1 экз.) (рис. 8: 3ж) типа 137 (Алексеева 1978: 70, 71)¹⁴.

¹⁴ В типологии Е. М. Алексеевой бусы в виде четырнадцатигранников с четкими гранями разделены на типы по цвету стекла (типы 126—136, где тип 128 — лиловые, а тип 131 — темно-зеленые), а «искривленные бусы, среди которых встречаются неправильные

Призматические из прозрачного темно-зеленого стекла (38 экз.) типа 122 (Алексеева 1978: 70)¹⁵ (рис. 8: 3в, 5е).

Округлые из белого стекла (3 экз.) типа 2 (Алексеева 1978: 63) (рис. 8: 4г, 5ж).

Мелкие округлые из темно-лилового стекла (5 экз.) типа 4 (Алексеева 1978: 63) (рис. 8: 5в).

Мелкая округлая из прозрачного зеленого стекла (1 экз.) типа 8 (Алексеева 1978: 64) (рис. 8: 5и).

четырнадцатигранники и экземпляры в виде параллелепипеда» различного цвета, объединены в один тип 137 (Алексеева 1978: 70, 71).

¹⁵ У Е. М. Алексеевой тип 120 — темно-зеленые с четкими гранями, а тип 122 — сизо-зеленые со сглаженными гранями (Алексеева 1978: 70). Рассматриваемые экземпляры темно-зеленые, а их грани — разной степени сглаженности. Здесь и далее для описания усть-альминских находок я использую единое наименование «тип 122».

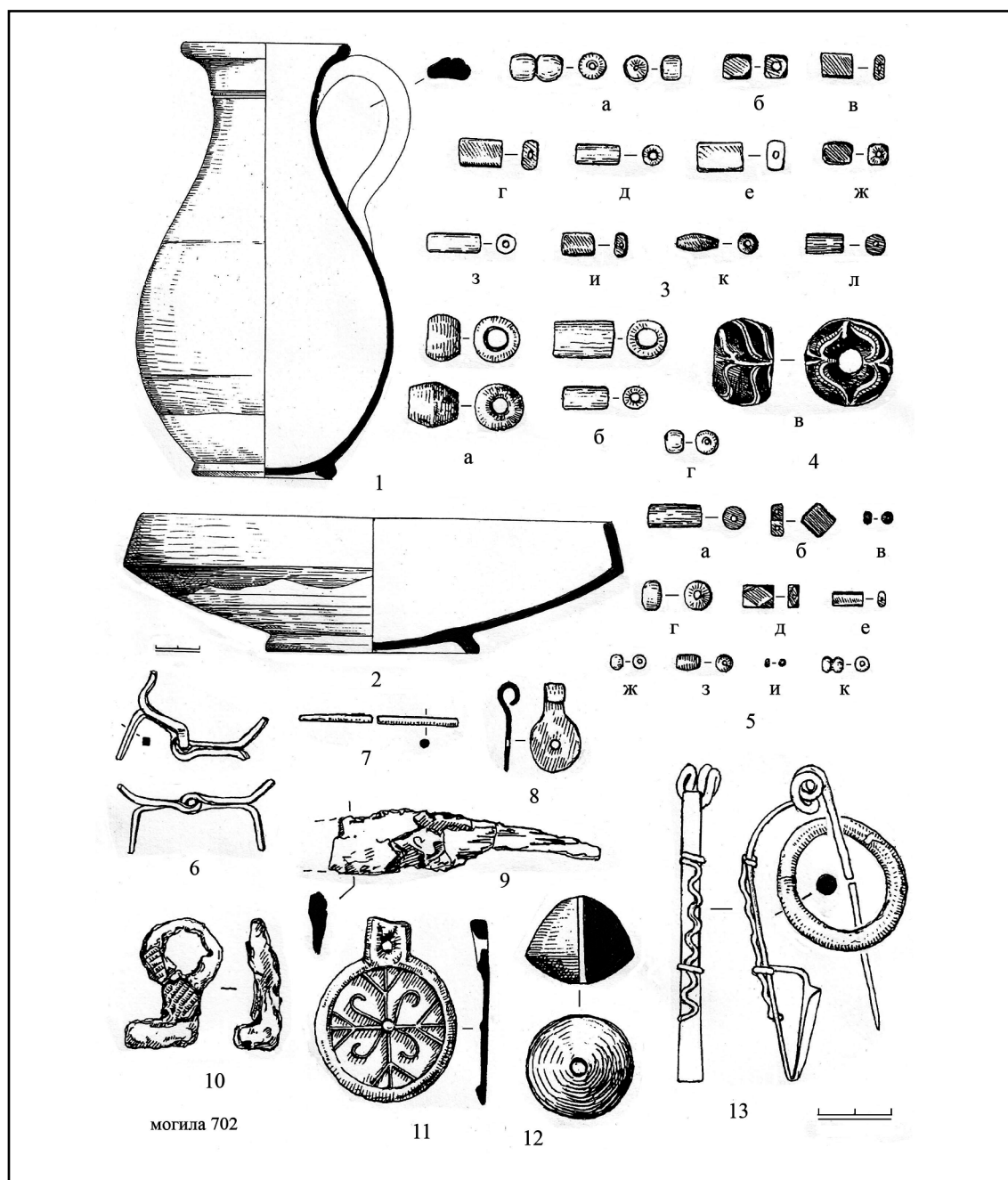

Рис. 8. Могила 702. Находки.

Призматические из красного глухого стекла (19 экз.) типа 117 (Алексеева 1978: 70) (рис. 8: 3г).

Цилиндрические из красного глухого стекла (130 экз.) типа 57 (Алексеева 1978: 67) (рис. 8: 3д, 4б).

Призматические из белого глухого стекла (5 экз.) типа 116 (Алексеева 1978: 69) (рис. 8: 3е).

Цилиндрические из белого глухого стекла (20 экз.) типа 55 (Алексеева 1978: 67) (рис. 8: 3з).

Призматические из синего стекла (3 экз.) типа 124 (Алексеева 1978: 70) (рис. 8: 3и).

Бочковидная из зеленого стекла (1 экз.) типа 25 (Алексеева 1978: 65) (рис. 8: 5з).

Веретеновидные из глухого черного стекла (2 экз.) типа 45 (Алексеева 1978: 66) (рис. 8: 3к).

Крупная округлая полихромная пронизь из черного стекла с фестонами из спаянных вместе белой и голубой нитей (1 экз.) типа 259 (Алексеева 1978: 48) (рис. 8: 4в).

Гагатые цилиндрические типа 26 и короткоцилиндрические типа 27 (84 экз.) (Алексеева 1978: 13—15) (рис. 8: 3л, 5а).

Гагатые ромбовидные (8 экз.) типа 37 (Алексеева 1978: 15, 16) (рис. 8: 5б).

Янтарные короткоцилиндрические с выступающими торцами (54 экз.) типа 11 (Алексеева 1978: 24) (рис. 8: 5г).

Сердоликовые в форме четырнадцатигранника (2 экз.) типа 15 (Алексеева 1982: 17, 18)¹⁶ (рис. 8: 5д).

Бронзовые литые пронизи: бочковидная поперечно сжатая (1 экз.) типа 3 и усеченно-биконическая (1 экз.) типа 7 (Алексеева 1982: 23, 24) (рис. 8: 4а).

Дата: вторая четверть III в. н. э.

Склеп 703. Дата: конец I — начало II в. н. э.

Могила 704, грунтовая (рис. 9). Находилась в просевшей засыпи ограбленных в древности и могилы 706 и склепа 705. Могильная яма прослежена с уровня 0,9 м, она ориентирована по линии СЗ-ЮВ, ее размеры 1,60×0,55 м, глубина 0,80 м. Над СЗ частью ямы и над заполнением камеры склепа 705, на глубине 0,5—0,7 м встречены разрозненные конские кости и зубы.

На дне могилы прослежены останки человека, лежавшего в вытянутом положении, головой на ЮВ, кисть левой руки на тазу, правой — на бедре, левая нога согнута в колене и отставлена в сторону. Инвентаря нет.

Исходя из стратиграфии и учитывая фрагменты керамики в заполнении слоя, погребение в могиле 704 предположительно отнесено к первой половине III в. н. э.

Склеп 705. Дата: середина I — первая половина II в. н. э.

Могила 706, подбойная. Дата: конец I — начало II в. н. э.

Могила 707, плитовая. Инвентаря нет. Предполагаемая датировка (II — первая половина III в. н. э.) основывается на представлении о времени появления плитовых могил в Юго-Западном Крыму (Пуздровский 1994: 116).

Могила 708, грунтовая, с заплечиками и каменным перекрытием. Дата: конец I — начало II в. н. э.

Могила 709, грунтовая. Находилась над заполнением склепа 703. Пятно могильной ямы обнаружено на глубине 0,7 м. Ее первоначальное заполнение обрушилось при обвале свода камеры склепа. Могила была ориентирована по оси СЗ-ЮВ, ее ширина 0,75 м, глубина 0,7 м, длина около 2 м.

На глубине 2—2,5 м от современной дневной поверхности в черноземном заполнении склепа 703 найдены разрозненные кости человеческого скелета и краснолаковая тарелка.

1. Краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком (рис. 9). Диаметр венчика 12,5 см, высота 4 см, диаметр поддона 5 см. Формально близка сосудам типов III-Д-1 и III-Д-3 по А. А. Труфанову, датированных II в. н. э. и второй половиной II — первой половиной III в. н. э. соответственно (Труфанов 1997: 188, 189), а также некоторым тарелкам формы 4.2 по Д. В. Журавлеву, отмечавшему ее существование в течение всего II в. н. э. и первой половины III в. н. э. (Журавлев 2005: 146—148).

Дата: II (вторая половина?) — первая половина III в. н. э.

Могила 711. Дата: конец I в. н. э.

Могила 792, плитовая (рис. 11). Обнаружена на глубине 0,50 м от современной поверхности по трем расположенным в ряд и стоящим почти вертикально камням, отмечавшим в древности могильную насыпь. Ниже, на глубине 0,85 м удалось проследить контуры могильной ямы, ориентированной по линии ССЗ—ЮЮВ. Ее размеры 2,20×0,65—0,80 м, глубина — 1,05 м. У западной и восточной стенок могильной ямы, на дне находились вертикально поставленные обломки известняка средних размеров. На них опирались плиты перекрытия с последующим слоем более мелких обломков.

На дне могильной ямы зафиксированы остатки деревянного, дощатого гроба и чрезвычайно плохо сохранившегося костяка взрослого человека. Судя по очертаниям могильной ямы, суженной в ССЗ части, и остаткам костей, погребенный, скорее всего, был ориентирован головой на ЮЮВ.

На лучевой кости руки погребенного лежал бронзовый браслет с несомкнутыми, утолщенными, овальными в сечении концами (диаметр 6,0—6,8 см) (рис. 11: 1) того же типа, что в могилах 631, 824 и 825.

Дата: вторая половина II — первая половина III в. н. э.

Могила 793, подбойная (рис. 12). Обнаружена по закладным плитам, на глу-

¹⁶ Е. М. Алексеева различала четырнадцатигранные бусы из темного сардера (тип 5) и более светлого сердолика (тип 15) (Алексеева 1982: 17—19). Здесь я использую единое и более привычное название материала таких бус — сердолик, вне зависимости от его цвета.

№4. 2010

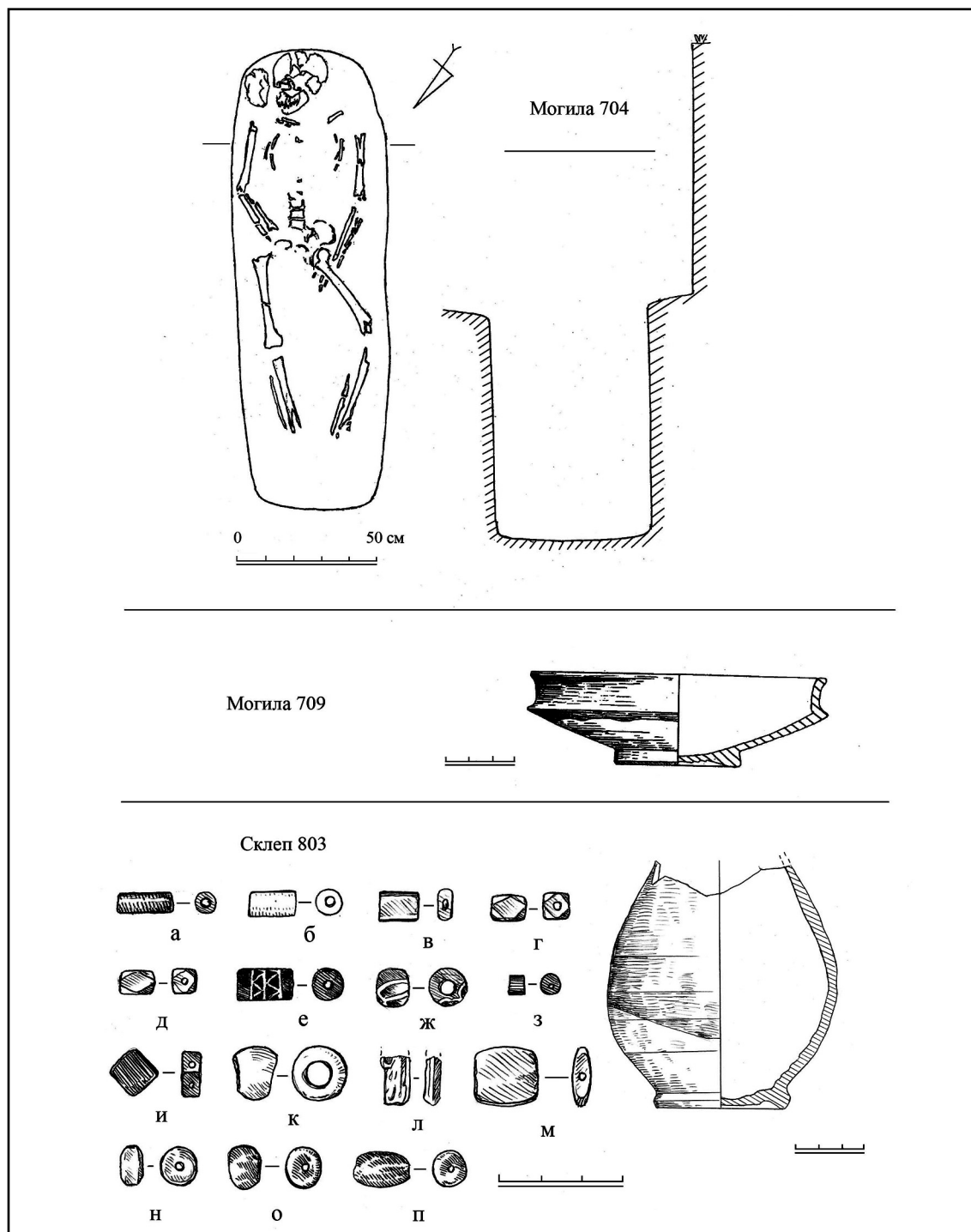

Рис. 9. Могила 704, план, разрез. Тарелка из могилы 709. Находки из склепа 803.

бине 0,80 м от уровня современной дневной поверхности. Могильная яма размерами 0,22×0,45 м ориентирована по линии ССЗ—ЮЮВ. Ее северо-восточная стенка имеет выраженный наклон в придонной части. Подбой, расположенный к юго-западу от ямы, отделен рядом закладных плит. Свод подбоя не сохранился, так как был вырублен в мягком грунте, заполнявшем могильную яму более ранней грунтовой могилы 794 (см. ниже). Размеры подбойной камеры: 2,25×0,50 м.

На дне подбоя находился костяк взрослого мужчины, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮВ.

У ЮЮВ стенки камеры, за черепом стоял лепной одноручный кубок (рис. 12: 1). У позвоночника зачищена крупная пронизь из черного стекла с белыми фестонами (рис. 12: 9), рядом — бронзовая двучленная лучковая фибула с железным стержнем, вставленным в пружину (рис. 12: 7). В области костей таза было зафиксировано пятно желтой рыхлой

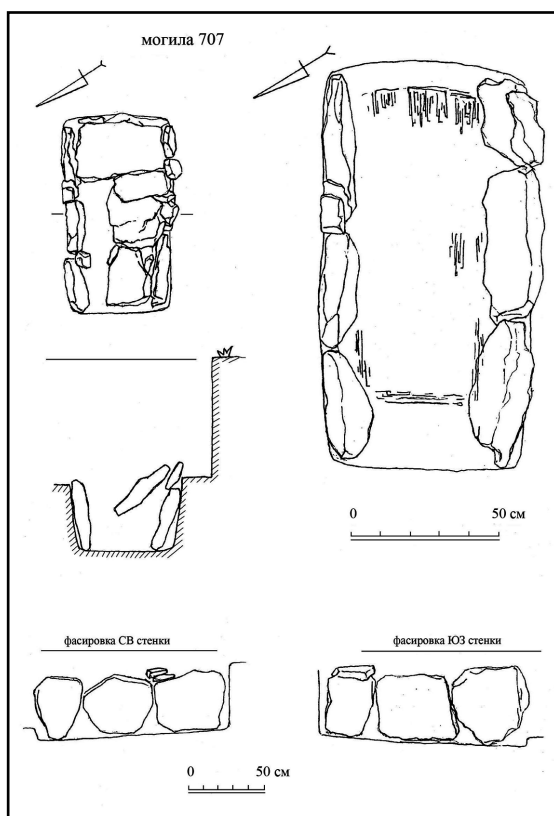

Рис. 10. Могила 707. План, разрез, фасировки стенок.

субстанции (серы?) (рис. 12: 11), бронзовая пряжка с круглым щитком и фигурным язычком (рис. 12: 2), а также дуговидный пластинчатый наконечник ремня (рис. 12: 4). Между локтем и кистью правой руки лежали фаянсовая ребристая бусина (рис. 12: 8) и железный нож (рис. 12: 10). У правого бедра находилась бронзовая пряжка с выпуклой рамкой из круглой пластины и с подвижным язычком (рис. 12: 3). Две железные пряжки с прямоугольными щитками были обнаружены на щиколотках ног (рис. 12: 5, 6).

1. Сосуд легнй, одноручный (рис. 13: 1). Диаметр венчика 9,2 см, высота 8,5 см, диаметр дна 7 см.

2. Фибула бронзовая лучковая подвязная, двучленная, с четырехгранной спинкой и железным стержнем в пружине (рис. 13: 7). Высота 8,7 см.

3. Пряжка бронзовая с выпуклой рамкой из круглой пластины и подвижным прогнутым язычком без уступа у основания (рис. 13: 3). Считается, что такие пряжки использовались в качестве фиксатора для портупейного ремня, при этом отмечается, что в ряде случаев вместе с некоторыми из них были найдены крупные бусины или бляхи из ископаемой раковины (Малашев, Яблонский 2008: 52). Предполагаю, что хрупкая конструкция изделия допускает его использование лишь

в качестве облицовки некой (деревянной или кожаной) основы. Дополненная сводка находок таких вещей (12 экз.) была представлена В. Ю. Малашевым (Малашев, Яблонский 2008: 52, рис. 204, 4—11)¹⁷. По его мнению, пряжки данного типа с язычком без уступа у основания датируются первой половиной III в. н. э., а пряжки, язычок которых имеет такой уступ, надо относить к середине — второй половине III в. н. э. (Малашев, Яблонский 2008: 52). Рассматриваемая пряжка из могилы 793, таким образом, по отсутствию уступа на язычке соответствует ранним изделиям. Пряжка раннего варианта, подобная усть-альминской, найдена, например, в кургане 20 (Новоалександровка) с узкогорлой светлоглиняной амфорой типа D по Д. Б. Шелову и фасетированной прямоугольной пряжкой (Беспальый 1990: рис. 4, 10).

4. Пряжка бронзовая с овальной рамкой, фигурным язычком и пластинчатым щитком с заклепкой (рис. 13: 2). Лицевая пластина щитка округлой формы, с фасетированным краем, тыльная сторона прямоугольная. По типологическим признакам (фасетированный круглый щиток, язычок без уступа у основания) данная пряжка может быть сравнима с изделиями типа П26 по В. Ю. Малашеву, датировавшему их III в. н. э. (Малашев 2000: 195, 207—209).

5. Наконечник ремня бронзовый, пластинчатый, подковообразной формы, с тремя заклепками (рис. 13: 4). Длина 3,0 см, ширина 1,8 см.

6. Пряжки железные (2 экз.) с овальными рамками с утолщением в передней части, подвижными язычками и прямоугольными щитками (рис. 13: 5, 6). Язычок одной из пряжек прогнутый, другая пряжка с прямым язычком. Тип П1 по В. Ю. Малашеву, датировавшему такие изделия второй половиной II — первой половиной III в. н. э. (Малашев 2000: 195, 208, 209).

7. Нож железный, фрагментированный (рис. 13: 10). Сохранившаяся длина лезвия 8,6 см.

8. Бусы:

Полихромная бочковидная из глухого черного стекла с белыми фестонами (1 экз.) типа 262-а (Алексеева 1978: 48) (рис. 13: 9).

¹⁷ Область распространения таких пряжек, по мнению В. Ю. Малашева, состоит из двух районов наибольшей концентрации: Боспора с Нижним Подоньем и степной полосы Приуралья (Новоалександровка I, Камышевский I, Лебедевка V, Красный Яр, Салихово, Керчь (3 экз.), Южная Озерейка, Покровка (2 экз.), Боровское городище дяковской культуры) (Малашев, Яблонский 2008: 52).

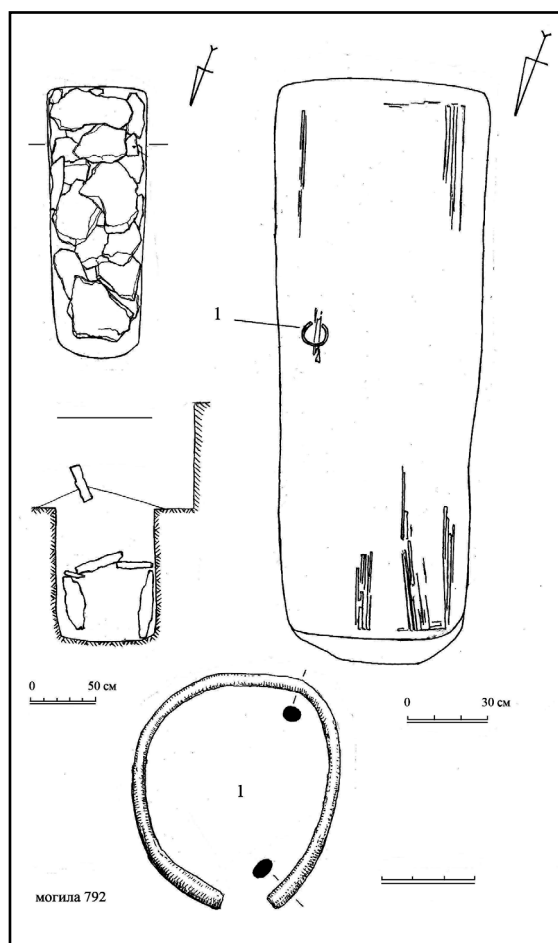

Рис. 11. Могила 792. План, разрез, план погребения. Браслет из могилы 792.

Округло-ребристая из «египетского фаянса» бирюзового цвета типа 16-в (Алексеева 1975: 33, 34) (рис. 13: 8).

Дата: вторая треть III в. н. э.

Могила 794, грунтовая (рис. 12). Северо-восточная стенка могилы по большей части уничтожена при сооружении подбоя более поздней могилы 793. Могильная яма прямоугольных очертаний, размерами 1,85×0,65 м, ориентирована по линии СЗ—ЮВ.

На дне ямы находился костяк взрослого человека, захороненного в вытянутом положении, головой на юго-восток. Среди ребер, у левого локтя лежал железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы.

Оснований для узкой датировки погребения нет. Ясно лишь, что эта могила является более ранней по отношению к могиле 793.

Могила 795, подбойная. Ограблена в древности. Входная яма, размерами 2,65×0,90 м, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. В ее заполнении найдены отдельные фрагменты гончарной керамики, в том числе коричневоглиняного кувшина. В юго-западной стенке ямы,

в придонной части вырублена ступень высотой 0,40—0,45 м. Подбой, размерами 2,75×0,40 м, сооружен в СВ стенке входной ямы и отделен от него закладом из плоских обломков известняка. Большинство плит сохранилось в своем первоначальном положении, закрывая вход в подбойную камеру, но в северо-западной части заклад был еще в древности разрушен грабителями. В засыпи могильной ямы и на ее дне зафиксированы куски деревянного гроба и несколько смещенных костей взрослого человека.

У ЮВ стенки камеры лежал лепной светильник на ножке, в емкости которого, прикрытой стенкой узкогорлой светлоглиняной амфоры, сохранились остатки истлевшего органического вещества.

Дата: II — первая половина III в. н. э.

Могила 797. Подбойная (рис. 14). Выявлена по контурам пятна заполнения могильной ямы, прослеженному на глубине 0,85 м от уровня современной поверхности. Могильная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами, ориентирована по линии СЗ—ЮВ. Ее размеры 1,95×0,75 м, глубина от уровня фиксации контуров до дна — 2,05 м. В заполнении ямы найден обломок верхней части красноглиняной амфоры с манжетовидным венчиком (рис. 15: 1). В нижней части ЮЗ и ЮЗ стенок входного колодца прослежены длинные ступени высотой 0,75 м от уровня дна. В южном углу ямы они смыкаются, образуя ярус. В этом месте ширина ступеней наибольшая (0,10 м), к восточному и западному углам они сливаются со стенками. У самого дна, в ЮЗ стенке ямы, вырублена еще одна ступень, высотой 0,30 м. Нижний уровень заполнения входного колодца (до высоты свода подбоя) состоял из обломков известняка, наваленных на закладные плиты и на дно вперемешку с грунтом. Подбой был вырублен в СВ стенке входного колодца и отделен от него известняковыми плитами заклада, некоторые из которых просели в камеру. Размеры подбоя 1,70×1,60 м. Свод частично обрушен, но, судя по сохранившимся участкам и конструкции заклада можно предполагать, что его высота составляла около 0,75 м. Дно подбойной камеры имело небольшое повышение (до 0,05 м) по сравнению с уровнем дна входного колодца.

На дне могилы обнаружены два погребения, первое из которых совершено в подбое, а другое — во входной яме, под находившимися в ней плитами заклада и обломками известняка.

Погребение 1 (подросток?). Погребенный лежал на дне подбоя, в вытянутом положении,

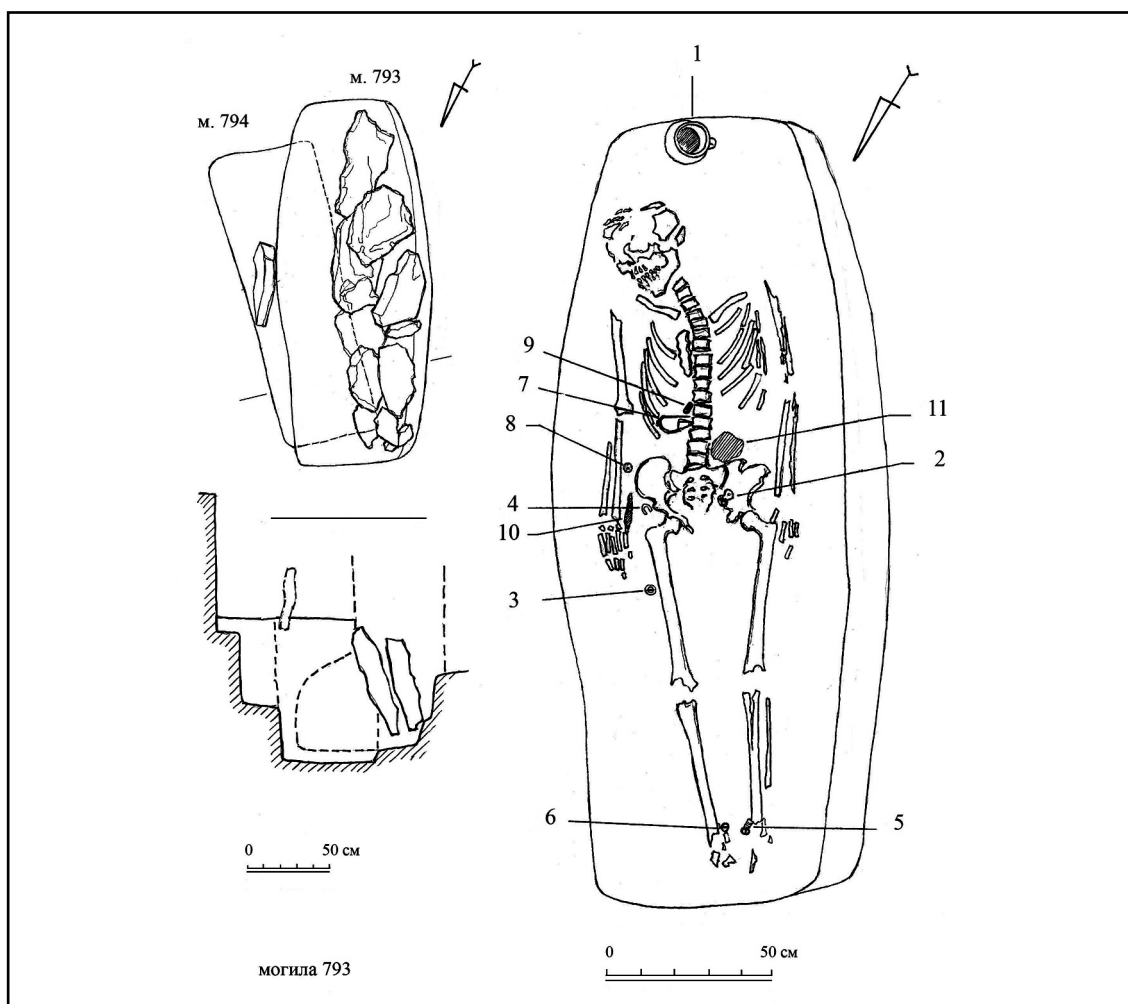

Рис. 12. Могила 793 и 794. План, разрез. План погребения в могиле 793.

головой на юго-восток, руки вытянуты вдоль туловища. Череп сохранился плохо, под ним найден обломок стенки гончарного сосуда, рядом — бронзовая проволоочная серьга с надетой на нее стеклянной бусиной (рис. 14: 3). Поверх костей и под ними, по всей площади погребения на дне прослежены контуры пятна темно-бурого органического тлена (кошма?), размерами 1,45×0,45 м. У СВ стенки подбоя, рядом с правым плечом погребенной лежала краснолаковая тарелка (рис. 14: 2) с костью животного. В области позвоночника зафиксировано скопление янтарных, гагатových и стеклянных бус (рис. 14: 4). На дне подбоя, под тленом кошмы, под левым коленом погребенного зачищен плоский обломок известняка.

Погребение 2 (женщина). Захоронение обнаружено на дне входной ямы, к юго-западу от погребения 1. Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток, руки вытянуты вдоль туловища, левая слегка согнута в локте. В нижней части ног зачищены ряды стеклянных бус (рис. 14: 5), которыми, вероятно, были расшиты голенища обу-

ви. В СЗ углу могильной ямы, на 0,10 м выше уровня дна, у ног найден бронзовый перстень со стеклянной вставкой (рис. 14: 6), возможно, сметенный сюда в процессе зачистки.

1. Амфоры красноглиняной с манжетовидным венчиком верхней части фрагмент (рис. 15: 1). Диаметр венчика 6,5 см.

2. Тарелка краснолаковая с вертикальным бортиком (рис. 15: 2). Диаметр венчика 14 см, высота 4,5 см, диаметр поддона 6 см. Тип III Д-3 по А. А. Труфанову с датировкой в рамках второй половины II — первой половины III в. н. э. (Труфанов 1997: 189). Соответствует сосудам формы 4.2 по Д. В. Журавлеву, датировавшему их в границах II — первой половины III в. н. э. (Журавлев 2005: 146).

3. Бронзовый перстень со стеклянной вставкой (рис. 15: 6).

4. Серьга бронзовая, проволоочная, с надетой бусиной (рис. 15: 3).

5. Бусы.

Округлая бусина из белого стекла (1 экз.) типа 2 (Алексеева 1978: 63) на серьге (рис. 15: 3).

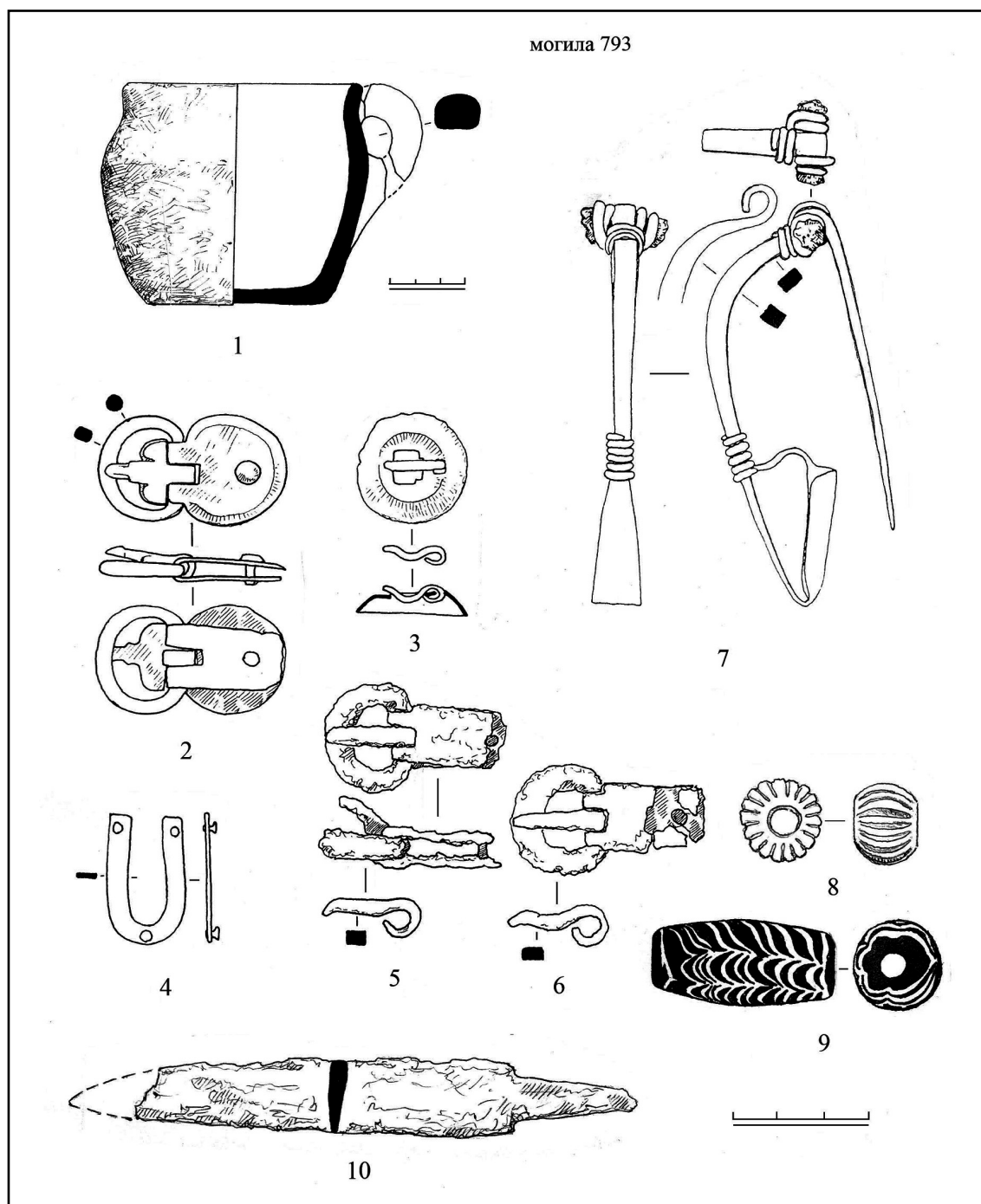

Рис. 13. Могила 793. Находки.

Гагатые цилиндрические типа 26 (3 экз.) (Алексеева 1978: 13—15) (рис. 15: 4а).

Янтарные неправильной формы (2 экз.) типа 44 (Алексеева 1978: 25, 26) (рис. 15: 4б).

Мелкая цилиндрическая стеклянная бусина неопределенного цвета (рис. 15: 4в).

Цилиндрические из белого глухого стекла (42 экз.) типа 55 (Алексеева 1978: 67) (рис. 15: 5а).

Округлые из прозрачного сизо-зеленого стекла (2 экз.) типа 11 (Алексеева 1978: 64) (рис. 15: 5б).

Цилиндрические из красного глухого стекла (58 экз.) типа 57 (Алексеева 1978: 67) (рис. 15: 5в).

Призматические из красного глухого стекла (44 экз.) типа 117 (Алексеева 1978: 70) (рис. 15: 5г).

В форме четырнадцатигранников из синего стекла (15 экз.) типа 137 (Алексеева, 1978, с. 70, 71) (рис. 15: 5д).

Бочковидные из прозрачного сизо-зеленого стекла (31 экз.) типа 125 (Алексеева 1978: 65) (рис. 15: 5е).

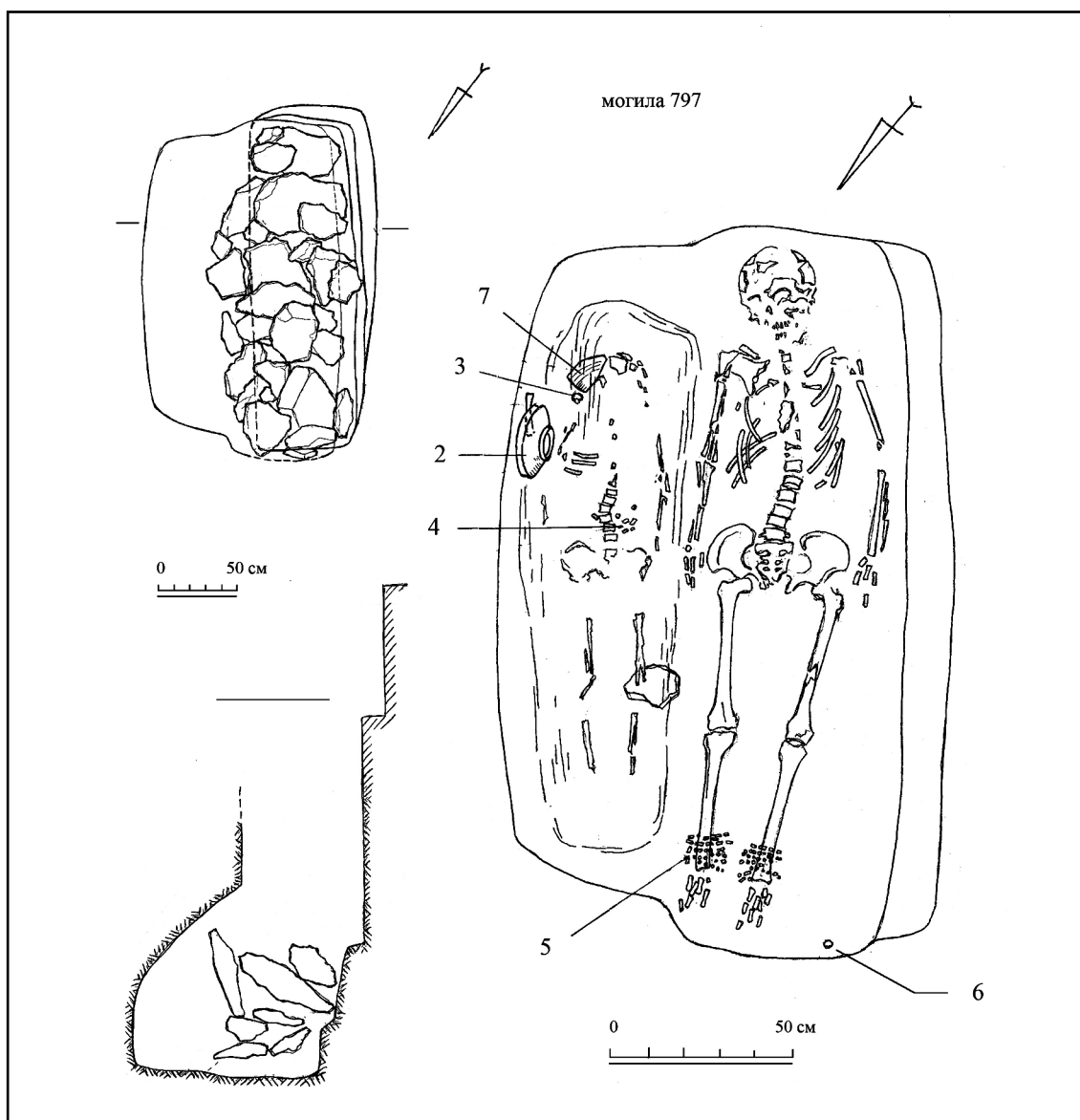

Рис. 14. Могила 797. План, разрез, план погребений.

Округлые из прозрачного стекла с металлической прокладкой, неразделенные (8 экз.) типа 1 (Алексеева 1978: 29, 30) (рис. 15: 5ж).

Дата: первая половина III в. н. э.

Могила 798, грунтовая, с заплеками и каменным перекрытием. Дата: конец I — первая половина II в. н. э.

Склеп 803. Ограблен. Находки из засыпи камеры позволяют предположительно датировать функционирование склепа в рамках конца I — первой половины III в. н. э., возможно, с перерывами. На то, что позднейшие захоронения в склепе осуществлялись в рамках второй половины (или конца) II — первой половины III в. н. э., указывает, в частности, набор найденных в засыпи камеры бус. Среди них:

Цилиндрические из красного глухого стекла (180 экз.) типа 57 (Алексеева 1978: 67) (рис. 9: а).

Цилиндрические из белого глухого стекла (28 экз.) типа 55 (Алексеева 1978: 67) (рис. 9: б).

Призматические из прозрачного темно-зеленого стекла (31 экз.) типа 122 (Алексеева 1978: 70) (рис. 9: в).

В виде четырнадцатигранников и неправильных четырнадцатигранников из прозрачного зеленого стекла (17 экз.) типов 131 и 137 (Алексеева 1978: 70) и такие же из синего стекла (22 экз.) (рис. 9: г, д).

Цилиндрическая из прозрачного лилового стекла с зигзагообразным орнаментом белого цвета (1 экз.) типа 347 (Алексеева 1978: 54) (рис. 9: е).

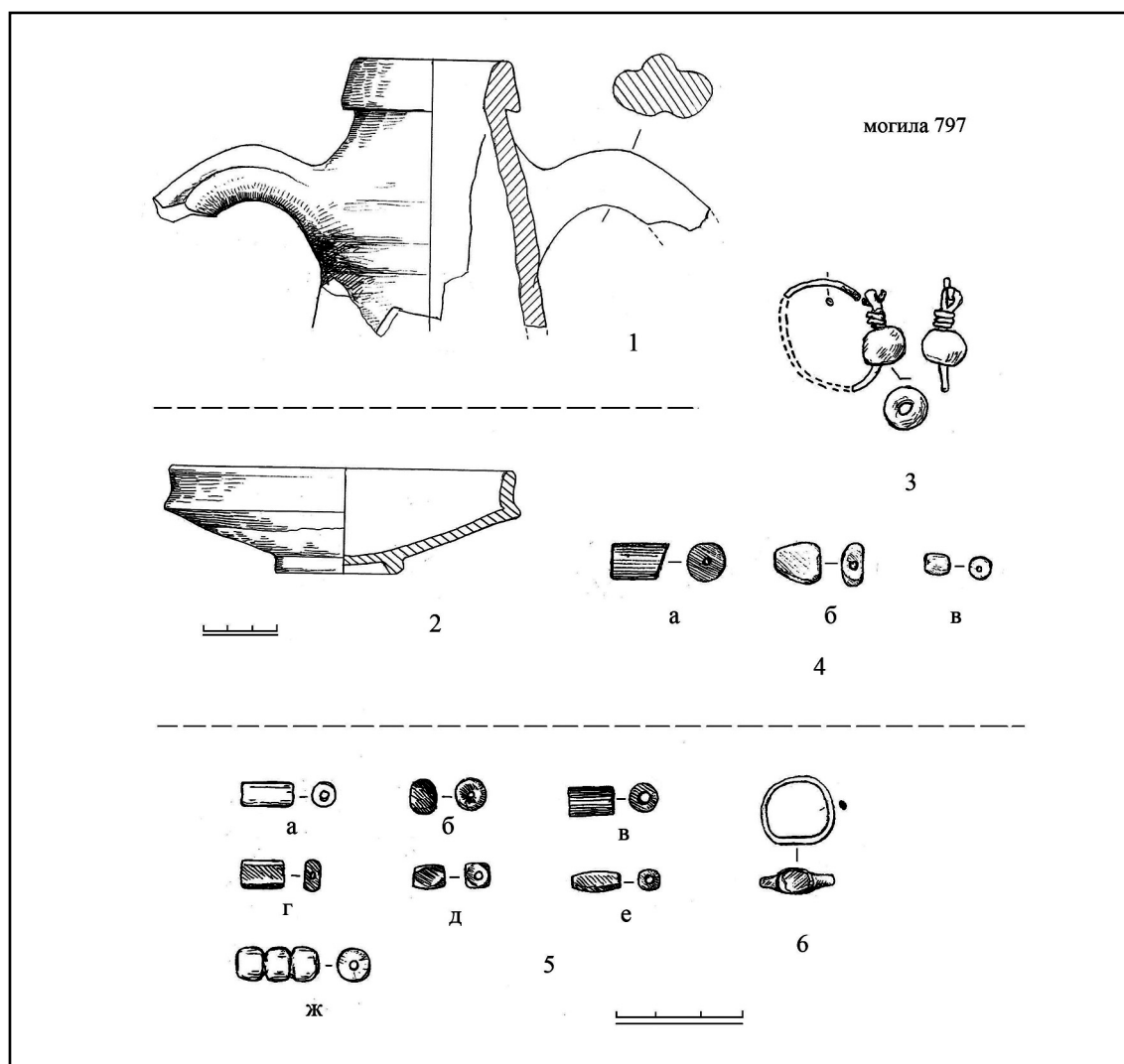

Рис. 15. Могила 797. Находки.

Гагатовые короткоцилиндрические (121 экз.) типа 27 (Алексеева 1978: 13—15) (рис. 9: з).

Гагатовые ромбовидные (19 экз.) типа 37 (Алексеева 1978: 15, 16) (рис. 9: и).

Округлая гладкая фаянсовая бусина (1 экз.) типа 3 (Алексеева 1975: 31) (рис. 9: к).

Фрагмент фигурной фаянсовой пронизи (1 экз.) (рис. 9: л).

Янтарные неправильной формы (14 экз.) типа 44 (Алексеева 1978: 25, 26) (рис. 9: м).

Янтарные короткоцилиндрические с выступающими торцами (24 экз.) типа 11 (Алексеева 1978: 24) (рис. 9: н).

Округлая поперечно сжатая бусина из сердолика (1 экз.) типа 2 (Алексеева 1982: 15) (рис. 9: о).

Бочковидные бусы из сердолика (2 экз.) типа 3 (Алексеева, 1982, с. 16) (рис. 9: п).

К позднему периоду функционирования склепа, полагаю, следует относить также нижнюю часть краснолакового сосуда (рис. 9),

относящегося к типу узкогорлых кувшинов с грушевидным туловом.

Могила 823, подбойная. Входная яма, размерами 2,65×0,80 м, ориентирована по линии ССЗ—ЮЮВ. Переход из ямы в подбой оформлен в виде ступени высотой 0,40—0,45 м. Заклад состоял из ряда обломков известняка, положенных под ступенью, и поставленных на них вертикально плит, отгораживающих камеру. В северной части он был поврежден древним грабительским шурфом, в засыпи которого найден фрагмент краснолаковой тарелки.

На дне подбоя зачищены остатки женского захоронения. Костяк полностью истлел и об ориентации погребенной (головой на ЮЮВ) можно заключать лишь по сохранившимся деталям одежды и размещении украшений. В северной части камеры лежали обломки железной скобы и фрагмент горла светлоглиняной узкогорлой амфоры типа

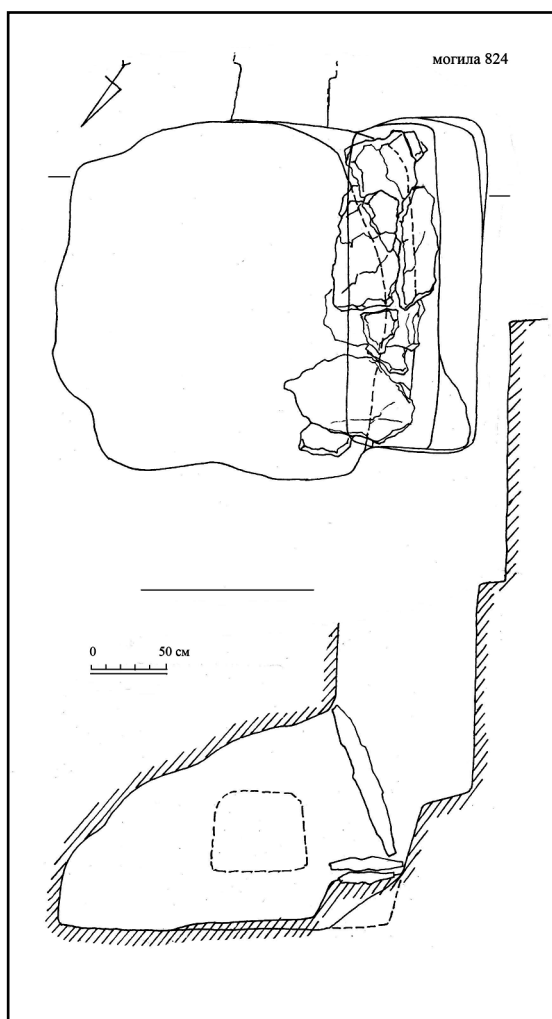

Рис. 16. Могила 824. План, разрез.

С по Д. Б. Шелову. В центральной части могилы, на дне, найдены бусы, низка которых составляла, вероятно, браслет. Рядом находились перстни: из желтого металла с двумя сердоликовыми вставками, серебряный с пластинчатым щитком и бронзовый со стеклянной вставкой. На фалангах пальцев другой руки также зафиксировано три перстня — из бронзы, с сердоликовыми вставками-геммами. Рядом с ними обнаружены мелкие фрагменты шитья из желтого металла, которыми были украшены рукава одежды. В области ног зачищено большое количество мелких бус от обшивки подола платья или обуви. Примечательно, что набор бус из могилы 823 во многом совпадает с представленными на этом же участке комплексами первой половины III в. н. э.

Бусы:

Округлые из прозрачного стекла с металлической прокладкой, неразделенные (1 экз.) и одиночные (12 экз.) типа 1 (Алексеева 1978: 29, 30).

Веретеновидная из прозрачного стекла с металлической прокладкой (1 экз.).

Грушевидная из зеленого стекла (1 экз.).

Цилиндрические из красного глухого стекла (135 экз.) типа 57 (Алексеева 1978: 67).

Цилиндрические из белого глухого стекла (14 экз.) типа 55 (Алексеева 1978: 67).

Призматические из прозрачного темно-зеленого стекла (45 экз.) типа 122 (Алексеева 1978: 70).

Призматические из красного глухого стекла (22 экз.) типа 117 (Алексеева 1978: 70).

В виде четырнадцатигранников и неправильных четырнадцатигранников из прозрачного зеленого стекла (46 экз.) типов 131 и 137 (Алексеева 1978: 70).

Пронизь из глухого красного стекла из перекрученного жгута (1 экз.) типа 156 (Алексеева 1978: 72).

Янтарные неправильной формы (5 экз.) типа 44 (Алексеева 1978: 25, 26).

Янтарные короткоцилиндрические с выступающими торцами (10 экз.) типа 11 (Алексеева 1978: 24).

Гагатовые цилиндрические типа 26 (1 экз.) и короткоцилиндрические (30 экз.) типа 27 (Алексеева 1978: 13—15).

Дата: вторая половина II в. н. э.

Могила 824, подбойная (рис. 16; 17). Обнаружена по пятну заполнения входной ямы. При сооружении подбоя была использована камера склепа 828, немного расширенная в северо-восточной части. Могильная яма прямоугольных очертаний, размерами 2,20×0,90 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. При сооружении этой ямы был прорезан слой гальки мощностью 0,15—0,20 м. Во избежание просыпания гальки в яму древние строители замазали поверхность стен в могильной яме в местах выхода слоя гальки серой глиной. Дно входной ямы оформлено в виде ступени, высотой около 0,95 м от уровня дна погребальной камеры. Камера, расположенная с СВ стороны от входной ямы, отделена от входного колодца закладом из каменных плит высотой до 1,0 м, некоторые из плит заклада опирались на положенные плашмя камни. Размеры камеры 2,20×2,35 м, она была полностью заполнена грунтом обвалившегося свода.

В погребальной камере прослежены захоронения двух человек, кости которых располагались в анатомическом порядке, а также разрозненные кости, которые условно были идентифицированы как остатки еще одного, самого раннего захоронения.

Погребение 1 (?). У северо-восточной стенки погребальной камеры обнаружены отдельные фрагменты костей человека, рас-

№4. 2010

положенные поверх слоя органического тлена от кошмы. Удивляет малочисленность этих костей, расположенных не в анатомическом порядке. Возможно, их следует считать остатками какого-то из ранних погребений склепа 828, помещенными на кошму при вторичном использовании камеры склепа. Но среди указанных костей найдена кость животного (рис. 17: 26), а также бронзовые пряжка (рис. 17: 1) и наконечник ремня с приклепавшим фрагментом ткани (рис. 17: 2), датировка которых соответствует времени совершения захоронений 2 и 3.

Погребение 2. Захоронение мужчины (?), погребенного в вытянутом положении на спине, головой на ЮВ, кисть левой руки на бедре. В районе грудной клетки погребенного были обнаружены бронзовая пронизь (рис. 17: 6) и бронзовая лучковая фибула со свинцовым стержнем в пружине (рис. 17: 5). В области таза лежал одноручный крас-

нолаковый кувшин (рис. 17: 3), а на коленных суставах — краснолаковая тарелка (рис. 17: 4), внутри которой находились кость животного (рис. 17: 25) и железный нож (рис. 17: 7).

Погребение 3. Захоронение женщины, погребенной в вытянутом положении на спине, головой на ЮВ. У черепа погребенной зачищены истлевшие остатки гроба и железные гвозди (рис. 17: 23). По сторонам от черепа найдены две бронзовые серьги (рис. 17: 11), у шейных позвонков — бусы (рис. 17: 21), в области позвоночника — бронзовая фибула с завитком на конце приемника (рис. 17: 10), у левого локтя — стеклянная бусина (рис. 17: 13) и пронизь из свернутой в трубочку бронзовой пластины (рис. 17: 12), а также бронзовое орнаментированное зеркало (рис. 17: 14). В районе запястий находились бронзовые браслеты (рис. 17: 19, 20), среди фаланг пальцев — перстни (рис. 17: 15—17). У запястья

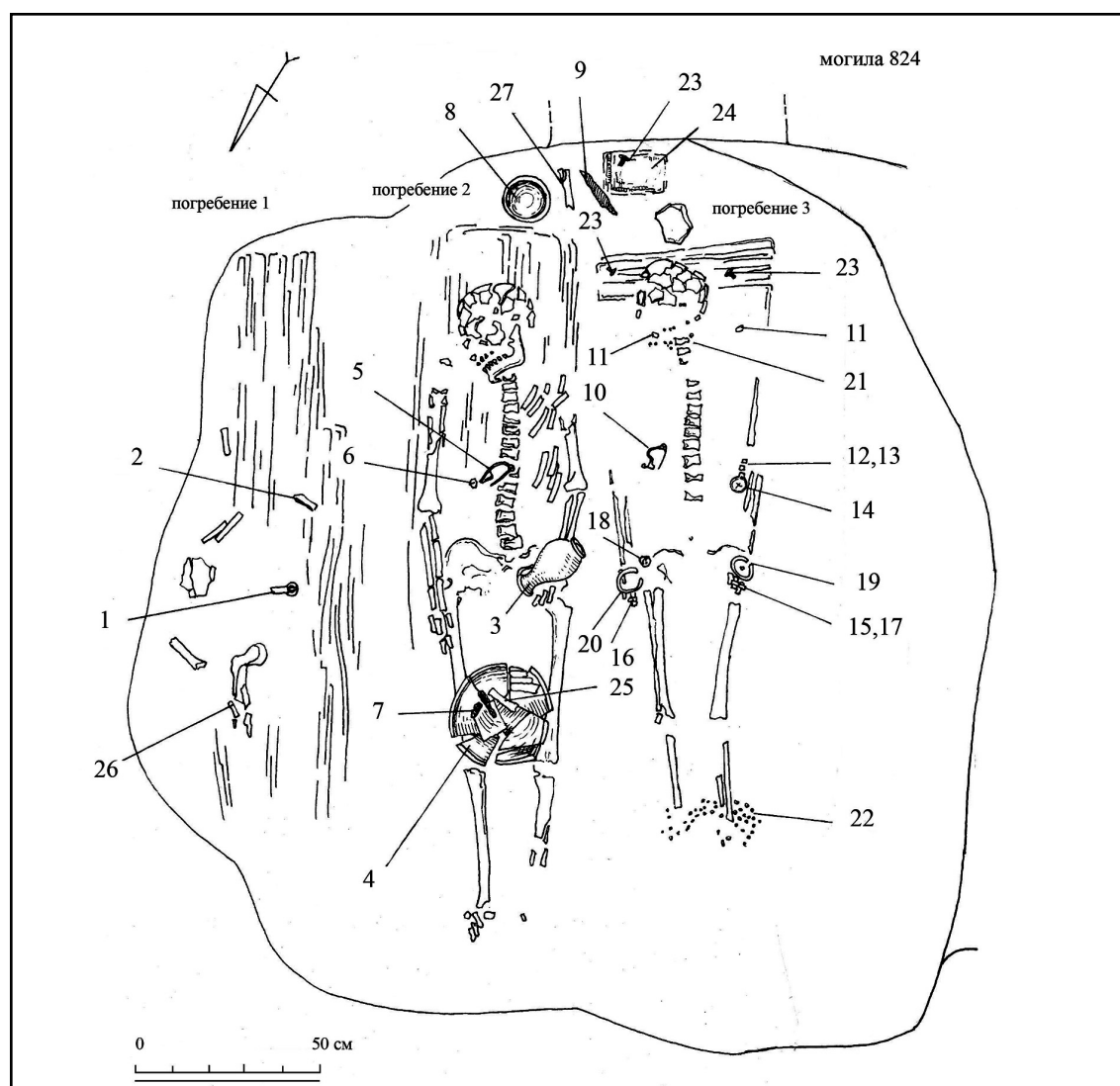

Рис. 17. Могила 824. План погребений.

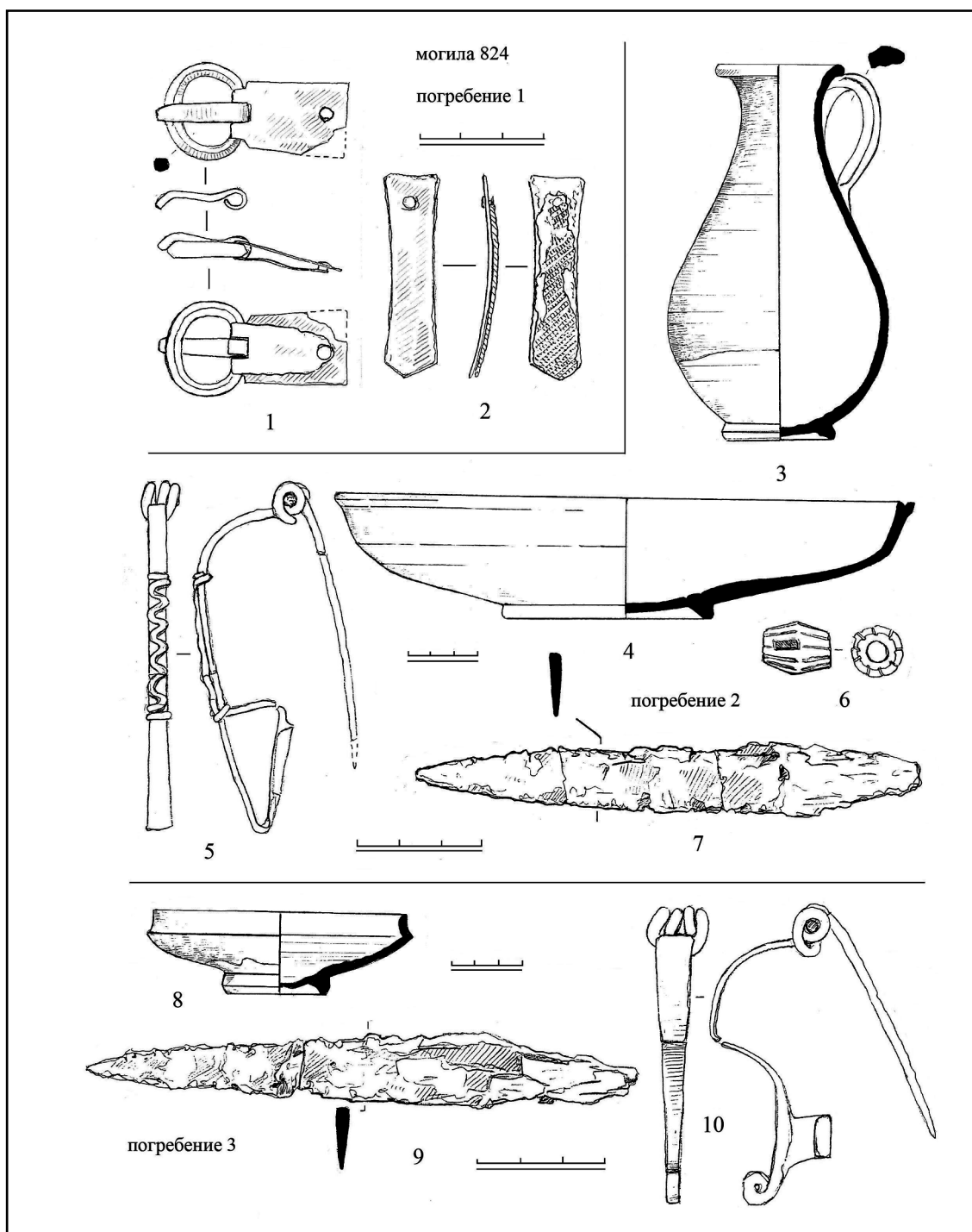

Рис. 18. Могила 824. Находки.

правой руки лежало лепное керамическое пряслице (рис. 17: 18). В районе берцовых костей зачищены ряды многочисленных бус (рис. 17: 22), которыми была расшита обувь или край одежды.

У юго-восточной стенки камеры, за головами погребенных зафиксировано скопление предметов, вероятнее всего, связанных с последним захоронением в могиле (погребение 3): краснолаковая тарелка (рис. 17: 8), железный нож (рис. 17: 9), кость животного (рис. 17:

27), остатки деревянной шкатулки (рис. 17: 24) и железный гвоздь (рис. 17: 23).

При просеивании грунта из засыпи погребальной камеры были обнаружены лепная фрагментированная курильница на ножке (рис. 19: 25) и бронзовая задвижка от шкатулки (рис. 19: 24).

Погребение 1.

1. Пряжка бронзовая с овальной, граненой рамкой, подвижным прогнутым язычком и пластинчатым прямоугольным щитком

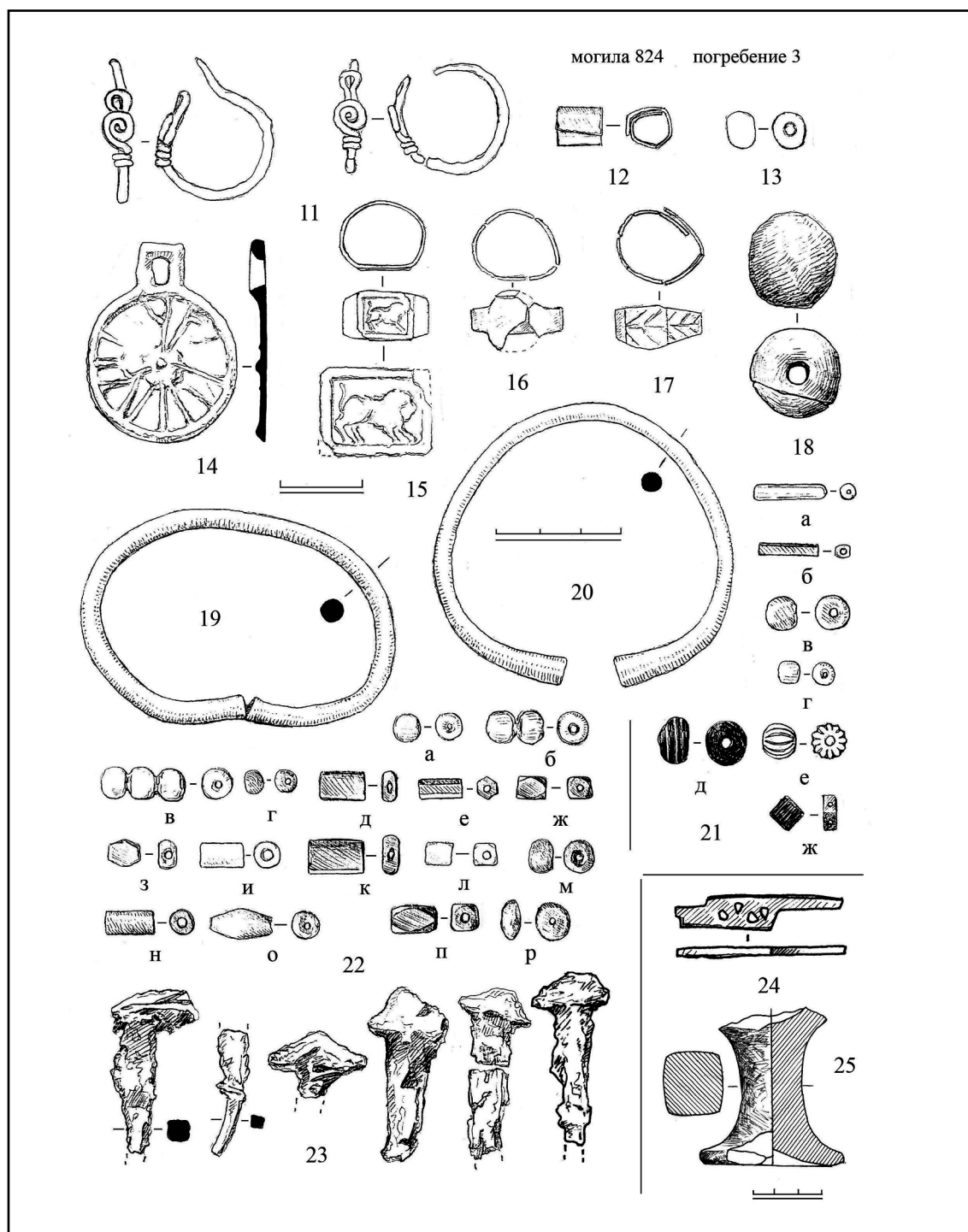

Рис. 19. Могила 824. Находки.

(рис. 18: 1). Тип П1 по В. Ю. Малашеву, датированному погребения с такими изделиями второй половиной II — первой половиной III в. н. э. (Малашев 2000: 195, 208, 209).

2. Наконечник ремня из расширяющейся в верхней и нижней части пластины (рис. 18: 2). Длина 5 см. Соответствует наконечникам типа VI (вариант 1) по И. Н. Храпунову, датированному комплексы с такими изделиями III в. н. э. (2008: 63, 67).

Погребение 2.

1. Кувшин узкогорлый грушевидный, краснолаковый (рис. 18: 3). Диаметр венчика 5 см, высота 16 см, диаметр поддона 4,5 см.

2. Тарелка краснолаковая (рис. 18: 4). Диаметр венчика 23,2 см, высота 5 см, диаметр поддона 9,3 см.

3. Фибула бронзовая с пластинчатой спинкой, украшенной проволочной «змейкой», с нижней тетивой и со свинцовым стержнем в пружине (рис. 18: 5). Высота 8,3 см. Относится к серии II, варианту 2

(Амброз 1966: 52) и аналогична фибуле из могилы 702 (см. выше).

4. Бронзовая литая усеченно-биконическая ребристая пронизь (1 экз.) (рис. 18: 6) типа 14 (Алексеева 1982: 24).

5. Нож железный (рис. 18: 7). Длина лезвия 9,4 см.

Погребение 3.

1. Тарелка краснолаковая с вертикальным бортиком (рис. 18: 8). Диаметр венчика 11 см, высота 3,5 см, диаметр поддона 4 см. Соответствует тарелкам типов III-Д-3 второй половины II — первой половины III в. н. э., но по изогнутости дна близка сосудам типа III-Д-4, бытовавшим только в первой половине III в. н. э. (Труфанов 1997: 189). Форма 4.2 по Д. В. Журавлеву, датировавшему ее в рамках II — первой половины III в. н. э. (Журавлев 2005: 146).

2. Фибула бронзовая с нижней тетивой, пластинчатой спинкой, завитком на конце пластинчатого приемника и со стержнем в пружине (рис. 18: 10). Высота 7,1 см. В типологии А. К. Амброза крупные фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника (группа 13) с «мягко изогнутой спинкой» (вариант 7) датированы второй (?) половиной II—III в. н. э. (Амброз 1966: 46). Уточняя рамки их существования, В. Ю. Малашев отметил, что такие застежки характерны для южно-уральских и заволжских комплексов второй половины II — начала III в. н. э., но могут встречаться и в первой половине — середине III в. н. э. (Малашев, Яблонский 2008: 61, 62). Близкие датировки, по-видимому, следует использовать и в отношении крымских комплексов. Две железные фибулы с нижней тетивой и завитками найдены в крымском могильнике Нейзац — в комплексе (могила 115, южный подбой), отнесенном И. Н. Храпуновым ко II—III вв. н. э. (Храпунов 2005: 176, рис. 7: 9), а также в могиле 69 (Кропотов 2001: 175, рис. 4: 1). Пружинная конструкция, завиток на конце приемника, крупные размеры и плавно изогнутая спинка усть-альминской фибулы позволяют сравнивать ее с указанными застежками, но она отличается от них по резкому изгибу корпуса в средней части.

3. Нож железный (рис. 18: 9). Длина лезвия 9,5 см.

4. Серьги бронзовые, проволоочные, со щитком в виде спирального завитка (рис. 19: 11). Аналогичные изделия известны в гораздо более ранних комплексах, относящихся к I в. до н. э. — началу I в. н. э.: в склепе 9 (Кара-Тобе) (Внуков, Лагутин 2001: рис. 5, 22, 210) и в могиле 662 (Усть-Альма). Такие же серьги происходят из могилы 99 (Совхоз 10)

(Стржеleckий и др. 2005: табл. 14, 20), датировка которой по лучковой фибуле с нижней тетивой и сплошной обмоткой определяется в рамках второй половины II — первой половины III в. н. э. Похожие серьги, но с иначе закрепленным спиральным завитком, найдены в склепе второй половины III—IV в. н. э. из могильника у с. Дружное (Храпунов 2002: 67, рис. 80: 2, 3).

5. Зеркало бронзовое, орнаментированное, с боковой петлей (рис. 19: 14). Зеркала с таким радиально-лучевым орнаментом (вариант 3) в Крыму встречаются в основном в погребениях II — начала III в. н. э. (Труфанов 2007: 176). При этом массивные изделия, толстые в сечении, на мой взгляд, занимают более раннюю хронологическую позицию, с датировкой большинства находок в рамках конца I — середины II в. н. э., хотя отдельные экземпляры встречаются и в более поздних комплексах. Тонкие же зеркала существуют в течение всего II в. н. э., заходя в первую половину III в. н. э. (Труфанов 2007: 177).

6. Перстни бронзовые, пластинчатые (рис. 19: 15—17).

Перстень с накладным рельефным щитком прямоугольной формы с изображением льва (рис. 19: 15).

Перстень с круглым щитком (рис. 19: 16).

Перстень из согнутой пластины с заходящими концами, украшенный гравированным, схематичным изображением ветви (рис. 19: 17).

7. Браслеты бронзовые с расширенными концами (рис. 19: 19, 20). Диаметр 5,6—6,3 см, диаметр деформированного браслета от 4,0 до 6,5 см.

8. Пряслице лепное, сферическое (рис. 19: 18). Диаметр 2,0 см, высота 2,3 см.

9. Гвозди железные (рис. 19: 23).

10. Курильницы лепной нижняя часть (рис. 19: 25). Диаметр дна 6,2 см, сохранившаяся высота 7,0 см.

11. Бронзовая задвижка от шкатулки (рис. 19: 24).

12. Бусы:

Округлые из глухого красного стекла (16 экз.) типа 3 (Алексеева 1978: 63) (рис. 19: 22м).

Округлая из глухого белого стекла (1 экз.) типа 2 (Алексеева 1978: 63) (рис. 19: 13).

Округлая из прозрачного лилового стекла (1 экз.) типа 4 (Алексеева 1978: 63) (рис. 19: 22г).

Цилиндрические из белого глухого стекла (6 экз.) типа 55 (Алексеева 1978: 67) (рис. 19: 22и).

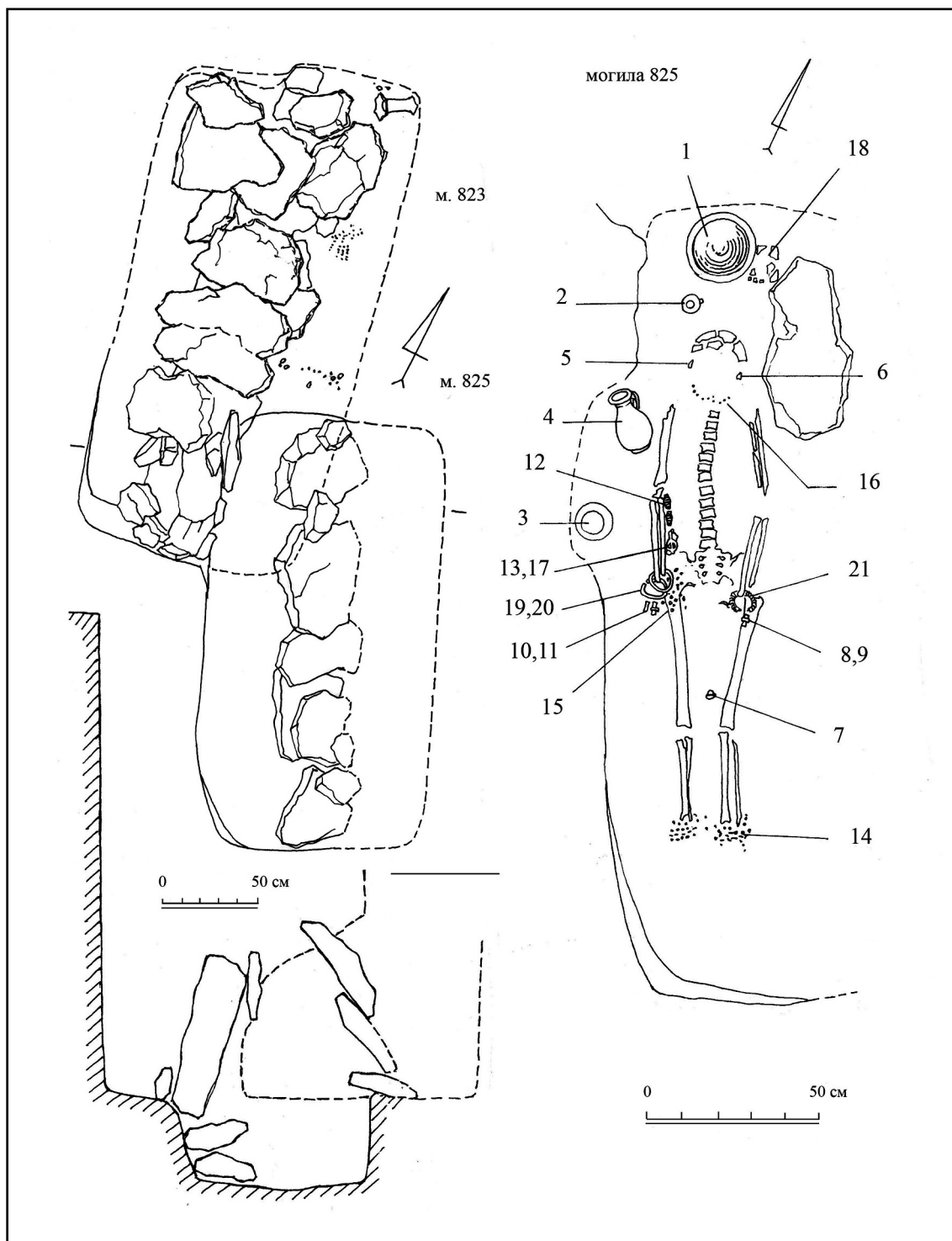

Рис. 20. Могила 823 и 825. План, разрез. План погребения в могиле 825.

Цилиндрические из красного глухого стекла (140 экз.) типа 57 (Алексеева 1978: 67) (рис. 19: 22н).

Призматические из красного глухого стекла (28 экз.) типа 117 (Алексеева 1978: 70) (рис. 19: 22к).

Призматические из прозрачного темно-зеленого стекла (46 экз.) типа 122 (Алексеева 1978: 70) (рис. 19: 22д, е).

Веретеновидная из глухого синего стекла (1 экз.) (рис. 19: 22о), близкая изделиям типов 51 и 52¹⁸.

¹⁸ У Е. М. Алексеевой тип 51 — прозрачные из грязно-синего стекла, тип 52 — из глухого серого-голубого (Алексеева 1978: 66).

В форме удлиненного параллелепипеда из прозрачного синего стекла (1 экз.) типа 109 (Алексеева 1978: 69) (рис. 19: 21б).

В форме неправильного четырнадцатигранника из глухого оранжевого стекла (1 экз.) типа 130 (Алексеева 1978: 70) (рис. 19: 22л).

В виде четырнадцатигранников и неправильных четырнадцатигранников из прозрачного зеленого стекла (20 экз.) типов 131 и 137 (Алексеева 1978: 70) (рис. 19: 22ж).

В виде четырнадцатигранников из прозрачного синего стекла (5 экз.) типа 134 (Алексеева 1978: 70) (рис. 19: 22п).

В виде четырнадцатигранника из красного глухого стекла (1 экз.) типа 127 (Алексеева 1978: 70) (рис. 19, 22з). Форма бусины искажена.

Округлые и поперечно сжатые из прозрачного стекла с металлической прокладкой (одиночные — 22 экз., нерасчлененные сдвоенные — 2 экз., строенная — 1 экз.) типа 1-б (Алексеева 1978: 29, 30) (Рис. 19, 21г, 22а, б, в).

Длинная цилиндрическая пронизь из прозрачного стекла с металлической прокладкой (1 экз.) типа 33 (Алексеева 1978: 33) (рис. 19: 21а).

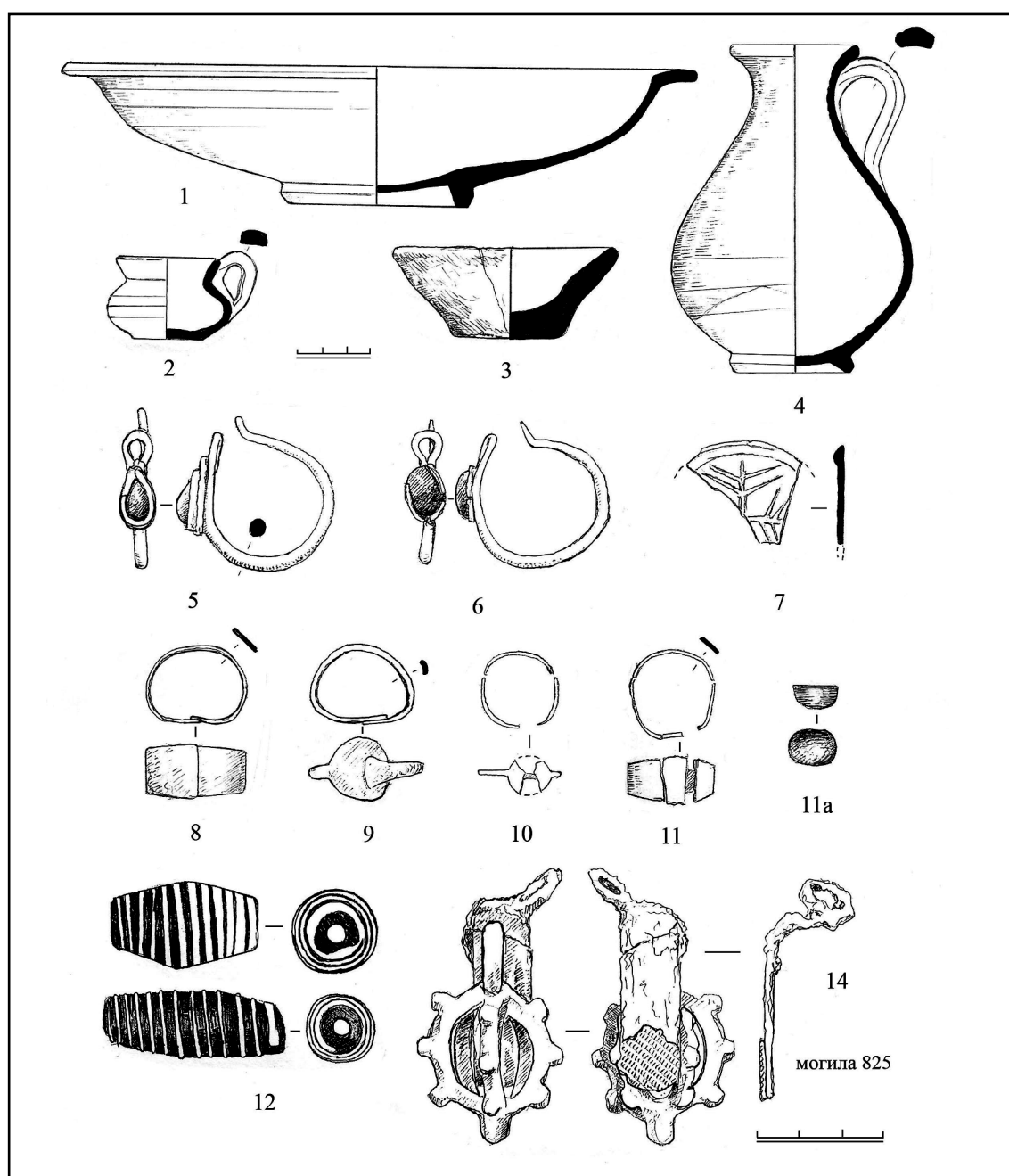

Рис. 21. Могила 825. Находки.

Округлая бусина из глухого черного стекла со спиральными витками желтой нити¹⁹ (рис. 19: 21д).

Округло-ребристая из «египетского фаянса» (1 экз.) типа 16-б (Алексеева 1975: 33, 34) (рис. 19: 21е).

Усеченно-биконические поперечно сжатые из сердолика (20 экз.) типа 8 (Алексеева 1982: 17) (рис. 19: 22р).

Янтарная округлая и поперечно сжатая (1 экз.) типа 5 (Алексеева 1978: 24) (рис. 19: 21в).

Ромбовидные пронизи из гагата с двумя каналами отверстий (14 экз.) типа 37 (Алексеева 1978: 15, 16) (рис. 19: 21ж).

Дата: около середины III в. н. э.

Могила 825, подбойная (рис. 20). Обнаружена при исследовании могилы 823, причем камера могилы 825 «перекрывала» южную часть подбоя могилы 823. На этом участке стенкой подбоя могилы 825 фактически служили закладные плиты могилы 823. Уровень дна подбоя могилы 823 расположен на 0,40—0,50 м выше уровня дна подбоя могилы 825. Входная яма могилы 825 не исследовалась, ее контуры на чертеже очерчены пунктиром гипотетически. Подбой вырублен в ЮЗЗ стенке ямы, его предположительные размеры 2,30×0,50—0,60 м (СЗ стенка подбоя не прослеживалась, так как он был сооружен в засыпи подбоя могилы 823, образовавшейся вследствие обвала свода). С СВВ стороны от подбоя располагались закладные плиты, защищенные с внутренней стороны.

На дне подбойной камеры было обнаружено захоронение взрослой женщины, погребенной в вытянутом положении на спине, головой на ССЗ, руки вытянуты вдоль тела, кисть левой руки на бедре.

В ССЗ части подбоя, у головы погребенной найдены: фрагменты железной прямоугольной накладки от замка шкатулки (рис. 20: 18), железный ключ (рис. 20: 17), краснолаковая тарелка (рис. 20: 1) и миниатюрный краснолаковый кубок (рис. 20: 2), по бокам от черепа — две бронзовые серьги со вставками из синего стекла в обрамлении серебряных пластинок (рис. 20: 5), в районе шеи — гагатова и стеклянные бусы (рис. 20: 16). У правого предплечья погребенной находился краснолаковый кувшин (рис. 20: 4), у локтя — лепная, опрокинутая кверху дном плоская (рис. 20: 3). На правом запястье зачищены два бронзовых

браслета (рис. 20: 19, 20), здесь же — гагатова и стеклянные бусы (рис. 20: 15), на левом запястье — железный браслет (рис. 20: 21). Среди фаланг пальцев правой руки обнаружены два бронзовых перстня (рис. 20: 10, 11), у левой руки зачищены также два бронзовых перстня (рис. 20: 8, 9). Между берцовыми костями зафиксирован фрагмент орнаментированного бронзового зеркала (рис. 20: 7), а в области ног — скопление стеклянных бус (рис. 20: 14).

Скопление предметов у правого локтя погребенной, по-видимому, представляло собой комплект амулетов, состоящий из двух крупных стеклянных полихромных пронизей (рис. 20: 12), бронзовой ажурной сферической подвески и прикипевшего к ней железного пластинчатого предмета с остатками ткани (рис. 20: 14).

1. Кувшин краснолаковый узкогорлый, с грушевидным туловом (рис. 21: 4), того же типа, что и сосуд из могилы 631 (см. выше). Диаметр венчика 5,5 см, высота 13,8 см, диаметр поддона 5,2 см.

2. Тарелка краснолаковая с горизонтально отогнутым венчиком (рис. 21: 1). Диаметр венчика 26,7 см, высота 5,9 см, диаметр поддона 7,7 см. Относится к сосудам формы 6.3 по Д. В. Журавлеву, датировавшему их «серединой II — началом (первой половиной?) III в. н. э.» (2007: 368, 369). Такие же тарелки известны в Танаисе, в том числе в комплексе, «законсервированном» в конце II — начале III в. н. э., и (с монетами Инифимея (234—238 гг. н. э.)) в помещении, разрушенном в середине III в. н. э. (Арсеньева, Науменко 1992: рис. 54: 1; 56: 3). На мой взгляд, в погребениях Крымской Скифии подобные тарелки встречены в основном с вещами, диагностирующими первую половину — середину III в. н. э.²⁰ В могиле 18 (19)²¹ (Бельбек IV) такая тарелка найдена с монетой начала III в. н. э. Формально близкие тарелки, отличающиеся зачастую лишь особенностями

²⁰ В могиле 3 (Битак) с лучковой фибулой с фигурной обмоткой, в могилах 133-а и 552 (Усть-Альма) с лучковыми фибулами со сплошной обмоткой, в могилах 295 и 722 (Усть-Альма) с кувшинами первой половины III в. н. э., в могиле 9 (Суворово) с лучковой фибулой 5-го варианта и шарнирным браслетом полихромного стиля середины — второй половины III в. н. э. (Зайцев 1997: рис. 58, 9).

²¹ Двойной номер могилы приведен из-за того, что в публикации она обозначена и как № 18 (в таблице), и как № 19 (в подписях к рисункам) (Гущина 1974: 54, 133), о чем упоминалось выше. В статье Д. В. Журавлева могила обозначена под номером 19 (Журавлев 2007: 402).

¹⁹ Близка типу 211 (округлые из коричневого стекла с белой нитью) и типу 212-б (бочковидные из черного стекла с желтой нитью) (Алексеева 1978: 44).

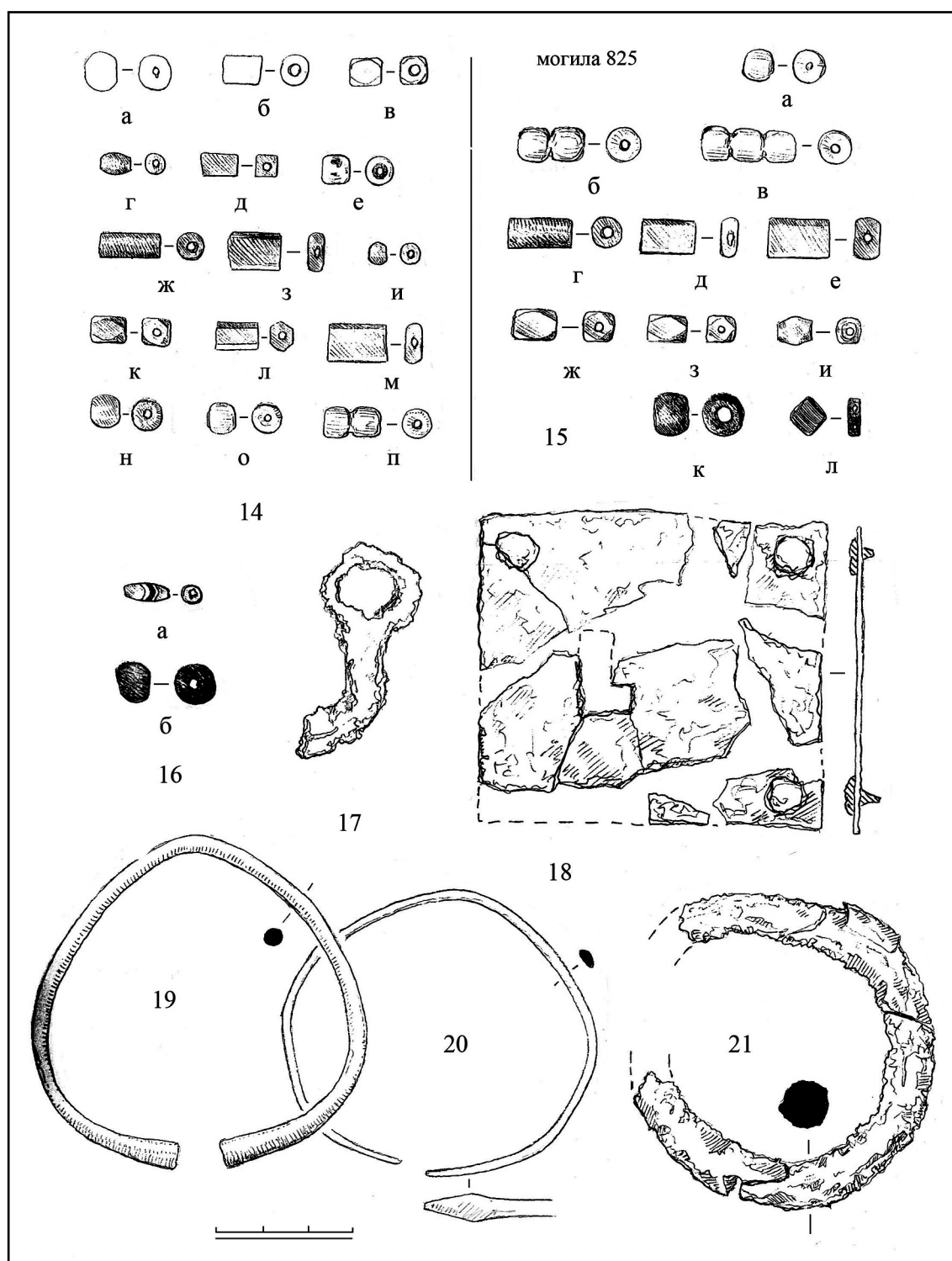

Рис. 22. Могила 825. Находки.

ми формовки и лакового покрытия, бытуют и в IV в. н. э.

3. Кубок краснолаковый, плоскодонный (рис. 21: 2). Диаметр венчика 4,4 см, высота 3,5 см, диаметр дна 3,0 см.

4. Чашка лепная, усеченно-коническая (рис. 21: 2). Диаметр венчика 9,6 см, высота 3,8 см, диаметр дна 4,9 см.

5. Серьги бронзовые, проволочные, со стеклянными (овальной и каплевидной) вставками в серебряном обрамлении (рис. 21: 5, 6).

6. Фрагмент орнаментированного зеркала-подвески (рис. 21: 7).

7. Перстни бронзовые пластинчатые (рис. 21: 8, 11), а также перстни с пластинчатыми щитками (рис. 21: 9, 10). Возможно, сте-

клянная вставка (рис. 21: 11а) украшала один из этих перстней.

8. Подвеска бронзовая ажурная, сферической формы, с прикипевшим к ней железным предметом с остатками ткани (рис. 21: 14). Тип 2 (вариант «а») по Л. А. Рыжовой, датируемый в пределах первой половины II — середины III в. н. э. (Рыжова 2005: 283, 284).

9. Браслет бронзовый с утолщенными концами (рис. 22: 19).

10. Браслет бронзовый с окончанием в виде змеиных голов (рис. 22: 20).

11. Браслет железный (рис. 22: 21).

12. Детали шкатулки: железная прямоугольная накладка и ключ (рис. 22: 17, 18). Деревянные шкатулки с прямоугольными накладками появляются в варварских погребениях Крыма где-то в границах последней трети I в. н. э. и, начиная с этого времени, являются едва ли не обязательным атрибутом женских захоронений. Большая часть учтенных комплексов датируется II в. н. э. и первой половиной III в. н. э.²²

13. Бусы:

Округлая из глухого белого стекла (1 экз.) типа 2 (Алексеева 1978: 63) (рис. 22: 14а).

Округлые из глухого красного стекла (2 экз.) типа 3 (Алексеева 1978: 63) (рис. 22: 14и).

Округлая и поперечно сжатая из глухого оранжевого стекла (1 экз.) типа 7 (Алексеева 1978: 64) (рис. 22: 14е).

Округлые из прозрачного сизо-зеленого стекла (2 экз.) типа 11 (Алексеева 1978: 64) (рис. 22: 14н).

Цилиндрические из белого глухого стекла (4 экз.) типа 55 (Алексеева 1978: 67) (рис. 22: 14б).

Цилиндрические из красного глухого стекла (159 экз.) типа 57 (Алексеева 1978: 67) (рис. 22: 14ж, 15г).

Призматические из красного глухого стекла (6 экз.) типа 117 (Алексеева 1978: 70) (рис. 22: 14з, 15д).

Призматические из прозрачного темно-зеленого стекла (21 экз.) типа 122 (Алексеева 1978: 70) (рис. 22: 14м).

Призматические из прозрачного лилового стекла (2 экз.) типа 118 (Алексеева 1978: 70) (рис. 22: 15е).

В форме параллелепипеда из красного глухого стекла (1 экз.) типа 104 (Алексеева 1978: 69) (рис. 22: 14д).

В виде четырнадцатигранников и неправильных четырнадцатигранников из прозрачного зеленого стекла (35 экз.) типов 131 и 137 (Алексеева 1978: 70) (рис. 22: 14к, 15ж).

В виде четырнадцатигранника из прозрачного лилового стекла (1 экз.) (рис. 22: 15з).

В виде неправильного четырнадцатигранника из белого стекла (1 экз.) типа 137 (Алексеева 1978: 70, 71) (рис. 22: 14в).

В виде четырнадцатигранника из красного глухого стекла (2 экз.) типа 127 (Алексеева 1978: 70) (рис. 22: 15и). Форма бус искажена²³.

Удлиненная бочковидная из красного глухого стекла (1 экз.) типа 22 (Алексеева 1978: 65) (рис. 22: 14г).

Округлые и поперечно сжатые из прозрачного стекла с металлической прокладкой (одиночные — 24 экз., нерасчлененные сдвоенные — 5 экз., строенная — 1 экз.) типа 1-6 (Алексеева 1978: 29, 30) (рис. 22: 14 о, п, 15а, б, в).

Бочковидные бусы из глухого черного стекла, покрытые спиральными витками наслоенной сверху белой нити (2 экз.) типа 212-а (Алексеева 1978: 44) (рис. 22: 12).

Веретеновидные бусы из голубого стекла с тройной бело-красной поперечной полосой (23 экз.) типа 168 (Алексеева 1978: 42) (рис. 22: 16а).

Бочковидные и поперечно сжатые бусы из гагата (3 экз.) типа 9-а (Алексеева 1978: 12) (рис. 22: 15 к, 16б).

Ромбовидная пронизь из гагата с двумя каналами отверстий (1 экз.) типа 37 (Алексеева 1978: 15, 16) (рис. 22: 15к).

Дата: около середины III в. н. э.

Склеп 828. Выявлен в процессе исследования могилы 824, когда стало ясно, что при ее сооружении была использована камера более раннего погребального сооружения — склепа продольно-осевой конструкции.

²² Например, могила 223 (Бельбек IV) по светло-глиняной узкогорлой амфоре типа Шелов-С (Ахмедов, Гущина, Журавлев 2001: рис. 8); погребение 10 из склепа 424-б (Усть-Альма) по шарнирной броши с ромбическим щитком, украшенным эмалью; могила 566 (Усть-Альма) по лучковой фибуле с фигурной обмоткой, тарелке типа III-Г-3 и браслету со змеиными головками типа VI-Б; могила 568 (Усть-Альма) по зеркалу-подвеске и тарелке типа III-Д-1; могила 12 (Левадки) по краснолаковой посуде первой половины III в. н. э. (Храпунов, Стоянова, Мульд 2001: рис. 16; 17); могила 59 (Нейзац) по двухсоставной лучковой фибуле (Храпунов 1999: рис. 2: 8).

²³ Е. М. Алексеева упоминает комплекс первой половины III в. н. э. из Танаиса с двенадцатью аналогичными бусами, отличающимися «своеобразными очертаниями» от прочих экземпляров данного типа (Алексеева 1978: 70).

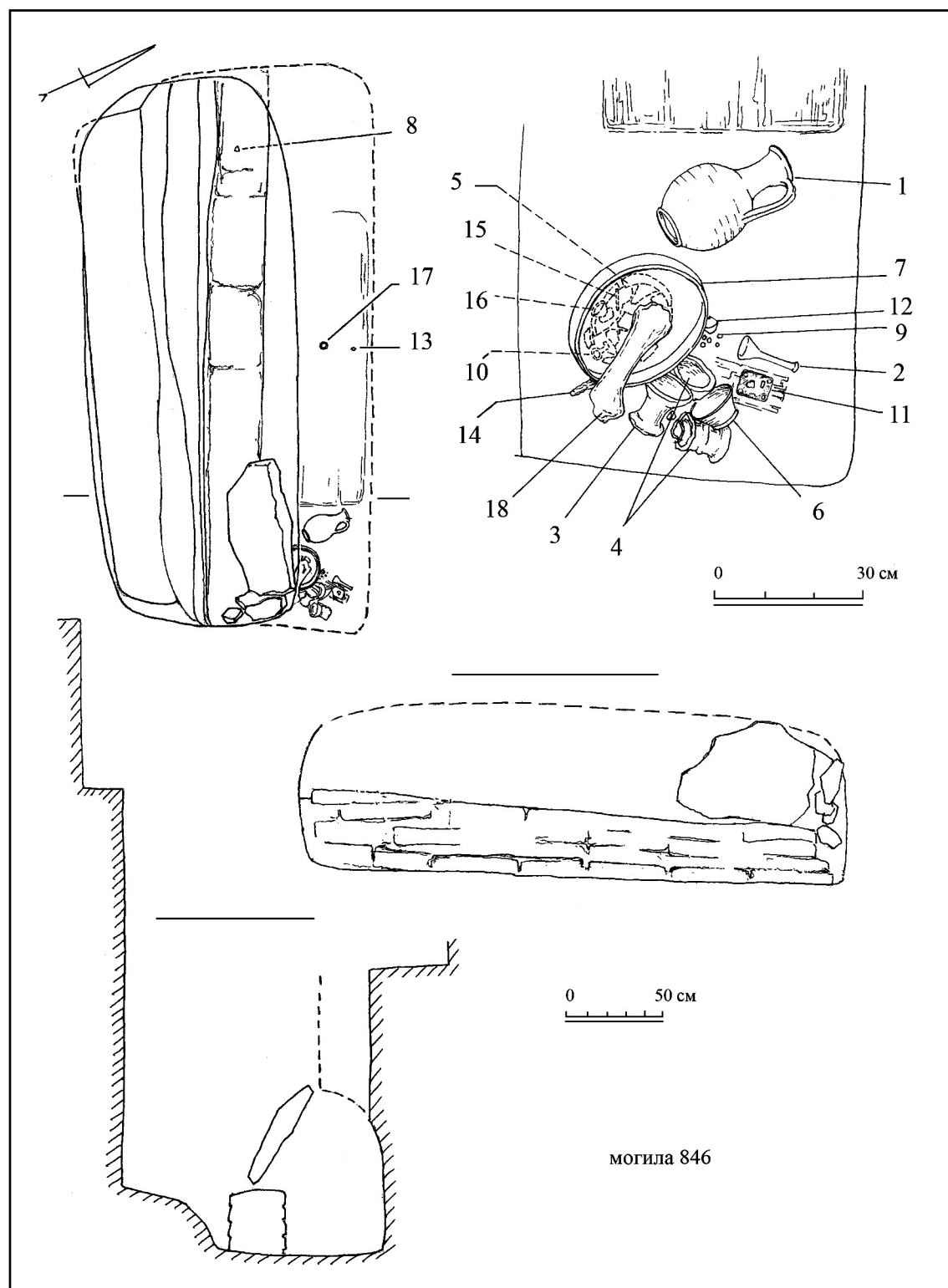

Рис. 24. Могила 846. План, разрез, фасировка сырцової стенки, план расположения предметов в юго-восточной части подбойной камеры.

На дне могилы найдены краснолаковая чашка (рис. 23: 1), бронзовый миниатюрный браслет (рис. 23: 2), стеклянная (рис. 23: 4) и бронзовая (рис. 23: 3) пронизи. Судя по диаметру браслета (3,9 см) и предполагаемой

длине могильной ямы, в могиле было совершено погребение ребенка.

1. Краснолаковая плоскодонная чашка (рис. 23: 1). Диаметр венчика 8,5 см, высота 4,6 см, диаметр дна 2,7 см.

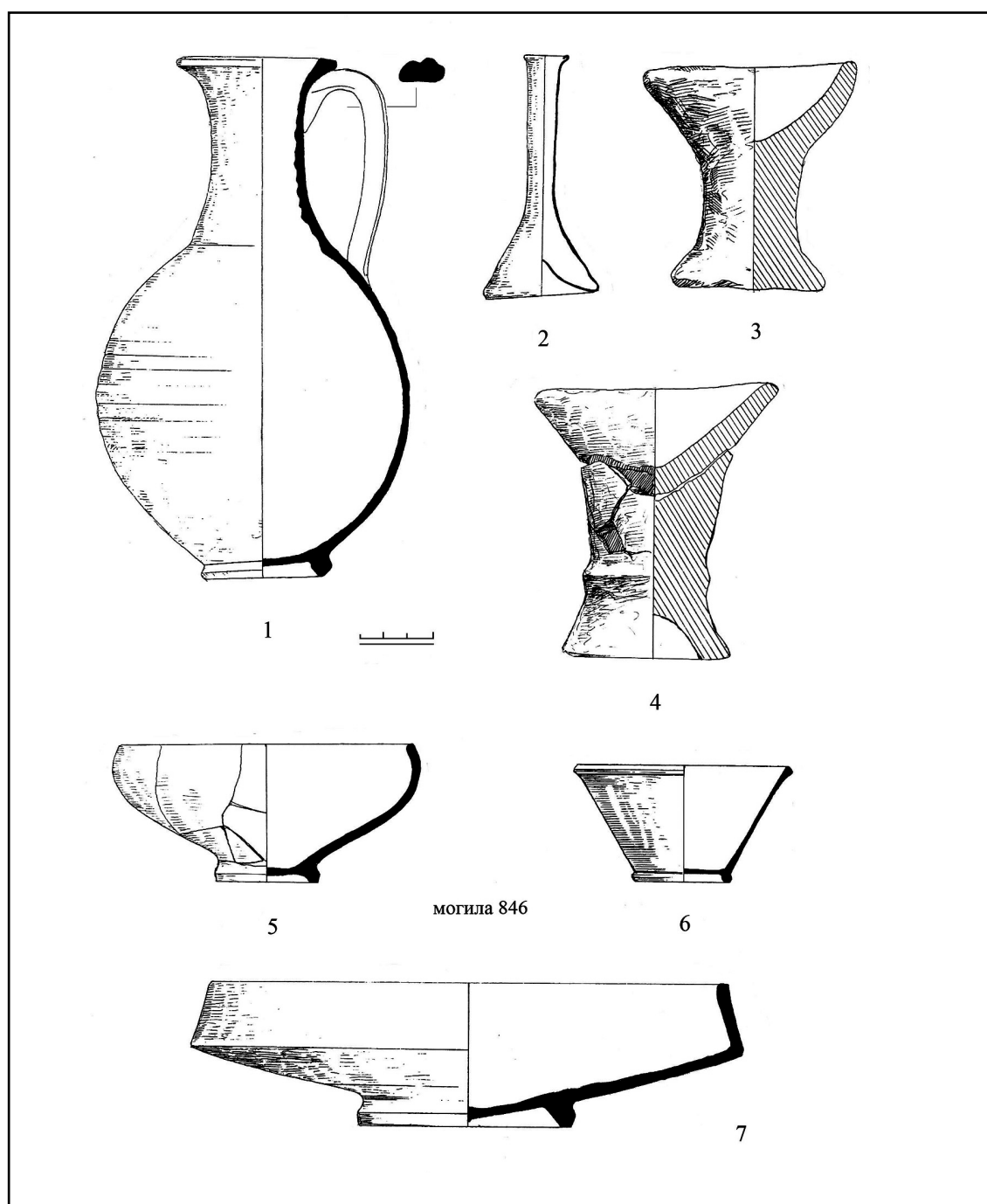

Рис. 25. Могила 846. Находки.

2. Браслет бронзовый с неутолщенными концами (рис. 23: 2). Диаметр 3,0—3,5 см. Однотипный браслет найден в могиле 847.

3. Бусы:

Стеклянная полихромная веретенообразная бусина (рис. 23: 4) (1 экз.).

Бронзовая литая усеченно-биконическая ребристая пронизь (рис. 23: 3) (1 экз.) типа 14 (Алексеева 1982: 24).

Дата: вторая половина II — первая половина III в. н. э.

Могила 846, подбойная (рис. 24). Обнаружена на глубине 0,9 м по пятну заполнения входной ямы, выделявшемуся на горизонте слоя гальки и суглинка. Входная яма, размерами 2,80×1,10 м, ориентирована по линии СЗЗ-ЮВВ. В нижней части ее стенки была зафиксирована ступень, высотой 0,25—0,30 м, шириной 0,30—0,40 м. Подбой размерами 3,00×0,50—0,60 м расположен с ССВ стороны от входной ямы. Он был отделен от входной ямы кладкой из сырцовых кирпичей, уложенных в четыре ряда.

Размеры кирпичей 0,40×0,33—0,35×0,08 м. Высота сырцовой кладки 0,35—0,40 м, ширина 0,26—0,30 м. В ССВ углу входной ямы, поверх сырцовой кладки установлена известняковая плита, размерами 0,70×0,60×0,10 м, укрепленная четырьмя более мелкими обломками известняка. Общая высота заклада (сырцовый стенки и плиты) в восточной части составляет 0,90 м.

При выборке грунта в нижней части заполнения входной ямы найдена фаланга пальца ноги взрослого человека и обломок бронзового зеркала. Второй обломок этого же зеркала обнаружен при разборке сырцовый стенки (рис. 24: 8).

На дне подбоя зафиксированы следы деревянного дощатого гроба шириной 0,50 м. Длина гроба прослежена по остаткам древесного тлена до 1,50 м, но, вероятно, его полная длина была больше — до 2,00 м. Костных останков в подбое обнаружено не было. В центральной части подбоя, в границах контуров древесного тлена, найдены бронзовый перстень со стеклянной вставкой (рис. 24: 13) и бронзовое кольцо (рис. 24: 17).

За пределами гроба, у ЮЮВ стенки подбоя, зачищена компактно расположенная группа погребального инвентаря: две лепные курильницы (рис. 24: 3, 4), бронзовая чашка (рис. 24: 6), краснолаковый кувшин (рис. 24: 1), краснолаковая тарелка (рис. 24: 7) с лежащей внутри костью животного (рис. 24: 18) и железным ножом (рис. 24: 14). Под тарелкой находились обломки краснолаковой чашки (рис. 24: 5) со следами румян на внутренних стенках, бронзовый ключ от шкатулки (рис. 24: 10), железное шило (рис. 24: 15) и ножка стеклянного сосуда (рис. 24: 16), использованная вторично. Рядом находились бронзовые детали деревянной шкатулки (рис. 24: 11), стеклянный бальзамарий (рис. 24: 2), лепное пряслице (рис. 24: 12) и скопление стеклянных бусин (рис. 24: 9).

1. Кувшин узкогорлый со сферическим туловом, краснолаковый (рис. 25: 1). Диаметр венчика 6,0 см, высота 22,0 см, диаметр поддона 5,5 см. Кувшины этой же формы найдены в могилах 5 и 22 некрополя у с. Курское с вещами первой половины — середины III в. н. э. (Труфанов, Колтухов 2003: рис. 6: 1; Труфанов 2004: рис. 11: 6).

2. Тарелка краснолаковая (рис. 25: 7) того же типа, что и в могиле 702. Диаметр венчика 22,4 см, высота 6,2 см, диаметр поддона 9,2 см.

3. Чашка краснолаковая (рис. 25: 5). Диаметр венчика 12,2 см, высота 5,6 см, диаметр поддона 4,3 см.

4. Курильницы лепные (рис. 25: 3, 4).

5. Чашка бронзовая (рис. 25: 6). Диаметр венчика 9,0 см, высота 5,0 см, диаметр поддона 4,0 см.

6. Бальзамарий стеклянный (рис. 25: 2). Диаметр венчика 1,9 см, высота 9,8 см, диаметр дна 4,9 см. По мнению исследователей, такие сосуды (тип I-2-Д) существовали от начала II до начала IV в. н. э., но более всего были распространены от середины II до середины III в. н. э. (Кунина, Сорокина 1972: 160).

7. Нижняя часть стеклянного сосуда на высоком поддоне (рис. 26: 16). Диаметр 4,3 см. Известной мне формой стеклянных сосудов на ножках являются канфары типа найденного в могиле 136 некрополя Совхоз 10 (Стржелецкий и др. 2005: табл. 18, 76) и датируемого, по мнению Л. А. Рыжовой, II—III вв. н. э. (Рыжова 2003: 155, рис. 1, 2). Похожий канфар найден в могиле 12 (Кыз-Аул) (Гайдукевич 1959: рис. 80А, правый), которая по краснолаковой тарелке с насечками и клеймом может быть датирована последней третью I — первой половиной II в. н. э. Более поздние сосуды на ножках представлены близкими по форме рюмкообразными кубками типа найденного в склепе 4 Западного некрополя Херсонеса, встречающимися в комплексах III—IV вв. н. э., но наиболее характерными для IV в. н. э. (Рыжова 2003: 159, рис. 3: 2).

8. Зеркало орнаментированное, с боковой петлей, во фрагментах (рис. 26: 8).

9. Бронзовые детали шкатулки: прямоугольная накладка, ключ, задвижка, крепления (рис. 26: 10, 11).

10. Перстень бронзовый со стеклянной вставкой (рис. 26: 13).

11. Пряслице лепное, биконическое (рис. 26: 12).

12. Кольцо бронзовое (рис. 26: 17).

13. Шило железное (рис. 26: 15).

14. Ножа железного фрагмент (рис. 26: 14).

15. Бусы:

Округлая из глухого красного стекла (1 экз.) типа 3 (Алексеева 1978: 63) (рис. 26: 9а).

В форме параллелепипеда из прозрачного темно-зеленого стекла (1 экз.) типа 137 (соответствует бусам в виде четырнадцатигранника типа 131, но искривленным) (Алексеева 1978: 70, 71) (рис. 26: 9б).

Округлая из глухого белого стекла (1 экз.) типа 2 (Алексеева 1978: 63) (рис. 26: 9в).

Округлая и поперечно сжатая из прозрачного стекла с металлической прокладкой (1 экз.) типа 1 (Алексеева 1978: 29, 30) (рис. 26: 9г).

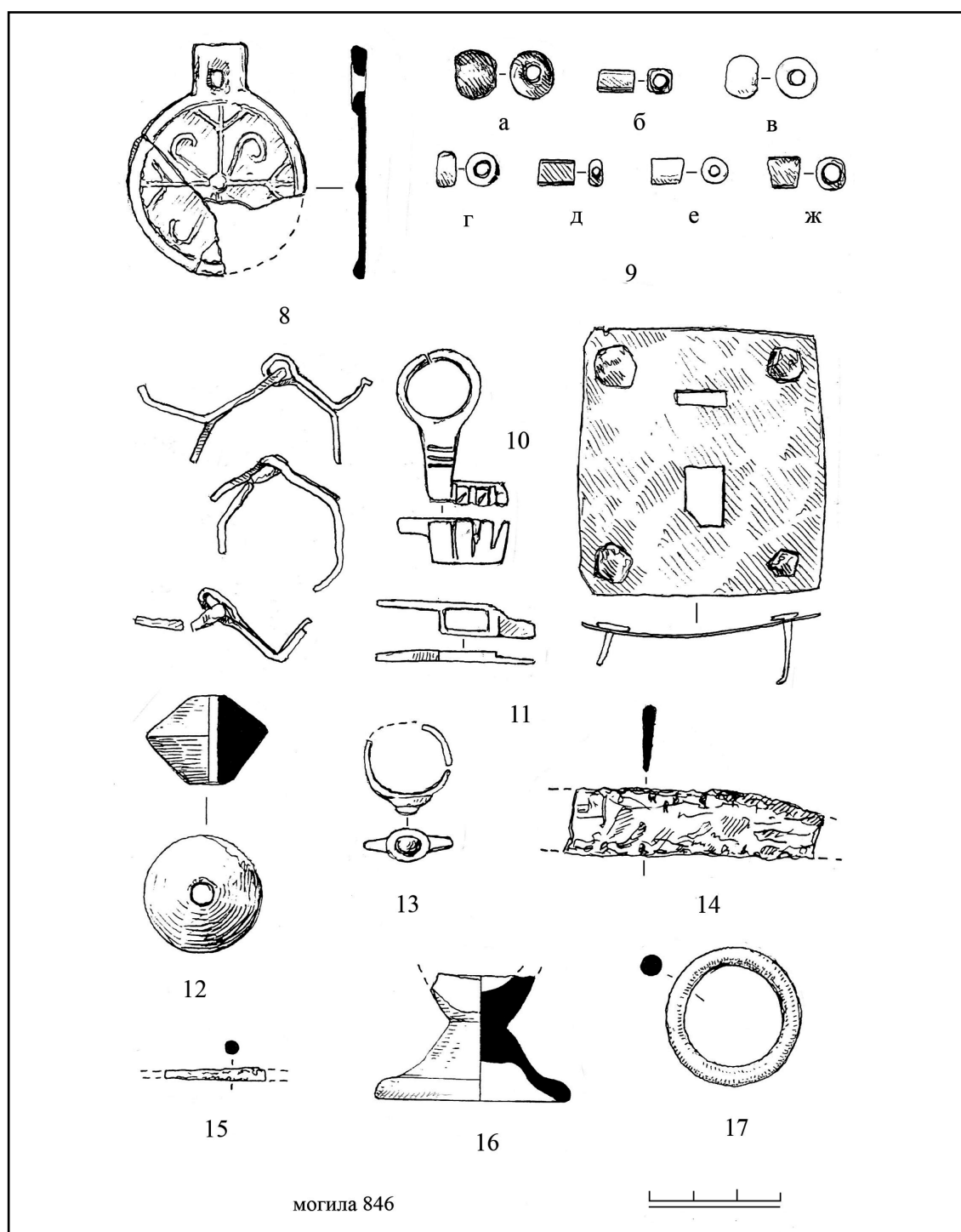

Рис. 26. Могила 846. Находки.

Призматическая из прозрачного темно-зеленого стекла (1 экз.) типа 122 (Алексеева 1978: 70) (рис. 26: 9д).

Цилиндрическая из белого глухого стекла (1 экз.) типа 55 (Алексеева 1978: 67) (рис. 26: 9е).

Цилиндрические из красного глухого стекла (3 экз.) типа 57 (Алексеева 1978: 67) (рис. 26: 9ж).

Дата: первая половина III в. н. э.

Могила 847, плитовая (рис. 27). Обнаружена по пятну заполнения могильной ямы, выявленному на глубине 0,60 м. Могильная яма, размерами 1,70×0,80 м, глубиной 1,10 м, ориентирована по линии СЗЗ-ЮВВ. Три стенки могилы (кроме ЮЮВ) были выложены вертикально поставленными плоскими обломками известняка. Поверх них располагались плиты перекрытия. Размеры могилы ниже уровня заплечиков 1,65×0,65 м, глубина

№4. 2010

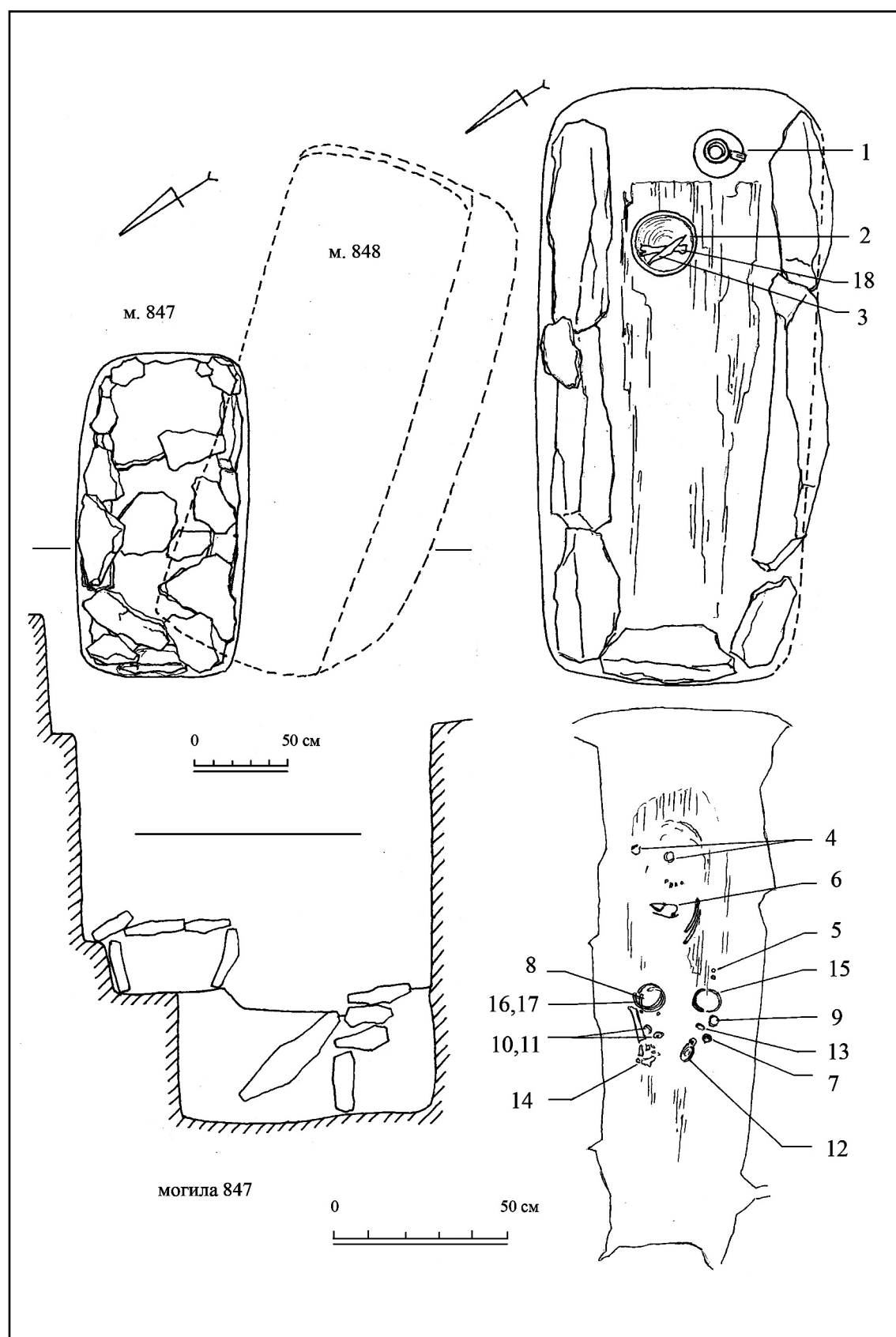

Рис. 27. Могилы 847 и 848. План, разрез. Планы погребения в могиле 847.

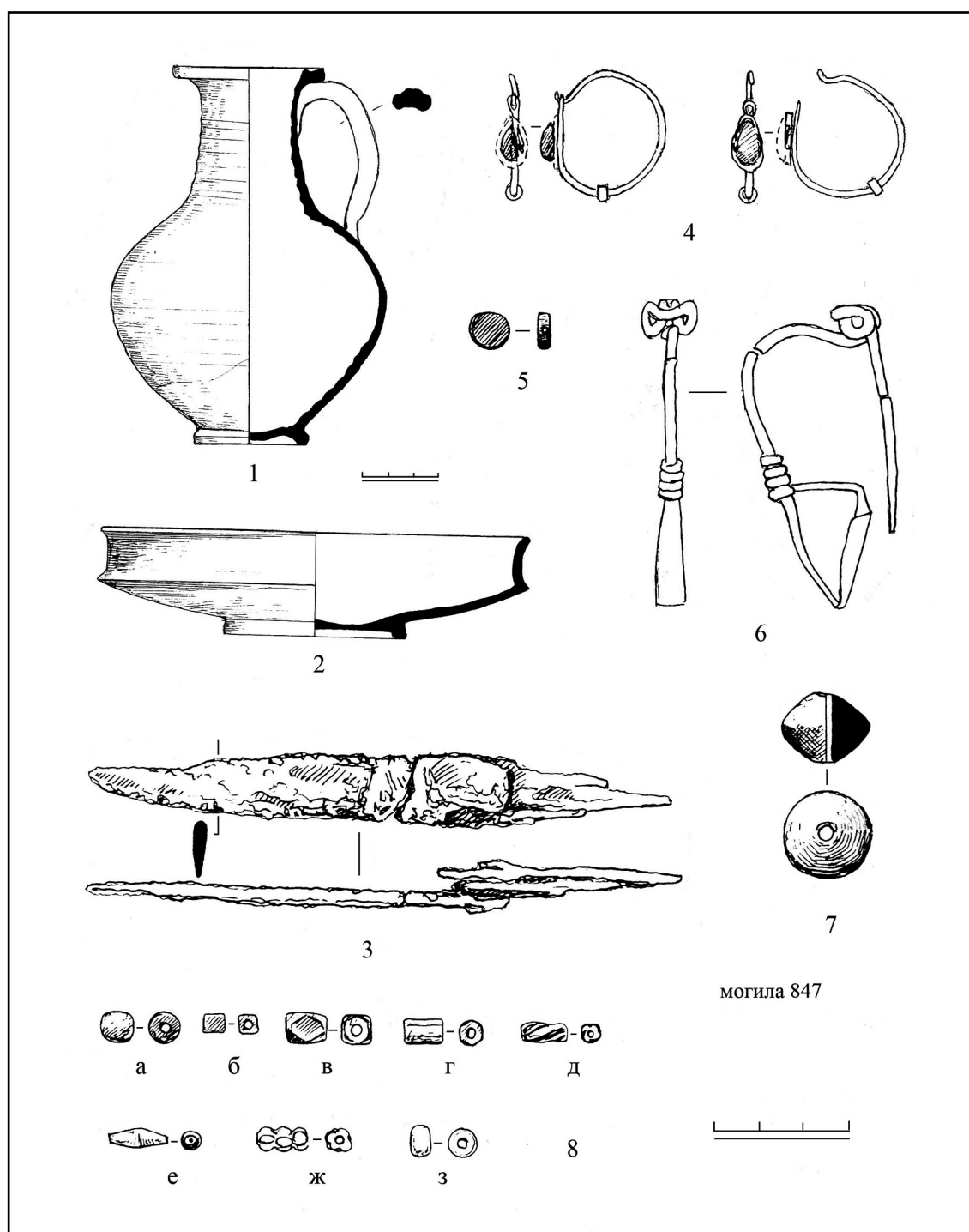
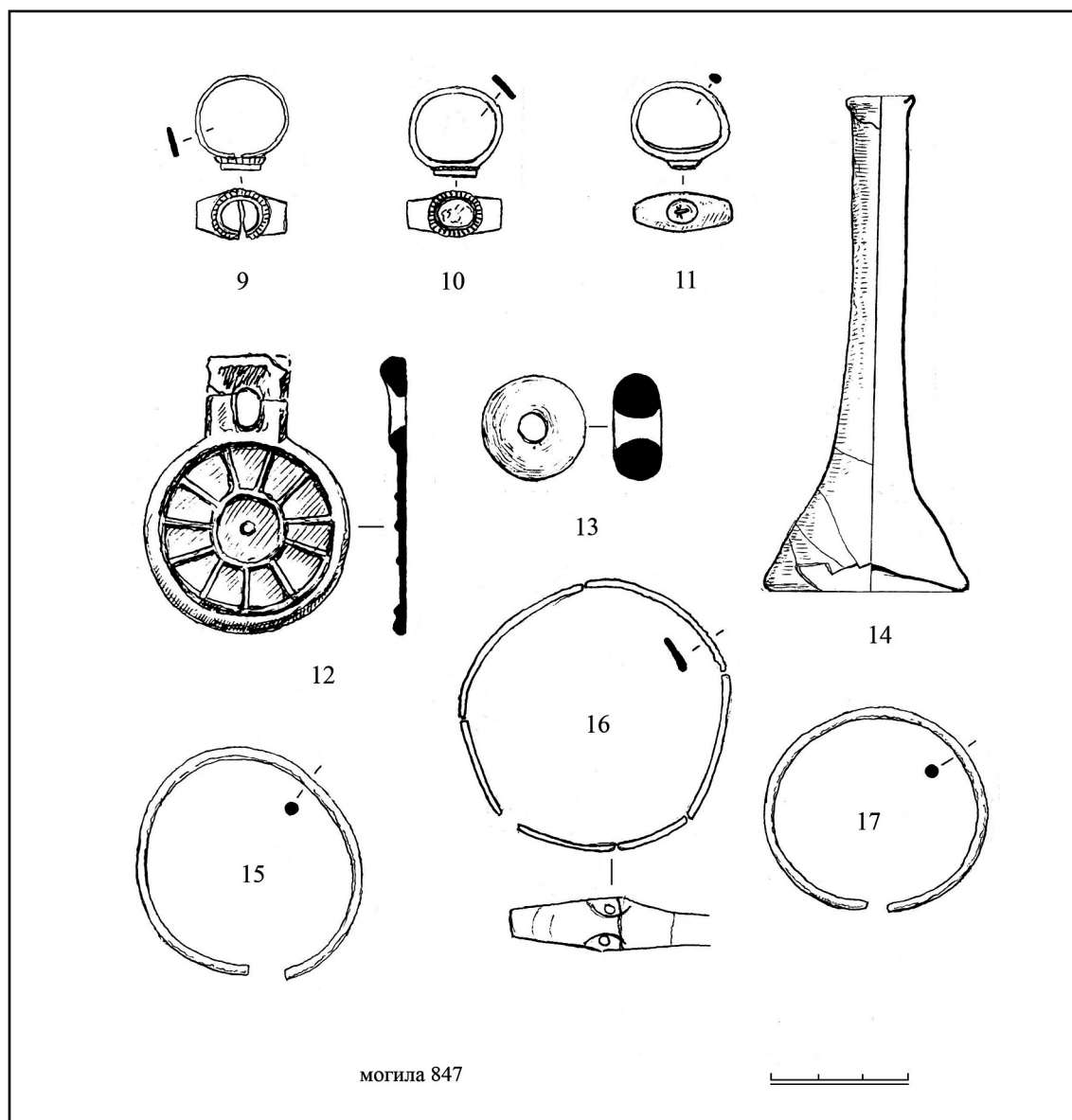

Рис. 28. Могила 847. Находки.

0,30 м. При сооружении могилы 847 была частично нарушена более ранняя могила 848.

В могиле зачищены остатки деревянного дощатого гроба, с частично сохранившимся перекрытием, поверх которого стояла краснолаковая тарелка (рис. 27: 2) с костью животного (рис. 27: 18) и железным ножом (рис. 27: 3) внутри. За пределами гроба, в ЮЮВ части могилы стоял краснолаковый кувшин (рис. 27: 1). В гробу расчищено захо-

ронение девочки, погребенной в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮВ. В области черепа найдены две бронзовые серьги со стеклянными вставками (рис. 27: 4), в районе груди — лучковая фибула (рис. 27: 6). На запястье левой руки зачищен бронзовый проволочный браслет (рис. 27: 15), рядом — стеклянные бусины (рис. 27: 5), пряслице (рис. 27: 7), крупная стеклянная пронизь (рис. 27: 13), бронзовое орнаментированное

могила 847

Рис. 29. Могила 847. Находки.

зеркало-подвеска (рис. 27: 12) и перстень (рис. 27: 9). На запястье правой руки зафиксированы два бронзовых браслета — проволоочный (рис. 27: 17) и пластинчатый (рис. 27: 16), рядом с ними — стеклянные и янтарные бусы (рис. 27: 8), два бронзовых перстня (рис. 27: 10, 11) и стеклянный бальзамарий (рис. 27: 14).

1. Кувшин краснолаковый (рис. 28: 1). Диаметр венчика 6 см, высота 14,8 см, диаметр поддона 4,5 см.

2. Тарелка краснолаковая с вертикальным бортиком (рис. 28: 2). Диаметр венчика 17,1 см, высота 4,1 см, диаметр поддона 7,3 см. По формальным признакам соответствует тарелкам типа III-Д-1, в основном встречающимся в комплексах II в. н. э.

(Труфанов 1997: 188) и сосудам формы 4.2 с более широкой датировкой, в пределах II — первой половины III в. н. э. (Журавлев 2005: 146).

3. Бальзамарий стеклянный (рис. 29: 14). Диаметр венчика 1,5 см, высота 10,7 см. Диаметр дна 4,5 см. Относится к сосудам типа I-2-Д, наиболее распространенным от середины II до середины III в. н. э. (Кунина, Сорокина 1972: 161).

4. Фибула бронзовая лучковая 5-го варианта (рис. 28: 6). Высота 6,7 см.

5. Перстни бронзовые пластинчатые с накладными щитками из белого металла и остатками стеклянных вставок (рис. 29: 9, 10).

6. Перстень бронзовый с каменной вставкой-геммой (рис. 29: 11).

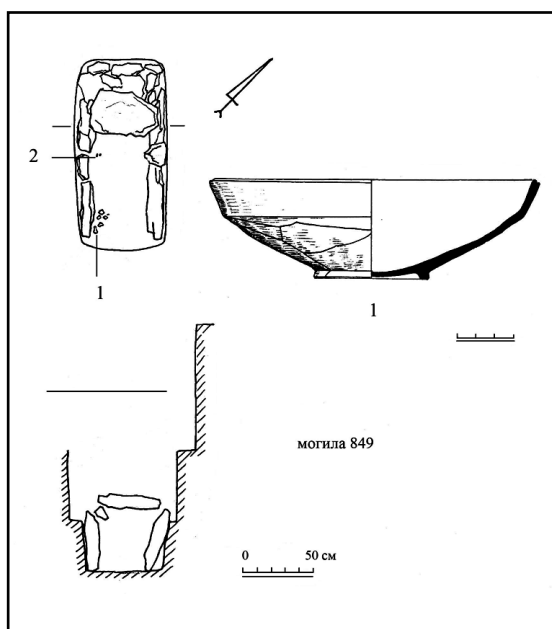

Рис. 30. Могила 849. План, разрез, тарелка из могилы 849.

7. Серьги бронзовые проволоочные с каплевидным щитком и стеклянными вставками (рис. 29: 4).

8. Пряслице биконическое, лепное (рис. 28: 7).

9. Зеркало бронзовое, орнаментированное, с боковой петлей (рис. 29: 12). Такие тонкие в сечении зеркала с радиально-лучевым орнаментом (вариант 3-Б) в Крыму встречаются в основном в погребениях II — начала III в. н. э. (Труфанов 2007: 177).

10. Браслеты бронзовые (2 экз.) с неутолщенными концами (рис. 29: 15, 17).

11. Браслет бронзовый, пластинчатый с окончаниями в виде змеиных головок (рис. 29: 16).

12. Нож железный с остатками деревянной рукояти (рис. 28: 3). Длина лезвия 9,5 см.

13. Бусы:

Крупная уплотненная пронизь из прозрачного стекла неопределенного цвета (1 экз.), близкая изделиям типа 32 (Алексеева 1978: 66) (рис. 29: 13).

Укороченная бочковидная из глухого синего стекла (1 экз.) типа 29 (Алексеева 1978: 65) (рис. 28: 8а).

В виде четырнадцатигранника из прозрачного зеленого стекла (2 экз.) типа 131 (Алексеева 1978: 70) (рис. 28: 8в).

Призматическая из прозрачного темно-зеленого стекла (1 экз.) типа 122 (Алексеева 1978: 70) (рис. 28: 8г).

В виде параллелепипеда из глухого оранжевого стекла (2 экз.) типа 107 (Алексеева 1978: 69) (рис. 28: 8б).

Веретеновидная из глухого красного стекла (1 экз.) типа 47 (Алексеева 1978: 66) (рис. 28: 8е).

В виде плоских дисков из глухого синего стекла (2 экз.)²⁴ (рис. 28: 5).

Пронизь из глухого красного стекла из перекрученного жгута (1 экз.) типа 156 (Алексеева 1978: 72) (рис. 28: 8д).

Удлиненные бугристые пронизь из стекла с металлической прокладкой (5 экз.) типа 20 (Алексеева 1978: 32) (рис. 28: 8ж).

Янтарная округлая и поперечно сжатая (1 экз.) типа 5 (Алексеева 1978: 24) (рис. 28: 8з).

Дата: первая половина III в. н. э.

Могила 848 с заплечиками и каменным перекрытием, где роль заплечиков с юго-западной стороны выполняла каменная кладка. Мужское погребение. Дата: первая половина II в. н. э.

Могила 849, плитовая (рис. 30). Обнаружена на глубине 0,90 м по пятну засыпи ямы, состоящей из плотного суглинка и гальки. Могильная яма, размерами 1,35×0,65 м, глубиной 0,50 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Вдоль длинных стенок могилы стояли вертикально поставленные обломки известняка. Плиты перекрытия сохранились лишь в северо-западной части могилы, остальные были смещены при разграблении могилы в древности. Размеры могилы ниже уровня заплечиков 1,30×0,55 м, глубина 0,35 м. В нижней части засыпи могилы найдены фрагменты краснолаковой тарелки (рис. 30: 1) и обломки бронзовой иглы и железного предмета (рис. 30: 2).

1. Тарелка краснолаковая (рис. 30: 1). Диаметр венчика 17,2 см. Высота 5,2 см. Диаметр поддона 6,2 см.

Дата: первая половина III в. н. э.

Могила 861, подбойная (рис. 31). Обнаружена по пятну заполнения входной ямы, прослеженному на глубине 0,75 м от современной поверхности. Входная яма, размерами 2,20×0,80 м, глубиной 1,5 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Подбой размерами 2,20×0,50 м, расположен к северо-востоку от входной ямы, отделен от нее закладом из обломков известняка и ступенью высотой 0,08—0,10 м. Реконструируемая высота свода подбоя составляет около 0,7 м.

²⁴ У Е. М. Алексеевой тип 72 — полупрозрачные темно-лиловые, тип 74 — прозрачные грязно-синие, тип 75 — глухие и полупрозрачные серо-голубые (Алексеева 1978: 68).

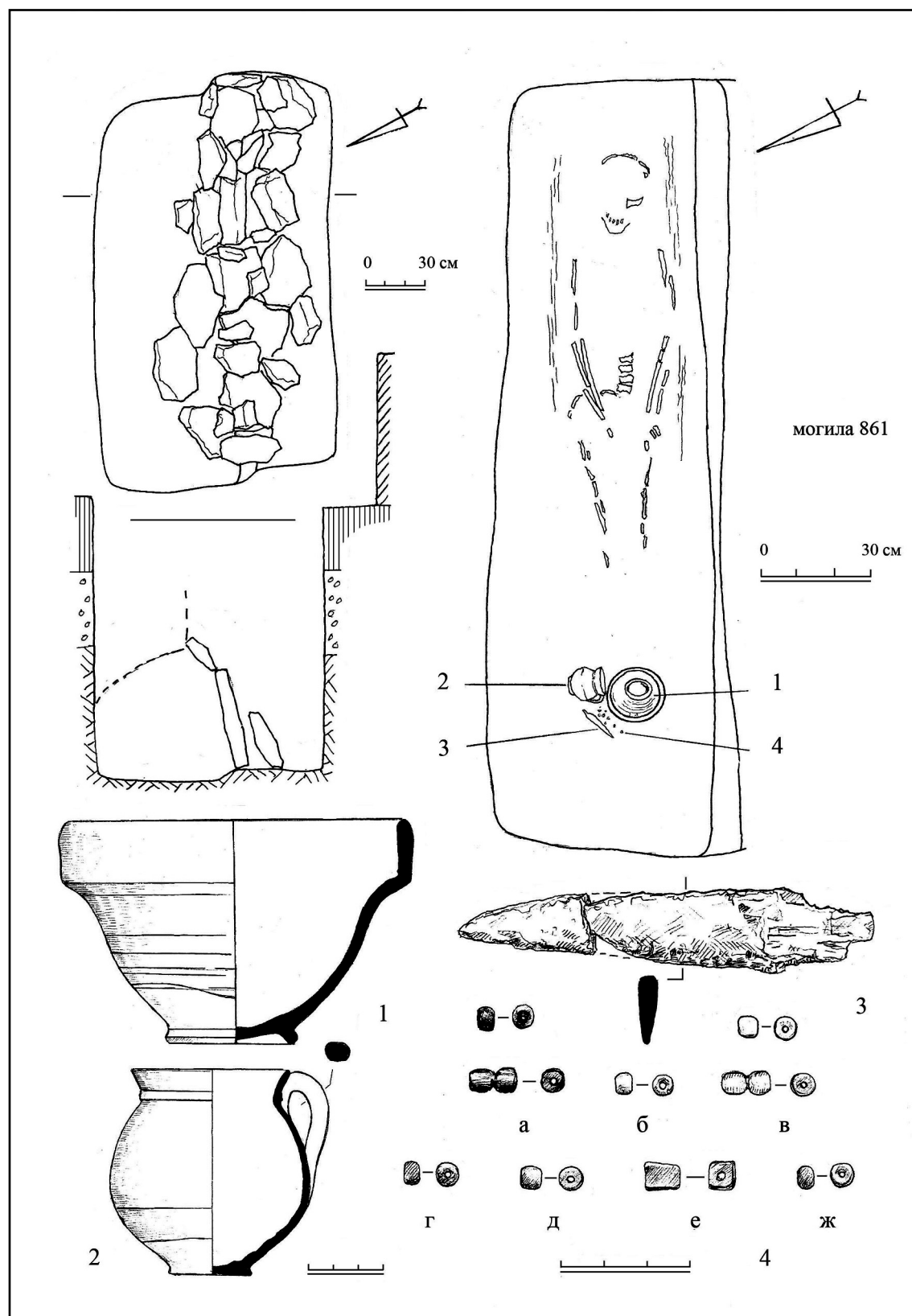

Рис. 31. Могила 861. План, разрез, план погребения, находки.

На дне камеры зачищен скелет женщины, погребенной в вытянутом положении на спине, головой на ЮВ. Кисти рук, согнутых в локтях, находились на костях таза. На дне подбоя

сохранились остатки органического тлена от подстилки или гроба. У ног погребенной, в северо-западной части подбоя обнаружены краснолаковый кубок (рис. 31: 2) и железный

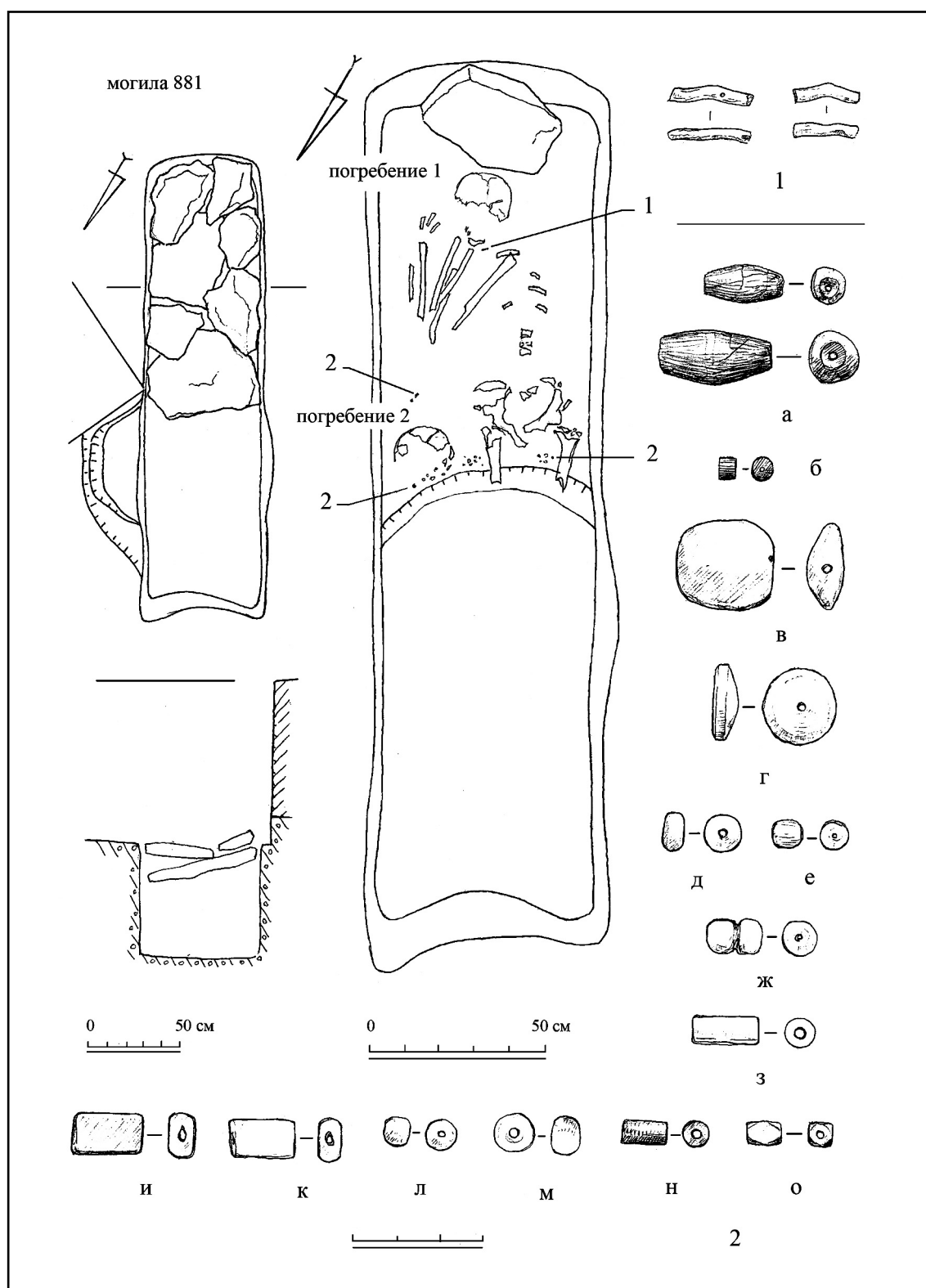

Рис. 32. Могила 881. План, разрез, план погребений, находки.

нож (рис. 31: 3). Рядом лежала опрокинутая вверх дном краснолаковая чашка (рис. 31: 1), внутри которой зачищено скопление стеклянных бус (рис. 31: 4).

1. Чашка краснолаковая (рис. 31: 1). Диаметр венчика 14,5 см, высота 9,2 см, диа-

метр поддона 5,6 см. Однотипная чашка найдена в могиле 294 (Усть-Альма) вместе с кувшином конца II — первой половины III в. н. э. Такие же чашки зафиксированы в помещениях Танаиса, погибших в середине III в. н. э. (Арсеньева, Науменко 1992: 97, 98, рис. 54:

5; 57: 1). Похожий сосуд происходит из могильника Сиреневая Бухта (могила 94), где он найден с двучленной лучковой фибулой второй половины III в. н. э. (Масленников 2000: 171, табл. XIV: 2)²⁵. Формально близкая чашка, но без желобка на бортике и с утолщенным верхним краем, происходит из могилы 43 (Чатыр-Даг), причем авторы публикации отнесли производство и бытование данной формы сосудов к первой половине — третьей четверти III в. н. э. (Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров 2006: 166, табл. 41: 4).

2. Кубок краснолаковый (рис. 31: 2). Диаметр венчика 6,6 см, высота 8,5 см, диаметр дна 3,5 см.

3. Нож железный (рис. 31: 3). Длина лезвия 7,6 см.

4. Бусы:

Округлые из черного стекла: одиночные (171 экз.) и сдвоенная (1 экз.) типа 1 (Алексеева 1978: 62, 63) (рис. 31: 4а).

Округлые из прозрачного лилового стекла (17 экз.) типа 4 (Алексеева 1978: 63) (рис. 31: 4б).

Округлые и поперечно сжатые из глухого оранжевого стекла: одиночные (182 экз.) и сдвоенная (1 экз.) типа 7 (Алексеева 1978: 64) (рис. 31: 4в).

Округлые из синего стекла (3 экз.) типа 15 (Алексеева 1978: 64, 65) (рис. 31: 4г).

Округлые из глухого красного стекла (134 экз.) типа 3 (Алексеева 1978: 63) (рис. 31: 4д).

В форме параллелепипедов из черного стекла (5 экз.) (рис. 31: 4е).

Округлые из прозрачного сизо-зеленого стекла (149 экз.) типа 11 (Алексеева 1978: 64) (рис. 31: 4ж).

Дата: конец II — первая половина III в. н. э.

Могила 881, грунтовая, с заплечиками и каменным перекрытием (рис. 32). Обнаружена на глубине 0,80 м при исследовании грабительского шурфа. Могильная яма, раз-

мерами 2,50×0,65 м, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Вдоль длинных стенок прослежены плохо сохранившиеся заплечики шириной 0,03—0,10 м. Нижняя часть могилы, размерами 2,25×0,60 м, глубиной 0,60 м, выкопана в слое светло-коричневого суглинка с примесью гальки. Плиты перекрытия сохранились на месте лишь в ЮЮВ половине могилы. В ССЗ части перекрытие разрушено грабителями, прокопавшими дно могилы на 0,20—0,30 м. В ЮЮВ части могилы на дне зачищены остатки двух погребений.

Погребение 1 (верхнее). Костяк взрослого человека, погребенного головой на ЮЮВ, сохранился до уровня бедренных костей. На основании расположения костей видно, что верхняя половина тела была повернута на правую сторону, руки согнуты в локтях, а их кисти сложены перед лицом. С этим погребением связаны две коралловые пронизи, обнаруженные в области шейных позвонков (рис. 32: 1).

Погребение 2 (нижнее). Остатки более раннего захоронения представляли собой кости черепа взрослого человека, найденные в центральной зоне могилы, у ее СВ стенки, вероятно, они были смещены при подзахоронении в могилу. С погребением 2, видимо, связаны хаотично расположенные в центре могилы, на дне, бусины из гагата, стекла и янтаря (рис. 32: 2).

Погребение 1.

Пронизи из просверленных веточек коралла (2 экз.) типа 9 (Алексеева 1982: 30) (рис. 32: 1).

Погребение 2.

1. Бусы:

Гагатовые бочковидные продольно-вытянутые (2 экз.) типа 8 (вариант г) (Алексеева 1978: 11, 12) (рис. 32: 2а).

Гагатовые короткоцилиндрические (3 экз.) типа 27 (Алексеева 1978: 14) (рис. 32: 2б).

Янтарные неправильной формы (2 экз.) типа 44 (Алексеева 1978: 25, 26) (рис. 32: 2в).

Янтарная короткоцилиндрическая с выступающими торцами (1 экз.) типа 11 (Алексеева 1978: 24) (рис. 32: 2г).

Янтарная округлая и поперечно сжатая (1 экз.) типа 5 (Алексеева 1978: 24) (рис. 32: 2д).

Округлые из прозрачного стекла с металлической прокладкой (3 экз.) типа 1 (вариант б) (Алексеева 1978: 29, 30) (рис. 32: 2е).

Округлые из белого стекла: одиночные (4 экз.) и соединенные в двойные столбики (3 экз.), типа 2 (Алексеева 1978: 63) (рис. 32: 2ж, м).

²⁵ В публикации А. А. Масленникова, в сводной таблице комплексов эта могила, на мой взгляд, ошибочно, отнесена ко второй половине IV в. н. э. (Масленников 2000: 171). Приведенное в тексте обоснование (там же: 153) опирается на датировку А. К. Амброза лучковых подвязных (группа 15) двучленных фибул серии III-1, предполагавшего возможность их длительного бытования в Поволжье в IV в. н. э., а на Кавказе даже в V—VI вв. н. э. (Амброз 1966: 52, 53). При этом северо-причерноморские находки двучленных фибул А. К. Амброз датировал не позже III в. н. э. (Амброз 1966: 52), а их уточненная датировка, принятая ныне большинством исследователей, не выходит за рамки второй половины III в. н. э.

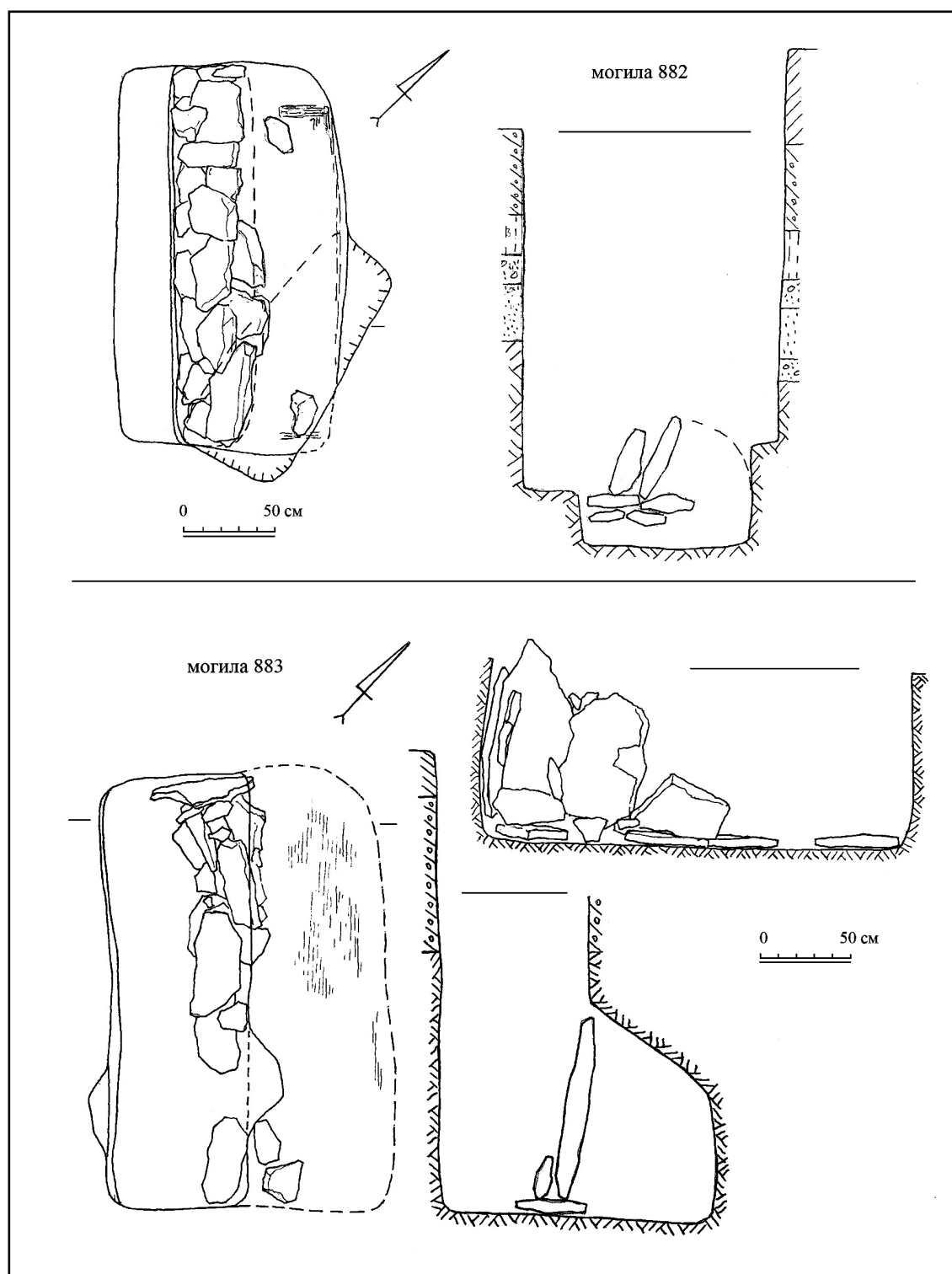

Рис. 33. Могилы 882 и 883. Планы, разрезы, фасировка разрушенного заклада могилы 883.

Цилиндрические из белого глухого стекла (14 экз.) типа 55 (Алексеева 1978: 67) (рис. 32: 2з).

Призматические из красного глухого стекла (5 экз.) типа 117 (Алексеева 1978: 70) (рис. 32: 2и).

Призматические из белого глухого стекла (3 экз.) типа 116 (Алексеева 1978: 69) (рис. 32: 2к).

Округлые из прозрачного лилового стекла (7 экз.) типа 4 (Алексеева 1978: 63) (рис. 32: 2л).

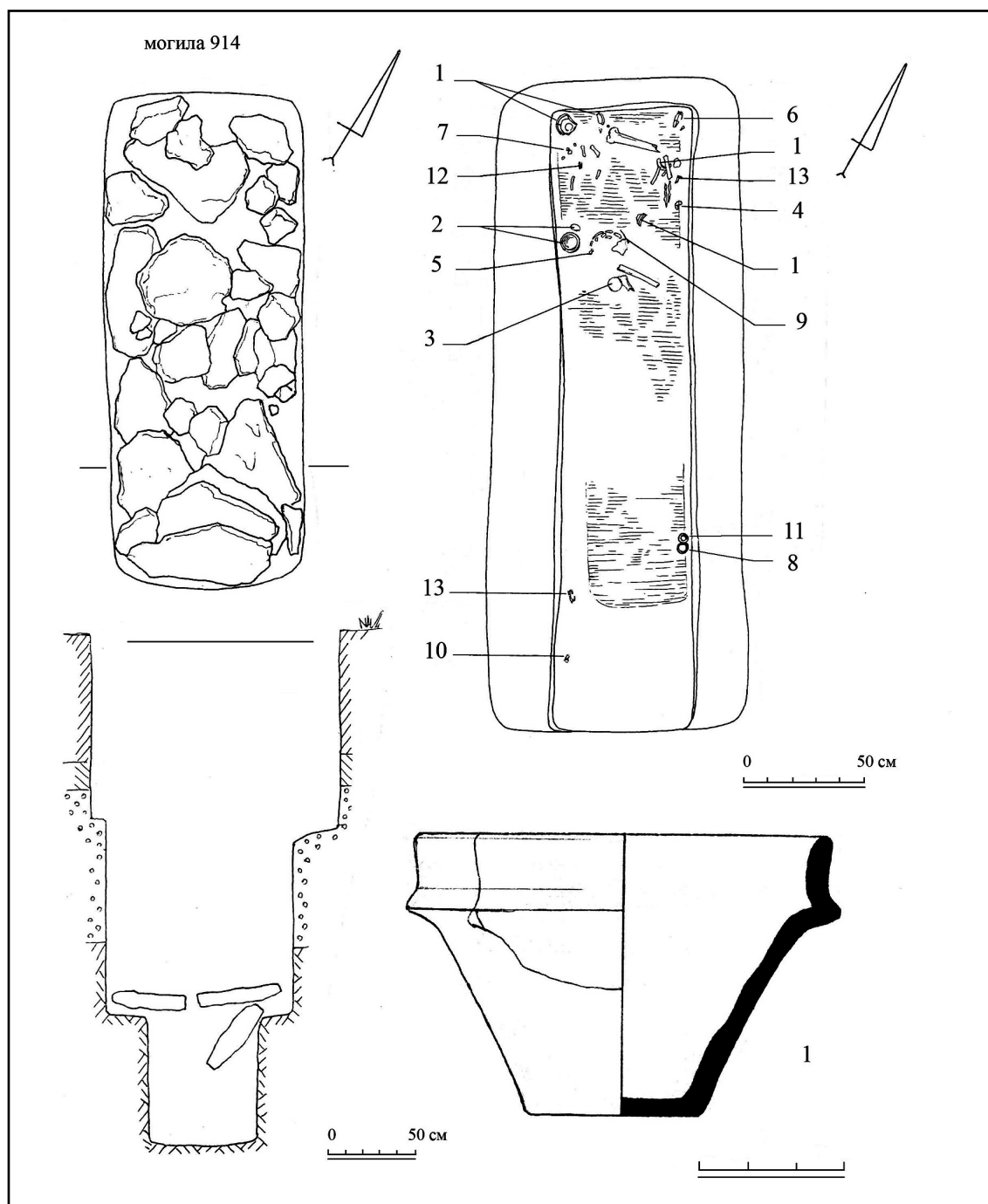

Рис. 34. Могила 914. План, разрез, план погребения. Чашка из могилы 914.

Цилиндрические из красного глухого стекла (7 экз.) типа 57 (Алексеева 1978: 67) (рис. 32: 2н).

В виде неправильных четырнадцатигранников из прозрачного темно-зеленого стекла (12 экз.) типа 137 (Алексеева 1978: 70) (рис. 32: 2о).

Дата: конец II — первая половина III в. н. э.

Могила 882, подбойная (рис. 33). Разграблена. Обнаружена в центральной части раскопа 6, на глубине 0,50 м при следова-

нии грабительского шурфа. Входная яма размерами 2,10×0,80 м, глубиной 2,30 м ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Подбой размерами 2,15×0,50 м, высотой до 0,70 м, расположен к СВ от входной ямы. Нижняя часть входной ямы и подбой вырыты в слое мергеля. В СЗ стенке входной ямы зафиксирована ступень шириной 0,30—0,35 м и высотой 0,30 м. На дне входной ямы, вдоль ее длинной оси, на ширину 0,5 м от борта ступеньки, зачищены уложенные плашмя обломки известняка. Перед возведением этого основания произвели

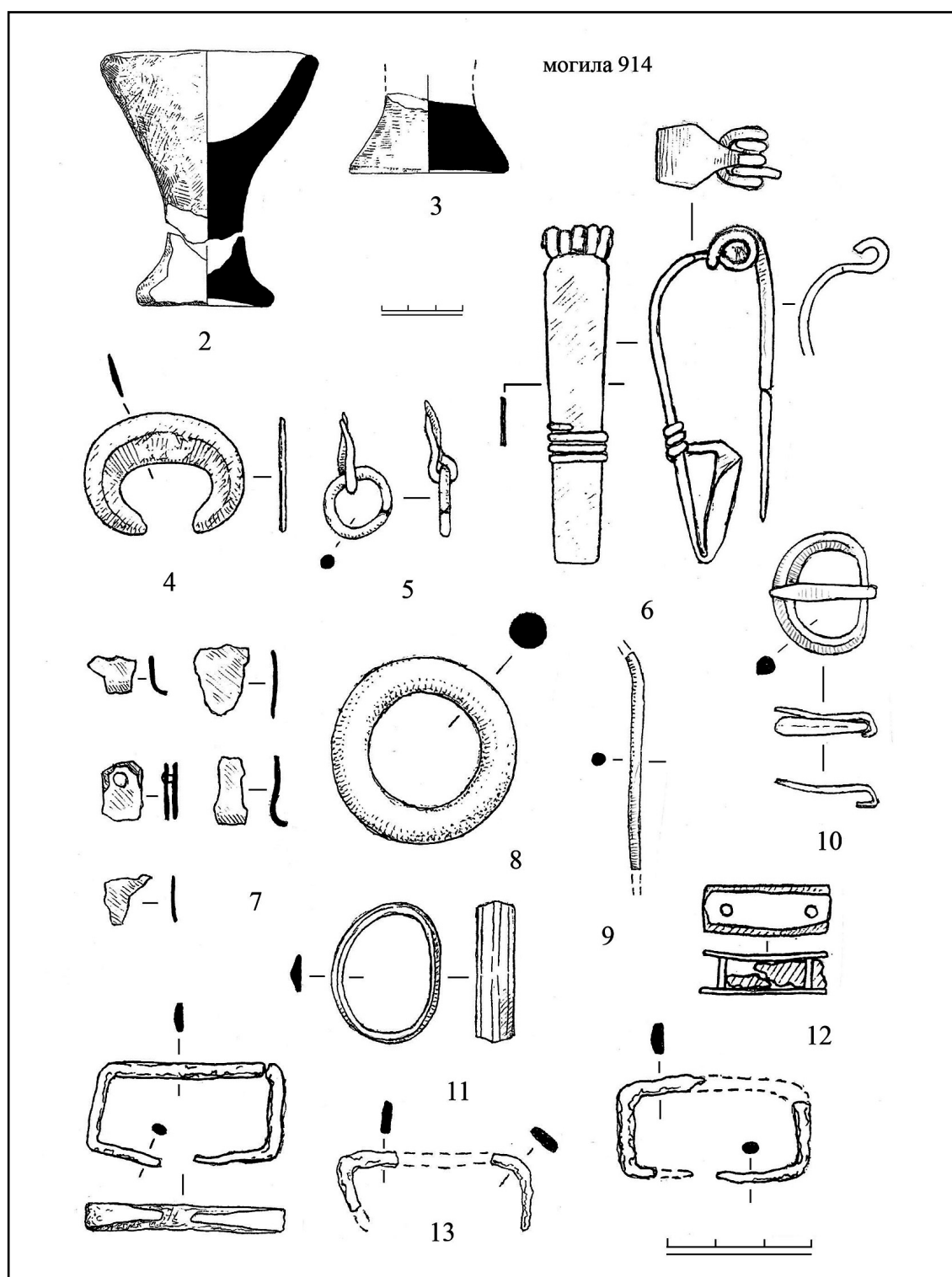

Рис. 35. Могила 914. Находки.

нивелировку поверхности (некоторые из плит лежали на подсыпке из грунта). На этом «цоколе» были вертикально установлены известняковые плиты заклада, сохранившиеся только в ЮВ части могилы. Остальные камни были удалены во время древнего ограбления, некоторые из них были найдены в заполнении

могилы и попали в нее вместе с оплывшим грунтом, обломком трубчатой кости и фрагментами керамики. На дне подбоя зафиксированы следы древесного тлена от гроба. Его реконструируемые размеры: 1,80×0,48 м.

Исходя из топографии участка и конструктивных особенностей могилы, она предпо-

жительно датируется концом II — первой половиной III в. н. э.

Могила 883, подбойная (рис. 33). Разграблена. Обнаружена на глубине 0,60 м при исследовании грабительского шурфа. В засыпи последнего найдены обломки гончарных сосудов, в том числе верхняя часть горловины и ручки светлоглиняной узкогорлой амфоры типа С (по Д. Б. Шелову), обломки венчика и ручек красноглиняных амфор, фрагменты краснолаковых тарелок.

Входная яма размерами 2,40×0,80 м ориентирована по линии СЗ-ЮВ, прослежена на глубину 2,55 м. Подбой размерами 2,45×0,70—0,80 м расположен с СВ стороны от входной ямы и был отделен от нее закладом из вертикально установленных на основание из уложенных плашмя обломков, известняковых плит. Нижняя часть входной ямы и подбой, находившиеся на одной глубине, вырыты в слое мергеля. Юго-восточная часть заклада разрушена грабителями. В засыпи входной ямы встречены обломки керамики II—III вв. н. э. и конские зубы. На дне подбоя зафиксированы следы древесного тлена от гроба.

Дата: предположительно, первая половина III в. н. э.

Могила 914, грунтовая, с заплечиками и каменным перекрытием (рис. 34)²⁶. Обнаружена на глубине 1,0 м от современной поверхности. Могила оказалась ограбленной в древности, но выяснить это удалось лишь на конечном этапе исследования, так как засыпь грабительского шурфа и могильной ямы состояли из мешаного грунта с галькой и структурно не различались. В засыпи ямы были найдены мелкие обломки гончарной керамики, в том числе фрагменты светлоглиняных амфор — широкогорлой с двустовальными ручками и узкогорлой, а также красноглиняной.

Плиты перекрытия залежали на глубине 1,95—2,10 м от уровня современной поверхности. В центральной части могилы несколько плит было смещено к торцовым стенкам древними грабителями. Над плитами, в засыпи был найден фрагмент краснолаковой чашки, остальные части которой находились под плитами, среди прочих находок, связанных с погребением.

Нижняя часть могилы прямоугольной формы, размерами 2,55×0,55—0,60 м, ориен-

тирована по линии ЮЮВ-ССЗ. Заплечики, шириной от 0,10 до 0,25 м, вырублены в обеих длинных и северо-северо-западной короткой стенках могильной ямы. Глубина могилы от уровня заплечиков 0,70 м.

На дне могилы зафиксированы пятна бурого органического тлена, являющиеся остатками деревянного гроба или подстилки. Судя по сохранившемуся пятну, ее длина составляла 1,80—2,00 м при ширине 0,45—0,50 м. Большая часть находок, включая смещенные кости взрослого человека, находилась на дне могилы, в ее северной части. Учитывая хорошую сохранность костей, следует заметить, что они не составляли полный скелет, то есть часть костей была выброшена из могилы грабителями.

Среди смещенных костей были найдены фрагменты краснолаковой чашки (рис. 34: 1), обломок которой был обнаружен ранее поверх плит перекрытия. Кроме того, здесь же находились: нижняя часть гончарного красноглиняного сосуда (рис. 34: 3), лепная курильница на ножке (рис. 34: 2), серебряная пластинчатая подвеска в форме лунницы (рис. 34: 4), серебряная фибула (рис. 34: 6), фрагмент бронзовой проволоки (игла от фибулы?) (рис. 34: 9), бронзовое кольцо с проволочным креплением (рис. 34: 5), фрагменты неопределенных бронзовых пластинчатых предметов (рис. 34: 7), бронзовая обойма (рис. 34: 12) и обломки железных скоб (рис. 34: 13). Аналогичная скоба была также найдена в южной части могилы, за пределами пятна органического тлена. Рядом находилась бронзовая пряжка (рис. 34: 10). У восточной стенки могилы лежали два бронзовых кольца (рис. 34: 8, 11).

1. Чашка краснолаковая, усеченно-коническая, с ребром и вертикальным венчиком (рис. 34: 1). Диаметр венчика 8,5 см, высота 5,8 см, диаметр дна 3,6 см. Понтийская сигиллата, форма 5 (Hayes: 1985). Такие же плоскодонные чашки с массивным вертикальным венчиком соответствуют сосудам формы 30.3 по Д. В. Журавлеву (2007: 385).

2. Курильница лепная (рис. 35: 2). Диаметр венчика 8,0 см, реконструируемая высота 9,3 см, диаметр дна 5,1 см.

3. Нижняя часть гончарного красноглиняного сосуда (рис. 35: 3), вероятно, аналогичного по форме лепной курильнице. Диаметр дна 6,0 см.

4. Лучковая подвязная двучленная фибула с широкой пластинчатой спинкой и со стержнем в пружине, изготовленная из серебра (рис. 35: 6). Высота 6,8 см. Схожая по форме фибула, но больших размеров, происходит из могилы 35 (Черноречье), относимой исследователями ко второй поло-

²⁶ Материалы могилы 914 уже публиковались (Труфанов 2007: 229—232).

вине III в. н. э.²⁷ Серебряная заколка (двучлен-ная?), но со слегка расширяющейся ножкой, найдена в могиле 6 (Танковое) с монетами Геты (211—212 гг. н. э.) и Юлии Домны (ум. в 217 г. н. э.)²⁸.

5. Пряжка бронзовая с овальной рамкой с утолщенной, граненой передней частью и слегка прогнутым пластинчатым язычком (рис. 35: 10). На задней части рамки зафиксированы остатки пластинчатого щитка, впоследствии утраченные в процессе чистки. Возможно, фрагментами щитка являются некоторые обломки пластин (рис. 35: 7), обнаруженные в другой части могилы. По форме рамки и язычка близки пряжкам типов П1 и П2а по В. Ю. Малашеву, определившего датировку погребений с такими изделиями в рамках середины II — первой половины III в. н. э. (для типа П1) и III в. н. э. (для типа П2а) (группы I, IIa и IIб) (Малашев 2000: 195, 207—209).

6. Кольцо бронзовое, круглое в сечении (рис. 35: 8). Диаметр 3,8 см.

7. Кольцо бронзовое из треугольной в сечении пластины (рис. 35: 11), размером 2,3×3,0 см.

8. Подвеска серебряная, пластинчатая в форме лунницы (рис. 35: 4). Петля для подвешивания утрачена.

9. Кольцо с проволочным креплением (рис. 35: 5).

10. Фрагменты железных прямоугольных скоб (рис. 35: 13).

11. Бронзовая обойма из двух скрепленных двумя заклепками пластин с остатками кожи между ними (рис. 35: 12).

Заключение

1. Рассмотренный участок захоронений расположен на краю Усть-Альминского могильника, вблизи одноименного городища. Он примыкает к древней дороге, ведущей из городища через некрополь. Могилы III в. расположены в СЗ секторе участка, а могилы с широкой датировкой в рамках второй половины II—III в. занимают в основном ЮВ сектор. Можно заключить, что здесь некрополь расширялся по направлению к городищу.

2. В III в. н. э. погребения на рассмотренном участке совершались в подбойных могилах и могилах с заплечиками и каменным перекрытием, а также в плитовых. Вероятно, было осуществлено, по крайней мере, одно

подзахоронение в прекративший уже к тому времени функционировать склеп 803. В одном случае для погребений была обустроена камера разграбленного склепа, превращенного в подбойную могилу 824.

3. На данном участке можно заметить некоторое единообразие погребального вещевого набора. В ряде захоронений встречаются одни и те же типы и варианты вещей. Это узкогорлые грушевидные кувшины (м. 631, м. 702, скл. 803 (?), м. 824, м. 825) и вариант этой же формы (мог. 846), тарелки с желобком на венчике (м. 631, м. 824, м. 849), тарелки с прямым бортиком (м. 702, м. 856), браслеты с утолщенными концами (4 экз. — м. 631, 1 экз. — м. 792, 2 экз. — м. 824, 1 экз. — м. 825), подвески-лунницы (м. 631, м. 914), лучковые фибулы 5-го варианта (м. 631, м. 847), лучковые пластинчатые фибулы «инкерманской» серии (м. 702, м. 824).

4. Общей чертой многих женских погребений первой половины III в. н. э. из могильников Крымской Скифии является наличие большого количества стеклянных монохромных и гагатовых бус, представленных, в основном, одними и теми же типами и являющихся обшивкой обуви или подола платья. В захоронениях рассматриваемого участка это цилиндрические бусы из белого глухого стекла типа 55 и из красного глухого стекла типа 57, призматические из красного глухого стекла типа 117, в виде четырнадцатигранников из прозрачного зеленого стекла типов 131 и 137, призматические из прозрачного темно-зеленого стекла типа 122, гагатовые бусы типов 26 и 27. Часто встречаются округлые бусы из прозрачного стекла с металлической прокладкой типа 1.

Еще одним общим элементом обряда является положение в могилу (отдельно или в составе группы амулетов) одной или двух крупных пронизей. В качестве таковых используются, например, бронзовые литые пронизи и двухцветные (черно-белые) стеклянные бусы типов 212-а и 262-а.

5. Как было сказано выше, часть рассмотренных погребений содержит вещевые находки, обычные для первой половины III в. н. э. Несколько более позднюю хронологическую позицию занимают могилы 793 (подбойная) и 914 (с заплечиками и каменным перекрытием), основанием для чего служат найденные в них двучленные лучковые фибулы. Появление двучленной конструкции в группе лучковых фибул относят к середине III в. н. э., подразумевая их существование во второй половине века (Храпунов

²⁷ Амброз 1994: рис. 2, 3; Айбабин 1999: 258, табл. II: 2.

²⁸ Вдовиченко, Колтухов 1994: 83, рис. 3: 7.

№4. 2010

Таблица бус²⁹

типы бус	мог. 823.	склеп 803	могила 861	мог. 881	мог. 797	могила 702	могила 824	могила 825	мог. 847	мог. 846
мп.т.1	1+12			3	8	23+10	22+2+1	24+5+1		1
мп.т.20									5	
мп.т.33							1			
ст.т.1			171+1							
ст.т.2				4+3		3	1	1		1
ст.т.3			134				16	2		1
ст.т.4			17	7		5	1			
ст.т.7			182+1					1		
ст.т.8				2		1				
ст.т.11			149		2			2		
ст.т.15			3							
ст.т.22								1		
ст.т.25						1				
ст.т.29									1	
ст.т.45						2				
ст.т.47									1	
ст.т.51-52							1			
ст.т.55	14	28		14	42	20	6	4		1
ст.т.57	135	180		7	58	130	140	159		3
ст.т.74/75									2	
ст.т.104								1		
ст.т.107									2	
ст.т.109							1			
ст.т.116				3		5				
ст.т.117	22			5	44	19	28	6		
ст.т.118								2		
ст.т.122	45	31				38	46		1	1
ст.т.124						3				
ст.т.125					31					
ст.т.127							1	2		
ст.т.130							1			
ст.т.131/137	46	17+22		12	15	66	20	35+1	2	1
ст.т.134							5			
ст.т.156	1								1	
ст.т.259						1				
г.т.9-а								3		
г.т.26-27	31		3		3	84				
г.т.37						8	14	1		
янт.т.5			1				1		1	
янт.т.11	10		1			54				
янт.т.44	5		2		2					
бр.т.3,7						2				
п.ст.т.168								23		
п.ст.т.347		1								
п.ст.т.211/212							1	2		
ф.т.16-6							1			
серд.т.8							20			
серд.т.15						2				

²⁹Условные обозначения: бр. — бронза, г. — гагат, мп. — стекло с металлической прокладкой, п.ст. — стекло полихромное, серд. — сердолик, ст. — стекло монохромное, т. — тип, ф. — фаянс, янт. — янтарь, знаком «+» обозначена сумма однотипных бусин, где первая цифра — одиночные бусы, а вторая — бусы в виде нерасчлененных столбиков.

2003: 341, 342, прим.). Если это предположение верно, то упомянутые могилы должны датироваться временем не ранее середины III в. н. э., но вряд ли намного позже, так как остальной материал из захоронений 793 и 914 в целом укладывается в рамки первой половины века. На настоящий момент изученности Усть-Альминского могильника именно эти погребения маркируют услов-

ный финал функционирования некрополя. «Условный» — потому, что, учитывая открытие на некрополе (и в том числе — на рассмотренном его участке) погребений гуннского времени, можно допускать, не зафиксированное пока, продолжение жизни на городище или в его округе, а значит, и предполагать открытие здесь, пусть и немногочисленных, погребений второй половины III—IV в. н. э.

Литература

- Амброз А.К. 1994. Юго-Западный Крым. Могильники IV—VII вв. *МАИЭТ IV*, 31—88.
- Айбабин А.И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь: Дар.
- Алексеева Е.М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. *САИ Г1*—12.
- Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. *САИ Г1*—12.
- Алексеева Е.М. 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. *САИ Г1*—12.
- Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. — IV в.н. э.). *САИ Д1*—30.
- Арсеньева Т.М. 1977. *Некрополь Танаиса*. Москва: Наука.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 1992. *Усадьбы Танаиса*. Москва.
- Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. 1994. Могильник римского времени у с. Танковое. В: Могаричев Ю.М. (ред.). *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь: Таврия, 82—88.
- Внуков С.Ю., Лагутин А.Б. 2001. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. *ТГИМ* 118, 96—121.
- Гайдукевич В.Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов. *МИА* 69, 187—211.
- Гущина И.И. 1974. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму. *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. Москва, 32—64.
- Журавлев Д.В. 2005. Краснолаковые пантийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV. *ХС XIV*, 141—168.
- Журавлев Д.В. 2007. Пантийская сгиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. *БИ XVI*, 366—448.
- Зайцев Ю. П. 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах. В: Кутайсов В.А. (ред.). *Археологические исследования в Крыму за 1994 год*. Симферополь: СОНАТ, 102—116.
- Зеест И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора. *МИА* 83.
- Кропотов В.В. 2001. Фибулы из могильников Дружное и Нейзац. *АВ* 8, 175—187.
- Кунина Н.З., Сорокина Н.П. 1972. Стекланные бальзамарии Боспора. *ТГЭ XIII*, 146—177.
- Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. В: Гугуев Ю.К. (ред.). *Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона I*. Ростов-на-Дону, 194—232.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. 2008. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10*. Москва: «Восточная литература» РАН.
- Масленников А.А. 2000. Грунтовые некрополи сельских поселений Карларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. *ДБ* 3, 136—200.
- Мыщ В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. 2006. *Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму*. Санкт-Петербург: СПбНИИ РАН «Нестор-История».
- Пуздровский А.Е. 1992. Новый участок Восточного некрополя Неаполя Скифского. *РА* (2), 181—199.
- Пуздровский А.Е. 1992а. *Отчет о раскопках Битакского могильника в 1989—1992 гг.* Архив КФ ИА НАНУ, № 646а, 317.
- Пуздровский А.Е. 1994. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. В: Могаричев Ю.М. (ред.). *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь: Таврия, 114—126.
- Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. 1999. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике. *ХС X*, 194—207.
- Рыжова Л.А. 2003. Стекланные канфары из собрания Херсонесского заповедника. *ХС XII*, 151—164.
- Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. 2005. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). *Stratum plus* (4). Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 27—277.
- Труфанов А.А. 1997. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма). *БИАС I*, 181—192.
- Труфанов А.А. 1998. Вырубной склеп из позднескифского могильника у с. Брянское в Юго-Западном Крыму. *ХС IX*, 141—145.
- Труфанов А.А. 2004. Подбойные могилы III в.н.э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.). В: Фарбей А.М. (отв. ред.). *Судейский сборник*. Киев; Судак: Академперіодика, 495—521.
- Труфанов А.А. 2007. Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум, 173—186.
- Труфанов А.А. 2007. Могила № 914 из Усть-Альминского могильника в Юго-Западном Крыму. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум, 229—232.
- Труфанов А.А., Колтухов С.Г. 2003. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму. *Stratum plus* (4). Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 278—295.
- Храпунов И.Н. 1994. Погребение середины III в. н. э. из могильника Дружное. *МАИЭТ IV*, 529—544.

№4. 2010

- Храпунов И. Н. 1999. О позднесарматской археологической культуре в Крыму. В: Толочко П. П. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова)*. III Граковские чтения. Запорожье, 262—268.
- Храпунов И. Н. 2002. Могильник Дружное (III—IV вв. нашей эры). *Monumenta Studia Gothica II*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Храпунов И. Н. 2003. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац). *БИ* III, 329—349.
- Храпунов И. Н. 2005. Последние погребения в могильнике Нейзац. *МАИЭТ* XI, 169—191.
- Храпунов И. Н. 2008. Наконечники ремней из могильника Нейзац. *МАИЭТ* XIV, 61—79.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. 2000. Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму. *Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkervanderungszeit in Mittel Osteuropa*. Lodz, 479—519.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., Мульд С. А. 2001. Позднескифский могильник у с. Левадки. *БИАС* II, 105—168.
- Hayes J. W. 1985. Sigillate Orientali. *Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio)*. *Atlante delle forme ceramiche II. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale*. Roma, 1—96.

Статья поступила в номер 18 января 2010 г.

Alexander Trufanov (Simferopol, Ukraine). Candidate of historical sciences. Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences.

Alexander Trufanov (Simferopol, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie, filiala Crimea, Academia Națională de Științe a Ucrainei.

Труфанов Александр Анатольевич (Симферополь, Украина). Кандидат исторических наук. Крымский филиал Института археологии НАН Украины.

E-mail: archaeo@ukrpost.net.

А. Е. Пуздровский, А. А. Труфанов

Бронзовая матрица с изображением Зевса из Юго-Западного Крыма

A. E. Puzdrovsky, A. A. Trufanov.

A Bronze Matrix with Image of Zeus from South-West Crimea.

In 2009, a bronze matrix with image of Zeus was found in a burial of 1st-2nd centuries A.D. on the Ust-Alma necropolis (South-West Crimea). It was intended for production of votive plates. Analogous matrices were well-known in Chersonesos, Thrace and Moesia (2nd—3rd centuries A.D.). Such finds are usually associated with Roman soldiers. The matrix could have been brought to Crimea by Sarmatian tribes who participated in Roman-Dacian wars.

A. E. Puzdrovsky, A. A. Trufanov.

Matricea de bronz cu imaginea lui Zeus din Crimeea de Sud-Vest.

În 2009, la necropola Ust-Alma din Crimeea de Sud-Vest, în mormîntul din secolele I—II, a fost descoperită o matrice de bronz cu imaginea lui Zeus. Aceasta a fost destinată producerii unor plăci votive. Matricea este similară cu cele din Hersones, dar mai ales cu cele din Tracia și Moesia (secolele II—III). Asemenea descoperiri, de obicei, sunt asociate cu prezența ostașilor romani. Matricea ar fi putut ajunge la Crimeea ca urmare a participării sarmaților la războaiele daco-romane.

А. Е. Пуздровский, А. А. Труфанов.

Бронзовая матрица с изображением Зевса из Юго-Западного Крыма.

В 2009 г. на Усть-Альминском некрополе в Юго-Западном Крыму в погребении I—II вв. н. э. была обнаружена бронзовая матрица с изображением Зевса. Она предназначалась для производства вотивных пластин. Матрица находит аналогии в Херсонесе, но особенно близкие — во Фракии и Мезии (II—III вв. н. э.). Подобные находки обычно связываются с присутствием римских солдат. Матрица могла попасть в Крым в результате участия сарматов в римско-дакийских войнах.

Keywords: Bronze matrix, votive plates, Ust-Alma necropolis, South-West Crimea.

Cuvinte cheie: matrice de bronz, plăci votive, necropola Ust-Alma, Crimeea de Sud-Vest.

Ключевые слова: бронзовая матрица, вотивные пластины, Усть-Альминский некрополь, Юго-Западный Крым.

В 2009 г. на Усть-Альминском некрополе в разграбленном в древности грунтовом склепе 986, находившемся на северо-западной периферии памятника, был обнаружен редкий предмет — бронзовая матрица для производства вотивных пластин. Поскольку большинство таких находок происходит вне археологического контекста, публикация альминского комплекса представляется актуальной.

Склеп 986. Входная яма трапециевидных очертаний, расширяющаяся к входному отверстию, ориентирована по оси СЗ—ЮВ. Ее размеры 4,40×1,30—1,70 м. Наибольшая глубина от современной дневной поверхности — 4,0 м (рис. 1; 2). По своим размерам — это один из самых значительных объектов некро-

поля. В ЮВ стенке входной ямы сооружены четыре ступени, высотой от 0,35 до 0,60 м. Три нижних вырублены в плотном мергеле, верхняя — в слое гальки и укреплен обломком песчаника. На двух ступенях имелись подрубки, сделанные для удобства спуска. Дно ямы понижается на 0,55—0,60 м по направлению к камере. В верхней части суглинистого заполнения зафиксировано большое количество камней забутовки. В этом же качестве, вероятно, вторично использована и известняковая ступа, обнаруженная на глубине 3,0 м (рис. 1, 1; 4, 1).

В южной части ямы, вдоль всего сооружения, прослежена древняя грабительская траншея шириной 1,0—1,15 м при глубине

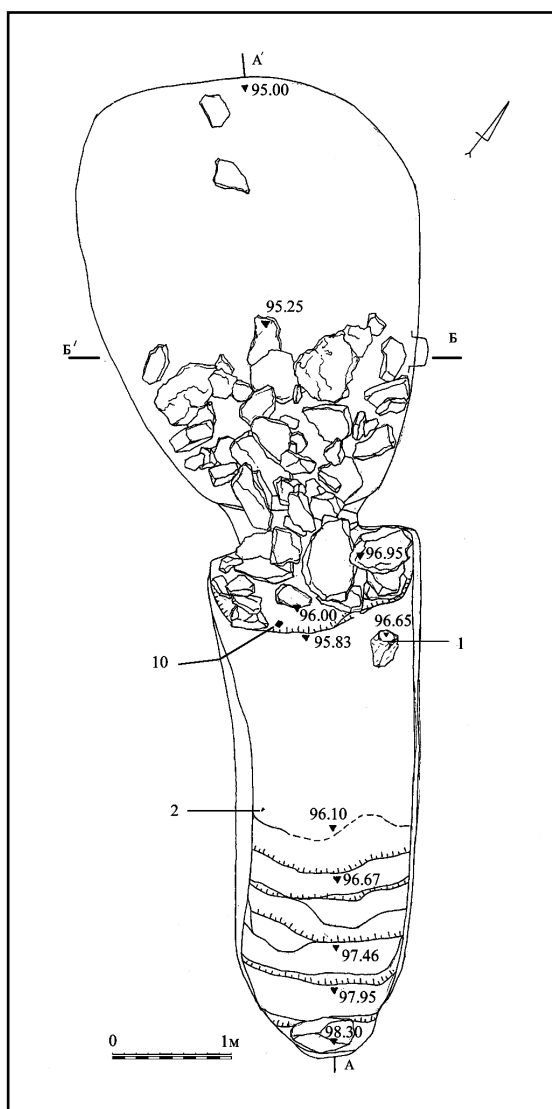

Рис. 1. Склеп 986. План входной ямы и камеры.
Находки: 1 — известняковая ступа; 2 — бронзовый
букраний; 10 — бронзовая пластина (матрица).

до 2,75 от уровня древней дневной поверхности. Ее заполнение состояло из линз и прослоек гумуса и переотложенного суглинка. В ее заполнении выявлено большое количество обломков керамики, среди которой — фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор (рис. 4: 2—5), красноглиняных амфор (рис. 4: 6—8), а также одноручных кувшинов биконической формы, на высоком поддоне, из оранжево-коричневой глины, насыщенной включениями пирита (рис. 4: 9). В южной части ямы, на глубине 2,90 м от современной поверхности найден бронзовый букраний (рис. 1: 2; 6: 1, 2).

Из ямы в камеру вели дромос (шириной 1,0 м, длиной 0,20—0,30 м) и спуск (ступенька), высотой 0,35 м. Реконструируемая высота входного отверстия составляла около 1,20 м. Заклад (обычно это плита!), заглубленный

в дно входной ямы на 0,2 м, состоял из плоских обломков известняка, песчаника и конгломерата, уложенных горизонтально в иррегулярной технике. Лучше сохранился северо-восточный угол кладки высотой 1,10 м (рис. 2: III). В заполнении перед закладом найдена бронзовая прямоугольная пластина с рельефным изображением Зевса на троне (рис. 1: 10; 7: 1, 2). Вероятно, она была утеряна грабителями.

Погребальная камера трапециевидных очертаний со скругленными углами, размерами 1,60—2,85 × 3,60 м, расположена к СЗ от входной ямы (рис. 1; 3). Дно слегка понижается к СЗ стенке (перепад высот 0,2 м). Сохранившаяся высота свода 1,7 м. В северо-восточной стенке, на высоте 0,85 м от дна, вырублена трапециевидная ниша размерами 0,22—0,27 × 0,29 × 0,12 м (рис. 2: I, II).

В привходовой части камеры зачищены остатки заклада, разрушенного грабителями. В придонной части заполнения зафиксированы обломки деревянного гроба, в западном углу — бедренная кость взрослого человека. На полу найдены обломки краснолаковой чашки (рис. 3: 3), фрагменты легкой реберчатой курильницы (рис. 3: 4), стеклянного балзамария (рис. 3: 5), зуб животного (рис. 3: 8), обломки легкой курильницы с отверстиями в корпусе (рис. 3: 6), пронизь из желтого металла (рис. 3: 7), две гагатовых и одна стеклянная бусины (рис. 3: 9). Из перебранного грунта происходят мелкие фрагменты железных и бронзовых предметов (рис. 5: 5—7) и две бляшки из желтого металла (рис. 5: 11).

Рассмотрим находки.

Обломки амфор и гончарной посуды из заполнения входной ямы склепа 986, вероятно, представляют собой остатки тризны, связанной с окружающими его могилами II—III вв. н. э. Эта керамика, очевидно, была сброшена в оплывшую грабительскую траншею и определяет верхнюю хронологическую границу ограбления.

1. Ручки светлоглиняных амфор (рис. 4: 2—5) относятся к типу С (по Д. Б. Шелову). Учитывая современные хронологические разработки по могильникам Юго-Западного и Центрального Крыма (Усть-Альма, Бельбек IV, Константиновка), дата появления такой тары — вторая четверть II в. н. э., а производство ее продолжалось до конца столетия (Внуков 2006: 163—167; Пуздровский 2007: 186, 191).

Профильные части красноглиняных амфор представлены ручками (рис. 4: 6—8) и, вероятно, относятся к боспорскому производству II—III вв. н. э. Кувшин с биконическим туловом, на высоком поддоне, опреде-

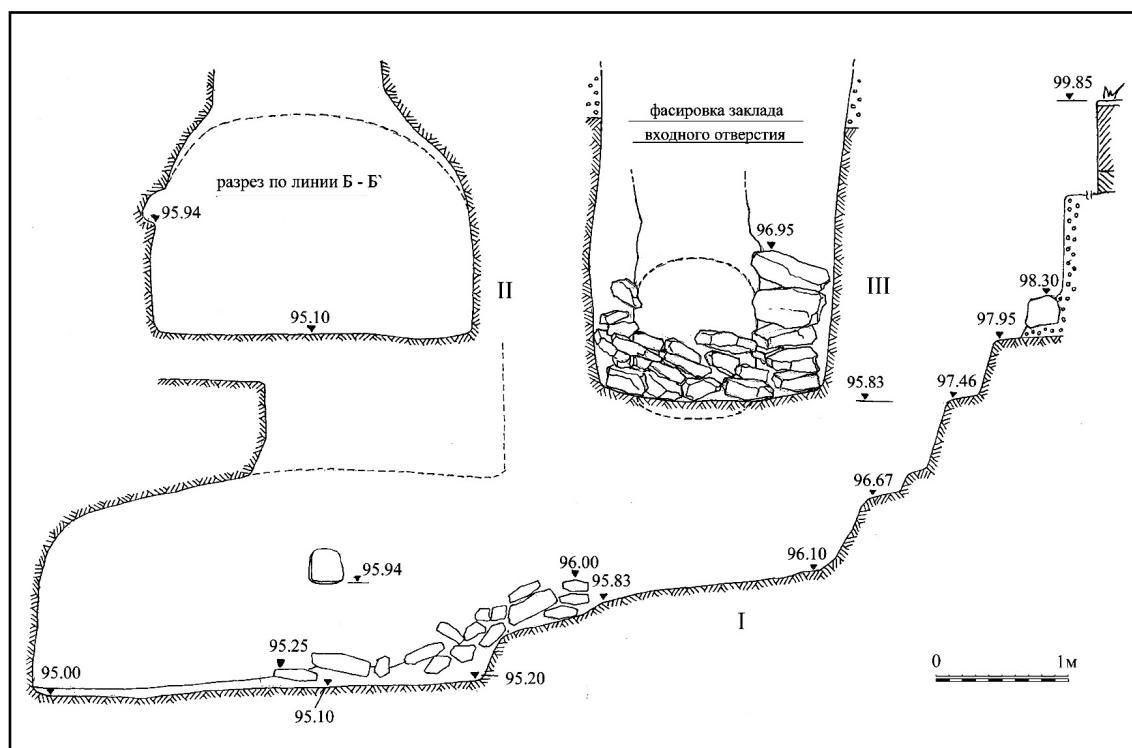

Рис. 2. Склеп 986. Разрезы: I — через входную яму и камеру по линии А — А'; II — через камеру по линии Б — Б'; III — фасировка заклада входного отверстия в камеру.

лен по характерной оранжево-коричневой глине с включениями пирита и единственной профильной части — ручке (рис. 4: 9). Такие сосуды (археологически целые), найденные во входных ямах (тризне) склепа 736 и могил 700 и 852 Усть-Альмы, датируются второй четвертью — серединой II в. н.э. (Пуздровский 2007: 186; Пуздровский, Соломоненко, 2007: 209, рис. 3: 1, 2), а кувшин из погребения 215 Бельбека IV (Гущина, Журавлев 1999: 164, рис. 4: 14) — серединой — второй половиной II в. н. э. Посуда этого типа достаточно часто встречается в комплексах II—III вв. н. э. (Кадеев, Сорочан 1989: 93—95).

2. Известняковая ступа усеченно-конической формы, края ее оббиты (рис. 4: 1). Размеры: 28×22×30 см. Диаметр чаши — 16 см, сохранившаяся глубина — 19 см. Близкая по форме известняковая ступа высотой 48 см и диаметром чаши 36 см найдена на Усть-Альминском городище (Высотская 1972: 168, рис. 50: 5). Такие предметы обычно служили для крупного размола и изготовления крупы.

В Усть-Альминском некрополе в склепе 603 встречены обломки мраморной ступки с зооморфными ручками (Пуздровский 2007: 159, рис. 138: 3). Аналогичная ступка из Соколовой Могилы, как полагает Г.Т. Ковпаненко, служила для измельчения целебных и ароматических трав (1986: 60,

рис. 59—61). Учитывая небольшие размеры публикуемого экземпляра, нельзя исключать вероятность присутствия ступы в погребальном инвентаре. Во входную яму она могла попасть после ограбления.

3. Бронзовый букраний (рис. 6: 1, 2) представляет собой литую полую фигурку головы быка с небольшими рожками. Уши, глаза, складки на нижней части морды, ноздри и рот моделированы желобчатыми линиями с помощью штампа. Волнистыми линиями, в той же технике, передана густая шерсть верхней части головы. Размеры фигурки: 3,5×3,0×1,5 см. Тыльная сторона ее (у шеи) обрезана вертикально, что наряду с остатками свинцового припоя внутри свидетельствует о креплении (насадке) букрания на какой-то предмет. Один из вариантов реконструкции — навершие рукояти ритуального ножа.

Прямых аналогий альминскому букранию пока подобрать не удалось. Бронзовая голова быка венчает навершие в виде бубенца на втулке с треугольными прорезями из разрушенного кургана VI в. до н.э. Четук на Северном Кавказе (Шедевры 1987: кат. 3). Навершие канделябра из Золотого кладбища оформлено в виде головы козла (Гущина, Засецкая 1994: 24, 35, кат. 24), жезлы из Новоджерелиевской (Шедевры 1987: кат. 130) и Зубовского хутора (Гущина, Засецкая 1989: 82, 118, табл. XII: 34) были украшены протомы оленей. Железные

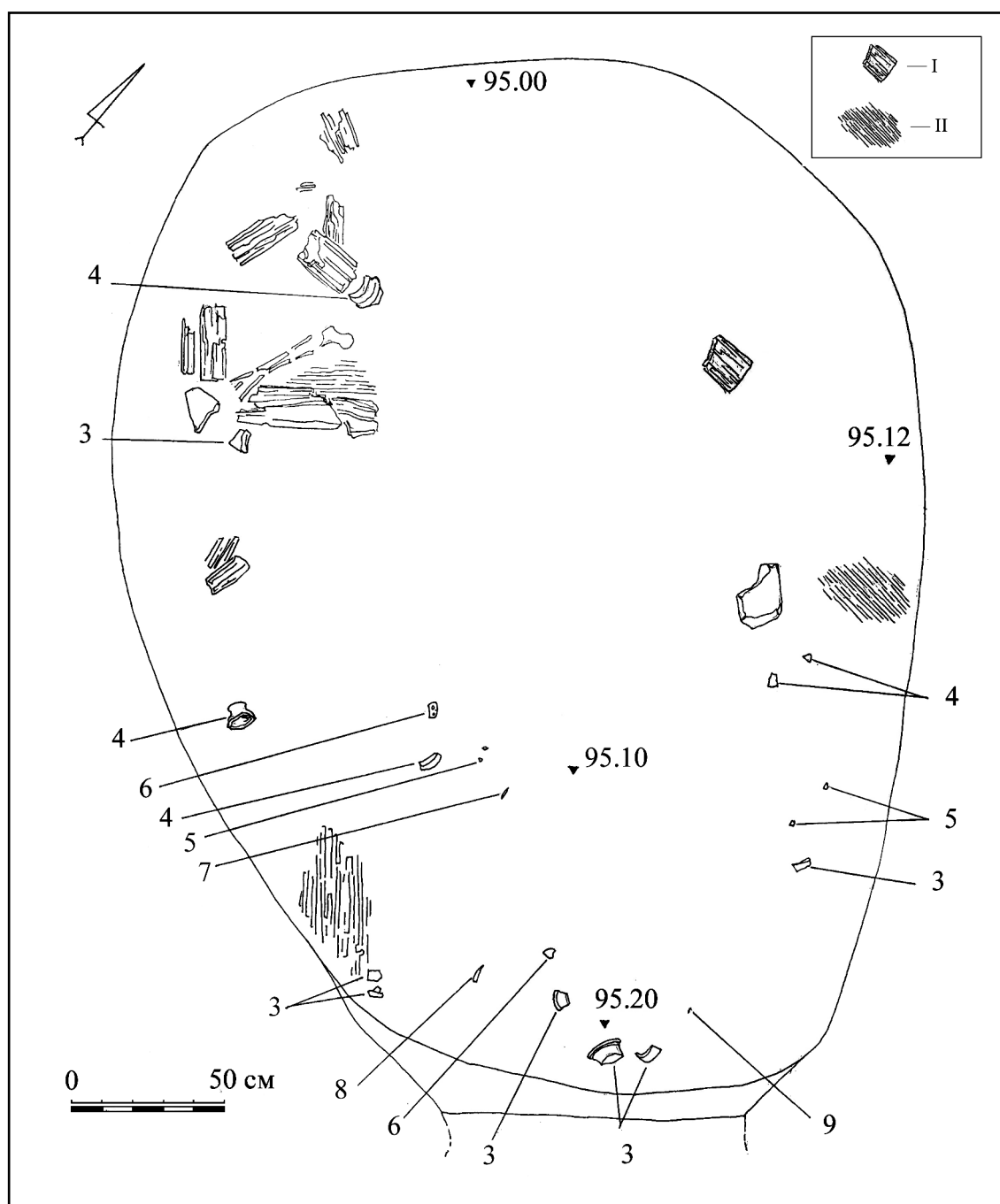

Рис. 3. Склеп 986. План камеры с нанесением остатков погребения и инвентаря: 3 — фрагменты краснолаковой чашки; 4 — обломки лепной курильницы на ножке; 5 — осколки стеклянного бальзамария; 6 — фрагменты лепной курильницы (с отверстиями); 7 — пронизь из желтого металла; 8 — зуб животного; 9 — бусы. I — фрагменты деревянного гроба, II — органический тлен.

канделябры этого типа известны в Усть-Альме (Пуздровский: 2007, рис. 139: 1, 5, 6).

Возможно, альминский букраний являлся рельефным украшением бронзового сосуда типа алтарика или курильницы. Глиняные алтарики с букраниями обнаружены в позд-неэллинистических комплексах Неаполя Скифского (Зайцев 2003: 28, 57, рис. 62: 6, 11; 92). Тремя рельефными головами быков укра-

шена лепная курильница-алтарик, происходящая из могилы 615 Усть-Альмы — последняя четверть I в. н. э. (рис. 6: 6). В комплексах того же времени из Усть-Альмы и Битака найдены броши с изображением букраниев на щитках (Пуздровский 2007: 179, 180, рис. 196: 6, 7, 9). По своим размерам и проработке деталей (рис. 6: 3—5) они весьма схожи с фигуркой из склепа 986.

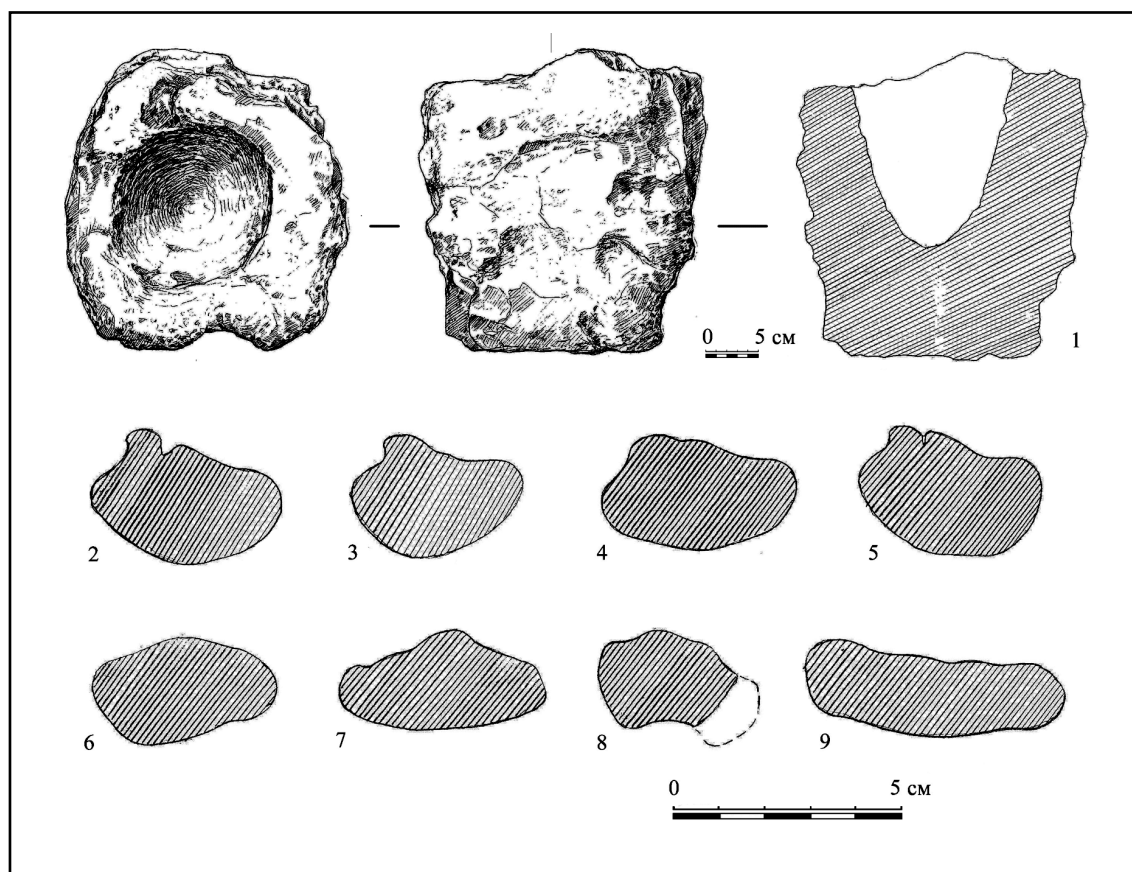

Рис. 4. Склеп 986. Находки из входной ямы: 1 — известняковая ступа; 2—5 — ручки светлоглиняных узкогорлых амфор; 6—8 — ручки красноглиняных амфор; 9 — ручка кувшина оранжево-коричневой глины.

4. Краснолаковая чашка усеченно-конической формы с отогнутым венчиком, на низком кольцевом поддоне, относится к группе ESB2. Глина светло-коричневого оттенка, пористая, с включениями блестящих частиц. Лаковое покрытие — оранжево-красного оттенка, изнутри — с утратами, что может свидетельствовать об использовании сосуда в качестве пиксиды. Снаружи корпуса, в придонной части — кольцевые желобки (следы формовки). Внутри, на дне — оттиск фигурного штампа в виде розетки, составленной из пяти небольших окружностей вокруг центральной (рис. 5: 3). Диаметр венчика — 12,5 см, дна — 7,0 см, высота — 4,0 см.

Датировка группы ESB2 обычно определяется в рамках 50—125/150 гг. н. э. (Beyll 1993: 22—28, taf. 1: 8—27; 3: 28—49; 4: 47—51; 5: 52—56) или 50/75—150 гг. н. э. (Журавлев 2001: 99). По ряду признаков (профиль, пропорции) альминский сосуд относится к варианту (без подрезки венчика и ручек) формы 9, выделенной по экземпляру из могилы 158 Бельбека IV (Журавлев 1997: 242, рис. 5: 4). На первоначальную дату бельбекского сосуда (третья четверть I в. н. э.) во многом повлияла заниженная хронология близкой

(но далеко не идентичной) чашки из погребения в могиле 28 Неаполя — первая половина I в. н. э. (Сымонович 1983: 64, табл. X: 17). Однако, к форме 9 гораздо ближе чашка из могилы 56, хорошее качество лакового покрытия которой (Сымонович 1983: 67, 82, табл. X: 14) и граффити из букв греческого алфавита служат дополнительным аргументом в пользу принадлежности сосуда к группе ESB2 (Журавлев 2001a, 187—193). Смущает только, что другие предметы этого комплекса датируются более поздним временем. Это может быть объяснено смешением инвентаря при подзахоронении (два детских черепа во входной яме). В дальнейшем Д. В. Журавлев пересмотрел дату формы 9 в сторону омоложения, отнеся весь комплекс погребения могилы 158 Бельбека IV к первой половине II в. н. э. (2001: 106, рис. 5).

Чашка формы 9, но с затертыми краями и прямоугольным (именным?) клеймом найдена в могиле 728 Усть-Альмы (нижний ярус), относимой к рубежу I—II вв. н. э. (Пуздровский 2007: 172, рис. 169: 15). Тем же временем датируются и другие похожие экземпляры с оттиском именного (?) штампа в прямоугольной рамке — из могилы 79/2 Битака и могилы

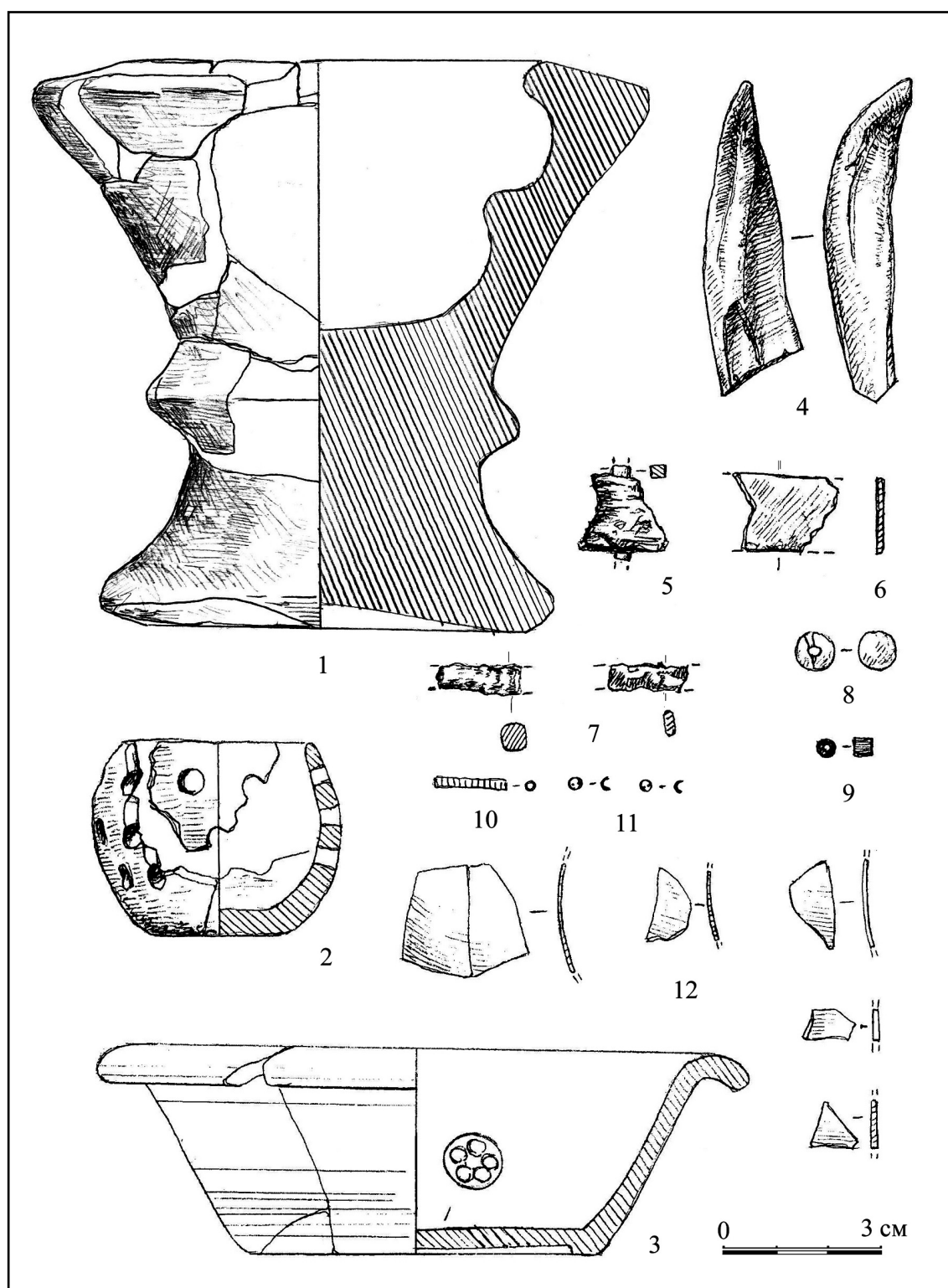

Рис. 5. Склеп 986. Находки из камеры: 1 — лепная курильница на ножке; 2 — лепная курильница с отверстиями в тулове; 3 — краснолаковая чашка; 4 — зуб животного; 5—7 — фрагменты бронзовых и железных предметов; 8, 9 — бусы; 10, 11 — пронизь и бляшки из желтого металла; 12 — осколки стеклянного бальзамария.

411/1—2 Усть-Альмы. Близкая аналогия публикуемому клейму — на чашке формы 9 из могилы 526 Усть-Альмы (Пуздровский 2007: 172, рис. 169: 14, 16; 172: 8). Такие же оттиски штампа представлены на чашке с вертикальным бортиком из могилы 138/1 Битака

и на чашке формы 9 из могилы 3 Брянского (Труфанов 2009: рис. 8: 10; 9, 12, 14). Комплексы датируются рубежом I—II вв. н. э. и первой четвертью II в. н. э.

Таким образом, дата чашки из склепа 986 — конец I — первая четверть II в. н. э.

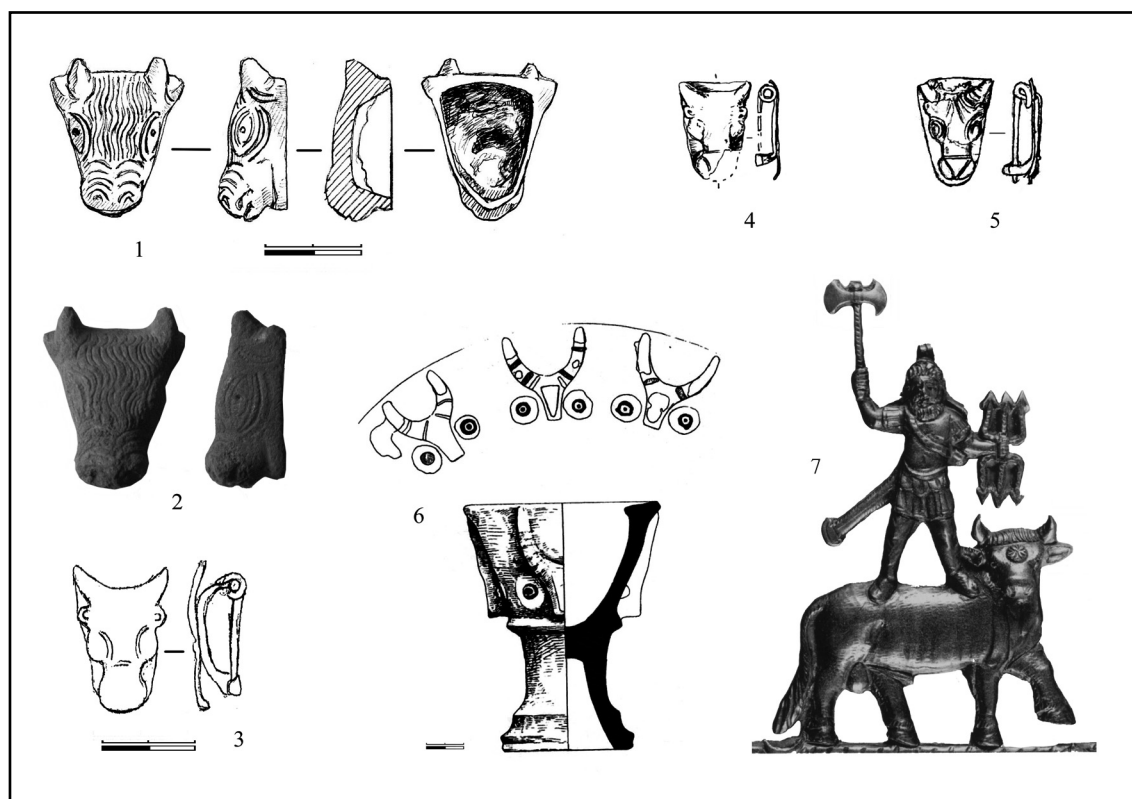

Рис. 6. Бронзовый букраний и аналогии изображению. 1, 2 — склеп 986 Усть-Альмы; 3—5 — фибулы-броши с изображением букрания (по: Пуздровский 2007: рис. 196); 6 — лепная курильница с букраниями — могила 615 Усть-Альмы (по: Пуздровский 2007: рис. 84); 7 — изображение Юпитера Долихена на быке — бронзовая пластина из Германии (по: Die Römer Zwischen Alpen und Nordmeer 2000: Kat. 177b).

5. Лепная курильница усеченно-конической формы, на массивной подставке. Корпус отделен ребристым валиком. На внутренней стороне подставки — небольшое углубление. Внешний край сосуда скошен в виде выступа, а внутренний загнут внутрь, образуя горизонтальный валик. Такой же валик проходит посередине внутренней поверхности чаши (рис. 5: 1). Глина курильницы в изломе серо-черного оттенка, у краев — оранжевого, тесто с крупными включениями дресвы, поверхность — желто-оранжево-коричневых оттенков, залощена. Размеры: диаметр чаши — 12,0 см, диаметр подставки — 8,8 см, высота — 11,0 см.

Курильницы цилиндрической и усеченно-конической формы в различных вариантах оформления широко известны в среднесарматской культуре (Смирнов 1973: рис. 1—3: I, II; Скрипкин 1990: рис. 37: 6—16; Прохорова, Гугуев 1992, 152 рис. 3: 10), в т. ч. в Северном Причерноморье (Максименко: 1998, рис. 82; Медведев 2008: 38, рис. 43: 1, 2, 3; Артеменко, Левченко 1983: 145, рис. 1: 6; Симоненко, Лобай 1991: 34, рис. 23: 1) и позднескифских могильниках Крыма (Богданова 1989: 32, 33, табл. VII: 1, 2, 5; Гущина 1982: рис. 12: 27, 30; Журавлев, Фирсов 2001: 226,

227, рис. 2). Многочисленная и разнообразная серия курильниц происходит из Усть-Альминского некрополя (Пуздровский 2007: рис. 83—85).

Наиболее близок рассматриваемому сосуд из склепа 782 Усть-Альмы (Пуздровский 2007: рис. 84: 6) — последняя четверть I в. н. э., хотя в этом разграбленном в древности сооружении была еще одна курильница (Пуздровский 2007: рис. 85: 9), вероятно, связанная с подзахоронением. Хронологические наблюдения за развитием форм курильниц в Усть-Альме позволяют предположить их эволюцию от экземпляров с цилиндрическим туловом к сосудам на массивной подставке, а затем — с выраженной чашей на высокой полой ножке. К рубежу I—II вв. н. э. исчезают валики.

6. Лепная курильница усеченно-сферической формы, с отверстиями в тулове (рис. 5: 2). Размеры: диаметр венчика — 3,5 см, дна — 2,5 см, высота — 3,7 см.

Такие курильницы хорошо известны в памятниках среднесарматской культуры (Смирнов: 1973, рис. 1—3: III—IV; Медведев 2008: 38, рис. 43: 4—6; Вязьмитина: 1972, рис. 71: 15; Ковпаненко 1986: 65—67, рис. 68). В Крыму они найдены в Неаполе Скифском (Сымонович 1983: табл. IV: 2), в Заветном

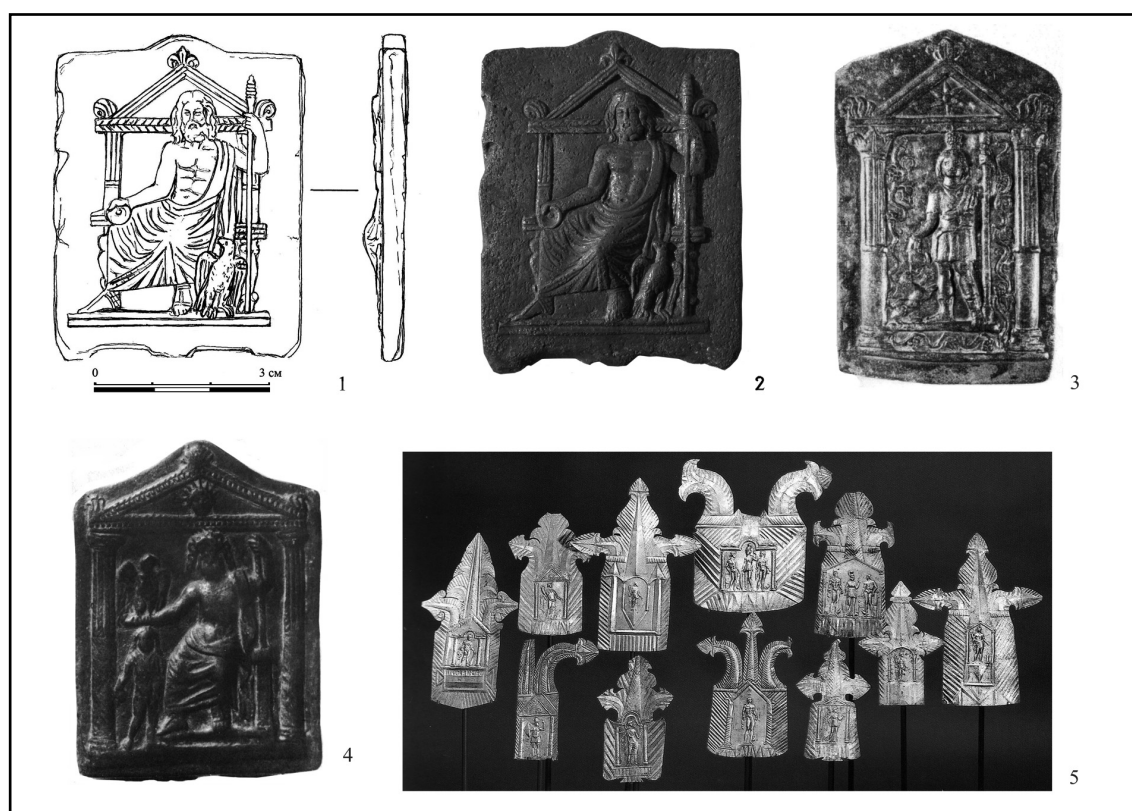

Рис. 7. Бронзовые матрицы и вотивные пластины. 1, 2 — матрица из склепа 986 Усть-Альмы; 3 — матрица из Туровой балки (Херсонес; по: Treister 2001: Fig. 120); 4 — матрица с юга Фракии (по: Vasil P. Vasilev 1987: Abb. 18); 5 — комплект серебряных вотивных пластин из клада в Вейсенбурге (Германия) III в. н. э. (по: Die Römer Zwischen Alpen und Nordmeer 2000: Kat. 130).

(Богданова 1989: 32, 33, табл. VII: 6.), в кургане у Братского кладбища (Высотская 1972: 114, рис. 28: 12, 13), в погребениях I в. н. э. Усть-Альминского некрополя (Высотская 1994: 83, табл. 31: 35; 40: 2). Как правило, такие сосуды входили в комплект с курильницами цилиндрической или усечено-конической формы (Симоненко, Лобай 1991: 34, 57, 58, рис. 33; Артеменко, Левченко 1983: 145, 146, 148, рис. 1: 6, 7; Прохорова, Гугуев 1992: рис. 3: 10, 13; Медведев 2008: рис. 43: 2—6; Пуздровский 2007: рис. 83: 2, 4, 6, 8, 11; 84: 3, 5; 85: 7; 2009: рис. 4: 2, 3).

Комплекты курильниц Усть-Альмы найдены в богатых (аристократических) женских захоронениях (бронзовая и серебряная посуда, золотые украшения, предметы восточного импорта). Наборы предметов культа и амулетов позволяют определить такие погребения как принадлежащие «жрицам».

7. От стеклянного бальзамария сохранились лишь фрагменты тулова (рис. 5: 12). Стекло прозрачное, бесцветное.

8. Бусина округлой формы из глухого серого-голубого стекла (рис. 5: 8) и пронизи из гагата (2 экз.) короткоцилиндрической формы (рис. 5: 9) имеют широкий хронологический диапазон бытования, но характерны и для на-

боров I—II вв. н. э. (Алексеева 1978: 14, 15, табл. 20: 41; 66, табл. 33: 8).

9. Зуб животного (рис. 5: 4). В прикорневой части есть два небольших отверстия диаметром 0,2—0,3 см, вероятно, для подвешивания. Размеры: 6,0×1,5 см. Возможно, зуб служил амулетом.

10. Мелкие обломки железных предметов (рис. 5: 6, 7) и бронзовый загнутый стержень с остатками дерева (рис. 5: 5), возможно, относятся к деталям шкатулки.

11. Гофрированная пронизь из желтого металла (длина — 1,3 см, диаметр 0,2 см) и две нашивные бляшки (диаметр 0,25 см) полусферической формы с двумя отверстиями (рис. 5: 10, 11). Обычно пронизями декорировали воротник, а бляшками — рукава или обувь. Такие украшения встречены в богатых женских захоронениях Усть-Альмы I — начала II в. н. э. (Пуздровский 2007: рис. 113: 2, 3, 9; 3: 10, 12; 115: 9; 116: 7, 9; 117: 11, 13; 118: 4, 6; 119: 9, 16, 19), нередко они в сарматских погребениях I в. н. э. (Симоненко, Лобай: 1991, рис. 19: 4в, 5; Мордвинцева, Хабарова 2006: 21, прим. 67, кат. 36, 84, 87, 111, 155 и др.).

12. Бронзовая матрица прямоугольной формы с изображением сидящего на троне Зевса (рис. 7: 1, 2), выполненным в невы-

соком рельефе. Размеры: высота — 5,5 см, ширина — 4,2 см, толщина — 0,4 см, высота рельефа — до 0,35 см. На нижней грани сохранились три выступа (два боковых и центральный) со сломанами от литников либо ручки. На боковых гранях — небольшие механические повреждения, на тыльной стороне слабые вмятины от ударов инструмента. На лицевой (рельефной) стороне следы срабатанности матрицы минимальны.

В центре изображения — сидящий на троне Зевс. Монументальное кресло на фигурных ножках стоит на подиуме. Спинка сооружения оформлена в виде портика с колоннами, верхняя часть которых покрыта каннелюрами. Архитрав разделен на два яруса и покрыт косыми зубчиками, карнизы переданы в виде трех параллельных неорнаментированных балок, фронтоны украшают пышные акротерии. Вся композиция плавно вписана в поле матрицы — выступ в центре верхней грани пластины подчеркивает верхний угол фронтона.

Зевс изображен с обнаженным торсом, в гиматии, верхняя часть которого перекинута через левое плечо и свисает на сиденье, ноги обуты в сандалии. Персонаж величественно восседает на троне, в свободной позе (развернут к зрителю влево в $\frac{3}{4}$), отставив правую ногу. В левой руке Зевс сжимает скипетр, опираясь на него; в ладони правой руки, покоящейся на колене, он держит фиалу; у его левой ноги сидит орел со слегка расправленными крыльями и обращенной вправо головой. Детали фигуры (лицо, прическа, борода, торс, стопы), складки одежды, ремешки обуви, а также оперение птицы тщательно проработаны.

Альминская матрица относится к серии бронзовых штампов, предназначенных для изготовления votивных пластин (преимущественно из серебра) с изображением того или иного божества, своеобразных «иконок». Оттиски предназначались для приношений в храм либо для домашних святилищ. Они могли быть оформлены в виде штандартов (рис. 7: 5) и в первые века н.э. были широко распространены в провинциях Римской империи (Треистер 1991: 134; Die Römer 2000: 374, 375, kat. 130, 131).

Альминский экземпляр принадлежит к группе матриц с изображением божества в эдикуле. Территориально наиболее близкой находкой является экземпляр из Туровой балки близ Херсонеса (рис. 7: 3) с фигурой Диониса (Кадеев, Сорочан 1989: 97; Треистер 1991: 133—137; Treister 2001: 355, fig. 120). С альминской ее сближает ряд художественных приемов в изображении портика.

Большая серия подобных матриц с образами различных божеств происходит из Мезии и Фракии (Vasilev 1987: 177—183; Treister 2001: 301, 315, 352, 355). Именно там (Южная Фракия) удалось найти очень близкую аналогию (рис. 7: 4) — с изображением Зевса на троне, держащего в левой руке жезл. На правой протянутой руке божества восседает орел с расправленными крыльями, рядом стоит Ганимед, в его руке — сосуд (Vasilev 1987: 180, fig. 18). Композиционно, а также в изображении деталей обе матрицы имеют много общих черт, что позволяет предполагать их принадлежность к одной художественной школе.

Особый интерес представляет изображенная в руках Зевса фиала, символизирующая возлияние — принесение жертвы. Сюжеты возливающих богов, известные в вазописи, на votивных рельефах и монетах, преимущественно классического и эллинистического времени (Кувшинова 200: 223—230), значительно реже встречаются в римское время, например, на светильнике из Усть-Альминского некрополя (Пуздровский 2007: 173, цв. вклейка 6, 5, рис. 188, 5). Изображения стоящего Юпитера с патерой также встречаются достаточно редко, преимущественно в Мезии и Фракии, что дало основание М.Ю. Трейстеру для предположения об изготовлении фигурки божества из ст. Самурской (Краснодарский край) в одной из балканских мастерских II—III вв. н.э. В качестве прототипа таких статуарных изображений Зевса приведены аналогии с датой не позднее середины I в. н.э., выдвинуто предположение о путях попадания таких предметов в Северное Причерноморье и их связи с культом Зевса и Юпитера (Треистер 1992: 50—53, рис. 5).

Прием изображения каннелюр только в верхних частях колонн, а также оформление косыми зубчиками архитрава и карнизов, пышные акротерии отмечены не только на вышеупомянутых бронзовых матрицах (Vasilev 1987: 180, fig. 4—6, 22, 27), но и на глиняных формах для отливки матриц из Монтаны (Ogneanova-Marinova 1987: 173—176, fig. 5, 6) и на штампе из Туровой балки (Треистер 1991: 135; Treister 2001: 355).

Рассмотренные матрицы из Мезии и Фракии, а также из Херсонеса и Туровой балки датируются II—III вв. н.э. (Треистер 1991: 137; Костромичев, Треистер 2009: 415—421). Культурные и экономические связи Херсонеса и его окружи с Подунавьем в первые века н.э. обычно объясняют присутствием среди римских контингентов выходцев из этих провинций (Кадеев, Сорочан 1989: 97—101; Зубарь

1994: 49—108; Ланцов 2003: 37—41), для них могли по бронзовым штампам изготавливать и votивные пластины с изображениями божеств.

Бронзовая матрица из Усть-Альмы с изображением Зевса является уникальной для Крымской Скифии, учитывая редкость таких находок в Северном Причерноморье. Данные погребального обряда склепа 986 и остатки инвентаря позволяют предполагать, что в камере было совершено захоронение знатной женщины в деревянном гробовище. Краснолаковая чашка и курильницы определяют дату погребения в диапазоне конца I — начала II в. н. э.

Остается неизвестным, какую смысловую нагрузку в обряде несли букраний и матрица? Несмотря на ряд общих черт с серией штампов из Абритуса, иконография и тщательность исполнения альминской матрицы обнаруживают сходство лишь с одним экземпляром из Южной Фракии (рис. 7: 4). Отличия — в треугольной форме верхней части пластины из Болгарии и композиционном решении эдикулы альминской матрицы — портик изображен в виде трона (рис. 7: 1, 2). Возможно, в данной серии наша матрица — одна из самых ранних (первая четверть II в. н. э.).

Предлагаемая дата альминской матрицы ставит вопрос о путях попадания ее в Крым,

поскольку непосредственное военное присутствие римского гарнизона в Херсонесе относится к несколько более позднему времени (Зубарь 1994: 44). Один из вариантов — военная добыча сарматов в римско-дакийских войнах начала II в. н. э. (Толстіков 1989: 61, 62).

Находка бронзового букрания также ставит много вопросов. Есть ли связь между матрицей с изображением Зевса и букрания? Культ быка и бычьей головы уходит корнями в глубокую древность (см.: Толочко 2000: 289—292). В первые века н.э. в Северном Причерноморье и Подунавье распространяется культ бога-всадника, во многом схожего с иранским Митрой (Ростовцев 1913: 18—62; Blawatsky, Kochelenko 1966: 13—36; Крыкин 1993: 137—227) и фракийскими божествами. На ряде памятников искусства вместе с фигурой всадника показаны алтарь и букраний (Толочко 2000: 287—290; Венедиков, Тодоров: кат. 137). В дунайских провинциях (Najdenova 1987: 191—193), а также на Рейне (Die Römer 2000: 241—244) культ Митры-тавроктона получил широкое распространение, как в армии, так и среди гражданского населения. Еще один восточный бог — Юпитер Долихен, особенно популярный в конце II — начале III в. н. э. (Die Römer 2000: 244, 245, kat. 177a, 177b), изображался стоящим на быке (рис. 6: 7).

Литература

- Алексеева Е. М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. *САИ* Г1—12.
- Артемченко И. И., Левченко Б. М. 1983. Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области. *СА* (2), 144—151.
- Богданова Н. А. 1989. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное. *АИЮВЕ. Труды ГИМ* 70, 17—70.
- Внуков С. Ю. 2006. *Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли*. Санкт-Петербург: Алетей.
- Венедиков И., Тодоров Н. *Памятники болгарской земли. Праистория и античность*. София: Пресс.
- Вязьмитина М. И. 1972. *Золотобалковский могильник*. Киев: Наукова думка.
- Высотская Т. Н. 1972. *Поздние скифы в Юго-Западном Крыму*. Киев: Наукова думка.
- Высотская Т. Н. 1994. *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев: Киевская Академия Евробизнеса.
- Гущина И. И. 1982. О локальных особенностях населения Бельбекской долины в первые века нашей эры. *АИЮВЕ. Труды ГИМ* 54, 20—30.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. 1999. Погребения с бронзовой посудой из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. *РА* (2), 157—171.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — начало II в. н. э.). *АИЮВЕ. Труды ГИМ* 70, 71—141.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. 1994. *«Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье*. Санкт-Петербург: Фан.
- Журавлев Д. В. 1997. Краснолаковая керамика группы Eastern sigillata B из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В: Демиденко С. В., Журавлев Д. В. (отв. ред.). *Древности Евразии*. Москва: Б. и., 227—260.
- Журавлев Д. В. 2001. О датировке Eastern sigillata B из Юго-Западного Крыма. *Археология* (3), 99—118.
- Журавлев Д. В. 2001а. Граффити на краснолаковой керамике из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. *Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ* 118, 187—193.
- Журавлев Д. В., Фирсов К. Б. 2001. Позднескифский курган Саблы в Центральном Крыму. *Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ* 118, 223—229.
- Зайцев Ю. П. 2003. *Неаполь скифский (III в. до н. э. — III в. н. э.)*. Симферополь: Универсум.
- Зубарь В. М. *Херсонес Таврический и Римская империя*. Киев: Киевская Академия Евробизнеса.
- Кадеев В. И., Сорочан С. Б. 1989. Херсонес і Західний Понт: проблема контактів. *Археология* (4), 91—102.
- Ковпаненко Г. Т. 1986. *Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге*. Киев: Наукова думка.
- Костромичев Д. А., Трейстер М. Ю. 2009. Бронзовая матрица с рельефным изображением Тюхе из раскопок цитадели Херсонеса. В: Зуев В. Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: Искусство на периферии*

№4. 2010

- античного мира. Санкт-Петербург: Нестор-История, 415—421.
- Крыкин С.М. 1993. *Фракийцы в античном Северном Причерноморье*. Москва: Прометей.
- Кувшинова Е.Н. К вопросу об изображении возливающих богов в античном искусстве. В: Акимова Л.И. (отв. ред.). *Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней*. Москва: Языки русской культуры, 223—230.
- Ланцов С.Б. 2003. *Античное святилище на западном берегу Крыма*. Киев: Стилос.
- Максименко В.Е. 1998. *Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории)*. Донские древности 6.
- Медведев А.П. 2008. *Сарматы в верховьях Танаиса*. Москва: Таус.
- Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. 2006. *Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея*. Симферополь: Тарпан.
- Прохорова Т.А., Гугуев В.К. 1992. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника. *СА* (1), 142—161.
- Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н.э. — III в.н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Пуздровский А.Е. 2009. Комплекс с бронзовой и серебряной посудой I в. н. э. из Усть-Альминского некрополя в Крыму. *Stratum plus* (4), 329—338.
- Пуздровский А.Е., Соломоненко А.Е. 2007. Грунтовый склеп 1—2 вв. н. э. с предметами из дерева из Усть-Альминского некрополя. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум.
- Ростовцев М.И. 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. *ИАК* 49, 1—62.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги)*. Киев: Наукова думка.
- Скрипкин А.С. 1990. *Азиатская Сарматия*. Саратов: изд-во Саратовского ун-та.
- Смирнов К.Ф. 1973. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии. В: Марковин В.И., Мунчаев Р.М. (ред.). *Кавказ и Восточная Европа в древности*. Москва: Наука, 166—179.
- Сымонович Э.А. 1983. *Население столицы позднескифского царства*. Киев: Наукова думка.
- Толочко И.И. 2000. Два мраморных рельефа из Танаиса. В: Акимова Л.И. (отв. ред.). *Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней*. Москва: Языки русской культуры, 287—293.
- Толстіков В.П. 1989. Фанталівський укріплений район в історії Боспорського царства. *Археологія* (1), 52—65.
- Трейстер М.Ю. 1991. Бронзовая матрица з Херсонеса. *Археологія* (1), 133—137.
- Трейстер М.Ю. 1992. Бронзовая статуэтка Юпитера Капитолийского из Мысхако. *ВДИ* (2), 41—53.
- Труфанов А.А. 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. — III в.н.э. *Stratum plus* 2005—2009 (4), 111—328.
- Шедевры. 1987. Лесков А.М., Лапушнян В.Л. (ред.). *Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки*. Москва: Внешторгиздат.
- Beyll D. 1993. Terra Sigillata aus der Marrienkirche in Ephesos. Erste Zwischenbilanz. *Berichte und Materialien des Österreichischen Archäologischen Institutes* 5. Wien.
- Blawatsky W., Kochelenko G. 1966. Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noire. *Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire Romain* 8. Leiden, 1—36.
- Die Römer. 2000. *Die Römer Zwischen Alpen und Nordmeer*. Mainz: Verlag Philip Von Zabern.
- Najdenova V. 1987. Studies on the cult of Mithra in Lower Moesia and Thrace. In: Ivanov T. (redacteur en chef). *Recherches sur la culture en Mesie et Thrace (Bulgarie) (Ier—IVe s.)*. Bulletin de l'Institut d'archeologie XXXVII. Sofia: Editions de l'Academie Bulgare des sciences, 187—199.
- Ogdenova-Marinova L. 1987. Un atelier de plastes imaginarius a Montana. In: Ivanov T. (redacteur en chef). *Recherches sur la culture en Mesie et Thrace (Bulgarie) (Ier—IVe s.)*. Bulletin de l'Institut d'archeologie XXXVII. Sofia: Editions de l'Academie Bulgare des sciences, 173—176.
- Treister M. 2001. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics. *Colloquia Pontica* 8. Leiden; Köln; Boston.
- Vasilev V.P. 1987. Bronzene matrizen aus Mösien und Thrakien. In: Ivanov T. (redacteur en chef). *Recherches sur la culture en Mesie et Thrace (Bulgarie) (Ier—IVe s.)*. Bulletin de l'Institut d'archeologie XXXVII. Sofia: Editions de l'Academie Bulgare des sciences, 177—183.

Статья поступила в номер 11 февраля 2010 г.

Alexander Puzdrovsky (Simferopol, Ukraine). Candidate of historical sciences. Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences.

Alexander Puzdrovsky (Simferopol, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie, filiala Crimea, Academia Națională de Științe a Ucrainei.

Пуздровский Александр Евгеньевич (Симферополь, Украина). Кандидат исторических наук. Крымский филиал Института археологии НАН Украины.

E-mail: archaeo@ukrpost.net.

Alexander Trufanov (Simferopol, Ukraine). Candidate of historical sciences. Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences.

Alexander Trufanov (Simferopol, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie, filiala Crimea, Academia Națională de Științe a Ucrainei.

Труфанов Александр Анатольевич (Симферополь, Украина). Кандидат исторических наук. Крымский филиал Института археологии НАН Украины.

E-mail: archaeo@ukrpost.net.

Черняховская культура и готы

Chernyakhov culture and Goths
Cultura Sântana de Mureș — Cerneahov și goții

О. В. Гопкало

К периодизации могильника Слобозия-Кишкэрень в Бессарабии

O. V. Gopkalo.

Towards Periodization of Slobozia-Chișcăreni Necropolis from Bessarabia.

The article is dedicated to periodization of Chernyakhov culture's necropolis at Slobozia-Chișcăreni, which was excavated and published by A. N. Levinschi. For this purpose, the author used typological, comparatively-stylistical and planigraphical methods.

O. V. Gopkalo.

Cu privire la periodizarea necropolei Slobozia-Chișcăreni din Basarabia.

Lucrarea abordează periodizarea necropolei Slobozia-Chișcăreni din cadrul culturii Cerneahov, săpate și publicate de către A. N. Levinschi. Pentru rezolvarea problemei date se folosesc metoda tipologică, metoda comparativ-stilistică și cea planigrafică.

O. B. Гопкало

К периодизации могильника Слобозия-Кишкэрень в Бессарабии.

Работа посвящена периодизации могильника черняховской культуры Слобозия-Кишкэрень, раскопанного и опубликованного А. Н. Левинским. Для решения поставленной задачи используются типологический, сравнительно-стилистический, планиграфический методы.

Keywords: Moldova, Late Roman and Early Migration periods, Chernyakhov/Sântana de Mureș Culture, Slobozia-Chișcăreni, periodization.

Cuvinte cheie: Moldova, perioada romană târzie și începutul erei Marilor migrații, cultura Cerneahov/Sântana de Mureș, Slobozia-Chișcăreni, periodizarea.

Ключевые слова: Молдова, позднеримский период и начало эпохи Великого переселения народов, культура Черняхов/Сынтана де Муреш, Слобозия-Кишкэрень, периодизация.

Иначе к этой задаче приходится подходить этнологу, для которого изучение вещей является лишь путем к пониманию процессов, в которых кристаллизировались судьбы человеческих обществ. В могильнике он ищет, прежде всего, ключ к пониманию истории оставившей его человеческой группы.

П. П. Ефименко

Относительная хронология черняховской культуры представлена схемами с последовательно сменяющимися периодами продолжительностью от 30 до 70 лет (Гороховский 1988; Шаров 1992; Гей, Бажан 1997). Пополнение фонда источников, разработка детальных

классификаций различных категорий находок создают благоприятные условия для создания микрохронологии черняховской культуры. Особенно это актуально для материалов IV в., когда местное ювелирное ремесло достигло расцвета, появились «этнографиче-

ские» модификации фибул и пряжек, а также существенно увеличилось количество и ассортимент римских импортов. Обсуждение хронологических индикаторов из их числа предлагалось в литературе как способ уточнения абсолютных дат культуры (Гавритухин 1999: 48). Параллельно должны вестись разработки периодизаций отдельных памятников, их локальных групп и культуры в целом.

В этой связи весомые преимущества предоставляют материалы могильника черняховской культуры у с. Слобозия-Кишкэрень Бельцкого уезда Республики Молдова (б. Лазо Лазовского района МССР), исследованного и опубликованного А. Н. Левинским (1999).

Могильник — моноритуальный, представленный северо- и западноориентированными ингумациями. 43% погребений могильника сопровождалось инвентарем. Некрополь расположен в Днестро-Прутском междуречье (рис. 1), в микрорегионе, где в конце 1970-х—1980-е гг. открыты еще два крупных кладбища — Петрешть (раскопки Е. В. Ярового, В. П. Глазова и С. И. Курчатова) и Брэвичень (раскопки В. И. Гросу).

Погребальный обряд могильника Слобозия-Кишкэрень представлен ингумациями (46¹), ориентированными на север (18) и запад² (26), совершенными в простых грунтовых ямах (19) и в ямах с уступами-запечниками (24), часто с остатками деревянного перекрытия (12).

Поскольку специальные антропологические исследования материалов могильника не проводились, половозрастной состав погребенных может быть восстановлен только по данным автора раскопок и на основе анализа погребального инвентаря. Учитывая, что треть могил подверглись ритуальному разрушению (рис. 2), не всегда представлялось возможным установить возраст покойников, но судя по тому, что погребения детей и подростков оставались нетронутыми, можно предположить, что разрушения касались преимущественно взрослых. Итак, по определению автора раскопок, 9 погребений принадлежали детям, два — подросткам, остальные, очевидно, — взрослым (рис. 3).

Погребальным инвентарем сопровождалось 20 могил (43%): 6 детских (пп. 17, 25, 27, 32, 36, 38), одна подростка (п. 10), 13 взрослых (пп. 1, 11, 12, 18, 19, 20, 23, 24, 26, 28, 29, 37,

39), в том числе одна принадлежала пожилому человеку.

Судя по сопровождающему инвентарю³, 7 погребений принадлежали женщинам (пп. 11, 18, 23, 24, 28, 37, 39), два — мужчинам (пп. 19, 20).

Таким образом, состав погребенных на могильнике предположительно был таким: 9 детей, два подростка, 35 взрослых. Инвентарем сопровождалось 6 детских, подростковое и 13 погребений взрослых, в том числе 7 женских и два мужских.

Социальная структура населения, хоронившего на могильнике, исследовалась согласно критериям, предложенным Н. М. Кравченко (1987) и Ф. Бирбрауэром (Bierbrauer 1989). Н. М. Кравченко предложила рассматривать в качестве социально значимого признака количество сосудов-«приношений» в погребальном инвентаре. Согласно проведенному ею исследованию, выделено три группы погребений, содержащих соответственно 1—2 (тип 1), 3—6 (тип 2), 7, 8 (тип 3) и более 9 (подтип 3а) сосудов-«приношений».

Среди погребений могильника Слобозия-Кишкэрень четыре могилы относятся к типу 1 (пп. 10, 26, 32, 36), пять — к типу 2 (пп. 12, 18, 27, 28, 29), три — к типу 3 (пп. 17, 19, 24), пять — к подтипу 3а (пп. 1, 20, 25, 38, 39) (рис. 4).

Из признаков погребального обряда восточногерманской знати, перечисленных Ф. Бирбрауэром: 1) обширная погребальная камера; 2) игровая доска; 3) сервиз для питья, где в большинстве случаев бронзовый сосуд замещен керамическим; 4) роскошные шпоры; 5) парча⁴; 6) обувные пряжки; 7) портупейные ремни; 8) мясная пища, характерные для могил категории I b (Bierbrauer 1989: 70—75) на могильнике Слобозия-Кишкэрень зафиксированы несколько: обширные погребальные ямы (рис. 5), сервизы для питья, портупейные ремни и мясная пища. Однако среди погребений могильника нет ни одного комплекса,

¹ Среди погребений могильника (пп. 1—44) одно обозначено как п. 16 А, а п. 39 содержит остатки двух скелетов.

² Ориентация одного погребения (п. 1) не выяснена.

³ Анализ инвентаря 472 черняховских погребений позволил установить признаки для определения пола погребенных. Выяснилось, что две фибулы, бусы, амулеты, клюковидные булавы, два пряслица характерны для инвентаря женских, а вооружение, снаряжение всадника, игральные жетоны и сочетание таких предметов как пряжка, гребень, нож — мужских могил (Бобровская 2002).

⁴ Признак заявлен с учетом находки в погребении 5 могильника Переяслав-Хмельницкий. Поскольку ни в фондах Переяслав-Хмельницкого археологического музея, куда поступила коллекция памятника, ни в научных фондах ИА НАНУ фрагмент парчи не зафиксирован, остается предположить, что при определении находки была допущена ошибка.

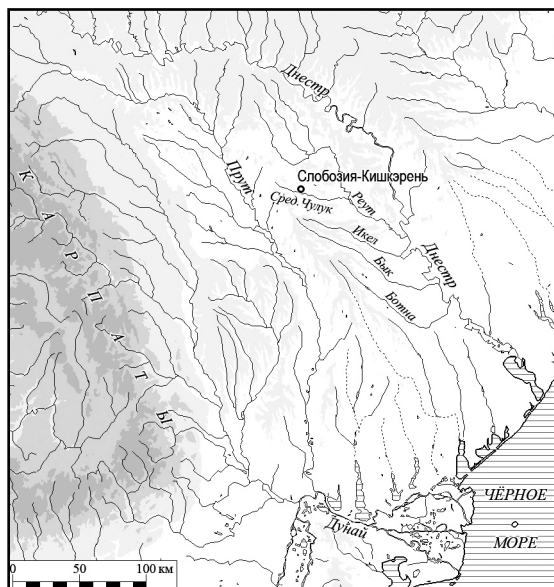

Рис. 1. Картограмма с указанием местоположения могильника Слобозия-Кишкэрень.

где встречались бы все указанные признаки. Из 8 погребений в ямах неординарных размеров (пп. 10, 18, 19, 20, 23, 24, 28, 39) сервиз для питья присутствовал в четырех (пп. 10, 28, 38, 39), мясной пищей или яичной скорлупой⁵ сопровождалась 7 погребений (пп. 18, 19, 20, 23, 24, 28, 39), одно (п. 20) содержало португальские ремни. Большинство перечисленных погребений, за исключением п. 10, ориентированы на север.

Серебряные ювелирные изделия входили в убор погребенных категории II по Ф. Бирбрауэру. На могильнике Слобозия-Кишкэрень фурнитура из серебра сопровождала погребения в ямах неординарных размеров северной (пп. 20, 28) и «западной» (п. 11) ориентации.

Следует также отметить, что половина погребений в ямах неординарных размеров сопровождалась большим количеством сосудов-«приношений» и относится к типу 3 по Н.М. Кравченко.

Большинство из перечисленных могил за исключением пп. 10 (подросток) и 11, 28 (женщины) подверглись ритуальному разрушению.

Из 14 погребений, сопровождавшихся инвентарем и пригодных для периодизации памятника, 6 принадлежали детям (пп. 17, 25, 27, 32, 36, 38), одно — подростку (п. 10), 7 — женщинам (пп. 11, 18, 23, 24, 28, 37, 39) и два — мужчинам (пп. 19, 20). Два из них ориентированы на запад (пп. 10, 11), осталь-

ные — на север. Инвентарь перечисленных могил включал римские импорты (амфору, стеклянные кубки, стеклянные бусы, подвески из раковин моллюсков) и продукцию местных ремесел (ювелирные изделия, роговые гребни и подвески, металлические подвески). Эти находки определены типологически и хронологически согласно существующим в литературе разработкам.

Амфора из п. 10 относится к светлоглиняным узкогорлым типа F по Д.Б. Шелову (1978) или варианту 2 по В.В. Кропотову (1998), которые датируются второй половиной IV в. (Кропотов 1998: 131).

Стеклянные кубки найдены в четырех погребениях могильника (рис. 6): толстостенный кубок с шлифованными овалами в п. 36, тонкостенные конические кубки типа Сынтана де Муреш по Г. Рау в пп. 10 (?) и 39, толстостенный конический кубок со шлифованной орнаментацией типа Хёгом по Г. Рау или серии Лазо типа Хёгом по И.О. Гавритухину (1999: 49, 51) в п. 28.

Толстостенные кубки с шлифованными овалами, часто вогнутыми, напоминающие сосуды типа Ковалк по Г. Рау (Rau 1972), датируются, по мнению Е.Л. Гороховского, более поздним временем, чем «классические» тонкостенные, в пределах «косановской» (325—375) фазы (Гороховский 1988: 38—41, 44). Тонкостенные конические кубки типа Сынтана де Муреш по Г. Рау бытовали в третьей четверти IV в. Толстостенные конические кубки со шлифованной орнаментацией серии Лазо типа Хёгом относятся к ранней части горизонта D2 по Я. Тейралу (Гавритухин 1999: 51).

Стеклянные бусы встречены в 6 погребениях могильника (рис. 6). Они представлены следующими модификациями по О. Гопкало (2008): *стеклянными одноцветными* типа II/2 в п. 17 (1 экз.), типа II/8 в п. 17 (1 экз.), типа II/14 в п. 17 (2 экз.), типа II/15 в п. 17 (4 экз.), 38 (2), типа II/25 в п. 23 (1 экз.), варианта XII/2 а в пп. 11 (37 экз.), 17 (18 экз.), типа XIII/1 в пп. 17 (26 экз.), 25 (1 экз.), 37 (5 экз.), типа IX/7 в п. 27 (4 экз.), типа XVII/10 в пп. 18 (7 экз.), 24 (5 экз.), 39 (6 экз.), типа XVII/12 в пп. 24 (6 экз.), 37 (3 экз.), *из полихромного стекла* варианта IX/8 б в п. 25 (1 экз.).

Стеклянные одноцветные бусы типа II/2 массово начинают проникать в черняховский ареал в первой трети IV в., типа II/14 появляются на раннем этапе культуры, но бытуют и позднее, типа II/15 имеют широкую датировку, типа II/25 попадают в черняховский ареал не ранее последней трети III в., вариан-

⁵ Яичная скорлупа помещалась в могилы женщин и детей.

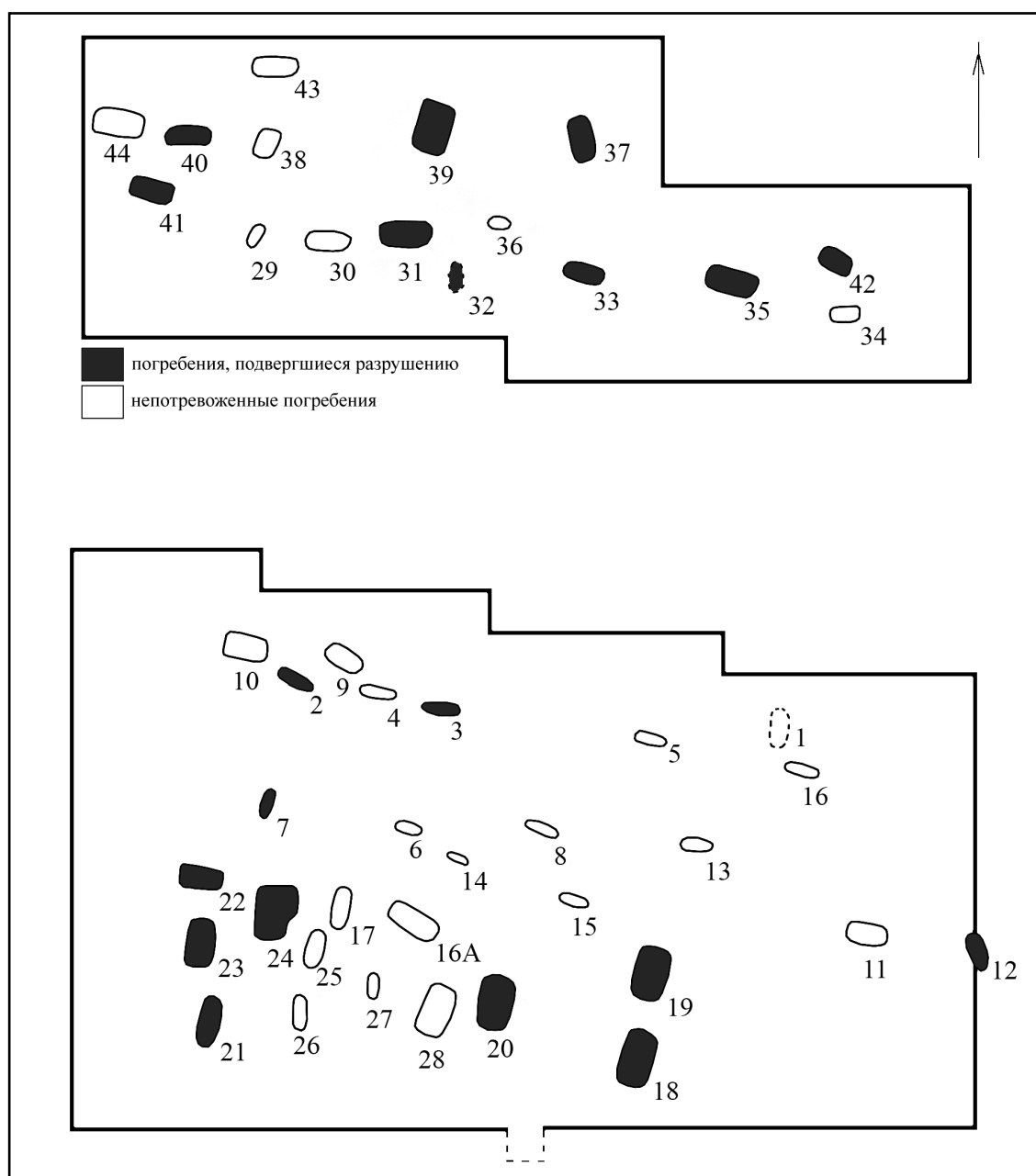

Рис. 2. План могильника Слобозия-Кишкзрень с указанием подвергшихся разрушению и неповрежденных погребений.

та XII/2 а и типа XIII/1 массово появляются во второй трети IV в., типа IX/7 встречаются в позднейших черняховских погребениях, типов XVII/10 и XVII/12 бытуют в третьей трети IV в. Стекланные полихромные бусы варианта IX/8 б появляются не ранее второй трети IV в.

Подвески из раковины моллюска *Bolinus brandaris* обнаружены в п. 25 (1 экз.). Эти украшения появляются в черняховском ареале не ранее второй трети IV в.

Фибулы встречены в 6 погребениях могильника (пп. 17, 24, 28, 32, 38) (рис. 7). В п. 32 найдена одна фибула, в пп. 24, 38, 17, 28 обнаружены по два экземпляра, и, на-

конец, три застёжки сопровождали п. 25. Они представлены следующими модификациями: прогнутыми подвязными варианта Б1 по Е.Л. Гороховскому в пп. 25, 32, 38, варианта Б2 в пп. 17, 24, 25, двучленными с узкими ножками редких форм «крымского» варианта по А.К. Амброзу в п. 11, воинской с ромбической ножкой в п. 24, двупластинчатыми I подгруппы по А.К. Амброзу, сочетающими признаки северо-причерноморской и днестро-дунайской традиций по И.О. Гавритухину в п. 28.

Прогнутые подвязные фибулы варианта Б1 и Б2 по Е.Л. Гороховскому возникают еще до конца III в., но бытуют и в IV в. (Гороховский

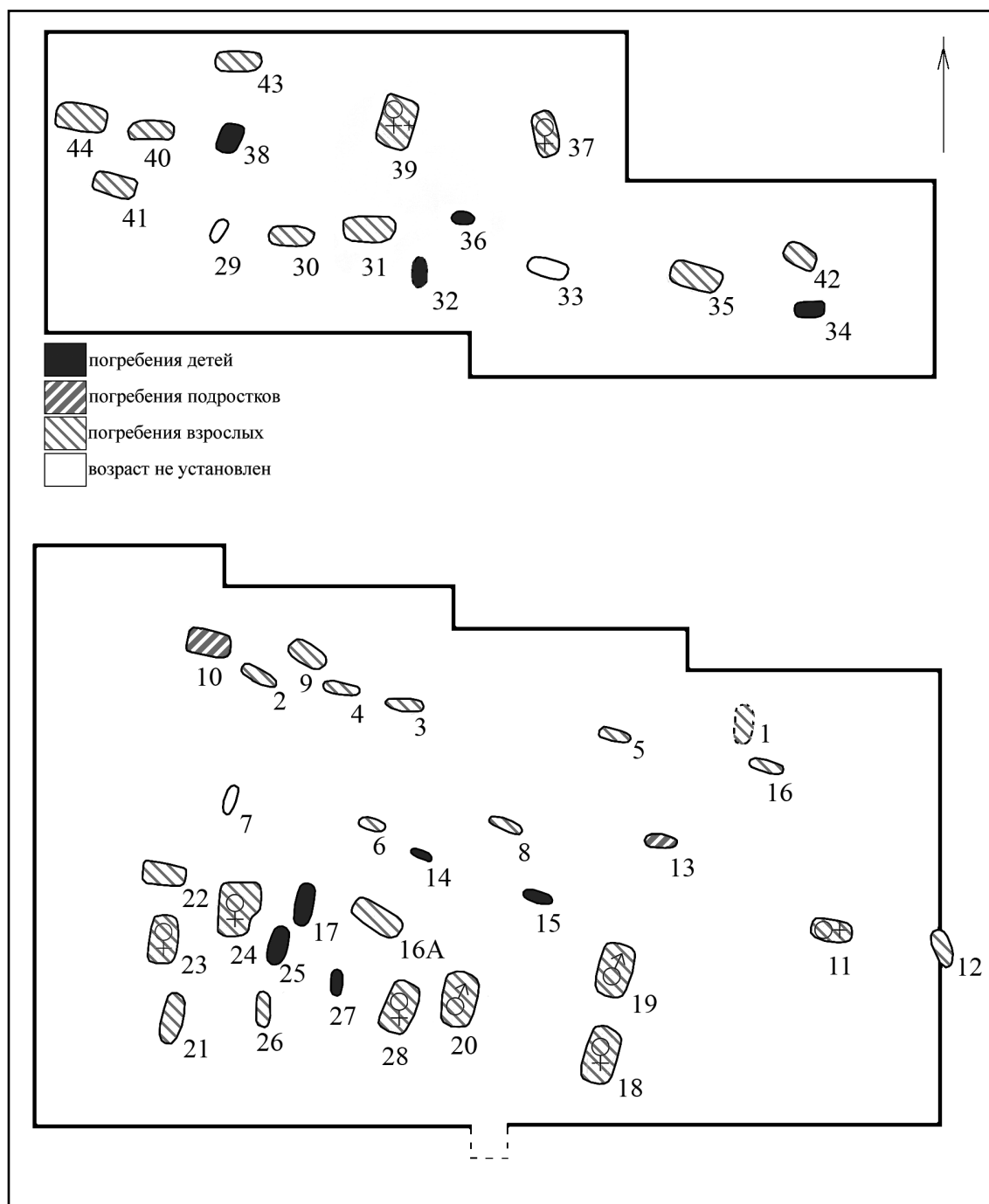

Рис. 3. План могильника Слобозия-Кишкэрень с указанием половозрастного состава погребенных.

1988а: 49—52). Двучленные фибулы с узкими ножками редких форм «крымского» варианта по А. К. Амброзу относятся к IV в. (Амброз 1966: 66) или рубежу IV—V вв. (Гороховский 1988а: 52). Воинские с ромбической ножкой фибулы датируются IV в., в том числе его второй половиной (Гороховский 1988 а: 54), однако, учитывая ширину спинки застежки (8 мм) по аналогии с прогнутыми подвязными фибулами можно предположить более позднюю ее дату по сравнению с узкими образцами. Двупластинчатые фибулы I подгруппы по А. К. Амброзу, сочетающие признаки северо-

причерноморской и днестро-дунайской традиций, в п. 28 отнесены И. О. Гавритухиным к периоду D2 по Я. Тейралу (Gavritukhin 2002: 128).

Пряжки найдены в пяти погребениях могильника (пп. 17, 18, 20, 24, 39) (рис. 7). Они принадлежат к следующим разновидностям по классификации Е. Л. Гороховского (1988а): серии А/Б с клиновидным уступчатым простым длинным хоботковидным язычком в п. 20, серии В с уступчатым простым коротким загнутым язычком с перехватом в п. 17, серии В с овальным щитком и клиновидным,

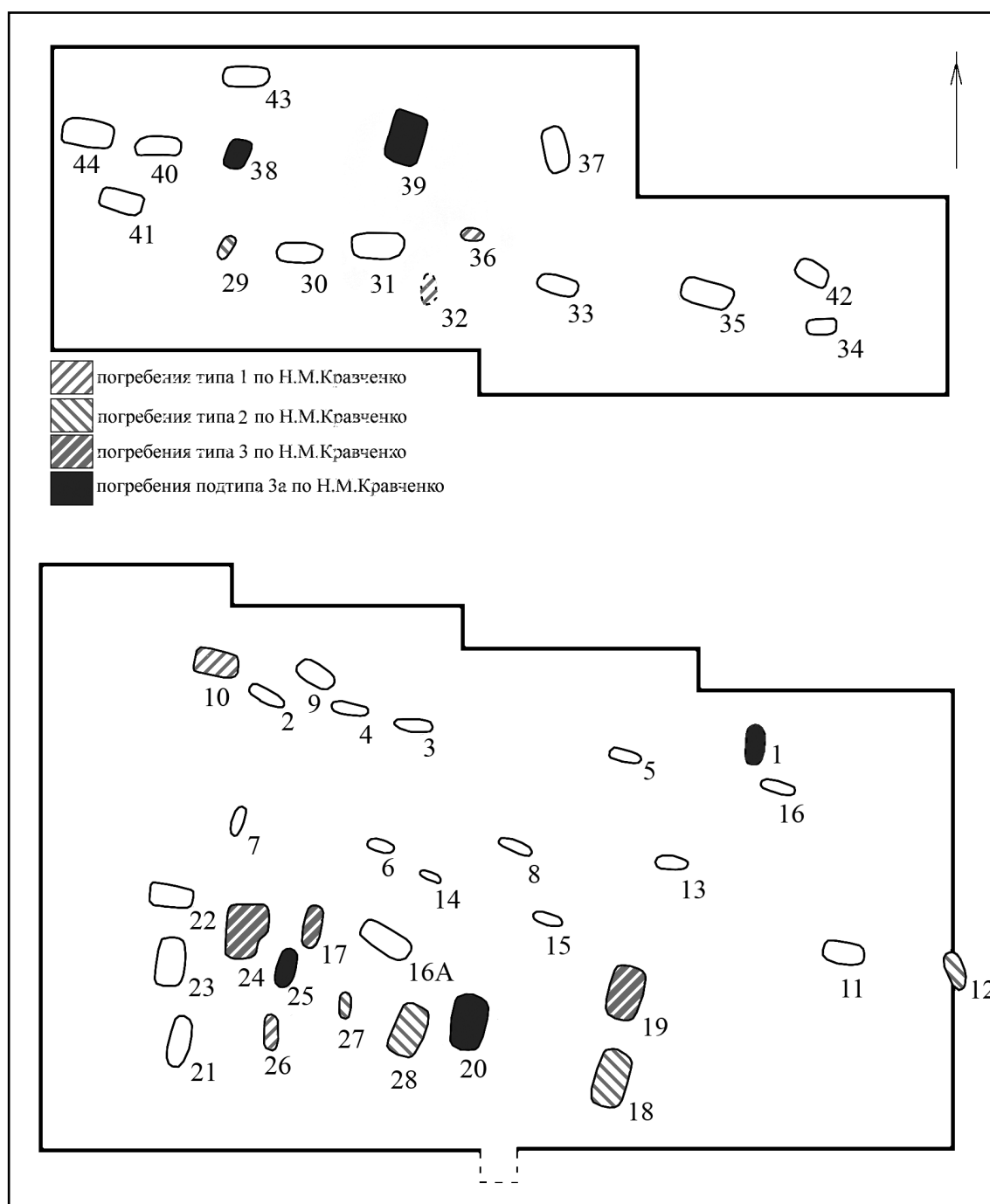

Рис. 4. План могильника Слобозия-Кишкэрень с указанием различных типов погребений с сосудами-«приношениями» по Н. М. Кравченко.

почти прямоугольным, уступчатым простым длинным выступающим язычком в п. 20, серии Г с клиновидным уступчатым простым длинным прижатым к рамке язычком в п. 25, серии Д с прямоугольными уступчатыми простыми короткими слегка загнутыми язычками в пп. 18, 39. Пряжки серий А и Б хронологически неоднородны. Определяющим хронологическим признаком становится морфология язычка. Длинный выступающий далеко за рамку так называемый хоботковидный язычок — показатель поздней даты пряжек — вто-

рой половины IV — начала V в. (Гороховский 1988а:83—85). Ранние модификации пряжек серии В датируются в основном второй третью-третьей четвертью IV в., поздние — второй половиной IV — первыми десятилетиями V в. (Гороховский 1988а: 85, 86). Пряжки серии Г бытовали во второй половине IV в. (Гороховский 1988а: 86, 87), серии Д с учетом географии находки — в середине-второй половине 4 в. (Гороховский 1988а: 87, 88).

Гребни встречены в пяти погребениях могильника (пп. 1, 19, 20, 25, 39) (рис. 7). Согласно

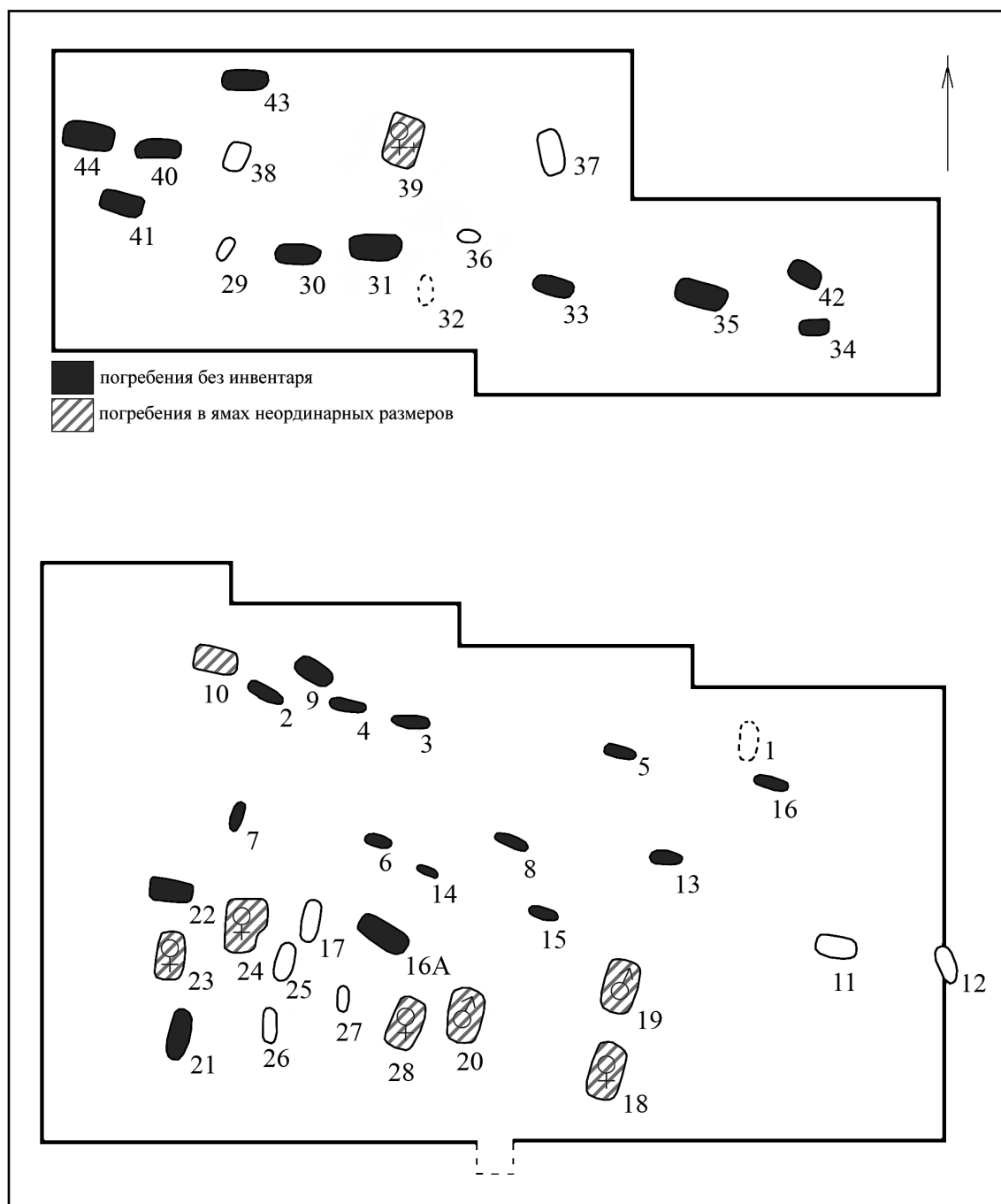

Рис. 5. План могильника Слобозия-Кишкэрень с указанием безынвентарных погребений и могил в ямах неординарных размеров.

существующей классификации (Шишкин 1999), они представлены следующими разновидностями: III/C/1/b в пп. 19, 20, III/1/a/a в п. 25, фрагменты гребней класса III в пп. 1, 39. По наблюдению Р.Г. Шишкина, роговые гребни III/1/a/a относятся к третьей-четвертой фазам, а III/C/1/b — к четвертой фазе черняховской культуры по Е.Л. Гороховскому (Шишкин 2002: 245).

В трех погребениях могильника найдены подвески. Бронзовые «ведерки» обнаружены в ожерелье п. 17 (3 экз.), роговые пирамидаль-

ные подвески сопровождали пп. 25 (2 экз.) и 37 (1 экз.). Первые появляются на раннем этапе черняховской культуры, но продолжают использоваться позднее, появление вторых относится ко второй трети IV в.

Поскольку требования к составлению корреляционной таблицы (в погребении (строке) должно быть не менее двух датированных вещей, а в колонке хроноиндикаторов (столбце) вещи должны встречаться не менее двух раз) невозможно выполнить на материалах могильника Слобозия-Кишкэрень,

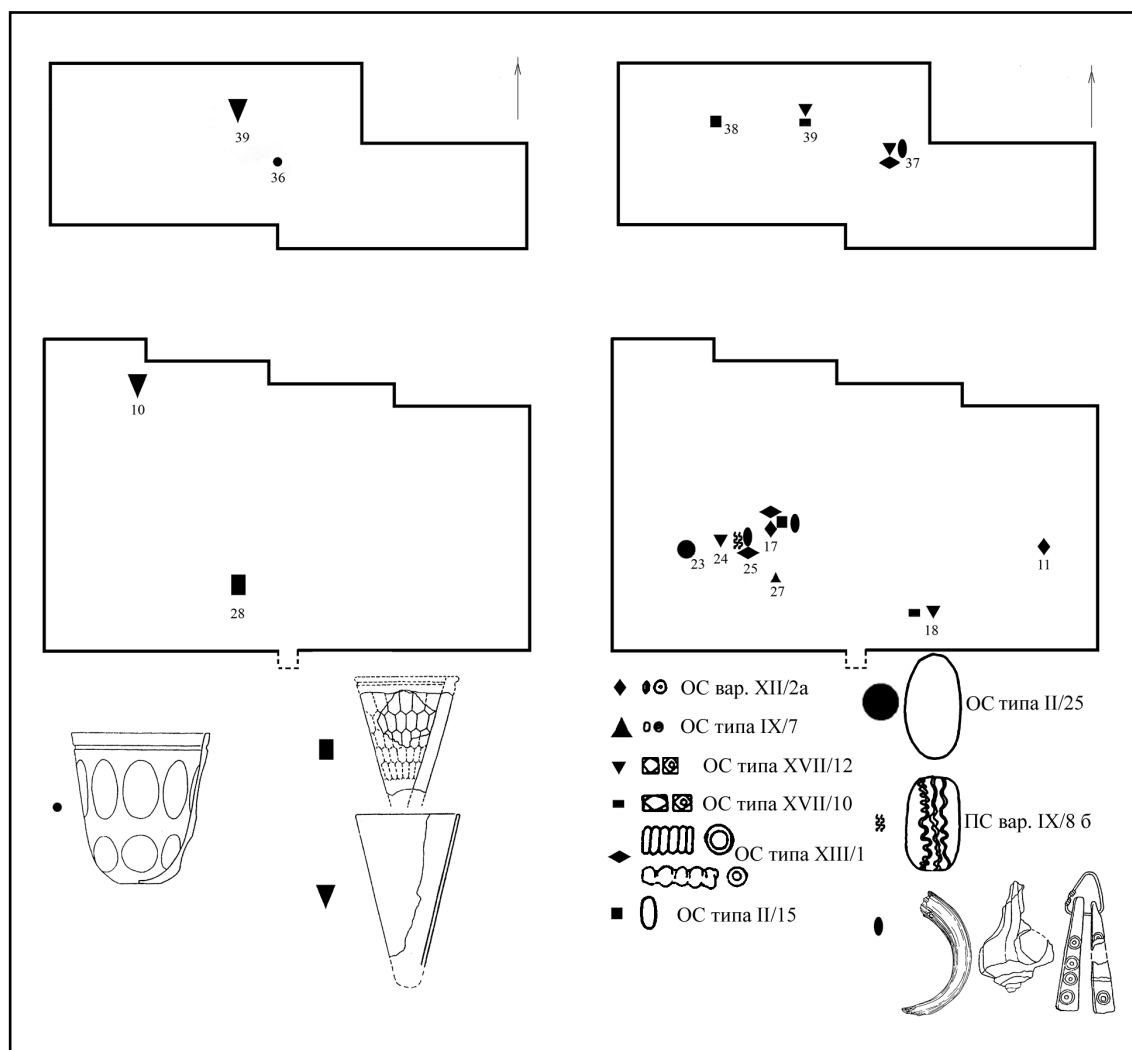

Рис. 6. Планиграфия находок стеклянных кубков, бус и подвесок на могильнике Слобозия-Кишкэрень.

группируем погребения по сочетаниям датирующих вещей, не прибегая к формальной процедуре (рис. 8).

Группа 1. Наиболее ранние погребения могильника — пп. 23, 32 и 38 определены по наличию в них прогнутых подвязных фибул варианта Б1 по Е.Л. Гороховскому (пп. 32, 38) и стеклянных бус типов II/26 (п. 23) и II/15 (п. 38). Причем пп. 32 и 38 принадлежали детям, п. 23 — женщине. **Дата группы** — последняя треть III — первая треть IV в.

Группа 2. Следующая группа (пп. 17, 25, 36), включающая только детские захоронения, определилась по наличию массовых типов бус из одноцветного стекла типов XIII/1 и XII/2a, подвесок из моллюска *Volinus brandaris* и роговых пирамидальных подвесок (п. 25), прогнутых подвязных фибул варианта Б2 по Е.Л. Гороховскому, пряжки серии В с уступчатым простым коротким загнутым язычком с перехватом, роговым гребнем III/1/a/a, стеклянным толстостенным

кубком с шлифованными овалами. **Дата группы** — вторая треть — середина IV в.

Группа 3 включает погребения: подростка (п. 10) и женщин (пп. 18, 24, 39) и сопровождается светлоглиняной узкогорлой амфорой типа F по Д.Б. Шелову (1978) или варианта 2 по В.В. Кропотову (1998) (п. 10), стеклянными коническими кубками (пп. 10, 39), стеклянными одноцветными бусами типа XVII/10 (п. 18, 24, 39), воинской фибулой с ромбической ножкой (п. 24), пряжками серий Г (п. 24) и Д (п. 18, 39). **Дата группы** определяется в рамках середины — третьей четверти IV в.

Группа 4 объединяет мужские пп. 19, 20. В них найдены практически идентичные роговые гребни III/C/1/b. П. 20 сопровождали пряжки серии В с овальным щитком и клиновидным, почти прямоугольным, уступчатым простым длинным выступающим язычком и серии А/Б с клиновидным уступчатым простым длинным хоботковидным язычком. **Дата группы** — раннегуннское время.

№4. 2010

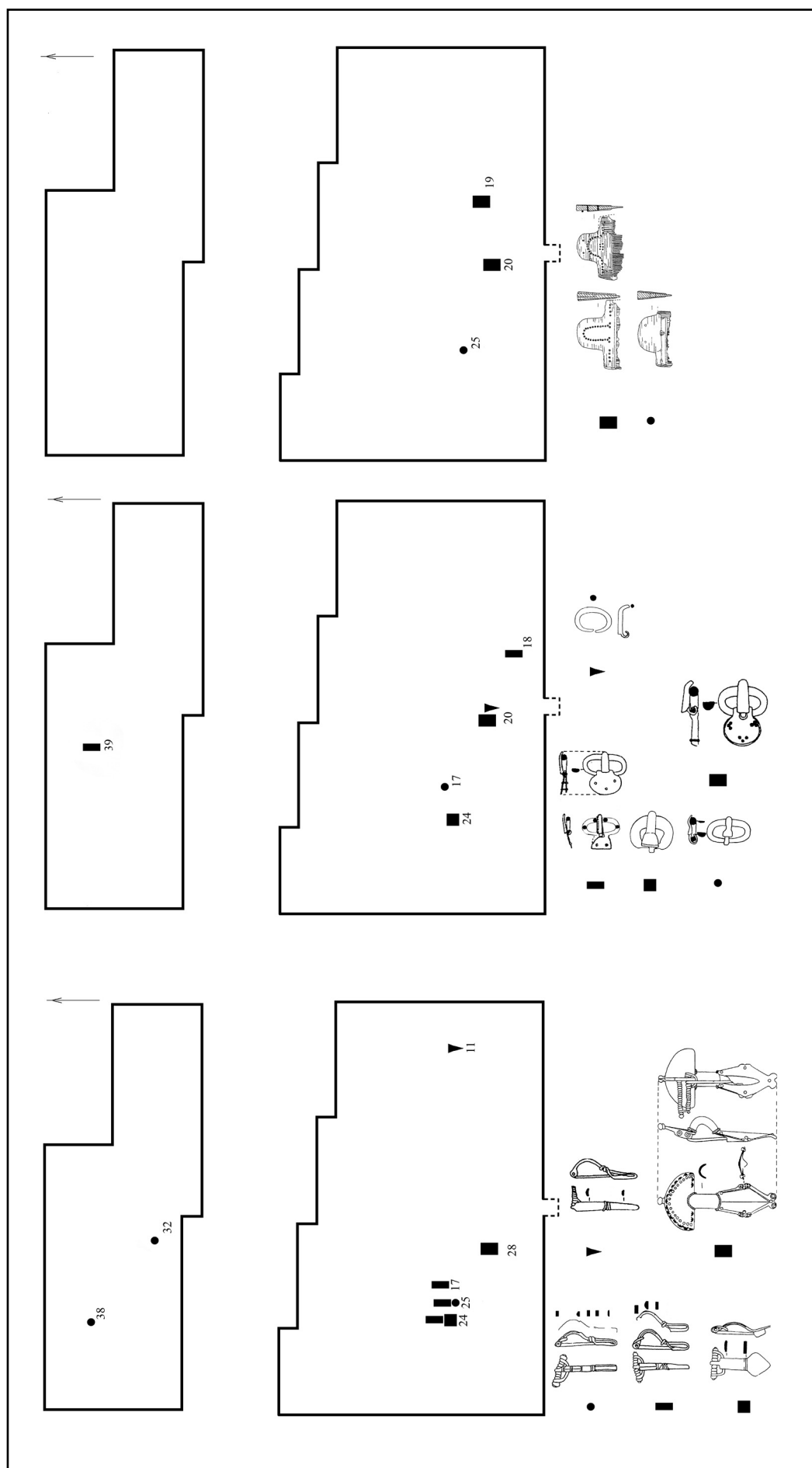

Рис. 7. Планиграфия находок фибул, пряжек и гребней на могильнике Слобозия-Кишкэрень.

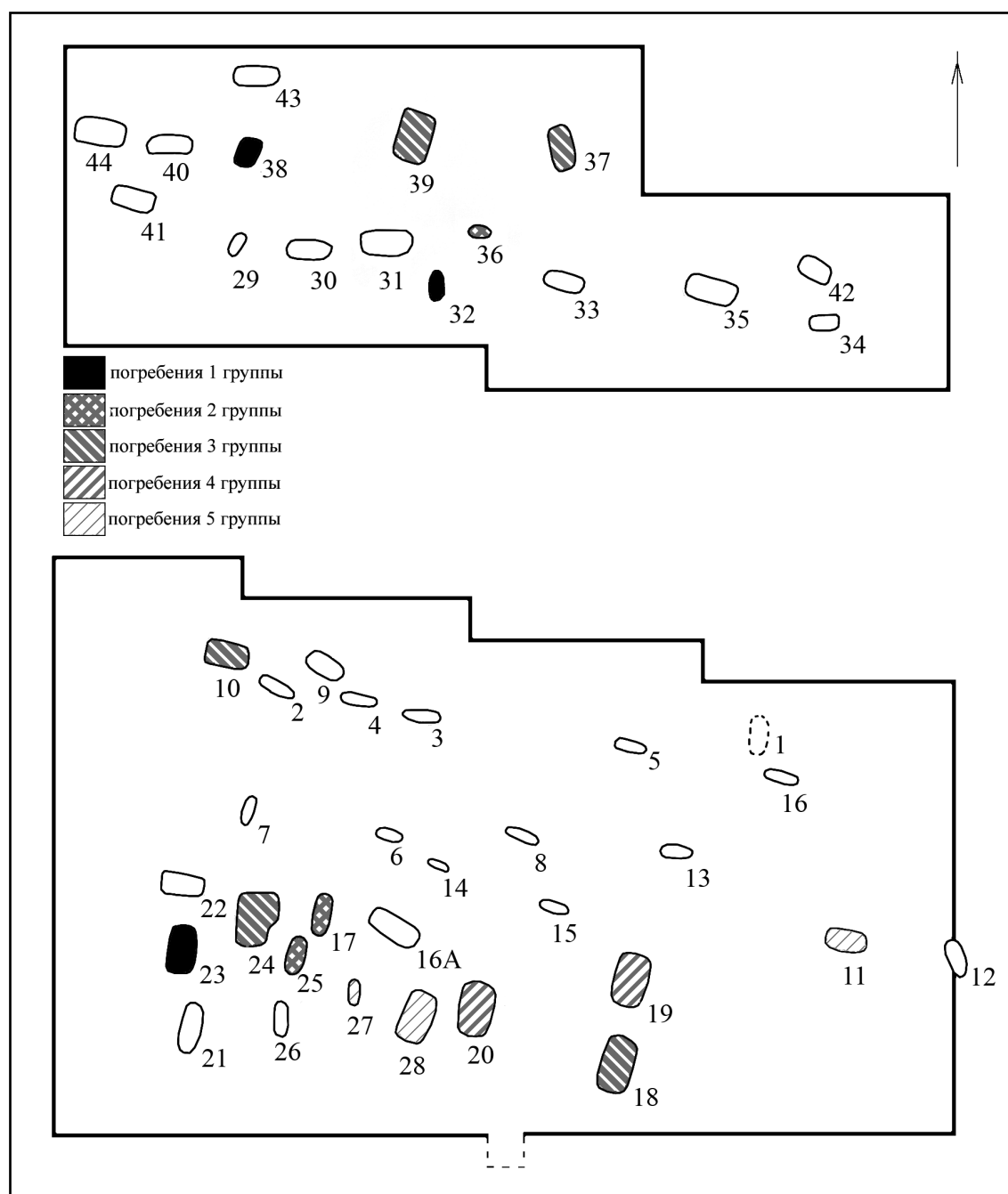

Рис. 8. Планиграфия разновременных групп погребений.

Группа 5. Объединяет детское (п. 27) и женское (п. 28) захоронения. В их инвентаре найдены толстостенный конический кубок со шлифованной орнаментацией серии Лазо типа Хёгом (Гавритухин 1999: 51), стеклянный одноцветный бисер типа IX/7 (п. 27), двупластинчатая фибула I подгруппы по А. К. Амброзу, сочетающая признаки северо-причерноморской и днестро-дунайской традиций (Gavritukhin 2002: 128). **Дата** — ранняя часть периода D2 (380/400—440/450) по Я. Тейралу.

Следует напомнить, что и определение пола погребенных, и периодизация памятника в основном базируется на ана-

лизе сопровождающего инвентаря северо-ориентированных ингумаций, которые чаще подвергались ритуальному разрушению. Особенно это касается богато оснащенных могил. Исключение из правила демонстрирует женское погребение (п. 28) финального этапа могильника, потревожить которое, вероятно, было уже некому.

Может ли в этой связи «непотревоженность» погребений считаться признаком позднейшего этапа черняховской культуры? Распространяется ли данный вывод на погребения с западной ориентацией? Ответ на последний вопрос предоставляет могильник

№4. 2010

Ранжевое. Из 14 погребений с западной ориентацией, открытых на могильнике, только пять не подверглись разрушению. Два из них сопровождалось стеклянными кубками — коническим типа Сынтана де Муреш по Г. Рау (п. 18) и толстостенным коническим со шлифованной орнаментацией серии Сетвердт типа Луги по И. О. Гавритухину (п. 14). Кубок подобный и синхронный последнему — серии Горошевцы типа Хёгом по И. О. Гавритухину (1999: 50—53) сопровождал ритуально разрушенное п. 12. Впрочем, при внешнем сходстве стеклянные сосуды имели одно существенное различие — качество стекла. Стакан из п. 12, по словам Э. А. Сымоновича, «рассыпался» (Сымонович 1967: 106). «Крошилось» и стекло конического кубка из п. 18 (Сымонович 1967: 110).

Предположу, что, несмотря на совпадение морфологических признаков, сосуды из пп. 12 и 14 не были синхронными. Возможно, одновременными были кубки из некачественного стекла в пп. 18 и 12. Серия кубков из стекла, не прошедшего всех технологических операций⁶, найденных, кроме Ранжевого, в Холмском и еще ряде могильников юго-западного региона, вероятно, поступала к черняховцам в период, предшествовавший времени совершения таких могил, как Ранжевое 14 и Слобозия-Кишкэрень 28.

Не исключено, что в одном из погребений со стеклянным «браком» кубок был «современным» (п. 12), а в другом «запаздывал» (п. 18). П. 12 — последнее, с костными остатками которого провели все необходимые манипуляции. П. 18 вошло в группу неразрушенных мужских (по антропологическому определению) погребений могильника (пп. 14, 18 и 19).

Если же принять за истинное утверждение, что на финальном этапе черняховской культуры ритуальное разрушение могил перестало практиковаться, то к погребениям **группы 5** могильника Слобозия-Кишкэрень

можно причислить неразрушенные погребения взрослых с западной ориентацией без инвентаря, такие как: 4, 5, 6, 8, 9, 16, 16А, 30, 43, 44. А также п. 11 с двучленной фибулой с узкой ножкой «крымского» варианта по А. К. Амброзу. Такие фибулы датируются IV в. (Амброз 1966: 66, табл. 11: 16, 18) или рубежом IV—V вв. (Гороховский 1988а: 52). Ближайшие аналогии нашей находке происходят из могильника Брэвичень и отнесены авторами специальной публикации к варианту 1b местных фибул (Vornic, Grosu 2009: 330, 335, fig. 2: 2).

Таким образом, дата могильника может определяться в рамках последней трети III — первой четверти V в. Некрополь оставлен населением, хоронившим своих покойников по обряду трупоположения с северной и западной ориентацией в простых грунтовых ямах и в ямах с уступами-заплечиками для деревянного перекрытия. По имеющимся данным, на могильнике захоронены 9 детей, два подростка и 35 взрослых. Треть погребений имеет следы разрушений. Более половины могил, ориентированных главным образом на запад, не содержали инвентаря. Наоборот, подавляющее большинство инвентарных погребений ориентированы на север. Среди них погребения в ямах неординарных размеров, половина которых сопровождалась 7—12 сосудами-«приношениями», в том числе сервизом для питья, а также мясной пищей. Они включали погребения подростка, двух мужчин и пяти женщин, и составляют 16% от общего числа погребений могильника. Большинство из них разрушены.

На основе анализа погребального инвентаря определена последовательность совершения инвентарных погребений могильника.

«Непотревоженность» погребений финального этапа на могильниках Слобозия-Кишкэрень и Ранжевое дают основание считать прекращение ритуального разрушения могил хронологическим признаком.

Литература

- Амброз А. К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. — IV в. н. э. САИ ДІ-30.
Бобровская О. В. 2002. Опыт применения методики палеосоциологических исследований в черняховедении. В: Крижицкий С. Д. (відп. ред.). *Сучасні проблеми археології*. Київ, 43—45.
Гавритухин И. О. 1999. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. I. Толстостен-

ные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией: конические и с выделенной ножкой (Eggers 236—238, 195; Straume IV—XI). В: Левада М. Е. (ред. вып.). *Сто лет черняховской культуры*. Киев, 48—86.

Гопкало О. В. 2008. *Бусы и подвески черняховской культуры*. Киев.

Гороховский Е. Л. 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины. В: Баран В. Д. (отв. ред.) *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. 4. Киев: Наукова думка, 34—46.

⁶ Иногда их даже не удавалось извлечь целиком и модификация сосуда определялась по оттиску в земле.

- Гороховский Е. Л. 1988а. *Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья*. Дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Кравченко Н. М. 1987. О методике социологического анализа погребального обряда черняховской культуры. В: Генинг В. Ф. (отв. ред.). *Исследования социально-исторических проблем в археологии*. Киев: Наукова думка, 209—227.
- Кропотов В. В. 1998. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу. *Археологія* (4), 128—134.
- Левинский А. Н. 1999. Лазо — могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдове. *Stratum plus* (4). 121—166.
- Сымонович Э. А. 1967. Итоги исследований черняховских памятников Северного Причерноморья. *МИА* (139), 205—237.
- Шелов Д. Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. *КСИА* (156), 16—21.
- Шишкин Р. Г. 1999. Классификация и типология трехслойных гребней черняховской культуры. В: *Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. Тези доповідей семінару* (Київ, 14—16 грудня 1999 р.). Київ, 43—47.
- Шишкин Р. Г. 2002. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры. В: Крижицкий С. Д. (відп. ред.). *Сучасні проблеми археології*. Київ, 244—246.
- Bierbrauer V. 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters. *Archeologia Baltica* (VIII), (*Peregrinatio Gothica* II), 38—106.
- Gavritukhin I. 2002. On the study of double-plate fibulas of the first subgroup. *A Nyiregyhazi Josa Andras Muzeum Evkonyve* XLIV, 113—184.
- Rau G. 1972. Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum. *Acta praehistorica et archaeologica* (3), 109—214.
- Vornic V., Grosu V. 2009. Fibule descoperite în necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Brăviceni. *Studia archeologiae et historiae antiquae*. Chișinău, 327—340.

Статья поступила в номер 5 октября 2009 г.

Охана Гопкало (Kiev, Ukraine). Candidate of historical sciences. Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences.

Охана Гопкало (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Гопкало Оксана Викторовна (Kiev, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии НАН Украины.

E-mail: hopkalo@gmail.com

Т. А. Рудич

Население черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья по материалам антропологии

T. A. Rudich.

**Chernyakhov Culture Population on the Territories between the Danube and Dniester Rivers
According to the Anthropological Data.**

The article is dedicated to the analysis of the anthropological structure of the Chernyakhov culture population in the Danube-Dniester region. Craniological series from Chernyakhov culture cemeteries are compared to European groups (3rd c. B.C.—5th c. A.D.). Inter-group analysis shows a mixed anthropological nature of Chernyakhov population and their genetic links: Western (Masłomęcz group of Wielbark culture; La Tène Central European groups); North-Western (Baltic groups of II—V cc., Gothic series, Wielbark culture of North Poland); Southern (late Scythians, some Ancient Greek cemeteries, Thracian Groups). Mesocranious type of Western Ukrainian females will be a characteristic of East Slavs of Kyiv Rus'.

T. A. Rudich.

Populația din cadrul culturii Cerneahov de pe teritoriul dintre Dunăre și Nistru pe baza materialelor antropologice.

Acest articol analizează componența antropologică a populației din cadrul culturii Cerneahov din regiunea dintre Dunăre și Nistru. Seriile craniologice din mormintele culturii Cerneahov au fost comparate cu grupurile europene din sec. al III-lea î.e.n. — sec. al V-lea e.n. Analiza comparativă a acestor grupuri a demonstrat caracterul mixt al componenței antropologice a populației Cerneahov și a stabilit că relațiile genetice ale acestora au avut următoarele direcții principale: vestică (grupul Masłomęcz din cadrul culturii Wielbark, grupurile La Tène din Europa Centrală), nord-vestică (grupurile balților din sec. II—V, seriile gotice, seriile culturii Wielbark din nordul Poloniei), sudică (sciții târzii, populația orașelor antice, grupurile tracice). Tipul mezocranian, caracteristic pentru femeile din Ucraina de Vest, este tipic slavilor estici din epoca Rusiei Kievene.

Т. А. Рудич.

Население черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья по материалам антропологии.

Статья посвящена анализу антропологического состава населения черняховской культуры Дунайско-Днестровского региона. Краниологические серии из могильников черняховской культуры сравниваются с европейскими группами III в. до н.э.— V в. н.э. Межгрупповой анализ показал смешанный характер антропологического состава черняховского населения и определил, что основными направлениями его генетических связей были: западное (масломеченская группа вельбаркской культуры, латенские группы Центральной Европы); северо-западное (группы балтов II—V вв., готские серии, серии вельбаркской культуры Северной Польши); южное (поздние скифы, население античных городов, фракийские группы). Мезокранный тип, характерный для женщин Западной Украины, будет характерным для восточных славян эпохи Киевской Руси.

Keywords: anthropology, Chernyakhov culture, craniological series, Danube-Dniester region.

Cuvinte cheie: antropologie, cultura Cerneahov, serii craniologice, regiunea dintre Dunăre și Nistru.

Ключевые слова: антропология, черняховская культура, краниологические серии, Дунайско-Днестровский регион.

Решение большинства вопросов этнокультурного развития требует комплексного подхода с использованием различных источников — исторических, археологических, лингвистических, антропологических.

Черняховская культура является одним из наиболее сложных культурных явлений I тыс. н.э. в Восточной Европе, но и вопросы формирования состава ее населения, и судеб его потомков остаются дискуссионными. Большинство

современных исследователей-археологов придерживаются полиэтнической концепции черняховской культуры. В числе носителей культуры называют славян, германцев, сармат, гетдаков. Доминирующими этносами одни авторы считают славян, а другие — германцев.

Вклад антропологической науки в решение данных вопросов скромнен, так как антропологи к теме состава населения черняховской культуры обращались нечасто. Это было связано, прежде всего, с плохой сохранностью антропологического материала на могильниках этой культуры.

Длительное время о населении черняховской культуры территории Дунайско-Днестровского междуречья антропологи могли судить по материалам, введенным в научный оборот М. С. Великановой в ее блестящей монографии (Великанова 1975). Суммарная характеристика опубликованной ею серии из Молдовы (могильники Малешты и Будешты) отразила черты мезодолхокранного с небольшими размерами черепа узколицего типа европеоидной расы, который определяется как средиземноморский. Исследовательница связывала этот тип с фракийским субстратом, хотя и не исключала возможности принадлежности его грекам. Ею первой из восточноевропейских антропологов были сделаны выводы о неоднородности состава населения черняховской культуры. На материалах могильника Будешты М. С. Великановой фиксировались брахикранные морфологические формы, характерные для сарматских групп. Сарматский компонент был незначительным и являлся механической примесью. Антрополог отметила, что ряд черняховских и сынтана-мурешских серий из Трансильвании, Мунтении, Нижнего Поднепровья и Побужья (Косаново) существенно уклоняется в сторону популяций северных европеоидов, следовательно, в этих районах возможна германская примесь. В то же время, различия в пропорциях, размерах лица и его деталей между черняховцами и славянами X—XIII вв., по ее мнению, не позволяли видеть восточных славян в носителях черняховской культуры не только в Пруто-Днестровском междуречье, но на всей территории распространения культуры.

Пополнение краниологических коллекций проходило крайне медленно. Лишь спустя почти десять лет украинскими антропологами С. П. Сегедой и В. Д. Дяченко (Сегеда, Дяченко 1984) был введен в научный оборот более или менее репрезентативный материал из раскопок черняховского могильника у с. Холмское (Арцизского р-на Одесской обл.).

Авторы, однако, ограничились констатацией морфологической близости погребенных там людей с черняховцами Пруто-Днестровского и Днестро-Южнобугского междуречья.

Новые антропологические материалы черняховской и хронологически близких ей культур, появившиеся в последние годы, позволяют по-новому подойти к проблеме состава ее населения и генезиса культуры.

Антропологические материалы из раскопок ряда могильников черняховской культуры западного и юго-западного региона ее распространения были введены в научный оборот автором данной работы. Это материалы из раскопок у с. Нагорное в Буджаке, а также нескольких могильников в Среднем Поднестровье — Чернелив-Русский, Романове Село, Била, Токи (Тернопольская область). Они, а также материалы из раскопок могильника у с. Романковцы (Черновицкая область), исследованные П. М. Покасом, существенно расширили представления об антропологической ситуации в западном регионе черняховской культуры. Появилась возможность сформировать две представительные серии — западно-украинскую и буджакскую.

Сборную западно-украинскую серию составили материалы могильников Чернелив-Русский, Романове Село, Била, Токи (Рудич 2004), Чистилов (Кондукторова 1979). Практически все они находятся в бассейне Среднего Днестра. Информация о средних размерах черепов содержится в таблице 1.

Все перечисленные мужские черняховские группы отличаются узким лицом, но средний черепной указатель варьирует от долихокраничных до мезокраничных. К сожалению, из отдельных могильников представлено незначительное количество костяков, что заставило нас объединить их в суммарную серию.

Суммарная западно-украинская серия мужских черепов характеризуется долихокранией, длинным, высоким черепом, маленьким, хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом, средними размерами орбит и носа, кости которого выступают умеренно. Внутригрупповой анализ сборной серии (факторным методом) позволил выделить в ней ведущие морфотипы: 1) долихокраний с длинным и высоким черепом, маленькими размерами лица; 2) долихокраний с небольшими размерами черепа и лица (Рудич 2004: 40—41). Первый тип является доминирующим и имеет аналогии в масломенчской группе вельбаркской культуры Польши, а второй — в материалах из черняховских могильников Молдовы и группах средиземноморского круга.

Таблица 1.

**Средние размеры сборных серий черепов черняховских могильников
Дунайско-Днестровского региона**

Признаки	Западная Украина				Буджак			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	N	M	N	M	N	M	N	M
1. Продольный диаметр	19	187,5	26	177,5	22	184,4	19	178,6
8. Поперечный диаметр	20	139,1	28	136,1	21	136,7	20	137,7
17. Высотный диаметр (ba-b)	16	138,6	22	130,2	15	136,9	12	132,8
9. Наименьшая ширина лба	17	94,2	29	95,5	22	95,5	18	93,9
45. Скуловой диаметр	14	126,7	16	125,9	12	131,4	10	126,3
48. Высота лица	15	68,1	19	63,9	11	70,2	8	64,5
55. Высота носа	14	50,5	19	48,1	14	50,4	8	46,9
54. Ширина носа	17	23,5	21	24,6	12	23,5	8	22,4
51. Ширина орбит	15	41,5	21	40,5	16	41,2	7	39,6
52. Высота орбит	16	32,4	22	32,0	15	33,0	10	31,1
77. Назомаллярный угол	16	138,4	24	141,1	16	137,6	11	140,3
Zm. Зигомаксиллярный угол	14	124,7	16	128,6	7	126,9	3	127,0
SC. Симотическая ширина	13	8,8	17	9,1	7	8,6	2	11,5
SS. Симотическая высота	12	4,3	16	3,9	7	3,9	2	3,5
32. Угол лба	13	86,6	12	87,1	6	82,0	3	85,0
72. Общий угол лица	12	84,1	13	85,9	5	85,8	2	84,5
75. 1. Угол выступания носа	10	25,6	10	25,6	3	25,0	1	25,0
Указатели:								
8: 1. Черепной	18	74,6	26	76,9	21	74,2	19	77,4
48: 45. Верхнелицевой	13	53,8	13	51,0	8	53,5	6	51,4
52: 51. Орбитный	15	78,1	21	79,1	15	79,5	7	77,8
54: 55. Носовой	15	48,5	19	51,3	10	45,0	6	51,2
DS: DC. Дакриальный	7	61,9	10	54,7	4	51,8	1	66,6

Для черняховцев Западной Украины преобладают антропологические связи с населением вельбаркской культуры. В основе вельбаркской культуры видят, в первую очередь, готов, хотя вопрос об этнической принадлежности вельбаркских племен сложен. Низовья Вислы считаются местом высадки готов, прибывших из Скандинавии, но значительное влияние на формирование культуры имело субстратное население. Во время движения на юг к готам могли присоединяться разные племена. Антропологический облик людей из ингумаций на могильниках вельбаркской культуры оказался несколько отличным от прогнозируемого. Антропологическая неоднородность вельбарцев отмечалась польскими исследователями (Kozak-Zychman 1996: 32). Поэтому к любым параллелям антропологического материала из черняховских могильников с вельбарцами надо относиться очень осторожно.

Долихокранный с длинным и высоким черепом, маленькими размерами лица морфотип, доминирующий среди мужского населения черняховской культуры Западной Украины (фиксируется он и на могильниках Молдовы), был широко представлен в

Западной и Центральной Европе, начиная от эпохи бронзы. Он фиксировался на могильниках линейно-ленточной керамики Чехии, Юго-Западной и Восточной Германии, Эльзаса. Эти же морфологические формы присутствовали на могильниках культур шнуровой керамики Богемии, Западной Польши, Средней Германии, Саксо-Тюрингии (Schwidetzky, Rosing 1990). Отметим, что в культурах шнуровой керамики Западной и Центральной Европы некоторые исследователи видят истоки кельтского этногенеза (Филипп 1956: 17). Данный морфологический тип представлен в серии латенской культуры Австрии, Чехии и Венгрии, которую связывают с кельтами (Schwidetzky 1972). Он сошел с антропологической карты Европы после эпохи Великого переселения народов.

Однако важно подчеркнуть, что данный морфотип не стал биологической основой ни для германцев, ни для славян. Основной массив немецкоязычного населения Европы сложился на другой антропологической основе и оказался (на уровне средних групп) довольно однородным на значительных территориях. Этот массив составили: население

Скандинавии, Саксонии, серии из могильников франков, аламанов, бургундов, баварцев, лангобардов Венгрии и Италии. Для всех них характерны длинные, но невысокие черепные коробки и среднеширокие лица. Славяне также сформировались на другой антропологической основе. Для них характерны мезо-долихокрания, средняя ширина лица, которое имеет другие пропорции (более низкое по лицевому указателю с более низкими орбитами и более широким носом).

Таким образом, вполне логично предположить, что долихокранный, с длинной и высокой черепной коробкой, небольшим лицом морфотип, который присутствует в юго-западном регионе черняховской культуры, скорее всего, представлял потомков центрально-европейского населения (кельтов). Кельты оставили значительный след в культурах многих народов, они считаются создателями латенской культуры. Сегодня доминирует мнение, что данная культура занимала в качестве исходной территории, прежде всего, Среднюю Европу. В латенское время кельты, которые были довольно легки на подъем, распространились на значительных просторах Европы и даже проникли в Малую Азию. Конечно, они не были антропологически однородными, что особенно бросается в глаза на латенских могильниках швейцарской и французской территорий. Но мы имеем в виду выходцев из среднеевропейских групп. Как и когда они могли оказаться на землях, которые были заняты черняховской культурой? Возможны разные варианты. Кельты могли попасть на Украину в составе носителей латенской или латенизированных культур. Памятники латенской культуры давно зафиксированы в Закарпатье. Археологические находки последнего времени позволяют предположить, что во II — I в. до н. э. кельтские племена не только могли проникать в Приднестровье, но и, расселяясь там, оседать анклавами, создавать фактории (Крушельницька, Бандрівський 2007: 414—439).

Археологи фиксируют латенские влияния на памятники Восточной Европы рубежа нашей эры (латенизацию культур). На Востоке Европы латенизированными считаются культуры — зарубинецкая, пшеворская, Поянешти-Лукашовка. Среди носителей культуры Поянешти-Лукашовка отдельные исследователи называют бастарнов. Возможно, в составе бастарнских племен были и кельты. Во всяком случае, Тит Ливий называл бастарнов галатами и упоминал о сходстве их языка и обычаев с кельтским племенем скордисков. В составе полиэтничной зарубинецкой культу-

ры отдельные археологи также видят бастарнов и кельто-иллирийцев. Полиэтничной считается и пшеворская культура. Не исключено, что в ее создании принимала участие и часть кельтов. Их присутствие польские исследователи видят на территории Силезии, Малой Польши, на Куявах. Но между такими культурами, как латенская, Поянешти-Лукашовка, зарубинецкая и черняховскими памятниками существует хронологический разрыв. Более логична инфильтрация кельтов в черняховскую культуру из пшеворской. Инфильтрация могла идти непосредственно из пшеворской или опосредовано через вельбаркскую культуру. Но, к большому сожалению, антропологи не располагают материалами, которые позволили бы сложить представление об облике представителей зарубинецкой и пшеворской культур и культуры Поянешти-Лукашовка. То есть, на антропологическом материале не одна из этих гипотез не проверяема.

Потомки центрально-европейского населения (кельтов) могли попасть на Украину, захваченные миграционными потоками, вызванными движением готов. Взаимоотношения между кельтами и германцами имеют очень длинную историю, а зона германо-кельтских контактов была значительной. О культурном влиянии кельтов на германские племена писалось довольно много. Палеолингвисты утверждают, что часть немецкой военной, административной и сакральной лексики сформировалась на кельтской основе. Для нас интересно то, что кельтские корни видят и в отдельных готских словах, что может свидетельствовать в пользу прямых контактов (Казакевич 2007: 87—95).

Вопрос о том, на каком языке говорили в черняховское время и кем себя считали выходцы из среднеевропейской среды, не решается на материалах антропологической науки. Мы можем говорить только о биологической преемственности. Да, в западном регионе Украины фиксируются кельтские гидронимы и топонимы. Кельтские корни лингвисты видят во многих случаях, начиная от названия речки Серет и до ряда топонимов с корнем «Гал». Гидронимы и топонимы, правда, не всегда хорошо датируются (Стрижак 1989: 266—277). Но если смотреть на ситуацию с точки зрения антрополога, то обращает на себя внимание такой момент. Долихокранный узколицый центрально-европейский морфотип представлен на могильниках черняховской культуры, главным образом, мужскими костями. Если бы его обладатели были автохтонным населением, то морфотип был бы, скорее всего, хорошо представлен и в женской выбор-

ке из региона, а также в метисных формах. Хорошо известно, что мужские группы, как более мобильные, выступают лучшим материалом для отслеживания миграций, а женские — значительно лучше отражают местные генетические линии. Скорее всего, выходцы из регионов Центральной Европы на черняховских могильниках западного региона представляли не слишком давнюю миграцию.

Второй морфотип, распространенный среди западно-украинских (среднеднестровских) черняховцев, имеет аналогии с населением, оставившим могильники Молдовы, и сериями средиземноморского круга. Он может принадлежать фракийцам или выходцам из античной среды. Антропологи, к сожалению, не имеют в своем распоряжении представительных фракийских серий. У фракийцев бытовал обычай кремации, не оставляющий материалов для краниологов. Костяки из трупоположений, которые связывают с фракийцами, немногочисленны и не всегда имеют четкую этнокультурную интерпретацию. Серии отличаются между собой, но все характеризуются грацильностью и принадлежат к средиземноморскому кругу. Малочисленность и плохая сохранность материала не дают возможности разработать критерии, которые могли бы четко дифференцировать фракийцев и греков, а также римлян. Поэтому вопрос об этнических корнях носителей средиземноморского типа в черняховской культуре решить сложно. Антропологи интерпретируют этот материал, опираясь на археологическую аргументацию. Юго-западный ареал черняховской культуры занимал территории, где раньше размещались культуры фракийского круга. Эти культуры связывают с историческими народами, одни из которых активно действовали в позднеримское время, а другие — сошли с исторической арены. Какая-то часть этого субстратного населения могла войти в состав черняховской культуры. Проникновение фракийского компонента в черняховскую среду могло проходить по-разному — через носителей культур Поянешти-Лукашевка, карпатских курганов или липецкой. Среди населения этих культур археологи видят фракийцев (гето-даков), но краниологический материал этих культур представлен лишь малоинформативными фрагментами. На черняховских могильниках Западной Украины присутствие средиземноморского антропологического типа фиксируется, главным образом, среди мужского населения. Это отличает их от могильников черняховской культуры Молдовы, где средиземноморцы преобладают среди мужчин и женщин, а также культуры Синтана де

Муреш, где они доминируют среди женщин. На отдельных могильниках (Лецкань) средиземноморский тип преобладает среди женщин, а вот среди мужчин — нордический (Antoniu, Onofrei 1975: 281—285). Следовательно, если средиземноморские формы на черняховских могильниках Западной Украины представляют фракийцев (гето-даков), то мы имеем дело, скорее всего, не с прямыми потомками древнего субстратного населения, так как в этом случае фракийская линия лучше бы читалась на женских костяках, а с несколько более поздней миграцией. Для могильников же черняховской культуры Молдовы и культуры Синтана де Муреш средиземноморские формы, ярко представленные среди женщин, вполне можно связать с фракийским субстратом, хотя невозможно отрицать принадлежность части этих форм эллинам или римлянам, которые вполне могли там присутствовать. Попытка же связать средиземноморский тип на черняховских могильниках Молдовы и культуры Синтана де Муреш исключительно с эллинами и римлянами приведет к необходимости признать, что их количество на этих могильниках было значительным, а иногда и преобладающим. Пока антропологи четко не дифференцировали средиземноморские формы на характерные для эллинов, фракийцев или римлян, при этнокультурных реконструкциях следует опираться, прежде всего, на материалы смежных наук — археологии и истории.

Отметим, что женское и мужское население черняховских поселений западно-украинского региона сформировались на разной антропологической основе. Женская сборная серия характеризуется мезокранией, среднешироким и низким лицом. Орбиты низкие, нос широкий, выступает хорошо. Группа статистически близка к отдельным популяциям вельбаркской культуры. Истоки мезокранного, со среднешироким и низким лицом, антропологического типа найти сложно, учитывая обычай кремации, которому отдавали предпочтение многие народы Европы в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Однако данный мезокранный морфотип в исторической перспективе будет характерен для групп восточных и западных славян X—XIII вв.

Вторую представительную группу юго-западного региона составили буджакские памятники — Нагорное и Холмское. В суммарную серию вошли материалы могильника Нагорное 2, исследованные автором статьи, и материалы из могильника Холмское, опубликованные С.П. Сегедой и В.Д. Дяченко. Информация о средних размерах черепов приводится в таблице 1.

Суммарная мужская серия региона отличается долихокранией, средними размерами черепа и лица. Суммарная женская серия характеризуется мезокранией, средними размерами лица, более низкими, чем у мужчин, орбитами и более широким носом. Это отражается на направлении антропологических связей: для мужчин — с позднескифскими группами, для женщин — с черняховскими сериями Западной Украины и маслосенской группой вельбаркской культуры (Рудич 2003: 19—32).

Долихокрании мезоморфные, со средней шириной лица формы, доминирующие среди мужчин, можно связать с выходцами из позднескифской среды. Они бытуют на позднескифских могильниках (Николаевка-Козацкое, Неаполь Скифский, Беляус). Возможно, его проникновение в черняховские популяции шло через аланские группы. Под этнонимом «аланы» выступали различные племена, в том числе и имеющие скифские корни.

Сложнее с поисками истоков ведущего морфологического комплекса черняховских женщин Буджака. Данный морфокомплекс будет близок средневековым славянкам различных территорий, но несколько уклоняется в сторону балтских групп. Возможно, черняховки Буджака обязаны им населению культуры Этулия, в составе которой видят славян, но антропологическим материалом, представляющим эту группу, мы не располагаем.

Интересную информацию дают данные одонтологии. Известная латышская одонтолог Р. У. Гравере на материалах черняховских могильников Молдовы и юго-западной Украины фиксировала наличие грациозного (балтийского) одонтологического типа, связанного с Центральной Европой, а точнее, южным побережьем Балтийского моря. В наиболее отдаленное время он характеризовал представителей поморской культуры. Данный тип объединяет в виде отдельных вариантов часть населения юго-западных районов Украины, поляков, западных литовцев, южных латышей. Исследовательница видит в этом комплексе общую основу балтославянского, а, возможно, и германского этногенеза. Как известно, одонтология может отражать информацию о более древних связях, чем краниология, однако последняя может четко дифференцировать славянские, германские и балтские группы.

Среди населения черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья отдельные археологи склонны видеть существенный процент сармат. На антропологическом материале мы фиксируем несколько иную

картину. Для сарматских групп разных территорий и хронологических периодов характерным считается сочетание брахиокрании, широкого лица с умеренным его профилированием на верхнем уровне (Балабанова 2000: 90—108). По нашим подсчетам, в данном регионе процент черепов с таким морфокомплексом на могильниках черняховской культуры небольшой (Рудич 2006). Это же отмечала М. С. Великанова на материалах могильников Молдовы. Но тут возникает аланская проблема. Археологи включают аланов в сарматский культурный круг. Однако в археологии существует ряд концепций происхождения алан: скифская, аорская, массагетская, алтайская, юзджейская, усуньская. Что касается антропологии, то тут также нет однозначности. На могильниках Украины, которые связывают с аланами, хронологически более ранних или синхронных черняховской культуре (Усть-Каменка, Черноречье, Инкерман) доминирует брахиокраний и широколицый (сарматский) тип. Он же характерен для населения междуречья Волги и Дона среднесарматского времени, в котором видят аланов. Однако надо учесть, что ряд средневековых аланских серий V—XIII вв. оказывается морфологически и статистически ближе скифским, чем сарматским сериям. Недавно были опубликованы материалы позднесарматских погребений (Балабанова 2004). Они также скорее находят аналогии в скифской среде, чем среди сарматского массива. В этой ситуации можно предположить, что морфотипы отдельных средневековых аланских могильников были получены в наследие от скифов. Следовательно, если в черняховское время под обобщающим именем аланы фигурировала и часть скифов или их потомков, то их костяки, найденные на могильниках черняховской культуры, антропологи будут интерпретировать как скифов, которыми в биологическом плане они являются. Аланов можно относить к сарматскому культурному кругу, это право археологов, но генетически они связаны с разными группами, в том числе и скифскими. Надеемся, что появление антропологического материала из погребений ранних алан даст возможность уточнить позиции. До решения этого вопроса представления антропологов и археологов относительно сарматского компонента в составе черняховской культуры могут существенно отличаться.

С целью объективизации результатов исследований средние характеристики черепов черняховских могильников Украины и Молдовы рассматривались в широком европейском масштабе, для чего был про-

веден факторный анализ 50 хронологически близких мужских серий Европы III в. до н. э. — VI в. н. э. по 10 признакам (длина, ширина и высота черепа, высота и ширина лица, высота и ширина носа и орбит, ширина лба). Черняховские серии Дунайско-Днестровского региона продемонстрировали многовекторность антропологических связей.

Долихокранные, с длинным черепом и маленькими размерами лица группы, лучше всего представленные на Западной Украине, частично в Буджаке (Холмское) и Молдове (Малаешты), продемонстрировали близость с группами вельбарской культуры Польши, а также с сериями из Силезии и Сербии, связываемыми с миграциями готов. Долихомезокранные, мезоморфные, со средними размерами лица группы являются наиболее статистически близкими с сериями античных городов, а также поздних скифов (мужская выборка из могильника Нагорное). Долихокранные, гиперморфные, со средними размерами лица группы, представляющие мужское население могильника Балцаты, имеют ближайшие аналогии в популяциях II—V вв. из Литвы и в меньшей степени — в вестготских сериях.

Женские серии черняховской культуры были также проанализированы в кругу хронологически близких групп Европы (36 серий) по 10 признакам. По результатам факторного анализа были выделены главные направления антропологических связей.

Мезокранные, с большой черепной коробкой и среднешироким, низким лицом серии, представленные материалами Западной Украины и Буджака, находят аналогии в группах вельбарской культуры (Масломенч, Грудек, Нижняя Висла). В исторической перспективе он будет типичен для широкого круга славянок (древлянок-волянянок, населения тиверских и галицких земель, полянок переяславских, черниговских, польских, хорваток, моравок и вислянок). Мезокранный, мезоморфный со средними размерами резко профилированного лица, антропологический тип, представляющий частично черняховок Причерноморья (Южнобугско-Тилигульское междуречье) и Молдовы, характерен для женщин из средиземноморских (античных) и позднескифских групп. Отметим, что население позднескифских памятников было смешанным, среди них были эллины. На основании антропологического материала об этом писали Г.Ф. Дебец, Т.С. Кондукторова, Т.А. Назарова (Кондукторова 1979: 34; Назарова 2005: 409—411). В отдельных случаях, как, например, в Неаполе Скифском, элли-

ны составляли большинство. Именно присутствие средиземноморцев в позднескифской среде и обеспечивает статистическую близость населения позднескифских и античных поселений.

Подводя итоги, мы можем отметить, что население черняховской культуры междуречья Дуная и Днестра было антропологически неоднородным. Выделяется три основных направления антропологических связей. Первое из них западное. Оно лучше всего читается на западно-украинских (среднеднестровских) памятниках и ведет к населению масломенчской группы вельбарской культуры восточной Польши и латенским памятникам Центральной Европы. Второе направление, северо-западное, приводит нас от отдельных серий черняховской культуры и культуры Сынтана де Муреш к группам балтов, популяциям вельбарской культуры северной Польши, к готским сериям. Третье направление связей черняховцев южное или юго-западное. Оно ведет к группам средиземноморского круга (фракийцы, эллины, римляне). Доминирует это направление связей на могильниках Молдовы и в женских популяциях культуры Сынтана де Муреш. Влияние ираноязычных (позднескифских) групп сильнее всего читается на черепах мужского населения из черняховских могильников Буджака. Сборные женские серии западно-украинского региона и Буджака характеризуются морфокомплексом, который в исторической перспективе будет характерен для славянских групп значительных территорий эпохи средневековья.

Антропологический анализ населения черняховской культуры в междуречьи Дуная и Днестра свидетельствует о сложной этнической структуре. На картину антропологического состава населения культуры, скорее всего, повлиял биритуализм погребального обряда. Вероятно, выходцы из культурных групп, практиковавших обряд кремации (германцы, гето-даки, славяне), все же отдавали предпочтение этому погребальному обычаю и в рамках черняховской культуры. Как известно, этот обряд не оставляет информации для краниологов, что несколько искажает реальную ситуацию по всей культуре. В ингумациях на могильниках черняховской культуры погребались выходцы из тех этнокультурных групп, где был распространен этот обычай. Чаще всего в археологических работах делается акцент на происхождении этой погребальной традиции из ираноязычной среды (позднескифской, сарматской, аланской), но существуют также предположения о западных истоках обычая (Магомедов

2001: 42). Нельзя исключить и разные источники заимствования обычая для различных регионов Украины. Как правило, в полиэтнических обществах наиболее приживаются те элементы культуры, которые совпадают у представителей разных этносов, входящих в это общество. Логично предположить, что наибольшее распространение ингумации у черняховцев получили среди людей, являвшихся выходцами из среды, где этот обычай имел место. Население западных регионов распространения черняховских памятников имеет статистическое и морфологическое сходство с популяциями вельбаркской культуры, латенской культуры, с отдельными могильниками балтов II—V вв. Более четко это прослеживается в погребениях с северной ориентацией умерших. Это может свидетельствовать в пользу западного происхождения традиции ингумаций для части населения черняховской культуры.

Появление трупоположений на могильниках германцев Северной Европы отдельные исследователи связывают с кельтскими влияниями, так как ингумация была распространена у кельтов в разное время. Археологи высказывали также мысль о том, что в вельбаркской культуре этот обычай мог появиться благодаря кельтским влияниям. В свою очередь, традиция ингумаций в черняховской культуре возникла благодаря западным влияниям, возможно, из вельбаркской культуры (Магомедов 2001). Следовательно, кельтские влияния на погребальный обряд черняховцев могли происходить через вельбарскую культуру. Во всяком случае, антропологический материал из могил с трупоположением (особенно западноукраинского региона) демонстрирует западный и северо-западный характер морфологических связей.

Идея ингумаций в I—V вв. н.э. распространилась и у балтов. Исследовались большие балтские могильники с этим обрядом. Считается, что этот обычай распространился с запада, с территорий, которое занимало балтское племя прусов. То есть, в Прибалтике мог существовать источник, который также распространял эту идею. На антропологическом

материале в юго-западном регионе морфологическую близость с синхронными сериями Прибалтики демонстрирует выборка черепов из могильника Балцаты.

Возможно также, что погребения с нарушенными костяками на могильниках черняховской культуры появились благодаря западным традициям. Нарушение костяков зафиксировано на всей территории распространения черняховской культуры, но самый большой процент приходится на западные регионы (могильники Чернелив-Русский, Оселивка), а также могильники масломенчской группы. Это может свидетельствовать в пользу того, что этот регион находился близко к эпицентру возникновения ритуала. Антропологический материал из тех порушенных погребений, где сохранился череп, выявляет западный и северо-западный характер морфологических связей. Археологически зафиксирована значительная западная зона, которая дает картину разрушенных могил. Этот обычай фиксируется археологами на могильниках лужицкой, поморской, вельбаркской культур, на Готланде римского времени и на кельтских памятниках. Из хронологически близких народов Европы человеческие кости довольно часто фигурировали в ритуалах у тех же кельтов. Про культ черепа у них писали античные авторы, фиксируется он и археологически. Погребения отдельных черепов встречаются и на черняховских могильниках. Таким образом, обычай манипулировать таким деликатным материалом, как костные остатки, мог входить в систему ритуалов, пришедших из Центральной Европы.

Несомненно, анализ связей населения черняховской культуры западного региона со среднеевропейскими группами в сфере материальной и духовной культуры является археологической парадигмой. Но антропологи могут говорить о наличии центральноевропейского компонента в составе черняховского населения, по крайней мере, для западных территорий ее распространения, который мог оказать влияние на формирование отдельных элементов материальной и духовной культуры.

Литература

- Балабанова М. А. 2000. *Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век*. Москва: Наука.
- Балабанова М. А. 2004. О древних макроцефалах Восточной Европы. *OPUS* 3, 171—197.
- Великанова М. С. 1975. *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. Москва: Наука.
- Гравер Р. У. 1999. *Одонтология восточнославянских народов*. В: Алексеева Т. И. (отв. ред). *Восточные славяне. Антропология и этническая история*. Москва: Научный мир, 80—94.
- Казакевич Г. М. 2007. Кельти за межами кельтського світу: моделі етнокультурної взаємодії на периферії латенської культури. *Археологія* (4), 92.
- Кондукторова Т. С. 1979. Антропологические материалы черняховской культуры Украины. В: Кропот-

№4. 2010

- кин В.В. (отв. ред.): *Могильники черняховской культуры*, 163—204.
- Кондукторова Т.С. 1979а. *Физический тип людей Нижнего Поднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Козацкое)*. Москва: Наука.
- Крушельницька Л., Бандрівський М. 2007. Проблема виявлення кельтського елементу у місцевій культурі Верхнього Придністров'я II-I століть до н. е. *Записки Наукового товариства ім. Т.Г. Шевченка* ССЛІІІ, 414—439.
- Магомедов Б.В. 2001. *Черняховская культура. Проблема этноса*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Назарова Т.А. 2005. Население Неаполя Скифского по данным антропологии. *Археологічні дослідження в Україні 2003—2004 р.*, 409—411.
- Рудич Т.О. 2004. Антропологічний склад населення черняхівської культури Західної України. *Археологія* (3), 37—48.
- Рудич Т.О. 2003. Антропологічний склад населення черняхівської культури Північного Причорномор'я. *Археологія* (4), 19—32.
- Рудич Т.А. 2006. Сарматы в составе черняховской культуры (по материалам антропологии). В: Терпиловский Р.В. (отв. ред.): *Готы и Рим. Библиотека Vita antiqua*. Київ, 73—86.
- Сегеда С.П., Дяченко В.Д. 1984. Антропологический материал из черняховского могильника у с. Холмское. В: Гудкова А.В., Фокеев М.М. *Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э.* Киев.: Наукова думка, 94—105.
- Стрижак О. 1989. Кельты й Україна. *Наука і культура України*, 23, 266—277.
- Филип Я. 1956. *Кельтская цивилизация и ее наследие*. Прага.
- Antoniu S., Onofrei M. 1975. Studiul antropologic al scheletelor din necropola din secolul al IV-lea e.n. de la Latcani. *Archeologia Moldovei* (8), 281—285.
- Kozak-Zychman W. 1996. *Charakterystyka antropologiczna ludności z młodszego okresu rzymskiego*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Schwidetzky I. 1972. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie der Eisenzeit (letztes Jahrtausend v. d. Z.). *Homo* (23, 3), 245—272.
- Schwidetzky I., Rosing F.M. 1990. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit. *Homo* (40.1—2), 3—45.

Статья поступила в номер 1 июня 2009 г.

Tatiana Rudich (Kiev, Ukraine). Candidate of historical sciences. Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences.

Tatiana Rudich (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Рудич Татьяна Александровна (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии НАН Украины.

E-mail: kancel@iananu.kiev.ua.

А. К. Нефёдкин

Вооружение готов: свидетельства письменных источников в сопоставлении с данными археологии

A. K. Nefedkin.

Armament of the Goths: Written Records versus Archaeological Evidence.

According to the ancient German tradition, the main body of the Gothic infantry consisted of shield-bearers armed with various spears for the long-range combat, and a sword and a dagger for close combat. A large shield provided an effective protection to the warrior, making any other protective armor unnecessary. With these large shields the Goths used to compose their traditional military formation known as "shield wall", which was an efficient defense against enemy's missiles. Written sources suggest that the Gothic (and especially Visigothic) archers were more skillful skirmishers than their Western relatives. Cavalry seems to have been better developed with Ostrogoths, as an effect of influence from nomadic Sarmatians and Alani. If in late 5th century, the Gothic horsemen were mainly mounted infantrymen, after conquest of Italy some of them actually became cataphracts. Riding horses protected in Byzantine manner and armed with lances like Sarmatians, driven by tribal "heroic" ethos, they preferred close combat. Visigoths preserved pure German military traditions, and cavalry became important to them much later, in Gallia and Hispania. Even though, it still preferred to fight mainly with missiles and defend by shields, while mounted lancers, probably armed in the Roman-Sarmatian manner, were less common.

A. K. Nefedkin.

Armamentul goților: dovezile din surse scrise în comparație cu datele arheologice.

Cea mai mare parte a infanteriei gotice, după tradiția germană antică, reprezenta purtători de scuturi înarmați cu sulițe de diferite tipuri drept arme pentru luptă la distanță și cu o sabie și un pumnal pentru luptă corp la corp. Un scut mare îl apăra pe ostaș în mod destul de efektiv, nefiind nevoie de alte echipamente de protecție. Anume cu ajutorul unui scut goții formau tradiționalul lor „zid de scuturi”, care acoperea în mod eficient împotriva atacurilor inamice. Potrivit surselor, se creează o impresie că tirul era mai dezvoltat la vizigoți, decât la frații lor din vest. Cavaleria era mult mai dezvoltată la ostrogoți, sub influența nomazilor sarmațieni și alani. Dacă la sfârșitul sec. V călăreții gotici în mare măsură reprezentau infanteria călărească, atunci după cucerirea Italiei, aceștia au ajuns parțial chiar catafracte, protejate în stil bizantin și înarmate, după model sarmatic, cu sulițe, preferând lupta corp la corp, asupra căreia și-a lăsat amprenta și etosul tribal „eroic”. Vizigoții au păstrat în formă mai pură tradiții germanice militare, iar cavaleria la ei a căpătat importanța mai târziu, în Galia și Spania, însă și aceasta continua să lupte preponderent cu armele de aruncare, acoperindu-se cu scuturi, în timp ce sulițașii călăreți, înarmați eventual după modelul romano-sarmatic, se bucurau de mai puțină popularitate.

А. К. Нефёдкин.

Вооружение готов: свидетельства письменных источников в сопоставлении с данными археологии.

Основная масса готской пехоты по древнегерманской традиции представляла собой щитоносцев, вооруженных различного рода копьями в качестве оружия для дальнего боя и мечом и кинжалом для ближнего. Большой щит достаточно надежно защищал бойца, не делая необходимым прочее защитное вооружение. Именно с помощью большого щита готы составляли свое традиционное боевое построение «стену щитов», эффективно прикрывавшее против метательных снарядов врага. По источникам складывается впечатление, что стрельба была более развита у визиготов, чем у их западных сородичей. Конница была более развита у остроготов, у которых она получила развитие под сармато-аланским кочевым влиянием. Если в конце V в. готские всадники были

во многом едущей пехотой, то после завоевания Италии они отчасти стали даже катафрактами с конями, защищенными на византийский манер и вооруженными по сарматскому образцу пиками, предпочитавшими ближний бой, на ведение которого накладывал отпечаток еще и племенной «героический» этос. Визиготы же в более чистом виде сохранили германские военные традиции, а конница приобрела у них значение позднее, в Галлии и в Испании, однако и она продолжала сражаться в основном с помощью метательного оружия, прикрываясь щитом, тогда как конные копейщики, вооруженные, возможно, по римско-сарматскому образцу, пользовались меньшей популярностью.

Keywords: Warfare, Armament, Armed Forces, Goths.

Cuvinte cheie: pregătire militară, arme, tipuri de trupe, goți.

Ключевые слова: военное дело, вооружение, виды войск, готы.

Для многих народов древности оружие — достаточно изученный сюжет, обычно хорошо известный по репрезентативным и археологическим памятникам, а также по письменным источникам. Однако этого нельзя сказать о готах: письменные свидетельства об оружии немногочисленны и обычно упоминают его *ad hoc*, — в основном приходится анализировать термины и названия. Археологические находки достаточно скудны; изображения, на которых можно с уверенностью атрибутировать готов, почти отсутствуют. Поэтому для изучения оружия готов нужно рассмотреть свидетельства письменных источников и сопоставить их с некоторыми наиболее репрезентативными археологическими артефактами с территорий, которые считаются исследователями некогда заселенными готскими племенами. Это поможет пояснить свидетельства греческих и латинских источников, которые обычно дают лишь название оружия. Поскольку и эти свидетельства крайне малочисленны, особенно для ранней истории готов, то имеет смысл рассмотреть весь их блок, на протяжении всей истории готов, с середины III в., когда их упоминание появилось на страницах позднеантичных источников, вплоть до начала VIII в. — времени, когда визиготское королевство было уничтожено мусульманами. В данном блоке информации вполне возможно выделить оружие пеших и конных воинов, которое иногда отличалось. Итак, посмотрим, на комплекс вооружения пешего, а затем конного готского воина.

Сначала обратимся к вооружению пехотинцев, которое зафиксировано источниками. Готы, вооруженные по германской традиции щитами, различного рода копьями и мечами, составляли основную массу пехоты. Подобный комплекс вооружения мы обнаруживаем в нескольких описаниях. В биографии императора Клавдия II (268—270 гг.) приводится письмо, где упоминаются щиты, мечи и небольшие копья в качестве оружия готов (SHA, XXV, 8, 5). Подобный комплекс

вооружения существовал и позднее у визиготских пехотинцев в 370-х гг., судя по описанию Аммиана Марцеллина (Amm., XXXI, 5, 9; 7, 12). И еще позднее, автор «Стратегикона», рассказывая о белокурых народах, пишет: «Вооружаются они щитами, копьями и короткими мечами, висящими у них на плечах» (Mauric. Strat., XI, 3, 2). Под «белокурыми» явно подразумеваются германские народы. Объединение же их в одну главу, в общем, логично, ведь многие черты военного дела германцев, в частности, тактика и вооружение, были во многом сходными для постороннего взгляда. Об этой схожести военной культуры (остро)готов, вандалов, визиготов и гепидов прямо говорит Прокопий (Procop., Bel. Vand., I, 2, 2—5), передавая традиционное мнение: «Все они, как сказано, отличаются друг от друга именами, а во всем остальном ничем не различаются». Сохранилось и еще более позднее свидетельство, подробно перечисляющее элементы визиготской панолии — указ короля Эрвига (680—687 гг.), предписывающий как следует вооружать господам тех сервов, которых они выводят с собой на войну (681 г.): «некоторую часть *надо* защитить броней или панцирями, но большинство — снабдить щитами, мечами, тесаками, копьями и стрелами, а некоторых также снаряжением для пращей или другим оружием» (LV, IX, 2, 9). В указе имеется четкое противопоставление немногочисленных воинов в броне с прочими, вооруженными щитами, наряду с древковым, клинковым, а также метательным оружием.

В целом, основной комплекс вооружения готского пехотинца в течение четырех веков не изменился в своих основных элементах — это был все тот же щитомоносец, вооруженный древковым и клинковым оружием (ср.: Biborski 1978: 165; Магомедов 2001: 82). Подобный комплекс вооружения представляют, например, погребения из Оселивки (Черновицкая область) черняховской культуры, где сохранились не только остатки щита, но и наконечник копья и меч (Магомедов, Левада 1996: 317).

Нательное защитное вооружение упоминается редко, что, очевидно, соответствует действительности: у основной массы пехоты его не было, как и во времена Цезаря и Тацита. Щит был основным, а зачастую и единственным оборонительным оружием готского пехотинца. Какой он был формы? Греческие авторы используют для обозначения готского щита слово ἄσπίς, тогда как латинские — обычно *scutum*.¹ Если первое слово как термин обозначало большой круглый щит, то второе — вытянутый; однако оба названия часто использовались не как термины, а просто как обозначение оружия. Поэтому стоит обратиться к тем свидетельствам, которые несут альтернативную информацию о щите, тем более, что его форма могла изменяться со временем в силу развития вооружения и тактики. Военный-профессионал Аммиан Марцеллин именует щиты готов то «*scutum*» (Amm., XXXI, 7, 12), то «*parma*» — в обычном понимании — округлый кожаный щит (Amm., XXXI, 5, 9). Если в первом случае мы можем подозревать простое обобщение, поскольку Аммиан в данном пассаже упоминает оружие обоих противников сразу (готов и римлян), то употребление слова во втором случае может иметь под собой реальную основу. Более поздние авторы именуют щиты визигот и остготов «*clipeus*», то есть круглым щитом, латинским эквивалентом греческого «ἄσπίς» (Merob., II, 158; Cassiod. Var., IV, 2, 2; X, 31, 1; Julian. Hist. Wamb., 18; Agnell., 94). Согласно Исидору Севильскому, «*clipeus* является большим щитом» (Isid. Orig., XVIII, 12, 1), то есть получается, что различие между разными видами было не в форме, а в величине.

Судя по этим немногочисленным упоминаниям щита, получается, что он был круглым. Еще Тацит (Tas., Germ., 43), рассказывая о вооружении готов и соседних народов, упоминает у них именно «округлые щиты» (*rotunda scuta*). Как показал польский археолог Б. Контны, информация латинского историка о форме щита соответствует несколько более ранним реалиям I в. до н. э. и, в общем, показывает связь готов со Скандинавией, где использовались большие круглые щиты (судя по находкам, диаметром 88—104 см) еще в раннеримский период (Kontny 2001: 184—193; ср.: Радюш, Скворцов 2008: 129). Если обратиться к археологическим данным, то увидим, что, например, щит из села Беленькое (начало IV в.) был, судя по дере-

вянному тлену, круглым, диаметром 80 см, имевшим умбон диаметром 17 см, за которым на внутренней стороне находилась железная рукоятка, крепившаяся к дереву двумя заклепками (Гудкова 1987: 59; Магомедов 2001: 78—79). Наряду с круглой использовалась и вытянутая форма щита, особенно интенсивно в первые века новой эры. Модель щита раннеримского времени из Новы Тарг (вельбаркская культура) представляет нам четырехугольную форму с закругленными краями с небольшим круглым умбоном, за которым расположена горизонтальная рукоятка (Kaczanowski, Zaborowski 1988: 226, Abb. 3; Kokowski 1993: 338, 350, fig. 6a). Щит из Оселивки, судя по сохранившейся железной оковке, был как раз прямоугольным с закругленными краями (Магомедова, Левада 1996: 307; Магомедов 2001: 78—79). В целом, щиты черняховцев были деревянными, обтянутыми кожей со сфероконическим или цилиндрическим умбоном, напротив которого — внутри была рукоятка из тонкой жести с деревянной сердцевинкой (Магомедов, Левада 1996: 307; Магомедов 2001: 79).

На монете Клавдия II кизикской чеканки (270 г.), посвященной готской победе императора, показан трофей, на котором висят два эллипсовидных щита с умбонами. Однако, видимо, данное изображение является лишь символическим трофеем, не учитывавшим определенные этнографические особенности противника, ведь тут же показан шлем с гребнем и поножи, которые, насколько мы знаем, нельзя посчитать типично готским оружием. Кроме того, практически идентичный трофей представлен и на другой кизикской монете, отчеканенной в честь германской победы Клавдия.²

В любом случае, щиты готов должны быть достаточно велики, чтобы образовать их обычное боевое построение — стену щитов (фактически, черепаху без крыши), которое упоминается у античных авторов (Dexipp. frg., 19; Amm., XXXI, 7, 12; Procop. Bel. Goth., I, 29, 35; IV, 5, 19). В Италии у остготов щит для пешего боя также был достаточно большим и прочным, о чем свидетельствует эпизод боя при Везувии (552 г.), когда Тейя, стоя перед готским войском, оборонялся щитом, в который воткнулось двенадцать копий противника (Procop. Bel. Goth., IV, 35, 22—29). По крайней мере, на реверсах монет Аталариха

¹ ἄσπίς: Dexipp., frg. 19; Procop. Bel. Goth., I, 29, 35; IV, 5, 19; 35, 25; etc., *scutum*: Veget., I, 20; SHA, 25, 8, 5; LV, IX, 2, 9; Agnell., 94.

² Монету с изображением готского трофея см.: Mattingly, Sydenham 1968: 232, № 251; pl. VI, 86; германский трофей см.: Robertson 1978: 79, № 86, pl. 21, 86.

(526—534 гг.) и Тотилы (541—552 гг.) показаны овальные или круглые щиты, вероятно, с круглым умбоном, прикрывающие стоящего воина от земли до пояса, длиной (или диаметром) около метра (Wroth 1911: 69, 93, pls. VIII, 21—22; XI, 30). На фрагменте передней стороны саркофага из испанской Алькаудеты, обычно датируемом концом V—VI вв. и представляющем библейские сюжеты, воины носят большие овальные щиты с окантовкой и круглым умбоном (Ars Hispaniae 1947: 239, fig. 240).

Видимо, сама основная форма щита прошла определенную эволюцию. В общем, в первые века новой эры щит был овальным или вытянутым угольным, после чего, около III—IV вв., произошла адаптация обычного для эпохи переселения народов большого круглого щита с умбоном. Такой щит делался из деревянных дощечек и укреплялся металлической окантовкой. Возможно, особенностью вооружения готов и других народов южного побережья Балтийского моря уже на рубеже эр был круглый щит, в VI в. обычным щитом готов оставался большой круглый или вытянутый овальный, лучше прикрывающий от метательного оружия врага (Радюш, Скворцов 2008: 129; Kontny 2008: 192, 201).

Как уже отмечалось, нателное защитное вооружение с рубежа эр не было характерным для германцев, и готы тут не были исключением. Достаточно упомянуть, что остатков доспехов, судя по опубликованным материалам, не обнаружено среди материалов ни вельбаркской, ни черняховской культуры (Kokowski 1993: 353—354; Магомедов, Левада 1996). Это, впрочем, может свидетельствовать и об их полном отсутствии, и о том, что они были изготовлены из органических материалов, в частности, из кожи. При этом, естественно, надо помнить, что оружие в могилу обычно не клали вообще. Однако защитное вооружение упоминается в источниках, в частности — шлемы и панцири.

Аммиан Марцеллин (Amm., XXXI, 13, 3), описывая битву при Адрианополе (378 г.), упоминает секиры, которыми обе стороны проламывали шлемы и панцири друг друга (*galeae, loricae*). С готской стороны доспехи вполне могли быть трофейными римскими (Amm., XXXI, 5, 5; 9; 6, 3; Oros. Hist., VII, 34, 5; ср.: Kaczanowski 1992: 56—60). Готские военачальники активно использовали римские офицерские панцири. На золотом медальоне бюст Теодориха Великого представлен в парадном имперском чешуйчатом доспехе с рядом птериг, защищающих верх руки (Delbrück 1929: № 46). Железный панцирь,

прикрывавший грудь комита Пицама, упоминает в панегирике Эннодий (Ennod. Paneg., 12, 65). На наличие панцирей у италийских готов, у знати, командиров и всадников, неоднократно указывает в своем повествовании Прокопий (Procop., Bel. Goth., I, 16, 11; 22, 4; 23, 9; II, 5, 14; III, 4, 21), однако, тип доспеха не указывает ни разу. В середине VI в. это мог быть кольчатый, чешуйчатый или пластинчатый доспех. Причем, по-видимому, наиболее популярным среди знати быть последний тип, представлявший собой рубаху с полами выше колен с короткими рукавами или без них. Такую броню мы обнаруживаем на всаднике, изображенном на блюде из Изола-Рицца (Италия, VI в.), у гвардейцев лангобардского короля Агилульфа, показанных на налобной части шлема, и даже во франкской могиле из Крефельд-Геллеп (Германия, VI в.), где был найден доспех примерно из 1100 пластин.³ Фрагменты железного византийского доспеха были обнаружены в Картахене в слоях второй половины VI — первых десятилетий VII в. Тут были найдены 114 прямоугольных с закругленными краями пластин длиной 6—7 см и 2 см шириной с тремя парами отверстий для крепления. Они, по предположению Х. Вискайно Санчеса, входили в состав доспеха, состоявшего из 500 пластин, закрепленных в 30 рядов и весившего примерно 16 кг (Vizcaino Sánchez 2008: 203—206). Подобный доспех вполне могли носить и визиготы. У готов в Италии во время войны с Византией мы можем предполагать определенную стандартизацию вооружения, в том числе и защитного, поскольку тогда государство снабжало воинов оружием, а на фабриках вполне могли продолжать делать доспехи по старым римским лекалам. По крайней мере, на обкладке из слоновой кости кафедры равеннского архиепископа Максимиана (546—556 гг.) гвардейцы правителя носят панцири римского образца с птеригами, защищавшими верх рук и бедра (Schapiro 1979: 41, fig. 5—6).

Упоминание о защитном вооружении имеется в вышеупомянутом указе Эрвига, согласно которому господа должны были вооружать некоторых из своих сервов, приводимых в армию, панцирями: «*zaba*» или «*lorica*» (LV, IX, 2, 9), которые О. Ольденбург считает кожаной броней и панцирной рубахой, тогда как первый вид доспеха, по мнению Э. Бивара, являлся кольчугой, а по предполо-

³ Блюдо из Изола-Риццы см.: Perevalov, Lebedynsky 1998: 21; налобник шлема см.: Alamannen 1998: 407, Abb. 461b; о доспехе из Крефельда-Геллепа см.: Lebedynsky 2001: 187.

жению Р. Муњоса, — чешуйчатым панцирем до колен.⁴ Латинское слово «logica» обозначало просто панцирь, без какого-либо указания на его форму, для чего требовалось специальное пояснение. Термин же «ζάβα» известен в византийской военной литературе с VI в., когда он также обозначал «доспех» без конкретного указания на его вид (Suid. s. v. ζάβα). Как предполагает Т. Колиас, этимология этого нового слова восходит к персидскому, а то, в свою очередь, к тюркскому наименованию панциря «džebe» (Kolias 1980: 30). Так называемый «Византийский аноним VI в.» отмечает, что «забы» были сделаны из войлока или кожи (De re strat., 16, 9), а согласно «Тактике» императора Льва (Tact., V, 4), панцири («λωρίκια») должны быть, по возможности, кольчужными, либо из рога или кожи. Причем, как заметил еще Ш. Дюканж, «λωρίκιον» и «ζάβα» у Льва синонимы (Du Cange 1887: 426, s. v. «zaba»; Haldon 1975: 34). Следует обратить внимание на то, что в этом указе Эрвига не значатся шлемы, хотя остальной набор оружия, в том числе дорогостоящие доспехи, присутствуют. Это может указывать на наличие у доспеха капюшона, известного уже Маврикию (Maur., Strat., I, 2, 2), и в таком случае речь, скорее всего, шла о кольчугах. Вспомним, что найденные аламанные раннесредневековые кольчуги имели капюшоны (Контамин 2001: 198). Видимо, в указе Эрвига имелись в виду два разных вида кольчуги, или же один из панцирей был не кольчатый, а другого вида, возможно, не металлическим, а кожаным или войлочным, либо железным, но чешуйчатым. Ведь Исидор в главе «О панцирях» своих «Этимологий» упоминает лишь кольчугу и чешуйчатый панцирь (Isid. Orig., XIX, 13: De loriciis). Причем последний он описывает особо: «Чешуйчатым является железный панцирь, составленный из железных или медных пластин в виде чешуи рыбы и названный так из-за самого блеска и схожести чешуи». Таким образом, получается, что для испанского автора второй половины VI в. интересны и, вероятно, актуальны лишь эти типы панциря, остальные виды его не интересовали или даже были плохо либо вообще не известны ему. Скорее всего, именно к чешуйчатому типу панциря относились позолоченные votивные доспехи, которые арабы захватили в кафедральном соборе в Толедо в 711 г. (al-Makkarī: 283). Последние, в первую очередь, носила знать и королевская гвардия,

которых компетентный магрибский историк аль-Маккари (ок. 1591—1632 гг.) рисует «одеждами в сверкающую сталь» (al-Makkarī: 271, 273). Видимо, доспех был все же не так редок у визиготов этого времени, так как, согласно указу Эрвига, даже часть сервов должна была его носить, согласно двум разночтениям в двух же манускриптах, небольшая — 1/21 от всех.

Сведения источников о шлемах опять же скудны. Уже Тацит (Tac., Germ., 6) отмечает, что шлемы у германцев встречались, хотя и редко. Как мы помним, Аммиан Марцеллин (Amm., XXXI, 13, 3) в описании битвы при Адрианополе упоминает это прикрытие головы, хотя и в общем риторическом пассаже. На рубеже IV—V вв. латинский поэт Клавдиан называет шлемы как типичное оружие визиготской армии Алариха (Claud., XXVI (De bel. Goth.), 35; 535; 537: galea). Прокопий по ходу повествования также отмечает наличие шлемов у италийских готов, обычно защищенных еще и панцирем (Procop. Bel. Goth., I, 23, 9; III, 4, 21). Характерной формой эпохи переселения народов был Spangenhelm, то есть металлический каркасный шлем со сферической тульей, часто украшенной втулкой сверху, в которую вставлялся султан; обычно с нащечниками. Очевидно, и готы носили именно этот тип шлема. В. Рейнхарт усматривает его на монетах визиготских королей, начиная с Леовигильда (572—586 гг.) и заканчивая Родериком (710—711 гг.), хотя более вероятным кажется, что на монетах представлены парадные головные уборы монархов (Rein-

Рис. 1. Шлема типа Spangenhelm — случайная находка в Монтепагано (первая половина VI в.). Шлем состоит из шести железных пластин на медном каркасе. Воспроизведено по: Bierbrauer 1975: Taf. LVII.

⁴ Oldenburg 1909: 43; Harnisch und Panzerhemd; Bivar 1972: 288; Diesner 1977: 59 (Panzerhemd); Muñoz Bolaños 2003: 27.

hart 1947: 122—124; 1950—1951: 43—46). В Италии среди случайных находок имеется пара железных шлемов с медными декорирующими тулью частями, один с нащечниками, но оба без назатыльников, возможно, последние были кольчужными и крепились отдельно. Они относятся к типу «Spangenhelm», к виду, называемому «Baldenheim», и датируются как раз готским периодом: концом V — первой половиной VI вв. (Bierbrauer 1975: 194—198. Taf. XXII, 5; XXVII—XXVIII; LVII,1—LVIII,1; Kazanski 1991: 114).

Основным наступательным оружием готского щитоносца в течении всего рассматриваемого периода было древковое. Имеется два блока сведений о вооружении готов копьями для ближнего и для дальнего боя. Иордан считал «контос» самым обычным оружием гота, противопоставляя его мечу гепида, дротику руга и стреле гунна.⁵ Контос в классическом значении — это длинное неметательное копье всадников, достигавшее значительной длины, о чем будет сказано ниже. Если обратиться к археологии, то среди находок черняховской культуры остатками копий считаются железные наконечники длиной 12—24 см с диаметром втулки 3 см (Магомедов, Левада 1996: 308—309). Видимо, это обычное копье.

Масса свидетельств говорит нам о том, что у готов была распространены метательные, обычно легкие, копья. Уже биограф императора Клавдия (SHA, XXV, 8, 5) сообщает о вооружении в 269 г. щитоносцев lanceolae — небольшими ланцеями, явно предназначенными для метания. Аммиан Марцеллин, повествуя о событиях 370-х гг., отмечает на вооружении готов «tela» — общее наименование для метательного оружия, «jaculum» — обычный дротик, «verrutum»⁶ — в римской армии, согласно Вегецию (Veget., II, 15), — метательное копье с наконечником длиной 5/12 фута (12 см) и древком — в 3,5 фута (1 м). Клавдиан (XXX (Laud. Seren.), 235) именует копья визиготов пилумами (pila) — стандартным наименованием для римских метательных копий.

⁵ Jord. Get., 261; также см.: Amm., XXXI, 5, 9; Claud., XXVI (De bel. Goth.), 483; Greg. Turon. Hist. Franc., II, 37; Mauric. Strat., XI, 3, 2; Paul. Diac. Hist. Lang., V, 41 (у лангобардов). О значениях слова contus в раннесредневековой литературе см.: Hürper-Dröge 1983: 368—376 (древко, длинная пика, метательное копье и даже дубина).

⁶ Tela — Amm., XXXI, 13, 1—2 (ср.: Ambros. Epist., XV, 5; Claud., XXVI (De bel. Goth.), 536); jaculum — Amm., XXXI, 13, 1 (ср.: Isidor. Hist. Goth., 9); verrutum — Amm., XXXI, 7, 12. Н. Биттер полагает, что Марцеллин употреблял первые два названия не в техническом военном терминологическом смысле, а просто как обобщенное название копий (Bitter 1976: 143—144).

Рис. 2. Монета короля Вамбы (672—680 гг.), на аверсе — бюст короля, на реверсе — крест. Воспроизведено по: Miles 1952: Pl. XXVIII, 12.

По определению Вегеция (Veget., II, 15; ср.: I, 20), пилум представлял собой метательное копье с древком длиной 5,5 футов (1,6 м) и наконечником 9/12 фута (22 см). У острогота в ходе Каталаунской битвы в руках оказывается дротик-telum (Jord. Get., 209), а у визиготов, оборонявших укрепление в 439 г., — метательные hastilia (Merob., II, 158). В VI в. Эннодий (Paneg., 12, 65—66) в качестве обычного оружия гота упоминает lancea — преимущественно метательное копье. Прокопий отмечает как оружие итальянских готов δολιχόν — легкое метательное копье (Procop. Bel. Goth., III, 11, 24) или даже просто дротик — «ἄκόντιον» (Procop. Bel. Goth., II, 23, 37). Причем у историка данные слова, скорее всего, синонимы (Procop. Bel. Goth., II, 2, 14; 30). Исидор называет копье визиготов telum, епископ Юлиан именует дротики, используемые при осадах в 670-х гг., spicula и lanceae, а Григорий Турский, описывая события 584 г., — jacula (Greg. Turon. Hist. Franc., VI, 43; Isid. Hist. Goth., 31; Julian. Hist. Wamb., 13; 17). Хотя Вегеций (Veget., II, 15) отмечал, что копье-spiculum — является поздним названием пилума, но, скорее всего, епископ не придерживался подобной терминологии. Как видим, значительное число из массы названий древкового метательного оружия на обоих языках встречаются у греко-латинских авторов. Естественно, данные наименования лишь приблизительно и неконкретно описывают внешний вид варварского оружия, сопоставляя его с римскими типами. Если обратиться к артефактам в археологии, то увидим, что дротиками в черняховской культуре считаются наконечники с различной формой лезвия общей длиной 22—33 см (Магомедов, Левада 1996: 308—309; Магомедов 2001: 80). В Млаве (Северная Польша) был найден наконечник копья, датированный второй половиной III — началом IV в., напоминавший более поздний франкский ангон: длинный более 60 см штырь с небольшим, около 7 см, острием с дву-

№4. 2010

мя шипами (Kaczanowski, Zaborowski 1988: 230—231; Kokowski 1993: 337, 348, fig. 5c). Это, без сомнения, метательное оружие, предназначенное для застревания в теле или защитном вооружении противника. Сложно сказать, имел ли кто-либо из авторов в виду копье с подобным наконечником. Однако, судя по вышеприведенному описанию Вегеция, этот наконечник не может считаться пилумом, как это иногда делается (Kokowski 1993: 337).

Если щитonosец имел одно копье, то он им и сражался (Procop. Bel. Goth., IV,35,22), а когда воин метал или ломал это оружие, он переходил к бою мечом. Поскольку дальний бой мог быть длительным, то у щитonosца могло быть более одного копья. Вегетий (I,20) пишет: «Варвары, пешие щитonosцы, используют преимущественно те *копья*, которые называют «бебрами», и даже носят их в битвах по два и по три». Наименование копий *bebrae*, встречающееся только в вышеприведенном пассаже, не помогает нам в определении этнической принадлежности этих врагов, ведь этимология слова неясна, хотя и считается произошедшей из кельтского или германского языка (Kempf 1901: 367—368, 385—386; Ihm 1901). Вегетий не говорит, кто были эти «варвары», но из упоминания в этой же главе «Эпитомы» готов, разгромивших римлян, можно понять, что речь идет именно о них. Вспомним, что, например, в богатом погребении 86 с трупопожжением в Компанийцах (Полтавская область) обнаружены не только умбон, украшенный серебром и бронзой, и рукоятка щита, но также длинный меч, топор, листовидный наконечник копья и болтовидный — дротика (Kokowski 1993: 343, № 38; Магомедов, Левада 1996: 315; Магомедов 2001: 78). Данная находка, очевидно, и представляет нам комплекс вооружения щитonosца с двумя копьями, одно из которых было легким метательным. В визиготской могиле 11 в Даганзо-де-Арриба (пров. Мадрид, VII в.) наряду с мечом и скрамасаксом найдены два узких наконечника дротика, один длиннее (37 см), а другой короче (23 см) (Ardanaz Arranz, Rascón Marqués, Sánchez Montes 1998: 414, 415, 418, Fig. 2). Видимо, у визиготов вооружение копьем, оружием преимущественно для ближнего боя, могло сочетаться с дротиком для дальнего боя.

Подчас мы можем найти в источниках использование и других видов метательного оружия. Аммиан Марцеллин (Amm., XXXI, 7, 12), описывая битву при Салициях (377 г.), упоминает, что готы метали «огромные обожженные дубины (*clavae*)». М. Шпайдель так и полагает, что германцы действительно использовали метательную палицу (Speidel

Рис. 3. Бронзовая монета остроготского короля Аталариха (526—534 гг.) римской чеканки. Аверс — Богиня Рома, реверс — король в военном снаряжении. Воспроизведено по: Wroth 1911: Pl. VIII, 22.

2004: 93—94), которую упоминают, комментируя название *cateia* у Вергилия (Aen., VII, 741), Сервий (ad h.l.) и, позднее, Исидор Севильский (Orig., XVIII, 7, 7), однако, возможно, речь все же шла об особом виде германского метательного копья (Aul. Gel., X, 25, 2), название которого было плохо понятно поздним комментаторам (Horsfall 1969: 297—299). У Аммиана Марцеллина речь, скорее всего, шла не о каких-то нехарактерных для германцев метательных палицах, а об обычных дротиках, обожженных на конце для придания им прочности. Это оружие использовали германцы еще во время Цезаря и Тацита (Caes. B. G., V, 42; Tac. An., II, 14; Germ., 45). Именно на это экзотическое для римского воина оружие и обратил внимание Аммиан Марцеллин. Объясняется же появление данного вида копья у готов тем, что при переправе через Дунай они были разоружены по императорскому указу, и после начала восстания оружия на всех не хватало. Поэтому восставшие вынуждены были вернуться к использованию дреколя, ведь метательных копий требовалось много, а взять их было, видимо, негде (Wanke 1990: 160).

Когда оружие дистанционного боя было использовано, сражались клинками. В источниках есть многочисленные свидетельства о наличии мечей у готов, однако без указания на их форму: тут используются абстрактные термины — латинские «*gladii*» и «*enses*» или греческое «*ξίφη*».⁷ Историки Августов упоминают мечи-*spatae* в качестве основного оружия ближнего боя готов (SHA, XXV, 8, 5), позднее этот же тип меча описывает Кассиодор (Var., V, 1, 1), упоминают его и визиготские источ-

⁷ *gladii* — Amm., XXXI, 5, 9; 7, 13; Oros. Hist., VII, 33, 14; Cassiod. Var., X, 31, 1; Anon. Vales., 55; Chron. Caesar., a. 466; Vit. part. Emeret., V, 11, 1; 3; *enses* — Claud., XXVI (De bel. Goth.), 536; Merob., II, 159; Sidon. Carm., VII, 412; Cassiod. Var., IV, 2, 2; Vit. part. Emeret., V, 10, 12; *ξίφη* — Procop. Bel. Goth., I, 18, 10; 27, 27; IV, 23, 30; 32; 32, 7.

ники (LV, IX, 2, 9; Vit. part. Emeret., V, 10, 13). Спаты были длинными, прямыми, двулезвийными мечами. Причем у знатных готов они могли иметь дорогую рукоятку из слоновой кости (Claud. XXVI (De bel. Goth.), 487). Конструкцию мечей мы можем представить по археологическим находкам. В материалах пшеворской культуры М. Биборский насчитал 11 типов длинных двулезвийных и 4 типа длинных однолезвийных мечей (Biborski 1978: 163—165), в черняховской культуре мечи середины III — середины IV в. имели длину 80—95 см с черенком до 12 см; они носились в ножнах из дерева, иногда с металлическим наконечником (Магомедов, Левада 1996: 304—305, 319; Магомедов 2001: 77—78). Визиготский меч из Даганзо имел длину 87 см с рукояткой, обшитой деревом и кожей. Он носился слева в кожаных ножнах с серебряными накладками (Zeiss 1934: 65, 150; Bruhn de Hoffmeyer 1972: 79; Ardanaz Arranz, Rascón Marqués, Sánchez Montes 1998: 414, fig. 2). О подобной длине меча говорит и тот факт, что на меч могли опираться при разговоре (Claud. XXVI (De bel. Goth.), 487). Высококачественные стальные клинки служили дипломатическими подарками. Вспомним, как в 523 или в 526 г. Теодорих восхищался качеством и внешним видом мечей, присланных ему варнами (Cassiod. Var., V, 1, 1).⁸

Достаточно сложно атрибутировать свидетельство автора «Стратегикона» о «коротких мечах, висящих ... на плечах» у воинов белокурых народов (Mauric. Strat., XI, 3, 2). При этом автор вообще не упоминает длинные мечи на вооружение германцев, и это странно, так как у последних в середине I тыс. н. э. спаты были обычным оружием. Мы также не можем думать, что в данном пассаже автор сопоставляет хорошо известные его читателям длинные византийские мечи с германскими, которые, при таком сравнении, оказывались более короткими. Насколько нам известно, длина спат в Европе была примерно одинаковой (Haldon 1975: 31). Не мог ли автор «Стратегикона» по античной традиции архаизировать свою информацию и сообщать современникам сведения, взятые из более древних источников? Ведь Тацит (Тас., Germ., 44) упоминает, что готоны и соседние народы отличаются своими «breves gladii», которые Б. Контны сопоставляет с короткими одно-

лезвийными мечами из Померании I в. до н. э. (Kontny B. 2008: 181—184, 201). Также на поселении Ягнятин (Житомирская область) обнаружен меч со следами ремонта общей длиной 60 см (Kokowski 1993: 336, 347, fig. 3d; Магомедов, Левада 1996: 319, 559, рис. 2: 8; Магомедов 2001: 77). Эта находка единична и, кроме того, она имеет гораздо более раннюю датировку (Kokowski 1993: 336). Уж не полумеч ли — «semispatha» это? Подобный короткий меч, висящий слева на поясе, в ножнах со скобой, мы видим у варвара — персонажа диптиха с изображением деяний св. апостола Павла (Delbrück 1929: № 69). Впрочем, учитывая, что в других местах «Стратегикона» описываются современные автору враги Империи (что и не удивительно для военного руководства, своего рода устава), говорить об архаизации у автора только в описании оружия, по видимому, не стоит.

Можно подумать, что Маврикий говорит о кинжалах, ведь последние отличались от недлинных мечей не столько формой, сколько меньшей длиной. Впрочем, кинжалы обычно носились не на плечевой портупее, а на поясе, ведь это не такое тяжелое оружие, как меч, и для него вовсе не обязательна отдельная портупея. Однако, считается, что испанские визиготы в VI—VII вв. носили кинжалы и ножи на правом боку, а именно, на плечевой портупее (Ardanaz Arranz, Rascón Marqués, Sánchez Montes 1998: 441, fig. 16). В визиготской Испании ножи и кинжалы длиной 12—24 см — наиболее часто встречающийся среди археологических находок элемент вооружения, что говорит об их распространении (Ardanaz Arranz, Rascón Marqués, Sánchez Montes 1998: 420—425, 443—445).

В уже упоминавшемся указе Эрвига речь шла и о длинных однолезвийных тесаках, названных в документе «scrami», которые также состояли на вооружении готов. В Испании в VII в. эти тесаки двух типов длиной 36—75 см считаются появившимися тут под франкским влиянием (Zeiss 1934: 65; Kazanski 1991: 101; Ardanaz Arranz, Rascón Marqués, Sánchez Montes 1998: 416—417, 442—443; Окешотт 2004: 139—142). Хотя, для более раннего времени нельзя говорить о большом значении скрамасака в готской паноплии.

Однажды хронист третьей четверти VII в., известный под именем Фредегара, упоминает некое готское оружие, именуемое им уникальным словом *uxus* (Fredeg., II, 58). Это оружие посол франкского короля Хлодвиг Патерн заметил в руках визиготов вместо посохов на приеме у визиготского короля Алариха II (484—507 гг.). Какой вид оружия

⁸ Подробнее о мечах эпохи Великого переселения народов см.: Окешотт 2004: 105—125, о готских мечах, в частности: с. 131—132. Оружие в то время было самым обычным государственным подарком (Isid. Hist. Goth., 33).

№4. 2010

имел в виду хронист, остается только гадать: в руках у знатных готов во время приема могло быть, в первую очередь, рубящее оружие, типа мечей, хотя также нельзя исключить и древковое — копья. Фредегар еще раз упоминает слово «ихус», рассказывая о поединке императора Ираклия с неким персидским «патрицием» летом 626 г. (Fredeg., IV, 64). Император, выйдя на единоборство, спросил перса, почему тот направляется на поединки не один, заставив его обернуться, а сам в это время, прищпорив коня, отсек противнику голову с помощью «ихус». Современные комментаторы Фредегара обычно рассматривают данное слово как обозначение короткого меча или даже скрамасакса, а само слово возводят к персидскому «ākus» — «зубило» (MGH. SRM. T. II. 1888: 82, n. 7; Devillers O., Meyers J. (2001) ad h.l.: 156, n. 504). Отсечь голову можно было достаточно мощным клиновым оружием или же секирой. Посмотрим, как этот же эпизод описывает константинопольский архиепископ Никифор (VIII—IX вв.) в своем «Бревиарии». В изложении Никифора появляются другие детали. Персидский военачальник Ризат стал вызывать византийцев на единоборство. Поскольку никто не откликнулся, то пришлось выйти самому императору, которого перс стал обстреливать из лука. «Сам же Ираклий стал погонять коня, но кто-то из его копыеносцев, опередив царя, отсек плечо Ризата мечом, а царь поразил его, упавшего, копьем и тут же отсек его голову» (Nicip.: 19, ll. 12—15). Вряд ли император стал спешиваться, чтобы отрубить голову — для этого у него были телохранители. Можно полагать, что он просто наклонился с коня и обезглавил труп врага неким достаточно длинным оружием, каковое могло быть как мечом, так и секирой.

Прямо о вооружении готов кинжалами упоминает Аммиан Марцеллин (Amm., XXXI, 7, 12: mucrones; ср.: Salvian. De gubernat. dei, V, 57). Также о некоем гетском, то есть готском, ноже рассказывает Марцеллин Комит как об орудии убийства (Marcel. Com., a. 514, 3: culter Geticus). Кинжалы, обнаруженные в материалах черняховской культуры, имеют длину 34—44 см; лезвие у них обоюдоострое с вырезами у пяты (Магомедов, Левада 1996: 305—306; Магомедов 2001: 78). М. Б. Щукин объясняет назначение вырезов на обеих сторонах лезвия тем, что это орудие использовалось при двуручном фехтовании для удержания неприятельского клинка (Ščukin 1993: 327). Однако данное предположение нельзя поддержать, учитывая, что, во-первых, основная масса готов носила щиты, и ле-

Рис. 4. Золотая монета-медальон Теодориха Великого, отчеканенная в Риме после 500 г. Аверс — Rex Theodericus Pius Princ is (= princeps invictus semper, princeps invictus/invinctissimus) с Викторией на державе, реверс — Rex Theodericus Victor gentium с Викторией. Из монеты позднее была сделана фибула. Воспроизведено по: Delbrück 1929: № 46.

вая рука у них была занята; во-вторых, судя по опубликованным данным, меч не встречен ни разу в одном погребении с кинжалом в материалах черняховской культуры (Kokowski 1993: 353—354; Магомедов, Левада 1996: 313—319), а в-третьих, у нас нет данных о подобном способе действий не только у готов, но и у германцев вообще.

Готские пехотинцы могли использовать и секиры во время боя. Так, в уже упоминавшемся пассаже Аммиана Марцеллина (Amm., XXXI, 13, 3), рассказывающем о битве при Адрианополе, говорится, что «взаимными ударами секир («secures») проламывались шлемы, а также панцири». По тексту Аммиана Марцеллина получается, что идет речь о секирах обеих сторон, но поскольку упоминаемое защитное вооружение более характерно для римлян, то секиры, скорее, должны принадлежать их противникам. Б. В. Магомедов (Магомедов 2001: 79) полагает, что топоры — 24 штуки, найденные на памятниках черняховской культуры, являются именно оружием, а не рабочим инструментом. Однако секира, судя по письменным источникам, была оружием, не характерным для готской паноплии, ее, скорее всего, применяли sporadически, в частности, на охоте (Procop. Bel. Pers., II, 21, 7). В данной битве появление этого оружия у готских воинов опять же можно объяснить нехваткой оружия, которое изъяли римские власти у готов при переправе через Дунай. В военных кампаниях секиры использовали как шанцевый инструмент, например, для снятия засовов с ворот (Procop. Bel. Goth., III, 20, 15) или даже как метательное оружие при обороне города (Agath., I, 9). Причем в последнем случае это, скорее всего, было не специальным метательным оружием типа франкской франциски, а простым топором, который

бросали со стены наряду с камнями, бревнами и прочими тяжестями, что попадались под руки (Agath., I, 9). Лезвия топоров встречаются среди оружия черняховской культуры. Форма их простая: асимметричное лезвие расширяется книзу; обух чаще прямой, реже трапециевидный или округлый. Подобная форма топоров встречается и в материалах вельбаркской культуры (Магомедов, Левада 1996: 307—308, 562, рис. 5; ср.: Kokowski 1993: 337, 346, figs. 2p, z; 4f—1). Секира с длинным загнутым книзу бойком, обнаруженная в визиготском погребении 14 в Дезе (пров. Сория), также рассматривается как инструмент, а не оружие (Zeiss 1934: 65, 162. Taf. 27, 16). Однако и ее могли использовать как настоящее оружие. По крайней мере, папа Григорий Великий (590—604 гг.), передавая сведения, полученные им из Испании, рассказывает, что сына короля Леовигильда Германигильда убили в темнице, ударив секирой по голове в 585 г. (Greg. Dial., III, 31, 4: securis; ср.: Paul. Diac. Hist. Lang., III, 21), что сделал, согласно Иоанну Бикларскому, Сисберт, вероятно, знатный гот (Joan. Biclar., a. 585).

Древние германцы не славились как лучники, и готы в этом плане не составляли исключения: стрелки никогда не были для них значимым родом войск. Тем не менее, как видно из фрагмента «Скифской истории» Дексиппа (frg., 18), готские войска уже в середине III в. включали легковооруженных воинов, очевидно, лучников (Dexipp. frg., 17b), но насколько они были многочисленны тогда, сказать сложно. Возможно, не очень, хотя археологи полагают, что именно с III в. роль лука у германцев растет (Schlette 1977: 130). Иордан (Get., 43) также отмечал древнюю страсть готов натягивать тетиву лука, ссылаясь при этом на римского поэта I в. н. э. Марка Аннея Лукана (VIII, 221), у которого, естественно, речь шла о собственно гетах. Видимо, готский историк VI в. действительно полагал, что лук был типичным готским оружием в древности. Клавдиан (XXI (De cons. Stilich. I), 112), рисуя характерные черты и вооружение варваров-противников, также традиционно выделил гетов, как он именовал готов, натягивающих лук. Уже в последней четверти IV в. в готском войске лучников было достаточно много, на что обратили внимание латинские авторы, рассказывающие о разгроме римлян под Адрианополем, где их поражали тучи стрел (Veget., I, 20; Oros. Hist., VII, 33, 14; Paul. Diac. Hist. Rom., XI, 11). Действительно, дети знатных визиготов учились стрелять из игрушечного лука, как это делал Аларих (Claud. XXVI (De bel. Goth.), 495—496). Молодой ко-

роль Теодорих II (453—467 гг.), хотя и презирал лук как негероическое оружие, метко стрелял из него на охоте и даже умел натягивать тетиву двумя способами (Sidon. Epist., I, 2, 5). Визиготы и позднее, в VII в., охотно использовали луки для пешей охоты (Vita Fructuosi, 5). И, как мы помним, именно стрелы упоминаются в указе Эрвиги среди оружия, рекомендованного сервам. В это время лук, видимо, перестал считаться визиготами неким маргинальным оружием, ведь около 614 г. король Сисебут послал патрицию Цезарию — губернатору византийской провинции — в качестве посольского дара в честь заключения мира свой лук, а позднее, в 711 г., в Толедском кафедральном соборе мусульмане наряду с прочим votивным оружием обнаружили и луки (Epist. Wisig., 4; al-Makkari, p. 283).

Несомненно, особенно эффективны лучники были при обороне (Merob., II, 159). В 670-х гг. лучники визиготов активно сражались во время осад: стрелы, наряду с легкими копьями и камнями, были основным оружием дальнего боя, что, впрочем, и естественно (Julian. Hist. Wamb., 12; 13). Итальяское государство также заботилось о стрелках. Еще во второй половине V в. (остро)готы на римской службе при необходимости использовали луки (Malal.: 371, ll. 16—18; Joan. Nic. Chron., 89). А в 525/6 г. указ Теодориха Великого префекту претория Абундацию предписал отправить сайона Таты с лучниками к комиту Вилиарию для усиления сил последнего, по мнению Х. Вольфрама, в гарнизоне Неаполя (Cassiod. Var., V, 23; Вольфрам 2003: 434, прим. 75).

Письменная традиция более чем скудна в отношении описания конструкции лука и стрел. В общем, для древних германцев характерен простой лук. Однако три десятка луков, найденные в жертвенном месте Вимозе (Дания), имеют на концах усиления из рога или железа (Schlette 1977: 130). Судя по находке костяной накладке из погребения 50 у села Беленькое, лук мог быть составным с накладками, так называемого «гуннского типа» (Магомедов, Левада 1996: 309, 313; Магомедов 2001: 77). Обычно такой лук был сложносоставным, имел большой размер, 1,2—1,5 м, с костяными накладками на кибишь для усиления мощности (Никоноров 2002: 278—279). В 378 г. во время штурма Адрианополя лук у готов по размеру был аналогичен римскому, поскольку готы брали стрелы противника и стреляли ими обратно (Amm., XXXI, 15, 11). Подобный лук был достаточно мощным. Вспомним, что брат короля Тейи Алигерн, считавшийся отличным луч-

№4. 2010

ником, поразил из укрепления византийского командира, пробив при этом щит и железный панцирь (Agath., I, 9). Рельеф обкладки кафедры Максимиана показывает у исаилита в библейской сцене продажи Иосифа братьями большой сложносоставной лук гуннского типа; это же оружие для охоты использует Исав на миниатюре «Турского Пятикнижия» (вторая половина V — начало VII в.; Matt 1971: Abb. 131; Narkiss 2007: 94—95, lámina 22). Видимо, данный мощный лук остроготы действительно и использовали. Испанский оружейвед А. Хоффмейр на основании мозарабских миниатюр (X в.), изображающих визиготские сюжеты, также предполагает, что в готской Испании использовали Σ -видный азиатский лук (Bruhn de Hoffmeyer 1972: 89). Судя по миниатюре Пятикнижия, лук носился в налучье восточного типа слева у пояса.

Стрелы, естественно, носились в колчане (Claud., XXVI (De bel. Goth.), 495—496; Sidon. Epist., V, 12, 1: pharetra). Колчаны из жертвенного места в Вимозе были сделаны из кожи или дерева и вмещали 20 стрел (Schlette 1977: 130). Исав на вышеупомянутой миниатюре носит прямоугольный закрытый сужающийся кверху колчан с левого бока у пояса или слева за спиной. В последнем случае можно предполагать простой походный способ ношения, когда оружие не предполагалось использовать.

О конструкции стрел источники почти ничего не говорят. Аммиан Марцеллин (Amm., XXXI, 7, 14) в описании битвы при Салициях называет стрелы обеих сторон «тростниковым оружием». Это, с одной стороны, может быть просто метафорическим описани-

ем, а с другой, учитывая, что тростник был весьма распространенным материалом для древка, можно посчитать данную информацию вполне корректной. Один раз Прокопий, описывая ранение одного из щитоносцев Велизария готской стрелой, которая попала ему в лицо, упоминает, что древко было снабжено наконечником, «имеющим сзади три острия» (Procop. Bel. Goth., II, 2, 17; 28). Видимо, под «тремя остриями» сзади имеются в виду не шипы, последовательно идущие снизу от наконечника, которые не характерны для европейского оружия, а три лопасти, срезанные под острым углом к черешку. Из существовавших в середине I тыс. н. э. типов стрел данная характеристика лучше подходит к трехлопастному ступенчатому (ярусному) наконечнику с треугольной боеголовкой и с тремя срезанными лопастями. В причерноморских степях и в Венгрии найдено несколько подобных наконечников, появление которых связано с гуннами, ведь подобная форма господствовала в Забайкалье и Монголии (Засецкая 1983: 71, 77). В другом пассаже Прокопий (Procop., Bel. Goth., II, 5, 25—27) упоминает железный наконечник, «имеющий большое и длинное острие», которое застряло в лице под глазом, тогда как слабо закрепленное древко выпало; само же острие стало при этом невидимым. Хотя автор и называет наконечник большим, но при таком ранении он, очевидно, имел длину всего лишь несколько сантиметров. Не ясно, специально ли наконечник слабо крепился к древку, чтобы оно выпадало из раны, оставив острие в теле, или просто он был, в данном случае, слабо закреплен. Об обычных типах наконечников стрел

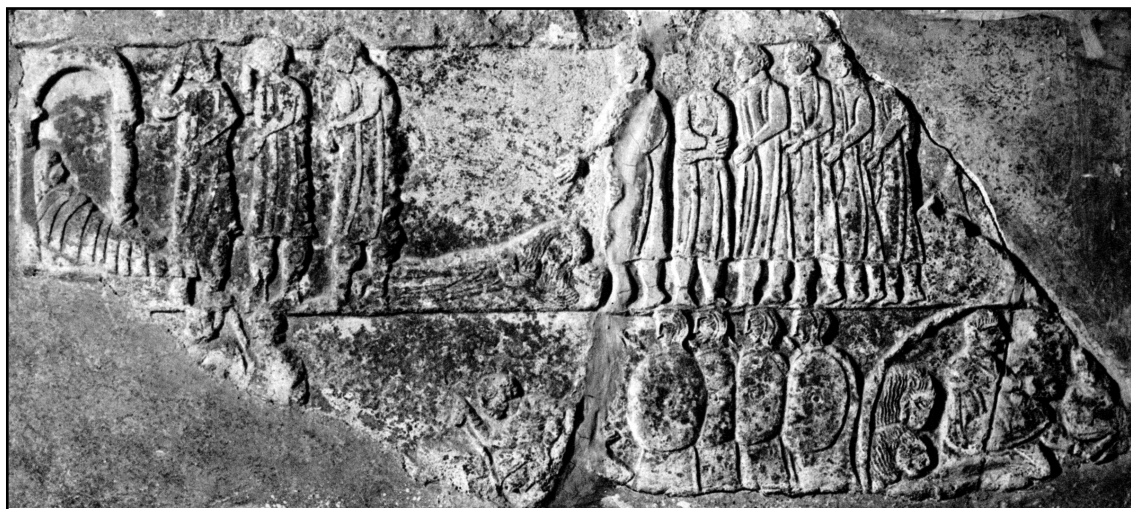

Рис. 5. Фрагмент передней стороны саркофага, происходящего из Алкаудете (первая половина V в.), Национальный археологический музей в Мадриде. На саркофаге изображены библейские сюжеты: погребение Лазаря, Даниил во рву со львами, Давид перерезает горло Голиафу. Воспроизведено по: Ars Hispaniae 1947: 239, fig. 240.

свидетельствуют материалы черняховской культуры, в которых найдены плоские железные черешковые или втульчатые наконечники с листовидным или ромбическим острием, иногда с двумя шипами (Магомедов, Левада 1996: 309—310; Магомедов 2001: 80—81).

Лук и стрелы были наряду с метательным копьями основным оружием дистанционного боя, однако готы использовали и другое оружие дальнего боя. Аммиан Марцеллин (Амм., XXXI, 7, 14), описывая битву при Салициях, упоминает, что раны воинам наносились пулями из пращи. Так не могли ли у готов быть воины, вооруженные пращой? Вспомним, что хотя праща и не была распространенным оружием у германцев, тем не менее, ею пользовались (Скобелев 2001: 84—85, 90, табл. 3, рис. 1). Обычно же готы при недостатке метательных снарядов и необходимости вести метательный бой при осадах просто метали камни рукой и в середине III в. (Dexipp. frg., 17b), и в последней трети VII в. (Julian. Hist. Wamb., 12; 13; 18). Для этого способа метания не нужно было учиться, как для стрельбы из пращи, хотя он и был менее дальнобоен. Однако, видимо, метали камни те же щитоносцы, которые вынуждены были вести дальний бой и использовали при этом подручные средства. Если бы существовали какие-то специальные прашники, то они могли быть упомянуты авторами при подробных описаниях осад в III в. Пули же для пращи, упомянутые Марцеллином (*glandes*), очевидно, относятся к римским метателям, тогда как раны — к их противникам готам. Однако позднее, согласно указу Эрвига, господа должны были вооружать некоторых из своих сервов, приводимых в армию, наряду с прочим оружием, еще и пращами (LV, IX, 2, 9). Можно полагать, что это была местная, а не готская традиция, и пращами были вооружены испанцы. Также нельзя быть уверенными, что мужчина в меховой рубаше, изображенный на чаше из Петроасы (Румыния, IV в.) и считающийся готом, держит в правой руке именно пращу, как обычно полагают (Dunăreanu-Vulpe 1967: 23, Abb. 19).

Теперь обратимся к комплексу вооружения всадника. Германский конник был, по традиции всадников, щитоносцем с копьем в качестве главного наступательного оружия (Тас. Germ., 6). Всадники, хотя и не многочисленные, имелись у готов уже в середине III в. Позднее, в последний четверти IV в., во время действий на Балканах наиболее эффективна была конница остроготов, тогда как у визиготов всадниками были в основном вожди и их сопровождающие. В Италии во второй трети VI в. основная масса остроготских во-

инов стала конной, как и визиготская знать в Испании (Sanchez-Albornoz 1970: 18—20).

Переходя к рассмотрению вооружения всадника, стоит заметить, что древние германцы для боя с коня не использовали пики, а сражались копьем и щитом (Тас. Germ., 6). Исторические письменные источники прямо не упоминают наличие щита у рядовых всад-

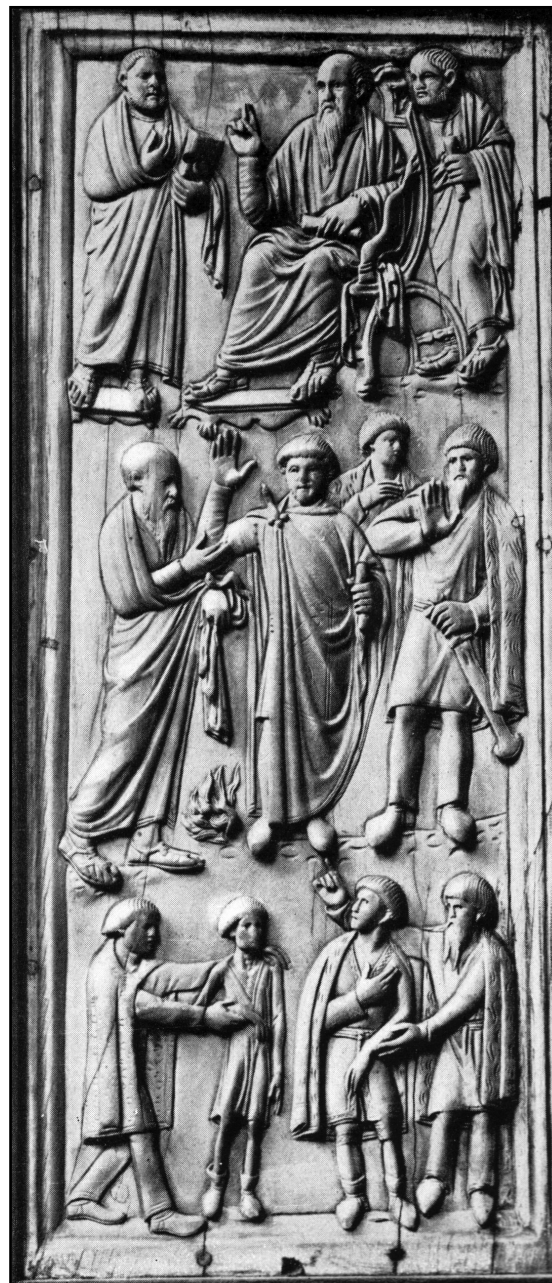

Рис. 6. Левая сторона диптиха из слоновой кости из окрестностей Майнца (вторая половина IV в.). История апостола Павла. Вверху Павел сидит в кресле со свитком. В среднем регистре: апостол перед проконсулом в хламиде с фибулой, справа от последнего — гвардейцы, один из которых варвар в накиннутой меховой куртке. Снизу: четыре человека, в кафтанах и накиннутых куртках. Воспроизведено по: Volbach 1952: Taf. 32, 108.

ников италийских готов, а Прокопий вкладывает в уста опытного полководца Велизария такую характеристику готских конников: «... всадники, если не происходит рукопашная, не имея, чем защищаться против противников, использующих луки, и легко обстреливаемые, гибнут» (Procop. Bel. Goth., I, 27, 27). Из данного пассажа, как мне кажется, явствует, что в VI в. щиты всадники остроготов не использовали. Об этом же говорит и то, что во время военно-цирковых конных упражнений, которые демонстрировал в начале битвы при Тагине (552 г.) Тотила, он перебрасывал копье из одной руки в другую (Procop. Bel. Goth., IV, 31, 19—20), что было бы сложно сделать при наличии щита в левой руке. Когда готы спешивались, они брали в руки щит, который королю подносили оруженосцы (Procop. Bel. Goth., IV, 35, 22—29). Естественно, в определенной мере отсутствие щита могло быть компенсировано наличием у конных воинов панцирей и шлемов.

Вместе с тем, использование щита всадниками готов можно найти в сложно и различно интерпретируемых пассажах «Стратегикона» Маврикия и в истории архиепископов Равенны, написанной священником Агнеллом в IX в. Маврикий (Maur., Strat., III, 5, 6) рекомендует прикрывать передовым всадникам голову и конскую морду щитом от вражеских снарядов, положив при этом копье на плечо, как это делают «белокурые народы». Можно полагать, что использование щита тут является византийской практикой, тогда как с германцами кавалеристов объединяет лишь манера несения копья в скачке; да и вообще автор «Стратегикона» мог вообще сравнивать данный прием с германцами вообще, а не с готами. Агнелл еще в начале IX в. сам видел во дворце Теодориха в Павии мозаику, представляющую конного короля, одетого в панцирь и держащего копье в правой руке, а в левой — щит (clipeus), который был украшен изображением богини Ромы, носящей шлем и копье. По бокам от короля стояли персонафицированные изображения городов Равенны и Рима. Агнелл также знал, что Карл Великий вывез из Равенны статую Теодориха, сидящего на позолоченной бронзовой лошади, который держал в правой поднятой руке копье, а в левой — щит (scutum) (Agnell., 94). Эта статуя была перевезена в Аахен в 701 г., где украсила дворец Карла. Однако, опять же сложно сказать, насколько изображения вооружения Теодориха совпадали с реальным: и мозаика, и статуя явно несли на себе идеологическую нагрузку, прославляющую власть короля, и были сделаны по позднеримским образцам.

Кроме того, королевское вооружение могло отличаться от стандартной паноппии рядового всадника.

В IV—VI вв. всадники западных и восточных готов имели на вооружении копья-контосы и мечи.⁹ Данное копье было длинным, о чем сообщает Прокопий (Procop., Bel. Pers., II, 18, 24; ср.: Procop. Bel. Goth., II, 2, 22; III, 30, 13; IV, 29, 26—27; 32, 6; 8). Это копье Прокопий называет, архаизируя свой язык, не «κοῦτός» или, по современной ему византийской традиции — «κοῦτόριον», а просто — «копье» («δόρυ»), тогда как термин «κοῦτός» у него имеет древнее первоначальное значение — «шест» (Procop. Bel. Vand., I, 13, 3; 7; 6, 20; Bel. Goth., IV, 11, 33; 34; 37; 60; 23, 32; 31, 9; 35, 30).

Очень приблизительную длину пики всадника можно определить из описания Прокопием (Procop., Bel. Goth., III, 4, 21—29) поединка двух конных копьеносцев, византийского Артабаза и готского Валариса. При сближении Артабаз ранил гота в правый бок (это, скорее всего, говорит о том, что всадники скакали друг на друга, имея противника справа), а копье гота, упершись концом в камень и встав почти вертикально, поразило византийца в шейную артерию, пойдя через панцирь. Принимая высоту человека на коне около 2,5 м, можно примерно подсчитать, что длина копья гота была более этой величины, так как оно все же не могло стоять абсолютно вертикально. Согласно Прокопию, копье всадника имело железный наконечник, который мог пробить вражеский панцирь (Procop. Bel. Goth., III, 4, 26). Видимо, наконечник был небольшим, приспособленным к проникновению через защитное вооружение противника, но в то же время он представлял собой перо, способное нанести кровобоильную рану. Как явствует из погребения 196 с удилами из Компанийцев, копья всадников могли иметь простой достаточно узкий листовидный наконечник (Kokowski 1993: 343, № 38; 346, fig. 2c).

Обычно полагают, что контос появился у готов под сарматским влиянием (Boss 1994/95: 24; ср.: Müller 1998: 108—111). И, следовательно, мы можем говорить о двуручном копье, подобном тому, что изображено на блюде из Изола-Рицца. Действительно, нельзя отрицать сильного влияния соседей-сарматов на готов в области не развитого у последних

⁹ Контос — Claud., XXXVI (De bel. Goth.), 484—485; XXVIII (De VI cons. Stilich.), 270; Oros. Hist., VII, 33, 14; Jord. Get., 261 (ср.: lancea — Agnell., 94); меч — Procop. Bel. Goth., I, 27, 27; Greg. Turon. Hist. Franc., II, 37.

всаднического искусства. Подобное влияние сарматы также оказали на германцев-квадов, воины которых к середине IV в. стали всадниками (Amm., XVII, 12, 2—3). Мы даже можем говорить о появлении в Италии у готов настоящих всадников-катафрактов, сражавшихся на защищенных конях длинным копьем (см. далее).

Нельзя исключить, что такое длинное копье имело петлю для удобства ношения. Ведь, по версии Евагрия о смерти Теодориха Страбона (481 г.), последний, упав с коня, погиб, наткнувшись на «приготовленное к бою копье», которое «было для него привешено за петлю перед палаткой по варварскому образцу» (Evag. Hist. eccl., III, 25; ср.: Joan. Ant. frg., 211, 5; Theophan., p. 126, ll. 17—19). Скорее всего, копье, приготовленное для предводителя остроготов, было предназначено для боя верхом. Вспомним, что автор «Стратегикона» (Mauric. Strat., I, 1, 5; 2, 2) рекомендовал своим всадникам иметь копье с петлей для забрасывания оружия за плечо, когда нужно было стрелять из лука, действуя двумя руками. Видимо, Маврикий рассказывает в данном пассаже, главным образом, об опыте аваров, от которых подобный способ ношения копья за центральную петлю заимствовали византийцы, ведь по Маврикию (Maur., Strat., XI, 2, 6), такой способ ношения был известен «скифам», то есть гуннам, аварам и тюркам в VI в. Если информация Евагрия верна, то уже к 481 г. готы заимствовали от кочевников подобный способ ношения копья. Хотя надо отметить, что гунны, как и другие средневековые кочевые народы, копья практически не использовали (Никоноров 2002: 287). А если у Маврикия речь шла об аварах или тюрках, то, судя по временной шкале, непосредственно от них заимствование в V в. произойти не могло. Тем более, что использованию петли, казалось бы, противоречит свидетельство Маврикия (Strat., III, 5, 6) о том, что у «белокурых народов» всадники при скачке в ходе наступления, но еще вдали от врага, держали копье на плече. Впрочем, возможно, перед атакой копье держали на плече, поскольку так удобнее было пустить его в действие и — главное — рука не так уставала. Подобный способ ношения пики мы, например, видим, на надгробии всадника-контария I алы канни-нефатов, германцев по происхождению — батавов, установленных к концу I в. в Герулате в Верхней Паннонии (совр. Словакия, II в.; Speidel 2004: 136—138, fig. 14. 2). Кажется поэтому вероятным, что обычные пики всадников были без петли, которая распространится позднее, в VI в.

Даже у итальянских готов, несмотря на государственное обеспечение оружием, не все всадники были вооружены длинными копьями. Так, из некоторых пассажей Прокопия вытекает, что конники имели на вооружении небольшие копья *δρατῖα*, которые подчас синонимично именуются «ἀκόντια» — «дротиками» (Procop. Bel. Goth., I, 18, 7; 27, 27; II, 2, 11; 30; III, 11, 24). Последние готы действительно метали во время конного боя (Procop. Bel. Goth., I, 18, 10). У визиготских всадников еще на рубеже VI—VII вв. на вооружении были не только копья для ближнего боя, но и метательные, причем последние были любимым оружием, как об этом заметил современник, епископ Исидор (Hist. Goth., 69—70): «Впредь они достойны внимания в искусстве владения оружием и сражаются верхом не только копьями, но и дротиками. И удивляют не только конной, но и пешей битвой. Хотя более они полагаются на стремительную скачку (*praepeti cursu*) всадников, отчего и поэт сказал: “Гет, который выступает на коне”. Ведь они особенно предпочитают упражняться с дротиками (*telis*) и битвы начинать ими. Они ежедневно ведут полезные боевые состязания». Таким образом, для визиготских всадников была характерна стремительная атака с метанием древкового оружия. Такой способ действия подтверждается, видимо, и рассказом Григория Турского (Hist. Franc., II, 37) о битве при Пуатье в 507 г., где готы предпочитали сражаться издали, а франки вблизи. Возможно, всадники, вооруженные не пикой, а более легким копьем, могли иметь на вооружении еще и щит, продолжая тем самым древнегерманскую традицию конного боя, тогда как конные пиконосцы появились у готов под иноземным влиянием. Действительно, в погребении № 11 в Даганзоде-Арриба было найдено два наконечника копья и длинный меч в богатых ножнах (Zeiss 1934: 65). Поскольку визиготская знать сражалась на конях, то, вероятно, молодой человек, погребенный здесь, был всадником.

Еще одним элементом иноземного, в данном случае кочевого, влияния следует признать использование готами в боевых действиях аркана. Так, Иоанн Малала (p. 364, ll. 11—17) рассказывает об одном эпизоде из истории римско-персидской войны 421—422 гг., о поединке гота Ареобинда, комита федератов, и перса из отряда бессмертных Ардазана: «и вышли оба конными и вооруженными. Ареобинд носил еще и аркан по готскому обычаю. Первым же перс двинулся с контосом, но Ареобинд, повернувшись на правую от него сторону, поймал его арканом и, скинув

№4. 2010

с коня, заколол». Таким образом, готский командир действовал арканом весьма умело: он увернулся от удара вражеской пики и, накиннув аркан на противника, сбросил его на землю, а затем прикончил. Причем, Иоанн Малала указывает, что ношение аркана было именно готским обычаем, а не обычаем какого-то другого этноса, что говорит о типичности использования ими этого оружия, по крайней мере, в представлении авторов VI в. (Müller 1998: 114—115). Также, вероятно, в начале V в. визиготы короля Атаульфа использовали арканы, которыми (а не щитами или мешками, как иногда полагают) был пойман военачальник Сар, о чем можно судить по чтению манускрипта А «Библиотеки» патриарха Фотия, пересказывающего здесь «Историю» фиванца Олимпиодора (Olymp., frg. 17 = Phot. Bibl., 80,58b; Никоноров 2002: 288—289).

Для древних германцев защитное вооружение для коня — совершенно инородное явление, однако, возможно, готы в Италии его все же использовали. Прокопий (Procop., Bel. Goth., I, 16, 11) отмечает, что Витигис пошел под Рим, «ведя конных и пеших не менее, чем пятнадцать мириадом, и из них большинство было бронированными вместе с конями». Справедливо считается, что речь идет о всадниках, скакавших на конях с защитным вооружением (Müller 1998: 100; Вольфрам 2003: 435, прим. 85). Однако оборонительное вооружение для коней не было распространено даже у византийцев. В VI в. у них рекомендо-

валось прикрывать железной или неметаллической броней грудь, шеи и морды животных, на которых скакали офицеры и отборные воины (De re strat., 17, 3; Mauric. Strat., I, 2, 6), то есть должны были быть защищены кони всадников, стоящих на фронте, наиболее уязвимые к поражению со стороны врагов. Если мы понимаем фразу Прокопия как свидетельство существования у готов коней, прикрытых защитой, то последнее, скорее всего, как и у византийцев, состояло из налобника, нагрудника и «ошейника». Поскольку для германцев защита коней не характерна, то ее выдали с государственных оружейных фабрик, сохранившихся с римских времен. Цель подобного мероприятия была ясна: защитить не только человека, но и коня от византийских лучников, которые значительно превосходили своим мастерством готов.

В целом можно сказать, что основная масса готской пехоты, по древнегерманской традиции, представляла собой щитоносцев, вооруженных различного рода копьями в качестве оружия для дальнего боя и мечом и кинжалом для ближнего. Большой круглый или овальный щит достаточно надежно защищал бойца, не делая необходимым прочее защитное вооружение. Именно с помощью большого щита готы составляли свое традиционное боевое построение — «стену щитов», эффективно прикрывавшее от метательных снарядов врага. Дальний бой вели лучники, на вооружение и умение которых оказали влияние соседние народы. По источникам складывается впечатление, что стрельба была более развита у визиготов, чем у их восточных сородичей. Можно поддержать традиционное мнение о том, что конница была более развита у остготовов, у которых она получила развитие под сармато-аланским кочевым влиянием. Если в конце V в. готские всадники были во многом ездящей пехотой, то после завоевания Италии и налаживания государственного снабжения оружием и конями, они отчасти стали даже катафрактами с конями, защищенными на византийский манер и вооруженными по сарматскому образцу пиками, предпочитавшими ближний бой, на ведение которого накладывал отпечаток еще и племенной «героический» этос. Визиготы же, в более чистом виде, сохранили германские военные традиции, а конница приобрела у них значение позднее, в Галлии и в Испании, однако и она продолжала сражаться в основном с помощью метательного оружия, прикрываясь щитом, тогда как конные копейщики, вооруженные, возможно, по римско-сарматскому образцу, пользовались меньшей популярностью.

Рис. 7. Фрагмент императорского диптиха. Государственная библиотека Гамбурга, (середина V в.). Виктория поражает варвара, видимо, германца. Сзади стоит другой германец, в накиннутой меховой куртке. Воспроизведено по: Volbach 1952: Taf. 12, 46.

Литература

- Вольфрам Х. 2003. *Готы: от истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии)*. Пер. с нем. Б. П. Миловидова, М. Ю. Некрасова. Санкт-Петербург.
- Засецкая И. П. 1983. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV—V вв. н. э.). В: А. С. Скрипкин (отв. ред.). *История и культура сарматов: Межвузовский научный сборник*. Саратов, 70—84.
- Контамин Ф. 2001. *Война в средние века*. Пер. с франц. Ю. П. Малинина, А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова. Санкт-Петербург.
- Магомедов Б. 2001. *Черняховская культура: проблема этноса*. Lublin. (Monumenta studia Gothica. T. I.).
- Магомедов Б. В., Левада М. Е. 1996. Оружие черняховской культуры. *МАИЭТ*. V, 304—323, 558—566.
- Никоноров В. П. 2002. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции. В: *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*. Новая серия, I (XXVI), 223—323.
- Окшотт Э. 2004. *Археология оружия: От бронзового века до эпохи Ренессанса*. Пер. с англ. М. К. Якушиной. Москва.
- Радюш О. А., Скворцов К. Н. 2008. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры. В: *Sarmatia-Germania: Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов*. Сборник материалов. Калининград, 122—157.
- Ardanaz Aranz F., Rascón Marqués S., Sánchez Montes A. L. 1998. Armas y guerra en el mundo visigoto. *Arqueología, paleontología y etnografía*. Vol. 4: *Jornadas internacionales "Los visigodos y su mundo"*. Ateneo de Madrid. Noviembre. 1990. Madrid, 409—452.
- Ars Hispaniae: Historia universal del arte hispánico*. II. Madrid, 1947.
- Die Alamannen* 1998. (Red. K. Fuchs, M. Kempa, K. Redies, B. Theune-Großkopf, A. Wais). Stuttgart; Zürich; Augsburg.
- Biborski M. 1978. Miecze z okresu wpływów rzymskich na obszarze kultury Przeworskiej. *Materiały archeologiczne* 18, 53—165.
- Bierbrauer V. 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. (Biblioteca degli studi medievali. 7). Spoleto.
- Bitter N. 1976. *Kampfschilderungen bei Ammianus Marcellinus*. (Habelts Dissertationsdrucke. Reihe klassische Philologie. 23). Bonn.
- Bivar A. D. H. 1972. Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier. *Dumbarton Oaks Papers* 26, 271—291.
- Boss R. 1994/95. The Sarmatians and the Development of the Early German Mounted Warfare. In: *Ancient Warrior*. 1. Winter, 18—25.
- Bruhn de Hoffmeyer A. 1972. *Arms and Armours in Spain: A Short Survey*. I. (Gladius. Tomo especial, 1971). Madrid.
- Delbrück R. 1929. *Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler*. Berlin; Leipzig.
- Devillers O., Meyers J. (eds). 2001. *Frédégaire. Chronique des temps mérovingiens*. Traduction, introduction et notes par O. Devillers, J. Meyers. Turnhout.
- Diesner H.-J. 1977. Isidor von Sevilla und das Westgotische Spanien. In: *Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse* 67, 3, 7—127.
- Du Cange Ch. 1887. *Glossarium mediae et infimae Latinitatis*. VIII. Niort.
- Dunăreanu-Vulpe E. 1967. *Der Schatz von Pietroasa*. Bukarest.
- Haldon J. F. 1975. Some Aspects of Byzantine Military Technology from the Sixth to Tenth Centuries. *Byzantine and Modern Greek Studies* 1, 11—47.
- Horsfall N. M. 1969. Aclys and Cateia. *Classica et mediaevalia* 30, 1—2, 297—299.
- Hüpper-Dröge D. 1983. *Schild und Speer: Waffen und ihre Bezeichnungen im frühen Mittelalter*. (Germanistische Arbeiten zu Sprache und Kulturgeschichte. Bd. III. Europäische Hochschulschriften. Reihe 1. Bd. 645). Frankfurt am Main; Bern; New York.
- Ihm. 1901. Bebra. In: *Thesaurus linguae Latinae*. II. Fasc. I. Lipsiae. Col. 1797.
- Kaczanowski P. 1992. *Importy broni rzymskiej na obszarze europejskiego Barbaricum*. Kraków. (Universytet Jagielloński. Rozprawy habilitacyjne. № 244).
- Kaczanowski P., Zaborowski J. 1988. Bemerkungen über die Bewaffnung der Bevölkerung der Wielbark-Kultur. In: *Kultura Wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. Lublin, 221—239.
- Kazanski M. 1991. *Les Goths (Ier—VIIe après J.-C.)*. Paris.
- Kempf J. G. 1901. Romanorum sermonis castrensis reliquiae collectae et illustratae. In: *Jahrbücher für klassische Philologie*. Supplementbd. 26, 337—400.
- Kolias T. 1980. Ζάβα — Ζαβαρείον — Ζαβαρειωτής. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 29, 27—35.
- Kokowski A. 1993. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques). In: F. Vallet et M. Kazanski (eds.). *L'Armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle*. Rouen, 335—354.
- Kontny B. 2008. Brevis gladii et rotunda scuta: Remarks on the Goths' Weapons on the Margin of Tacitus' Text. In: *Sarmatia-Germania: Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов*. Сборник материалов. Калининград, 180—209.
- Lebedynsky I. 2001. *Armes et guerriers barbares au temps des Grandes Invasions (IVe au VIe siècles après J.-C.)*. (Collection des Hesperides). Paris.
- Matt L., von. 1971. *Ravenna*. Köln.
- Mattingly H., Sydenham E. A. 1968. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. V. Pt. 1. London.
- Müller U. 1998. Der Einfluss der Sarmaten auf die Germanen. (Geist und Werk der Zeit: Arbeiten aus dem Historischen Seminar der Universität Zürich. Nr. 88). Bern.
- Muñoz Bolaños R. 2003. *El ejército visigodo: desde sus orígenes a la Batalla de Guadalete*. Madrid.
- Narkiss B. 2007. *El pentateuco Ashburnham: La ilustración de códices en la antigüedad tardía*. Valencia.
- Oldenburg E. 1909. *Die Kriegsverfassung der Westgoten: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde*. Berlin.
- Perevalov S. M., Lebedynsky I. 1998. *Les combattants sarmates et alains dans l'armée romaine*. (Cercle de recherche Gallia-Sarmatia). Saulcet.
- Reinhart W. 1947. Los yelmos visigodos. In: *Archivo español de arqueología*, 20. Abr.-Jun., 122—125.
- Reinhart W. 1950. Germanische Helme in westgotischen Münzbildern. *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*, 2 (1950—1951), 43—46.

№4. 2010

- Robertson A. 1978. *Roman Imperial Coins in the Hunter Coin Cabinet University of Glasgow*. Vol. IV: Valerian II to Allectus. Oxford.
- Sanchez-Albornoz C. 1938. La caballería visigoda. In: *Wirtschaft und Kultur: Festschrift zur 70. Geburtstag von Alfons Dopsch*. Baden bei Wien; Leipzig, 92—108.
- Schapiro M. 1979. *Late Antique, Early Christian and Mediaeval Art*. (Selected Papers. Vol. III). New York.
- Schlette F. 1977. *Germanen zwischen Thorsberg und Ravenna*. (Kulturgeschichte der Germanen bis zum Ausgang der Völkerwanderung). Leipzig; Jena; Berlin.
- Šćukin M.B. 1993. À propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances). In: F. Vallet et M. Kazanski (eds.). *L'Armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle*. Rouen, 323—333.
- Speidel M.P. 2004. *Ancient Germanic Warriors: Warrior Styles from Trajan's Column to Iceland Sagas*. London; New York.
- Vizcaíno Sánchez J. 2008. Early Byzantine Lamellar Armour from Carthago Spartaria. In: *Gladius*, 28, 195—210.
- Volbach W.F. 1952. *Elfenbeinarbeiten der Spätantike und des frühen Mittelalters*. Mainz. (Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Katalog 7).
- Wanke U. 1990. *Die Gotenkriege des Valens: Studien zur Topographie und Chronologie im unteren Donauraum von 366 bis 378 n. Chr.* (Europäische Hochschulschriften. Reihe 3. Bd. 412). Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris.
- Wroth W. 1911. *Catalogue of the Coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards in the British Museum*. London.
- Zeiss H. 1934. *Die Grabfunde aus dem spanischen Westgotenreich*. (Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Bd. II). Berlin; Leipzig.

Статья поступила в номер 11 апреля 2010 г.

Alexander Nefedkin (St.-Petersburg, Russia). Doctor of historical sciences. Journal of War History *Para bellum*.

Alexander Nefedkin (S.-Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Revista de istorie militară *Para bellum*.

Нефедкин Александр Константинович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Военно-исторический журнал *Para bellum*.

E-mail: nefiodkin@mail.ru.

О. В. Шаров

Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре

(проблема выделения «германских древностей» на Боспоре)

O. V. Sharov.

Appearance of the Germans in Bosphorus in the Light of Written and Archaeological Records (The Problem of Identification of "German Antiquities" in Cimmerian Bosphorus).

The paper deals with the main types of objects of the German origin found in the Late Roman assemblages of Bosphorus (150—350 AD).

Group 1, B2/C1 period (150—200): bronze buckles with rectangular frames on the tongue from Kerch and Gorodskoi farmstead on the Kuban, having parallels in East Prussia; double-tongued buckles with rectangular girdles, common in Denmark, in the Przeworsk culture area and on the Western Balts' lands; long-thorned umbos of the German type from Kerch and Tanais. The main types of these finds are connected with the Baltic region, Scandinavia, and particularly with East Prussia.

Group 2, C1 period (180—260 AD): shield bugs of the "Konin" and "Chorula" types from Tanais, associated with horizon IIa of the interments with the Przeworsk culture weaponry. It is during this period that the German-Bosphorus type pendants in the form of Thor's hammers appear in the Bosphorus region. German traditions can be seen also in the three-handled vases from Kerch, as well as in the hand-modeled pottery from Ilurat, Tiritaka, and Myrmekion.

Group 3, C2a period (260/270—280/290 AD): belt head of Raddatz J 2—1 type from Kerch, 1896; gold rings from Phanagoria, 1842. These types are characteristic of the horizon of palatine burials in Germany. Polychromic objects of the "Illerup-Kerch" group, belonging to the German-Bosporan tradition, make their appearance in Kerch.

Group 4, C2b-C3 period (290/300—350/360 AD): hinged-pin fibulas Ambroz 16/2—3 and warrior's fibulas Ambroz 17 in Kerch, in the tombs of Zamorskoe, Zyuk cape and Sirenevaya Bay; combs of Thomas I type from Kerch and Dzurg-Oba; shield bugs of K2 type from Sirenevaya Bay and Kerch, small two-blade fibulae of the Chernyakhov tradition from Kerch tombs; bone pyramidal and amber mushroom-shaped pendants, gray clay pottery of the Chernyakhov appearance from Kerch.

Altogether, four waves of German influence can be seen in the Late Roman materials of Bosphorus:

Wave 1 — Baltic-Scandinavian;

Wave 2 — Wielbark-Przeworsk;

Wave 3 — Central European-Scandinavian;

Wave 4 — Chernyakhov.

O. V. Sharov

Datele surselor scrise și arheologice privind apariția germanilor în regiunea Bosforul Cimmerian (Problema depistării „antichităților germanice” din Bosfor).

Articolul abordează principalele tipuri de obiecte de origine germanică din complexe din regiunea Bosforului din epoca romană târzie (anii 150—350).

Primul grup din perioada B2/C1 (150—200): cataramă de bronz cu rămcuțe dreptunghiulare din orașul Kerchi, din regiunea Kuban, cu paralele din Prusia Răsăriteană; cataramă dreptunghiulară cu două elemente, răspândite în Daneamarca, cultura Przeworsk, în teritoriul balticilor de vest; umboanele de tip germanic, cu un spin lung, în Kerchi și Tanais. Principalele tipuri de descoperiri se atribuie zonelor Mării Baltice, Scandinaviei și, în primul rând, Prusiei Răsăritene.

Cel de-al doilea grup din perioada C1 (180—260): umboanele scuturilor de tip Konin și de tip Chorula de la Tanais, atribuite orizontului IIa al mormintelor cu arme din cadrul culturii Przeworsk. În zona Bosforului apar pandantive după tradiția germano-bosporică sub formă de ciocănașii lui Thor. După tradiția germanică sunt realizate vasele cu trei mânere, descoperite în Kerchi, precum și ceramica turnată din Ilurat, Tiritaka și Myrmekion.

Cel de-al treilea grup din perioada C2a (260/270—280/290): catarama centurii de tip Raddatz J2—1 din Kerchi,

1896; о хривнă де аур де ла Phanagoria, 1842. Астэе типури де обiecte сунт карактеристическе оризонтулуй морминтелор принциаре дин Германия. Ын Керчи апар артиколе полихроме дин групул „Иллеруп-Керчи” дин кадрул традиției германо-боспориче.

Сел де-ал патрелеа груп дин пероада C2b-C3 (290/300—350/360): фибуле legate Ambroz 16/2—3 și фибуле militare Ambroz 17 дин Керчи, ын криптеле дин сатул Zamorskoe, капул Zyuk și Голфул Сиреневаиа, piepteni де тип Thomas I дин Керчи și Yurg-Oba; umboanele де тип K2 дин Голфул Сиреневаиа și Керчи; фибуле mici cu două plăci дин кадрул традиției Чернеахов дин криптеле дин Керчи, pandantive piramidale дин ос și chihlimbar ын формă де ciupercă, ceramica де lut gri де тип Чернеахов дин Керчи.

Астfel, pentru epoca romană тîрzie се евиденțiază patru valuri де prezență germanică ын zona Bosforului:

Valul I — дин Marea Baltică și Scandinavia;

Valul II — дин Wielbark — Przeworsk;

Valul III — дин Europa Centrală și Scandinavia

Valul IV — дин Чернеахов.

О. В. Шаров.

Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре).

В статье рассмотрены основные типы вещей германского происхождения, встреченные в комплексах Боспора позднеримского времени (150—350 гг.).

Первая группа периода B2/C1 (150—200): бронзовые пряжки с прямоугольными рамками на язычке в Керчи, хутор Городской на Кубани, имеющие восточнопруссские параллели; пряжки с двумя языками и прямоугольными обоймами, распространенные в Дании, в пшеворской культуре, на территории западных балтов; умбоны германского типа с длинным шипом в Керчи и в Танаисе. Основные типы находок связаны с Балтикой, Скандинавией, прежде всего с Восточной Пруссией.

Вторая группа периода C1 (180—260): умбоны щитов типа «Конин» и типа «Хорула» из Танаиса, относящиеся к горизонту IIa погребений с оружием пшеворской культуры. На Боспоре появляются подвески германо-боспорской традиции в виде молоточков Тора. В германских традициях сделаны трехручные вазы, обнаруженные в Керчи, и лепная керамика из Илурата, Тиритак и Мирмекия.

Третья группа периода C2a (260/270—280/290): наконечник ремня типа Раддатц J2—1 из Керчи, 1896 г.; золотая гривна из Фанагории, 1842 г. Эти типы вещей характерны для горизонта княжеских погребений Германии. В Керчи появляются полихромные изделия группы «Иллеруп-Керчь» германо-боспорской традиции.

Четвертая группа периода C2b-C3 (290/300—350/360): подвязные фибулы Амброз 16/2—3 и воинские фибулы Амброз 17 в Керчи, в склепах с. Заморское, мыса Зюк и Сиреновой бухты; гребни типа Томас I из Керчи и Джург-Обы; умбоны типа K2 из Сиреновой Бухты и Керчи; малые двупластинчатые фибулы черняховской традиции из керченских склепов; костяные пирамидальные и янтарные грибовидные подвески, сероглиняная гончарная посуда черняховского облика из Керчи.

Таким образом, в позднеримскую эпоху выделяются четыре волны германского присутствия на Боспоре:

1 волна — «прибалтийско-скандинавская»;

2 волна — «вельбарнско-пшеворская»;

3 волна — «центральноевропейско-скандинавская»;

4 волна — «черняховская».

Keywords: Jordan, Cimmerian Bosporus, North Black Sea region, Pantikapej, Tanais, Meotida, Late Roman period, Goths, Oyum, Germans, buckles, fibulas, shields, Chernyakhov culture.

Cuvinte cheie: Jordanes, Bosforul Cimmerian, litoralul де nord al Mării Mediterane, Pantikapaion, Tanais, Meotida, epoca romană тîрzie, goți, Oyum, germani, cataramе, fibule, umboane ale scuturilor, cultura Чернеахов, .

Ключевые слова: Иордан, Боспор, Северное Причерноморье, Пантикапей, Танаис, Меотида, позднеримская эпоха, готы, Ойум, германцы, пряжки, фибулы, умбоны щитов, черняховская культура.

До недавнего времени в археологической литературе существовало общее и никем не оспариваемое мнение, что германцы на Боспоре появляются только в период «готских войн» в середине III века н. э., но проследить их появление по погребальным конструкциям, погребальным обрядам и инвентарю, в отличие от могильников Юго-Западного Крыма, не представляется возможным. Это, прежде всего, мнение одного из ведущих специалистов Крыма по эпохе переселения народов А. И. Айбабина (Айбабин 1984: 118;

1990: 66; 1999: 8—9). В основе его схемы лежит анализ хронологии закрытых комплексов (Айбабин 1999: 244) и анализ деталей погребального обряда (Пиоро 1999: 231—233; Айбабин 1999: 244—245) крымских некрополей с захоронениями остатков трупосожжений, а также анализ многочисленных сообщений письменных источников о вторжении в середине III в. н. э. в Северное Причерноморье разноименных племен германцев (Буданова 1990: 72—82; Хайрединова 1994: 517—518; Айбабин 1999: 242—243;

и др.). В общем виде последовательность событий, по А.И. Айбабину, выглядит следующим образом. Проникнув в причерноморские степи, германцы поселились у северных берегов Меотиды — на землях племен аланов. Впоследствии, после того, как римляне в 40-х годах III в. н. э. вывели свои войска из Крыма (кроме гарнизона Херсонеса), германцы, с примкнувшими к ним аланами, прошли по суше на Боспор, переправились через пролив и разорили хору ряда боспорских городов. А.И. Айбабин полагает, что варвары попали в пределы Боспора, пройдя через Перекопский перешеек, т.е. с северо-запада Крыма. По пути они останавливались на территории покинутого к тому времени Южно-Донузлавского городища, затем разрушили позднескифские города Усть-Альму, Алма-Кермен и Неаполь Скифский, после чего уже проникли в Юго-Западный Крым. Вследствие этого на южном берегу и на границе хоры Херсонеса в 252—256 гг. н. э. возникли некрополи с погребениями по обряду кремации. Одновременно, по всему предгорью Крыма расселяются аланы (памятники типа Озерное-Инкерман), которые были союзниками германцев. В течение следующей четверти III века варвары совершали рейды в провинции Римской империи с территории азиатского Боспора. Вторжения в европейскую часть Боспорского царства были кратковременными и не привели к изменениям в этническом составе ее населения, поэтому погребальный обряд боспорян остался традиционным (Айбабин 1999: 32—36, 38; Айбабин 1999б: 242—244).

По версии другого крымского исследователя И.Н. Храпунова (Храпунов 2004), варвары пришли на Боспор с востока и впоследствии продвигались на запад отдельно — аланы по предгорьям, а германцы — по побережью. По пути они, видимо, расселялись, в результате чего к северу от главной гряды Крымских гор возникли некрополи типа Озерное-Инкерман, а на южном берегу — некрополи типа Ай-Тодор. В Юго-Западном Крыму два миграционных потока объединились. Поселившиеся здесь германцы и аланы стали совместно использовать некрополи, расположенные в округе Херсонеса, чем и объясняется наблюдаемый на них биритуализм.

В рамках этой же версии находится несколько отличная от приведенной выше схема этнополитической ситуации в позднеантичной Таврике, предложенная В.М. Зубарем. Автор, базируясь, в основном, на эпиграфических и археологических источниках, полагает, что в конце II в. н. э. Крымская Скифия

была завоевана Боспорским царством при поддержке войск Римской империи и затем территориально разделена по р. Альме на две зоны влияния — римско-херсонесскую и боспорскую (Зубарь 1994: 124—126). Не касаясь дальнейших перипетий военно-политических событий в эпоху «готских» походов, исследователь указывает, что могильники с захоронениями остатков кремаций возникли уже после этих войн. Оставило их население, входившее в разнотнический готский союз племен. По видимому, варвары осели в стратегически важных пунктах полуострова в результате мероприятий, предпринятых римской администрацией по согласованию с Херсонесом, в качестве военных поселенцев (Зубарь 1994: 124—126). Позже автор, видимо, признал возможность проникновения участников упомянутых походов в Юго-Западную и Южную Таврику с севера в конце 60-х — начале 70-х гг. III в. н. э. Пришлое население осело здесь и вскоре «стало союзниками Империи» (Зубарь 1998: 145—146, 150, табл. 76).

Еще одна «миграционистская» схема приведена в диссертации В.А. Сидоренко (Сидоренко 1994). Она основана на сопоставлении исторических, нумизматических, эпиграфических и археологических источников с информацией о боспоро-херсонесских отношениях, содержащихся в главе 53 сочинения императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». По мнению автора, готы и герулы проникают на южное побережье и в Юго-Западный Крым летом-осенью 268 г. и, видимо, частично оседают здесь. После окончания правления победившего варваров боспорского правителя Тейрана (279 г.) Боспор выходит из-под контроля Рима и начинает грабежи провинций Римской империи. По этой причине, начиная со времени правления императора Диоклетиана, между Боспором и Херсонесом, выступившим на стороне Рима, происходит серия военных конфликтов, победы в которых одержали херсонесские войска. После первой войны (285/6 гг.) под властью победителей оказалась большая часть побережья (от Симболона до Феодосии), а после второго (318—319 гг.) и третьего (328/9 г.) столкновений за Боспором осталась лишь «сорокамильная зона». Одним из результатов последнего конфликта стало принудительное переселение части побежденного войска («людей из Боспора», у которых «была отнята земля» — гото-сарматов северного побережья Меотиды) на новые земли херсонесских владений, т.е. на южный берег. Контингент переселенцев влился в родственную им среду уже находившихся здесь герулов, готов

и сарматов Приазовья. С этими людьми сюда и попали многочисленные римские монеты. Характерный обряд кремации доминирует на южнокрымских некрополях вследствие главенствования герулов в среде перемещенных варваров (Сидоренко 1994: 12—14).

Другая схема была изложена в работах В.Ю. Юрочкина и А.А. Труфанова. Она построена на анализе хорошо датированных крымских погребальных комплексов II—IV вв. н. э., а также на упоминавшихся выше сведениях из главы 53 сочинения императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (Конст. Багр. 53).

В результате изучения совстречаемости типов вещей в погребениях авторам удалось разбить процесс развития местной культуры в III—IV вв. н. э. на 6 фаз протяженностью 20—40 лет. При наложении на эту периодизацию данных археологических, эпиграфических и нарративных источников получена следующая гипотетическая последовательность этнополитических событий в регионе.

Политическая гибель Крымской Скифии, как и в схеме В.М. Зубаря, связывается с завоеванием ее и последующим разделом между римской военной администрацией и Боспором и приурочивается к концу II в. н. э. Неаполь разгромлен боспорскими войсками в 218—219 гг. н. э. Сельские поселения Центрального Крыма при этом не пострадали. В эпоху «готских» походов среди инвентаря захоронений, совершенных на предгорных могильниках, появляются отдельные вещи западноевропейского и балканского происхождения. Это объясняется тем, что часть жителей Крымской Скифии могла принимать участие в «готских» войнах. После победы боспорского правителя Тейрана над «готами», в течение почти 25 лет терроризировавшими государство, Боспор вновь контролирует прежнюю территорию. Во время правления императора Диоклетиана между Херсонесом и Боспором происходит военный конфликт, возникший из-за агрессии последнего против северо-восточных провинций Империи (Колхида, Понт). Для участия в походе боспорский правитель (Фофорс?) привлек варваров с северного берега Меотиды, в культуре которых сочетаются позднесарматские и германские черты. Херсонес выступил на стороне Рима, используя в качестве воинов жителей ближайших окрестностей города. Характерной чертой погребальной обрядности этого населения, по крайней мере, с середины II в. н. э., был биритуализм. В результате победы Херсонеса в 293 г. н. э. боспорское войско вер-

нулось на полуостров. По пути часть примеотийских варваров могла осесть на территории современной Абхазии и принять участие в формировании цебельдинской археологической культуры, возникшей во второй половине III в. н. э. и известной присущими ей трупосожжениями с ритуально согнутым оружием. После этого Империя возлагает на Херсонес охрану стратегически важных пунктов побережья. Здесь размещаются гарнизоны, сформированные из жителей Инкерманской долины — участников войны 291—293 гг. н. э. Они и оставили памятники типа Ай-Тодор, сходные по обряду с некрополями Совхоз № 10 и Черная Речка. Новый этап херсонесско-боспорского противостояния начинается при Константине I. Херсонес побеждает в двух войнах подряд, в результате чего граница территориальных владений враждующих сторон отодвигается: в начале к местности Кафа (328 г. н. э.), а затем до Узунларского вала (337—341 гг. н. э.). После последнего конфликта победители удерживают часть плененного войска (среди которого были и меотийские варвары) и расселяют этих людей на запустевших землях Крымской Скифии. Здесь распространяются памятники типа Озерное-Инкерман (Труфанов, Юрочкин 1999: 338—343; Юрочкин 1999: 279—281; 2001: 108—111).

Серьезный сдвиг в изучении германских древностей на Боспоре произошел на рубеже тысячелетий, когда вышли важные для данной тематики статьи М.М. Казанского (Казанский 1997, 1999, 2002, 2006), в которых автор рассмотрел целый ряд типов вещей германского происхождения с территории Юго-Западного Крыма и Боспорского царства. Германские вещи позднеримского времени на Боспоре представлены, по его мнению, двумя группами.

Первая группа относится к периоду C2 (260/270 по 310/330 гг.). На Боспоре к вещам этого круга можно отнести подвязные фибулы с декоративными кольцами, обнаруженные в Керчи и в Фанагории (в Фанагории две серебряные фибулы с жаловидной ножкой были на плечах погребенной). Фибулы с жаловидной ножкой имеют широкий период хождения: самые ранние известны еще с 260/270 гг., поздние же — до 480/490 гг. На стыке культурных традиций находятся трехручные вазы, обнаруженные в Керчи и имеющие аналогии с вазами из могильника Брест-Тришин. Сходство с вельбаркской культурой обнаруживается в связи с наличием орнамента по плечикам в виде треугольников, заполненных точками.

Вторая группа германских вещей относится к периодам С3 и Д1 (310/330 по 360/370 гг. и 360/370—400/410 гг.). Это керамика черняховского облика, подвязные фибулы типа Амброз 16/2-I-3, Амброз 16/4-II, арбалетные фибулы группы Амброз 17, малые двупластинчатые фибулы черняховской традиции, гребни типа Томас 1 и 3, костяные пирамидальные подвески, подвески-топорики, умбон щита типа Цилинг К2 (Казанский 2006: 28—29). Таким образом, М. М. Казанский выделил две волны германского влияния: «вельбаркско-пшеворскую» — готы, герулы и их союзники во второй половине III в. н. э., и черняховскую — остроготы-грейтунги IV в. н. э. (Казанский 1999: 277—281).

В работе 2007 года М. М. Казанский и А. В. Мاستыкова опубликовали золотую гривну из Фанагории, найденную в детском погребении 1842 года (Казанский, Мастыкова 2007: рис. 1) Она имеет четкие аналогии среди скандинавских и германских древностей второй половины III века и является единственной достоверной находкой на Боспоре горизонта княжеских погребений фазы С2 (250/260—300/320 гг.).

В археологической литературе существовала и другая точка зрения, которую отстаивал автор данной работы, начиная с 2001 года, когда были сданы в печать главы монографии «Des Goths aux Huns», которая волей судеб вышла только в конце 2006 года (Shchukin, Kazanski, Sharov 2006).

В 2002 году автор выступил с докладом «К вопросу о появлении готов на Боспоре» на III Боспорских чтениях в Керчи, где были изложены все основные положения автора о раннем появлении германцев на Боспоре. Доклад встретил ожесточенную критику со стороны А. И. Айбабина, в силу чего не был опубликован в материалах «Боспорских чтений». В докладе рассматривались находки типов пряжек, лунниц с эмалью и умбонов щитов германского и западнобалтского происхождения на Боспоре и в Северном Причерноморье. Дата появления «германцев» и других племен балтийского побережья на Боспоре получалась, исходя из хронологии типов пряжек и умбонов, совсем иная, чем у А. И. Айбабина — вторая половина II — начало III вв. н. э., при этом в основном, речь в докладе шла о связях не с ареалами вельбаркской и пшеворской культур, а с территорией западнобалтской культуры или с самбийско-натангийской культурной общностью. Наличие на ряде пряжек

знаков боспорского царя Тиберия Евпатора позволило автору в 2002 году высказать гипотезу об участии «германцев» — мигрантов с берегов Балтики в составе дружин царей Боспора Тиберия Евпатора и Савромата II.

И. Н. Храпунов сделал доклад на той же конференции 2002 года и опубликовал комплекс подбойного погребения № 152/1 из могильника Нейзац, в котором был найден «германский» умбон щита с небольшим шипом (Храпунов 2002: рис. 2). Комплекс был, ввиду неясной атрибуции умбона, датирован первой половиной III в. на основании даты лучковой подвязной одночленной фибулы 5 варианта по А. К. Амброзу (Храпунов 2003: 248—249). Автор также отметил, что в Крыму, в предшествующее «готским походам» время, представлены находки, которые можно связать с германским кругом древностей. Это шпоры, украшенные эмалью, из могильника Скалистое III, золотая ведровидная подвеска в «закшувском стиле» из могильника Бельбек III и лепные сосуды из верхних слоев позднескифских поселений. Эти находки, по И. Н. Храпунову, фиксируют период мирных контактов населения Крыма и мигрантов с северо-запада до эпохи «готских» походов (Храпунов 2003: 249).

В 2005 году в материалах конференций «Боспорские чтения» в Керчи и «Боспорский феномен» в Санкт-Петербурге были опубликованы в тезисной форме статьи одесского исследователя А. А. Васильева, который пришел, анализируя тот же керченский материал, что и автор данной работы, к совершенно идентичным выводам о раннем появлении германцев на Боспоре и о присутствии германцев в составе боспорских дружин (Васильев 2005; 2005a, 2005b).

Таким образом, на сегодняшний день сосуществуют три отличные друг от друга версии о времени появления германцев на Боспоре:

1) германцы появляются только в эпоху «готских походов», в середине — второй половине III века (А. И. Айбабин, В. М. Зубарь, М. М. Казанский);

2) германцы появились во второй половине II в. н. э., в эпоху Маркоманнских войн (О. В. Шаров, А. А. Васильев);

3) германцы появились в первой половине III в. н. э. (И. Н. Храпунов).

Чтобы опровергнуть или подтвердить ту или иную точку зрения, необходимо еще раз рассмотреть данные письменных и археологических источников.

О появлении германцев в Северном Причерноморье по письменным источникам

Свидетельства о первых появлениях германцев в Причерноморье в письменных источниках весьма скупы, часто противоречивы и неопределенны. Из историков, живших во второй половине II века и упоминавших о появлении германцев у границ Римской империи, можно назвать лишь Диона Кассия Кокцеана (155—235 гг.) — римского консула и историка греческого происхождения, автора «Римской истории» в 80 книгах, охватывающей историю от основания Рима до времён Александра Севера.

Согласно Диону Кассию, появление германцев вблизи границ Дакии произошло около 170 г.н.э., когда в обязанности наместника Дакии вступил Секст Корнелий Клемент, которому пришлось сражаться одновременно и с германскими племенами вандалов, и с фракийцами-костобоками. Активность костобоков была следствием продвижения с севера вандальских племен асдингов и лакрингов, предпринявших попытку поселиться в Дакию. Ничего не добившись, асдинги оставили своих жен и детей на попечение Секста Корнелия Клемента до тех пор, пока не приобретут страну костобоков (Dio Cass. XXI, 12, 1—2). Они напали на костобоков и захватили их страну между Прутом и Карпатами. В свою очередь, лакринги, боясь усиления асдингов, напали на них. Остатки разбитых асдингов Секст Корнелий Клемент поселил на северо-западе Дакии. Таким образом, это наиболее раннее упоминание о переселении германцев-вандалов на юг, к Карпатам, которое относится к 70-м гг. II в. н. э. При этом Дион Кассий и его современник Геродиан (180—250 гг.), автор «Истории императорской власти после Марка Аврелия», ничего не знают о появлении готов и других германских племен не только в Причерноморье, но и вблизи дунайского лимеса в конце II — начале III вв. н. э. Но об этих миграциях хорошо известно из более поздних письменных источников конца IV — середины VI вв. (Историки Августов (SHA), Кассиодор, Иордан, Стефан Византийский). Рассмотрим эти данные.

В конце II — начале III века н.э., согласно поздней письменной традиции, на дунайских границах Римской империи появляются германские племена, которые зафиксированы в источниках как «готы» или как «скифы» — по месту их основного обитания к северу от Истра-Дуная. В качестве примера раннего появления готов у дунайского лиме-

са обычно приводится пассаж из биографии Максимиана (Щукин 2005: 91—92). Согласно истории Августов, император Максимин родился в 172/173 годах во Фракии от отца-гота и матери-аланки (SHA, Vita Maxim., XIX, 101). Историки Августов также пишут, что в 214 году Каракалла, «отправляясь на Восток, победил готов в беспорядочных сражениях» (SHA, Vita Carac., XIII, X, 6) где-то в районе северной или восточной Дакии (Буданова 1990: 79; Щукин 2005: 92). Максимин Фракийский, оставив службу при Макрине, поселился в 216—218 гг. во Фракии, где поддерживал отношения с готами, «которые любили его, словно своего соплеменника» (SHA, Vita Maxim., IV, 4, 5; см. Буданова 1990: 80; Лавров 1997: 7). Остается очень странным тот факт, что современники этих событий — Дион Кассий и Геродиан ничего о готском происхождении Максимиана Фракийца не знают. Правда, Дион Кассий сообщает, что в 180 году в пределы Римской империи было принято 12 тысяч свободных даков (Dio Cass., LXXII, 3). Людвиг Шмидт связал это переселение с натиском готов (Schmidt 1934, Bd. I: 200).

Приведем еще несколько отрывков из истории Августов, которые косвенно могут свидетельствовать о раннем появлении готов на Дунае. Историки Августов в биографии Марка Аврелия пишут о первом этапе Маркоманнских войн, до смерти Луция Вера (169 г.), что «маркоманны производили повсюду смуты, а другие племена, теснимые с севера варварами, начинали военные действия» (SHA, Mark Aur., XIV 1). Не готы ли начали в это время свое движение на юг? Есть еще одно место из биографии Марка Аврелия, которое может показаться в связи с интересующими нас событиями достаточно важным. Если следовать хронологии повествования истории Августов, то между 172—175 годами «он (Марк Аврелий — О. III.) нанял также против германцев и вспомогательные отряды из германцев» (SHA, Mark Aur., XXI, 7). Не могли ли среди этих германцев также быть готы, которые именно с этого момента могли поселиться как федераты в пределах дунайских провинций Мезии и Фракии?

Если коснуться другой территории — региона Северного Причерноморья, то там также по сведениям различных письменных источников более позднего времени достаточно рано упоминаются готы. Если обратиться к тексту Иордана, то он пишет, что первое расселение готов в Скифской земле произошло у Меотийского болота, второе в Мезии, Фракии и Дакии, а третье — снова в Скифии, у Понтийского моря, с другой стороны

Скифии (Iord., Get, 38). Ему вторит Стефан Византийский: «Готы — народ, живший в области Меотиды, впоследствии они переселились во внешнюю Фракию».

Таким образом, исходя из более поздней письменной традиции IV—VI вв., готы появляются достаточно рано как на Дунае, так и в Северном Причерноморье, и действуют в течение последней четверти II—III вв. н. э. обособленно двумя отдельными группировками.

Возникает очень интересная проблема: можно ли говорить применительно к событиям второй половины II—III в. н. э. уже о восточной и западной группе германских племен, которые послужили основой для деления в более позднее время этих германцев на остроготов и визиготов? «Гетика» Иордана дает, по моему мнению, достаточно много данных для существования такой версии.

По версии Иордана, переселенцы вместе с королем Беригом отправились из Скандзы в Готискандзу на Висле на **трех** кораблях, что эпически обусловило, по мнению Е. Ч. Скржинской, разделение готов в более позднее время на три особых племена: остроготов, визиготов и гепидов (Скржинская 1997: 62, прим. 187). Далее, при переселении войска Филимера из Готискандзы в Скифию готы разделились на две половины при переправе какой-то реки. Вероятно, к описанию места переправы относится утверждение, что «эта местность замкнута и окружена зыбкими болотами и омутами» (Iord., Get. 27). Е. Ч. Скржинская предположила, что это древняя греческая Гилея Геродота — заболоченное место с плавнями, замкнутое между низовьями Южного Буга и Днестра (Скржинская 1997: 188, прим. 68). Такой вариант очень реален не только ввиду близости описания Иорданом именно Гилеи, но и ввиду того, что путь готов с севера на юго-запад пролегал по Висле, Западному и Южному Бугу и вполне мог упираться именно в междуречье Днестра и Южного Буга. Часть готов, если мы примем версию с Гилеей, осталась к западу от низовьев Днестра — на Южном Буге, недалеко от Ольвии.

Готы Филимера, перейдя реку Днепр в районе Каховки — Бериславля (Скржинская 1997: 188—189, прим. 68) и «овладев желанной землей Ойум», направляются на восток, подступают к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы» (Iord., Get. 28; Скржинская 1997: 66). Это название племени, как давно замечено, переключается с именем народа «спалеи» у Плиния, который помещал их у Танаиса (Plin., VI: 22—23).

А. Е. Пуздровский, на основании упоминания этниконов «спалеи» и «палы» у Плиния, помещает племя спалеев-сатархов в области Меотиды, скорее всего, в Крымском Присивашье (Пуздровский 1999: 211). По мнению В. С. Ольховского, спалеи-сатархи обитали в степном Крыму (Ольховский 1981: 56), его поддержал в этом и С. А. Яценко (Яценко 1997: 155). В этом случае есть три варианта локализации земли «Ойум», исходя из принятия той или иной версии о месте пребывания спалов:

1. Между нижним Днепром и Танаисом.
2. Между нижним Днепром и Меотидой.
3. Между нижним Днепром и степным Крымом.

Попробуем разобраться, какие географические привязки по поводу направления движения готов Филимера нам дает текст «Гетики» Иордана, при этом отметим, что первый и второй вариант чрезвычайно близки по привязке места локализации племени спалов-спалеев.

После сражения со спалами «готы уже как победители движутся в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтом, как это и вспоминается в их древних песнях» (Iord., Get. 28). А далее, после небольшого отступления, Иордан пишет, что готы жили «в Скифии, у Меотиды, со своим первым королем Филимером, который и привел их из Готискандзы» (Get, Iord., 39). Если сопоставить эти два отрывка из «Гетики», то увидим, что они не сильно противоречат друг другу. Обратим внимание еще на один отрывок из текста Иордана в отношении крайних пределов Скифии. Иордан пишет, что «...Скифия тянется... по всей прилегающей к Меотиде местности и за Меотиду через Босфорские проливы до Кавказских гор и реки Аракса, затем она, загнувшись в левую сторону за Каспийское море, ... склоняется к области гуннов и отступает до албанов и серов» (Iord., Get., 30—31). Направление движения готов в приведенных выше трех отрывках вполне определенное — на восток, к Меотиде, к Танаису, где, вероятнее всего, происходит битва со спалами-спалеями Плиния, и далее, в крайние пределы Скифии: на Тамань — Северный Кавказ. Готы, по Иордану, там не остаются, а расселяются где-то в Меотиде, в области, которая охватывала не только северный, но и восточный берег Азовского моря, вплоть до Керченского пролива.

Таким образом, я более склоняюсь к версии о локализации страны Ойум между Днепром и Танаисом, скорее всего, как и пишет Иордан, в районе Меотиды.

В этом случае готы оказываются на ближайших подступах к северным и восточным рубежам Боспора. Остается открытым вопрос, когда все эти события происходили?

Сегодня считается общепринятым связывать движение германских племен с нижней Вислы с изменениями облика вельбаркской культуры в фазе B2/C1, т.е. в середине II — начале III века н.э. и миграцией вельбарцев-готов на юго-запад (Щукин 1994: 244—249, Щукин, 2005: 93—95). Нам известны ранние памятники готов фазы B2/C1 на Вольни (Брест-Тришин) и почти не известны южнее, кроме погребений по обряду кремации в Пересыпках на Сейме (Щукин 2005: 93—97, рис. 29: 1—3), в Мокрах на Днестре (Щукин 2005: 93—97, рис. 30) и в Мангалии в Добрудже (Щукин 2005: 93—97, рис. 29: 4). Но где же тогда «готы», упоминаемые достаточно рано поздними письменными источниками в Северном Причерноморье и на Дунае? Может быть, мы их поэтому и не находим, потому что их в это время там еще не было, и именно поэтому современники — Дион Кассий и Геродиан их попросту не знали, и соответственно, «готы» II века в Северном Причерноморье просто более поздний генеалогический миф? Это вполне возможно, но, может быть, мы не так и не там их ищем?

А что, если мы будем искать не только чисто вельбаркские или готские элементы? Нам известно из «Гетики» Иордана, что готы в Готискандзе покорили и подчинили ульмеругов и вандалов, т.е. племена, обитавшие вдоль Балтийского моря и живущие вплоть до Эльбы (Iord., Get. 26, Скржинская 1997: 185—187, прим. 64—65). Руги упоминаются еще раньше по тексту при перечислении племен Скандзы (Iord., Get. 24), которую Иордан, следуя Клавдию Птолемею (рис. 1), помещает около устья Вислы. По В.П. Будановой, проанализировавшей все сведения о ругах в письменных источниках, «руги» обитали вначале на Скандинавском полуострове в Норвегии, а затем переселились на балтийское побережье (Буданова 1990: 185). Иордан упоминает их уже на балтийском побережье: «сидели по берегам Океана», где их зафиксировал еще ранее Тацит: «у самого Океана ругии» (Тас., Germ., 44). Иордан не указывает, где обитали вандалы в момент переселения готов, он их называет соседями ульмеругов. Тацит также не пишет об определенном местонахождении вандалов. Вандалы упоминаются у него вместе с другими германскими племенами «близ Океана» (Тас., Germ. 2). Но есть дополнительные сведения у Плиния Старшего (рис. 2).

Он делит германские племена на 5 групп, и первая группа — это «вандилии», часть которых составляют «бургундионы», «варины», «харины» и «гутоны» (Plin., Nat. Hist., IV, 99—101). «Варины» вместе с «евдосами» упоминаются у Тацита в Скандинавии, скорее всего, в Ютландии, выше лангобардов (Тас., Germ., 40; Буданова 1990: 167). Бургундионов Плиний размещает между Одером и Вислой, а Птолемей как соседей семнонов около Одера (Ptolem., II, 11, 810). Вандалы, таким образом, фиксируются по этнокартам I—II вв. от Вислы до Эльбы, включая часть Дании. Дион Кассий, писавший свою историю в конце II — первой трети III вв. н.э., отводит вандалам территорию даже вплоть до верховьев Эльбы (Вандальские горы у истоков) (Dio Cass. Hist., Rom., 551). Есть одно весьма интересное наблюдение об опосредованном совпадении данных этнокарты «Географии» Клавдия Птолемея и «Гетики» Иордана, который в тексте ссылался на сочинение Птолемея (Iord., Get. 16). Гитоны-готы помещены у Клавдия Птолемея, как известно, не на карте Германии, а на карте европейской Сарматии — на правом берегу Вислы. Но выше по Висле, т.е. южнее, на карте Сарматии, помещены им и фругундионы, и аварины, и бургундионы, в которых легко увидеть части племени вандалов Плиния (бургундионы и варины). Исходя из вышесказанного, вполне естественно что, включив ульмеругов и вандалов в состав племен, участвовавших в переселении на юго-восток, нужно искать на территории Северного Причерноморья не столько вельбаркские (готы), но, прежде всего, скандинавские (ульмеруги, варины, евдосы) и центральноевропейские (вандалы, бургунды) типы изделий фаз B2/C1-C1a (150/160—210/220 гг.)

Попытаемся пойти по этому тернистому пути, так как хорошо известно, что пути миграций народов часто остаются практически неуловимыми для археологии.

Специалистам известен комплекс, происходящий из Красного Маяка, в котором были обнаружены западнобалтские вещи (рис. 3): бронзовый налобник — венчик и пирамидальный колокольчик (Гей, Бажан 1993: 53—55, рис. 3). Все аналогии происходят с территории западнобалтской культуры, и комплекс датируется второй половиной II — первой половиной III в. н.э. (Гей, Бажан 1993: 57). Следует отметить, что могильник у с. Красный Маяк — это район Бериславля, возможной переправы «готов» Филимера.

Нельзя не отметить значительное количество находок вещей круга эмалей, происходящих из более северной, лесостепной зоны

Nº4. 2010

Рис. 1. Карта восточной части Германии и Европейской Сарматии по Клавдию Птолемею.

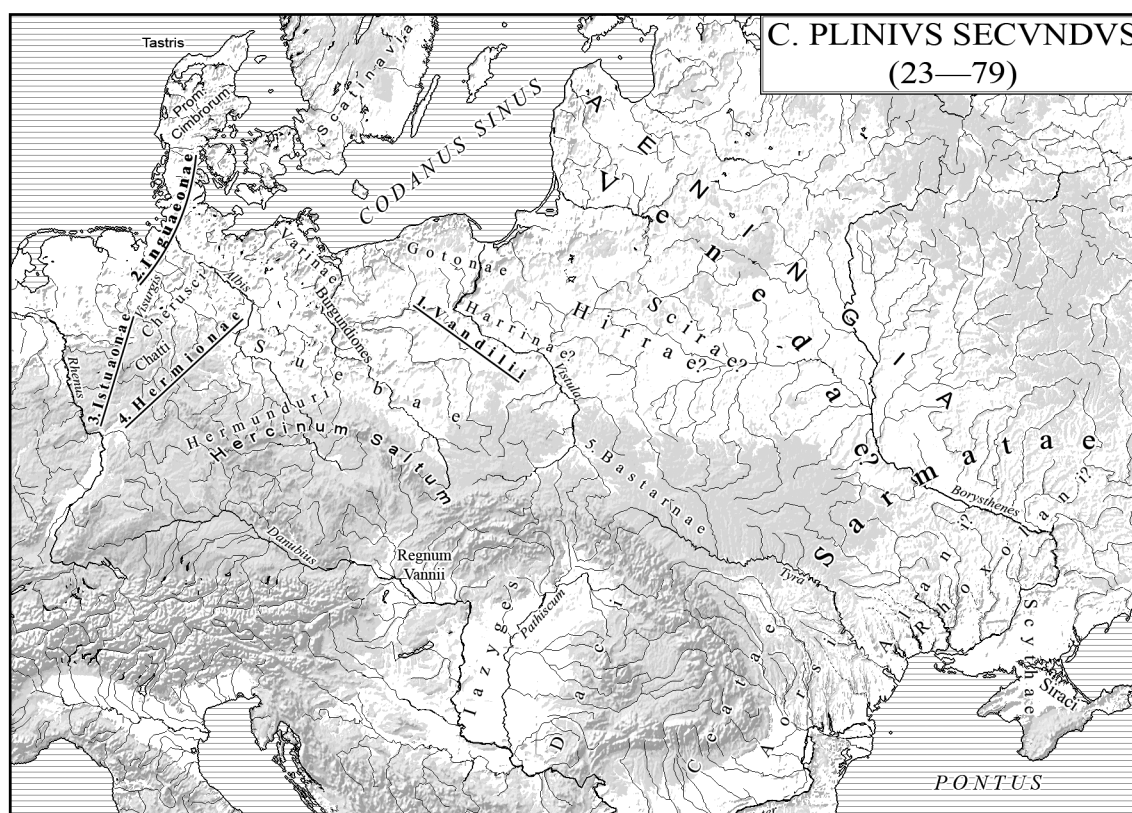

Рис. 2. Этнокарта Плиния Старшего (по: Щукин 1994: рис. 92).

Среднего Поднепровья, Левобережья Днепра, вплоть до Верхнего Подонья (Обломский, Терпиловский 2007: рис. 139). Целый ряд находок фибул и лунниц с эмалью относится к финалу позднезарубинецкого периода (вторая половина II в. н. э.) и к раннему этапу киевской культуры, по А. М. Обломскому и Р. В. Терпиловскому, который датируется концом II — первой половиной III вв. н. э. (Обломский, Терпиловский 2007: 122—123, рис. 135—138). Возникает закономерный вопрос: не являются ли синхронные находки прибалтийских вещей в Красном Маяке, на Нижнем Днепре, и находки эмалей в Среднем Поднепровье, в лесостепном Левобережье и Подонье явлениями одного порядка, и никакой связи с переселением готов Филимера эти находки не имеют? Связь, на мой взгляд, несомненно, есть, иначе чем объяснить синхронное появление новой моды на вещи круга эмалей в мужском и женском костюме Прибалтики, Мазурии и далекого от них Среднего Поднепровья, конец позднезарубинецких культурных общностей и начало формирования киевской культуры, прекращение памятников группы Одры-Венсеры и начало формирования новой — вельбарско-цельской культуры. Вероятно, все это вызвано общим рядом причин — началом экспансии готов на юг и юго-восток в 150—160 гг.

по Р. Волонгевичу и началом Маркоманнских войн в 166 году. Об остальных причинах синхронного появления инноваций на территории от Балтики до Черного моря, фиксируемых археологически, можно только догадываться.

Рышард Волонгевич создал хронологию вельбарской культуры и разделил всю территорию культуры на 6 зон (A — F) (Wolagiewicz 1981). На его карте четко видно направление движения носителей вельбарской культуры на юг — юго-восток, при этом, как уже писалось выше, — в фазах B2b и B2/C1 появляется целый ряд новых археологических памятников в Кашубско-Крайненском Поозерье, в Мазовии, Подлясье и на Вольни, и на этих территориях исчезают памятники пшеворской и липицкой культур. Именно это движение из Готискандзы, начавшееся от низовьев Вислы, послужило тем толчком, который привел к подвижке многочисленных германских племен на юг, к границам Римской империи, и стало импульсом к началу военных действий в 166 году на Дунае.

Мне кажется, что Рышард Волонгевич, при создании своей стройной концепции экспансии готов на юго-восток, не учел одного очень важного момента: движение мигрантов, переселенцев из Скандзы, шло не только на юго-восток, но и в северо-восточном направлении — в сторону Восточной Пруссии

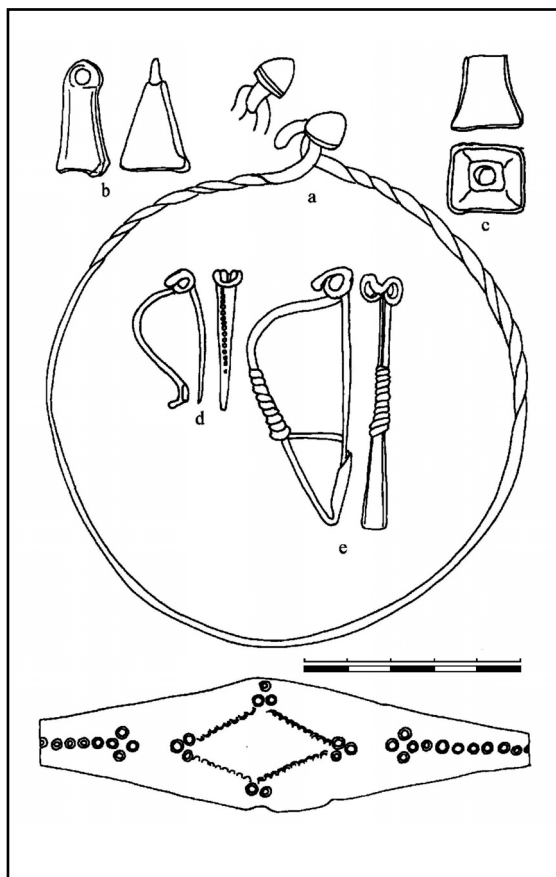

Рис. 3. Комплекс погребения № 48 из Красного Маяка с западно-балтской гривной (Гей, Бажан 1993: рис. 3).

и Прибалтики, и могло вызвать движение носителей западнобалтской культуры (Долькайм-Коврово, Богачевская) также на юг-юго-запад. Речь идет о племенах эстиев, галиндов, ставанов и судинов, известных нам по данным Тацита и Птолемея (рис. 1). При этом речь не идет о культурах, связанных напрямую с балтскими или финскими этносами, эти культуры по своему облику были также германские: в погребальном обряде использовался биритуализм, клали оружие в погребения, но, при этом, существуют сильные отличия от достоверно германских культур — вельбаркской и пшеворской.

Тацит пишет о племенах эстиев следующее: «Что касается правого побережья Свебского моря, то здесь им омываются земли, на которых живут племена эстиев, обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык — ближе к британскому. Эстии поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей; они им заменяют оружие и оберегают чтящих богиню даже в гуще врагов. Меч у них — редкость; употребляют же они чаще всего дреколье (дубины). Хлеба и другие плоды земные выращи-

вают они усерднее, чем принято у германцев с присущей им нерадивостью. Больше того, они обшаривают и море и на берегу, и на отмелях единственные из всех собирают янтарь, который сами они называют глезом» (Тас. Germ. 45).

Вполне возможно, эти различия связаны с сильным влиянием кельтского субстрата с запада и балтского с северо-востока. Представители этих племен могли включиться в состав единого потока германцев-мигрантов, принимая «готское гражданство» и быстро теряя свою этническую идентификацию, либо перемещаться отдельными обособленными отрядами, сохраняя при этом в значительной степени свою самобытность. Поэтому, на мой взгляд, можно с большой долей уверенности предполагать участие западнобалтских контингентов в составе переселенцев, которых мы знаем из поздних письменных источников IV—VI вв. под именем ведущего племени «готов».

При всем многообразии типов вещей с эмалями в лесостепной зоне можно отметить тот факт, что типы вещей с эмалями единичны в степной зоне и во всем регионе Северного Причерноморья, но, при этом, в степной южной зоне присутствуют типы вещей «*круга эмалей*», такие, как пряжки и умбоны щитов, которые характерны для горизонта центральноевропейских и восточнопрусских памятников фазы B2/C1.

Давно известны находки трех бронзовых пряжек с прямоугольными рамками на язычке в закрытых комплексах Керчи и на Кубани, на хуторе Городской, которые имеют исключительно западнобалтские параллели и датируются также временем фазы B2/C1 (рис. 4: 5, 7; 5; 6Н). Пряжки из Керчи найдены в 1903 году на Глинище в погребении № 203, которое датируется по тамге Тиберия Евпатора 154—170 гг. н. э., и в погребении 11 кургана 1, раскопанного Полем Дюбрюксом в 1817 году (Бич 1951: рис. 2—3) (рис. 6Н). Этот комплекс датируется также на основании пряжки типа «С» от римской портупеи серединой — второй половиной II века. Комплекс погребения № 16 у хутора Городского датируется тем же временем — второй половиной II — началом III в. н. э. Рената Мадыда знает только четыре находки такого рода пряжек в комплексах западнобалтской культуры (группа G, тип 14 и 25) и датирует их ранней фазой B2 (Madyda-Legutko 1986: 48—51) (рис. 5). Уникальны находки двух эмалевых лунниц, одна из которых найдена в устье Дона на поселении Рогожкино XIII (Гудименко 1994: 14—15), а другая в погребении 11 могильника

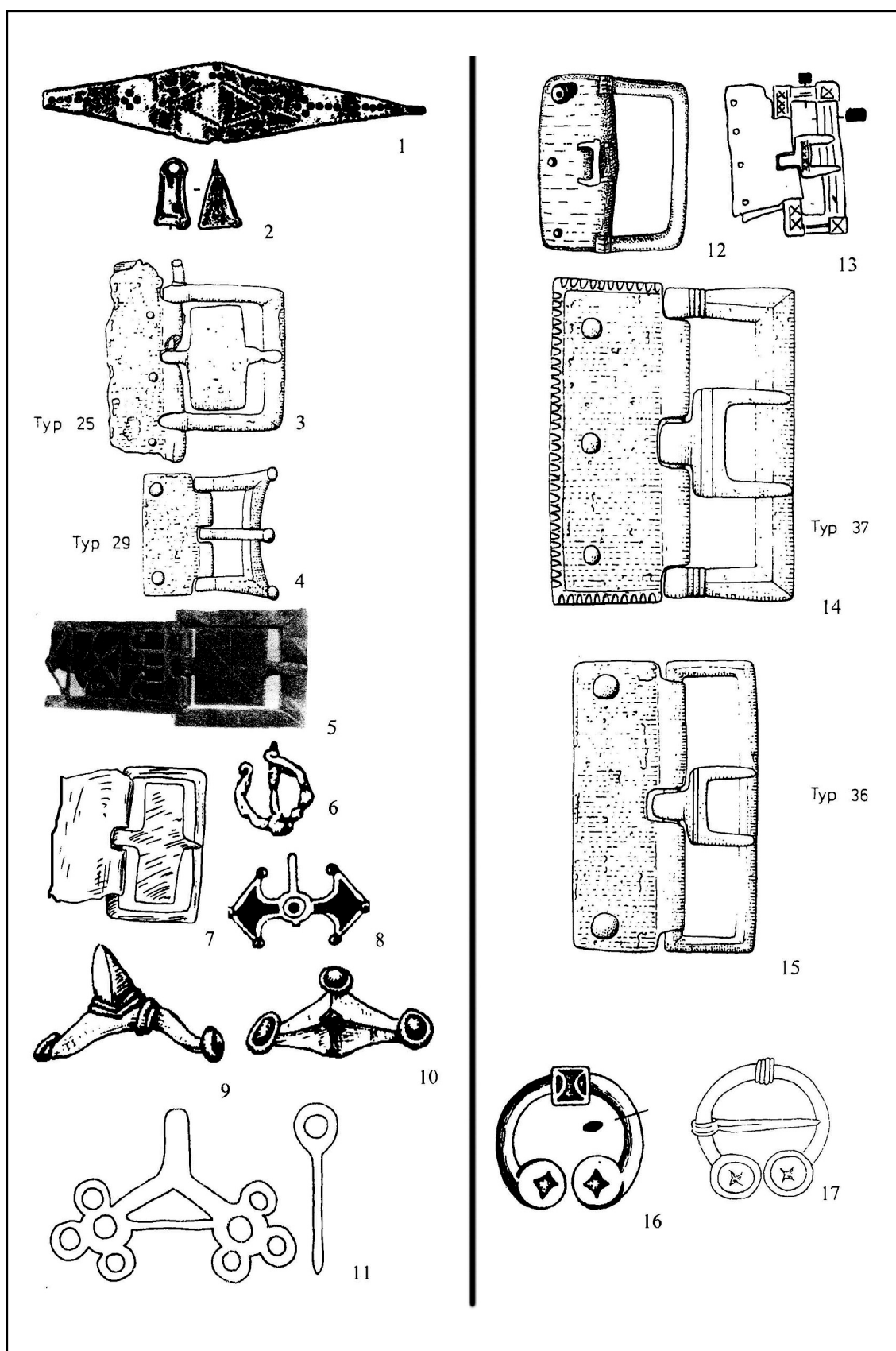

Рис. 4. Типы вещей прибалтийско-скандинавского и германского происхождения фазы B2/C1, найденные в Северном Причерноморье. 1—2 — погр. 48 мог. Красный Маяк; 3, 4, 14—15 — типы «германских» пряжек по Р. Мадыде-Легутко; 5 — пряжка из погребения № 203, 1903 в г. Керчи; 6, 8 — пос. Рогожкино XIII; 7 — погр. № 16 у хут. Городской; 9—10 — мог. Скалистое; 11 — погр. 16 мог. Клинь-Яр; 12 — погр. 16 мог. Холмское; 13 — склеп 32, Ольвия; 16 — погр. 1, курган 2 Дивизийского мог.; 17 — погр. 5, курган 8, Новые Бедражи.

Клин-Яр у Кисловодска на Северном Кавказе (рис. 4: 811) (Абрамова 1997: 29, рис. 30: 4). Обе лунницы также датируются по комплексу находок фазой B2/C1 или второй половиной II века.

На дату возникновения и обитания на поселении Рогожкино XIII указывают находки боспорских монет от Савромата II (174—210 гг.) до Инифимея (234—238 гг.) (Безуглов, Гудименко 1993: 171).

Интересно в связи с этим погребение воина в склепе Каллисфена, со щитом, украшенным умбоном с длинным шипом (рис. 7: 2). Такие умбоны, типа IIIA по Й. Илькеру, относятся к середине — второй половине II в. н. э. (рис. 8). К «горизонту 1 погребений с оружием» относит умбоны с прямым высоким шипом К. Годловский и датирует их также ступенью B2/C1. В погребении были найдены детали от двух удил, фалары, части парадного оголовья со вставками стеклянной пасты, рядом с остовом лежали железный меч и кинжал. К сожалению, не сохранилась ажурная пряжка с волутами на дужке, которая принадлежит к группе ажурных пряжек с обоями, где можно видеть тамги Тиберия Евпатора и Савромата II. Четыре умбона, обнаруженные в слое пожара Танаиса, относятся к типу Конин (рис. 9: 1—3) и типу Хорула (рис. 9: 4—5), которые германцы начали использовать с окончания Маркоманнских войн (горизонт 2a погребений с оружием (Godlowski 1992: Abb. 3).

Перед нами возникает некая цепочка находок, идущая от Балтики к Красному Маяку, затем в Керчь, Меотиду, далее — на Кубань и Северный Кавказ. Эти типы женских украшений и мужского снаряжения образуют единый хронологический горизонт второй половины II — начала III века н.э., и ареал их распространения может быть соотнесен с предложенной выше схемой движения «готов» Филимера (рис. 5).

Можно заметить, что в значительной степени этот горизонт находок выделен по типам вещей прибалтийского облика, и можно предположить, что на первом этапе миграции «готов» переселенцы с берегов Самбии могли играть более значительную роль, чем это представлялось ранее, и даже во многом определять некий колорит первых мигрантов. Мы не видим ни одного типа предметов, которые можно было бы связать только с вельбаркской культурой, которую, как считает большинство исследователей, оставили племена готов, зато целый ряд элементов говорит о других племенах, часть которых можно было бы назвать как народы «между германцами и кельтами»,

которые включились в это движение под «готскими знаменами».

Куда же могла последовать другая половина переселенцев с берегов Балтики, оставленная на переправе у Днепра? Судя по некоторым редким находкам, которые относятся к этому времени, северные варвары отправились на запад от Южного Буга.

В пшеворских и западнобалтских древностях рассматриваемого времени («горизонты 2 и 2a погребений с оружием», по К. Годловскому) появляются пряжки с двумя язычками (Godlowski 1970: Pl. X). Две пряжки этого типа были найдены в начале прошлого столетия на некрополе Ольвии (рис. 4: 13), в регионе Южного Буга (Бажан, Герцегер 1993: 107—108; Raddatz 1957: taf. 5). Одна пряжка этого же типа найдена в погребении 16 могильника Холмское (рис. 4: 12) в Буджаке, вблизи Дуная (Гудкова, Фокеев 1984: 14—16, рис. 6—2). Основной ареал распространения пряжек с двумя язычками охватывает регион богачевской культуры и культуры Долькайм-Коврово, редкие находки представлены в пшеворской и любощицкой культурах (рис. 10), датируются они также фазой B2/C1 (Madyda-Legutko 1986: 52—53, taf. 16). Особый интерес вызывают, в связи с поиском германских элементов, и находки уникальных бронзовых пряжек-сюльгам, украшенных эмалью, в Днестро-Дунайском междуречье, в Дивизийском могильнике (рис. 4: 16), в кургане № 2, в погребении 1 (Субботин, Дзиговский 1990: 3—4, рис. 3: 3) и в Новых Бедражах (рис. 4: 17), кургане 8, погребении 5 (Grosu 1995: fig. 3, 4). Оба комплекса по инвентарю и по типам пряжек также относятся к фазе B2/C1.

Таким образом, можно предварительно, исходя из достаточно немногочисленного материала, проследить путь второй группировки «готов», которая выходит в 70—80 гг. II века н.э. к дунайским границам Римской империи (рис. 11). Можно заметить, что и этот горизонт находок может свидетельствовать о значительном участии *других народов* «Германии» и «Европейской Сарматии» в движении «готов» на юго-восток. Эти «готы» письменных источников, вероятно, переходят Дунай (вельбаркский сосуд из Мангалии) и становятся федератами Рима. Возможен и другой вариант объяснения появления этих находок в Ольвии и в сарматских комплексах: после сражения с северными варварами часть украшений и снаряжения попала в руки их противников как военные трофеи. В любом случае, эти находки — свидетельство появления во второй половине II — начале III в. н. э.

переселенцев с территории Балтики, которые, выйдя к Дунаю, могли попасть под влияние новой «дунайско-римской» моды и сменить свой традиционный костюм. Этим объясняется столь незначительное количество северных и центральноевропейских элементов, которые мы сегодня можем выделить.

Вернемся к «готам Филимера» на Меотиде. Скорее всего, они появляются на границах Боспора также в районе 170-х гг., когда один из воинов носил пряжку западнобалтского облика с обоймой, украшенной тамгой Тиберия Евпатора (рис. 4: 5), а основной зоной их обитания явилась дельта Дона (рис. 12), где были обнаружены странные поселения типа Рогожкино с керамикой, подражающей вельбаркским образцам (Юрочкин 2001: рис. 1). Возможно, уже тогда часть переселенцев, сле-

дующая на восток, осталась в районе Арабатской стрелки у с. Геническая Горка, где также встречена странная кухонная керамика центрально-европейского облика с незначительным количеством лощеной посуды — 2% (Юрочкин 2001: 108—110). Эти ранние «германцы» могли частично стать союзниками боспорян, отсюда эти находки западнобалтских пряжек с тамгой царя Евпатора и находки ранних германских умбонов с шипом в Танаисе (курган 2, погребение 1) (рис. 13: 3) и в Керчи, в склепе Каллисфена (рис. 7: 2).

Германцы эпохи «готских войн»

По моему мнению, существовали, исходя из данных письменных источников, как минимум, две крупные германские кон-

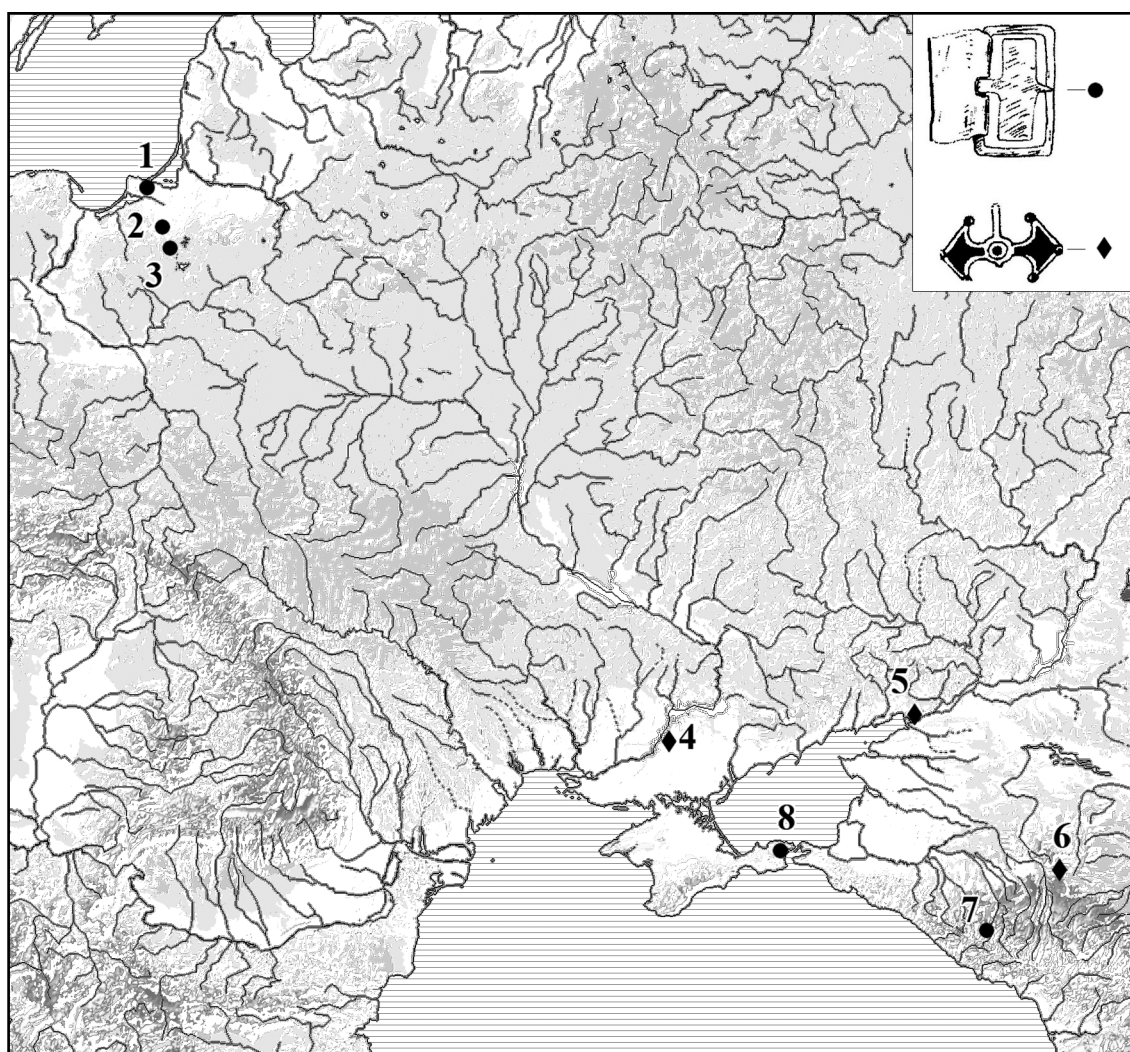

Рис. 5. Распространение балтских типов пряжек и лунниц с эмалью на территории Восточной Пруссии и Северного Причерноморья. 1 — Грачевка, пряжка типа G25; 2 — Вышемборк IVa, погр. 7 — пряжка типа G25; 3 — мог. Книс, пряжка типа G14 (Madyda-Legutko 1986: Karte 32, 36); 4 — мог. Красный Маяк, погр. 48 — гривна; 5 — пос. Рогожкино XIII, лунница с эмалью; 6 — мог. Клинь-Яр, погр. 16 — лунница с эмалью; 7 — погр. 16. мог. Городской — пряжка типа G25; 8 — Керчь, мог. 203/1903 г.; мог. 11/1817 г.; 3 случайные находки (Васильев 2005: рис. 2) — пряжки типов G14 и G25.

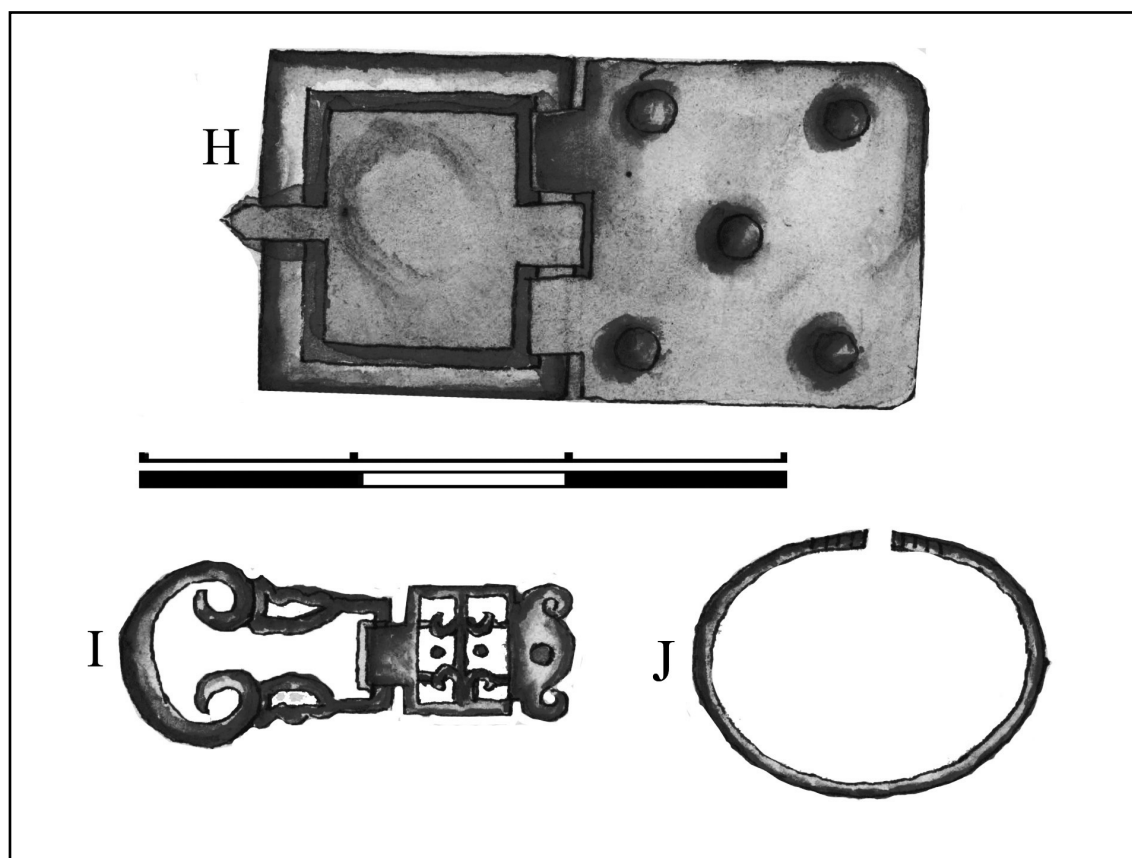

Рис. 6. Комплекс грунтового погребения № 11, 1817 г. Раскопки П. Дюбрюкса в 1817 г. (Бич 1959: рис. 2—3, Н—J).

федерации различных племен, участвующих в событиях II—III вв. н. э. Эта ситуация была обусловлена изначально, с момента переселения готов Филимера около 170 г. н. э. и разделения их на две части: западную — днестровско-дунайскую и восточную — меотидскую. Есть ли для событий середины III века данные, подтверждающие и далее это разделение?

Рассмотрим эпоху короля Остроготы, который правил достаточно долго (218—250 гг.) и при котором начались «готские войны». До сих пор идут споры, был ли он реальной исторической личностью (ср. Wolfram 1979: 44; Nachmann 1970: 48), являлся ли последним королем, который правил всеми готами, как считал Рольф Хахманн, или первым королем остроготов, как считал Хервиг Вольфрам? Нам вполне понятны основания для обеих точек зрения.

Вначале приведем очень важный отрывок текста «Гетики»: «В третьей области, на Понтийском море, став уже более человечными, и, как говорили выше, более просвещенными, они разделились между двумя родами своего племени: везеготы служили роду Балтов, остроготы — преславному Амалам» (Iord., Get., 42). Мне кажется важным отме-

тить, что речь у Иордана в этом месте идет в целом о Понтийском регионе, а не только о Скифии, как о части понтийского ареала, ограниченного с запада Дунаем. Таким образом, этот фрагмент текста может быть отнесен и к более позднему времени: середине — второй половине V века н. э., когда готы перешли Дунай и расселились во Фракии и Мезии. Но, исходя из этого, Иордан как бы указывает, что никакого деления ни в Меотиде, ни в Дакии еще не было, что противоречит выводам, сделанным нами ранее.

Рассмотрим далее текст Иордана. Он пишет: «Там, на берегах Понта, где они остановились в Скифии, часть их, владевшую восточной стороной, возглавлял Острогота; либо от этого имени, либо от места, т. е. «восточные», называются они остроготами; остальные же везеготами, т. е. с западной стороны» (Iord., Get., 82). В этом тексте уже присутствует уточнение — «на берегах Понта, в Скифии». Иордан, давая описание Скифии, ограничивает ее с юга «Понтом и нижним течением Истра» (Iord., Get., 31). Исходя из текста, получается, что обе готские группировки находились к северу и востоку от Истра (Дуная). Отсюда и название «скифы» у многих позднеантичных и средневековых авторов, так как

варваров, живущих к северу от Истра, еще по более ранней античной традиции именовали скифами.

Подтверждают это местонахождение готов за Дунаем и другие письменные источники. Из сообщения Петра Патрикия о посольстве карпов к наместнику провинция Мезия Туллию Менофилу и о последующих событиях известно, что римляне пытались вызвать враждебные отношения между карпами и готами, что имело бы смысл, если бы они были соседями и их пути вторжения в империю совпадали (Щукин 2005: 90—91). И здесь В.П. Буданова, судя по всему, права и можно считать, что в скифской войне 232—238 гг. принимали участие именно придунайские готы (Буданова 1990: 84).

Где же находился Острогота со своим народом, и где были тогда западные готы? Есть несколько привязок их местонахождения, следуя тексту Иордана. То, что они жили в Скифии, подтверждается следующим местом: «Они, хотя и жили в отдалении под управлением своих королей, были *федератами римского государства* и получали ежегодное вознаграждение» (Iord., Get., 90). В 247 году, в год тысячелетия Рима, у них была отнята стипендия, и «Острогота со своим племенем перешел Дунай и опустошил Мезию и Фракию». В следующем, 248 году, в составе его союзников упоминаются Иорданом *тайфалы, вандалы-асдинги, карпы и певкины*, с которыми готы переходят вброд Дунай и вновь опустошают Мезию. Опять мы видим, что основной состав союзников — карпы, вандалы, певкины, говорит о действиях именно придунайских, а не более восточных скифов. В.П. Буданова пишет, что в составе участников похода нет ни одного племени, жившего восточнее Днестра (Буданова 1990: 85).

Есть в тексте Иордана еще два указания на более точное местонахождение Остроготы: «Под его десницей нередко лежал вандал, принуждаем был к дани маркоманн, обращены были в рабство вожди квадов» (Iord., Get., 89). Вряд ли мог управлять Острогота из Северного Причерноморья или Меотиды племенами Среднего Дуная (Буданова 1990: 88).

Судя по всему, Острогота со своим племенем находился где-то вблизи восточных и северных границ Дакии. После этих событий, по хронологии Иордана, следует сражение с гепидами. Послы гепидов искали Остроготу и, соответственно, племя остроготов «в горах и чащах лесов». Сражение происходит около города Гальтиса, т.е. на реке Олт, в южном Семиградье, причем это место — или владения

Остроготы, или граница этих владений, если следовать дословно описанию Иордана (Iord., Get., 98—99). Две привязки говорят о более точной локализации племени Остроготы — восточные лесистые склоны предгорий Карпат с запада, р. Олт и Дунай с юга, Понт с востока и Днестр с севера.

Таким образом, исходя из анализа известных нам текстов, «готские войны» до середины III века вели только придунайские готы короля Остроготы, которых можно называть, противореча тексту Иордана, скорее западными, чем восточными. Трудно предположить, что еще западнее, на Среднем Дунае и далее, действовала еще другая группировка готов.

Этнокон «остроготы» совсем не связан по своей этимологии с корнем «восточные».

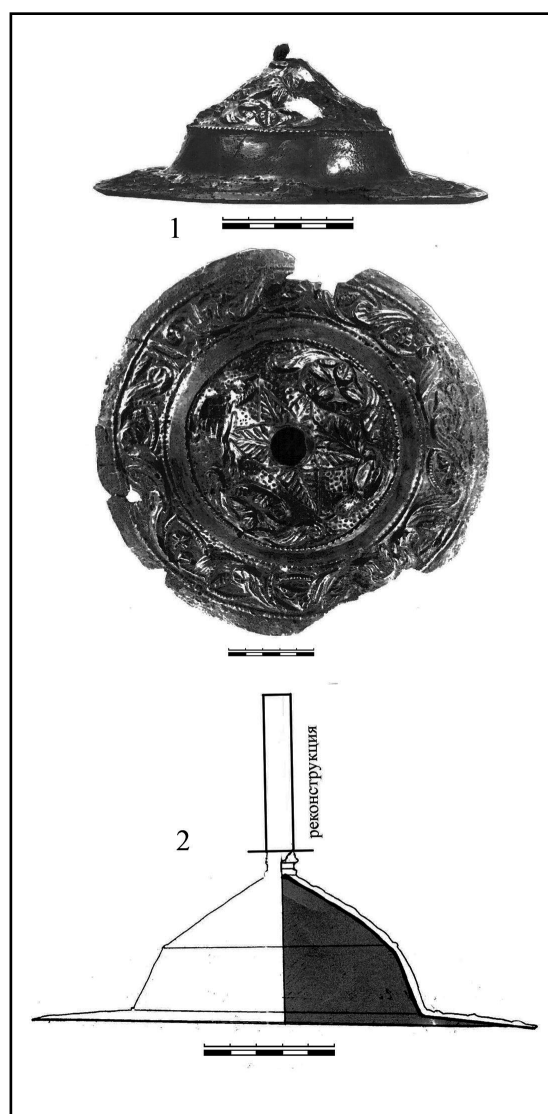

Рис. 7. 1 — железный умбон, обтянутый бронзовым листом с тисненым орнаментом из склепа Каллисфена (Ščukin, Kazanski, Sharov 2006: fig. 8); 2 — умбон щита из мужского погребения склепа Каллисфена. Реконструкция автора.

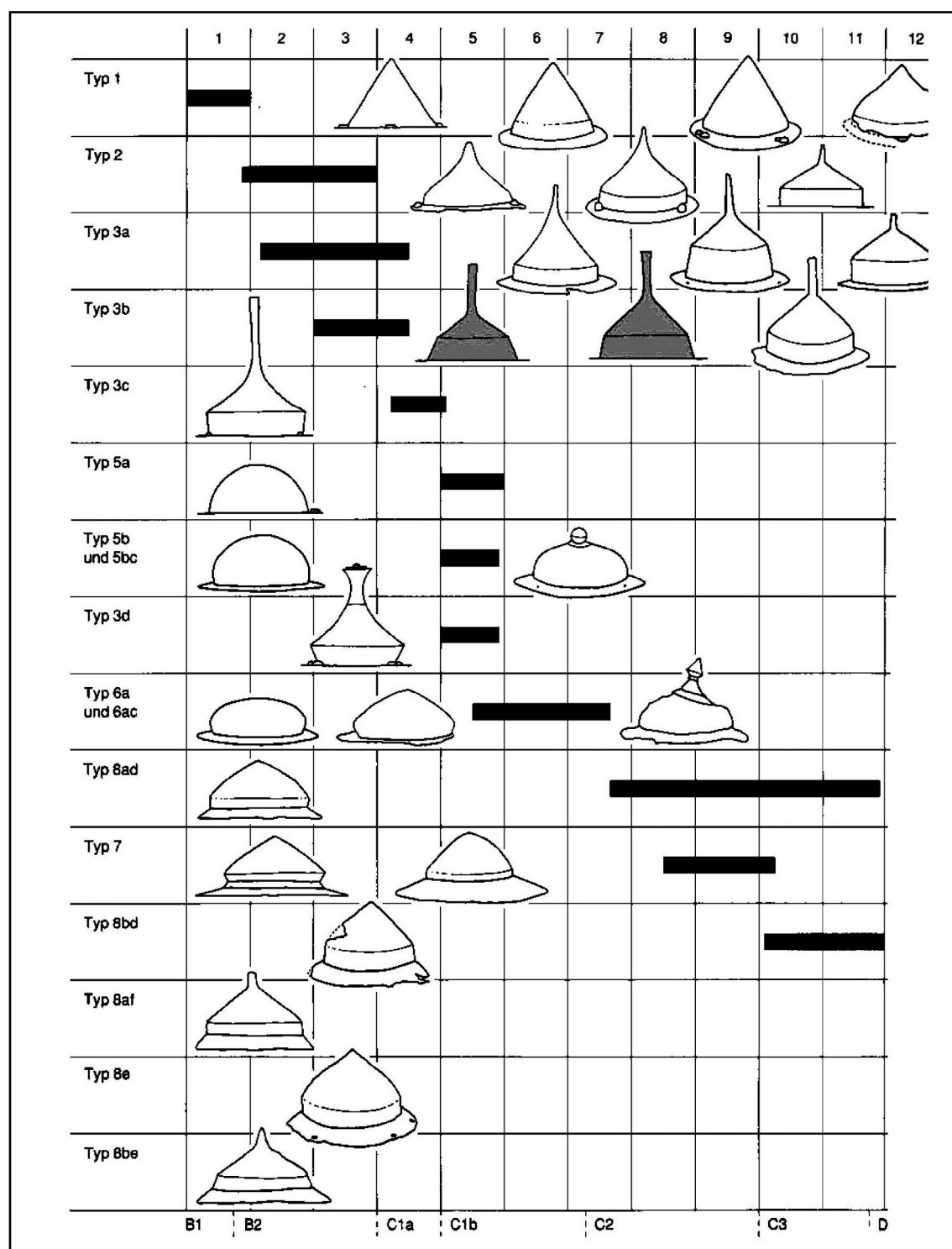

Рис. 8. Хронология умбонов по Й. Илкьеру (Ilkjær 1990: Abb.199).

Е.Ч. Скржинская пишет, что у Иордана нигде нет осмысления названий готских племен «остро»-готов (от др. нем. «Austr» — «блестящие») и «вези»-готов (от др. нем. «Weise» — «мудрые»). Он всегда придерживался понимания этих названий как «восточных» и «западных» готов, при этом ни разу не употребив этниконь «остготы» и «вестготы» (Скржинская 1997: прим. 277).

После смерти Остроготы в 250 году ему наследует Книва, который «разделил войско на две части».

Е.Ч. Скржинская и В.П. Буданова подчеркивали, что разделено было не войско, а племя, т.е. вместе с боеспособными мужчинами ушли их семьи и обозы с имуществом (Скржинская 1997: 80, прим. 320; Буданова 1990: 89). Может быть, именно с этого момен-

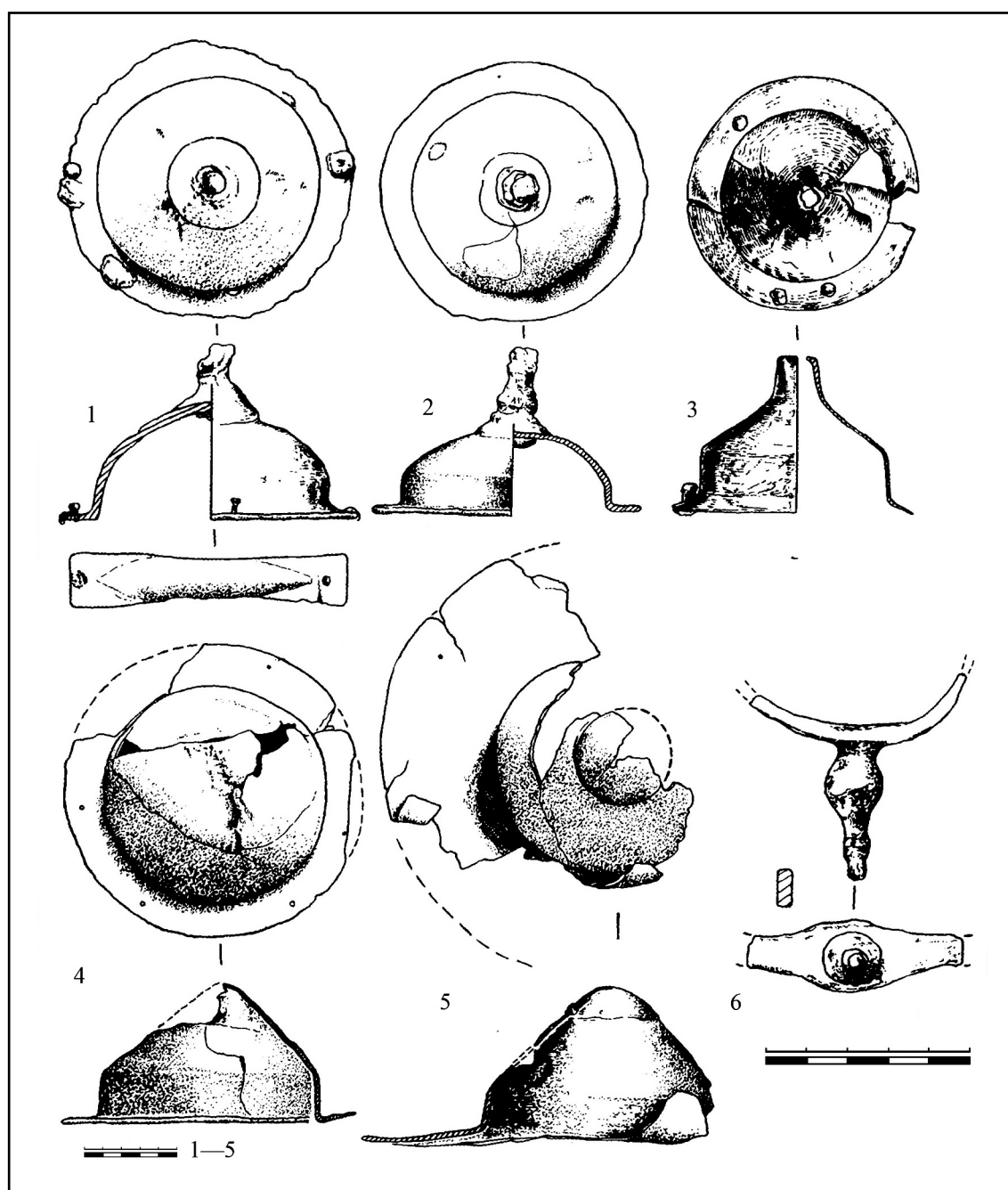

Рис. 9. Умбоны германских типов из слоя пожаров усадьбы Танаиса (Bezuglov 2004: Abb. 2).

та произошло деление на восточных и западных готов?

Книва с большей частью готов в 251 году опустошает Мезию, овладевает Филиппополем и разбивает под Абриттом римские легионы. Император Деций убит, к власти приходят Галл и Волузиан, которые и заключают вновь союз с готским племенем (Iord., Get. 104—106).

Вероятно, речь идет снова о части придунайских готов, которые выбрали своей судьбой соединение с королем Книвой. Осталась еще одна часть дунайских готов, куда она последовала? В «Анналах» у Зонары сообщается о части «скифов», которые после грабежей в Италии, Македонии и Греции при Требониане Галле и Волузиане (251—253 гг.) по суше достигли Боспора и, переправившись через Меотиду, разорили хоры каких-то городов. Не те ли это готы — «скифы», которые отделились от Книвы в 251 году? Эти «готы» пошли от Дуная на восток и по суше путем готов Филимера пришли к Боспору, т. е. достигли Танаиса, захватили его, затем переправились через Понт на боспорских судах и разорили города Малой Азии.

То, что не только придунайские готы входили в состав новой восточной конфедерации

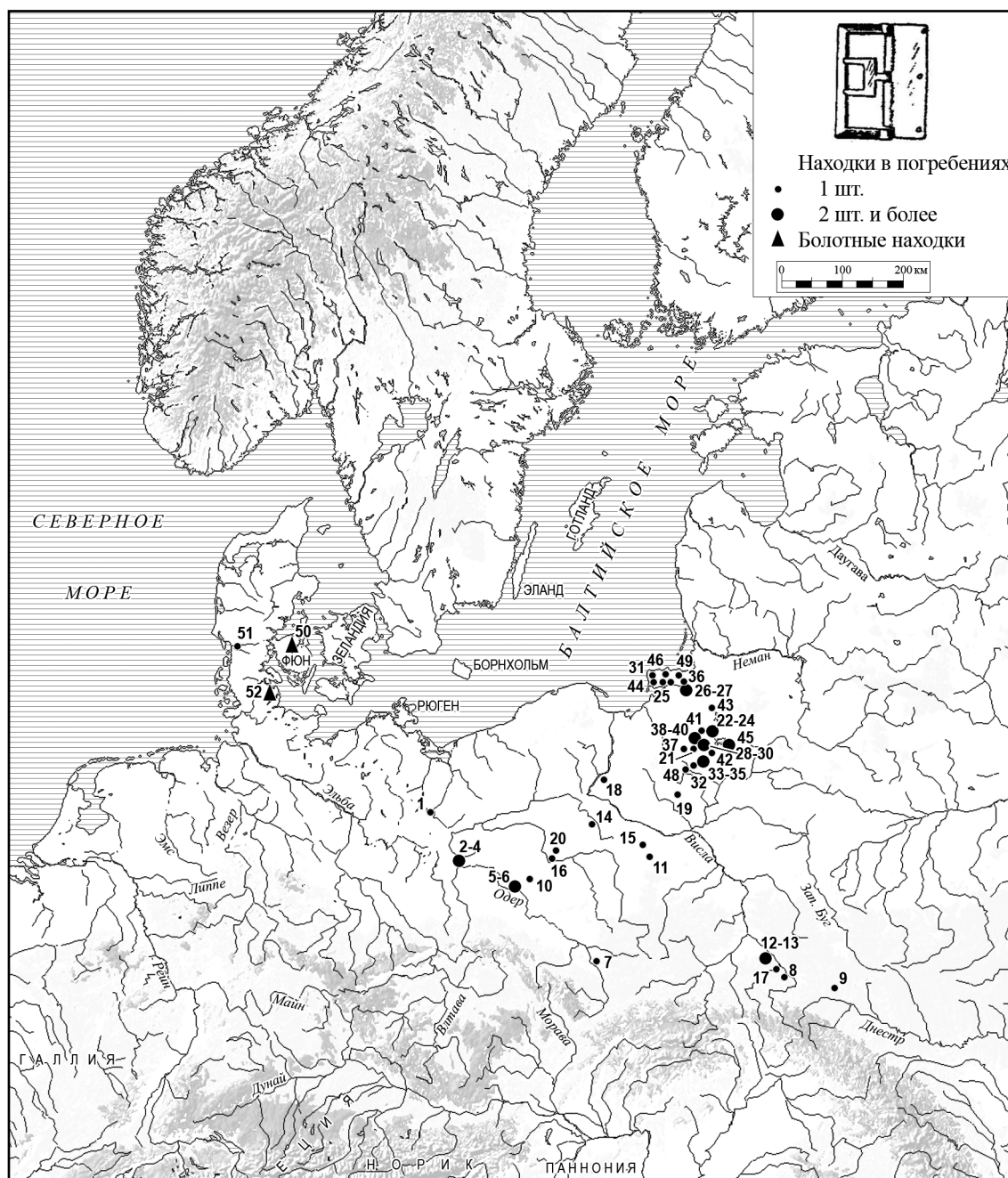

Рис. 10. Распространение пряжек с двумя язычками по К. Раддатцу (Raddatz 1957: Karte 5).

ции, мы знаем из «Новой истории» Зосима. Об этих годах он пишет: «снова готы, бораны, уругунды и карпы стали опустошать европейские города... Не оставили не опустошенной ни одной части Италии и Иллириды» (Zosim, I, 27, 31). А далее происходят события на крайних боспорских границах: готы и бораны после захвата Танаиса на боспорских судах отправляются в сторону Питиунта и Трапезунта в 254 и 258 гг. н. э.

Судя по всему, Иордан по-своему прав, что разделение произошло уже на третьем месте — у Понта, когда готы стали «более цивилизованными».

Сделаем некоторые предварительные выводы:

1. По Иордану, первые готы Филимера ушли на Меотиду и на этом их история по «Гетике» обрывается, они канули в крайних пределах Скифии. Этот меотидский период Филимера можно датировать приблизительно 160/170—210/220 гг. н. э.

2. Далее, можно говорить о дакийском периоде короля Остроготы, который начинается приблизительно с окончанием предыдущего (210/220—250 гг.). При этом Иордан пропускает, что готы, живущие между Карпатами и Понтом, — это другая половина готов

Филимера и они должны были появиться на Дунае также около 170 г. н. э.

3. Наконец, в 250/251 гг., при короле Книве, происходит деление на восточных и западных готов, и готы уже появляются по всему побережью Понта — от Дуная до Боспора и Малой Азии, поэтому это время можно называть понтийским периодом короля Книвы (251—283 гг.). Следует заметить, что этот период продолжался для остготов до переселения в Паннонию в середине V в. н. э., а для вестготов до переселения за Дунай в 378 году.

Таким образом, к моменту появления готов на Боспоре и Меотиде в 251—253 гг. можно говорить о двух особых готских союзах, куда входили различные германские и негерманские племена. Обусловлено это деление было изначально с момента появления готов Филимера в Северном Причерноморье, около 170 года.

К западному готскому союзу (остроготам) примкнули вандалы-асдинги, тайфалы, певкины и, возможно, карпы.

К восточному готскому союзу примкнули бораны, уругунды, герулы и, вероятно, какая-то часть аланов.

Мне кажется вполне вероятным, что племена ругов, покоренные готами, и части племен, обитающих в Скандзе (Дания): *варины* и, может быть, их соседи *евдосы*, также вошли в состав восточного готского союза.

Эпоха после «готских войн» — формирование черняховской культуры

После эпохи «готских войн» на обширной территории, включающей почти весь западный ареал Северного Причерноморья от Дуная до днепровского левобережья, возникает черняховская культура. Естественно, что какая-то часть позднесарматского населения Северного Причерноморья попала под сильное германо-провинциально-римское влияние и, соответственно, мы должны найти следы этих «несвободных поздних сарматов» внутри черняховского ареала. По мнению большинства авторов (Симоненко 1999; Магомедов 2001) к таким сарматским признакам можно отнести, прежде всего, черняховские погребения в ямах с заплечиками и погребения в катакомбах. Черняховские могильники с преобладанием такого рода погребений в ямах с заплечиками (Холмское, Петрешты, Ранжевое, Викторовка-11, Каменка-Анчекрак) датируются IV веком, т. е. тем временем, когда этот обряд исчезает на сарматских памятниках. Объяснение этому несовпадению во време-

ни, по мнению А. В. Симоненко, достаточно простое: черняховские могильники Данчены, Будешты, Ханска-Лутерия, Оселивка, Журавка, Каборга-9 были заложены еще в первой половине III века, когда этот обряд был повсеместно распространен на сарматских памятниках (мог. Алкалия — 44,5%; мог. Хаджидер 11—66,6%; мог. Дивизия — 36,4%). Катакомбы на черняховских памятниках Буджака (мог. Беленькое) также характерны только для IV века (Гудкова, Фокеев 1992: 96—98), но в этом случае они синхронны катакомбам на сарматских памятниках.

Следует учитывать еще большую сложность этнополитической ситуации в Северном Причерноморье: помимо германцев с севера, в середине — второй половине III в. н. э. происходит переселение на эту территорию с востока и поздних сарматов — носителей катакомбного обряда. Таким образом, два процесса совпали во времени и, несомненно, между собой как-то взаимосвязаны. Во время формирования черняховской культуры в 50—60 гг. III века, когда только появились первые черняховские поселения в Северном Причерноморье и были заложены первые могильники, по этой же территории, занятой новым черняховским населением, проходят «поздние сарматы», которых многие исследователи считают «европейскими аланами» (Безуглов 1990; Безуглов, Захаров 1989; Симоненко 1991; 1999; Скрипкин 1990). На уже существующих ранее сарматских памятниках исчезают старые обряды и появляются новые (катакомбы и подбой). Судя по всему, речь может идти о союзниках, которые по договоренности с готскими вождями переселились с нижнего Дона в Северо-Западное Причерноморье и быстро подчинили себе местное сарматское население. Те сарматы, которые не подчинились новым пришельцам, судя по всему, влились в состав черняховского интернационального единства (ямы с заплечиками). Новые сарматы-пришельцы живут как обособленно, так и чересполосно с черняховцами, иногда хороня своих соплеменников на одних памятниках с ними. Несомненно, налицо мирные взаимоотношения соседей и, вероятно, союзников, если вспомнить морские походы из Меотиды. В Крыму, также в середине — второй половине III века, появляются новые позднесарматские могильники с новым обрядом — катакомбами, которые крымские археологи связывают с аланами (Айбабин 1990: 66; Храпунов 1995: 75). Эти сарматы занимают северные предгорья и охраняют перевалы с севера (мог. Дружное,

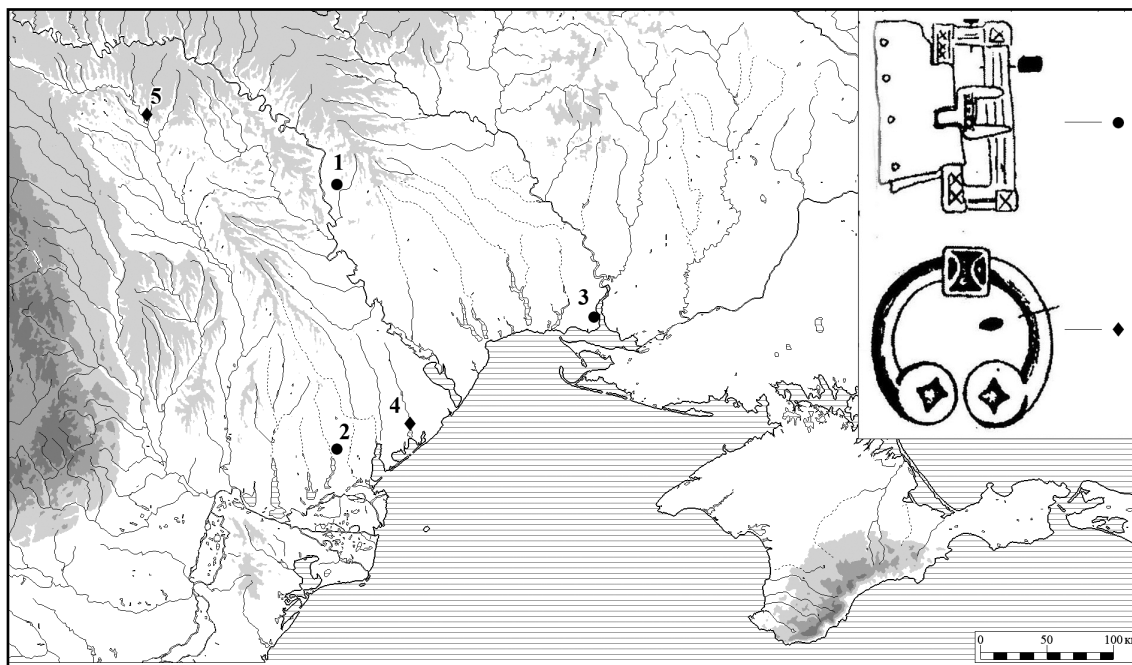

Рис. 11. Ареал распространения «германских» пряжек и подковообразных фибул с эмалью; 1 — курган у с. Мокра, пряжка типа G30; 2 — погр. 16 мог. Холмское — пряжка типа G36—37; 3 — склеп 32, Ольвия — пряжка типа G36; 4 — погр. 1, курган 2 Дивизийского мог. — подковообразная фибула с эмалью; 5 — погр. 5, курган 8, Новые Бедражи — подковообразная фибула с эмалью.

мог. Нейзац, мог. Инкерман, мог. Черная Речка, мог. Бельбек-1), а германцы — южный берег Крыма, и держат с юга в руках старую дорогу, которая проходила через Чатыр-Даг и выходила к мысу Ай-Тодор и крепости Харакс.

Возникшая во второй половине III века «готская держава» как бы расколола сарматский мир надвое (Симоненко 1999: 338). На востоке, в приазовско-донецких степях, немногочисленные погребения финальной фазы граничат с ареалом черняховской культуры, но по всем признакам тяготеют к сарматским памятникам Нижнего Дона. Самые поздние пограничные памятники (Дмухайловка 13/1, Кантемировка, шахта Моспинская) содержат типично черняховские предметы (гребень типа III по Томас, подвязные фибулы 3 варианта, по А.К. Амброзу, черняховская керамика и т.д.). Это, судя по всему, единый массив позднесарматского населения с центром на Нижнем Дону (скорее всего, в Танаисе), который С.И. Безуглов достаточно обоснованно отождествляет с аланами-танаитами Аммиана Марцеллина (Безуглов 1990: 86). Судя по всему, они не входили в состав готского объединения, но союзные отношения с готскими вождями также очень вероятны.

Иная ситуация с памятниками Нижнего Подунавья финальной фазы позднесарматской эпохи. Здесь сарматские памятники располагаются прямо на черняховской террито-

рии, и в комплексах также есть черняховские типы вещей (умбон щита в мог. Курчи, фибула и гребень в погр. в Кубее). Появление катакомбных погребений на черняховских могильниках, по мнению А.В. Симоненко, говорит о процессе этнической и культурной интеграции сарматов и черняховцев. Это и есть «европейские аланы» Аммиана Марцеллина (Симоненко 1999: 339) или, возможно, аланы Алатея и Сафрака Иордана — союзники готских королей. Правда, если исходить из описания Иорданом тяжеловооруженной аланской конницы Алатея и Сафрака, то, скорее всего, эти союзники прибыли из района Нижнего Дона или Прикубанья, где в I—III вв. н. э. были зафиксированы в значительном количестве и фрагменты доспехов катафрактариев, и конская защитная аммуниция.

Нельзя не коснуться одного известного сюжета из «Деяний» Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXII, 7, 10), который ряд исследователей интерпретировал как важный источник, говорящий о присутствии готов на Боспоре в середине — второй половине IV в. н. э. (Васильев 1921: 312—313; Казанский 1999: 284).

К 362 году относится сообщение Аммиана Марцеллина о том, что к Юлиану в Константинополь «с севера из пустынных областей, по которым в море впадает Фасис, ехали посольства **боспорян** и других неведомых раньше народов с мольбой о том,

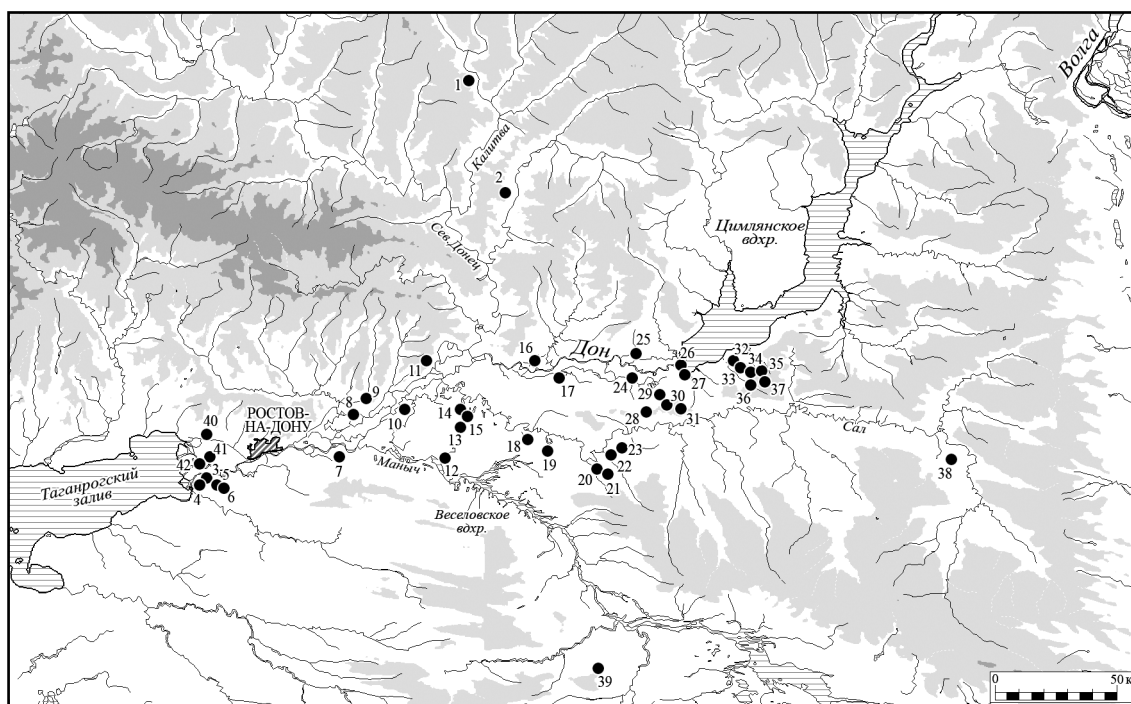

Рис. 12. Памятники поздне римского времени на нижнем Дону: 1—39 — курганные могильники III—IV вв.; 40 — Танаис; 41 — Рогожкино; 42 — Дугино (Bezuglov 2004: Abb. 1).

чтобы за внесение ежегодной дани им было дозволено жить в пределах родной земли» (Амм. Марс. XXII, 7, 10). Многие исследователи приняли концепцию А. А. Васильева, согласно которой речь в данном отрывке идет о готах, как о неведомом ранее народе, захватившем власть на Боспоре, возможно, еще в 342—343 гг. (Васильев 1921: 312—313; Казанский 1999: 284).

Мне кажется, что в этом отрывке существует очень четкое деление на *известных Риму «боспорян»*, едущих с севера, и на *неведомых Риму других народов*, едущих из пустынных областей вдоль бассейна реки Фасис, и совсем не обязательно связывать всё воедино. Река Фасис (р. Риони) в Колхиде и крепость Фасис были хорошо известны римлянам, и во времена похода Юлиана там еще стоял римский гарнизон. Речь явно идет о племенах, живших либо за пределами северного рубежа Римской империи на Кавказе, либо лежащих в глубине Колхиды. И боспоряне, и другие — «неведомые народы» хотели за внесение дани остаться на своих родных землях. Дунайские готы были хорошо известны Юлиану и Аммиану Марцеллину и вряд ли могли быть «неведомым ранее народом». Аммиан Марцеллин пишет перед этим отрывком следующее: «Когда близкие к нему люди советовали напасть на **соседних готов**, часто проявлявших коварство и вероломство, он отвечал, что ищет лучшего врага: довольно для них и галатских купцов, которые повсеместно

продают их в рабство, не разбирая их сословных различий» (Амм. Марс. XXI, 7, 8).

Еще более четко пишет сам Юлиан о своем знакомстве с дунайскими готами в письме Василию Великому: «Вот всякие варвары до пределов реки Океана пришли к моим стопам, принося мне дары, а также и живущие вдоль Данубия сагадары и в разнообразных головных уборах готы, не похожие на людей своим диким видом; они в настоящее время преклоняются перед следами ног моих, обещая сделать то, что полезно для моего государства» (Латышев 1948: 583).

Аммиан Марцеллин хорошо знал о местоположении готов-тервингов-готов-гревтунов (Амм. Марс. XXVII, 5), описывая борьбу с ними Валента в 366—368 гг., а также где находятся восточные границы владений короля готов-гревтунов Эрменриха (Амм. Марс. XXXI, 3). При этом он не знает ничего о крымских готах или о каких-либо волнениях на Боспоре в это время. Он пишет под 362 годом о Боспоре, что «население там живет спокойно и миролюбиво» (Амм. Марс., XXII, 32). Поэтому вряд ли вообще в данном отрывке речь может идти о каких-либо группировках готов. Мне кажется, что смысл этого отрывка совсем в другом: перед началом большой войны с Шапуром II к Юлиану ехали посольства народов, боящихся попасть в зависимость от Ирана, при этом некоторые из них были даже связаны старыми договорами с Римом, как Боспор. Эти народы: и **известные, как**

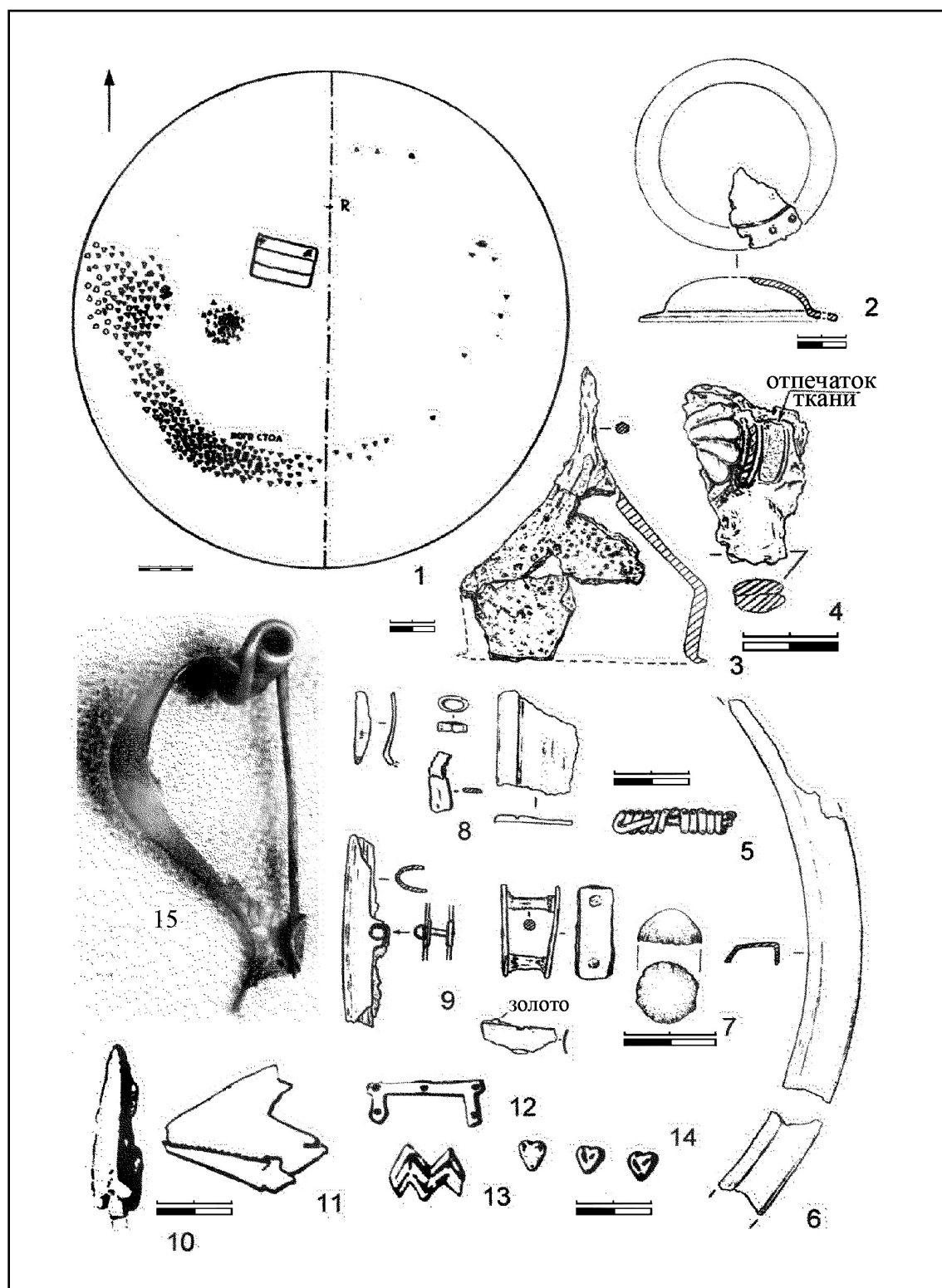

Рис. 13. Комплекс погребения 1 кургана 2 Танаиса с умбоном с длинным шипом (Толочко 2003: рис. 85).

боспоряне, и неведомые ранее Риму, хотели быть данниками именно Римской империи, а не Ирана. Аммиан Марцеллин перед отрывком о посольстве боспорян пишет следующее: «Народы, жившие за Тигром, и армяне моли-

ли его о мире, индийские племена до дивов и сердивов друг перед другом поспешно слали к нему своих старейшин с дарами» (Аmm. Marc. XXII, 7, 10), что подтверждает во многом данную точку зрения.

Хронология германских древностей на Боспоре

Германские вещи поздне римского времени на Боспоре археологически представлены четырьмя хронологическими группами.

Первая группа периода В2/С1 (150/160—200/210) представлена следующими находками: бронзовые пряжки с прямоугольными рамками на язычке в Керчи (погребение 11/1817 и № 203/1903 г.) (рис. 4—6) и на Кубани, на хуторе Городском, которые имеют западнобалтские параллели и датируются временем В2/С1 (150/160—200/210 гг., пряжки с двумя язычками и прямоугольными обоями, распространенные в Дании, в зоне пшеворской культуры, на территории западных балтов (пряжки группы «G», типы 14 24 25 и 45, по Р. Мадыде-Легутко) и характерные для «горизонта II погребений с оружием», по К. Годловскому (рис. 4: 12, 13; 10, 11). Не менее часто встречается и другой тип пряжек с орнитоморфными язычками, который также имеет аналогии в материалах западнобалтских могильников. Это находки пряжек в погребении № 227 некрополя Китея (рис. 14: 10), погребение № 1 кургана 11 Танаиса (Толочко 2003: рис. 79) (рис. 15: 5), беспаспортные находки из некрополя Пантикапея (Васильев 2005: рис. 2). Курганное погребение Танаиса датируется краснолаковым кубком типа VI, по Д. Хейсу, второй половиной II в. н. э. Эту же дату дает пряжка типа 9 группы «В» по Ренате Мадыде (Madyda-Legytko 1986: taf. 5). Следует отметить появление подвесок в виде молоточков Тора еще на самой ранней фазе в погребении Танаиса (рис. 15: 6—7). Для этого же горизонта погребений с оружием характерны умбоны германского типа, с длинным шипом, в склепе Каллисфена в Керчи и в Танаисе, в погребении № 1 кургана 2 (Толочко 2003: рис. 85). Основные типы находок связаны с балтийским побережьем, Скандинавией, но, прежде всего, с территорией Самбии. Исходя из этногеографии Германии и Европейской Сарматии по Клавдию Птолемею, можно связать эти находки не столько с готами, сколько с другими народами балтийского бассейна — ругами, евдосами, галиндами и эстиями.

Вторая группа периода С1 (180—260) представлена следующими находками: умбоны щитов типа Конин и типа Хорула из Танаиса, относящиеся к горизонту IIa погребений с оружием пшеворской культуры по К. Годловскому (рис. 9) и датирующиеся периодом С1b (210/220—260). Продолжается германская традиция изготовления подвесок

в виде молоточков Тора. Они представлены в комплексах и этого горизонта: в погребениях № 41 и № 43 Горгиппии (Малашев, Обломский 2002: 119, рис. 5—1), в погребении № 267 в Танаисе (рис. 16), которые датируются первой половиной III в. н. э. В. Ю. Малашев и А. М. Обломский считают, что подвески представляют синтез двух традиций: «сарматской» в отношении конструкции и «центральноевропейской» по форме подвески (Малашев, Обломский 2002: 119). На стыке античных и германских традиций сделаны также трехручные вазы, обнаруженные в Керчи и имеющие аналогии с вазами из могильника Брест-Тришин. Подобная керамика также известна из раскопок Илурата и Тиритаки первой половины III века (Кастанаян 1984). Близкие аналогии с вельбаркской керамикой имеют и лепные кружки, происходящие из материалов первой половины III века из Илурата, Мирмекия и Тиритаки (Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров 2006: рис. 5).

Эту группу вещей можно назвать вельбаркско-пшеворской.

Третья группа периода С2a (260/270—280/290) представлена следующими находками: наконечник ремня типа Раддатц J2—4 из комплекса Глинище 1896 г.; золотая гривна из погребения Фанагории 1842 года (рис. 143), фибулы с зернеными кольцами из Танаиса (Амброз 1984: табл. VIII) и Пантикапея. Фибулы с зернеными кольцами типов A168 в количестве 3 экземпляров упоминаются в работе Оскара Альмгрена (Almgren 1923: 123) как происходящие из раскопок Керчи и хранящиеся в Императорском Эрмитаже и Музее Александра III (позднее: ГИМ — прим. авт.) (рис. 17). Также О. Альмгрен упоминается фибулы типов A161, A162, которые имеют хорошие параллели в древностях вельбаркской, пшеворской и, прежде всего, черняховской культур (рис. 17). Достаточно редкими в черняховской культуре являются находки фибул типа A168 с длинной пружиной и головной кнопкой. Эти фибулы имеют на дужке декор из рубчатой проволоки, характерный для вещей горизонта княжеских погребений Лейна-Хасслебен. Эти типы подвзванных фибул, золотая гривна характерны для горизонта княжеских погребений Средней Германии и относятся только к этому времени. Также к этому горизонту можно отнести находки двух трехслойных гребней с трапециевидной спинкой в склепе № 2 некрополя Китея (Ермолин, Юрочкин 2001: рис. 4—5). Такие гребни характерны для периода С2 черняховской, пшеворской и вельбаркской культур

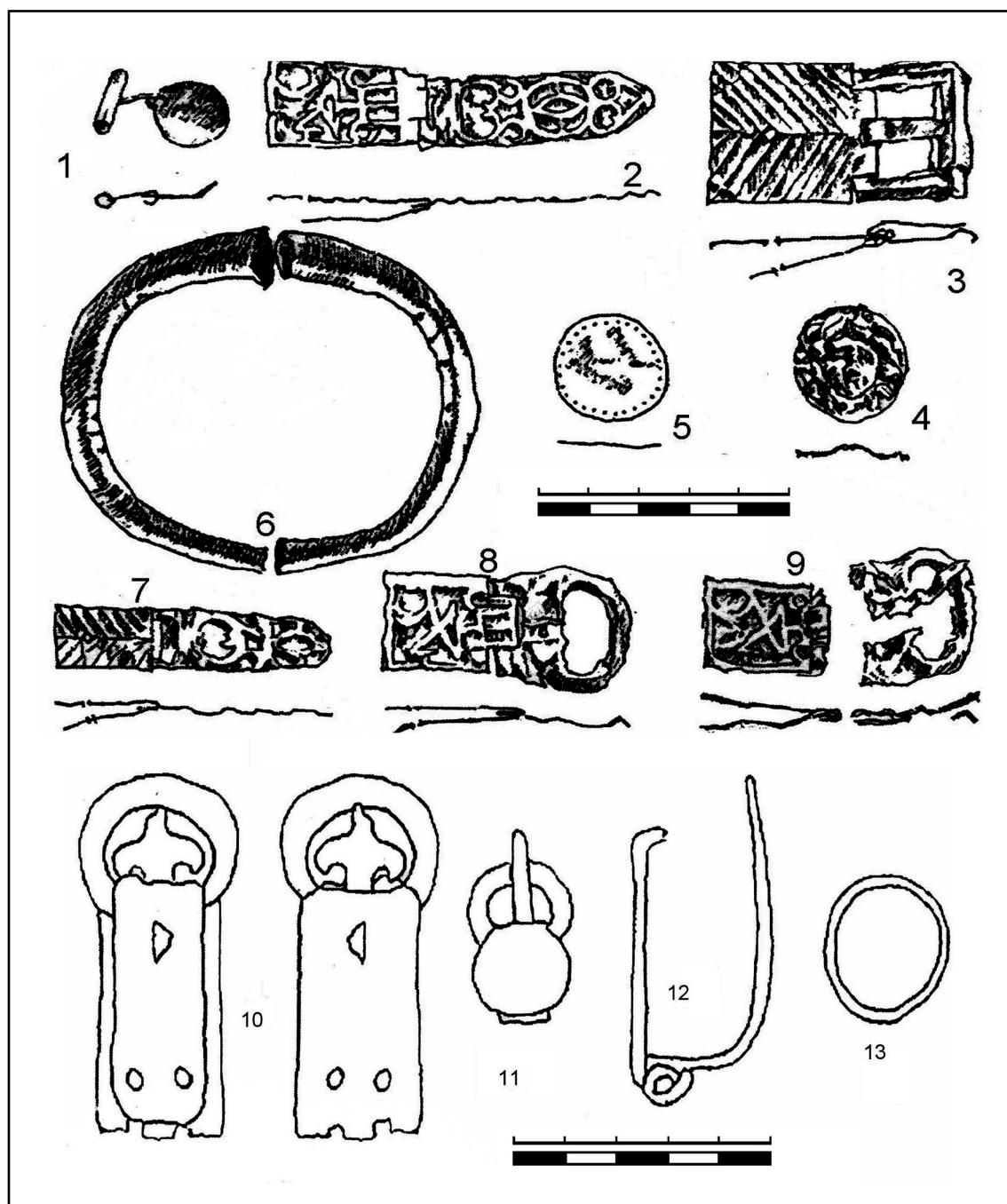

Рис. 14. Погребение № 227 некрополя Китея (Хршановский 2007: рис. 4—6).

(250/260—320/330 гг.). В этом периоде появляются полихромные изделия первой стилистической группы Иллеруп-Керчь. Самые ранние изделия в этом стиле обнаружены в Центральной Германии и Скандинавии в находках из Иллерупа еще фазы С1b, т.е. раньше, чем такие вещи известны на территории Империи, и поэтому нельзя полностью исключить влияния германских мастеров на появление данной традиции на Боспоре, ранее не характерной для его ювелирного искусства. Именно поэтому я изменил название стиля «Силистрия-Керчь» на новое: «Иллеруп-Керчь».

Четвертая группа периода С2b-С3 (290/300—350/360): подвязные фибулы типа Амброз 16/2—1-3 в Керчи, в склепе 179/1904, в Заморском, погр. 13 16 22, в погр. 1/1894 на мысе Зюк; воинские фибулы типа Амброз 17, встреченные в Керчи, на мысе Зюк в склепе 15/3 мог. Сиреневая бухта; гребень типа Томас I из погребения 29/1873 в Керчи; умбон типа К2 из Сиреневой Бухты, который более всего характерен для IV в. н. э., по Н. Цилингу; малые двупластинчатые фибулы черняховской традиции из керченских склепов, которые появляются в фазе С3 (Новиковский склеп 1890 г., склепы 24 июня 1904 г., скле-

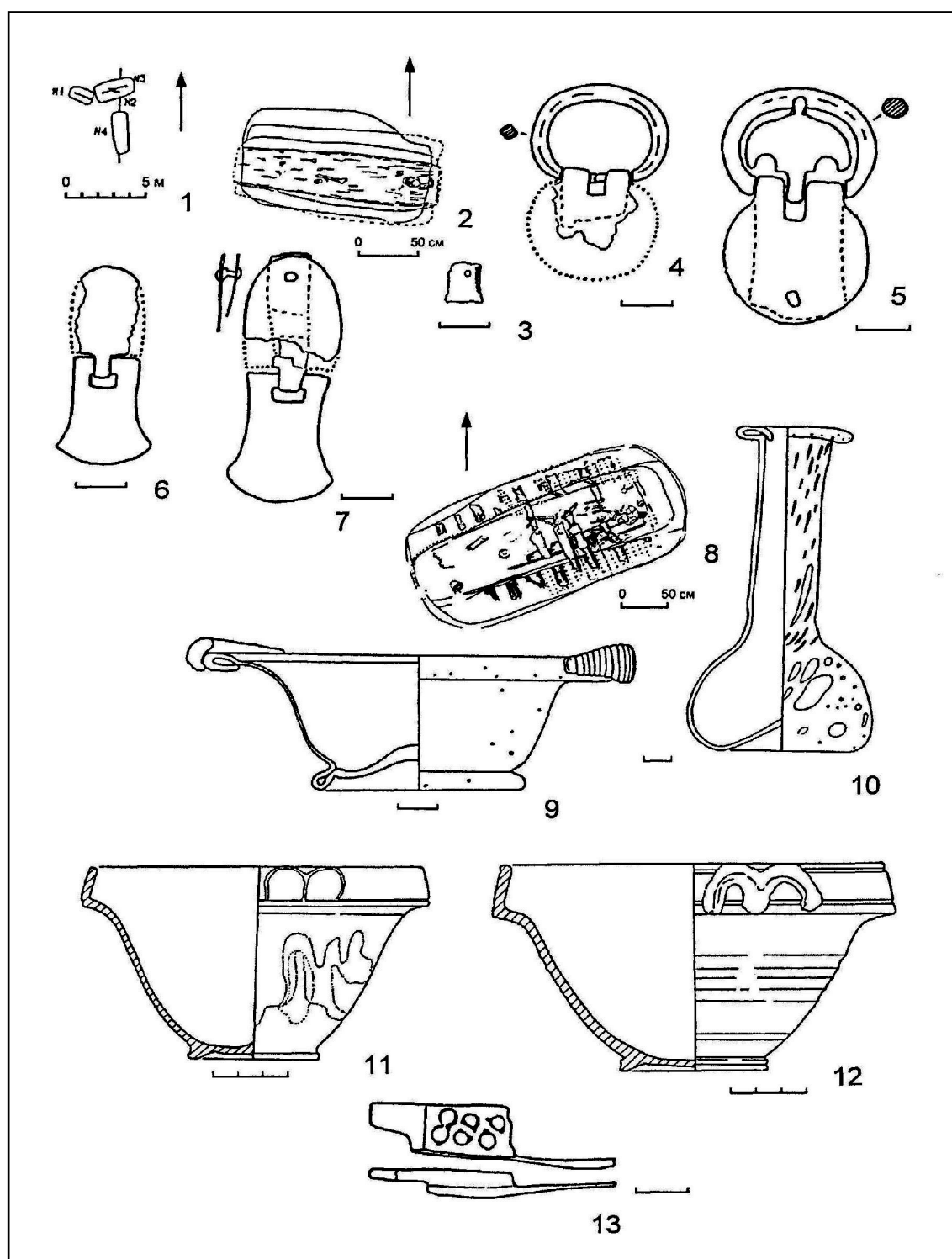

Рис. 15. Комплекс погребения 1 кургана 11 Танаиса с секировидными подвесками и пряжками балтского типа (Толочко 2003: рис. 79).

пы 145/1904, погр. 1872 г. на горе Митридат, Керчь, Карантинное шоссе, погр. 145/1877 г., Чокрак); костяные пирамидальные и янтарные грибовидные подвески из Керчи (Казанский 1999: рис. 1—2), последние имеют более широкоевропейское происхождение; сероглиняная гончарная лощеная посуда черняховского облика из Керчи. Распространение

вещей черняховского типа на Боспоре можно объяснить волной германцев, пришедших сюда с территории распространения черняховской культуры. Возможно, большая часть вещей относится уже к фазе С3/D1, к 40—70 гг. IV века, когда Боспор мог находиться под влиянием державы Германариха (Шаров 1997: 95—100) (рис. 18: 1—13; 19: 8—10; 20: 1—14, 16).

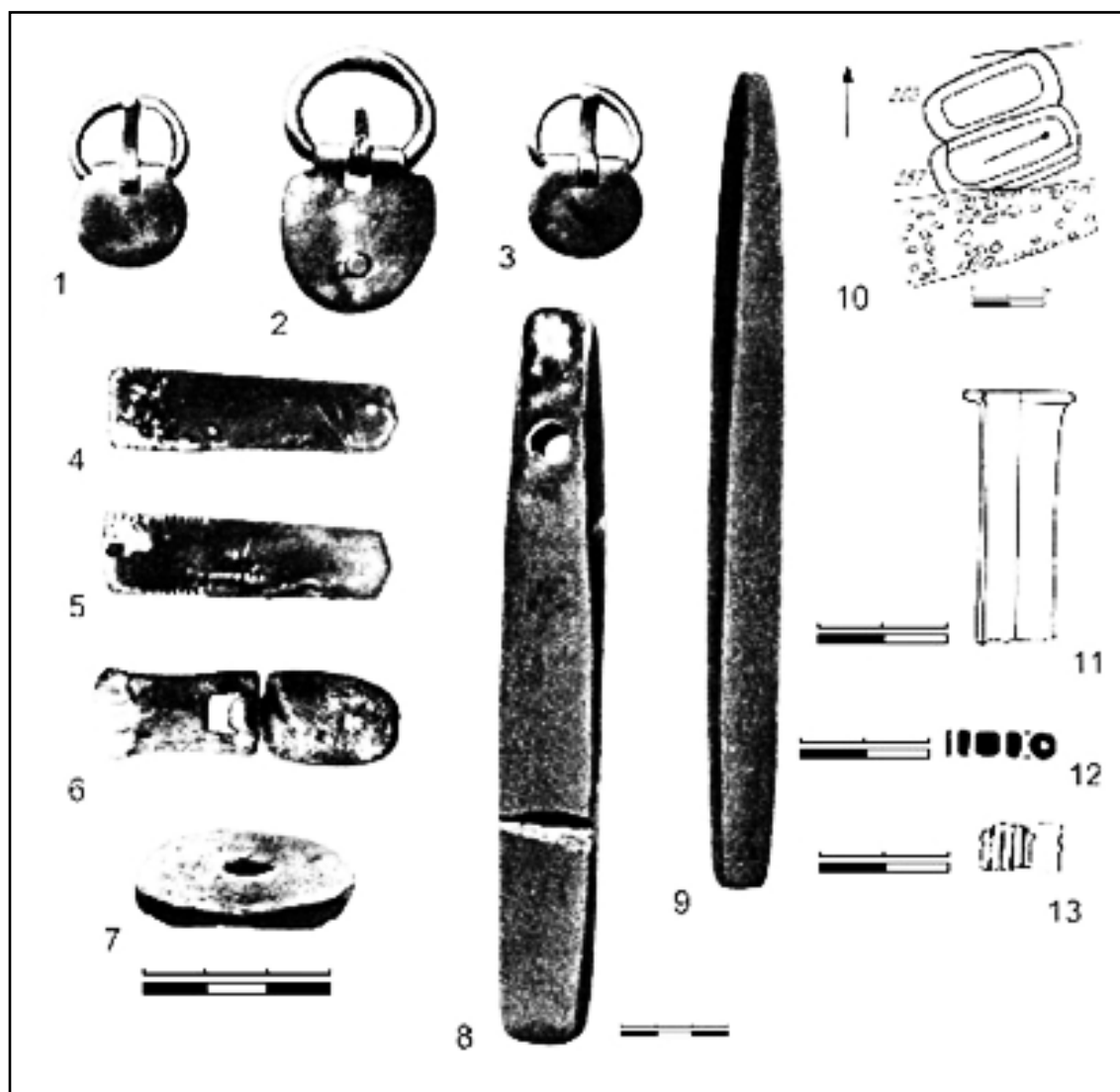

Рис. 16. Комплекс погребения 267/1970 г. из Танаиса с секировидными подвесками (Толочко 2003: рис. 73).

Таким образом, в позднеримскую эпоху выделяются четыре волны «германской моды» или «германского» присутствия на Боспоре:

первая волна — «прибалтийско-скандинавская»;

вторая волна — «вельбаркско- пшеворская»;

третья волна — «центральноевропейско-скандинавская» (Шаров 1991: 141—144; Šarov 1994: 18—21);

четвертая волна — «черняховская» (Sharov 2000: 364—391).

На основании этих данных можно констатировать, что на Боспоре в позднеримскую эпоху не прослеживается серьезных изменений в погребальной обрядности, связанных именно с германцами (отсутствует обряд кремации, положение оружия в погребениях, каменные обкладки в погребениях, изменение боспорского костюма на германский и т. д.). На боспорских некрополях в течение

всего римского времени сохраняются все типы погребального обряда более раннего времени (грунтовые и каменные склепы, «катакомбы», грунтовые погребения, плитовые гробницы). Следует подчеркнуть, что «германский след» проявился в материалах боспорских некрополей позднеримской эпохи лишь в виде отдельных находок типов изделий центральноевропейского и прибалтийского происхождения (фибулы, пряжки, гребни, керамика, умбоны щитов).

Можно возразить, что представленные выше факты можно рассмотреть совсем под иным углом: ввиду отсутствия погребений по германскому обряду речь может идти лишь о веяниях новой моды на «германское» после окончания Маркоманнских войн, в которых принимало участие большинство перечисленных выше германских племен, а также аланы, живущие у восточных границ Боспорского царства. Все могло

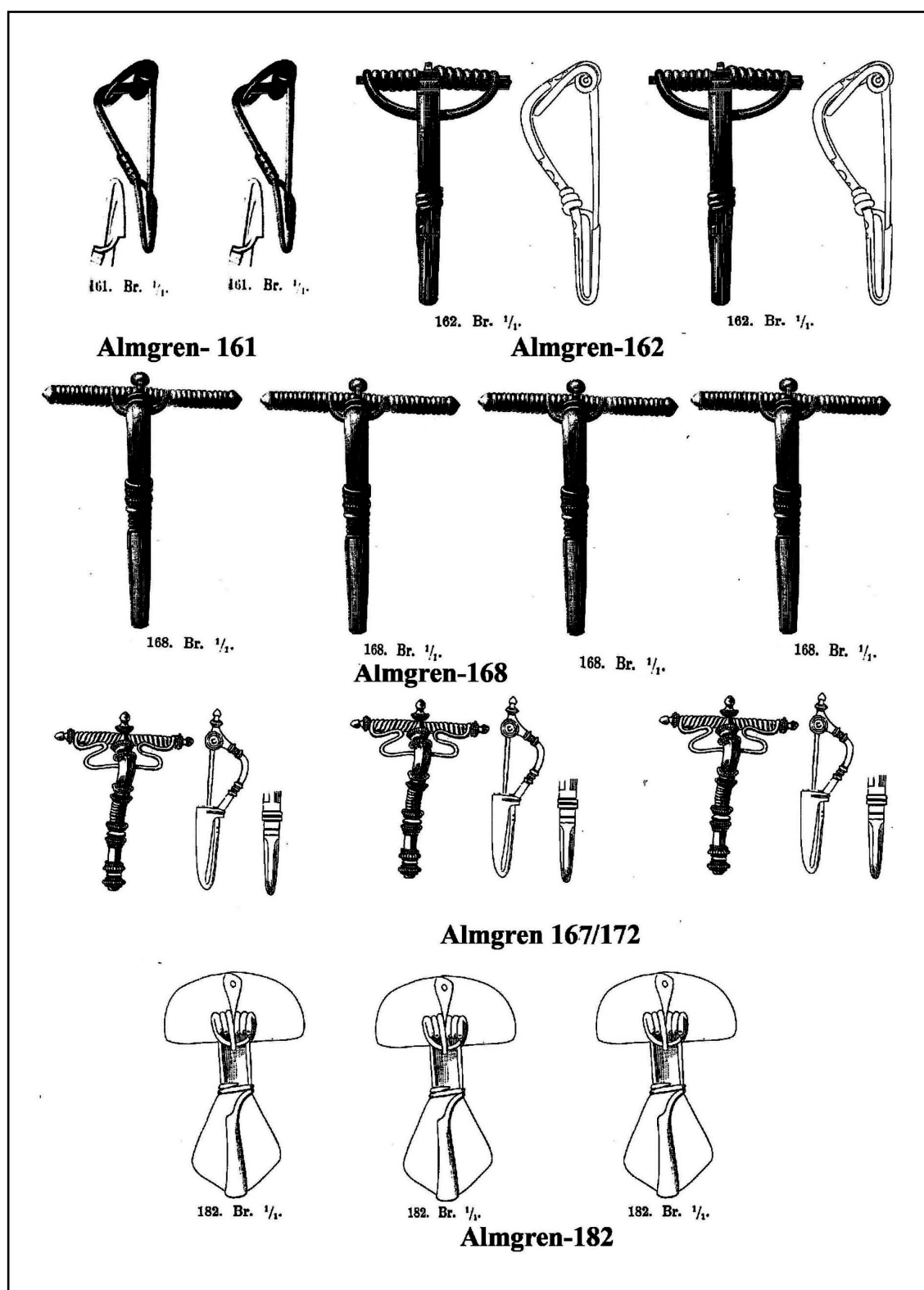

Рис. 17. Типы фибул, указанные О. Альмгреном как происходящие из Керчи (Almgren 1897: Taf. VII, Typ 161, 162, 168, 167/172, 182).

быть и так, но существует, на мой взгляд, данным археологическим фактам и иное объяснение.

По моему мнению, существует, как минимум, три основные модели контактов

греков-боспорян и варваров: мирная и военная с двумя вариациями.

Мирная победа цивилизации. Ни одна из сторон не жаждет уничтожить другую (боспорянам нужны воины и рабочая сила, а германцам — профессиональным воинам —

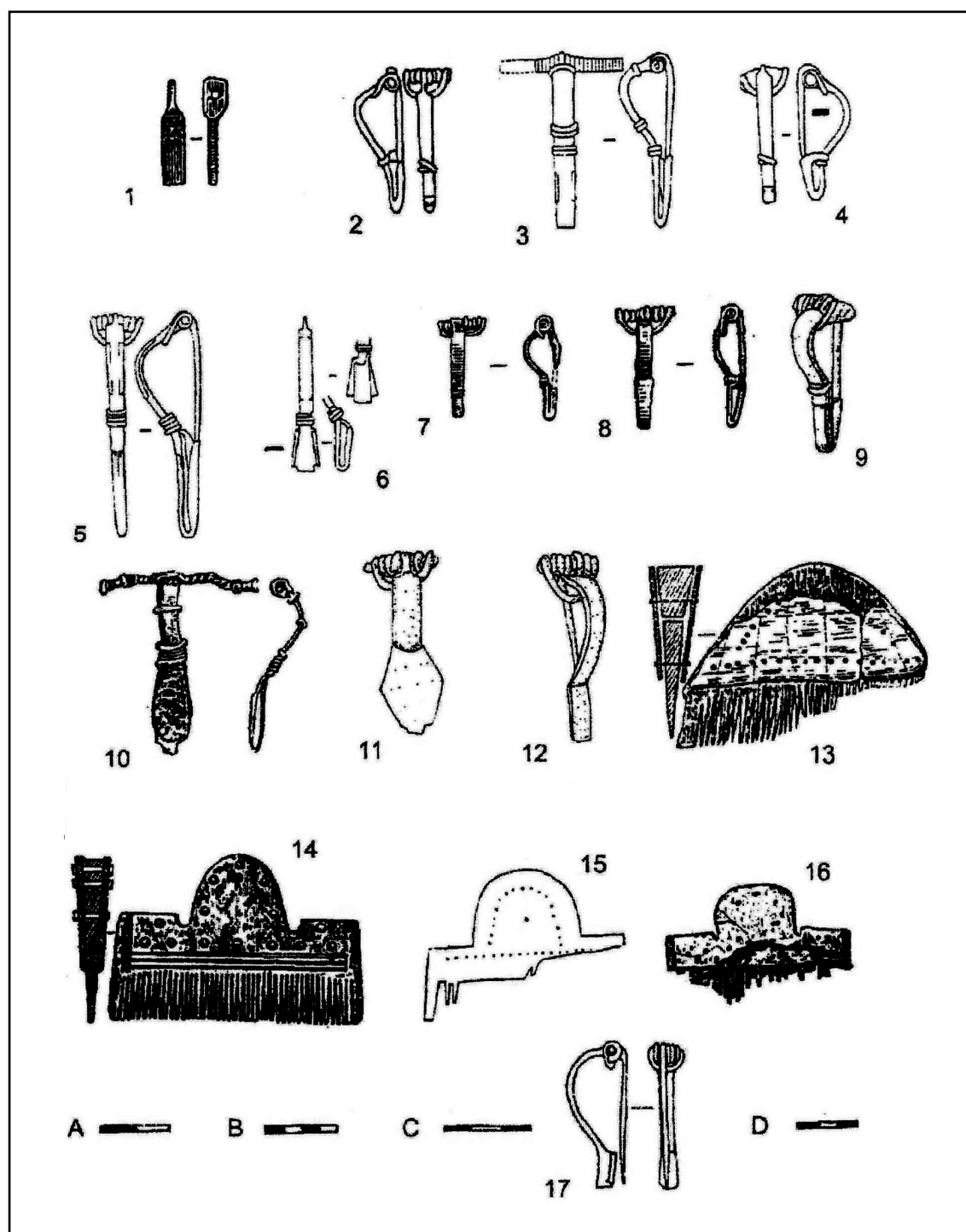

Рис. 18. Фибулы и гребни восточногерманского происхождения, найденные на Боспоре: 1 — Заморское, погр. 22; 2 — Керчь, 179/1904; 3—6, 11, 14, 16 — Керчь; 7 — Заморское, пор. 13; 8 — Заморское, погр. 16; 9 — Зюк, погр. 1, 1894 г.; 10 — Фанагория, погр. 115/317; 12 — Зюк; 13 — Керчь, погр. 29/1873; 15 — Керчь, два склепа 24 июня 1904 г.; 17 — Сиреневая бухта, погр. 15/3 (Казанский 1999: рис. 1).

оплата своей работы, жилье и блага цивилизации). В этой модели происходит ассимиляция чуждых культурных традиций уже в первом поколении. Археологически можно найти следы аллохтонов лишь по отдельным деталям их костюма, погребальный обряд и погребальные конструкции в этом варианте могут также измениться, и варварами могут использовать-

ся в этом случае уже местные погребальные традиции.

Эта мирная модель контактов двух обществ прекрасно иллюстрируется на примере присутствия сарматов на Боспоре, которые, как хорошо известно из нумизматических и эпиграфических источников, в отличие от германцев, принимали самое актив-

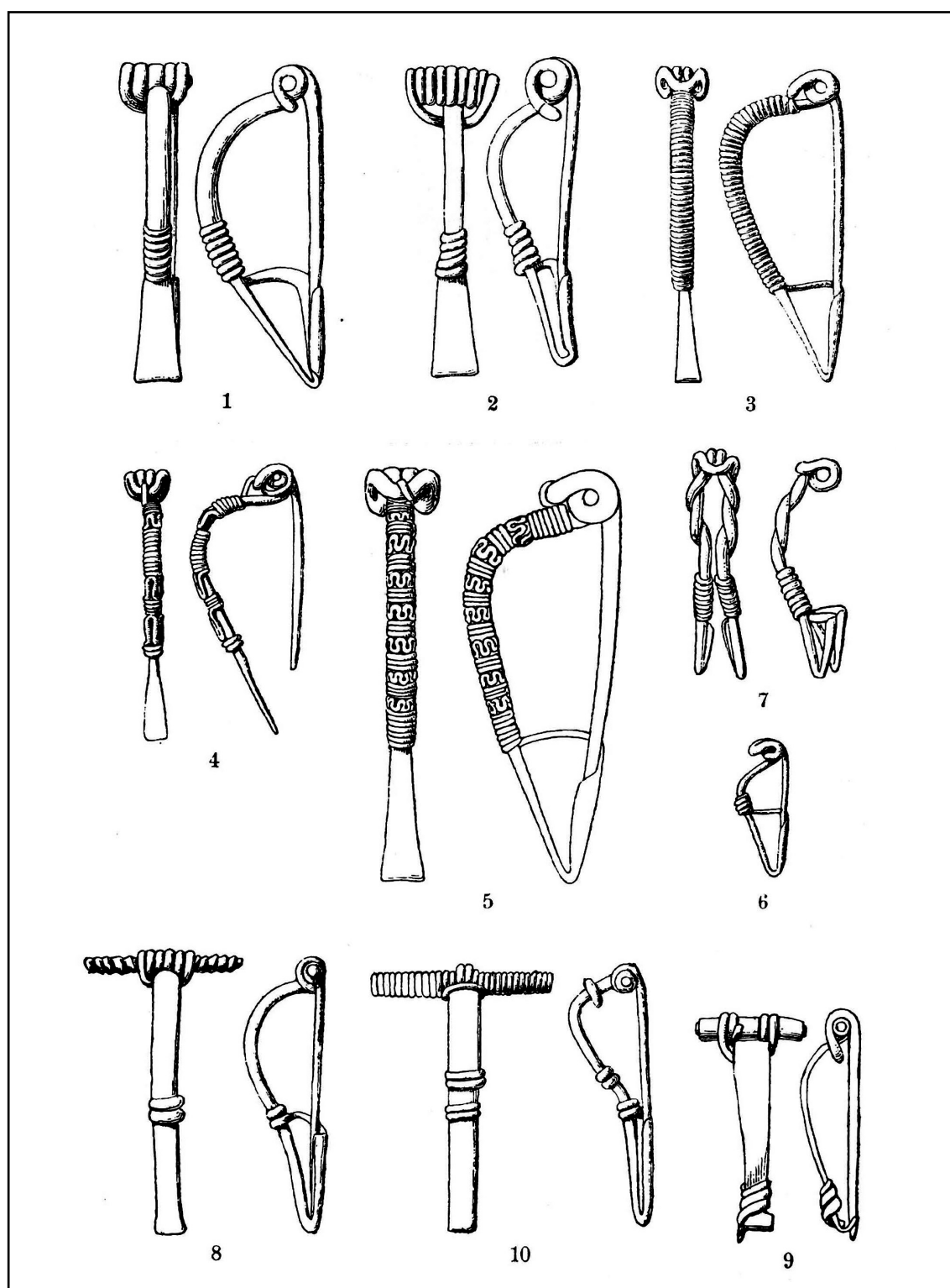

Рис. 19. Фибулы из Керчи, купленные Р. Мартином для Стокгольмского музея в 1894 г. (Martin 1896: Abb.1).

ное участие в жизни боспорского общества. Мне не известен ни один комплекс в некрополях метрополии Боспора — Пантикапее, который можно было бы назвать погребением сармата. В боспорских комплексах с несомненными чертами позднесарматского погребального обряда (погребение узды или

коня, фалары, оружие) всегда превалирует боспорская погребальная традиция: тип погребального сооружения (склепы, катакомбы), тип конструкции для положения тела (гроб, саркофаг, ниша), детали боспорской погребальной обрядности (стеклянные сосуды, венки и т.д.). Основные археологиче-

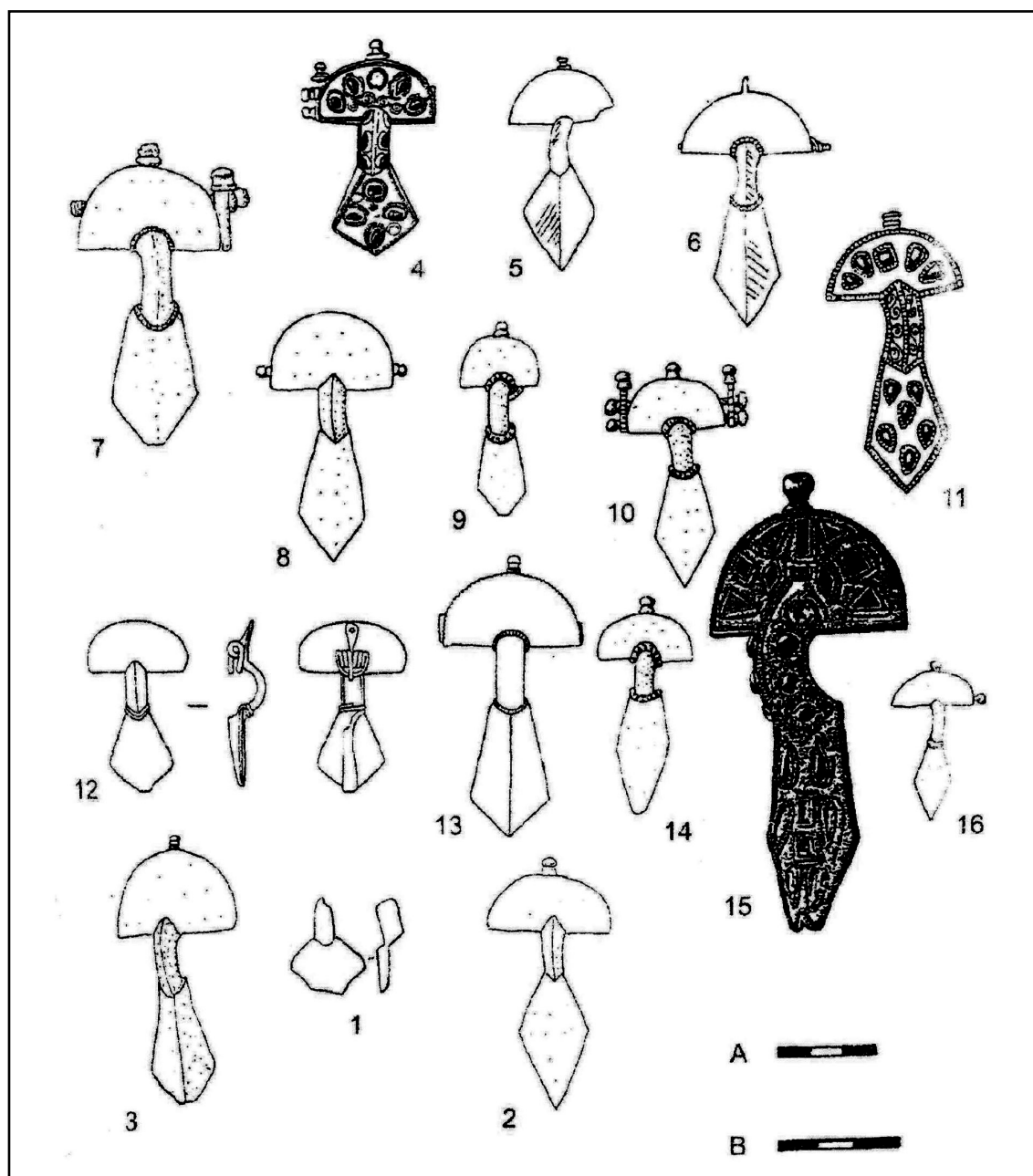

Рис. 20. Двупластинчатые фибулы типа Амброс I, найденные на Боспоре: 1 — Горгиппия; 2 — Чокрак; 3 — Керчь, погр. 1872 г. на горе Митридат; 4 — Керчь, Новиковский склеп; 5 — Керчь, склеп 145/1904 г.; 6, 11 — склепы 24 июня 1904 г.; 7 — Керчь, Карантинное шоссе, склеп 145/1877; 8—10, 12—16 — Керчь (Казанский 1999: рис. 2).

ские признаки данной модели — сохранение отдельных деталей варварских, привнесенных извне, традиций погребального обряда: оружие, узда, чуждые типы деталей костюма (пряжки, фибулы, украшения с эмалью), при превалировании местной погребальной обрядности.

Военная победа цивилизации. Победоносная война против варваров со стороны Боспора с целью подчинения и захвата территорий и местного населения. Расширение территории, вероятное насильственное переселение варваров на хоры крупных городов.

Часть варваров, попавших после поражения как пленники или рабы в боспорские города, всегда оставались в подчиненном положении. Археологически следы таких пленных чужеземцев выявить практически невозможно (возможно, кремация или ингумация без погребального инвентаря в простой земляной яме). На хоре городов подчиненные варвары-чужеземцы могут фиксироваться лишь по некоторыми инновациям: отдельным традициям в погребальном обряде и по деталям погребального костюма. Погребения пленных варваров, скорее всего, социально однородны,

погребальный инвентарь очень беден, в комплексах представлен лишь ряд типов вещей местного массового производства, импорт в комплексах отсутствует.

Военный кризис цивилизации. Миграция варваров с целью захвата новых земель для проживания. Варвары нападают на Боспор и его хору, сжигают сельские поселения, стирают с лица земли античные города. В течение значительного промежутка времени полностью доминируют варварские традиции и вдали от Боспора появляются германские могильники (Чатыр-Даг, Харакс) и отдельные единичные погребения по германскому погребальному обряду на хорах крупных античных центров (Херсонес, Фанагория). Мы очень хорошо знаем по нумизматическим и археологическим источникам, что восточным готским союзом были захвачены и сожжены в 251—253 гг. Танаис, в 253—254 гг. Пантикапей, в 267—269 гг. Илурад и т. д. При этом не открыто до сих пор ни одного погребения «германцев» эпохи готских походов на Боспоре и его хоре, кроме погребения 1842 года, раскопанного Д. В. Карейшей в Фанагории (Казанский, Мاستыкова 2007). Танаис считается базой восточноготского союза для совершения морских походов 50—60 гг. III века, но мы не знаем погребений по германскому обряду или с деталями германской погребальной традиции в Танаисе и его округе, вплоть до второй половины IV в. н. э.

Получается парадокс: в тех случаях, когда мы ничего не знаем из письменных источников о миграциях северных пришельцев на Боспор, некоторые следы привнесенных инноваций мы все же фиксируем, а в случаях четких свидетельств источников о ведении военных действий и захвате германцами большинства городов и поселений Боспорского царства, такие следы полностью отсутствуют.

Я думаю, один из вариантов разгадки этого парадокса может быть следующий: античная цивилизация всегда довлела над любыми варварами, как мирно переселившимися, так и решившими ее покорить, даже в случае тяжелых военных поражений. Варвары грабили, сжигали, уничтожали античные города и после этого уходили на далекие, чуждые или родные земли, чтобы остаться свободными воинами-общинниками, не зависящими от чуждых им законов цивилизованного общества. Сохранение самобытности своей культуры, защита этнической идентификации германского общества была бы невозможна при отчетливо зримом превалировании достижений античной цивилизации над культурой пришельцев во всех ее проявлениях. Даже развалины домов и стен постоянно говорили варварам о былом величии античного мира. Лишь мирный контакт и диалог двух культур мог принести свои плоды каждой из сторон.

Я полагаю, что первый период контактов варваров-германцев с античным Боспором проходил мирно, по первой предложенной модели, и переселенцы старались усвоить все достижения античной цивилизации, и достаточно быстро становились боспорянами, принимая уклад и обычаи боспорского общества. Германцы, ставшие боспорянами, служили в дружине Тиберия Евпатора и Савромата II и защищали стены Танаиса от других германцев в 251—252 гг. (германские умбоны и рукояти щитов, найденные в сожженных усадьбах (Арсеньева, Безуглов 1992).

Все представленные выше находки, отражающие связи с далекой Балтикой, и есть те немногие и почти неуловимые археологические следы миграций небольших контингентов северных переселенцев, поселившихся на Боспоре во второй половине II в. н. э.

Литература

- Абрамова М. П. 1997. *Ранние аланы Северного Кавказа III—V вв. н. э.* Москва: Институт археологии РАН.
- Айбабин А. И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеимперского периода. *СА* (1), 104—121.
- Айбабин А. И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ (I)*, Симферополь: Таврия, 3—86.
- Айбабин А. И. 1999. О дате вторжения германцев в Крым. В: Гладких М. И. (отв. ред.). *Сто лет черняховской культуре*. Киев: Товариство археології та антропології, 242—251.
- Айбабин А. И. 1999а. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь: ДАР.
- Айбабин А. И. 2003. Крым в середине III — начале VI в. (период миграций). В: Макарова Т. И., Плетнева С. А. (отв. ред.). *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века*. Москва: Наука.
- Айбабин А. И. 2000. Готы на Боспоре. Мифы и реалии. В: Зинько В. Н. (отв. ред.). *Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров*. Керчь: Благотворительный фонд «Деметра», 5—6.
- Амброз А. К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР*. САИ. Д1—30. Москва: Наука.
- Аммиан Марцеллин. 2000. *Римская история*. Кулаковский Ю. А., Сонни А. И. (пер., комм.). Санкт-Петербург: Алетейя.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. 1992. *Усадьбы Танаиса*. Москва: Институт археологии РАН.

№4. 2010

- Бажан И. А., Герцегер Д. А. 1993. Бронзовая пряжка римского времени из Ольвии. *Петербургский археологический вестник* (4). Санкт-Петербург: Фарн, 107—111.
- Безуглов С. И., Гудименко И. В. 1993. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона. *РА* (1), 169—174.
- Безуглов С. И. 1990. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцелина и археологические реалии. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г.*, 9, Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, 80—87.
- Бич О. И. 1959. Первые раскопки некрополя Пантикапея (дневник раскопок П. Дюбрюкса в 1816—1817 гг.). *МИА* 69. Москва: Наука, 296—321.
- Буданова В. П. 1990. *Готы в эпоху Великого переселения народов*. Москва: Наука.
- Васильев А. А. 1921. *Готы в Крыму*. Известия РАИМК (1). Ч. 1. Петроград: РАИМК, 265—344.
- Васильев А. А. 2005. Германские воинские пряжки и наконечники ремней на Боспоре. *Боспорские исследования* (IX). Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, 279—288.
- Васильев А. А. 2005а. О времени появления германских дружин на Боспоре. В: Зуев В. Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 343—349.
- Васильев А. А. 2006. О некоторых особенностях хронологии предметов вооружения германцев в Северном Причерноморье (этапы В2 и С1). В: Зинько В. Н. (отв. ред.). *Боспорские чтения* (VI). Керчь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, 37—41.
- Гудименко И. В. 1994. К вопросу о взаимосвязи готских походов и поселений второй половины III—IV вв. в дельте Дона. *Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье (IV—IX вв.)*. Тезисы докладов международной научной конференции. Симферополь: Таврия, 15.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М. 1984. *Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.
- Ермолин А. Л., Юрочкин В. Ю. 2002. Повторные исследования склепа могильника Джург-Оба на Боспоре. В: Юрочкин В. Ю. (отв. ред.). *Церковная археология Южной Руси*. Симферополь: Таврия, 85—96.
- Зосим. 1948. *Новая история*. Перевод В. В. Латышева. *ВДИ* (4), 274—288.
- Зубарь В. М. 1994. *Херсонес Таврический и Римская империя*, Киев: Наукова думка.
- Зубарь В. М. 1998. *Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. — первая половина VI в.)*. Киев: Наукова думка.
- Иордан. 1997. *О происхождении и деяниях гетов*. Скржинская Е. Ч. (Комментарии, вступительная статья и перевод). 2-е изд. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Казанский М. М. 1999. Готы на Боспоре Киммерийском. В: Гладких В. И. (отв. ред.). *Сто лет черняховской культуре*. Киев: Товариство археології та антропології, 277—297.
- Казанский М. М. 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные. В: Вахтина М. Ю., Мачинский Д. А. (отв. ред.). *Stratum+ПАВ*. Санкт-Петербург; Кишинев: научно-образовательный центр «Рудь-Метониум», 181—193.
- Казанский М. М. 2006. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеимское время. *Готы и Рим*. Киев: Стилюс, 26—41.
- Казанский М. М., Мاستыкова А. В. 2007. Золотая гривна из Фанагории: о германцах на Боспоре Киммерийском в позднеимское время. В: Зинько В. Н. (отв. ред.). *Боспорские чтения* (VIII), Керчь: Благотворительный фонд «Деметра», 169—177.
- Кастанаян Е. Г. 1984. *Лепная керамика боспорских городов*, Ленинград: Наука.
- Константин Багрянородный. 1989. *Об управлении империей*. Литаврин Г. Г., Новосельцев А. П. (перевод). Москва: Наука.
- Лавров В. В. 2000. Восточные германцы в Приазовье в III—IV вв. н. э. В: Щукин М. Б. (отв. ред.). *Stratum plus* (4). Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 331—341.
- Лавров В. В. 1997. *Германские племена в этнической истории Северного Причерноморья в III—IV вв. н. э.* Автореф. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 1—24.
- Латышев В. В. 1948. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе*. *ВДИ* (2).
- Магомедов Б. В. 2001. *Черняховская культура: Проблема этноса*. В: Kokowski A. (отв. ред.). *Monumenta Studia Gothica*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Sklodowskiej.
- Магомедов Б. В. 2001а. Черняховская культура и Боспор. В: Зинько В. Н. (отв. ред.). *Боспорские исследования* (I). Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, 246—249.
- Малашев В. Ю., Обломский А. М. 2002. Поясная центрально-европейская гарнитура римского времени на территории Днепровского Левобережья. *РА* (4), 113—124.
- Масленников А. А. 1997. *Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора*. Москва: ИА РАН.
- Мастыкова А. В. 1999. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеимского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье. В: Гладких В. И. (отв. ред.). *Сто лет черняховской культуре*. Киев: Товариство археології та антропології, 171—202.
- Мацулевич Л. А. 1941. Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. *СА* (VII), 26—41.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Юрочкин В. Ю. 2001. Некрополь Пантикапея-Боспора: проблемы и перспективы исследования. В: Зуев В. Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства*. Ч. 1. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 174—180.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. 2006. *Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского). В: Обломский А. М. (отв. ред.). *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н. э.)*. Раннеславянский мир (10). Москва: Институт археологии РАН, 113—142.

- Ольховский В.С. 1981. Население Крыма по данным античных авторов. *СА* (3), 52—65.
- Орозий Павел. 1949. История против язычников. *ВДИ* (4), 263—274.
- Пиоро И.С. 1990. *Крымская Готия: Очерки этнической истории населения Крыма в позднеантичный период и раннее средневековье*. Киев: Лыбидь.
- Пиоро И.С. 1999. Черняховская культура и Крым. В: Гладких В.И. (отв. ред.). *Сто лет черняховской культуре*. Киев: Товариство археології та антропології, 231—235.
- Птолемей. 1948. Географическое руководство. Латышев В.В. (перевод). *ВДИ* (2), 231—257.
- Пуздровский А.Е. 1999. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э.— III в.н.э.). Золотарев М.И. (отв. ред.). *Херсонесский сборник (X)*. Севастополь: Крымский филиал ИА НАН Украины; Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 208—225.
- Ременников А.М. 1954. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в.н.э. Москва: Изд-во АН СССР.
- Ростовцев М.И. 1913—1914. Античная декоративная живопись на юге России. Санкт-Петербург: Издательство Императорской археологической комиссии.
- Сидоренко В.А. 1994. Федераты Византии в юго-западном Крыму (посл. четв. III — нач. VIII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 1—16.
- Симоненко А.В. 2001. Европейские аланы и аланотанаиты в Северном Причерноморье. *РА* (4), 77—91.
- Симоненко А.В. 1999. Сарматы Северного Причерноморья. Хронология, периодизация и этнополитическая история. Дисс. ... докт. ист. наук. Киев: Институт археологии НАН Украины.
- Стефан Византийский. 1948. Описание племен. Латышев В.В. (перевод). *ВДИ* (3), 312—330;
- Страбон. 1964. *География*. Стратановский Г.А. (перевод). Москва: Наука.
- Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. 1990. *Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья*. III. Киев: АН УССР, Институт археологии.
- Тацит Корнелий. 1969. О происхождении германцев и местоположении Германии. В: Бобович А.С. (перевод). *Анналы. Малые произведения*. Т. 1. Ленинград: Наука.
- Толочко И.В. 2003. *Некрополь Танаиса (начало III в. до н.э.— V в.н.э.). Опыт сравнительного изучения*. Дисс. ... канд. истор. наук. Москва: Институт археологии РАН, 1—497.
- Труфанов А. А., Юрочкин В. Ю. 1999. Боспорско-херсонесские отношения и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии в III—IV вв.н.э. В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю., Рогов Е.Я., Хршановский В.А. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира*. Санкт-Петербург: Центр исследования и развития греческой культуры Причерноморья (Салоники, Греция), 241—251.
- Хайрединова Э.А. 1994. Боспор и морские походы варваров второй половины III в.н.э. В: Айбабин А.И. (отв. ред.). *МАИЭТ* (IV), 517—527.
- Храпунов И. Н. 2002. О первых сармато-германских контактах в Крыму. В: Зинько В.Н. (отв. ред.). *Боспорские чтения (III)*. Керчь: Благотворительный фонд «Дементра», 246—252.
- Храпунов И.Н. 2003. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац). В: Зинько В.Н. (отв. ред.). *Боспорские исследования (III)*. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, 329—350.
- Храпунов И.Н. 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке. В: Зинько В.Н. (отв. ред.). *Боспорские исследования (VI)*. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины.
- Хршановский В.А. 2007. Погребение военачальника боспорского царя Митридата VI Евпатора на некрополе Китея. В: Махлаюк А.В. (отв. ред.). *Из истории античного общества. Сборник научных трудов*. (9—10). К 60-летию профессора Е.А. Молева. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 182—192.
- Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблемы датировки черняховской керамики. В: Щукин М.Б., Гей О.А. (отв. ред.). *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени*. Санкт-Петербург: Научно-археологическое объединение «Ойум», 158—207.
- Шаров О.В. 1991. Бургунды в Подунавье и в Северном Причерноморье. *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья*. В: Материалы международной конференции Кишинев. 10—14 декабря 1990 г. Киев: Институт археологии АН Украины, 141—144.
- Шаров О.В. 1995. *Культурно-исторические связи Восточной Европы и Северного Причерноморья в середине III — первой половине IV в.н.э. (древности горизонта Лейна-Хасслебен и черняховская культура)*. Дисс. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет.
- Шаров О.В. 1997. Гибель Эрманириха: история и эпос. В: Ткачук М.Е. (отв. ред.). *Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории*. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 95—106.
- Щукин М.Б. 1994. *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе*. Санкт-Петербург: Фан.
- Щукин М.Б. 2005. *Готский путь (готы, Рим и черняховская культура)*. Санкт-Петербург: Изд-во филологического ф-та СПбГУ.
- Юрочкин В.Ю. 1999. Боспор и православное начало уготов. В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю., Рогов Е.Я., Хршановский В.А. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира*. Санкт-Петербург: Центр исследования и развития греческой культуры Причерноморья (Салоники, Греция), 326—331.
- Юрочкин В.Ю. 1999 а. Этнополитическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии. В: *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. Запорожье, 279—282.
- Юрочкин В.Ю. 2001. Об одном редком орнаментальном мотиве из Таврики. В: Зинько В.Н. (отв. ред.). *175 лет Керченскому музею древностей*. Материалы международной конференции. Керчь: Благотворительный фонд «Дементра», 108—111.
- Яценко С.А. 1997. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236—276 гг.н.э. В: Вахтина М.Ю., Мачинский Д.А. (отв. ред.).

№4. 2010

- Stratum+ПИАВ. Санкт-Петербург; Кишинев: Научно-образовательный центр «Рудь-Метониум», 154—163.
- Almgren O. 1923. *Studien über nordeneuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrußischen Formen*. Leipzig: Mannus-Bibliothek. Bd. 32.
- Bierbrauer V. 1994. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.—7. Jahrhundert. *Frühmittelalterliche Studien* (28). Berlin; New York, 12—176.
- Cassius Dios. 1831—1844. *Historia Romana. Römische Geschichte*. Leonhard D. (перевод). Bd.1—16. Stuttgart: Metzler.
- Godłowski K. 1970. *The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Godłowski K. 1992. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten. In: Godłowski K. (Ed.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 23—54.
- Grosu V. 1995. Sarmatii în spațiul geto-dacic răsăritean. *Arheologia Moldovei*, (XVIII), București, 133—186.
- Hachmann R. 1970. *Die Goten und Skandinavier*. Berlin: Walther de Gruyter.
- Madyda-Legutko R. 1986. Die Gürtelschnalle der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum. *BAR, Int. Ser.* 360. Oxford.
- Oldenstein Ju. 1976. Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, 57, 51—284.
- Plinius Secundus Gajus. 1840—1843. *Naturalis Historia. Naturgeschichte*, übersetzt und erläutert von Ph. H. Kūlb. Bd 1—7. Stuttgart: Metzler.
- Šarov O. 1994. Ein reiches Pferdegeschirr aus Kerč. In: von Carnap-Bornheim C. (ed.). *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg, 417—428.
- Sharov O. 2000. Die frühe Phase der Cernjachov-Kultur. In: Maczyńska M., Grabarczyk T. (Hrsg.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 364—391.
- Šarov O. 2003. Gräber der sarmatischen Hochadels am Bosphor. In: von Carnap-Bornheim C. (Ed.). *Kontakt — Kooperation — Konflikt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrh. nach Christus*. Marburg: Wachholz Verlag, 35—64.
- Scriptores Historiae Augustae. 1992. В: Кондратьев С. П. (перевод). *Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана*. Москва: Наука.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. 2006. Des les Goths aux Huns. Le nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des grandes migrations. *Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400—1000 A.D.)*. BAR, 1535, Oxford.
- Schmidt L. 1934. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung: Die Ostgermanen. In: Siegl W. (Hrsg.). *Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie*. Bd.1. München.
- Wolfram H. 1979. *Geschichte der Goten: Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnografie*. München: C.H. Beck.
- Wołagiewicz R. 1981. Kultura wielbarska — problemy interpretacji etnicznej. In: Godłowski K. (ed.). *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 79—106.
- Zieling N. 1989. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatene und römischen Kaiserzeit in freien Germanien. *BAR, Int. Ser.* 505, vol. 1—3, Oxford.

Статья поступила в номер 10 мая 2010 г.

Oleg Sharov (St.-Petersburg, Russia). Doctor of historical sciences. Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.

Oleg Sharov (S.-Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Шаров Олег Васильевич (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН).

E-mail: olegsharov@mail.ru

История исследований

History of Research
Istoria investigațiilor

В. И. Кулаков

Прусские находки в Британском музее

V.I. Kulakov.

Prussian Finds in the British Museum.

Owing to a kind assistance of Mr. Barry Ager, curator, Continental Early Medieval Collection, Department of Prehistory and Europe (British Museum, London), I was able to familiarize myself with a group of finds associated with former Imperial province of Eastern Prussia, which are currently stocked in the British Museum. They arrived there in 1868 after the death of doctor of philosophy Gustav Klemm, well-known collector of antiquities and their popularizer. He gathered his collection in various German lands, including in East Prussia. The chronological range of the finds in G. Klemm's collection is wide and covers the interval of time spanning from Stone Age to the end of early Middle Ages. All of them were initially published in London in 2001 (Orlińska 2001).

The inventory logs of the museum mention "Insterburg near Tilsit" as the place of origin of Prussian finds from G. Klemm's collection. The finds are represented by 16 objects, of which particularly interesting are two bronze fibulae — №№ 4677 and 4687, and two bracelets №№ 4678 and 4679. They, as well as majority of other finds in the Prussian part of G. Klemm's collection, are associated with Insterburg / Chernyakhovsk (Kaliningrad region, Russia) in the museum inventory log. Analysis of all these finds revealed that they are basically connected with antiquities of lower reaches of the river Neman. The same is true about a part of Insterburg Antiquities Society's museum collection, which is explained by little studies conducted in eastern provinces of Prussia in XIX century. Many finds were delivered here from the lower reaches of the river Neman, which served as a source of antiquities.

V.I. Kulakov.

Descoperirile din Prusia în Muzeul Britanic.

Datorită asistenței amabile a domnului Barry Ager, curatorului colecției medievale timpurii de descoperiri continentale din cadrul Departamentului preistoriei a Europei (Muzeul Britanic, Londra), am avut ocazia de a face cunoștință cu un grup de artefacte legate de fosta provincie imperială a Prusiei Răsăritene, din colecțiile Muzeului Britanic. Acest grup de artefacte a ajuns acolo în 1868 după moartea doctorului în filozofie Gustav Klemm, un colecător și promotor renumit de antichități. El a adunat această colecție în diversele ținuturi germanice, inclusiv în Prusia de Est. Diapazonul cronologic al descoperirilor din colecția lui G. Klemm este larg, incluzând intervalul de timp de la epoca de piatră până la sfârșitul Evului Mediu timpuriu. Toate acestea au fost publicate inițial în Londra în 2001 (Orlińska 2001).

În inventarul muzeului locul descoperirii din numărul obiectelor prusiene din colecția lui G. Klemm este etichetat ca „Insterburg lângă Tilsit”. Dintre 16 obiecte descoperite un interes deosebit prezintă două fibule de bronz nr. 4677 și nr. 4687, precum și două brățări nr. 4678 și nr. 4679. Acestea, ca și majoritatea celorlalte descoperiri din partea prusiană din colecția lui G. Klemm în inventarul muzeului se atribuie orașului Insterburg / Chernyakhovsk (regiunea Kaliningrad, Rusia). În urma analizei tuturor aceste descoperiri, s-a constatat că acestea se asociază preponderent cu antichitățile de pe Nemanul Inferior. Același fenomen, relevant pentru o parte din colecția muzeului Societății de Antichități din or. Insterburg, este condiționat de gradul redus de cercetare a marginii de est a Prusiei în sec. XIX. Majoritatea descoperirilor au ajuns aici din regiunile inferioare ale râului Neman care din timpurile străvechi erau o sursă de depistare a antichităților.

В. И. Кулаков.

Прусские находки в Британском музее.

Благодаря любезной помощи куратора раннесредневековой коллекции континентальных находок Департамента преистории Европы (Британский музей, Лондон) господина Барри Агера я получил возможность ознакомиться с группой находок, связываемых с бывшей имперской провинцией Восточная Пруссия, оказавшихся в фондах Британского музея. Они поступили туда в 1868 г. после смерти доктора философии Густава Клемма,

известного собирателя древностей и их популяризатора. Эта коллекция была собрана им в различных германских землях, в том числе — в Восточной Пруссии. Хронологический диапазон находок, составляющих коллекцию Г. Клемма, широк и охватывает отрезок времени от эпохи камня до финала эпохи раннего средневековья. Все они первично были опубликованы в Лондоне в 2001 г. (Orlińska 2001).

В музейной описи место находки прусских артефактов из коллекции Г. Клемма обозначено как «Insterburg near Tilsit». Находки представлены 16 предметами, из которых особый интерес вызывают две бронзовые фибулы №№ 4677 и 4687, два браслета №№ 4678 и 4679. Они, как и большинство остальных находок из прусской части коллекции Г. Клемма, связаны в музейной описи с г. Инстербург/Черняховск (Калининградская обл. России). При рассмотрении всех этих находок оказалось, что они связаны в основном с древностями низовий р. Неман. Этот же феномен, актуальный и для части музейной коллекции Общества (древностей) г. Инстербург, обусловлен малой изученностью восточной окраины Пруссии в XIX в. Значительная часть находок поставлялась сюда из низовий р. Неман, издревле служивших местом получения предметов антиквариата.

Keywords: British Museum, Eastern Prussia, bronze fibulae, bracelets.

Cuvinte cheie: Muzeul Britanic, Prusia Răsăriteană, fibule de bronz, brățări.

Ключевые слова: Британский Музей, Восточная Пруссия, бронзовые фибулы, браслеты.

Благодаря любезной помощи куратора раннесредневековой коллекции континентальных находок Департамента преистории Европы (Британский музей, Лондон) господина Барри Агера я получил возможность ознакомиться с группой находок, связываемых с бывшей имперской провинцией Восточная Пруссия, оказавшихся в фондах Британского музея. Они поступили туда в 1868 г. после смерти доктора философии Густава Клемма, известного собирателя древностей и их популяризатора. Эта коллекция была собрана им в различных германских землях, в том числе — в Восточной Пруссии. Хронологический диапазон находок, составляющих коллекцию Г. Клемма, широк и охватывает отрезок времени от эпохи камня до финала эпохи раннего средневековья. Все они первично были опубликованы в Лондоне в 2001 г. (Orlińska 2001).

В музейной описи место находки прусских находок из коллекции Г. Клемма обозначено как «Insterburg near Tilsit». В публикации Гражины Орлиньской «Insterburg» заменён на более современное название города «Chernyakhovsk». Это местонахождение — фактически единственный пункт, к которому приурочены находки в Британском музее, связываемые с Восточной Пруссией. Согласно компетентному мнению Б. Агера, в описи Британского музея слова «...near Tilsit» были добавлены во второй половине XIX в. безымянным музейным клерком для удобства читателей этой описи. Дело в том, что некий «Insterburg» был совершенно незнаком англичанам эпохи королевы Виктории. Название города «Tilsit», от которого Insterburg/Черняховск отстоит в юго-юго-западном направлении на 70 км, было британцам явно памятно по Тильзитскому

миру 1807 г., давшему Великобритании передышку в борьбе с Наполеоном I. Разумеется, сидя в центре Лондона и глядя на карту Восточной Пруссии, кажется, что эти два города расположены поблизости друг от друга. В археологическом отношении они соответствуют ареалам различных западнобалтских племён — пруссов и скальвов. Попытаемся выяснить культурную принадлежность и датировку прусских находок, хранящихся в фондах Британского музея, благо эта сторона вопроса была упущена (очевидно, за недостатком места в обширной публикации коллекции Г. Клемма) в книге Гражины Орлиньской. Данные находки в статье представлены в каталоге.

Каталог прусских находок в коллекции Густава Клемма

«Черняховск»:

6812—28460, МК14677 — бронзовая арбалетовидная фибула с литым иглоприёмником, с железным стержнем для пружины. Бронзовая игла фибулы не сохранилась. Длина 8,8 см, ширина 11,0 см (здесь и далее размеры находок и их датировка даны по: Orlińska 2001: 135, 136).

6812—28461, МК14678 — серебряный (?) орнаментированный пластинчатый браслет. Диаметр ок. 6,6 см.

6812—28462, МК14679 — бронзовый орнаментированный бусковидный браслет. Диаметр ок. 8,5 см.

6812—28463, МК14680 — фрагмент бронзовой гривны, свитой из трёх дров. Длина 7,8 см.

6812—28464, МК14681 — фрагмент медной (?) гривны, витой из двух дров. Длина 6,6 см.

№4. 2010

68 12—28 463, МК1 4682 — обрывок бронзовой проволоки. Длина 5,0 см.

68 12—28 466, МК1 4683 — стеклянная бусина цвета морской волны. Диаметр 0,7 см, толщина 0,3 см.

68 12—28 467, МК1 4684 — золотостеклянная бусина. Диаметр 0,8 см, толщина 0,5 см.

68 12—28 468, МК1 4685 — оранжевая стеклянная бусина. Диаметр 0,9 см, толщина 0,7 см.

68 12—28 469, МК1 4686 — бронзовая спирально витая бусина. Диаметр 1,4 см, длина 1,6 см.

68 12—28 470, МК1 4686 — бронзовая спирально витая бусина. Диаметр 1,4 см, длина 1,5 см, X—XII вв.

68 12—28 471, МК1 4687 — бронзовая подковообразная фибула с навершиями в виде голов драконов. Диаметр 3,1 см, XI—XIII вв.

68 12—28 472, МК1 4688 — фрагмент бронзового одностороннего гребня. Ширина 3,1 см, Новое время.

«Пруссия»:

68 12—28 473, МК1 4689 — железный наконечник дротика. Длина 13,8 см, ширина лезвия 2,6 см, IV—VII вв. н.э. (здесь и далее размеры находок и их датировка даны по: Orlińska 2001: 157, 158).

68 12—28 475, МК1 4691 — фрагмент железного наконечника копья. Длина 14,8 см, ширина лезвия 4,2 см, V—VII вв.

68 12—28 474, МК1 4692 — железный наконечник копья. Длина 22,6 см, ширина лезвия 2,2 см, диаметр втулки 2,2 см, V—XI вв.

Типологическая принадлежность и датировка предметов

Наибольший интерес из украшений, представленных в прусской части коллекции Г. Клемма, представляет собой бронзовая арбалетовидная фибула № 4677 (будем обозначать находки из интересующего нас массива через последние цифры их инвентарного номера в Британском музее). Такие фибулы распространены в низовьях р. Неман (историческая область Ламата и расположенные к северу от неё микрорегионы), являются дериватами арбалетовидных фибул подтипа 3 (ведущий признак — одно или два небольших поперечных расширения на ножке фибулы — Кулаков 1990: 151, 152). Ареал классических фибул подтипа 3 в VII в. — западная часть Мазурского Поозерья (Кулаков 2009: 73). Согласно типологии А.З. Таутавичюса, аналоги фибулы Британского музея относятся к поздней версии типа 3.1.1.2. «с длинной ножкой» и датируются VIII в. (Tautavičius 1996: 193). Примечателен факт сохранения на некоторых фибулах этого типа, в том числе — и на фибуле № 4677 из Британского музея, рудиментарного поперечного рифления ножки. Крупные размеры фибул «с длинной ножкой» и их пропорции (примерно 1: 1) соответствуют традиции изготовления поздней версии фибул с кольцевой гарнитурой (типа Åberg 2), распространённых в нижнем течении р. Неман, на его правом берегу в VI в. (Кулаков 2005: 124). Сведя в единую таблицу

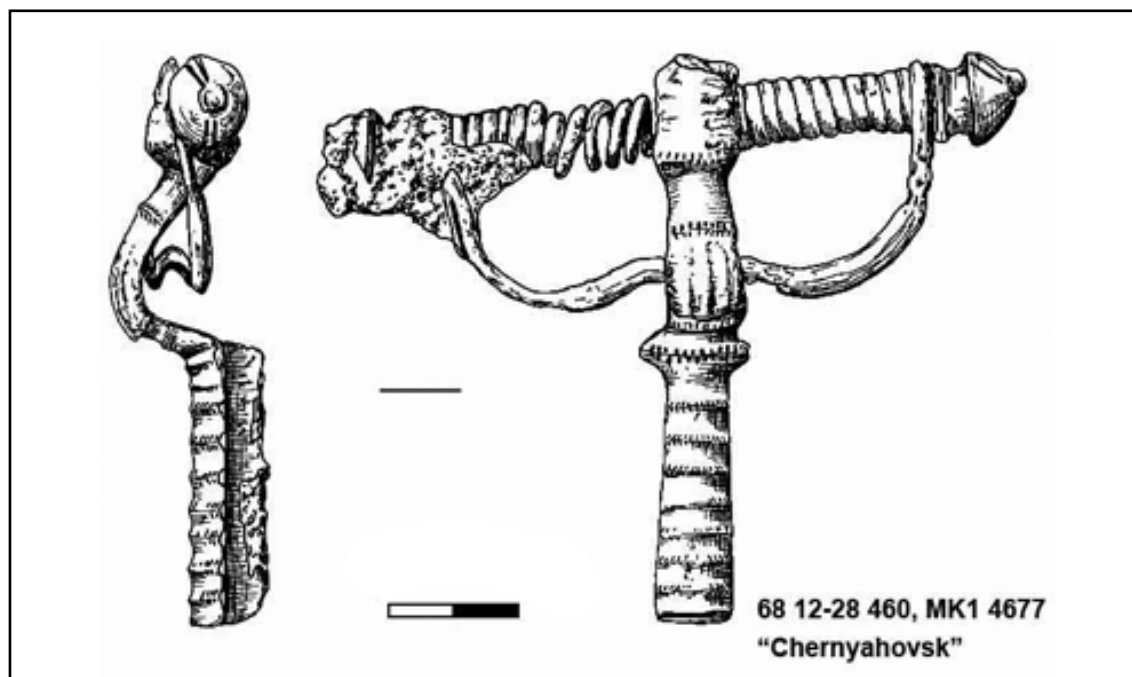

Рис. 1. Фибула № 4677.

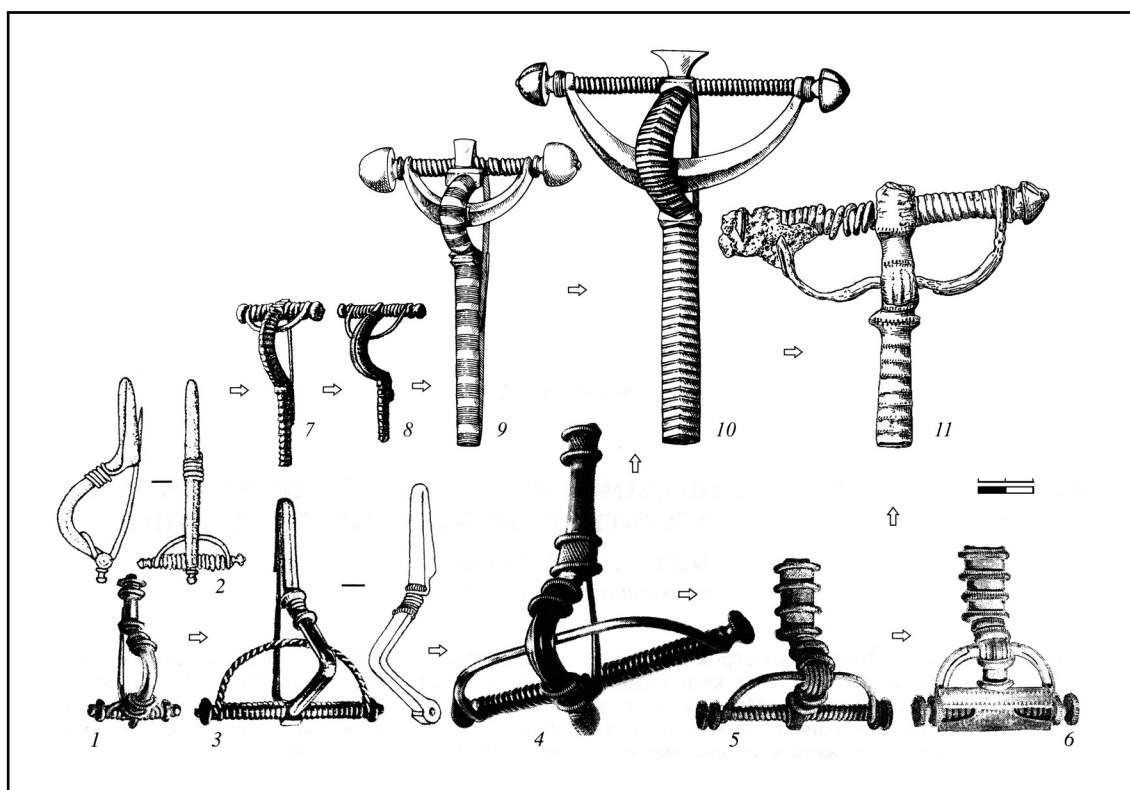

Рис. 2. Этапы развития поздних фибул с кольцевой гарнитурой и с её имитацией в Балтии: 1 — Янув Поморски; 2 — погр. Do-251 (Коврово); 3 — погр. 261 бывш. Айслитен (Зеленоградский р-н Калининградской обл.); 4 — погр. 50 Плинкайгалис (Кедайняйский р-н Литвы); 5 — Сроковски Двур (Кентшинское воев., Польша), 6 погр. 108а Тумяны (Варминьско-Мазурское воев., Польша); 7 — погр. Do-165 (Коврово); 8 — погр. Do-183 (Коврово); 9 — Яунейкяй (Йонишкский р-н Литвы); 10 — погр. 29 Кайренеляй (Радвилишкский р-н Литвы); 11 — фибула № 4677. 1—6 — Кулаков В.И., 2005, рис. 1; 7, 8 — Кулаков В.И., рис. 63, 65; 9, 10 — Tautavičius 1996: 79, 80 pav.; 11 — Orlińska 2001: 89, 1.

(рис. 2) различные формы арбалетовидных фибул, бытовавшие в юго-восточной Балтии в III—VIII вв., мы получим два источника сложения уникальной фибулы из Британского музея. Её крупные размеры и пропорция примерно 1: 1 является результатом деградации фибул с кольцевой гарнитурой, бытовавших первоначально на Янтарном берегу (ареал эстиев) во второй половине III в.н.э. (рис. 2: 1). Медленно развиваясь (точнее — стагнируя) в древностях западных балтов, эта древнегерманская по происхождению версия арбалетовидных фибул к VI в. у обитателей низовий р. Неман превращается в громоздкую застёжку мужского плаща с пропорцией своих параметров 1: 1 (рис. 2: 4). Далее, до третьей четверти VII в. под влиянием мазурских традиций (результат активной межрегиональной торговли, проходившей по рекам Неман, Инструч, Анграпа и Писса), обитавшие в нижнем течении р. Неман скальвы и ламаты начинают изготавливать массивные и престижные (нередко — с накладками из золотой и серебряной фольги) фибулы с рудиментами кольцевой гарнитуры (на финальной стадии их

типологического развития) на ножке (рис. 2: 5, 6). Таким образом, чётко видно распространение, деградация и затухание традиций фибул с кольцевой гарнитурой позднеримского времени из Самбии в восточном направлении, вплоть до низовий р. Неман на пороге эпохи викингов (Кулаков 2005а: 124). То же самое происходит и с фибулами родственных типов AVI.171 (рис. 2: 7) и Schönwarling (рис. 2: 8) (первая пол. V в., их поздние варианты на Самбии именуются у польских археологов почему-то «тип Dollkeim-Kovrowo» — Rudnicki 2008: 292, Abb. 2, c). К VII—VIII вв. на территории нынешней Западной Литвы начинают производиться громоздкие мужские арбалетовидные фибулы (рис. 2: 9, 10), на ножках которых сохраняются поперечные линии — рудимент орнамента фибул типов AVI.171 и Schönwarling. Правда, эти западнолитовские застёжки имеют литые отдельно декоративные дуги пружины, что фактически делает их не арбалетовидными, а перекладчатыми фибулами. Указанный выше рудимент древнего декора имеется и на фибуле из Британского музея. Но этот артефакт име-

№4. 2010

ет следы влияния дериватов фибул с кольцевой гарнитурой. Как у них, так и на фибуле № 4677 дуга ножки украшена поперечным рифлением. Впервые такой феномен зафиксирован у арбалетовидных фибул с кольцевой гарнитурой VI в. (рис. 2: 4). Таким образом, фибула из Британского музея в своих деталях показывает влияние как типологического ряда, начатого фибулами типа AVI.171 (рис. 2, верхний ряд фибул), так и (в большей мере) типологического ряда фибул с кольцевой гарнитурой (рис. 2, нижний ряд фибул). В сущности, ряд фибул с поперечными насечками на ножке может быть изначально имитацией (явно — удешевлённой при изготовлении застёжки) фибул с кольцевой гарнитурой (как и фибула № 4677). Кроме того, лукообразно изогнутая тетива пружины фибулы № 4677 повторяет аналогичную особенность массивных фибул с кольцами на ножке из Мазур (рис. 2: 5). Самые разнообразные и, казалось, несовместимые друг с другом признаки отмеченных выше фибул совпадают лишь на изделиях обитателей территории нынешней Западной Литвы, преимущественно — низовий и дельты р. Неман. Эта болотистая земля — место изготовления в VII в., может быть — в VIII в.,

фибулы № 4677. Не понятна до конца широкая палитра подтипов и вариантов арбалетовидных и восходящих к ним перекладчатых фибул в низовьях р. Неман в VII—VIII (быть может — и в IX) вв. Такое разнообразие (см. выше) может быть отражением как дискретных хронологических отрезков, связанных с «модой» на различные виды фибул, так и с микрорегиональными (вплоть до ареалов обитания родов и семей) особенностями расселения приморских западных балтов (будущие курши, ламаты, скальвы). Как и позднейшая русская и украинская вышивка, отличавшаяся даже у жительниц различных деревень, различные формы фибул могли служить «опознавательными знаками» для уроженков различных микрорегионов в низовьях р. Неман.

Крайне примечательны браслеты № 4678 и № 4679, приписываемые в Британском музее месту находки «Chernyakhovsk». Металлические наручьи известны в древностях Янтарного берега на фазе B₂ и являются здесь в качестве дериватов римских воинских браслетов типа *armillae*. Самбийские браслеты соответствуют известному в пшеворской культуре типу браслетов *Kameńczyk*. Ко II в.н.э. в ареале вельбарской культуры

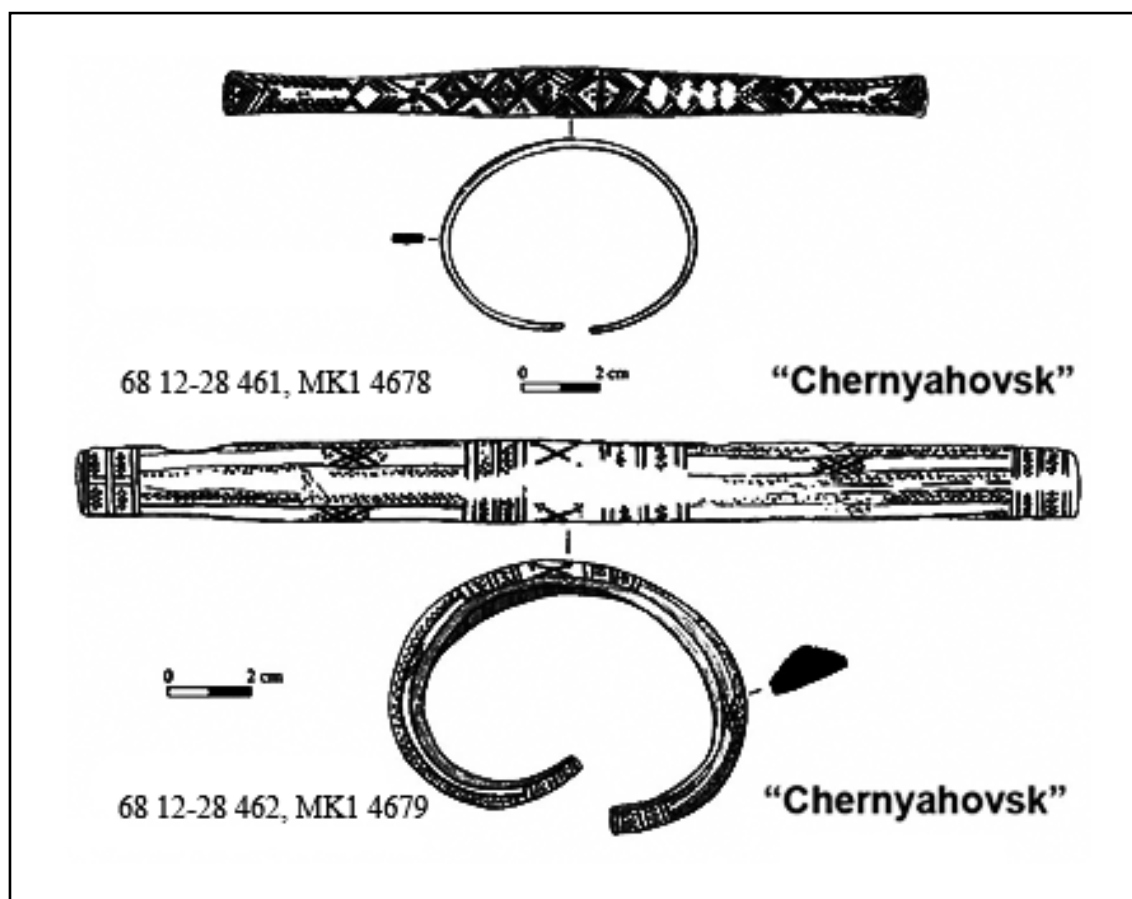

Рис. 3. Браслеты №№ 4678 и 4679 (Orlińska 2001: pl. 89: 2, 3).

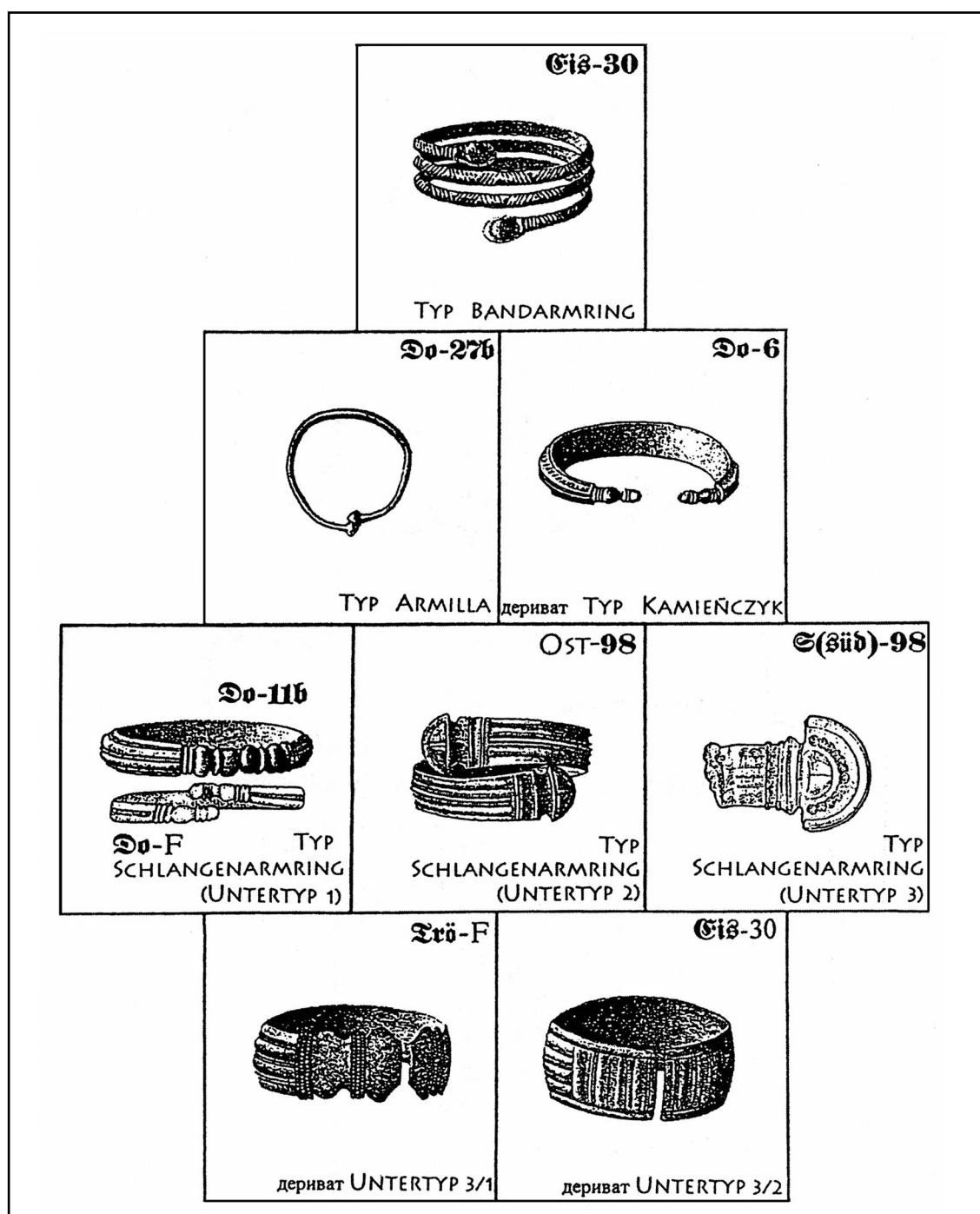

Рис. 4. Типология браслетов в древностях исторической Пруссии (Кулаков 2003: рис. 99).

на основе этих браслетов (Кулаков 2003: 279) возникает тип «змеиноголовых» наручий (рис. 4). В свою очередь, они становятся источником для формирования пластинчатых и, позднее, брусковидных браслетов с поперечным линейным и прочим орнаментом. Судя по комплексу (рис. 5) погр. Eis-30 (могильник Сиренево, Зеленоградский р-н), включающему три арбалетовидные фибулы с подогнутой ножкой и римскую монету с отверстием (Tischler, Kemke 1902: 27), пластинчатые браслеты самбийские женщины носили

уже в III в.н.э. Примечательно обнаружение в комплексе погр. Eis-30 сразу и наиболее простейшей для Балтии формы браслета — пружинное украшение предплечья (рис. 5: 4), и финальной формы развития пластинчатых «змеиноголовых» браслетов (рис. 5: 3), и упрощённой формы браслетов из узкого бронзового бруса (рис. 5: 5). Этот феномен — свидетельство узкого хронологического этапа, в течение которого из простейших, характерных для раннего железного века пружинных браслетов сформировались и развились фор-

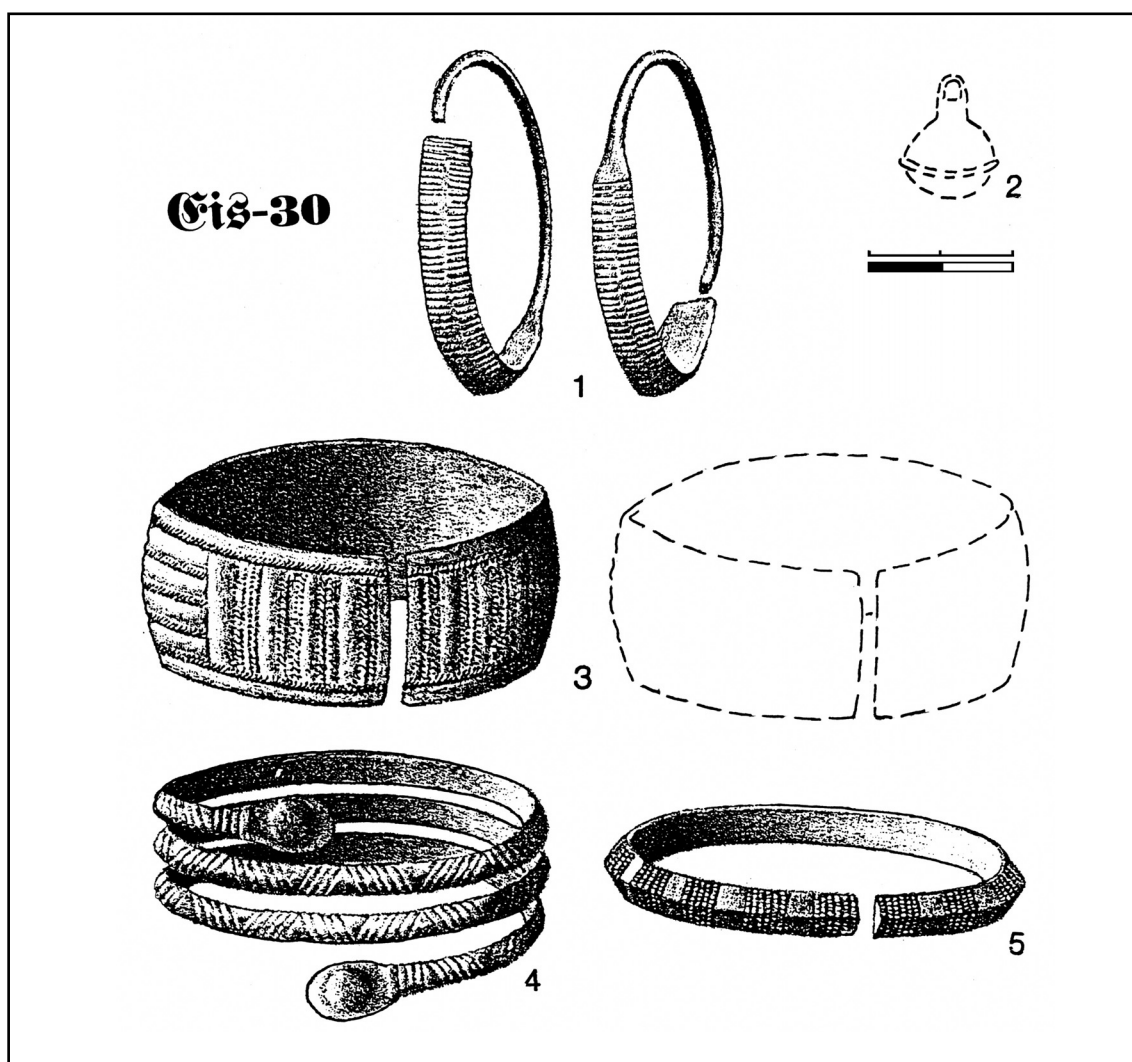

Рис. 5. Часть инвентаря погр. Eiš-30 (грунтовой могильник Сиренево) (Tischler, Kemke 1902: Taf. XIV).

мы пластинчатых и брусковидных наручий. Вызывают интерес обнаруженные в погр. Eiš-30 пара бронзовых (?) височных колец с раскованными частями дрота. Практически такие же и по форме, и по размеру предметы (правда, без разъёма дуги кольца, пружинно заходящие друг за друга оба конца дрота раскованы) серебряные «браслеты» из клада, обнаруженного в 2002 г. в жилище 1 поселения Мельники 1 (близ с. Андрияшевка Роменского р-на Сумской обл. Украины). Клад приписывается одному из вождей дружины северян VIII в. (Жаров, Терпиловский 2004: 6).

В эпоху Великого переселения народов браслеты уже не используются обитателями (и обитательницами) Янтарного берега. Это, несомненно, связано с переменой не только культурной принадлежности и этноса жителей полуострова Самбия и близлежащих микрорегионов. Со второй половины V в. н. э. эти земли заселены исключительно западными балтами (ранее здесь обретались различные группы германского населения — Кулаков

2003: 247, 248, 254), в чей обиход, очевидно, не входили браслеты. Точнее, убор этой части западных балтов не предполагал использования наручий. Этого нельзя сказать о части этого народа, обитавшей в дельте р. Неман. К фазе D₂ мода на многие предметы обихода женщин народа эстиев (напомним, большая его часть была в I — нач. V вв. германского происхождения), включая арбалетовидные фибулы крупных размеров (см. выше) и браслеты, перемещается на Неманское правобережье, в низовья этой могучей реки (Кулаков 2003: 291). Сюда же и севернее, в ареал куршей, на заре эпохи викингов начинает активно внедряться прусский обряд трупосожжения (Жулкус 2004: 157).

К VIII в. на территории совр. Западной Литвы сформировались 6 типов браслетов, среди которых тип Bliuženė 5 включал пластинчатые и дротовые браслеты (Bliuženė 1999: 174). Именно к этому типу относятся браслеты из Британского музея. Их орнаментальная композиция (полоса декора, за-

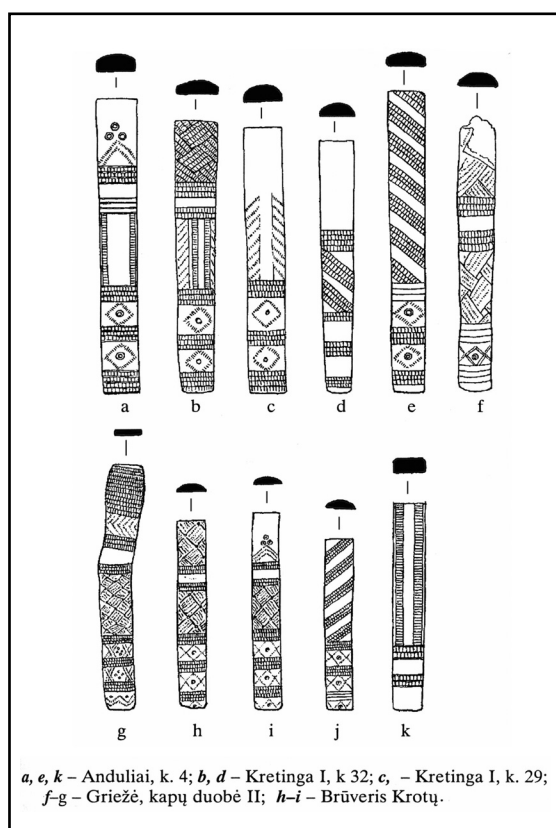

Рис. 6. Образцы декора куршских браслетов эпохи викингов типа Bliujenė 5 (Bliujenė 1999: 174).

полненная оттисками штампа по остывающему или холодному металлу, создающего линейные и треугольные фигуры — рис. 6) в целом не выходит за пределы композиции своего прототипа — наиболее раннего пластинчатого браслета III в. н. э. из погр. Eis-30 (рис. 5: 3). Множественность вариантов декора браслетов, как и в случае с видами фибул (см. выше), может служить микрорегиональным маркером для женщин области Куршьяй в эпоху викингов и в предорденское время. В позднем средневековье на смену этим отличительным признакам пришли различные узоры на женских одеждах. В исторической Пруссии вплоть до сер. XX в. существовали микрорегиональные варианты плетёных (тканых) тонких поясков.

Подобные находки для исторической Пруссии весьма редки, ведь раннесредневековые прусские женщины не украшали свои руки браслетами. Одна из таких уникальных находок была сделана в 1951 г. Ф.Д. Гуревич в позднем слое на малой площадке городища Грачёвка (Зеленоградский р-н Калининградской обл.). Этот браслет диаметром 7 был найден близ пом. 3 и по сопутствующим в слое находкам может быть

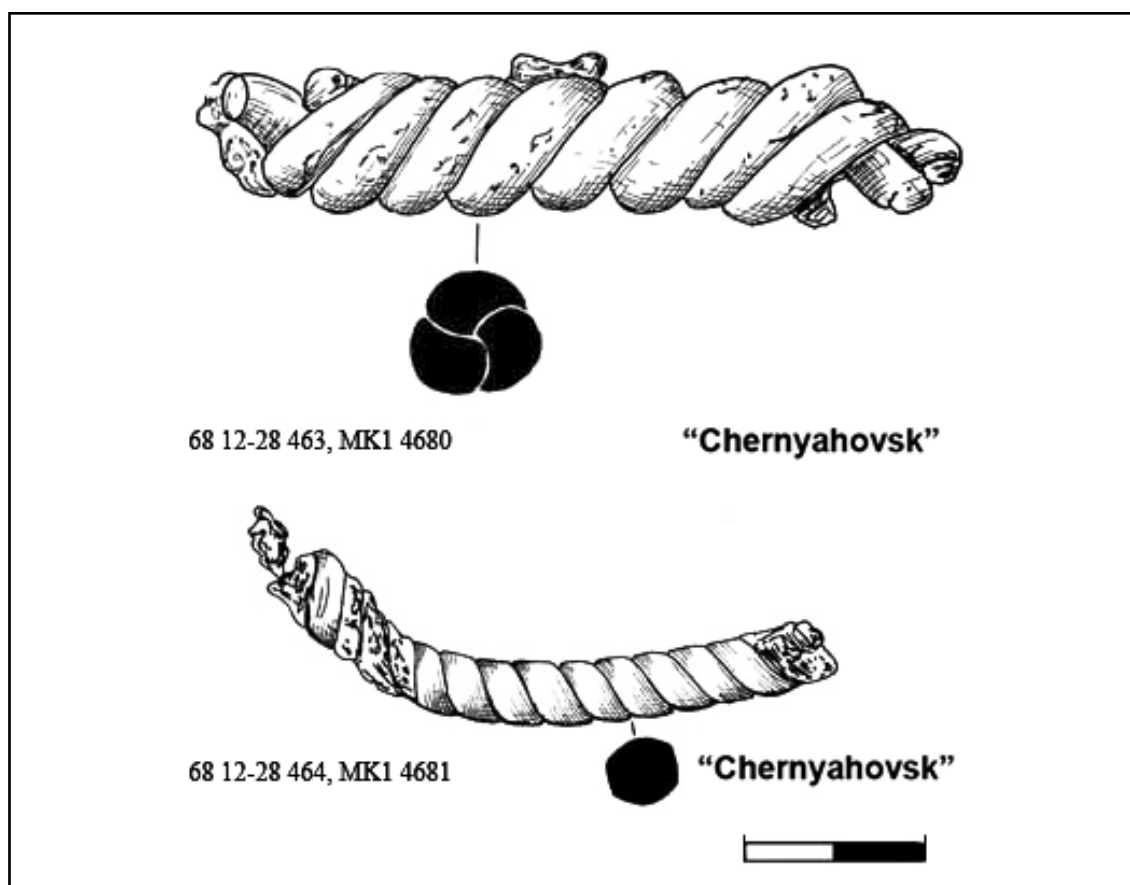

Рис. 7. Обломки бронзовых гривен №№ 4680 и 4681.

№4. 2010

отнесён к XI—XII вв. (Гуревич 1960: 431, рис. 48: 3).

Обломки гривен №№ 4680 и 4681, сплетённые из трёх и двух бронзовых дротов, происходят от разных гривен (рис. 7). Подобным родом изготовленные (сплетённые из дротов) совершенно несвойственны пруссам на всём протяжении существования их культуры (вторая четверть V в. — XIII в.). Редчайшие находки плетёных гривен, известные на территории совр. Калининградской обл., входят в состав инвентаря погребений, в этнокультурном отношении слабо связанных с местными традициями. Например, погр. Wa-1 (могильник Первомайское, Багратионовский р-н, нач. VI в. н.э.) содержит гривну и браслет с крючком и петле на концах, сплетённые из двух дротов. Они были «...украшениями шеи и рук, с III в. н.э. являвшимися в германской среде символами власти» (Кулаков 2005б: 362). Напротив, для западнобалтских племён, обитавших в конце I тыс. н.э. в дельте р. Неман, заплетённые из дротов гривны представляли собой настолько излюбленную форму украшения, что могли встречаться по несколько штук в одном погребении (Hoffmann 1941: Taf. XV). Таким образом, обломки гривен из Британского музея наиболее вероятно связаны с древностями куршей и/или ламатов XI—XII вв.

Мелкие детали женского убора № 4682—4687, хранящиеся в составе коллекции Г. Клемма в Британском музее, в принципе могут происходить из любого племенного ареала Восточной Балтии эпохи викингов. Однако и среди этих небольших по размерам находок встречены артефакты с чётко определимой этнокультурной принадлежностью. Две бусины биконической формы (рис. 8), сплетённые из бронзовой проволоки, характерны преимущественно для ожерелий куршских и ламатских женщин XI—XII вв., как это видно из находок на могильнике Andullen/Anduliai (Кретингский р-н Литвы) (Hoffmann 1941: Taf. V, b). В случае западнолитовской интерпретации отмеченной выше группы находок обрывок бронзовой цепочки № 4682 может быть частью крепежа подвески к навершию женской нагрудной булавки.

Бронзовая фибула № 4687 с псевдовитой дугой и головками «драконов» в виде навершия концов дуги относится к типу подковообразных застёжек, вар. Carlsson DLU: BA/R и датируется XI — сер. XII вв. (Carlsson 1988: 75). Такие застёжки встречаются, как правило, по одной в мужском захоронении (крепёж плаща) и характерны для весьма широкой территории (о. Готланд и Восточная Балтия).

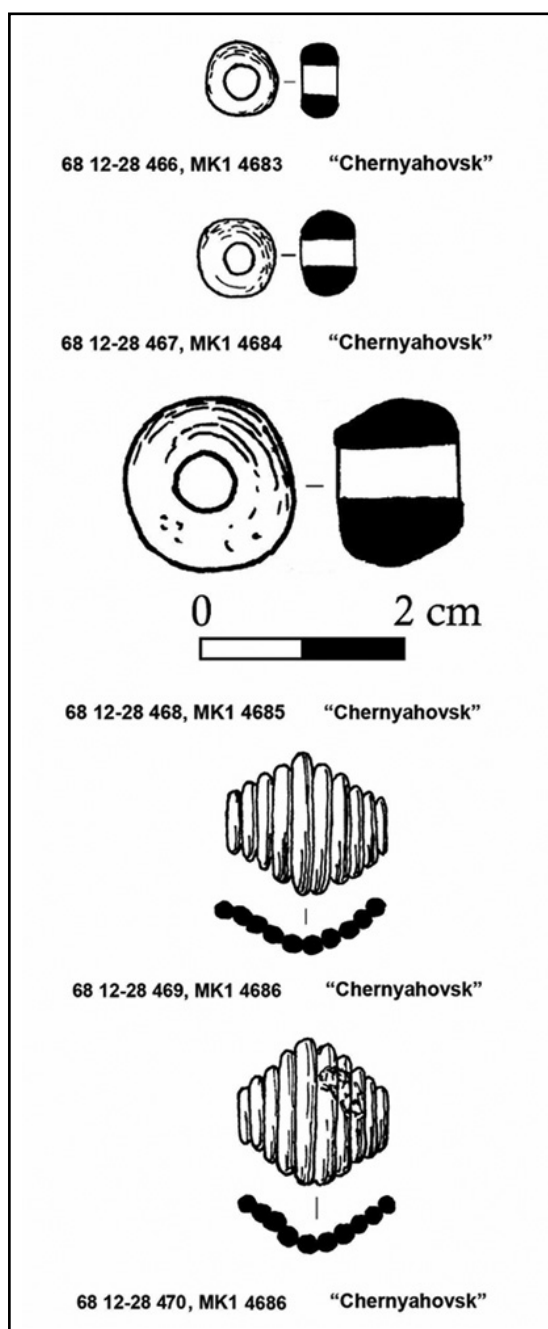

Рис. 8. Бусины из прусской части коллекции Г. Клемма.

Обломок бронзового гребня № 4688, наконечники копий №№ 4691, 4692 и дротика № 4689 трудно типологизировать и датировать ввиду их фрагментарности и плохой сохранности.

Происхождение «прусской» части коллекции Г. Клемма

В титуле данной части статьи прилагательное «прусская» не зря взято в кавычки. Читателю из предыдущего текста стало ясно, что интересующие нас находки никак не связаны с племенем пруссов или с их предка-

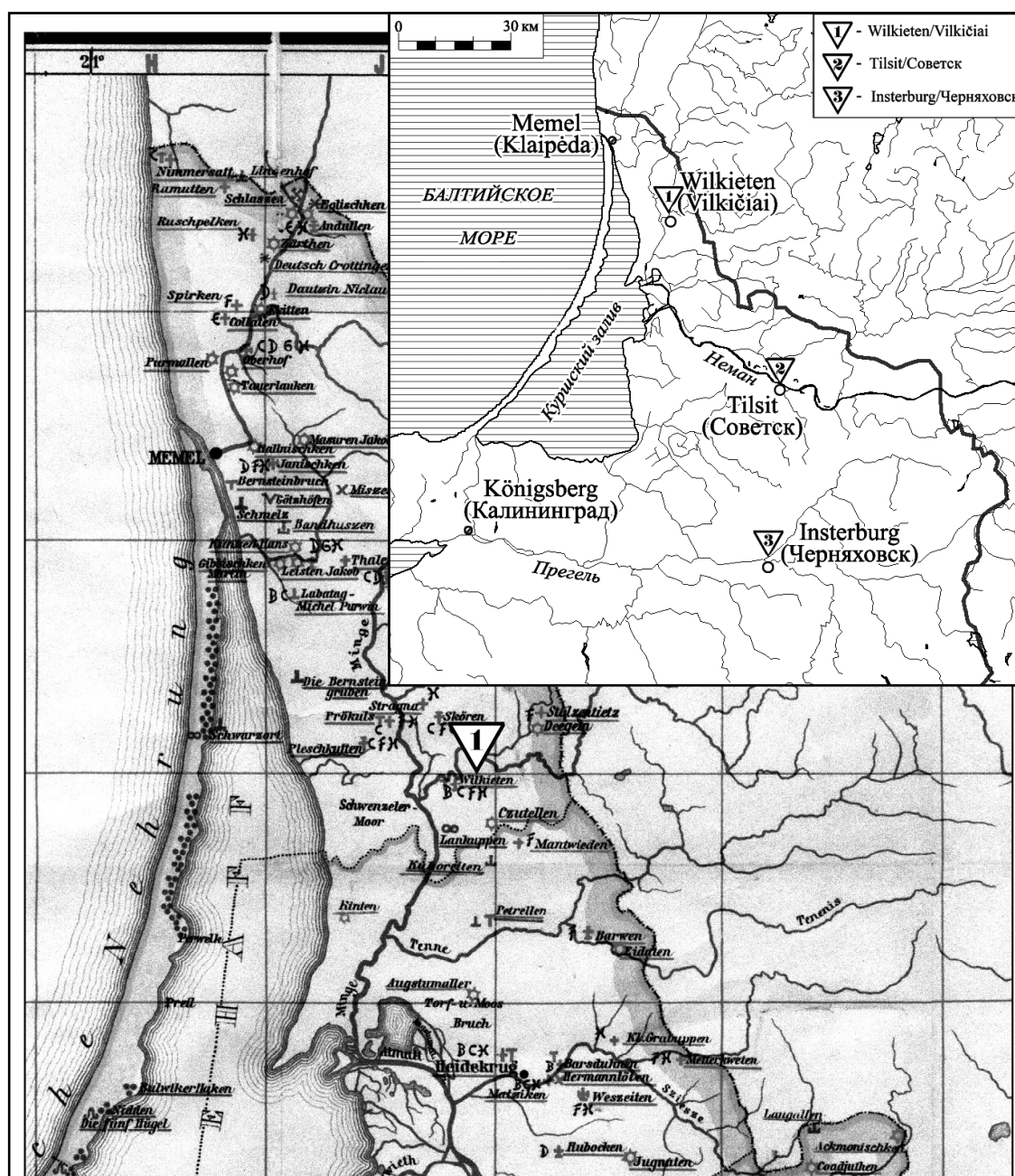

Рис. 9. Северная часть карты памятников археологии Восточной Пруссии, изданной Эмилем Холлаком (Hollack E., 1908. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen, Glogau-Berlin) с обозначением пунктов, упоминаемых в статье (№№ 1—3).

ми эстиями. Напротив, признаки предметов из большей части этой коллекции неопровержимо указывают на своё происхождение из низовий и дельты р. Неман. Этот вывод противоречит официальному адресу всех этих находок, который чётко помечен в музейной описи — «Черняховск». Однако данное противоречие объяснимо. Дело в том, что в старом восточнопрусском городе Инстербурге, расположенном в прусской земле Надравии у впадения р. Инструч в р. Преголя, в новое время активно обращались на антикварном рынке не только (наверное — не столько) находки из довольно скромных по составу свое-

го инвентаря (разумеется, по сравнению с самбийскими) надравских могильников, сколько древности низовий р. Неман. Очевидно, этот феномен связан с издревле налаженными торговыми связями, прочно установившимися между городами Инстербург, Тильзит и Мемель (ныне — г. Клайпеда в Литве). В фондах Музея Общества (древностей) Инстербург пять витрин, посвящённых в этом Музее археологическим находкам VI—XII вв., все почти полностью содержат находки из ареалов куршей и ламатов (Anonim 1905: Taf. IX—XIII). В частности, на табл. IX в каталоге этого музея опубликован материал

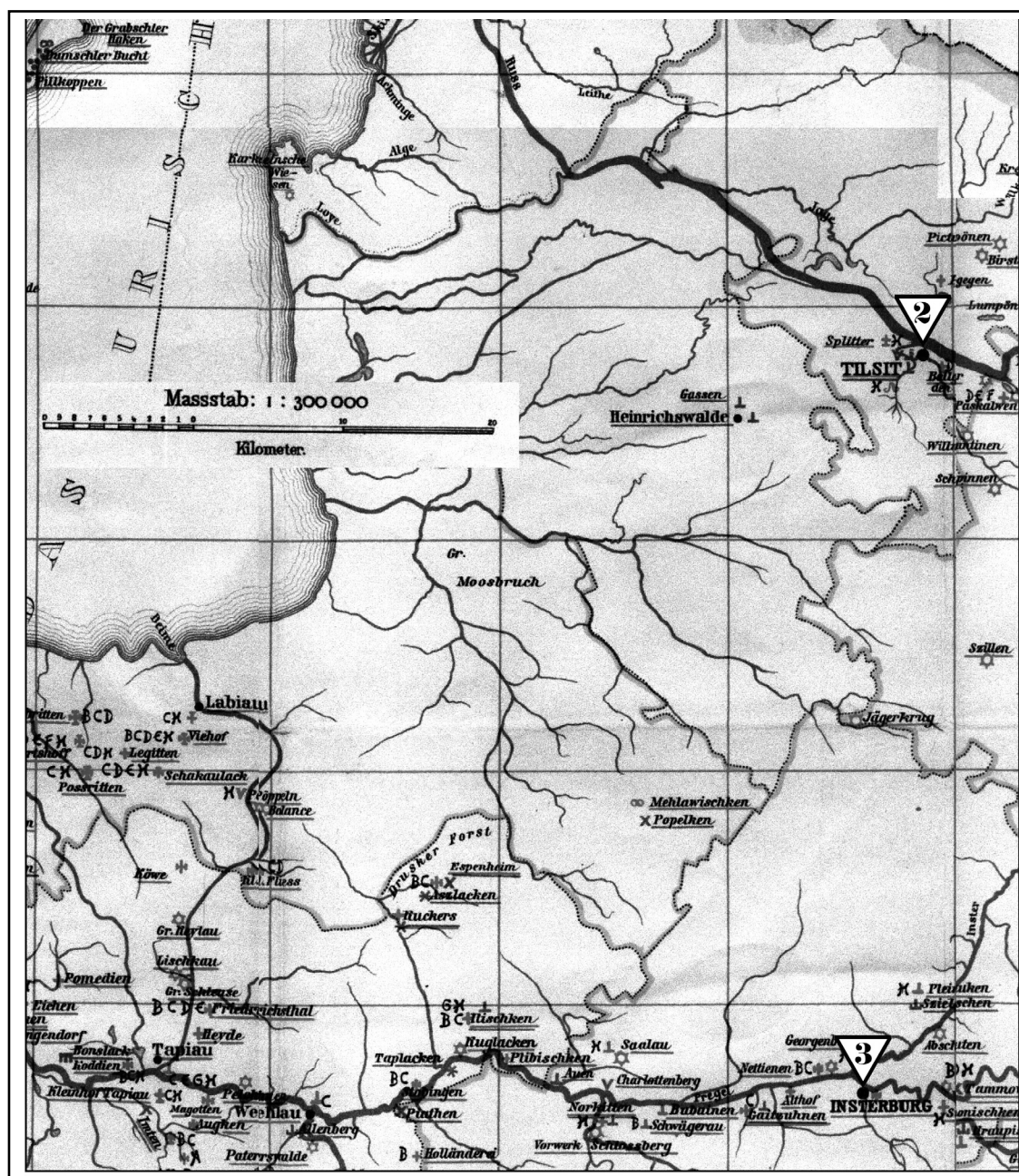

Рис. 9 (окончание).

из могильника Wilkieten/Vilkičiai. Здесь позиции 6 и 9 показывают арбалетовидные фибулы, весьма сходные (если — не идентичные) фибуле № 4677 из Британского музея. Часть этой коллекции в 1943 г. (?) была эвакуирована из Инстербурга на запад и ныне находится в Институте до- и ранней истории Университета Халле. Среди этих находок представлены и артефакты из земель куршей и ламатов, в частности — из грунтового могильника Wilkieten/Vilkičiai (/Beran/1991: NrNr 98/49, 99/49). Таким образом, можно с достаточной долей уверенности предполагать, что как часть фондов Музея Общества (древностей) Инстербург, так и «прусская коллек-

ция» Густава Клемма происходят не из округа Инстербург, в XIX в. археологами практически не изученного, а из низовий р. Неман. Там, в восточнопрусском округе Мемель, к этому времени грунтовые могильники I тыс. н.э., чьи погребения содержали многие десятки металлических находок, были хорошо известны собирателям древностей и антикварам.

Интересен набор предметов «прусской» коллекции Г. Клемма. В него входят две разнотипные фибулы, два браслета, фрагменты гривен, разнообразные бусины, цепочка и предметы вооружения. Происходящие, несомненно, из разных погребальных памятников, они, тем не ме-

нее, по своей номенклатуре соответствуют стандартному набору наименований инвентаря западнобалтских культур I тыс. н. э. Возможно, тем самым Г. Клемм пытался представить в своей коллекции некий нормативный (идеализированный) набор инвентаря «пруссков» (в первой пол. XIX вв.). Этим этнонимом нередко обозначали всех

или почти всех западных балтов) в стиле Studiensammlung (нем. «Учебная коллекция»). Подобного рода принцип подбора состава коллекции, пригодный для использования для реализации учебных задач, был актуален, например, для части собрания Prussia-Museum в г. Кёнигсберге ещё в первой половине XX в. (Kulakov 2009: 338).

Литература

- Гуревич Ф. Д. 1960. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 76, Москва; Ленинград: Наука.
- Жаров Г. В., Терпиловский Р. В. 2004. *Скарб срібних прикрас VIII століття з Андріяшівки на Сулі*, Київ: Корвин Пресс.
- Жулкус В. 2004. Изменения в мировоззрении куршей в раннем средневековье. В: Макаров Н. А., Чернецов А. В., Лопатин Н. В. (ред.). *Восточная Европа в средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова*. Москва: Наука.
- Кулаков В. И. 1990. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V — начала VIII вв. По материалам раскопок 1878—1938 гг. In: *Barbaricum-1989*. Warszawa: ZD Małej Poligrafii UW, 148—273.
- Кулаков В. И. 2003. *История Пруссии до 1283 г.* Москва: Индик.
- Кулаков В. И. 2004. *Доллякайм-Коврово. Исследования 1879 г.* Минск: ГНУ Институт истории НАН Беларуси.
- Кулаков В. И. 2005а. Фibuлы Балтии с кольцевой гарнитурой из архива копий Центрального Римско-Германского музея (Майнц). *Российская археология* (3), 123—127. Москва: Наука, Международная академическая издательская компания «Наука/Интерпериодика».
- Кулаков В. И. 2005б. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I—VI вв. н. э., В: *Stratum plus* (4), Санкт-Петербург; Кишинёв; Одесса; Бухарест: 2003—2004, 278—382.
- Кулаков В. И. 2009. Находки из ареала куршей и скальвов в описи копий Центрального Римско-Германского музея (г. Майнц). *Archaeologia Litwana*, 10. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 65—83.
- Anonim, 1905. 17 Tafeln mit Abbildungen der wichtigsten Stücke des Museums der Altertumsgesellschaft nebst Erklärung. In: *1880—1905 Festschrift zum 25 jährigen Jubiläum der Altertumsgesellschaft Insterburg*. Insterburg.
- Bluijené A. 1999. *Vikingų epochos kursorių papuošalų ornamentika*. Vilnius: Diemedžio leidykla.
- Carlsson A. 1988. *Vikingatida ringspännen från Gotland*. Stockholm: Pristryck AB.
- Hoffmann J. 1941. *Die spätheidnische Kultur der Memellandes (10.—12. Jahrh. n. d. Zw.)*. Königsberg; Berlin: Ost-Europa-Verlag.
- Kulakov W. I. 2009. Die Geschichte der Wiederentdeckung von Sammlungsteilen des Prussia-Museums in Königsberg. In: Jakobson F., *Die Brandgräberfeld von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Daumen und Kellaren — Tumiary i Kielary*. Bd. 1. Neumünster: Wachholtz Verlag, 331—343.
- Rudnicki M. 2008. Bemerkungen zur Entwicklung von Armbrustsprossenfibeln aus dem Territorium der Olsztyn-Gruppe. Erste Feststellung. In: *The Turbulentepoch. New materials from the Late Roman Period and Migration Period*, 2. Lublin: Wydawnictwo Non Profit, 291—301.
- Orlińska G. 2001. 'Germanic' Antiquities from the Klemm Collection in British Museum. London: The British Museum Press.
- Tautavičius A. 1996. *Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V—IX a.)*. Vilnius: Lietuvos Pilsys.
- Tischler O., Kemke H. 1902. *Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt*. Königsberg: In Kommission bei Wilhelm Koch.
- Архивные материалы:**
- Beran J. 1991. Verzeichnis der im Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Halle vorhandenen bzw. ehemals vorhanden Fundgegenstände aus dem frühen Museum von Insterburg in Ostpreussen.

Статья поступила в номер 19 апреля 2010 г.

Vladimir Kulakov (Moscow, Russia). Doctor of historical sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.

Vladimir Kulakov (Moscova, Rusia). Doctor în științe istorice. Institutul de Arheologie, Academia de Științe a Rusiei.

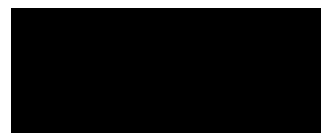
Кулаков Владимир Иванович (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Институт археологии Российской академии наук.

E-mail: drkulakov@mail.ru

Дискусии

Discussions

Discuții

С. Е. Рысев

Тайная вечеря в свете книги Даниила

S. E. Rysev.

The Mystical Supper in the Light of the Book of Daniel.

The article offers a solution that removes the contradiction between the Synoptics and the fourth Gospel, pertaining to the date of the Mystical Supper. The solution is based on data that are present in the book of Daniel. At the same time, an original interpretation of the book of Daniel itself is given. Also, a hypothesis relating to etymology of the term Essenes is suggested. Finally, the article shows common links between the book of Daniel, Qumran scrolls and the canonical Gospels, elucidating provenance of the Qumran community.

S. E. Rysev.

Cina cea de Taină prin prisma Cărții lui Daniel.

Lucrarea propune o soluție care elimină contradicția dintre Evangheliile sinoptice și cea de-a patra Evanghelie privind data Cinei cele de Taină. Soluția se bazează pe datele din cartea lui Daniel din Vechiul Testament. În același timp, este prezentată o interpretare cea mai originală a cărții lui Daniel. De asemenea, se propune o ipoteză privind etimologia termenului «esenieni». În fine, articolul demonstrează existența unor legături comune între cartea lui Daniel, textele de la Qumran și Evangheliile canonice, eclipsând originea comunității Qumran.

С. Е. Рысев.

Тайная вечеря в свете книги Даниила.

В статье предлагается решение, которое устраняет противоречие между синоптическими и четвертым Евангелием, касающееся даты Тайной вечери. Решение основывается на данных, содержащихся в ветхозаветной книге Даниила. Одновременно дается оригинальная интерпретация самой книги Даниила. Также выдвигается гипотеза в отношении этимологии термина «есееи». Наконец, статья демонстрирует наличие общих связей между книгой Даниила, кумранскими текстами и каноническими Евангелиями, проясняя происхождение кумранской общины.

Keywords: the Mystical Supper, Passover, Gospels, the book of Daniel, Josephus Flavius, Essenes, Pharisees, dorshi ha-halaqot, maskilim, Qumran scrolls, the books of Maccabees.

Cuvinte cheie: Cina cea de Taină, Paște, Evanghelii, Cartea lui Daniel, Iosif Flavius, esenieni, fariseii, dorshi ha-halaqot, maskilim, manuscrisele de la Marea Moartă, cărțile Macabeilor.

Ключевые слова: Тайная вечеря, Пасха, Евангелия, книга Даниила, Иосиф Флавий, есееи, фарисеи, дорши ха-халакот, маскилим, кумранские рукописи, Маккавейские книги.

*Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным.
Евангелие от Марка 4:22*

В новозаветных исследованиях до сих пор не разрешено одно серьезное противоречие, сводящееся к следующему. Согласно синоптическим Евангелиям, Тайная вечеря состоялась в «первый день опресноков, когда заколали пасхального агнца» (Мк. 14: 12, Мф. 26: 17, Лк. 22: 7), а

в Евангелии от Иоанна говорится, что она происходила накануне Пасхи (Ин. 13: 1—2). Предпринимавшиеся попытки согласовать это расхождение, в том числе и с помощью календаря, найденного среди кумранских текстов, пока не приносили убедительных результатов (Амусин 1983: 134).

Обратимся сначала к ветхозаветному законодательству и посмотрим, что в нем говорится о сроках пасхального праздника: «В первый месяц, в 14-й день месяца вечером Пасха Господня; и в 15-й день того же месяца праздник опресноков Господу; семь дней ешьте опресноки; и в первый день да будет у вас священное собрание; никакой работы не работайте» (Лев. 23: 5—7). А о порядке приношения праздничной жертвы, которая также называлась пасхой, в Пятикнижии сказано следующее: «В 10-й день сего месяца пусть возьмут себе каждый одного агнца по семействам... и пусть он хранится у вас до 14-го дня сего месяца: тогда пусть заколет его все собрание общества Израильского вечером» (Исх. 12: 3—6).

Теперь сравним ветхозаветные положения о Пасхе с тем, что сообщает о ней в своих «Иудейских древностях» Иосиф Флавий: «В месяце ксанфике, который у нас носит название нисана и представляет начало года, на 14-й день после новолуния, когда солнце станет в знаке Овна... Моисей повелел приносить такую же жертву, какую мы... принесли при выходе из Египта и которая называется Пасхой. Мы справляем ее по отдельным семьям, причем ничто из пищи не сохраняется до следующего дня. На 15-й день наступает праздник опресноков, продолжающийся семь дней...» (Ant. III, 10, 5).

В информации Иосифа Флавия отметим для себя две важные детали. Во-первых, он считает дни месяца от новолуния, а во-вторых, отождествляет иудейский календарь с македонским. Причем подобное отождествление встречается в его сочинениях постоянно: например, в «Иудейской войне» римляне овладевают галилейским городом Иотапатай в первый день македонского месяца панема (BJ III, 7, 36), Иерусалимский храм гибнет от пожара в 10-й день месяца лооса (BJ VI, 4, 5) и т. д. А данный факт указывает на то, что в I в. н. э. иудеи руководствовались в своей повседневной жизни лунно-солнечным греко-македонским календарем. Использование ими в тот период иностранного календаря подтверждают и кумранские тексты, автор одного из которых высказывает такой упрек в адрес властей: «Все праздники они устанавливают по срокам иноземцев» (4Q166 II, 16; Тексты 1971: 240; см. также Бикерман 1975: 18—23.)

Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что официальный праздник Пасхи, т. е. календарный день 14 нисана, в который и приносилась массовая пасхальная жертва, в год казни Иисуса выпал на пятницу,

хотя бы потому, что евангелист Иоанн неоднократно заостряет внимание на этом моменте. Рассмотрим все значимые ссылки на ту Пасху, встречающиеся в его Евангелии.

Первая дается в стихе 12: 1: «За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых». Если Пасха была в пятницу, значит, в Вифанию Иисус прибыл в предыдущую субботу, что соответствует данным синоптиков, поскольку у Иоанна на следующий день Иисус торжественно въезжает на осле в Иерусалим — эпизод, описываемый всеми евангелистами без исключения (Ин. 12: 12—15, Мф. 21: 1—11, Мк. 11: 1—10, Лк. 19: 29—38).

Вторая ссылка у Иоанна относится непосредственно к Тайной вечере: «Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их. И во время вечери... Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его... встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался» (Ин. 13: 1—4). Иоанн нигде не говорит, что эта вечеря была пасхальной трапезой, тогда как синоптики прямо указывают на это обстоятельство, например: «И пошли ученики Его, и пришли в город, и нашли, как сказал им; и приготовили пасху» (Мк. 14: 16).

Далее Иоанн вспоминает о Пасхе при описании событий, последовавших за арестом Иисуса: «От Каиафы повели Иисуса в преторию. Было утро; и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху» (Ин. 18: 28). В следующий раз Пасха упоминается при вынесении Иисусу приговора: «Тогда была пятница перед Пасхой, и час шестый» (Ин. 19: 14). Так читаем в синодальном переводе Библии, в результате чего можно подумать, что Пасха выпала в тот год на субботу. Но, сверяясь с греческим текстом, видим, что речь идет о «пятнице Пасхи» (*παρασκευὴ τοῦ πάσχα*).

И, наконец, последняя, косвенная ссылка у Иоанна относится к подробностям экзекуции: «Но так как тогда была пятница, то иудеи, дабы не оставлять тел на кресте в субботу, — ибо та суббота была день великий, — просили Пилата, чтобы перебить у них голени и снять их» (Ин. 19: 31). Великой та суббота названа, скорее всего, потому, что с ней совпал первый, «нерабочий» день опресноков (см. выше), и таким образом у иудеев был двойной повод для отдыха.

Итак, если Пасха (14 нисана) пришлась в тот год на пятницу, что побудило Иисуса с

учениками вкусить пасхального агнца днем раньше? А то, что Тайная вечеря состоялась в четверг, никаких сомнений не вызывает. Это подтверждается не только тем, что следующий день, в который распяли Иисуса, согласно всем Евангелиям был именно пятницей, но и подсчетом дней, если вести его от предыдущей субботы. Будем опираться на повествование Марка, который добавляет один день к рассказу Матфея, надо полагать, делая это в целях уточнения информации первого евангелиста (сравни Мф. 21: 1—23 и Мк. 11: 1—27).

В воскресенье, как уже было отмечено, Иисус входит в Иерусалим, осматривает храм, а ночь проводит в Вифании (Мк. 11: 11). В понедельник утром он возвращается в город, снова наведывается в храм и выгоняет из него торговцев (11: 12—19). Для сравнения, согласно Матфею, выдворение из святилища «всех продающих и покупающих» происходит накануне (Мф. 21: 12). Во вторник Иисус проводит весь день в храме и на Елеонской горе, полемизируя с фарисеями и саддукеями и наставляя своих учеников (Мк. 11: 27—13: 37, Мф. 21: 23—25: 46). Описав события вторника, Марк указывает, что «через два дня надлежало быть празднику Пасхи и опресноков» (14: 1), а Матфей даже приводит слова Иисуса по этому поводу: «Вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие» (26: 2). Обращает на себя внимание оборот «вы знаете», который наталкивает на мысль, что далеко не всем иудеям, по мнению Иисуса, было известно, когда в действительности следует отмечать Пасху. Так или иначе, при счете дней от предшествующей субботы снова получается, что Иисус отведал агнца за день до установленного срока.

Рассматриваемый казус «двух Пасх» иногда пытаются объяснить разногласиями в календарных вопросах между двумя иудейскими партиями — фарисеями и саддукеями. Предполагается, что фарисеи могли праздновать Пасху в один день, а саддукеи в другой. На это можно возразить, что намного менее авторитетная партия саддукеев едва ли осмелилась бы действовать наперекор фарисеям, которые верховодили в тогдашней общественно-политической жизни Иудеи. Так, Иосиф Флавий указывает, что «все священнодействия, связанные с молитвами или принесением жертв, происходят только с их разрешения», а когда саддукеи занимают правительственные должности, они «примыкают к фарисеям, ибо иначе они не были бы терпимы простонародьем» (Ant. XVIII, 1, 3—4).

Этому соотношению сил соответствует ситуация, вырисовывающаяся на страницах Нового Завета, где фарисеи упоминаются в несколько раз чаще, чем саддукеи.

Однако среди соотечественников у фарисеев имелись и более решительные противники. Надо полагать, Иисус выражал не только собственное мнение, когда во всеуслышание бросал резкие упреки в их адрес: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру... Вожди слепые, оцезживающие комара, а верблюда поглощающие!» (Мф. 23: 23—24). Интересно, что в кумранских рукописях столь же суровой критике подвергается влиятельная антагонистическая группировка «дорши ха-халакот», представители которой «в обмане и лжи расхаживают» (4Q169 II, 2; Тексты 1971: 214, 218—219). Большинство исследователей обоснованно видят в них фарисеев, хотя понимание самого термина «дорши ха-халакот» вызывает у них немалые трудности. Чаще всего его переводят как «ищущие гладкого» или «приятного». То есть за этим ярлыком угадываются люди, которых принято называть конформистами — те, кто ради собственного благополучия готовы идти на любые компромиссы.

Слово «халакот» встречается и в Ветхом Завете, в частности в главе 11 книги Даниила, фрагменты которой, наряду с другими ветхозаветными сочинениями, были обнаружены в Кумране. В стихах 11: 32—33 оно употреблено в одном контексте с противопоставляемым ему термином «маскилим» (евр. разумные): «Поступающих нечестиво против завета он [узурпатор] привлечет к себе лестью [бахалакот], но люди, чтущие своего Бога, усилятся и будут действовать. И разумные из народа [маскилей ам] вразумят многих...» «Разумные» упоминаются и в произведениях самой кумранской общины: «маскил» исполнял у сектантов обязанности наставника, которому надлежало «объяснять и обучать всех сынов Света истории всех сынов человеческих» (1QS III, 13; Тексты 1996: 115).

В той книге же Даниила обнаруживаем еще один любопытный пассаж, напрямую относящийся к рассматриваемому нами вопросу датировки евангельской Пасхи. В начале главы 10 говорится о том, что Даниил постился три седмицы дней (три недели), а в 24-й день первого месяца (нисана) вышел на берег реки Тигра (10: 2—4). Поскольку у евреев недели исчисляются от субботы до субботы, значит, таковыми были 16 и 23 нисана. Тогда выходит, что Пасху Даниил должен был отмечать

в четверг! А Тайная вечеря, как мы помним, состоялась именно в этот день недели.

Согласно апокрифическим книгам Еноха (75, 2; Апокрифы: 76) и Юбилеев, фрагменты которых были также найдены в Кумране, календарный год должен насчитывать 364 дня. В книге Юбилеев, например, говорится следующее: «И всех дней, которые предписаны, 52 субботы дней; этим весь год исполняется... И ты [Моисей] скажи сынам Израилевым, чтобы они содержали годы по сему числу, 364 дня: и это будет полный год» (6, 30—32; Апокрифы: 142). В результате у приверженцев подобного календаря любой праздник должен был приходиться каждый год на один и тот же день недели. Что, собственно, видно из календарных документов кумранской общины (4Q320—330; DSS: 678—705). Правда, в них Пасха выпадает ежегодно на вторник. Но это может свидетельствовать всего лишь о том, что календарь кумранитов, представляющий собой проект «идеального» счета дней, был разработан или доработан через какое-то время после создания книги Даниила.

Весьма условная привязка Пасхи в главе 10 Даниила могла быть использована теми, кто находился в оппозиции к иудейским властям, в качестве временного руководства к действию. Нет никаких сомнений в том, что среди подобных оппозиционеров были и кумраниты, в которых подавляющее большинство исследователей видят ессеев. Читая Иосифа Флавия, можно сделать вывод, что до создания собственной сплоченной организации ессеи являли собой разрозненные группировки разочаровавшихся в жизни людей, которые формировались вокруг аскетов-прорицателей. Вот что он пишет об одном таком прорицце: «Особенное же удивление вызвал к себе по поводу этого случая некий ессеин по имени Иуда, который никогда не ошибался в своих предсказаниях. Видя шествие Антигона [брат царя Аристовула I] к храму, этот человек, окруженный товарищами и учениками, посещавшими его ради того, чтобы обучаться у него прорицанию, воскликнул, что ему лучше умереть, так как он ошибся: Антигон, смерть которого он предсказал на сегодня... еще жив» (Ant. XIII, 11, 2; см. также Ant. XV, 10, 5 и XVII, 13, 3).

Такой взгляд на происхождение кумранской общины помогает прояснить до сих пор дебатруемую этимологию слова «ессей» или «ессен», как оно обычно пишется у древних авторов. Ответ находим, опять же, у знаменитого еврейского историка при описании им одеяния первосвященника: «На остающейся не закрытою этим облачением части гру-

ди находится... кусок материи, украшенный золотыми и такого же цвета узорами, как и ефод. Он носит название ессена [евр. хошен; в синодальном переводе — наперсник, напр. Исх. 28: 15], чему на греческом языке соответствует слово „логион“, т. е. оракул» (Ant. III, 7, 5).

Из новозаветных Евангелий видим, что книга Даниила с ее пророчествами была в большом почете и у Иисуса. Так, он упоминает ее в момент произнесения им собственных предсказаний и наставлений: «Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы» (Мф. 24: 15—16). Из книги Даниила заимствованы также термины «Царство Небесное» или «Божье» и «Сын Человеческий», занимавшие столь важное место в проповеди основоположника новой религии: «И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится» (Дан. 2: 44), «Видел я [Даниил] в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий» (Дан. 7: 13).

Что касается принадлежности Иисуса к ессеям, то к ней следует отнестись со всей серьезностью, ввиду множества точек соприкосновения между его изречениями и тем, что нам известно об этой философской школе от Иосифа Флавия, Филона и других авторов того времени. Достаточно процитировать лишь несколько высказываний Иисуса, чтобы стало понятно, насколько он был близок к последователям этого учения, презиравшим богатство, избегавшим супружеских отношений, верившим в бессмертие души и в ангелов: «Продавайте имения ваши и давайте милостыню» (Лк. 12: 33), «...есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Мф. 19: 12), «...должно вам родиться свыше» (Ин. 3: 7), «Ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» (Мф. 22: 30). А призыв Иисуса: «Да будете сынами света» (Ин. 12: 36) перекликается с одним из самоназваний кумранской общины, устав которой требовал «любить всех сынов Света... и ненавидеть всех сынов Тьмы» (1QS I, 9—10; Тексты 1996: 112; см. также Рысев 2003—2004, 2005—2009.)

В завершение этого небольшого исследования коснемся самой книги Даниила, столь часто упоминавшейся выше. Это позднее ветхозаветное сочинение, написанное на еврейском и арамейском языках, принято делить на две части. Первую составляет повествова-

ние о событиях из жизни Даниила и трех его друзей, оказавшихся при дворе вавилонского царя Навуходоносора (гл. 1—6), а вторую — апокалиптические видения и пророчества (гл. 7—12). В настоящее время большинство исследователей датирует книгу II в. до н. э., относя ее создание к периоду гонений, которым подверг иудеев сирийский правитель Антиох IV Епифан. Именно его обычно и усматривают в образе безымянного царя-узурпатора, фигурирующего во второй части книги.

Следует признать, что подобное отождествление было принято уже во времена Иосифа Флавия. Однако в его довольно противоречивом сообщении о пророчествах Даниила имеется одно важное добавление: «Все это действительно пришлось испытать нашему народу при Антиохе Епифане, как то предвидел и письменно предвещал Даниил за много лет вперед. Точно таким же образом Даниил предсказал и владычество римлян, а также то, что ими будет взят Иерусалим и опустошен храм» (Ant. X, 11, 7). А эти слова со всей определенностью показывают, что уже тогда толкование книги Даниила было далеко не однозначным. Поэтому возьмем на себя смелость предложить собственный взгляд на это, пожалуй, самое загадочное произведение Ветхого Завета, сразу же указав, что за образом одиозного правителя скрывается, с нашей точки зрения, вовсе не Антиох, а... иудейский царь Ирод, а также римские императоры. События, послужившие началом Маккавейских войн, могли быть сознательно использованы авторами книги в качестве своеобразного дополнительного прикрытия. В настоящей статье ограничимся лишь несколькими аргументами в пользу предлагаемой интерпретации.

Если исходить из того, что пророческие главы 7—12 расположены в книге Даниила в хронологическом порядке, к чему нас подталкивает их датировка (Дан. 7: 1, 8: 1, 9: 1, 10: 1), тогда крайне важным местом этой части книги становится ее последний «исторический» отрывок, где фигурируют некие цари и сообщается о войне, которая должна разразиться «под конец времени» (Дан. 11: 40—45). Согласно этому пассажи, Египет и соседние страны будут захвачены «северным царем», который придет к своему концу, после того как раскинет свои «шатры» у «горы преславного святилища». Сопоставление целого ряда источников (1 Мак. 1: 16—64; 2 Мак. 5: 1—27; Ant. XII, 5, 3—4; BJ I, 1, 1—2; Livius 45, 11—12 и др.) показывает, что Антиох Епифан осквернил Иерусалимский храм уже

после того, как был выдворен из Египта римским посольством. Зная это, очень трудно себе представить, что хотя бы один уважающий себя иудейский пророк решился предсказать новое, победоносное вторжение Антиоха в долину Нила!

Если сравнить военные конфликты с участием Египта в рассматриваемый период (II—I вв. до н. э.), нельзя не заметить, что ситуация, обрисованная в Дан. 11: 40—45, более всего напоминает окончательный захват Египта римлянами во время войны между Октавианом Августом и Марком Антонием (31—30 гг. до н. э.). В начале этого противоборства Ирод поддерживал Антония, «южного царя», правившего в Египте вместе со своей новоиспеченной супругой Клеопатрой и подтолкнувшего Ирода к боевым действиям против арабов (Ant. XV, 5, 1—5). После поражения Антония в морской битве при Акциуме положение Ирода в собственной стране стало весьма шатким, а его противники, наоборот, воспрянули (Ant. XV, 6, 1). Именно данные обстоятельства, которые должны были быть известны автору текста, просматриваются в стихе Дан. 11: 30, где говорится о том, что он [узурпатор] «пойдет на юг» и «придут корабли Киттимские», после чего он «упадет духом».

Анализируя книгу Даниила, можно прийти к выводу, что она создавалась на протяжении длительного периода времени, в течение которого Иудея была зависима от иноземной державы. Приведенные выше аргументы показывают, что этот период больше соответствует владычеству в Палестине не Селевкидов, а римлян. К приведенным доводам добавим еще одну цитату из Даниила: «Под конец же царства их [греков]... восстанет царь наглый и искусный в коварстве, и укрепится сила его, хотя и не его силою... и он будет... действовать и губить сильных и народ святых, и при уме его и коварстве будет иметь успех... и среди мира погубит многих... но будет сокрушен — не рукою» (8: 23—25). Из царей той эпохи данная характеристика более всего подходит персоне Ирода, ставленника Рима и тирана собственного народа.

Аргументом в пользу ранней датировки книги Даниила могли бы послужить упоминания в 1-й, 3-й и 4-й Маккавейских книгах двух (одних и тех же!) эпизодов из нее (1 Мак. 2: 59—60, 3 Мак. 6: 5—6, 4 Мак. 16: 3, 21; 18: 12—13). Но из только что перечисленных Маккавейских книг к «доримскому» периоду безусловно относится лишь первая, в которой эти упоминания влагаются

в уста умирающему отцу Иуды Маккавея: «Приблизились дни смерти Маттафии, и он сказал сыновьям своим: „...Анания, Азария, Мисаил верою спаслись от пламени. Даниил за свою невинность избавлен от челюстей львов“» (1 Мак. 2: 49—60). Дошедший до нас греческий текст 1-й Маккавейской книги является переводом с еврейского оригинала к которому легко могли быть добавлены желаемые элементы, например, в процессе того же перевода. Иосиф Флавий, пользовавшийся этой книгой при написании своих «Иудейских древностей», при передаче речи Маттафии ни о Даниила, ни об отроках не упоминает (Ant. XII, 6, 3). Обратим внимание и на то, что в Маккавейских книгах имена юношей перечисляются в ином порядке; в них Мисаил неизменно оказывается на последнем месте, тогда как в книге Даниила он помещен посередине двух других юношей. А в 4-й Маккавейской книге Мисаил даже оказывается в одном случае в гордом одиночестве: «печь, в которую бросили Мисаила, была не столь горяча, как ее [иудейки] материнская любовь» (16: 3). Отметим также, что в книге Даниила (1: 7) этот отрок переименовывается в Мисаха (евр. Мешах) — имя, подозрительно напоминающее еврейское слово «машиах» (мессия).

Среди ученых бытует мнение (Вейнберг 2005: 250), что книга Даниила была создана

«разумными» (маскилим), о которых говорилось ранее и которые, согласно Дан. 11: 33, должны были «вразумить многих». На наш взгляд, они исполнили роль высокообразованных учителей кумранской секты. Занимаясь просветительством, эти люди одновременно настраивали рядовых членов общины против римской власти и ее сторонников, подготавливая почву для восстания, а это требовало соблюдения конспирации. Отсюда и эзопов язык книги Даниила, и многочисленные псевдонимы в кумранских текстах, и на первый взгляд странные указания Иисуса перед «альтернативным» пасхальным ужином: «При входе вашем в город встретится с вами человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним в дом, в который войдет он» (Лк. 22: 10). Так что последнюю вечерю Иисуса было бы правильнее назвать «тайной» именно по этой причине, а не потому, что он установил на ней таинство евхаристии!

Символы кумранских рукописей

1QS — Устав общины (Rule of the Community).

4Q320—330 — Календарные документы (Calendrical Document A-H)

4Q166 — Комментарий на Осию (Hosea Peshera).

4Q169 — Комментарий на Наума (Nahum Pesher).

Литература

- Амусин И. Д. 1983. *Кумранская община*. Москва: Наука.
- Апокрифы — *Ветхозаветные апокрифы*. 2001. Санкт-Петербург: Амфора.
- Бикерман Э. 1975. *Хронология древнего мира*. Москва: Наука.
- Вейнберг Й. 2005. *Введение в Танах. Писания*. Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры.
- Рысев С. Е. 2003—2004 (2005). Кумранские рукописи как источник по истории Палестины I в. н. э. *Stratum plus* (4), 480—486.
- Рысев С. Е. 2005—2009. Единственный учитель. *Stratum plus* (4), 428—430.
- Тексты 1971 — *Тексты Кумрана*. (перев., введ. и коммент. И. Д. Амусина). Москва: Наука.
- Тексты 1996 — *Тексты Кумрана*. (введ., перев. и коммент. А. М. Газова-Гинзберга, М. М. Елизаровой и К. Б. Старковой). Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение».
- Ant. — Flavius Josephus. *Antiquitates Judaicae*.
- BJ — Flavius Josephus. *Bellum Judaicum*.
- DSS — *The Dead Sea Scrolls Study Edition* 1997, 1998. (Ed. by Florentino G. Martinez & Eibert J. C. Tigchelaar), vol. 1, 2. Leiden; New York; Koln: Brill.
- Livius — Titus Livius. *Ab Urbe Condita Libri*.

Статья поступила в номер 22 апреля 2010 г.

Sergey Rysev (St.-Petersburg, Russia). Publishing House “Amphora”.

Sergey Rysev (S.-Petersburg, Russia). Editura „Amphora”.

Рысев Сергей Евгеньевич (Санкт-Петербург, Россия). Издательство «Амфора».

E-mail: serg-rysev@yandex.ru.

Некролог

Obituary
Necrolog

С. Б. Сорочан

Судьба и книги. Памяти Виталия Михайловича Зубаря (5.II.1950—20.III.2009)

В ночь с 19 на 20 марта 2009 г. ушел из жизни выдающийся украинский антиковед и археолог — Виталий Михайлович Зубарь. Ушел, не достигнув своего приближающегося 60-летия, остановившись на ходу, не дописав, не договорив, не dospорив, полный планов, задумок, к которым всегда была склонна его неумная голова. Кто-то из древних, кажется Плавт, сказал, что неожиданное случается в жизни чаще, чем ожидаемое. За несколько часов до смерти я еще слышал в телефонной трубке его глуховатый, усталый голос, ободрявший меня, сочувствовавший, уверявший, что никто не знает, где кончается здоровье и начинается болезнь, и что проблем хватает у всех... Неумолимый закон, распределяющий успех и неудачу в пределах одной человеческой жизни, сработал безотказно и здесь. Судьба дала все, — все, кроме старости. Впрочем, с моей точки зрения, это идеально законченная жизнь, ибо конец нас ожидает один. Разница лишь в том, с чем мы приходим к нему.

Не хочется писать о покойном без живого слова, казенно — «родился», «учился», «работал», «посвятил», «занимался». Слишком остры гнет несчастья и боль утраты, особенно для таких, как я, кто долгие годы не просто знал Виталия Михайловича, но был его другом, добрым товарищем, сотрудничал и делил с ним радости и ненастья. Есть много способов выразить любовь. Воспоминания, идущие сквозь сердце, один из них.

Судьба свела нас в 1971 г. в Харькове, где Виталий уже заканчивал истфак Харьковского государственного университета, тогда еще имени пролетарского писателя А. М. Горького, а я только поступил на первый курс того же

факультета. У нас оказался и общий научный руководитель, античник, крупный специалист по истории Херсонеса Таврического, доцент Владимир Иванович Кадеев, автор известных «Очерков истории экономики Херсонеса Таврического в I—IV веках н.э.», работавший в те годы над докторской диссертацией. Я принялся под его руководством увлеченно заниматься изучением херсонесских светильников, тогда как Виталий, со школьных лет без памяти влюбленный в археологию, писал дипломную работу о херсонесском некрополе первых веков н.э. Я был приезжим в Харькове, а мой новый друг коренным харьковчанином, родившимся в интеллигентной семье преподавателей, жившей в скромной квартире на первом этаже старого двухэтажного дома в самом центре Харькова. Помню длинную деревянную веранду с деревянной же лестницей и просторную, просто меблированную гостиную комнату с несколькими письменными столами. Отец Виталия, Михаил Иванович Зубарь (1907—1992), многие годы преподавал в должности доцента в Харьковском институте культуры, нынешней Академии культуры, где его помнят до сих пор, и имел прекрасную библиотеку, украшением которой был полный Брокгауз и Ефрон. Спустя годы я получил в подарок часть этого наследия в виде богатой коллекции открыток по истории искусства, которой пользуюсь в своей работе до сих пор.

Наша жизнь обозначена бакенами, как морской фарватер. Происходящее с нами образует единую цепь, и она в свою очередь сковывает нас даже тогда, когда судьба, на первый взгляд, разводит. Мы тоже на время расстались, и на достаточно долгий срок, — проработав год заведующим отделом

Фотография В. М. Зубаря — из семейного архива.

Харьковского исторического музея, Виталий в 1973 г. поступил в аспирантуру Института археологии АН УССР в Киеве, где его научным руководителем стал такой известнейший специалист, как профессор Алексей Иванович Тереножкин, а я остался учиться в Харькове. Но связи наши не прервались, мы часто писали друг другу, обменивались добытыми научными новинками, советовались. Виталий со всем рвением и страстью работал над херсонесскими погребениями, каждое лето пропадал в Севастополе, обмеривая, перемеривая, расчищая херсонесские могилы, склепы, в чем ему, в частности, помогал другой наш общий хороший знакомый, тоже выпускник харьковского истфака и ученик В.И. Кадеева, Станислав Григорьевич Рыжов, работавший в Херсонесском музее (в соавторстве с ним появится первая научная публикация Виталия в «Археологических открытиях в СССР за 1975 г.»). Я, сам севастополец, принимал участие в раскопках Херсонеса, проходил там археологическую практику и наблюдал, как Виталий организует уже свои экспедиции по исследованию западной части Херсонесского некрополя, самой малоизученной. В фондах и архиве музея мы трудились часто вместе, каждый над своим: — я, будучи аспирантом В.И. Кадеева, собирал материалы по истории торговли Херсонеса в I в. до н. э. — V в. н. э., а Виталий готовил кандидатскую диссертацию по теме «Некрополь Херсонеса

Таврического в I—IV вв. н. э.», которую защитил в 1978 г. Помню, он рассказывал с задором, как отбивался от оппонентов, особенно от въедливой Татьяны Николаевны Дашевской из Крымского отделения Института археологии АН УССР, парируя ее многочисленные возражения цитатами-ссылками из текста собственной диссертации. Одним словом, мы были молоды и поэтому, смотря на мир, думали, что все возможно.

Наша харьковская экспедиция постоянно работала с 1981 г. в портовом районе Херсонеса, и мы тесно общались с коллегами из Киева, девять лет подряд, с 1980 по 1989 гг., из сезона в сезон работавшими на западной оконечности городища в поисках гробниц. Запомнились некоторые моменты: раскопки подземных склепов, Виталий, сидящий на корточках перед входом в очередную погребальную камеру, и мы, остальные, с азартом набрасывающиеся на извлекаемые из сырой тьмы находки, включая мои любимые светильники. Виталий неизменно консультировался о них у меня и столь же неизменно указывал на это в своих отчетах и публикациях. Он вообще был исключительно порядочен, а поэтому до крайности внимателен к сделанному другими, и никогда не забывал отмечать чужой вклад в своих работах. Потом пошли совместные статьи, главным образом о новых материалах из западного некрополя, где моим приоритетом были опять-таки светильники. Одна из наших статей о роли светильников в погребальном обряде, вышедшая в 1984 г., получилась особенно удачной и не потеряла своего значения до сих пор. Помню, как мы долго компоновали ее, обменивались частями текста. Благо приезды Виталия в Харьков оставались частыми, здесь сына всегда ждали старики родители. К слову, в семье Михаил Иванович, прекрасно знавший русский язык, говорил на украинском, и, видимо, это обстоятельство, эффект личного общения, сказался в отношении Виталия к украинскому языку, который он любил и старался где возможно, особенно после обретения Украиной независимости, применять, пеняя тем, кто этого не делал. Забегая вперед, скажу, что его всегда интересовала политика, и среди пылко настроенного братства Майдана стоял и он, отраженный в мутных зеркалах времени, замороженный единым дыханием мечты, мечты, увы, не сбывшейся и поэтому заставившей со временем стать более пессимистичным. «Поживем — увидим», произносимое им с надеждой, сменилось в последние годы на горькое «Бог с ними».

Возвращаясь к описанию сделанного, замечу, что вклад молодого исследователя в изучение Херсонесского некрополя, как показало время, оказался неоценим. Вышедшая в 1982 г. книга остается до сих пор актуальной и ценна не только максимально полной типологией погребений, чем археологов не удивишь, но и первыми попытками представить пространственную организацию кладбища первых веков н. э. Долгие годы она продолжает быть востребованной и актуальной, несмотря на отдельные недоработки, отчетливее видимые теперь, из дали времени. Лишь незадолго до смерти Виталия Михайловича появился фундаментальный труд его коллеги, докторанта Аллы Валерьевны Буйских, о пространственной организации античного Херсонеса, где была сделана попытка внести уточнения и дополнения к тому, что было достигнуто к началу 80-х гг. прошлого века. Пожалуй, кроме Г.Д. Белова и А.Н. Щеглова, больше никто не приближался к этой тематике столь близко.

С 1976 г. началась работа Виталия Михайловича в качестве младшего научного сотрудника в отделе античной археологии Института археологии АН УССР, — отделе, который долгие годы возглавлял доктор архитектуры, член-корреспондент АН УССР Сергей Дмитриевич Крыжицкий. Вспоминаются их совместные приезды в Севастополь и кипучая энергия, деловитость Виталия, все время озабоченного новыми научными проектами, расходными сметами, поисками транспорта, организацией поездок по археологическим памятникам, бесконечными хлопотами сначала по новостроечным экспедициям Института археологии, а с 1980 г. — по херсонесской экспедиции. Последние вылились в Херсонесе в создание небольшой, но уютной собственной базы Института археологии с крохотными деревянными домиками, смотревшими на море. Теперь от них не осталось и следа, как и от самой базы, несколько лет просуществовавшей после того, как с 1990 г. прекратились регулярные археологические работы по исследованию западного некрополя и начались разведки в Северо-Западном Крыму, продлившиеся один сезон.

Во время наших харьковских встреч мы могли общаться часами: Виталий любил за столом обсуждать результаты, скрупулезно, *plus ultra*, до мелочей строить планы работы, особенно совместной, оговаривать заранее наиболее спорные, дискуссионные места, по давней своей привычке скатывая при этом в тонкую трубочку листик фольги или целло-

фана от пачки сигарет. Так с этой трубочкой, перекачиваемой в ладонях, он навсегда останется в моей памяти.

А обсуждать можно было многое. Виталий задумал и стал осуществлять проект своей докторской диссертации, который он решил посвятить Херсонесу, но попытаться на сей раз на основании всех возможных источников охватить целиком его развитие от момента создания вплоть до поздней античности, причем рассмотреть все — политику, экономику, социальные отношения, этнический состав, идеологию, религию, связи с варварским населением Таврики. Здесь было столько же по специальности «всеобщая история», сколько по специальности «археология». Замечу, что этой характерной особенностью будут отличаться все последующие труды Виталия Михайловича. Он старался смотреть на материалы любой научной проблемы максимально комплексно. Недаром образцом для него оставались труды корифея антиковедения — Михаила Ивановича Ростовцева, светлой памяти которого он посвятил одну из своих книг.

На первый взгляд, задуманное было не просто велико, оно было дерзко, учитывая, что сравнительно не так давно была защищена докторская диссертация В.И. Кадеева и в 1981 г. на ее основе в Харькове вышла книга «Херсонес Таврический в первых веках нашей эры», сразу же получившая признание специалистов. Первый вариант того, что сделал Виталий и дал на ознакомление мне, как и некоторым другим, в том числе Владимиру Ивановичу, не понравился. Помню, мы обменивались мнением с Кадеевым, который довольно резко отнесся к подготовленному. Но Виталий не сдавался, готовил новый вариант, улучшал текст, включал новые источники, ревидовал известные, особенно эпиграфические, перерабатывал горы новой литературы, западных изданий, к добыче которых он был особенно охоч. Диссертация на тему «Херсонес и Римская империя» была защищена в совете Института археологии в 1991 г., невзирая на отрицательное выступление В.И. Кадеева, члена совета, при ее защите. Это на долгие годы посеет отчуждение между бывшим учителем и его учеником, хотя со временем минет и это. Приезжая в Харьков, Виталий не избегал встреч, да похоже, и Владимир Иванович стал смотреть на сделанное несколько иначе.

Об этом сделанном можно было судить уже по книге «Херсонес Таврический в античную эпоху», вышедшей в Киеве в 1993 г. Она охватила часть докторской диссертации и касалась

изучения аграрных отношений, обмена и торговли, форм эксплуатации и социальной структуры, а также основных тенденций и особенностей социально-экономического развития этого античного центра с конца V в. до н.э. до второй половины V в. н.э. Видимо, в выборе верхней хронологической границы сказалась ориентированность моей кандидатской диссертации и монографии об экономических связях Херсонеса, вышедшей в 1989 г. в соавторстве с В. И. Кадеевым. В вопросах торговли упор действительно делался на выводы, материалы из этой книги и некоторые мои статьи, из которых наиболее удачной представлялась статья о торговле с населением Юго-Западной Таврики. Виталий Михайлович считал ее образцовой и неоднократно охотно использовал.

С этой книги, вышедшей в издательстве «Наукова думка» в мягкой обложке белого цвета, начинается плодотворный этап издания новых научных монографий по истории Херсонеса, которые даже у коллег — специалистов и всех, кто пользовался ими, получили условные названия по цвету обложек — «черная», «зеленая» и т.д. Уже в 1994 г. в Киеве появился «Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории», а через четыре года — «Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. — первая половина VI в. н.э.)». Под рубрикой «Монография в журнале» в «Stratum Plus» за 2001—2002 гг. была издана книга «Римское военное присутствие в Таврике», особенно полно представившая не опубликованные материалы из раскопок на территории цитадели Херсонеса. До сих пор нет лучших книг, к которым можно было бы отправить желающих выяснить любые стороны военного присутствия Рима в Северном Причерноморье. Полемичные, написанные с большой эрудицией, они, при всех имеющихся недостатках, спорных местах, надолго заняли свое лидирующее место, и не только в постоянно пополняющейся «Херсонесиане». Это были все те же разработки научной проблематики, начатые в докторской диссертации, но созданные уже на новом уровне, с привлечением обильной западной историографии. Начались сравнительно регулярные научные командировки за рубеж, поездки на международные конференции, симпозиумы в Германии, Австрии, Франции, издания статей в многочисленных зарубежных научных журналах, сборниках, контакты с зарубежными учеными. Виталий Михайлович становился признанным специалистом-античником международного уровня и, конечно, среди тех, кто изучал

Херсонес, эту его «песню песни», которой он остался верен на всю жизнь.

Он делал то, что мог, и больше, брался за все, энергично, напористо. Остается поражаться его плодovitости как автора. Около трех десятков книг и больше трех сотен статей, публикаций, тезисов докладов вышли из под его пера, точнее, печатной машинки, которую с начала 90-х гг. вытеснил компьютер. Не выдерживая объема растущей информации, один ПК сменял другого. Объем этого наследия, в том числе оставшегося в личном электронном архиве автора, еще предстоит определить, ибо одна библиография работ достойна уважения. И это при том, что Виталий Михайлович был обременен массой иных хлопот, поручений научного характера, которые непрерывно возлагались на него и сжигали значительную часть его рабочего времени. С 1983 г. он стал старшим, а с 1993 г. — ведущим научным сотрудником отдела античной археологии Института археологии, много лет, с 1988 г. бессменно, возглавлял редакционно-издательский отдел Института, до последних дней жизни был научным секретарем журнала «Археология», которому старался придать международный авторитет, удержать на научной высоте. В редакции журнала сменялись сотрудники, в основном молодежь, шедшая в науку, а Виталий Михайлович оставался неким символом постоянства, стабильности, прочности, надежности. На него всегда можно было положиться, зная о неукоснительной, до щепетильности обязательности этого человека, редкой во все времена. Он не понимал и не хотел понимать, как можно подвести, вовремя не ответить на письмо, задержаться с обещанным, и настойчиво требовал того же от других.

Останавливаясь у него дома во время приездов в Киев, я неизменно видел его уже в семь часов сидящим за компьютером, что-то набирающим, правящим, редактирующим. Отдыхающим не помню. Отдыхом становилась просто смена формы деятельности. Он непрерывно слал электронные письма своим многочисленным корреспондентам и, если в какой-нибудь из дней от него не было послания, это начинало удивлять и тревожить. Видимо, силу для такой работы давало не только собственное желание, но и отношения сердец, налаженный домашний быт, организованный во многом благодаря заботам Наталии Сон, коллеги по работе, ныне заведующей научными фондами Института археологии, тоже специалиста-античника, ставшей его женой 28 января 1976 г. Сначала жили

№4. 2010

в полученной от Института однокомнатной «гостинке», где 11 октября 1980 г. родился сын Миша, а потом в трехкомнатной квартире на окраине Троещины, где у Виталия Михайловича уже был свой кабинет. Шла жизнь, умер в Харькове отец, переехала к сыну мать, Елена Витальевна Коробко (4.08.1910—16.04.1996), которая, прожив несколько лет в Киеве, умерла здесь, в новой квартире. Рос Миша, который хорошо помнил летние экспедиционные времена, проведенные в детстве с отцом, и который, с отличием окончив в 2002 г. истфак Киевского национального университета, выбрал свою стезю журналиста и менеджера. Даже житейские хлопоты не в силах были помешать работе, оставляли дом душевно теплым, вселяли самоощущение покоя, благополучия, постоянства, без которых успешное творчество крайне сложно. Счастье, как и здоровье, не замечаешь, когда оно есть. Теперь эти семейные фрагменты, такие яркие, полные красок, будут выцветать, блекнуть, сереть, уходить в даль прошедшей, невозвратимой жизни, среди которой я вижу себя во время очередного приезда за старинным круглым столом на небольшой уютной кухне, сидящим рядом с Виталием, и угасающий свет дня за окном с подступившими многоэтажками.

С конца 80-х гг. Виталий с головой ушел в давно интересовавшую его тематику истории христианства в Херсонесе. Уже в 1988 г. он написал вместе с Юрием Витальевичем Павленко, ныне известным доктором философии, популярную книгу «Херсонес Таврический и проникновение христианства на Русь», которая стала своеобразной пробой пера. Будучи со студенческих лет дружен с Виталием Федоровичем Мещеряковым (1947—2002), очень талантливым человеком, доцентом кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского университета, участником наших экспедиций в Херсонес, Виталий Михайлович подхватил и развил его тематику исследований религий и культов Херсонеса. Так, в 1991 г. к XVIII международному конгрессу византистов он опубликовал в изданном в Киеве сборнике «Византийская Таврика» объемную статью об утверждении христианства в Херсонесе, ставшую для него в дальнейшем программной. Основные научные положения ее он неизменно отстаивал до конца своих дней, будучи убежденным сторонником позднего, не ранее конца IV в., принятия новой религии языческим в своей основе городом. Итогом этого направления исследований стала еще одна классическая научная и в то же время доступная по фор-

ме книга «От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III — первая половина VI в.)», написанная в соавторстве с Алексеем Игоревичем Хворостяным, спонсором издания книги, появившейся в Киеве в 2000 г. Она охватывала историю процессов христианизации как Западного, так и Восточного Крыма, то есть территориальные рамки этого исследования простирались от Херсонеса до Боспора. Следует учесть, что Виталий Михайлович с большим увлечением занимался историей античного Боспора, в раскопках малых городов которого, в частности, Мирмекия, участвовал уже школьником, работая в экспедиции прославленного античника Виктора Францевича Гайдукевича (в домашнем архиве сохранились письма Гайдукевича), написал о Боспоре несколько научно-популярных книг и брошюр, в том числе в соавторстве с коллегой по отделу в Институте археологии, доктором исторических наук Анной Станиславовной Русаевой, признанным специалистом по истории религии античных государств Северного Причерноморья (Боспор Киммерийский: история и культура. — Николаев: Возможности Киммерии, 1998; На берегах Боспора Киммерийского. — Киев: Стилос, 2004). Примечательно, что одной из последних опубликованных при жизни крупных работ стала академическая научная монография «Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории», изданная в 12-м выпуске «Боспорских исследований» в 2006 г. в соавторстве с известным крымским археологом, доктором исторических наук Виктором Николаевичем Зинько, у которого в экспедиции на раскопках в Керчи он не раз бывал.

С 2000 г. Виталий Михайлович стал проявлять все больше внимания памятникам Юго-Восточного Крыма, не раз приезжал в Судак, помогал директору музея «Судакская крепость», своему доброму другу Александру Михайловичу Фарбею и словом, и делом, в частности, организовать издание получившего признание среди специалистов «Судейского сборника». Его третий выпуск увидел свет в 2008 г., будучи презентован в Судак на сентябрьской конференции, организованной Национальным заповедником «София Киевская», — последней, на которой Виталий Михайлович побывал в Крыму. Во всем этом видны попытки исследовательским взором охватить всю панораму Северного Понта, «забираясь» не только на Боспор, но и в Ольвию,

Херсонес. 2008 год.

Фотография В. М. Зубаря — из семейного архива.

Тиру. К тому же раскопками и исследованием Тиры многие годы занималась его супруга, кандидат исторических наук, с которой он написал небольшую научно-популярную книгу «Греки и римляне в Нижнем Поднестровье», вышедшую в Киеве в 1996 г.

Вообще, интерес к популяризаторству научного наследия самого серьезного уровня у Виталия Михайловича присутствовал всегда, проявляясь в написании соответствующих статей в периодической печати, в выступлениях по радио, съемках телевизионных передач и фильмов о Херсонесе, изготовлении буклетов, карт археологических памятников, интерактивных электронных изданий. Из них наиболее удачными были посвященные памятникам Херсонеса, особенно редким херсонесским христианским расписным склепам, два из которых он раскапывал в 1998—1999 гг. в составе совместной экспедиции с австрийскими археологами во главе с Ренатой Пиллингер. В 1997 г. в издательстве «Наукова думка» с посвящением памяти своим родителям он выпустил для широкого круга читателей книгу «Херсонес Таврический. Основные этапы исторического развития в античную эпоху», которая на 120 страницах давала возможность любому, интересующемуся историей, представить всю античную эпопею Херсонеса в тысячелетнюю эпоху VI в. до н. э.— VI в. н. э. На следующий год в фундаментальном трехтомном коллективном труде «Давня історія України», изданном к 80-летию Института археологии АН Украины, во втором томе, по-

священном скифо-античной эпохе, появились разделы о Херсонесе Таврическом, Боспоре и Ольвии в первые века н. э., написанные Виталием Михайловичем, а в престижной серии книг «Україна крізь віки» — раздел, посвященный Херсонесу, в популярной монографии «Античные государства Северного Причерноморья», созданной в соавторстве с С. Д. Крыжицким и А. С. Русяевой. Именно эти издания стали основой для задуманной вместе со мной и директором Национального заповедника «Херсонес Таврический» Леонидом Васильевичем Марченко оригинальной работы, вылившейся в итоге в иностранную книгу «Жизнь и гибель Херсонеса», которая оказалась написана достаточно легко, я бы сказал, романтично, без академической мудрености, сухости и получила признание самого широкого круга читателей, начиная с любителей и кончая серьезными специалистами. К настоящему времени издательства «Майдан» и «Библекс», в Харькове и Севастополе, выпустили три ее издания — в 2000, 2001 и 2006 гг., а также в киевском издательстве «Вища школа» остается сданной в печать еще одна подобная книга под заголовком «Херсонес Таврический. Путь через века», которая в отличие от предыдущих снабжена большим количеством цветных фото и иллюстраций.

Уже с первого издания стало ясно, что это не легкая беллетристика, но, напротив, первая попытка самым серьезным образом, максимально оставаясь на научных позициях, охватить всю историю Херсонеса от возникновения апойкии до полного прекращения существования города в XV в., причем охватить с учетом современных достижений исследователей, новых концептуальных положений, гипотез, некоторые из которых к тому времени еще не были апробированы в серьезной, специальной научной литературе. Виталий предложил для развития успеха издать еще одну совместную книгу «Херсонес-Херсон-Корсун», которую мы задумали как своеобразный путеводитель по городищу без экскурсовода, точнее, как книгу, заменяющую экскурсовода. Предполагалось, что в дальнейшем на ее основе будет создан видеофильм, распространяемый на электронных носителях. Книга появилась в Киеве в 2003 г., а через два года мы закончили еще одну совместную популярную работу «У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера», изданную тем же издательским домом «Стилос». Книга раскрывала основные этапы исторического развития Херсонеса и Юго-Западного

Крыма в последней четверти III—VI вв., как и прежде, подав эти этапы через максимально непредвзятый авторский взгляд. Виталий особенно увлеченно работал над этой книгой, рылся в завалах собранных иллюстраций, подбирая фотографии, рисунки, теребил с поисками оригинальных эпитафий к главам и один из них, стихи нашего коллеги, участника херсонесских раскопок, директора харьковской Школы искусств Алексея Фомина, из сборника «Границы», с особым удовольствием вынес на обложку:

Мы стражи стен, построенных не нами.
Мы странники по древним городам,
Где Слово Вечной Жизни сами
Апостолы провозвестили нам.
И братство наше больше дней земных —
Мы археологи Евангелий святых.

Виталия Михайловича нельзя было отнести к числу людей горячо верующих. Он, скорее, подходил к христианской тематике как глубоко заинтересованный ученый, который пытается расколоть разумом веру, пройти по ней как по тонкому слою льда, не провалившись. Впрочем, может быть, это обстоятельство и спасало его от конфессиональной зашоренности, делало взгляд раскованным, помогало искать ответы на весьма деликатные вопросы. Он не признавал безоговорочные авторитеты и не хотел действовать, жить и умирать, так сказать, на веру, в кредит. В предисловии к этой книге остались следующие, как мне кажется, многие объясняющие слова: «...Мы хотим знать, как это было. Знать без гипноза фанатизма, без фальши, без ревности — знать Истину, ту самую, что завещал свидетельствовать Иисус Христос; "...всякий кто от истины, слушает гласа Моего" (Иоанн, 18: 37)».

Соавторство не останавливало работы над другими, собственными книгами, многочисленными статьями. Особо запомнился увлекательно написанный пространный очерк «Херсонес — Херсон: от Ифигении до Христа», стоявший целой книгой, опубликованный в одном из первых выпусков украинского культурологического альманаха «Хроніка» в 2000 г. Как первую часть к книге о христианстве в Херсонесе и Таврике IV—VII вв. Виталием Михайловичем был задуман и издан «Стилосом» в 2005 г. научно-популярный экскурс «Боги и герои Херсонеса», который давал возможность взглянуть на сложный мир языческих верований обитателей этого античного центра, их представлений

о жизни и смерти. И все это делалось на фоне самой активной работы над плановой научно-исследовательской темой, по которой были написаны важные разделы в первом томе коллективной монографии «Історія культури давнього населення України», появившейся в 2001 г., а в 2004 г. киевским издательством «Шлях» была издана монография «Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху», которая была посвящена проблеме характера непростых взаимоотношений херсонеситов с варварским окружением, таврами, сарматами, германцами на протяжении V в. до н. э. — V в. н. э. Относясь к эпиграфике как важнейшему источнику по истории античных государств Северного Причерноморья, он стал одним из ведущих авторов готовившегося к изданию свода латинских надписей.

Но самым большим делом Виталия Михайловича и, пожалуй, не только его, но и всех, кто принял в нем участие, стал проект грандиозного издания, задуманный нами еще до того, как в 2000 г. появилась «Жизнь и гибель Херсонеса». Собственно, эта судьбоносная для нас книга и подтолкнула к идее создать сугубо научный, весомый академический труд, который подвел бы итоги более чем столетнего исследования Херсонеса и по частям, по томам, дал бы максимально полное представление о достигнутом, помог бы наметить новые задачи, перспективы для дальнейших исследований и тем облегчил бы их. Идея казалась очень привлекательной, но страшила своей масштабностью, чудовищным объемом работы. Решено было, что Виталий будет курировать античную часть издания, а я средневековую. Разумеется, мы предполагали привлечь всех, заинтересованных в таком труде. Руководство Института археологии НАНУ не пришлось уговаривать, да и дирекция Национального заповедника «Херсонес Таврический» одобрила его, а значит, проект получил поддержку и Министерства культуры Украины, очень важную для финансирования такого уникального издания. Уникального не только для Херсонеса. В мире не так много памятников истории, которые удостоились такого полного научного освещения в сквозной серии фундаментальных книг, прослеживающих их судьбу с момента возникновения до полной гибели. Так, по мере готовности в свет стали выходить тома монографий «Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э.» (Киев: Академперіодика, 2005), «Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.» (Харьков: Майдан, 2004), «Византийский Херсон (вторая полови-

на VI — первая половина X вв.) (Харьков: Майдан, 2005). Все они имели одинаковый подзаголовок «Очерки истории и культуры», отличались внушительным объемом, каждый раз колебавшимся в пределах 50—100 печатных листов, и были богато иллюстрированы. К работе были привлечены как сотрудники Института археологии НАНУ, так и сотрудники НЗХТ, российские коллеги. К настоящему времени осталось сдать в печать последний подготовленный том, посвященный позднему Херсонесу — Херсону (вторая половина X—XV вв.), издание которого состоится, видимо, в России. Его курирует профессор кафедры истории средних веков МГУ Андрей Владимирович Сазанов, привлечший к созданию этой завершающей монографии как крымских, так и московских специалистов, международный коллектив. В редакционный совет издания вошли свыше десятка известных специалистов под председательством директора Института археологии НАНУ академика Петра Петровича Толочко. Но душой всего мероприятия был, конечно, Виталий Михайлович Зубарь. Он не только писал текст основных разделов, но и редактировал все его части, подталкивал работу, все время настойчиво теребил ее участников, не давая ей остановиться ни на миг. Без его кипучей энергии, напористости и энтузиазма столь великий труд, вобравший в себя опыт творческой жизни массы историков, археологов, десятки лет занимавшихся исследованием Херсонеса, вряд ли оказался бы завершен. Это еще один памятник, который Виталий Михайлович возвел не только для себя, но и для того, чтобы помнили всех тех, кто посвятил себя Херсонесу, а значит, памятник самому Херсонесу, его бессмертной душе.

Наверно, не случайно и то, что в последние годы все большее внимание Виталий Михайлович начал уделять историографии, оценке того, что было сделано предшественниками. Шло закрытие им еще одной глобальной исследовательской темы. Здесь первым объектом стала история раскопок и некоторые итоги изучения хоры Херсонеса на Гераклеяском полуострове с момента присоединения Крыма к Российской империи и до начала XXI в. Монография, выпущенная в 2007 г. издательством «Стилос», получила на редкость полемичной, полной критического задора, указаний на недоработки коллег и вызвала неоднозначную реакцию у специалистов. Не место оценивать ее в очерке, который претендует быть скорее воспоминанием, чем исследованием. Время все расставит по своим

местам, ибо для таких вещей нужна дальность зора. Как писал апостол Павел: «Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем. Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится».

Скажу лишь, что Виталий Михайлович мог быть весьма тяжелым, сложным, недоброжелательным оппонентом, когда его искренность, открытость, принципиальность принимались за резкость, менторство, интриги, если не большее. Склад его ума и дарования располагал его преимущественно к критической работе. Именно это обстоятельство позволяло ему держать высокий уровень исследований античного Херсонеса, быть бескомпромиссным. Конечно, это не могло не раздражать. При всем том он умел дружить той дружбой, которая может простить все и которая никогда не опустошает сердце. Его юмор и повадки, привычку подтрунивать запомнили многие, и забавные, смешные или комические моменты, пережитые совместные приключения, выпивки еще долго будут темой для легендарных баек, мифов, чем-то похожих на анекдоты, воспоминаний с нежностью и тоской в кругу с годами все более редящихся знакомых. Перефразируя Марка Твена, можно сказать, что по характеру он был скорее молодым щенком, чем старой райской птицей. Условность и коварство возраста не превратились в каменный мешок. Казалось, он порхал из возраста в возраст, оставаясь в некой усредненной поре. Прожитые года не ложились гнетом. Даже лицо его, удивительно моложавое, часто светилось лукавством глаз и как бы подзадоривало собеседника. Он, бывало, подолгу и со вкусом враждовал кое с кем из коллег, поучал, вел затяжные войны на научном поприще — войны, надо сказать, никогда не переходившие с его стороны на личности, на шельмование, на хамство. Сам Виталий не помнил обид. Он не был злопамятен. Его ершистый, необычайно въедливый, сложный и в хорошем, и в плохом смысле слова характер знали и не все выдерживали, как и вечную воркотню, так что порой вокруг образовывалась пустота из оскорбленных самолюбий, но, как ни странно, при этом круг общения не сужался, и даже обиженные со временем опять начинали если не сотрудничать с ним, то и не враждовать. Видимо, прав был Зигмунд Фрейд, когда заметил, что «всей правды о себе не вынесет никто». Лучше не объяснять такие нюансы. Ясно лишь, что тот, кто мог проникнуть под эту затвердевшую личину неудобного человека, преодолеть ее замкнутый круг, увидеть сквозь слепок просвечивающую душу,

начинал по-настоящему, без фальши и лицемерия, понимать и любить его. Ясно и то, что таких не могло быть много.

Думаю, что последняя, посмертно изданная книга Виталия Михайловича «Летопись археологических исследований Херсонеса — Херсона и его округа (1914 — начало 60-х гг. XX в.; 60-е гг. XX в. — 2005 г.)», в которой и мне удалось поучаствовать как одному из первых ее читателей и рецензенту, тоже будет воспринята неоднозначно. Монография, задуманная как большая книга в двух томах, появилась весной 2009 г. в вып. 6 Supplementum к «Материалам по археологии, истории и этнографии Таврии». Она оказалась своеобразным завещанием Виталия Михайловича, завещанием, оставленным всем нам, исследователям, продолжающим жить, работать и поэтому еще могущим сделать что-либо полезное на бесконечном пути изучения Херсонеса. Ведь счастлив не тот, кто достиг, счастлив тот, кто достигает. Виталий был именно таким — достигающим, не останавливающимся. Человеком, который не жил за счет инерции успеха, шлейфа предыдущих побед. Симметрия этого успеха во всем и всегда оставалась полной и зиждилась на готовности подставить плечо под любое новое дело.

Трудно перечислить всех, с кем он сотрудничал, работая над отчетами, публикациями, статьями, рецензиями. Он многие годы, начиная с 1996 г., помогал мне своими консультациями на раскопках херсонесской цитадели, участвовал в составе объединенной экспедиции, вместе с Инной Анатольевной Антоновой (1927—2000), незадолго до ее смерти, успел обобщить сделанное здесь, не дать пропасть накопленным бесценным материалам, а с начала 2009 г., выполняя поручение дирекции Института археологии НАНУ, стал активно заниматься организацией комплексной экспедиции вместе с Керченским историко-культурным заповедником, чтобы в условиях новых требований Полевого комитета координировать исследования украинских и российских специалистов в Восточном Крыму, договариваться о совместных археологических проектах. Можно лишь посочувствовать тому, кто в дальнейшем взвалит на себя эту хлопотную ношу, да и другие проблемы, которые этот мажорный человек закрывал собой, энергично трудясь и требуя этого же от коллег, заводясь сам и заводя других. Жизнь всегда драматична и всегда состоит из сплетающихся и разбегающихся в стороны неиспользованных возможностей линий судьбы, бесчисленных «мог», «должен был», а в итоге выливается

в спрессованные жесткими редакционными требованиями строки в некрологе или в библиографическом словаре, равнодушно суммирующие эти переплетения.

Я не берусь описывать иную многотрудную работу покойного, связанную с заседаниями в различных советах, включая экспертную комиссию ВАК Украины, с подготовкой аспирантов, их защитами, одна из которых состоится в Национальном университете им. Т. Шевченко уже после его смерти. Начатая в молодости преподавательская работа, сначала учителем истории в харьковской школе № 57 в 1972—1973 гг., а на следующий год — преподавателем-почасовиком на кафедре древней истории и археологии Харьковского госуниверситета, потом, оборвавшись надолго, возобновилась, и достаточно активно, в зрелом возрасте. С 1998 г. Виталий Михайлович преподавал на должности профессора в Киевском национальном университете культуры и искусств (до 2002 г.), а также в Славистическом университете, и особенно плодотворно — в университете «Киево-Могилянская академия», издавал рабочие программы, вел научно-исследовательский семинар, читал курсы по античному памятниковедению, методике музеефикации археологических памятников, специальным историческим дисциплинам, истории античных городов Северного Причерноморья, римскому присутствию в Северном Причерноморье, ежегодно вел археологические практики студентов-магистров в Херсонесе, где они проходили на базе американской археологической экспедиции, возглавляемой профессором Техасского университета Джозефом Картером, ценившим и уважавшим Виталия Михайловича Зубаря. К слову, прославленную фамилию знали практически все участники экспедиций, включая школьников, шептавших друг другу: «А ты знаешь, кто это прошел? — Зубарь». И даже прозвище — «Слон», которым острая на язык археологическая братия одарила обладателя отнюдь не слоновьей фигуры, звучало неким символом величия и неумейной пробивной силы. Что сказать? Такая судьба не знает забвения даже среди тех, кто принимает то, что есть, и не догадывается о том, чего лишился.

Учебная работа Виталия Михайловича вылилась в пособие «Античний світ Північного Причорномор'я», предназначенное для студентов исторических специальностей высших учебных заведений Украины, которое он издал под грифом Министерства образования

Украины в 1999 г. в соавторстве с Наталией Сон и Евникой Линевой, начальником отдела инспекции Управления охраны культурного наследия Министерства культуры и искусств Украины. С его участием вышел в 2005 г. первый украинский курс лекций «Археологія України», который ныне используют во всех вузах, где готовят археологов. Довелось ему участвовать и в создании одного из первых, тоже рекомендованных Министерством образования Украины пробных учебников по истории древнего мира для школьников 6 класса, который в соавторстве с известным археологом Екатериной Бунятян и учительни-

цей Светланой Селицкой был издан в 1997 г. киевским издательством «Либідь» и оказался очень удачным как по содержанию, стилю, так и по иллюстративному оформлению. Всего не перечесать.

Этот вспомнившийся мне учебник завершается на обороте обложки словами Марка Туллия Цицерона: «История воистину свидетель времени, свет истины, жизнь памяти». Той памяти, частью которой стал сам Виталий Михайлович Зубарь, оборвав свои земные труды. И только этой памятью, памятью любящих, мы можем отогреть холод той вечности, в которую он ушел.

Serghei Sorocan (Kharkiv, Ukraine). Doctor of historical sciences. V. N. Karazin Kharkiv National University.

Serghei Sorocan (Harkiv, Ucraina). Doctor în științe istorice. Universitatea națională din Harkiv „V.N. Karazin”.

Сорочан Сергей Борисович (Харьков, Украина). Доктор исторических наук. Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина.

E-mail: Sergei.B.Sorochan@univer.kharkov.ua

Список сокращений

AB —	Археологические вести. Санкт-Петербург.
АИЮВЕ —	Археологические исследования на юге Восточной Европы. Москва.
БИАС —	Бахчисарайский историко-археологический сборник.
БИ —	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БФ —	Боспорский феномен (материалы конференций). Санкт-Петербург.
БЧ —	Боспорские чтения (материалы конференций). Керчь.
ВДИ —	Вестник древней истории. Москва.
ГИМ —	Государственный исторический музей. Москва.
ИАК —	Известия Императорской археологической Комиссии. Санкт-Петербург.
КБН —	Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград.
КСИА —	Краткие сообщения Института Археологии. Москва.
МАИЭТ —	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА —	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
ОАК —	Отчеты археологической комиссии.
РА —	Российская археология. Москва.
СА —	Советская археология. Москва.
САИ —	Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СЭ —	Советская этнография. Москва.
ТГЭ —	Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ТГИМ —	Труды Государственного исторического музея. Москва.
Тр. ОИПК ГЭ —	Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ХСб —	Херсонесский сборник. Севастополь.
BAR —	British Archaeological Reports.
SCIVA —	Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie. București.
SHA —	Scriptores Historiae Augustae.
SP —	Stratum plus.

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet

M. M. Kazanski.

Scandinavian Fur Trade and the "Eastern Route" during Great Migration.

Agafiy, *Historia* — Agathias, *Historiarum Libri Quinque* (ed. R. Keydell). 1967. New York.

Ageeva R. A. 1989. *Gidronimija russkogo Severo-Zapada kak istochnik kul'turno-istoricheskoy informacii*. Moskva: Nauka.

Aleksandrov A. A. 1982. Polusfericheskie kurgany s sozhzheniyami na Pskovshchine. *KSIA* 171, 21—28.

Ambroz A. K. 1970. Yuzhnye khudozhestvennye svyazi naseleniya Verkhnego Podneprovya v VI v. In: Kukhareno Yu. V. (otv. red.). *Drevnie slavyane i ikh sosedi*. *MIA* 176, Moskva: Nauka, 70—74.

Antsit K. Ya., Yanson A. Ya. 1962. Nekotorye voprosy etnicheskoy istorii drevnikh selov. *Sovetskaya etnografika* (6), 92—104.

Artamonov M. I. 1962. *Istoria khazar*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh.

Arkheologicheskie otkrytia 2006 goda v Lipetskoy oblasti. 2007. Lipetsk.

Atgazis M. K. 1977. Raskopki Terverskoy ekspeditsii. *Arkheologicheskie otkrytia 1976 goda*. Moskva: Nauka, 432, 433.

Atgazis M. K. 1980. Voprosy etnicheskoy istorii zemgalov. *Iz drevneyshey istorii baltskikh narodov*. Riga, 89—101.

Aun M. 1980. *Kurgany mogilniki Vostochnoy Estonii vo vtoroy polovine I tysyacheletia nashey ery*. Tallinn: Valgus.

Aun M. 1992. *Arkheologicheskie pamyatniki vtoroy poloviny 1 go tysyacheletiya n. e. v Yugo-Vostochnoy Estonii*. Tallinn: Olion.

Akhmedov I. R., Kazansky M. M. 2004. Posle Attily. Kievevskiy klad i ego kulturno-istoricheskiy kontekst. In: Goryunova V. M., Shcheglova O. A. (otv. red.). *Kulturnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekovye*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 168—202.

Bashenkin A. N. 1995. Kulturno-istoricheskie protsessy v Mologo-Sheksninskom mezhdurechye v kontse I tys. do n. e. — I tys. n. e. In: *Problemy istorii Severo-Zapada Rusi*. Sankt-Peterburg, 3—29.

Bashenkin A. N. 1999. Finno-ugry i slavyane na Kobozhe i Chagodoshe. In: Beznin M. A. (otv. red.). *Chagoda. Istoriko-kraevedcheskiy almanakh*. Vologda: Ardisura, 19—39.

Bashenkin A. N., Vasenina M. G. 1993. *Zhenskiy ubor drevnego naseleniya Ustyuzhenskogo kraya*. Ustyuzhna 2, 3—15.

Bashenkin A. N., Vasenina M. G. 2005. Mogilnik rannego zheleznoogo veka Ust-Kolodenka na reke Kolpi. *Arkheologia Severa* 1, 55—63.

Beletskiy S. V. 1980. Kulturnaya stratigrafia Pskova (arkheologicheskie dannye i problema proiskhozhdeniya goroda). *KSIA* 160, 3—18.

Beletskiy S. V. 1996. *Nachalo Pskova*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN.

Berezovets D. T. 1963. Poselenie ulichey na r. Tyasmin. In: Rybakov B. A. (otv. red.). *Slavyane nakanune obrazovaniya Kievskoy Rusi*. *MIA* 108, Moskva: AN SSSR, 145—208.

Bulkin V. A. 2007. Volga «dovolzhskaya» (kto prav: Herodot ili Jordan?). In: *Trudy po russkoy istorii*. Moskva, 108—127.

Bulkin V. A., Gerd A. S. 1999. Ocherk drevneyshey istorii

ozera Seliger. In: *Osnovaniya regionalistiki. Formirovaniye i evolutsia istoriko-kulturnykh zon*. Sankt-Peterburg, 251—264.

Bulkin V. A., Sedykh V. N., Kargopol'tsev S. Yu. 2005. Reki vostochnoy chasti Baltyskogo basseyina i Severo-Zapad Rossii v pozdneantichnoe vremya (pismennyye i arkheologicheskie dannye). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, seria 2 (istoria), 3, 142—152.

Burov V. A. 1996. K probleme etnicheskoy prinadlezhnosti kultury dlinnykh kurganov. *RA* (1), 122—131.

Burov V. A. 1996 a. K probleme etnicheskoy prinadlezhnosti nositeley kultury dlinnykh kurganov (pskovskono-gorodskaya gruppa). *Tver, Tverskaya zemlya i sopredelnye territorii v epokhu srednevekovya* 1, 6—10.

Burov V. A. 2003. *Gorodishche Varvarina Gora. Poselenie I—IV i XI—XIV vekov na yuge Novgorodskoy zemli*. Moskva: Nauka.

Chemyakin Yu. P. 2006. Ob odnom syuzhete «permskogo zverinogo stilya». In: Goldina R. D. *Vzaimodeystvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniya narodov*. Izhevsk: Udmurtskiy gos. universitet, 70—80.

Darkevich V. P. 1976. *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII—XIII vv*. Moskva: Nauka.

Dubynin A. F. 1970. Troitskoe gorodishche. In: Smirnov K. F. (otv. red.). *Drevnee poselenie v Podmoskovye*. *MIA* 156, 5—98.

Dubynin A. F. 1974. Shcherbinskoe gorodishche. In: Krasnov Yu. A. (otv. red.). *Dyakovskaya kultura*. Moskva: Nauka, 198—281.

Enukov V. V. 1990. *Rannie etapy formirovaniya smolenskopolotskikh krivichey*. Moskva: Nauka.

Eremeev I. I. 2007. Novgorodskie sopki i bolshie kurgany Sredney Shvetsii — problemy sravnitel'nogo issledovaniya. In: *U istokov russkoy gosudarstvennosti*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 240—255.

Erja-Esko A. 1986. Plemena Finlyandii. In: Melnikova E. A. (otv. red.). *Slavyane i skandinav*. Moskva: Progress, 169—174.

Furasyev A. G. 1996. O vremeni i obstoyatelstvakh gibeli gorodishcha Demidovka v verkhovyakh Dnepra. In: Machinsky D. A. (otv. red.). *Ladoga i Severnaya Evropa. Chteniya pamyati Anny Machinskoy*. Sankt-Peterburg, 4—6.

Hurre M. 1979. Kontseptsii finskikh arkheologov o proiskhozhdenii plemeni karelov i kultury Karelii v epokhu zheleznoogo veka. In: Rybakov B. A. (otv. red.). *Finno-ugry i slavyane*. Leningrad: Nauka, 138—142.

Gavritukhin I. O. 1997. Khronologia prazhskey kultury. In: Sedov V. V. (otv. red.). *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa Slavyanskoy arkheologii. T. 3. Etnogenez i etnokulturnye kontakty slavyan*. Moskva: IA RAN, 39—52.

Gavritukhin I. O. 2001. Periodizatsiya rannesrednevekovykh drevnostey Kislovodskoy kotloviny na osnove keramiki v svete izucheniya izdeliy iz metalla. In: Malashev V. Yu. *Keramika ranne-srednevekovogo mogilnika Mokraya Balka*. Moskva: IA RAN, 40—49.

Gavritukhin I. O. 2004. Rannie formy palchatykh fibul i ekzemplary iz Zamyatnino. In: Oblomskiy A. M. (otv. red.). *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Zamyatinskiy arkheologicheskiy kompleks gunnskogo vremeni. Ranneslavyanskiy mir* 6. Moskva: IA RAN,

- 89—94.
- Gavritukhin I. O. 2005. Kompleksy prazhskoy kultury s datiruyushchimi veshchami. In: *Archeologia o poczatkach Słowian*. Kraków, 404—461.
- Goldina R. D. 1985. *Lomovatovskaya kultura v Verkhnem Prikamye*. Irkutsk: Irkutskiy universitet.
- Goldina R. D., Vodolago N. V. 1990. *Mogilniki nevolinskoy kultury v Priuralye*. Irkutsk: Irkutskiy universitet.
- Goldina R. D., Kananin V. A. 1989. *Srednevekovye pamyatniki verkhov'ev Kamy*. Sverdlovsk: Uralskiy universitet.
- Golubeva L. A. 1987. Mordva. In: *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekovy*. Moskva: Nauka, 97—107.
- Golubeva L. A. 1987 a. Mariytsy. In: *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekovy*. Moskva: Nauka, 107—115.
- Gorokhovskiy E. L. 1982. Khronologia ukrasheniy s vyemchatoy emalyu Srednego Podneprov'ya. In: Telegin D. Ya. (otv. red.). *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov Ukrainy*. Kiev: Naukova Dumka, 125—140.
- Goryunova E. I. 1961. Etnicheskaya istoria Volgo-Okskogo mezhdurech'ya. *MIA* 96. Moskva: IA RAN.
- Grushina L. E. 1990. Kurganno-zhalsnichny mogilnik u derevni Verepkovo. In: *Zemlya Pskovskaya, drevnyaya i sovremennaya*. Pskov, 22, 23.
- Islanova I. V. 1997. *Udomelskoe Poozerye v epokhu zheleza i rannem srednevekovye*. Moskva: Editorial URSS.
- Islanova I. V. 2006. *Verkhnee Pomostye v rannem srednevekovye*. Moskva: Tverskoy gosudarstvenny universitet.
- Jackson T. N. 1993. *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoy Evrope (s drevneyshikh vremen do 1000 g.)*. Teksty, perevod, kommentariy. Moskva: Nauka.
- Jackson T. N., Kalinina T. M., Konovalova I. G., Podosinov A. V. 2007. «Russkaya reka». *Rechnye puti Vostochnoy Evropy v antichnoy i srednevekovoy geografii*. Moskva: Indrik.
- Jordan. 1997. *Getica. O proiskhozhdenii i deyaniyakh gotov*. Latinskiy tekst, perevod i kommentarii E. Ch. Skrzhinskoy. Sankt-Peterburg: Aletya.
- Kazakevichus V. 1986. Pogrebenie s nakonechnikom strely iz mogilnika Plinkajgalis. *SA* (3), 238—243.
- Kazakjavichjus V. 1988. *Oruzhie balttskikh plemen II—VIII vv. na territorii Litvy*. Vilnius: Moksas.
- Kazansky M. M. 1997. Ostrogotskie korolevstva v gunnskuyu epokhu — rasskaz Iordana i arkheologicheskie dannye. In: Vakhtina M. Yu., Vinogradov Yu. A. (otv. red.). *Stratum + Peterburgskiy arkheologicheskii vestnik*. Sankt-Peterburg; Kishinev, 181—193.
- Kazansky M. M. 1999. O baltakh v lesnoy zone Rossii v epokhu Velikogo pereselenia narodov. *Arkheologicheskie vesti* 6, 404—419.
- Kazansky M. M. 2007. Kurgany Staroy Uppsaly i Vostochny put. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoria i arkheologia* 21, 125—137.
- Kazansky M. M. 2007. Oruzhie «zapadnogo» i «yuzhnogo» proiskhozhdenia v lesnoy zone Rossii i Belorussii v nachale srednevekovy. In: Naumov A. N. (otv. red.). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereselenia narodov*. Tula: Gos. muzey-zapovednik «Kulikov Pole», 304—325.
- Kazansky M. M. 2005—2009. O slavyanskoy konnitsе VI v. *Stratum plus* (5), 457—471.
- Kazansky M., Mastykova A. 2001. Tsentry vlasti i torgovye puti v Zapadnoy Alanii v V—VI vv. In: Abramova M. P., Markovin V. I. (otv. red.) *Severnyy Kavkaz — istoriko-arkheologicheskie ocherki i zametki*. Moskva: IA RAN, 138—161.
- Kargopoltsev S. Yu. 1994. *Severo-Zapad Vostochnoy Evropy v sisteme obshcheevropeyskikh drevnostey III—VI vv.* Diss. ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg.
- Kargopoltsev S. Yu. 1996. O nizhney date pamyatnikov tipa Lindora-Polibino. In: Machinsky D. A. (otv. red.). *Ladoga i Severnaya Evropa*. Sankt-Peterburg, 6—9.
- Kargopoltsev S. Yu. 1997. Severo-Zapad Vostochnoy Evropy III—VI vv. v kontekste obshcheevropeyskikh drevnostey (nekotorye problemy khronologii i vzaimosvyazey). In: Sedov V. V. (otv. red.). *Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoy arkheologii. 3. Etnogenez i etnokulturnye kontakty slavyan*. Moskva: IA RAN, 88—978.
- Kargopoltsev S. Yu. 2000. Sostavnye kolchatye udila kak indikator sinkhronizatsii vostochnoevropeyskikh drevnostey epokhi velikogo pereselenia narodov. In: *Arkheologia Pskova i Pskovskoy zemli. Materialy nauchnogo seminara 1996—1999*. Pskov, 157—160.
- Kargopoltsev S. Yu., Bazhan I. A. 1993. K voprosu ob evolyutsii trekhrogiykh peltovidnykh lunnits v Evrope (III—VI vv.). *Peterburgskiy arkheologicheskii vestnik* 7, 113—122.
- Kargopoltsev S. Yu., Shchukin M. B. 2002. Novaya nakhodka oruzhia pozdnerimskogo vremeni na zapade Leningradskoy oblasti. In: Nosov E. N., Smirnova G. I. (otv. red.). *Staraya Ladoga i problemy arkheologii Severnoy Rusi*. Sankt-Peterburg: Gos. Ermitazh, 76—90.
- Karpelan K. 1979. Finskie saamy v zheleznom veke. In: Rybakov B. A. (otv. red.). *Finno-ugry i slavyane*. Leningrad: Nauka, 143—151.
- Kert G. M. 1961. *Obraztsy saamskoy rechi*. Moskva; Leningrad: Nauka.
- Khlevov A. A. 1999. Druzhina Severa kak istoricheskii fenomen. In: Mylnikov A. S. *Skandinavskie chtenia 1998 goda*. Sankt-Peterburg: Nauka, 49—58.
- Khvoshchinskaya N. V. 2008. *Slavyane i finny na Severo-Zapade drevnerusskogo gosudarstva*. Avtoref. diss. ... dokt. ist. nauk. Moskva.
- Konetskiy V. Ya. 1996. Novye dannye o pogrebalnykh pamyatnikakh v doline r. Beloy. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya* 10, 32—37.
- Konetskiy V. Ya. 1997. K voprosu o formirovaniy kultury dlinnykh kurganov. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoria i arkheologia* 11, 213—225.
- Konetskiy V. Ya. 2007. Arkheologia Severo-Zapada Rossii v nachale XXI v., itogi i perspektivy. In: *U istokov russkoy gosudarstvennosti*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 256—267.
- Konkova O. I. 2008. Arkheologicheskie nakhodki na zapade Leningradskoy oblasti i problema proiskhozhdenia izhory. In: Sorokin P. E. (otv. red.). *Arkheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga. Vypusk 2. Drevnosti Izhorskoy zemli*. Sankt-Peterburg, 9—32.
- Korzhuhina G. F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv.* Moskva; Leningrad: AN SSSR.
- Korzhuhina G. F. 1978. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami V — pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'ye. *SAI* E1—43. Leningrad: Nauka.
- Korpela Yu. 2006. Em i Ladoga. In: Kirpichnikov A. N., Nosov E. N., Saksa A. I. (otv. red.). *Slavyane i finno-ugry. Kontaktnye zony i vzaimodeystvie kultur*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 73—81.
- Kosmenko M. G. 1996. Kultura luukonsaari. In: *Arkheologia Karelii*. Petrozavodsk, 238—253.
- Kosmenko M. G. 1996 a. Pozdnebelomorskaya kultura. In: *Arkheologia Karelii*. Petrozavodsk, 257—267.
- Kosmenko M. G. 1996 b. Khozyaystvo i iskusstvo epokhi bronzy-zheleza. In: *Arkheologia Karelii*. Petroza-

- vodsk, 267—270.
- Kosmenko M. G. 2006. Problemy izucheniya etnicheskoy istorii bronzovogo veka — rannego srednevekovyaya v Karelii. In: *Problemy etnokulturnoy istorii naseleniya Karelii (mezolit-srednevekovye)*. Petrozavodsk, 158—229.
- Kochkurkina S. I. 1981. *Arkheologicheskie pamyatniki korely V—XV vv.* Leningrad: Nauka.
- Kochkurkina S. I. 1982. *Drevnyaya korela*. Leningrad: Nauka.
- Kochkurkina S. I. 2006. Etnokulturnye protsessy epokhi srednevekovyaya. In: *Problemy etnokulturnoy istorii naseleniya Karelii (mezolit — srednevekovye)*. Petrozavodsk, 230—275.
- Krasnov Yu. A. 1980. *Bezvodninskiy mogilnik*. Moskva: Nauka.
- Kropotkin V. V. 1961. Klady rimskikh monet na territorii SSSR. *SAI G4—4*. Moskva: AN SSSR.
- Kropotkin V. V. 1962. Klady vizantijskikh monet na territorii SSSR. *SAI E 4—4*. Moskva: AN SSSR.
- Kropotkin V. V. 1970. Rimskie importnye izdelia v Vostochnoy Evrope (II v. do n. e.—V v. n. e.). *SAI D1—27*. Moskva: Nauka.
- Kuzmin S. L. 1991. O khronologicheskom sootnoshenii sopok i dlinnykh kurganov (po materialam zapadnykh rayonov Novgorodskoy zemli). In: *Problemy khronologii i periodizatsii v arkheologii*. Leningrad, 87—98.
- Kuzmin S. L. 1995. Ladoga i nekotorye problemy arkheologii Severo-Zapadnoy Rusi. In: Machinsky D. A. (otv. red.). *Ladoga i Severnaya Rus'. Chtenia, posvyashchennye pamyati Anny Machinskoy*. Sankt-Peterburg, 12—15.
- Kuzmin S. L. 2003. Nekotorye itogi izucheniya kultury pskovskikh dlinnykh kurganov (po materialam pamyatnikov v bassejne Lugi i Plyussy). In: Mazurkevich A. N. (otv. red.). *Drevnosti Podvinya — istoricheskiy aspekt*. Sankt-Peterburg: Gos. Ermitazh, 220—232.
- Kulakov V. I. 1989. Mogilniki zapadnoy chasti Mazurskogo Poozerya kontsa V—VIII vv (po materialam raskopok 1878—1938 gg.). *Barbaricum* 1, Warszawa, 148—275.
- Kulakov V. I. 1990. Drevnosti prussov VI—XIII vv. *SAI G 1—9*. Moskva: Nauka, 1990.
- Kulakov V. I. 1997. Varnikam. Drevnosti prusskikh vozhdov. *Gistarychna-arkhealagichnyy zbornik* 12, 143—171.
- Kulakov V. I. 1998. Kholibo. Mezhdurechye Ilfing i Frishing v V v. n. e. *Gistarychna-Arkhealagichnyy Zbornik* 13, 98—119.
- Kulakov V. I. 2003. *Istoria Prussii do 1283 goda*. Moskva: Indrik.
- Kulakovskiy Yu. A. 2000. Karta Evropeyskoy Sarmatii po Ptolemeyu. In: Kulakovskiy Yu. A., *Izbrannyye trudy po istorii alanov i Sarmatii*. Sankt-Peterburg: Aleteya.
- Kuleshov V. S. 2005. Pamyatniki kultury Tarandgrdber na severo-zapade Evropeyskoy chasti Rossii. In: Eremenko V. E. (otv. red.). *Almanakh molodykh arkheologov*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoria, 183—198.
- Laul S. K. 1982. Nekotorye zakonomernosti rasprostraneniya drevnego naseleniya v svete izucheniya mogilnikov I tys. n. e. v Vostochnoy Estonii. In: Stolyar A. D. (otv. red.). *Severnaya Rus i ee sosedi v epokhu rannego srednevekovyaya*. Leningrad: Leningradskiy universitet, 89—94.
- Laul S. 1985. Problemy izucheniya etnicheskogo sostava naseleniya kultury kamennykh mogilnikov s ogradkami. In: *Novoe v arkheologii Pribaltiki i sosednikh territoriy*. Tallinn, 57—67.
- Laul S. 1997. Ranniy zhelezny vek v Yuzhnoy Estonii i «predkurgannaya kultura». In: Kirpichnikov A. N. (otv. red.). *Pamyatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiya. Versii. Pamyati Vasiliya Dmitrievicha Beletskogo (1919—1997)*. Tom 1. Sankt-Peterburg; Pskov: IIMK RAN, 402—409.
- Lebedev G. S. 1978. Sopka u d. Repyi v Verkhnem Poluzhye. *KSIA* 155, 99—99.
- Lebedev G. S. 1984. Kulturnaya stratigrafia Severo-Zapada Evropeyskoy chasti Rossii i problemy formirovaniya Novgorodskoy zemli. In: Lebedev G. S. (otv. red.). *Arkheologicheskoe issledovanie Novgorodskoy zemli*. Leningrad: Leningradskiy universitet, 46—54.
- Lebedev G. S. 1985. Severo-Vostok Evropeyskoy chasti Rossii v seredine I tys. n. e. In: Stolyar A. D. (otv. red.). *Materialy k etnicheskoy istorii Evropeyskogo Severo-Vostoka*. Syktyvkar: Permskiy universitet, 24—34.
- Lebedev G. S. 1988. Rus i chud, varyagi i goty (itogi i perspektivy istoriko-arkheologicheskogo izucheniya). In: *Slavyano-russkie drevnosti. 1. Istoriiko-arkheologicheskoe izuchenie drevney Rusi*. Leningrad, 79—99.
- Lebedev G. S. 1989. Ostrov Tjuters i vodnye puti v Kareliyu, Priladozhye, Ponarovye-Prichudye. In: *Narva, Ivanogorod, Prinarovye — vozdeystviya kultur. Istoria i arkheologia*. Narva, 27, 28.
- Lebedev G. S. 2005. *Epokha vikingov v Severnoy Evrope i na Rusi*. Sankt-Peterburg: Evrazia.
- Leontyev A. E. 1989. Popovskoe gorodishche (rezultaty raskopok 1980—1984 gg.). In: Sedov V. V. (otv. red.). *Rannesrednevekovye drevnosti Verkhnego Povolzhya*. Moskva: IA RAN, 5—105.
- Leontyev A. E. 1996. *Arkheologia meri*. Moskva: IA RAN.
- Lopatin N. V. 2006. Osnovnye kontseptsii zaseleniya slavyanami Severo-Zapada Russkoy ravniny. In: *Arkheologia Pskova i Pskovskoy zemli. Materialy seminarov, posvyashchennogo pamyati akademika V. V. Sedova*. Pskov, 333—341.
- Lopatin N. V., Furashev A. G. 1995. O roli pamjatnikov III—V vv. n. e. v formirovanii kultur pskovskikh dlinnykh kurganov i Tushemli-Bantserovshchiny. *Peterburgskiy arkheologicheskii vestnik* 9, 136—141.
- Lopatin N. V., Furashev A. G. 2007. Severnye rubezhi ranneslavjanskogo mira v III—V vekakh n. e. *Ranneslavjanskiy mir* 8. Moskva: IA RAN.
- Lukhtan A. 1996. Voyna v Litve v V veke. In: *Belarus u sisteme transeuropeyskikh svyazau u I tysyachagozdi n. e.* Minsk, 53—54.
- Lych B. G. 2000. O territorialnykh razlichiyakh pogrebalnogo inventarya nositeley kultury dlinnykh kurganov. *Vestnik molodykh uchenykh. Seriya — istoricheskie nauki* 5, 72—76.
- Makarov N. A. 1986. O nekotorykh kompleksakh serediny — 3 chetverti I tysyacheletiya n. e. v Yugo-Vostochnom Prionezhye i na r. Sukhone. *KSIA* 183, 23—32.
- Makarov N. A. 1997. *Kolonizatsia severnykh okrain Drevney Rusi v XI—XIII vekakh*. Moskva: Nauka.
- Malm V. A., Fechner M. V. 1969. Ob etnicheskom sostave naseleniya Verkhnego Povolzhya vo 2 polovine I tysyacheletiya n. e. In: *Ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. Moskva: GIM, 159—192.
- Manyukhin I. S. 1996. Pozdnekargopolskaya kultura. In: *Arkheologia Karelii*. Petrozavodsk, 220—237.
- Mastykova A. V. 2004. Yantarnye busy s nareznyim dekorom epokhi Velikogo pereseleniya narodov. *RA* (3), 55—67.
- Mastykova A. V. 2004. Steklyannyye busy kompleksa poseleniy u s. Zamyatino. In: Oblomskiy A. M. (otv. red.).

- Ostraya Luka Dona v drevnosti. Zamyatinskiy arkhеologicheskii kompleks gunnskogo vremeni. *Rannoslavianskiy mir* 6. Moskva: IA RAN, 84—88.
- Mastykova A. V., Rumyantseva O. S., Egorkov A. N. 2006. Svyazi naseleniya Tsentralnoy Rossii i pontiyskogo regiona v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam steklyannykh bus). In: Bessudnov A. N. (otv. red.). *Arkheologicheskoe izuchenie Tsentralnoy Rossii*. Lipetsk: Lipetskiy gos. ped. universitet, 264.
- Marshak B. I. 2006. Serebro za mekha. In: *Vizantiyskaya idea. Vizantiya v epokhu Komninov i Paleologov*. Sankt-Peterburg, 72—82.
- Machinsky D. A. 1984. O meste Severnoy Rusi v protsesse slozheniya Drevnerusskogo gosudarstva i evropeyskoy kulturnoy obshchnosti. In: Lebedev G. S. (otv. red.). *Arkheologicheskoe issledovanie Novgorodskoy zemli*. Leningrad: Leningradskiy universitet, 5—24.
- Machinsky D. A. 1985. Rostovo-Suzdalskaya Rus v X v. i «tri gruppy Rusi» vostochnykh avtorov. In: Stolyar A. D. (otv. red.). *Materialy k etnicheskoy istorii Evropeyskogo Severo-Vostoka*. Syktyvkar: Permskiy universitet, 3—23.
- Machinsky D. A. 1986. Etnosotsialnye i etnokulturnye protsessy v Severnoy Rusi. In: Bernshtam T. A., Chistov K. V. (otv. red.). *Russkiy Sever*. Leningrad: Nauka, 3—29.
- Machinsky D. A. 1988. Kolbyagi «Russkoy Pravdy» i pri-ladozhskaya kurgannaya kultura. In: *Tikhvinskiy sbornik*. Tikhvin, 90—103.
- Machinsky D. A., Kuleshov V. S. 2004. Severnye narody serediny IV — pervoy poloviny VI v. v «Getica» Jordana. In: Machinsky D. A. (otv. red.). *Ladoga i Gleb Lebedev. Vosmye chteniya pamyati Anny Machinskoy*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoria, 2004, 26—72.
- Machinsky D. A., Tikhanova M. A. 1976. O mestakh obitaniya i napravleniyakh dvizheniya slavyan I—VII vv. n. e. *Acta Archaeologia Carpatica* 16, 59—94.
- Melnikova E. A. (otv. red.). *Slavyane i skandinav*. 1986. Moskva: Progress.
- Miklyaev A. M. 1995. Kamenny — zhelezny vek v mezhdurechye Zapadnoy Dviny i Lovati. *Peterburgskiy arkhеologicheskii vestnik* 9, 7—39.
- Milinkovich M. 2003. O tzv. zhenskom germanskem grobu iz Ulpiyane. In: *Spomenieca Jovana Kovachevicha*. Beograd, 143—178.
- Mitrofanov A. G. 1978. *Zhelezny vek Sredney Belorussii*. Minsk: Nauka i tekhnika.
- Mikhaylova E. R. 2001. K obosnovaniyu nizhney daty pskovskikh dlinnykh kurganov. In: Machinsky D. A. (otv. red.). *Migratsii i osedlost ot Dunaya do Ladogi v pervom tysyacheletii khristianskoy ery*. Sankt-Peterburg, 35—46.
- Mikhaylova E. R. 2005—2009. Pogrebeniya kultury pskovskikh dlinnykh kurganov: raspredelenie veshchevogo materiala. *Stratum plus* (5), 18—30.
- Mikhaylova E. R. 2006. Nekotorye nakhodki s Truvorova gorodishcha i finalnyy etap kultury dlinnykh kurganov. In: Sedov V. V. (otv. red.). *Izborsk i ego okrug*. Izborsk, 109—124.
- Mikhaylova E. R. 2007. Tisnenye blyashki-oboymitsy iz pamyatnikov kultury pskovskikh dlinnykh kurganov. In: Khavrin S. V. (otv. red.). *Sbornik nauchnykh trudov v chest 60 letiya A. V. Vinogradova*. Sankt-Peterburg: Kult-Inform-Press, 158—164.
- Mikhaylova E. R. 2007 a. Kultura pskovskikh dlinnykh kurganov: pamyatniki finalnogo etapa. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, seria 6/4, 389—398.
- Mikhaylova E. R. 2009. O periodizatsii pskovskikh dlinnykh kurganov. *Sajt Severo-Zapadnoy arkhеologicheskoy ekspeditsii*. URL: <http://www.nwae.spb.ru/> (data prosmotra 5.04.2009).
- Mikhaylova E. R. 2009 a. *Kultura dlinnykh kurganov. Problemy khronologii razvitiya materialnoy kultury*. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg.
- Moora H. A. 1954. Arkheologicheskie pamyatniki I—IV vv. v Pribaltike. *KSIA* 53, 3—22.
- Moora H. A. 1954 a. Nekotorye voprosy etnogeneza estonskogo naroda v svete arkhеologicheskikh dannyykh. *SA* 21, 95—118.
- Moora H. A. 1956. Voprosy slozheniya estonskogo naroda i nekotorykh sosednykh narodov v svete dannyykh arkhеologii. In: Moora H. A. (otv. red.). *Voprosy etnicheskoy istorii estonskogo naroda*. Tallinn: Eestonskoe gos. izd., 49—140.
- Moora H. 1962. Klad V veka, naydenny v Reola, bliz g. Tartu. *Światowit* 24, 343—351.
- Myts V. L., Lysenko A. V., Shchukin M. B., Sharov O. V. 2006. *Chatyr-Dag — nekropol rimskoy epokhi v Krymu*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoria.
- Nesman U. 1989. Etnos i svyazi na Baltike v V—X vekakh nashey ery. In: Masson V. M. (otv. red.). *Vzaimodeystvie drevnykh kultur v bassejne Baltiyskogo morya*. Leningrad: Nauka, 19—23.
- Nikolskaya T. N. 1962. Gorodishche u d. Nikolo-Lenivets. *SA* (1), 221—240.
- Novakovskiy V. 2007. Vostochnye prussy kak svyazuyushchee zveno mezhdru Vostochnoy i Zapadnoy Evropoy — arkhеologicheskie svidetelstva V—VIII vv. In: Menghin W. (Hrsg.). *Evropa bez granits*. Berlin: Minerva, 145—155.
- Nosov E. N. 1984. K voprosu o slozhenii pogrebalnogo obryada kultury dlinnykh kurganov. *KSIA* 179, 11—18.
- Nosov E. N., Khvoshchinskaya N. V. 2007. Svyazi naseleniya tsentralnogo Priilmenya s Zapadnoy Finlyandiei i Estoniei v kontekste mezhdunarodnoy trgovli v regione Baltiki v IX—X vv. In: Nosov E. N. (otv. red.). *Severnaya Rus i narody Baltiki*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 6—17.
- Nunan T. S. 2004. Torgovlya Volzhskoy Bulgarii s samaniidskoy Sredney Aziei v X v. In: Kirpichnikov A. N., Sedykh V. N. (otv. red.). *Arkheologia, istoria, numizmatika, etnografia Vostochnoy Evropy*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet, 2004, 256—313.
- Oblomskiy A. M. (red.). 2004. Ostraya Luka Dona v drevnosti. Zamyatinskiy arkhеologicheskii kompleks gunnskogo vremeni. *Rannoslavianskiy mir* 6. Moskva: IA RAN.
- Oblomskiy A. M. 2008. Nekotorye soobrazheniya o pokhodakh družin korolya gotov Germanarikha na vostok. In: Naumov A. N. (otv. red.). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov*. Tula: Gos. muzey-zapovednik «Kulikovo Pole», 142—162.
- Ostanina T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikamya v III—V vv*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN.
- Orlov S. N. 1984. Pamyatniki rannego zheleznogo veka na territorii Novgorodskoy oblasti. In: Lebedev G. S. (otv. red.). *Arkheologicheskoe issledovanie Novgorodskoy zemli*. Leningrad: Leningradskiy universitet, 70—84.
- Petrenko A. G. 1991. Rezultaty issledovaniy osteologicheskikh materialov iz raskopok srednevekovykh pamyatnikov Prikamya. In: Ivanova M. G. (otv. red.). *Issledovaniya po srednevekovoy arkhеologii lesnoy polosy Vostochnoy Evropy*. Izhevsk: UIIYaL

№4. 2010

- UrO AN SSSR, 64—64.
- Petrenko V. P. 1984. Finno-ugorskie elementy v kulture srednevekovoy Ladogi. In: Rybakov B. A. (otv. red.). *Novoe v arkheologii SSSR i Finlyandii*. Leningrad: Nauka, 83—90.
- Petrenko V. P., Virse I. A. 1993. Issledovanie mogilnikov Grobinjas Priedens v Zapadnoy Latvii. *KSIA* 208, 95—103.
- Petrov N. I. 2006. Drevnosti epokhi rannego srednevekovya v srednem techenii Kushavery. Opyt kulturnoy stratigrafii. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoria i arkheologia* 20, 155—171.
- Petrov I. V., Petrova M. I. 2002. Vodnye puti drevnikh karel. Doklad v Russkom Geograficheskom Obshchestve, fevral 2002 g. *Sayt Kiryazh*. URL: <http://www.kirjazh.spb.ru>
- Platonova N. I. 1996. O «belykh pyatnakh» na arkheologicheskoy karte pamyatnikov tretyey chetverti I tys. n. e. na Severo-Zapade. In: Machinsky D. A. (otv. red.). *Ladoga i Severnaya Rus. Vtorye chteniya pamyati Anny Machinskoy*. Sankt-Peterburg, 9—12.
- Pobol L. D. 2001. Nakhodki rimskikh monet na zemlyakh Belarusi. *Lietuvos Archeologia* 21, 73—80.
- Podosinov A. V. 2002. *Vostochnaya Evropa v rimskoy kartograficheskoy traditsii*. Moskva: Indrik.
- Popov A. I. 1973. *Nazvaniya narodov SSSR*. Leningrad: Nauka.
- Popov S. G. 1989. Gorodishche Storozhinets. *KSIA* 198, 45—56.
- Prisk Paniyskiy. 1890. Gotskaya istoria. In: Latyshev V. V. *Scythica et Caucasica. Izvestia drevnikh pisateley grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze*. Tom I. Grecheskie pisateli. Sankt-Peterburg, 810—846.
- Prokopi, BG — Procopius. 1962—1968. III—V. *History of the Wars, Books V—VIII* (jd. H. W. Dewing, Loeb Clasical Library). London; Cambridge (Massachusetts).
- Pronin G. I. 1988. Issledovanie pamyatnikov vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. v vostochnykh rayonakh Novgorodchiny. *Sovetskaya arkheologia* (4), 169—179.
- Repnikov N. I. 1906. Nekotorye mogilniki oblasti krymskikh gotov. *Izvestia Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* 19, 1—80.
- Rosenfeld I. G. 1982. *Drevnosti Volgo-Okskogo mezhdurechya v VI—IX vv.* Moskva: Nauka.
- Rosenfeld R. L. 1987. Vanvizdinskaya kultura. In: Rybakov B. A. (otv. red.). *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekovya*. Moskva: Nauka, 116—122.
- Rosenfeld R. L. 1987 a. Polomskaya kultura. In: Rybakov B. A. (otv. red.). *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekovya*. Moskva: Nauka, 130—135.
- Romashov S. A. 2000—2001. Istoricheskaya geografia Khazarskogo kaganata (V—XIII vv). *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 11, 219—338.
- Rjuk A.-M. 1979. Nekotorye voprosy sooruzheniya i morfologii kurganov Yugo-Vostochnoy Estonii. *Izvestia Akademii nauk ESSR* 28/3, 249—265.
- Ryabinin E. A. 1987. Ob issledovanii srednevekovykh mogilnikov vodi v Leningradskoy oblasti. *Izvestia Akademii nauk ESSR* 36/4, 408—410.
- Ryabinin E. A. 1985. Novye otkrytiya v Staroy Ladoge (itogi raskopok na Zemlyanom gorodishche v 1973—1975 gg.). In: Sedov V. V. (otv. red.). *Srednevekovaya Ladoga*. Leningrad: Nauka, 27—75.
- Ryabinin E. A. 1989. Mogilnik i selishche u d. Popovo na r. Unzhe. In: Sedov V. V. (otv. red.). *Rannesrednevekovye drevnosti Verkhnego Povolzhya*. Moskva: IA RAN, 127—170.
- Ryabinin E. A. 1994. K probleme etnogeneza vodi. In: *Problemy etnicheskoy istorii i mezhetnicheskikh kontaktov pribaltiysko-finskikh narodov*. Sankt-Peterburg, 23—29.
- Saksa A. I. 1997. Gorod Korela — tsentr priladozhskoy Karelii. In: Kirpichnikov A. N., Ryabinin E. A., Saksa A. I. (otv. red.). *Slavyane i finno-ugry. Arkheologia, istoria, kultura*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 179—185.
- Saksa A. I. 2006. Khozyaystvo i remeslo naseleniya Karelskoy zemli v srednie veka. *RA* (3), 63—74.
- Saksa A. I. 2006. Karelia i Savo. K voprosu o proiskhozhdenii naseleniya savolakskogo pogosta. In: Kirpichnikov A. N., Nosov E. N., Saksa A. I. (otv. red.). *Slavyane i finno-ugry. Kontaktnye zony i vzaimodeystvie kultur*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 141—152.
- Saksa A. I. 2007. *Drevnyaya Karelia vo vtoroy polovine I — pervoy polovine II tys. n. e. Proiskhozhdenie, istoria i kultura naseleniya letopisnoy Karelskoy zemli*. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg.
- Seger T. 1984. Zaselenie v epokhu zheleza (statisticheskii analiz). In: Rybakov B. A. (otv. red.). *Novoe v arkheologii SSSR i Finlyandii*. Leningrad: Nauka, 100—112.
- Sedov V. V. 1974. Dlinnye kurgany krivichey. *SAI* E1—8. Moskva.
- Sedov V. V. 1980. Ob etnicheskoy prinadlezhnosti pskovskikh dlinnykh kurganov. *KSIA* 166, 5—11.
- Sedov V. V. 1987. Esty. In: Rybakov B. A. (otv. red.). *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekovya*. Moskva: Nauka, 13—23.
- Sedov V. V. 1987 a. Balty. In: Rybakov B. A. (otv. red.). *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekovya*. Moskva: Nauka, 353—456.
- Sedov V. V. 1995. *Slavyane v rannem srednevekovye*. Moskva: Fond arkheologii.
- Selirand Yu. 1983. O nachale vzaimootnosheniy estonskikh i vostochnoslavjanskikh plemen. In: *Drevnerusskoe gosudarstvo i slavyane*. Minsk: Nauka i tekhnika, 28—30.
- Selitskiy A. I. 1999. K voprosu o genezise korolevskoy vlasti u drevnikh germantsev. In: Mylnikov A. S. (otv. red.). *Skandinavskie chteniya 1998 goda*. Sankt-Peterburg: Nauka, 58—81.
- Shadyra V. I. 2006. *Belaruskae Padzvinne (I tysyachagoddze n. e.)*. Minsk: Institut gistoryi NAN Belarusi.
- Sharov O. V. 2006. O nakhodke perekladchatoy fibuly v Staroy Ladoge. In: Kirpichnikov A. N., Nosov E. N., Saksa A. I. (otv. red.). *Slavyane i finno-ugry. Kontaktnye zony i vzaimodeystvie kultur*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 176—211.
- Shaskolskiy I. P. 1954. Marshrut torgovogo puti iz Nevy v Baltijskoe more v IX—XIII vv. *Geograficheskii sbornik* 3, 146—159.
- Shakhnovich M. M. 2003. K voprosu o valunnykh nasypanyakh na ostrovakh v Belom more. In: *Prirodnoe i istoriko-kulturnoe nasledie Severnoy Fennoskandii*. Petrozavodsk, 111—116.
- Shcheglova O. A. 2001. K voprosu o meste formirovaniya traditsii izgotovleniya svintsovo olovannykh ukrasheniy v formochkakh «tipa Kamno-Ryuge». In: Machinsky D. A. (otv. red.). *Migratsii i osedlost ot Dunaya do Ladogi v pervom tysyacheletii khristianskoy ery. Pyatye chteniya pamyati Anny Machinskoy*. Sankt-Peterburg, 46—55.
- Shchukin M. B. 1994. *Na rubezhe er.* Sankt-Peterburg: Fam.
- Shchukin M. B. 2005. *Gotskiy put*. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakultet SPbGU.
- Shelov Kovedyaev F. V. 1994. Ptolemey. In: Gindin L. A., Ivanov S. A., Litavrin G. G. (sost.). *Svod drevney-*

- shikh pismennykh izvestiy o slavyanakh. Tom I (I—VI vv.). Moskva, 46—62.
- Shmidehelm M. H. 1955. *Arkheologicheskie pamyatniki perioda razlozheniya rodovogo stroya na Severo-Vostoke Estonii*. Tallinn: Estonskoe gos. izd.
- Shmidehelm M. H. 1956. O plemenakh severo-vostochnoy Estonii vo vtoroy polovine I tysyacheletiya do n. e. i v pervoy polovine I tysyacheletiya n. e. In: Moora H. A. (otv. red.). *Voprosy etnicheskoy istorii estonskogo naroda*. Tallinn: Estonskoe gos. izd., 172—186.
- Shmidt E. A. 1963. Nekotorye arkheologicheskie pamyatniki Smolenshchiny vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. In: Rybakov B. A. (otv. red.). *Slavyane nakanune obrazovaniya Kievskoy Rusi*. MIA 108, Moskva: AN SSSR, 51—67.
- Shmidt E. A. 1970. O kulture gorodishch-ubezhishch levoberezhnoy Smolenshchiny. In: Kukharenyo Yu. V. (otv. red.). *Drevnie slavyane i ikh sosedi*. MIA 176, Moskva: Nauka, 63—69.
- Shmidt E. A. 1994. Problemy khronologii tushemlinskoy kultury v verkhov'yakh Dnepra. In: *Arkheologia i starazhytnaya istoria Mogilyayskhyny i sumezhnykh terytory*. Mogilev, 104—113.
- Shnore E. D. 1961. *Asotskoe gorodishche*. Riga: AN Latvyskoy SSR, 203—222.
- Shramm G. 1997. *Reki Severnogo Prichernomorya*. Moskva: Eastern Communications.
- Shtyhay G. V. 1992. *Kryvichy*. Minsk: Navuka i tekhnika.
- Shuvalov P. V. 2002. Inglingi i Vostochny put v IV—V vv. (Yngl. 18, 19). In: Lebedev G. S. (otv. red.). *Evropa — Azia: problemy etnokulturnykh kontaktov*. Sankt-Peterburg: MAE RAN-NIIKSI SPbGU, 215—219.
- Shuvalov P. V. 2004. Pelles sappherinae i Vostochny put. K voprosu o politicheskoy istorii Balto-Skandii v V—VI vv. In: Machinsky D. A. (otv. red.). *Ladoga i Gleb Lebedev. Vosmye chteniya pamyati Anny Machinskoy*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoria, 73—108.
- Shumkin V. 1985. Drevnyaya istoria aborigennogo naseleeniya Kolskogo poluostrova (k probleme proiskhozhdeniya saamov). In: *Problemy etnicheskoy istorii baltov*. Riga, 109—111.
- Smimov K. A. 1974. Dyakovskaya kultura. In: Krasnov Yu. A. (otv. red.). *Dyakovskaya kultura*. Moskva: Nauka, 7—89.
- Sorokin P. E. 1997. Vozniknovenie Valaamskogo monastyra i formirovaniye ego topografii. In: Kirpichnikov A. N., Ryabinin E. A., Saksa A. I. (otv. red.) *Slavyane i finno-ugry. Arkheologia, istoria, kultura*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 186—194.
- Sorokin P. E., Sharov O. V. 2008. O novykh nakhodkakh rimskoy epokhi na Severo-Zapade. In: Sorokin P. E. (otv. red.). *Arkheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga. Vypusk 2. Drevnosti Izhorskoy zemli*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 167—201.
- Spitsyn A. A. 1896. *Kurgany Sankt-Petersburgskoy gubernii v raskopkakh L. K. Ivanovskogo*. Sankt-Peterburg.
- Stankevich Ya. V. 1960. Istoria naseleniya Verkhnego Podvin'ya v I i nachale II tys. n. e. MIA 76. Moskva; Leningrad: AN SSSR.
- Starostin P. N. 1967. Pamyatniki imen'kovskoy kul'tury. SAI D1—32. Moskva: Nauka.
- Syromyatnikov S. I. 1892. Baltijskie goty i Guta-Saga. *Zhivaya Starina* 2/1, 25—48.
- Tautavichus A. Z. 1959. Vostochnolitovskie kurgany. In: Moora H. A. (otv. red.). *Voprosy etnicheskoy istorii narodov Pribaltiki po dannym arkheologii, etnografii i antropologii*. Moskva: AN SSSR, 128—153.
- Tautavichus A. Z. 1980. Baltskie plemena na territorii Litvy v I tysyacheletii n. e. In: *Iz drevneyshey istorii baltsskikh narodov*. Riga, 80—88.
- Tsalkin V. I. 1961. Fauna iz raskopok srednevekovykh gorodishch na territorii Latvii. In: Shnore E. A. *Asotskoe gorodishche*. Riga: AN Latvyskoy SSR, 203—222.
- Tsalkin V. I. 1966. Zhivotnovodstvo i okhota v lesnoy polose Vostochnoy Evropy v rannem zheleznom veke. In: Tsalkin V. I. *K istorii zhivotnovodstva i okhoty v Vostochnoy Evrope*. MIA 107. Moskva: Nauka, 5—96.
- Tsalkin V. I. 1966 a. Fauna iz raskopok arkheologicheskikh pamyatnikov srednevekovoy Pribaltiki. In: Tsalkin V. I. *K istorii zhivotnovodstva i okhoty v Vostochnoy Evrope*. MIA 107. Moskva: Nauka, 97—140.
- Urbanavichus V. 1987. Novye pamyatniki u pos. Serdzhijus. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1985 goda*. Moskva: Nauka, 487, 488.
- Vasenina M. G. 1990. Zhenskie ukrasheniya Belozerya serediny — tret'ey chetverti I tys. n. e. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya* 3, 50—52.
- Vassar A. K. 1956. K izucheniu plemen I—IV vekov v zapadnoy i yugo-zapadnoy Estonii. In: Moora H. A. (otv. red.). *Voprosy etnicheskoy istorii estonskogo naroda*. Tallinn: Estonskoe gos. izd., 187—218.
- Vatt M. 1989. Proizvodstvennye, trgovye i religioznye tsentry na o. Bornholm i v zapadnoy Baltike v I tysyacheletii nashey ery. In: Masson V. M. (otv. red.). *Vzaimodeystvie drevnikh kultur v bassejne Baltyskogo morya*. Leningrad: Nauka, 40, 41.
- Verkhnee Podneprovye i Podvinye v III—V vekakh n. e. Materialy. *Rannoslavyskiy Mir* 4. 2002. Moskva: IA RAN.
- Vinokur I. 1997. *Slovyanski yuveliri Podnistroya*. Kamyants-Podilskiy: Oium.
- Volkajte-Kulikauskene R. K. 1986. Odezhdа litovtsev s drevneyshikh vremen do XVII v. In: Rybakov B. A. (otv. red.). *Drevnyaya odezhda narodov Vostochnoy Evropy*. Moskva: Nauka, 146—171.
- Volkovitskiy A. I. 2001. Fibula iz urochishcha Sopki i problema «nulevoy fazy» Ladogi. In: Machinsky D. A., Selin A. A. (otv. red.). *Migratsii i osedlost ot Dunaya do Ladogi v pervom tysyacheletii khristianskoy ery*. *Pyatye chteniya pamyati Anny Machinskoy*. Sankt-Peterburg, 56—63.
- Voronov Yu. N., Bgazhba O. H. 1985. *Materialy po arkheologii Tsebel'dy*. Tbilisi: Metsniereba.
- Vorontsov A. M. 2003. K voprosu o pozdney date moshchinskoy kultury. In: *Kulikovo pole. Istoricheskiy landschaft. Priroda. Arkheologia. Istoria*. T. 1. Tula: Gos. muzey-zapovednik «Kulikovo Pole», 294—300.
- Wolfram H. 2003. *Goty*. Sankt-Peterburg: Yuventa.
- Zasetskaya I. P. 1993. Materialy Bosporskogo nekropolya vtoroy poloviny IV — pervoy poloviny V vv. n. e. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* 3, 23—105.
- Zasetskaya I. P., Kazansky M. M., Akhmedov I. R., Minasyan R. S. 2007. *Morskoy Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomorya v postgunnskuyu epokhu*. Sankt-Peterburg: Gos. Ermitazh.
- Zvyaruga Ya. G. 2005. *Belaruskay Poville u zheleznykh vekov i rannim syarednyevyakovui*. Minsk: Institut gistoryi NAN Belarusi.
- Zemtsov G. L. 2003. Migratsionnye potoki III—V vv. n. e. i Verkhnedonskoy region (na primere poseleniya Mukhino-2). In: Kochkina A. F., Stashenkov D. A. (otv. red.). *Kontaktnye zony Evrazii na rubezhe epokh*. Samara: SOIKM im. P. V. Alabina, 108—117.

G. M. Kazakevich.

Balkan Raid of the Bastarnae in 29 BC and a Przeworsk Culture Burial in the Upper Dniester Area.

- Eremenko V. E. 1997. «Keltskaya vual» i zarubinskaya kultura. *Opyt rekonstruktsii etnopoliticheskikh protsessov III—I vv. do n. e. v Tsentralnoy i Vostochnoy Evrope*. Sankt-Peterburg.
- Kozak D. N. 1984. *Pshevorska kultura u Verkhnyomu Podnistroyi i Zakhidnomu Pobuzhzhii*. Kiev.
- Kozak D. N. 2008. *Venedi*. Kiev.
- Kozak D. N., Orlov R. S. 1980. Pamyatka starodavnyoy mifologiy. *Narodna tvorchist ta etnografia*. 1, 104—105.
- Pachkova S. P. 2006. *Zarubinskaya kultura i latenzirovannye kultury Evropy*. Kiev.
- Shchukin M. B. 1994. *Na rubezhe er: Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n. e. — I v. n. e. v Vostochnoy i Tsentralnoy Evrope*. Sankt-Peterburg.
- Shchukin M. B. 2005. *Gotskiy put (goty, Rim i chernyakhovskaya kultura)*. Sankt-Peterburg.
- S. I. Kurchatov, N. P. Telnov.
- A Sarmatian Cauldron from the Lower Dniester.**
- Avesta v russkikh perevodakh (1861—1996). 1998. *Mihir-Jasht*. Perevod I. M. Steblin-Kamenskogo. Sankt-Peterburg: Zhurnal «Neva», «Letniy Sad».
- Artamonov M. I. 1973. *Amu-Daryinskiy klad. Altayskie kurgany. Minusinskie bronzy. Sibirskoe zoloto*. Moskva: Iskustvo.
- Bayburin A. K. 1989. Semioticheskie aspekty funktsionirovaniya veshchey. In: A. S. Mylnikov (Otv. red.). *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kultury*. Leningrad: Nauka, 63—88.
- Bernshtam A. N. 1948. Aravanskies naskalnye izobrazheniya i Davanskaya (Ferganskaya) stolitsa Esheri. *SE* (4), 155—161.
- Bespaly E. I. 1985. Kurgan I v. n. e. u g. Azova. *SA* (4), 163—172.
- Bokovenko N. A. 1977. Tipologia bronzovykh kotlov sarmatskogo vremeni v Vostochnoy Evrope. *SA* (4), 228—235.
- Demidenko S. V. 1997. Tipologia litykh kotlov savromato-sarmatskogo vremeni s territorii Nizhnego Povolzhya, Podonya i Severnogo Kavkaza. In: Demidenko S. V., Zhuravlev D. V. (otv. red.). *Drevnosti Evrazii*. Moskva: GIM, MGU im. M. V. Lomonosova, 120—159.
- Demidenko S. V. 2008. *Bronzovye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzhya i Yuzhnogo Priuralya (V v. do n. e. — III v. n. e.)*. Moskva: LKI.
- Kashuba i dr. 2003: Kashuba M. T., Kurchatov S. I., Shcherbakova T. A. 2003. Kochevniki na zapadnoy granitse Velikoy stepi (po materialam kurganov u s. Mokra). *Stratum plus* 2001—2002. (4). Sankt-Peterburg; Kishinev; Odessa; Bucharest: Vysshaya Antropologicheskaya Shkola, 180—252.
- Kostyuk L. I. 1975. Sarmatskoe pogrebenie u s. Davydov Brod Khersonskoy oblasti. *150 let Odesskomu arkheologicheskomu muzeyu AN USSR. Tezisy dokladov yubileyoy konferentsii*. Kiev, 98—99.
- Kosyanenko V. M., Flerov V. S. 1978. Bronzovye litye kotly Nizhnego Podonya (k voprosu o tipologii i khronologii). *SA* (1), 192—205.
- Minasyan R. S. 1986. Litye bronzovykh kotlov u narodov stepey Evrazii (VII v. do n. e. — V v. n. e.). *Arkheologicheskii sbornik GE*. 27. Leningrad, 61—78.
- Mordvintseva V. I., Sergatskov I. V. 1995. Bogatoye sarmatskoe pogrebenie u stantsii Berdiya. *RA* (4), 114—124.
- Mifologicheskii slovar*. 1991. Moskva: Sovetskaya Entsiklopedia.
- OAK za 1913—1915 gg.* Petrograd, 1918 g.
- Ochir-Goryaeva M. 2004. O vozmozhnom naznachenii pamyatnikov bronzovykh kotlov u kochevnikov rannego zheleznogo veka Evrazii. *Arkheologicheskie pamyatniki rannego zheleznogo veka Yuga Rossii. MIA Rossii* (6). Moskva, 166—178.
- Simonenko A. V., Lobay B. I. 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n. e. (Pogrebeniya znati u s. Porogi)*. Chernenko E. V. (otv. red.). Kiev: Naukova dumka.
- Simonenko A. V. 1993. *Sarmaty Tavrii*. Murzin V. Yu. (otv. red.). Kiev: Naukova dumka.
- Skripkin A. S. 1970. Sluchaynye nakhodki sarmatskikh bronzovykh kotlov na territorii Volgogradskoy oblasti. *SA* (4), 206—209.
- Skalon K. M. 1948. Izobrazheniya zhivotnykh na keramike sarmatskogo perioda. *Tr. OIPK GE* (I). Leningrad, 173—218.
- Skripkin A. S. 2000. O kitayskikh traditsiyakh v sarmatskoy kulture. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir. Materialy 7go arkheologicheskogo seminara*. Krasnodar, 6—11 iyunya 1999 g. Krasnodar, 97—98.
- Solomonik E. I. 1959. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: AN USSR.
- Toporov V. N. 1991. Geometricheskie simvol'y. *Mify narodov mira. Entsiklopedia*. T. 1. Moskva: Sovetskaya Entsiklopedia, 272—273.
- Toporov V. N. 1992. Chisla. *Mify narodov mira. Entsiklopedia*. T. 2. Moskva: Sovetskaya Entsiklopedia, 629—631.
- Zadneprovskiy Yu. A. 1962. Drevnezemel'del'skaya kultura Fergany. *MIA* 118. Moskva; Leningrad.
- A. Trufanov.
- Burials of 3rd Century A. D. from South-Western Margin of Ust-Alma Necropolis.**
- Ambroz A. K. 1994. Yugo-Zapadny Krym. Mogilniki IV—VII vv. *MAIET* IV, 31—88.
- Aybabin A. I. 1999. *Etnicheskaya istoria rannevizantiyskogo Kryma*. Simferopol: Dar.
- Alekseeva E. M. 1975. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya. *SAI* G1—12.
- Alekseeva E. M. 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya. *SAI* G1—12.
- Alekseeva E. M. 1982. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya. *SAI* G1—12.
- Ambroz A. K. 1966. Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR (II v. do n. e. — IV v. n. e.). *SAI* D1—30.
- Arsenyeva T. M. 1977. *Nekropol Tanaisa*. Moskva: Nauka.
- Arsenyeva T. M., Naumenko S. A. 1992. *Usadby Tanaisa*. Moskva.
- Gaydukevich V. F. 1959. Nekropoli nekotorykh bosporskiykh gorodov. *MIA* 69, 187—211.
- Gushchina I. I. 1974. Naselenie sarmatskogo vremeni v doline reki Belbek v Krymu. *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy*. Moskva, 32—64.
- Khrapunov I. N. 1994. Pogrebenie serediny III v. n. e. iz mogilnika Druzhnoe. *MAIET* IV, 529—544.
- Khrapunov I. N. 1999. O pozdnesarmatskoy arkheologicheskoy kulture v Krymu. In: Tolochko P. P. (red.). *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (k 100 letiyu B. N. Grakova)*. III Grakovskie chteniya. Zaporozhye, 262—268.
- Khrapunov I. N. 2002. Mogilnik Druzhnoe (III—IV vv. nashey ery). *Monumenta Studia Gothica* II. Lu-

- blin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Khrapunov I. N. 2003. Novye dannye o sarmato-germanskikh kontaktakh v Krymu (po materialam raskopok mogilnika Neyzats). *VI III*, 329—349.
- Khrapunov I. N. 2005. Poslednie pogrebeniya v mogilnike Neyzats. *MAIET XI*, 169—191.
- Khrapunov I. N. 2008. Nakonechniki remney iz mogilnika Neyzats. *MAIET XIV*, 61—79.
- Khrapunov I. N., Muld S. A. 2000. Novye issledovaniya mogilnikov pozdnerimskogo vremeni v Krymu. *Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel Osteuropa*. Łódź, 479—519.
- Khrapunov I. N., Stoyanova A. A., Muld S. A. 2001. Pozdneskifskiy mogilnik u s. Levadki. *BIAS II*, 105—168.
- Kropotov V. V. 2001. Fibuly iz mogilnikov Druzhnoe i Neyzats. *AV 8*, 175—187.
- Kunina N. Z., Sorokina N. P. 1972. Steklyannye balzamarii Bospora. *TGE XIII*, 146—177.
- Malashev V. Yu. 2000. Periodizatsia remennykh gamitur pozdnesarmatskogo vremeni. In: Guguev Yu. K. (red.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona*. I. Rostov na Donu, 194—232.
- Malashev V. Yu., Yablonskiy L. T. 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priuralya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogilnika Pokrovka 10*. Moskva: «Vostochnaya literatura» RAN.
- Maslennikov A. A. 2000. Gruntovye nekropoli selskikh poseleniy Karalarskogo poberezhya (Vostochny Krym) pervykh vekov n. e. *DB 3*, 136—200.
- Myts V. L., Lysenko A. V., Shchukin M. B., Sharov O. V. 2006. *Chatyr-Dag — nekropol rimskoy epokhi v Krymu*. Sankt-Peterburg: SPbII RAN «Nestor-Istoria».
- Puzdrovsky A. E. 1992. Novy uchastok Vostochnogo nekropolya Neapolya Skifskogo. *RA (2)*, 181—199.
- Puzdrovsky A. E. 1992a. *Otchet o raskopkakh Bitakskogo mogilnika v 1989—1992 gg.* Arkhiv KF IA NANU, № 646a, 317.
- Puzdrovsky A. E. 1994. O pogrebalnykh sooruzheniyakh Yugo-Zapadnogo i Tsentralnogo Kryma v pervye veka n. e. In: Mogarichev Yu. M. (red.). *Problemy istorii i arkheologii Kryma*. Simferopol: Tavria, 114—126.
- Puzdrovsky A. E., Zaytsev Yu. P., Nenevolya I. I. 1999. Pogrebenie voina gunnskogo vremeni na Ust-Alminkom mogilnike. *HS X*, 194—207.
- Ryzhova L. A. 2003. Steklyannye kanfary iz sobraniya Khersonesskogo zapovednika. *HS XII*, 151—164.
- Strzheletskiy S. F., Vysotskaya T. N., Ryzhova L. A., Zhestkova G. I. 2005. Naselenie okrugov Khersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz № 10»). *Stratum plus (4)*. Sankt-Peterburg; Kishinev; Odessa; Bucharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, 27—277.
- Trufanov A. A. 1997. Tipologia krasnolakovykh tarelok s vertikalnym bortikom (po materialam mogilnikov Yugo-Zapadnogo i Tsentralnogo Kryma). *BIAS I*, 181—192.
- Trufanov A. A. 1998. Vyrubnoy sklep iz pozdneskifskogo mogilnika u s. Bryanskoe v Yugo-Zapadnom Krymu. *HS IX*, 141—145.
- Trufanov A. A. 2004. Podboynye mogily III v. n.e. nekropolya u s. Kurskoe (po materialam raskopok 2001 g.). In: Farbey A. M. (otv. red.). *Sugdeyskiy sbornik*. Kiev; Sudak: Akademperiodika, 495—521.
- Trufanov A. A. 2007. Zerkala-podveski pervykh vekov n. e. iz mogilnikov Krymskoy Skifii. In: Zaytsev Yu. P., Mordvintseva V. I. (red.). *Drevnyaya Tavrika*. Simferopol: Universum, 173—186.
- Trufanov A. A. 2007. Mogila № 914 iz Ust-Alminskogo mogilnika v Yugo-Zapadnom Krymu. In: Zaytsev Yu. P., Mordvintseva V. I. (red.). *Drevnyaya Tavrika*. Simferopol: Universum, 229—232.
- Trufanov A. A., Koltukhov S. G. 2003. Issledovanie pozdneantichnogo nekropolya u s. Kurskoe v Yugo-Vostochnom Krymu. *Stratum plus (4)*. Sankt-Peterburg; Kishinev; Odessa; Bucharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, 278—295.
- Vdovichenko I. I., Koltukhov S. G. 1994. Mogilnik rimskogo vremeni u s. Tankovoe. In: Mogarichev Yu. M. (red.). *Problemy istorii i arkheologii Kryma*. Simferopol: Tavria, 82—88.
- Vnukov S. Yu., Lagutin A. B. 2001. Zemlyanye sklepy pozdneskifskogo mogilnika Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu. *TGIM 118*, 96—121.
- Zhuravlev D. V. 2005. Krasnolakovye pontiyskie tarelki s vertikalnym bortikom iz mogilnika Belbek IV. *HS XIV*, 141—168.
- Zhuravlev D. V. 2007. Pontiyskaya sigillata iz mogilnikov Belbek III i Belbek IV v Yugo-Zapadnom Krymu. *BI XVI*, 366—448.
- Zaytsev Yu. P. 1997. Okhrannye issledovaniya v Simferopolskom, Belogorskom i Bakhchisarayskom rayonakh. In: Kutaysov V. A. (red.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu za 1994 god*. Simferopol: SONAT, 102—116.
- Zeest I. B. 1960. Keramicheskaya tara Bospora. *MIA 83*.
- A. E. Puzdrovsky, A. A. Trufanov.
- A Bronze Matrix with Image of Zeus from South-West Crimea.**
- Alekseeva E. M. 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomorya. *SAI G1*—12.
- Artemenko I. I., Levchenko B. M. 1983. Sarmatskoe pogrebenie u s. Bashtchiki Cherkasskoy oblasti. *SA (2)*, 144—151.
- Bogdanova N. A. 1989. Mogilnik pervykh vekov nashey ery u s. Zavetnoe. *AIYuVE. Trudy GIM 70*, 17—70.
- Gushchina I. I. 1982. O lokalnykh osobennostyakh naseleniya Belbekskoy doliny v pervye veka nashey ery. *AIYuVE Trudy GIM 54*, 20—30.
- Gushchina I. I., Zhuravlev D. V. 1999. Pogrebeniya s bronzovoy posudoy iz mogilnika Belbek IV v Yugo-Zapadnom Krymu. *RA (2)*, 157—171.
- Gushchina I. I., Zasetskaya I. P. 1989. Pogrebeniya zubovskovo-vozdvizhenskogo tipa iz raskopok N. I. Veselovskogo v Prikubanye (I v. do n. e. — nachalo II v. n. e.). *AIYuVE Trudy GIM 70*, 71—141.
- Gushchina I. I., Zasetskaya I. P. 1994. «Zolotoe kladbishche» Rimskoy epokhi v Prikubanye. Sankt-Peterburg: Farn.
- Kadeev V. I., Sorochan S. B. 1989. Khersones i Zakhidniy Pont: problema kontaktiv. *Arkheologia (4)*, 91—102.
- Kovpanenko G. T. 1986. *Sarmatskoe pogrebenie I v. n. e. na Yuzhnom Buge*. Kiev: Naukova dumka.
- Kostromichev D. A., Treyster M. Yu. 2009. Bronzovaya matritsa s relyefnym izobrazheniem Tyukhe iz raskopok tsitadeli Khersonesa. In: Zuev V. Yu. (otv. red.). *Bosporskiy fenomen: Iskustvo na periferii antichnogo mira*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoria, 415—421.
- Krykin S. M. 1993. *Frakiysy v antichnom Severnom Prichernomorye*. Moskva: Prometei.
- Kuvshinova E. N. K voprosu ob izobrazhenii vozlivayushchikh bogov v antichnom iskustve. In: Akimova L. I. (otv. red.). *Zhertvoprinoshenie. Ritual v iskustve i*

- kulture ot drevnosti do nashikh dney. Moskva: Yazyki russkoy kultury, 223—230.
- Lantsov S. B. 2003. *Antichnoe svyatilishche na zapadnom beregu Kryma*. Kiev: Stilos.
- Maksimenko V. E. 1998. Sarmaty na Donu (arkheologia i problemy etnicheskoy istorii). *Donskie drevnosti* 6.
- Medvedev A. P. 2008. *Sarmaty v verkhovyakh Tanaisa*. Moskva: Taus.
- Mordvintseva V. I., Khabarova N. V. 2006. *Drevnee zoloto Povolzhya iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. Simferopol: Tarpan.
- Prokhorova T. A., Guguev V. K. 1992. Bogatoye sarmatskoye pogrebenie v kurgane 10 Kobayakovskogo mogilnika. *SA* (1), 142—161.
- Puzdrovsky A. E. 2007. *Krymskaya Skifia II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebalnye pamyatniki*. Simferopol: Biznes-Inform.
- Puzdrovsky A. E. 2009. Kompleks s bronzovoy i serebryanoy posudoy I v. n. e. iz Ust-Almingskogo nekropolya v Krymu. *Stratum plus* (4), 329—338.
- Puzdrovsky A. E., Solomonenko A. E. 2007. Gruntovy sklep 1—2 vv. n. e. s predmetami iz dereva iz Ust-Almingskogo nekropolya. In: Zaytsev Yu. P., Mordvintseva V. I. (red.). *Drevnyaya Tavrika*. Simferopol: Universum.
- Rostovtsev M. I. 1913. Predstavlenie o monarkhicheskoy vlasti v Skifii i na Bospore. *IAK* 49, 1—62.
- Simonenko A. V., Lobay B. I. 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomorya v I v. n. e. (pogrebeniya znati u s. Porogi)*. Kiev: Naukova dumka.
- Shedevry. 1987. Leskov A. M., Lapushnean V. L. (red.). *Shedevry drevnego iskusstva Kubani. Katalog vystavki*. Moskva: Vneshtorgizdat.
- Skipkin A. S. 1990. *Aziatskaya Sarmatia*. Saratov: izd-vo Saratovskogo un-ta.
- Smirnov K. F. 1973. Kurilnitsy i tualetnye sosudiki aziatskoy Sarmatii. In: Markovin V. I., Munchaev R. M. (red.). *Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti*. Moskva: Nauka, 166—179.
- Symonovich E. A. 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva*. Kiev: Naukova dumka.
- Tolochko I. I. 2000. Dva mramornykh relyefa iz Tanaisa. In: Akimova L. I. (otv. red.). *Zhertvoprinoshenie. Ritual v iskusstve i kulture ot drevnosti do nashikh dney*. Moskva: Yazyki russkoy kultury, 287—293.
- Tolstikov V. P. 1989. Fantalivskiy ukripleniyy rayon v istorii Bosporskogo tsarstva. *Arkheologia* (1), 52—65.
- Treyster M. Yu. 1991. Bronzovaya matritsya z Khersonesa. *Arkheologia* (1), 133—137.
- Treyster M. Yu. 1992. Bronzovaya statuetka Yupitera Kapitalskogo iz Myshako. *VDI* (2), 41—53.
- Trufanov A. A. 2009. Khronologia mogilnikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. — III v. n. e. *Stratum plus* 2005—2009 (4), 111—328.
- Venedikov I., Todorov N. *Pamyatniki bolgarskoy zemli. Pristoria i antichnost*. Sofia: Press.
- Vnukov S. Yu. 2006. *Prichernomorskie amfory I v. do n. e. — II v. n. e. Chast II: Petrografia, khronologia, problemy trgovli*. Sankt-Peterburg: Aletaya.
- Vyazmitina M. I. 1972. *Zolotobalkovskiy mogilnik*. Kiev: Naukova dumka.
- Vysotskaya T. N. 1972. *Pozdnie skify v Yugo-Zapadnom Krymu*. Kiev: Naukova dumka.
- Vysotskaya T. N. 1994. *Ust-Almingskoe gorodishche i nekropol*. Kiev: Kievskaya Akademia Evrobiznesa.
- Zaytsev Yu. P. 2003. *Neapol skifskiy (II v. do n. e. — III v. n. e.)*. Simferopol: Universum.
- Zhuravlev D. V. 1997. Krasnolakovaya keramika gruppy Eastern sigillata B iz mogilnika Belbek IV v Yugo-Zapadnom Krymu. In: Demidenko S. V., Zhuravlev D. V. (otv. red.). *Drevnosti Evrazii*. Moskva: B. i., 227—260.
- Zhuravlev D. V. 2001. O datirovke Eastern sigillata B iz Yugo-Zapadnogo Kryma. *Arkheologia* (3), 99—118.
- Zhuravlev D. V. 2001a. Graffiti na krasnolakovoy keramike iz mogilnika Belbek IV v Yugo-Zapadnom Krymu. *Pozdnie skify Kryma. Trudy GIM* 118, 187—193.
- Zhuravlev D. V., Firsov K. B. 2001. Pozdneskifskiy kurgan Sably v Tsentralnom Krymu. *Pozdnie skify Kryma. Trudy GIM* 118, 223—229.
- Zubar V. M. *Khersones Tavricheskii i Rimskaya imperia*. Kiev: Kievskaya Akademia Evrobiznesa.
- O. V. Gopkalo.
- Towards Periodization of Slobozia-Chișcăreni Necropolis from Bessarabia.**
- Ambroz A. K. 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n. e. — IV v. n. e. *SAI* DI-30.
- Bobrovskaya O. V. 2002. Opyt primeneniya metodiki paleosotsiologicheskikh issledovaniy v chernyakhovskoy drevnosti. In: Krizhitskiy S. D. (vidp. red.). *Suchasni problemi arkheologii*. Kyiv, 43—45.
- Gavritukhin I. O. 1999. Khronologicheskie indykatory finala chernyakhovskoy kultury. I. Tolstostennyye kubki so shlifovannoy i plasticheskoy ornamentatsiyey: konicheskie i s vydelennoy nozhkoy (Eggers 236—238, 195; Straume IV—XI). In: Levada M. E. (red. vyp.). *Sto let chernyakhovskoy kultury*. Kiev, 48—86.
- Gopkalo O. V. 2008. *Busy i podveski chernyakhovskoy kultury*. Kiev.
- Gorokhovskiy E. L. 1988. Khronologia chernyakhovskikh mogilnikov Lesostepnoy Ukrainy. In: Baran V. D. (otv. red.) *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arkheologov slavistov*. 4. Kiev: Naukova dumka, 34—46.
- Gorokhovskiy E. L. 1988a. *Khronologia yuvelirnykh izdeliy pervoy poloviny I tys. n. e. Lesostepnogo Podneprovyia i Yuzhnogo Pobuzhya*. Diss. ... kand. ist. nauk. Kiev.
- Kravchenko N. M. 1987. O metodike sotsiologicheskogo analiza pogrebnogo obryada chernyakhovskoy kultury. In: Gening V. F. (otv. red.). *Issledovaniya sotsialno-istoricheskikh problem v arkheologii*. Kiev: Naukova dumka, 209—227.
- Kropotov V. V. 1998. Svitloglinyany vuzkogorli amfory «inkermanskogo» tipu. *Arkheologia* (4), 128—134.
- Levinskiy A. N. 1999. Lazo — mogilnik finalnoy fazy chernyakhovskoy kultury v Moldove. *Stratum plus* (4), 121—166.
- Symonovich E. A. 1967. Itogi issledovaniy chernyakhovskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomorya. *MIA* (139), 205—237.
- Shelov D. B. 1978. Uzkogorlye svetloglinyanye amfory pervykh vekov n. e. *KSIA* (156), 16—21.
- Shishkin R. G. 1999. Klassifikatsiya i tipologiya trekhslonnykh grebney chernyakhovskoy kultury. In: *Sto rokov vivchennya kultur poliv pokhovanna Ukrainy. Tezy dopovidey seminaru (Kyiv, 14—16 grudnya 1999 r.)*. Kyiv, 43—47.
- Shishkin R. G. 2002. Khronologicheskie priznaki trekhslonnykh grebney chernyakhovskoy kultury. In: Krizhitskiy S. D. (vidp. red.). *Suchasni problemi arkheologii*. Kyiv, 244—246.
- T. A. Rudich.
- Chernyakhov Culture Population on the Territories between the Danube and Dniester Rivers According to the Anthropological Data.**
- Balabanova M. A. 2000. *Antropologia drevnego naseleniya*

- Yuzhnogo Priuralya i Nizhnego Povolzhya. Ranniy zhelezny vek. Moskva: Nauka.
- Balabanova M. A. 2004. O drevnikh makrokefalakh Vostochnoy Evropy. *OPUS* 3, 171—197.
- Filip J. 1956. *Keltskaya tsivilizatsiya i ee nasledie*. Praga.
- Gravere R. U. 1999. Odontologia vostochnoslavjanskikh narodov. In: Alekseeva T. I. (otv. red.). *Vostochnye slavyane. Antropologia i etnicheskaya istoria*. Moskva: Nauchny mir, 80—94.
- Kazakevich G. M. 2007. Kelti za mezhami keltskogo svitu: modeli etnokulturnoi vzaemodii na periferii latenskoi kulturi. *Arkheologia* (4), 92.
- Konduktorova T. S. 1979. Antropologicheskie materialy chernyakhovskoy kultury Ukrainy. In: Kropotkin V. V. (otv. red.). *Mogilniki chernyakhovskoy kultury*, 163—204.
- Konduktorova T. S. 1979a. *Fizicheskii tip lyudey Nizhnego Podneprovyia na rubezhe nashey ery (po materialam mogilnika Nikolaevka-Kozatskoe)*. Moskva: Nauka.
- Krushelnitska L., Bandrivskiy M. 2007. Problema vyyavleniya keltskogo elementu u mistsevykh kulturi Verkhnyogo Pridnistrovyia II-I stolit do n. e. *Zapiski Naukovogo tovaristva im. T. G. Shevchenka* CCLIII, 414—439.
- Magomedov B. V. 2001. *Chernyakhovskaya kultura. Problema etnosa*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej.
- Nazarova T. A. 2005. Naselenie Neapolya Skifskogo po dannym antropologii. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2003—2004 r.*, 409—411.
- Rudich T. O. 2004. Antropologichnyi sklad naselennyya chernyakhivskoi kulturi Zakhidnoi Ukraini. *Arkheologia* (3), 37—48.
- Rudich T. O. 2003. Antropologichnyi sklad naselennyya chernyakhivskoi kulturi Pivnichnogo Prichornomor'ya. *Arkheologia* (4), 19—32.
- Rudich T. A. 2006. Sarmaty v sostave chernyakhovskoy kultury (po materialam antropologii). In: Terpilovskiy R. V. (otv. red.): *Goty i Rim. Biblioteka Vita antiqua*. Kiiv, 73—86.
- Segeda S. P., Dyachenko V. D. 1984. Antropologicheskii material iz chernyakhovskogo mogilnika u s. Kholmokoe. In: Gudkova A. V., Fokeev M. M. *Zemledeltsy i kochevniki v nizovyakh Dunaya I—IV vv. n. e.* Kiev: Naukova dumka, 94—105.
- Strizhak O. 1989. Kelty i Ukraina. *Nauka i kultura Ukraini*, 23, 266—277.
- Velikanova M. S. 1975. *Paleoantropologia Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurechya*. Moskva: Nauka.
- A. K. Nefedkin.
- Armament of the Goths: Written Records versus Archaeological Evidence.**
- Kontamin F. 2001. *Voyna v srednie veka*. Per. s frants. Yu. P. Malinina, A. Yu. Karachinskogo, M. Yu. Nekrasova. Sankt-Peterburg.
- Magomedov B. 2001. *Chernyakhovskaya kultura: problema etnosa*. Lublin. (Monumenta studia Gothica. T. I.).
- Magomedov B. V., Levada M. E. 1996. Oruzhie chernyakhovskoy kultury. *MAIET*. V, 304—323, 558—566.
- Nikonov V. P. 2002. Voennoe delo evropeyskikh gunnov v svete dannykh greko-latinskoy pismennoy traditsii. In: *Zapiski Vostochnogo otdelenia Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva*. Novaya seriya, I (XXVI), 223—323.
- Okshott E. 2004. *Arkheologia oruzhia: Ot bronzovogo veka do epokhi Rennessansa*. Per. s angl. M. K. Yakushinoy. Moskva.
- Radyush O. A., Skvortsov K. N. 2008. Nakhodki detaley shchitov v areale sambiysko-natangiyskoy kultury. In: *Sarmatia-Germania: Drevnosti Tsentralnoy i Vostochnoy Evropy epokhi rimskogo vliyaniya i pereseleniya narodov. Sbornik materialov*. Kaliningrad, 122—157.
- Wolfram H. 2003. *Goty: ot istokov do serediny VI veka (opyt istoricheskoy etnografii)*. Per. s nem. B. P. Milovidova, M. Yu. Nekrasova. Sankt-Peterburg.
- Zasetskaya I. P. 1983. Klassifikatsiya nakonechnikov strel gunnskoy epokhi (konets IV—V vv. n. e.). In: A. S. Skripkin (otv. red.). *Istoria i kultura sarmatov: Mezhdunarodnyy nauchnyy sbornik*. Saratov, 70—84.
- O. V. Sharov.
- Appearance of the Germans in Bosphorus in the Light of Written and Archaeological Records (The Problem of Identification of “German Antiquities” in Bosphorus).**
- Abramova M. P. 1997. *Rannie alany Severnogo Kavkaza III—V vv. n. e.* Moskva: Institut arkheologii RAN.
- Ambroz A. K. 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR. *SAI*. D1—30. Moskva: Nauka.
- Ammian Marcellin. 2000. *Rimskaya istoria*. Kulakovskiy Yu. A., Sonni A. I. (per., komm.). Sankt-Peterburg: Aleteya.
- Arsenyeva T. M., Naumenko S. A. 1992. *Usadby Tanaisa*. Moskva: Institut arkheologii RAN.
- Aybabin A. I. 1984. Problemy khronologii mogilnikov Kryma pozdnerimskogo perioda. *SA* (1), 104—121.
- Aybabin A. I. 1990. Khronologia mogilnikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni. *MAIET* (I), Simferopol: Tavria, 3—86.
- Aybabin A. I. 1999. O date vtorzheniya germantsev v Krym. In: Gladikh M. I. (otv. red.). *Sto let chernyakhovskoy kulture*. Kiev: Tovaristvo arkheologii ta antropologii, 242—251.
- Aybabin A. I. 1999a. *Etnicheskaya istoria rannevizantiyskogo Kryma*. Simferopol: DAR.
- Aybabin A. I. 2003. Krym v seredine III — nachale VI v. (period migratsii). In: Makarova T. I., Pletneva S. A. (otv. red.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichornomor'ye i Zakavkazye v epokhu srednevekovyia: IV—XIII veka*. Moskva: Nauka.
- Aybabin A. I. 2000. Goty na Bospore. Mify i realii. In: Zinko V. N. (otv. red.). *Bospor Kimmeriyskiy na perekrestye grecheskogo i varvarskogo mirov*. Kerch: Blagotvoritelnyy fond «Demetra», 5—6.
- Bazhan I. A., Gertseger D. A. 1993. Bronzovaya pryazhka rimskogo vremeni iz Olvii. *Peterburgskiy arkheologicheskii vestnik* (4). Sankt-Peterburg: Fam, 107—111.
- Bezuglov S. I., Gudimenko I. V. 1993. Podveska s vyemchatoy emalyu iz delty Dona. *RA* (1), 169—174.
- Bezuglov S. I. 1990. Alany-tanaity: ekskurs Ammiana Marcellina i arkheologicheskie realii. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g.*, 9. Azov: Azovskiy istoriko-arkheologicheskii i paleontologicheskii muzey-zapovednik, 80—87.
- Bich O. I. 1959. Pervye raskopki nekropolia Pantikapeya (dnevnik raskopok P. Debruxa v 1816—1817 gg.). *MIA* 69. Moskva: Nauka, 296—321.
- Budanov V. P. 1990. *Goty v epokhu Velikogo pereseleniya narodov*. Moskva: Nauka.
- Gudimenko I. V. 1994. K voprosu o vzaimosvyazi got'skikh pokhodov i poseleniy vtoroy poloviny III—IV vv. v delte Dona. *Vizantia i narody Prichornomor'ya i Sredizemnomor'ya v rannem srednevekovye (IV—IX vv.)*. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Simferopol: Tavria, 15.
- Gudkova A. V., Fokeev M. M. 1984. *Zemledeltsy i kochevniki*

- ki v nizovyakh Dunaya I—IV vv. n. e. Kiev: Naukova dumka.
- Ermolin A. L., Yurochkin V. Yu. 2002. Povtornye issledovaniya sklepa mogilnika Dzurg-Oba na Bospore. In: Yurochkin V. Yu. (otv. red.). *Tserkovnaya arkheologia Yuzhnoy Rusi*. Simferopol: Tavria, 85—96.
- Iordan. 1997. *O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov*. Skrzhin-skaya E. Ch. (Kommentarii, vstupitelnaya statya i perevod). 2-e izd. Sankt-Peterburg: Aleteya.
- Kazansky M. M. 1999. Goty na Bospore Kimmeriyskom. In: Gladkikh V. I. (otv. red.). *Sto let chernyakhovskoy kulture*. Kiev: Tovaristvo arkheologii ta antropologii, 277—297.
- Kazansky M. M. 1997. Ostrogotskie korolevstva v gunnskuyu epokhu: rasskaz Iordana i arkheologicheskie dannye. In: Vakhtina M. Yu., Machinsky D. A. (otv. red.). *Stratum+PAV*. Sankt-Peterburg; Kishinev: nauchno-obrazovatelny tsentr «Rudi-Maetonium», 181—193.
- Kazansky M. M. 2006. Germantsy v Yugo-Zapadnom Krymu v pozdnerimskoe vremya. *Goty i Rim*. Kiev: Stilos, 26—41.
- Kazansky M. M., Mastykova A. V. 2007. Zolotaya grivna iz Fanagorii: o germantsakh na Bospore Kimmeriyskom v pozdnerimskoe vremya. In: Zinko V. N. (otv. red.). *Bosporskie chteniya* (VIII), Kerch: Blagotvoritelny fond «Demetra», 169—177.
- Kastanayan E. G. 1984. *Lepnaya keramika bosporskikh gorodov*. Leningrad: Nauka.
- Khayredinova E. A. 1994. Bospor i morskoe pokhody varvarov vtoroy poloviny III v. n. e. In: Aybabin A. I. (otv. red.). *MAIET* (IV), 517—527.
- Khrapunov I. N. 2002. O pervykh sarmato-germanskikh kontaktakh v Krymu. In: Zinko V. N. (otv. red.). *Bosporskie chteniya* (III). Kerch: Blagotvoritelny fond «Demetra», 246—252.
- Khrapunov I. N. 2003. Novye dannye o sarmato-germanskikh kontaktakh v Krymu (po materialam raskopok mogilnika Neyzats). In: Zinko V. N. (otv. red.). *Bosporskie issledovaniya* (III). Simferopol: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy, 329—350.
- Khrapunov I. N. 2004. Etnicheskaya istoria Kryma v ranem zheleznom veke. In: Zinko V. N. (otv. red.). *Bosporskie issledovaniya* (VI). Simferopol: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy.
- Khrshanovskiy V. A. 2007. Pogrebenie voenachalnika bosporskogo tsarya Mitridata VI Evpatora na nekropole Kiteya. In: Makhlayuk A. V. (otv. red.). *Iz istorii antichnogo obshchestva. Sbornik nauchnykh trudov*. (9—10). K 60 letiyu professora E. A. Moleva. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N. I. Lobachevskogo, 182—192.
- Konstantin Bagryanorodny. 1989. *Ob upravlenii imperiey*. Litavrin G. G., Novoseltsev A. P. (perevod). Moskva: Nauka.
- Lavrov V. V. 2000. Vostochnye germantsy v Priazovye v III—IV vv. n. e. In: Shchukin M. B. (otv. red.). *Stratum plus* (4). Sankt-Peterburg; Kishinev; Odessa; Bucharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, 331—341.
- Lavrov V. V. 1997. *Germanskaya plemena v etnicheskoy istorii Severnogo Prichernomor'ya v III—IV vv. n. e.* Avtoref. ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg, 1—24.
- Latyshev V. V. 1948. Izvestiya drevnykh pisateley o Skifii i Kavkaze. *VDI* (2).
- Magomedov B. V. 2001. Chernyakhovskaya kultura: Problema etnosa. In: Kokowski A. (otv. red.). *Monumenta Studia Gothica*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Sklodowskiej.
- Magomedov B. V. 2001a. Chernyakhovskaya kultura i Bospor. In: Zinko V. N. (otv. red.). *Bosporskie issledovaniya* (I). Simferopol: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy, 246—249.
- Malashev V. Yu., Oblomskiy A. M. 2002. Poyasnaya tsen-tralno-evropeyskaya garnitura rimskogo vremeni na territorii Dneprovskogo Levoberezh'ya. *RA* (4), 113—124.
- Maslennikov A. A. 1997. *Semeynye sklepy selskogo naseleniya pozdneantichnogo Bospora*. Moskva: IA RAN.
- Mastykova A. V. 1999. O rasprostraneni yantamykh gribovidnykh bus-podvesok pozdnerimskogo vremeni na yuge Vostochnoy Evropy i v Zakavkaz'ye. In: Gladkikh V. I. (otv. red.). *Sto let chernyakhovskoy kulture*. Kiev: Tovaristvo arkheologii ta antropologii, 171—202.
- Matsulevich L. A. 1941. Kto byl Kallisfen, nazvanny v nadpisi, otkrytoy v Kerchi v 1894 g. *SA* (VII), 26—41.
- Myts V. L., Lysenko A. V., Yurochkin V. Yu. 2001. Nekropol Pantikapeya-Bospora: problemy i perspektivy issledovaniya. In: Zuev V. Yu. (otv. red.). *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovaniye polisov, obrazovaniye gosudarstva*. Ch. 1. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 174—180.
- Myts V. L., Lysenko A. V., Shchukin M. B., Sharov O. V. 2006. *Chatyr-Dag — nekropol rimskoy epokhi v Krymu*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoria.
- Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V. 2007. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami na territorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (dopolnenie svodov G. F. Korzukhinoy, I. K. Frolova i E. L. Gorokhovskogo). In: Oblomskiy A. M. (otv. red.). *Pamyatniki kievskoy kultury v lesostepnoy zone Rossii (III — nachalo V v. n. e.)*. Ranneslavianskiy mir (10). Moskva: Institut arkheologii RAN, 113—142.
- Olkhovskiy V. S. 1981. Naselenie Kryma po dannym antichnykh avtorov. *SA* (3), 52—65.
- Oroziy Pavel. 1949. Istoria protiv yazychnikov. *VDI* (4), 263—274.
- Pioro I. S. 1990. *Krymskaya Gotia: Ocherki etnicheskoy istorii naseleniya Kryma v pozdnerimskiy period i rannee srednevekovye*. Kiev: Lybid.
- Pioro I. S. 1999. Chernyakhovskaya kultura i Krym. In: Gladkikh V. I. (otv. red.). *Sto let chernyakhovskoy kulture*. Kiev: Tovaristvo arkheologii ta antropologii, 231—235.
- Ptolemey. 1948. Geograficheskoe rukovodstvo. Latyshev V. V. (perevod). *VDI* (2), 231—257.
- Puzdrovskiy A. E. 1999. Etnicheskaya istoria Krymskoy Skifii (II v. do n. e. — III v. n. e.). Zolotarev M. I. (otv. red.). *Khersonesskiy sbornik* (X). Sevastopol: Krymskiy filial IA NAN Ukrainy; Natsionalnyy zapovednik «Hersones Tavricheskiy», 208—225.
- Remennikov A. M. 1954. *Borba plemen Severnogo Prichernomor'ya s Rimom v III v. n. e.* Moskva: Izd-vo AN SSSR.
- Rostovtsev M. I. 1913—1914. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis na yuge Rossii*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii.
- Sharov O. V. 1992. Khronologia mogilnikov Ruzhichanka, Kosanovo, Dancheny i problemy datirovki chernyakhovskoy keramiki. In: Shchukin M. B., Gey O. A. (otv. red.). *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni*. Sankt-Peterburg: Nauchno-arkheologicheskoe ob'yedinenie «Oyum», 158—207.
- Sharov O. V. 1991. Burgundy v Podunav'ye i v Severnom Prichernomor'ye. In: *Drevneyshie obshchnosti zem-*

- ledeltsev i skotovodov Severnogo Prichernomorya. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii Kishinev. 10—14 dekabrya 1990 g. Kiev: Institut arkeologii AN Ukrainy, 141—144.
- Sharov O. V. 1995. *Kulturno-istoricheskie svyazi Vostochnoy Evropy i Severnogo Prichernomorya v seredine III — pervoy polovine IV v. n. e. (drevnosti gorizonta Leyna-Hassleben i chernyakhovskaya kultura)*. Diss. ... kand. istor. nauk. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet.
- Sharov O. V. 1997. Gibel Ermanarikha: istoria i epos. In: Tkachuk M. E. (otv. red.). *Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoy indoevropeyskoy istorii*. Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola, 95—106.
- Shchukin M. B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobyitiy III v. do n. e. — I v. n. e. v Vostochnoy i Tsentralnoy Evrope*. Sankt-Peterburg: Fam.
- Shchukin M. B. 2005. *Gotskiy put (goty, Rim i chernyakhovskaya kultura)*. Sankt-Peterburg: Izd-vo filologicheskogo f-ta SPbGU.
- Sidorenko V. A. 1994. *Federaty Vizantii v yugo-zapadnom Krymu (posl. chetv. III — nach. VIII vv.)*. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg, 1—16.
- Simonenko A. V. 2001. Evropeyskie alany i alany-tanaity v Severnom Prichernomor'ye. *RA* (4), 77—91.
- Simonenko A. V. 1999. *Sarmaty Severnogo Prichernomorya. Khronologiya, periodizatsiya i etnopoliticheskaya istoriya*. Diss. ... dokt. ist. nauk. Kiev: Institut arkeologii NAN Ukrainy.
- Stefan Vizantiyskiy. 1948. Opisanie plemen. Latyshev V. V. (perevod). *VDI* (3), 312—330;
- Strabon. 1964. *Geografiya*. Stratanovskiy G. A. (perevod). Moskva: Nauka.
- Subbotin L. V., Dzigovskiy A. N. 1990. *Sarmatskie drevnosti Dnestro-Dunayskogo mezhdurechya*. III. Kiev: AN USSR, Institut arkeologii.
- Tacitus Cornelius. 1969. O proiskhozhdenii germantsev i mestopolozhenii Germanii. In: Bobovich A. S. (perevod). *Annaly. Malye proizvedeniya*. T. 1. Leningrad: Nauka.
- Tolochko I. V. 2003. *Nekropol Tanaisa (nachalo III v. do n. e. — V v. n. e.)*. Opyt sravnitel'nogo izucheniya. Diss. ... kand. istor. nauk. Moskva: Institut arkeologii RAN, 1—497.
- Trufanov A. A., Yurochkin V. Yu. 1999. Bosporo-khersonesskie otnosheniya i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifi v III—IV vv. n. e. In: Vakhtina M. Yu., Zuev V. Yu., Rogov E. Ya., Khrshanovskiy V. A. (otv. red.). *Bosporskiy fenomen. Grecheskaya kultura na periferii antichnogo mira*. Sankt-Peterburg: Tsentr issledovaniya i razvitiya grecheskoy kultury Prichernomorya (Saloniki, Gretsia), 241—251.
- Vasilyev A. A. 1921. Goty v Krymu. *Izvestiya RAIMK* (1). Ch. 1. Petrograd: RAIMK, 265—344.
- Vasilyev A. A. 2005. Germanskie voinskie pryazhki i nakhodki remney na Bospore. *Bosporskie issledovaniya* (IX). Simferopol; Kerch: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy, 279—288.
- Vasilyev A. A. 2005a. O vremeni poyavleniya germanskikh družhin na Bospore. In: Zuev V. Yu. (otv. red.). *Bosporskiy fenomen*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 343—349.
- Vasilyev A. A. 2006. O nekotorykh osobennostyakh khronologii predmetov vooruzheniya germantsev v Severnom Prichernomor'ye (etapy V2 i S1). In: Zinko V. N. (otv. red.). *Bosporskie chteniya* (VI). Kerch: Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy, 37—41.
- Yurochkin V. Yu. 1999. Bospor i pravoslavnoe nachalo u gotov. In: Vakhtina M. Yu., Zuev V. Yu., Rogov E. Ya., Khrshanovskiy V. A. (otv. red.). *Bosporskiy fenomen. Grecheskaya kultura na periferii antichnogo mira*. Sankt-Peterburg: Tsentr issledovaniya i razvitiya grecheskoy kultury Prichernomorya (Saloniki, Gretsia), 326—331.
- Yurochkin V. Yu. 1999 a. Etnopoliticheskaya situatsiya v pozdneantichnoy Tavrike v sochinenii Konstantina Bagryanorodnogo i arkeologicheskie realii. In: *Problemy skifo-sarmatskoy arkeologii Severnogo Prichernomorya*. Zaporozhye, 279—282.
- Yurochkin V. Yu. 2001. Ob odnom redkom ornamentalnom motive iz Tavriki. In: Zinko V. N. (otv. red.). *175 let Kerchenskomu muzeyu drevnostey. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Kerch: Blagotvoritelnyy fond «Demetra», 108—111.
- Yatsenko S. A. 1997. Germantsy i alany: o razrusheniyakh v Priazov'ye v 236—276 gg. n. e. In: Vakhtina M. Yu., Machinsky D. A. (otv. red.). *Stratum+PAV*. Sankt-Peterburg; Kishinev: Nauchno-obrazovatelnyy tsentr «Rudi-Maetonium», 154—163.
- Zosim. 1948. Novaya istoriya. Perevod V. V. Latysheva. *VDI* (4), 274—288.
- Zubar V. M. 1994. *Hersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya*. Kiev: Naukova dumka.
- Zubar V. M. 1998. *Severnyy Pont i Rimskaya imperiya (seredina I v. do n. e. — pervaya polovina VI v.)*. Kiev: Naukova dumka.
- V. I. Kulakov.
- Prussian Finds in the British Museum.**
- Gurevich F. D. 1960. Iz istorii yugo-vostochnoy Pribaltiki v I tysyacheletii n. e. *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR*, 76, Moskva; Leningrad: Nauka.
- Kulakov V. I. 1990. Mogilniki zapadnoy chasti Mazurskogo Poozerya kontsa V — nachala VIII vv. Po materialam raskopok 1878—1938 gg. In: *Barbaricum-1989*. Warszawa: ZD Małej Poligrafii UW, 148—273.
- Kulakov V. I. 2003. *Istoria Prussii do 1283 g.* Moskva: Indrik.
- Kulakov V. I. 2004. *Dollkaym-Kovrovo. Issledovaniya 1879 g.* Minsk: GNU Institut istorii NAN Belarusi.
- Kulakov V. I. 2005a. Fibuly Baltii s koltsevoy garnituroy iz arkhiva kopiy Tsentralnogo Rimsko-Germanskogo muzeya (Meinz). *Rossiyskaya arkeologiya* (3), 123—127. Moskva: Nauka, Mezhdunarodnaya akademicheskaya izdatelskaya kompaniya «Nauka/Interperiodika».
- Kulakov V. I. 2005b. Arkheologicheskie kriterii sotsialnoy istorii Yantarnogo berega v I—VI vv. n. e. In: *Stratum plus* (4), Sankt-Peterburg; Kishinev; Odessa; Bucharest: 2003—2004, 278—382.
- Kulakov V. I. 2009. Nakhodki iz areala kurshey i skalvov v opisi kopiy Tsentralnogo Rimsko-Germanskogo muzeya (g. Meinz). *Archaeologia Lituanica*, 10. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 65—83.
- Zharov G. V., Terpilovskiy R. V. 2004. *Skarb sribnikh prikras VIII stolittya z Andriyashivki na Suli*. Kyiv: Korvin Press.
- Zhulkus V. 2004. Izmeneniya v mirovozzrenii kurshey v ran-nem srednevekov'ye. In: Makarov N. A., Chernetsov A. V., Lopatin N. V. (red.). *Vostochnaya Evropa v srednevekov'ye. K 80 letiyu Valentina Vasilyevicha Sedova*. Moskva: Nauka.

Требования к материалам,
предоставляемым в редакцию журнала «Stratum plus»

Stratum plus — международный научный журнал, посвященный актуальным проблемам археологии и культурной антропологии. Публикуемые материалы — результаты аналитических исследований, интерпретации, качественная публикация новых источников. Помимо материалов по археологии и культурной антропологии принимаются к публикации материалы по древней и средневековой истории, этнологии, нумизматике, эпиграфике и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

Журнал выходит на русском языке. Все публикации рецензируются и содержат резюме на английском и русском языках, а также на государственном языке Республики Молдова.

Адрес: MD-2024, Республика Молдова,
Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Университет Высшая Антропологическая Школа
Журнал *Stratum plus*
Тел./факс: (+373 22) 92 66 63
E-mail для авторов: stratumplus@gmail.com
Web: www.ant.md/stratum **E-shop:** www.e-anthropology.com

Stratum plus выходит шесть раз в год по единому издательскому плану:

№	Тематика номера	Материалы принимаются не позднее:	Время выхода номера
1-й номер	Палеолит. Мезолит	1 ноября	январь—февраль
2-й номер	Неолит. Энеолит. Бронзовый век	1 декабря	марта — прель
3-й номер	Ранний железный век. Античная эпоха	1 января	май—июнь
4-й номер	Римское время. Эпоха великого переселения народов	1 февраля	июль—август
5-й номер	Средние века	1 марта	сентябрь—октябрь
6-й номер	Нумизматика и эпиграфика	1 апреля	ноябрь—декабрь

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассчитывать на выход в соответствующем тематическом номере следующего годового цикла.

Требования к авторам

При подготовке работ к публикации в журнале Stratum plus следует строго выполнять следующие редакционные требования:

Оригинальность

К публикации допускаются оригинальные, не публиковавшиеся ранее материалы. Автор материала обязан проинформировать редактора номера, если он посылает статью одновременно в несколько изданий или в печати находится измененная версия той же статьи, а также о том, в каких печатных изданиях ранее публиковались данные материалы.

Материалы на других языках принимаются для перевода и публикации в журнале на русском языке по согласованию с редактором номера.

Научная этика

- Stratum plus не печатает статьи о материалах, которые могут считаться похищенными.
- Редакция журнала следует закону об авторском праве Республики Молдова и соответствующим международным соглашениям.
- Автор вправе свободно распоряжаться опубликованным материалом и переиздавать его в любых других изданиях. Однако он должен делать это, не нарушая исключительных прав журнала Stratum plus, указывая место первой публикации материала.
- Stratum plus может предоставить право третьей стороне на переиздание, в случае, если получено разрешение от автора соответствующего материала. Если же автор отказывает третьей стороне, то редакция Stratum plus действует в соответствии с решением автора.
- Призываем всех авторов соблюдать научную корректность в работах, содержащих критику в адрес коллег. В противном случае редакция оставляет за собой право отклонить материал или исправить его стиль.

- Все материалы рассматриваются редколлегией журнала *Stratum plus* и отсылаются при необходимости минимум двум анонимным рецензентам. При этом основное внимание обращается на научную ценность статьи, ясность изложения и требования научной этики.

Структура подачи материалов:

Материалы предоставляются в завершённом виде, соблюдая следующие требования:

- Сопроводительное письмо в электронном виде, включающее полную контактную информацию об авторе (Ф. И. О., страна, город, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, почтовый и электронный адрес, контактные телефоны);
- Подтверждение. Автор присылает в бумажном или отсканированном виде подтверждение (в свободной форме) об оригинальности статьи/монографии с личной подписью;
- Название статьи/монографии;
- Ключевые слова или выражения (от 5 до 10 слов) на русском и английском языках;
- Резюме на русском и английском языках;
- Текст в электронном виде (в печатном виде текст высылается на адрес редакции — по желанию автора или по требованию редакции);
- Список использованной литературы (требования к оформлению см. ниже);
- Список подписей к иллюстрациям (на русском и **английском**¹ языках);
- Список используемых сокращений;
- Таблицы/диаграммы и исходные материалы (файлы), использованные для их построения;
- Если публикация требует специфического шрифта (для редких языков), необходимо приложить шрифт в виде файла (*.ttf или другой формат подобных файлов).

Технические требования

Текст

Материалы принимаются в форматах *.doc и *.rtf.

Объем

Монографии

Объем монографии, представляемой в журнал, вместе с иллюстрациями, заголовками к ним и списком литературы, не должен превышать половину объёма номера журнала, то есть 150 страниц. Для справки: в стандартную страницу нашего журнала умещается около 5000 знаков кириллицы (с пробелами, без заголовков и иллюстраций).

Статьи

Объем статьи/рецензии, представляемой в журнал, согласовывается с редактором номера.

Резюме

Объем резюме, представляемого в журнал, ограничивается 500 символов для статьи и до 2000 для монографии (с пробелами).

Иллюстрации

- Иллюстрации принимаются в растровом формате (оттенки серого) *.tif и *.jpg (без сжатия) с разрешением не менее 300 dpi (на реальный размер изображения) и в векторном формате (*.ai, *.eps, в исключительных случаях — *.cdr), а также на бумаге в контрастном чёрно-белом варианте. Фотографии контрастные.
- Необходимо приложить список иллюстраций в отдельном текстовом файле.
- Диаграммы должны быть оформлены в программах типа MS Excel. При этом обязательно вместе с диаграммами MS Excel предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.
- Если рисунок содержит номера или текст, они должны быть впечатаны в электронном виде, а не вписаны от руки.
- Список подписей к иллюстрациям даётся в конце текста статьи или монографии.

¹ список подписей на английском языке предоставляется для публикаций в номерах начиная с 2011 года.

Библиография и система ссылок

Настоятельно рекомендуем авторам, присылающим для публикации в журнал *Stratum plus* свои статьи и монографии, использовать нижеприведенные системы составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии.

В случае невыполнения данной рекомендации присланные материалы будут отсылаться обратно для доработки.

Оформление ссылок в тексте статьи:

(Govedarica 2004: 55 ff.).
(Вишняцкий 2005: 213, рис. 3)
(Тельнов и др. 2002: 28—29, рис. 6: 10, 12—19; 7: 5, 7, 16—22; 8: 2—5)
(НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16)
(Herod. Hist. IV, 2)
(Быт. 2: 15)
(16 Пчелы, 142(141))

Оформление списка литературы:

Ссылка на книгу/монографию¹:

Govedarica B. 2004. *Zeptertäger—Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbalkanischen Gebiet und im Steppenraum Sudost- und Osteuropas*. Mainz: Zabern.

Вишняцкий Л. Б. 2005. *Введение в преисторию: Проблемы антропогенеза и становление культуры*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

Тельнов и др. 2002: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович А. 2002. ...*Разошлись славяне по земле*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

В том случае, если монография опубликована в одном из номеров продолжающегося издания, ее название приводится курсивом. Затем следует название и номер выпуска, набранные обычным шрифтом. Если название издания дается в сокращенном виде, тогда место издания не указывается, поскольку оно приводится в списке сокращений. Например:

Пассек Т. С. 1949. Периодизация трипольских поселений. *МИА* 10.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.

Ссылки на другие типы работ²:

Ссылка на сборник статей и материалы конференций:

Братченко С. Н., Константиnescу Л. Ф. 1987. Александровский энеолитический могильник. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 17—31.

Angelova I. 1991. Chalcolithic Necropolis near the Town Tărgoviște. In: Lichardus J. (Hrsg.). *Kupferzeit als historische Epoche*. Bonn: Habelt, 101—105.

Auxiette G. 1995. La parure en schiste. In: Ilett M., Plateaux M. (dir.). *Le site néolithique de Berry-au-Bac „Le Chemin de la Pêche” (Aisne)*. Paris: CNRS éditions, 181—183.

Рындина и др. 1993: Рындина Н. В., Иденбаум Г. В., Колосова В. С. 1993. Сульфидные медные плавки в металлургии позднего энеолита Северо-Восточных Балкан. В: Georgieva P. (ed.). *The Fourth Millenium B.C. Proceedings of the International Symposium*, 28—30. August 1992, Nessebur, Bulgaria. Sofia: New Bulgarian University, 137—145.

Ссылка на раздел (главу) в томе многотомного издания:

Телегин Д. Я. 1985. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 305—320.

Ссылка на статью в продолжающемся издании:

Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф. 1969. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии. *КСИА* 115, 45—49.

Кореневский С. Н. 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой). *МИИХН СК* 1, 96—147.

¹ Указание издательства обязательно.

² Указание издательства и страниц обязательно; для сборников статей необходимо указать редактора.

Amiot C. 1985. Un fragment de bracelet en schiste trouvé à Crenay (Haute-Marne). *Préhist. Protohist. Champ. Ard.* 9, 19—21.

Kaufmann D., Günther H. 1984. Ein Siedlung mit Gesichtsdarstellung der späten Stichbandkeramik von Heldringen, Kr. Artern. *AuF* 29: 4, 153—160.

Ссылка на статью в периодическом издании:

Рунич А. П. 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. *СА* (1), 228—233.

Рассамакін Ю. Я., Будников О. Б. 1993. Проблеми раннього степового енеоліту у світлі вивчення нових пам'яток. *Археологія* (3), 128—142.

Ссылка на диссертацию

Свинцов В. И. 1997. *Логические основы редактирования текста*. Дисс... д-ра филол. наук. Москва.

Ссылка на автореферат

Пшеничная Т. А. 1984. *Русская техническая книга, 1725—1880 гг.* Автореф. дисс... канд. ист. наук. Москва.

Ссылка на интернет-ресурс

Бузина О. 2006. Миф о трипольском горшке. *Отрывки из «Тайной истории Украины»*: tabloid.1bs.ru/node/559.

Ссылка на архивные материалы

НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16.

Дитлер П. А. 1962. *Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института, проведенной в 1962 году в Лабинском районе, бывшем Ярославском, Краснодарского края в пос. Колосовка на р. Фарс под руководством П. А. Дитлера*. Архив ИАРАН, № 2662.

Порядок работы с принимаемыми материалами

1. Авторы получают подтверждение о получении материала в редакцию (обычно по электронной почте).
2. Редактор принимает решение о соблюдении технических норм материала, его тематическом соответствии и необходимости его отсылки рецензентам (не менее чем двум).
3. В случае необходимости материал отсылают рецензентам, от которых поступает рецензия в срок не более месяца. В порядке исключения этот процесс может занять больше времени, так как может быть затруднен поиск соответствующего рецензента.
4. Редактор после получения рецензий принимает окончательное решение о публикации материала.
5. В течение месяца редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.
6. После того как материал принят в печать, внесение дополнений или изменений не допускается. Если автор желает внести изменения, материал может быть отложен до начала работы над следующим номером журнала.
7. Автор опубликованного материала получает авторский экземпляр журнала. Кроме того, предоставляется скидка в 30% от розничной стоимости журнала, в котором публиковался автор, и 10% от розничной цены любого другого номера журнала, выпущенного в текущем году.

Requirements to contributions to *Stratum plus*

Stratum plus is an international journal of archaeology and cultural anthropology. It aims to present results of analytical research, interpretations and new sources. Besides contributions on archaeology and cultural anthropology we also accept studies in early and medieval history, ethnology, numismatics, epigraphics and other historic disciplines.

The journal is published in the Russian language. All contributions are reviewed and supplied with abstracts in English, Russian and Moldova state language.

Address: MD-2024, Republic of Moldova,

Kishinev, Str. Zimbrului 10a.

High Anthropological School University

Stratum plus Journal

Tel./fax: (+373 22) 92 66 63

E-mail for contributions: stratumplus@gmail.com

Web: www.ant.md/stratum **E-shop:** www.e-anthropology.com

Stratum plus comes out six times following the schedule:

	Subject	Paper submission deadlines	The issues comes out in
№ 1	Palaeolithic. Mesolithic	1 November	January—February
№ 2	Neolithic. Bronze Age	1 December	March—April
№ 3	Iron Age. Ancient Time	1 January	May—June
№ 4	Roman Time. The Migration Period	1 February	July—August
№ 5	Middle Ages	1 March	September—October
№ 6	Numismatics. Epigraphics	1 April	November—December

Any contribution received after the deadline can be published in the respective thematic volume in the following year.

Notes for Contributors

While preparing your contributions to *Stratum plus*, please following these publication rules:

Originality

We accept only original material that has not been published elsewhere. The contributor shall inform the editor if the same paper is submitted simultaneously elsewhere, or if a different version of the same paper is in press. As well, the contributor shall inform the editor where this material has been already published.

Contributions in other languages to be translated and published in the journal in the Russian language shall be negotiated with the editor of the respective volume.

Scholarly ethics

- *Stratum plus* does not publish articles about material which may be considered as looted.
- *Stratum plus* follows the Republic of Moldova law on copyright and the respective international conventions.
- Contributors shall be entitled to freely possess their published materials and republish it elsewhere. However, they shall not violate *Stratum plus* exclusive rights, and therefore shall be required to indicate the first publication of their materials.

- *Stratum plus* may offer the right to republication to a third party upon consent of the respective contributor. Should the contributor refuse, *Stratum plus* shall abide by the contributor's decision.

- We urge all contributors to observe scholarly ethics in papers that contain critics to their colleagues. Otherwise, the editors shall reserve the right to reject the material or correct its style.

- All contributions are examined by the *Stratum plus* editors and, if necessary, sent to at least two anonymous reviewers. The editors mainly focus on scholarly values of material, clarity of narration and ethic requirements.

Structure of contributions:

Materials shall be submitted in complete form, following these requirements:

- Cover letter in electronic form, including contributor's full contact details (name and surname, country, city, scholarly degree and title, place of work and position, mail and email addresses, contact telephone)

• Confirmation. Contributors shall send a signed statement (paper copy or a scanned document), in a deliberate form, confirming originality of the submitted article/monograph.

- Title of the article / monograph
- Key words (5 to 10 words) in Russian and English
- An abstract in Russian and English
- Text in electronic form (printed copy shall be sent subject to the contributor's own desire or editors' demand)
- List of references (see requirements below)
- List of subtitles to figures
- List of abbreviations
- Tables/graphs and original material (files), on which these are built
- If your material requires a specific font (for rare languages), the respective font file shall be submitted as well.

Technical requirements

Text

Contributions shall be accepted in *.doc and *.rtf formats.

Length

Monographs

A monograph submitted to the journal along with all its figures, subtitles to them and list of references shall not exceed one half of the volume's length, i.e. 150 pages. For your information: a standard page in our journal includes about 5,000 cyrillic characters (with spaces, without headlines and figures).

Articles

Length of an article/review shall be negotiated with the volume's editor.

Abstract

Length of an abstract shall be limited to 500 characters for an article and up to 2,000 characters for a monograph (with spaces).

Illustrations

• Illustrations shall be submitted in bit map (gray scale) *.tif and *.jpg (uncompressed) with resolution of no less than 300 dpi (to the real image size) and in vector format (*.ai, *.eps, in exceptional cases in *.cdr), as well as on paper in contrast black and white version. Photographs shall be high contrast.

- List of figures shall be submitted in a separate text file.
- Graphs shall be made in programs like MS Excel. Besides, please, attach the original tables to the MS Excel graphs.
- If an illustration contains numbers or a text, they must be inserted electronically (no manual work).
- List of titles to figures shall be given after the text of the article or monograph.

Bibliography and references

We insistently recommend the contributors of articles and monographs to use the following system of references in the text and list of references.

Contributions failing to follow this recommendation shall be sent back for improvements.

References in the text:

(Govedarica 2004: 55 ff.).
 (Вишняцкий 2005: 213, рис. 3)
 (Тельнов и др. 2002: 28—29, рис. 6: 10, 12—19; 7: 5, 7, 16—22; 8: 2—5)
 (НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16)
 (Herod. Hist. IV, 2)
 (Genes.2: 15)
 (16 Bees, 142(141))

List of references:**Reference to a book /monograph¹:**

Govedarica B. 2004. *Zeptertäger—Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbalkanischen Gebiet und im Steppenraum Sudost- und Osteuropas*. Mainz: Zabern.

Вишняцкий Л. Б. 2005. *Введение в преисторию: Проблемы антропогенеза и становление культуры*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

Тельнов и др. 2002: Тельнов Н., Степанов В., Руссеев Н., Рабинович А. 2002. ...*Разошлись славяне по земле*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

If a monograph is published in one of the volumes of a continued publication, its title shall be indicated in italic, followed by the title and the number of the volume, in plain font. If the title is given in abridged form, place of publication shall not be indicated, because it is mentioned in the list of abbreviations. For example:

Пассек Т.С. 1949. Периодизация трипольских поселений. *МИА* 10.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград.

Other references²:**Reference to a collective volume and conference proceedings:**

Братченко С. Н., Константинову Л. Ф. 1987. Александровский энеолитический могильник. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 17—31.

Angelova I. 1991. Chalcolithic Necropolis near the Town Târgoviște. In: Lichardus J. (Hrsg.). *Kupferzeit als historische Epoche*. Bonn: Habelt, 101—105.

Auxiette G. 1995. La parure en schiste. In: Ilett M., Plateaux M. (dir.). *Le site néolithique de Berry-au-Bac „Le Chemin de la Pêcheur” (Aisne)*. Paris: CNRS éditions, 181—183.

Рындина и др. 1993: Рындина Н. В., Иденбаум Г. В., Колосова В. С. 1993. Сульфидные медные плавки в металлургии позднего энеолита Северо-Восточных Балкан. В: Georgieva P. (ed.). *The Fourth Millenium B.C. Proceedings of the International Symposium*, 28—30. August 1992, Nessebur, Bulgaria. Sofia: New Bulgarian University, 137—145.

Reference to a section (chapter) in a book published in many volumes:

Телегин Д. Я. 1985. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 305—320.

Reference to an article in a serial publication:

Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф. 1969. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии. *КСИА* 115, 45—49.

Кореньевский С. Н. 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой). *МИИХН СК* 1, 96—147.

Amiot C. 1985. Un fragment de bracelet en schiste trouvé à Crenay (Haute-Marne). *Préhist. Protohist. Champ. Ard.* 9, 19—21.

Kaufmann D., Günther H. 1984. Ein Siedlung mit Gesichtsdarstellung der späten Stichbandkeramik von Heldringen, Kr. Artern. *AuF* 29: 4, 153—160.

Reference to an article in a periodical:

Рунич А.П. 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. *СА* (1), 228—233.

Рассамакин Ю.Я., Будников О.Б. 1993. Проблеми раннього степового енеоліту у світлі вивчення нових пам'яток. *Археологія* (3), 128-142.

Reference to a dissertation

Свинцов В. И. 1997. *Логические основы редактирования текста*. Дисс...д-ра филол. наук. Москва.

Reference to a dissertation abstract

Пшеничная Т. А. 1984. *Русская техническая книга, 1725-1880 гг.* Автореф. дисс...канд. ист. наук. Москва.

Reference to a web resource

Бузина О. 2006. Миф о трипольском горшке. *Отрывки из «Тайной истории Украины»*: tabloid.1bs.ru/node/559.

Reference to an archive

НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л.15-16.

¹ It is mandatory to indicate the publisher.

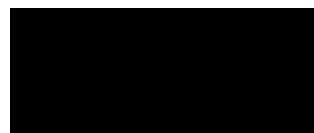
² It is required to indicate the publisher and the number of pages; it is mandatory to indicate the editor in case of collective volumes.

Дитлер П.А. 1962. *Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института, проведенной в 1962 году в Лабинском районе, бывшем Ярославском, Краснодарского Края в пос. Колосовка на р. Фарс под руководством П.А. Дитлера*. Архив ИАРАН, № 2662.

Procedure for acceptance

1. Receipt of a contribution shall be confirmed to contributors (usually by email)
2. The editor shall decide whether or not the contribution corresponds to all technical and thematic requirements and whether to send it to reviewers (not less than two).
3. If necessary, the contribution shall be sent to reviewers, who are expected to give their feedback within a month. In exceptional cases, this procedure may take more than one month, if the appropriate reviewer is hard to find.
4. Once the reviews have been received, the editor shall make final decision on publication of the contribution.
5. Within a month, the editors shall inform the contributor on whether his/her contribution is accepted or not (with due explanations in the latter case, based on reviewers' opinion), or whether it requires some improvements.
6. Once the contribution has been accepted for publication, no further additions or changes are admitted. If the contributor wishes to make any further changes, the contribution may be postponed until the next volume of the journal is in process.
7. The contributors whose papers have been published shall be entitled to a free copy of this volume of the journal. Besides, they shall benefit of a 30% discount of retail price of the same volume and a 10% discount of retail price of any other volume published in the same year.

Издательский дом
«Stratum plus»
Stratum Publishing House

Subscription

Since early 2010 we will offer an opportunity to purchase High Anthropological School University books and periodicals in our e-shop *Stratum Publishing House*.

We can offer you different types of subscription to the international periodical journal *Stratum plus*:

Large: printed and online version of the journal and access to the electronic archive of previous issues back to 1999

Combined: printed and current online versions of the journal

Standard: printed version of the journal

Online: online current version of the journal

The annual subscription package includes six volumes. Each new volume shall be sent to the subscriber according to the publishing schedule.

Annual Subscription Rates

Цены на подписку

	Institutional Учреждениям	Individual Частным лицам	Student's Студентам
Large Расширенная	502€ or 748\$	235€ or 350\$	235€ or 350\$
Combined Комбинированная	269€ or 401\$	128€ or 191\$	106€ or 158\$
Standard Стандартная	240€ or 358\$	114€ or 170\$	97€ or 144\$
Online Онлайн	228€ or 340\$	109€ or 162\$	92€ or 137\$

Подписка

Предлагаем Вам различные варианты подписки на международный периодический журнал «Stratum plus»:

Расширенная. Формат данной подписки дает возможность получать печатную версию журнала, доступ к его электронной версии, а так же неограниченный доступ к электронному архиву журнала «Stratum plus», начиная с 1999 года.

Комбинированная. Формат данной подписки дает возможность получать печатную версию журнала, а так же доступ к электронной версии и его соответствующим приложениям.

Стандартная. В рамках данной категории подписчики получают исключительно печатную версию журнала.

Электронная. В рамках данной категории подписчики получают доступ исключительно к электронной версии журнала и его соответствующим приложениям.

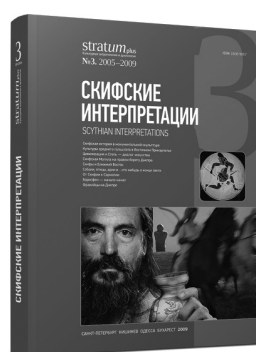
Годовой комплект подписки состоит из шести номеров. Каждый новый номер подписчик получает согласно издательскому графику журнала «Stratum plus»

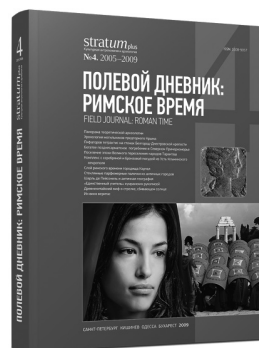
Stratum plus. Nr. 1. **Средний палеолит: в поисках динамики** (Middle Palaeolithic: In Search for Dynamics)

Stratum plus. Nr. 2. **Воины медного века** (Copper Age Warriors)

Stratum plus. Nr. 3. **Скифские интерпретации** (Scythian Interpretations)

Stratum plus. Nr. 4. **Полевой дневник: Римское время** (Field Journal: Roman Time)

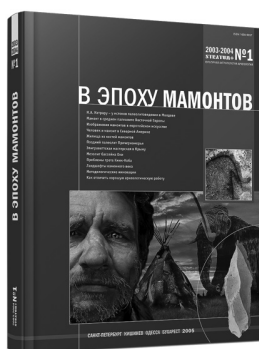
Stratum plus. Nr. 5. **Русское время** (Russian Time)

Stratum plus. Nr. 6. **Причерноморские этюды** (Black Sea Studies)

2005–2009

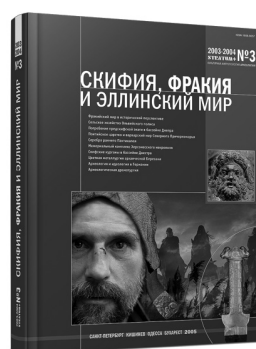
Set	One
Student	114€ 19€
Individual	120€ 20€
Institutional	280€ 47€

Stratum plus. Nr. 1. **В эпоху мамонтов** (The Age of Mammoths)

Stratum plus. Nr. 2. **Дискурс цивилизаций** (Discourse of Civilizations)

Stratum plus. Nr. 3. **Скифия, Фракия и эллинский мир** (Scythia, Thrace and Hellenic World)

Stratum plus. Nr. 4. **Между певкинами и феннами** (Inter Peucinos Fennosque)

Stratum plus. Nr. 5. **Мастера средневековья** (Medieval Masters)

Stratum plus. Nr. 6. **Печати времени** (Marks of Time)

2003–2004

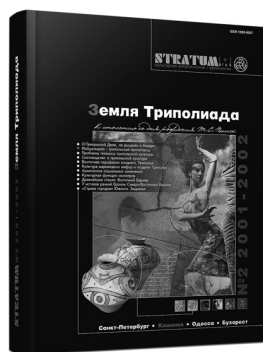
Set	One
Student	103€ 17€
Individual	108€ 18€
Institutional	210€ 36€

2001-2002

Set	97€	102€	199€
One	16€	17€	34€
Student	16€	17€	34€
Individual	16€	17€	34€
Institutional	16€	17€	34€

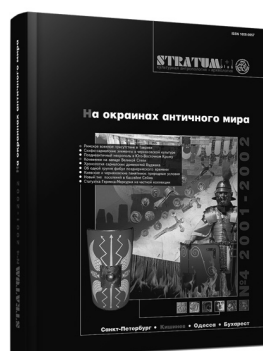
Stratum plus. Nr. 1. **В начале был камень** (*In the Beginning Was the Stone*)

Stratum plus. Nr. 2. **Земля Триполиада** (*The Tripoliada Land*)

Stratum plus. Nr. 3. **Старая Скифия** (*Old Scythia*)

Stratum plus. Nr. 4. **На окраинах античного мира** (*On the Outskirts of the Ancient World*)

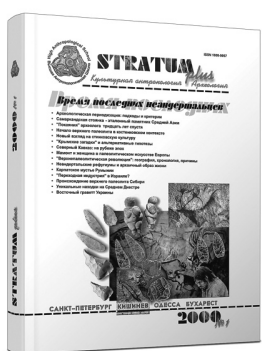
Stratum plus. Nr. 5. **Славянские древности** (*Antiquities of the Slavs*)

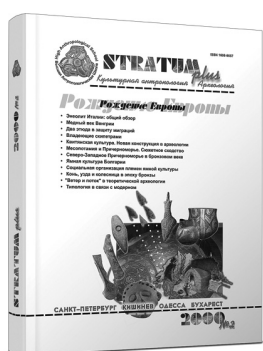
Stratum plus. Nr. 6. **Знамения цивилизаций** (*Omens of Civilizations*)

2000

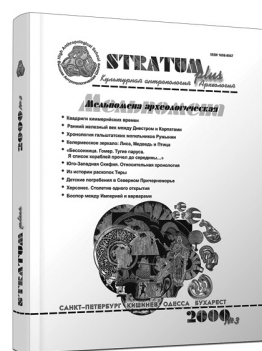
Set	54€	60€	125€
One	9€	10€	20€
Student	9€	10€	20€
Individual	9€	10€	20€
Institutional	9€	10€	20€

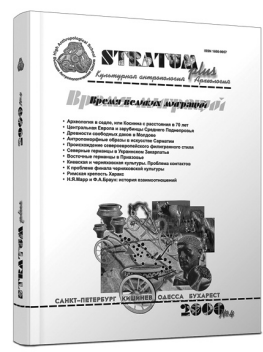
Stratum plus. Nr. 1. **Время последних неандертальцев** (*The Time of the Last Neanderthals*)

Stratum plus. Nr. 2. **Рождение Европы** (*The Birth of Europe*)

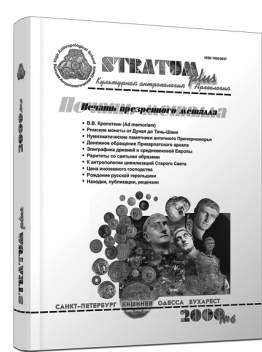
Stratum plus. Nr. 3. **Мельпомена археологическая** (*Melpomene Archaeologica*)

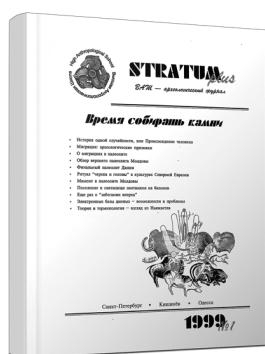
Stratum plus. Nr. 4. **Время великих миграций** (*The Time of Great Migrations*)

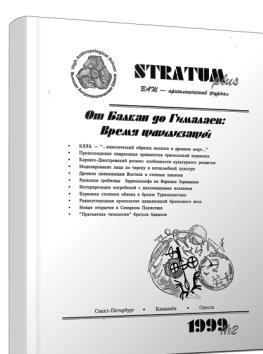
Stratum plus. Nr. 5. **Великая Скуфь** (*The Great 'Skuf'*)

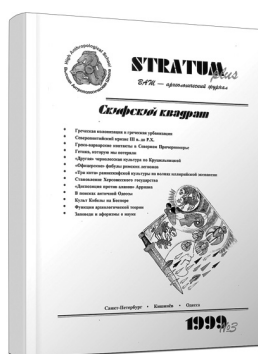
Stratum plus. Nr. 6. **Печать презренного металла** (*The Mark of the Contemptible Metal*)

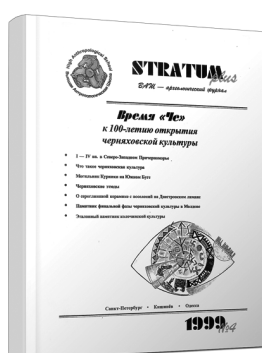
Stratum plus. Nr. 1. **Время собирать камни** (A Time to Gather Stones Together)

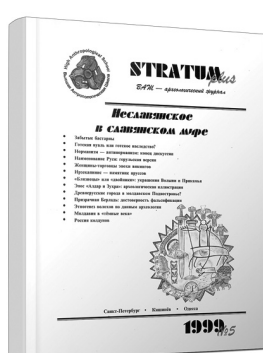
Stratum plus. Nr. 2. **От Балкан до Гималаев: время цивилизаций** (From the Balkans to the Himalayas)

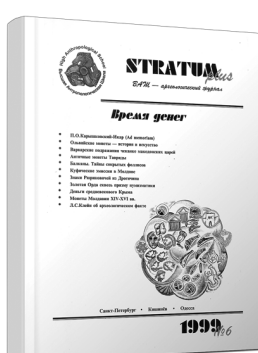
Stratum plus. Nr. 3. **Скифский квадрат** (Scythian Rectangle)

Stratum plus. Nr. 4. **Время «Че»** (The Time of 'Che')

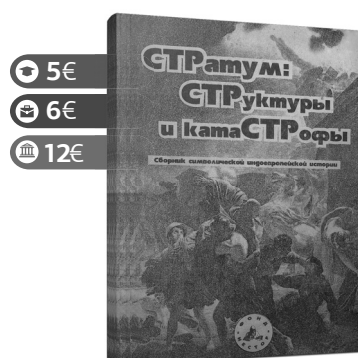
Stratum plus. Nr. 5. **Неславянское в славянском мире** (Non-slavic in the Slavic World)

Stratum plus. Nr. 6. **Время денег** (The Time of Money)

1999

Set	One	Student	Individual	Institutional
	9€	10€	20€	54€
				60€
				125€

Стратум: структуры и катастрофы (Stratum: Structures and Catastrophes.)

Стратум + Петербургский археологический вестник (Stratum + St.-Petersburg Archaeologicheskyy Vestnik.)

1997

Антропологические исследования в Молдове (Anthropological Studies in Moldova)

И. В. Бруяко. **Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р.Х.)** (I. V. Bruyako. *Early Nomads in Europe (10th—5th cc. B.C.)*)

В. А. Дергачёв, В. С. Бочкарёв. **Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы** (V. A. Dergachev, V. S. Bochkarov. *Metal Sickles of the Late Bronze Age in Eastern Europe*)

П. П. Бырня, Т. Ф. Рябой. **Два клада из Старого Орхея** (P. P. Birnya, T. F. Ryaboy. *Two Hoards from Old Orhei*)

Л. А. Мосионжник. **Антропология цивилизаций** (L. A. Mosionjnik. *Anthropology of Civilisations*)

Н. П. Тельнов, В. П. Степанов, Н. Д. Руссев, Р. А. Рабинович. **«И... разошлись славяне по земле»** (N. P. Telnov, V. P. Stepanov, N. D. Russev, R. A. Rabinovich. *“And... the Slavs Spread Across the Earth”*)

Л. А. Мосионжник. **Человек перед лицом культуры** (L. A. Mosionjnik. *Human in Face of Culture*)

Л. Б. Вишняцкий. **Введение в преисторию** (L. B. Vishnyatski. *Introduction to Pre-History*)

В. М. Массон. **Первые цивилизации и всемирная история** (V. M. Masson. *First Civilizations and World History*)

Я. М. Копанский. **Еврейское национальное движение в Бессарабии в межвоенный период** (Ya. M. Kopansky. *Jewish National Movement in Bessarabia in Interwar Period*)

А. А. Романчук, И. Н. Ташчи. **Ранняя история украинского села Булаешты в контексте истории Молдовы** (A. A. Romanchuk, I. N. Taschy. *The Ukrainian Population of Bulaestry and Early History of Moldavian Principality*)

Л. А. Мосионжник. **Синергетика для гуманитариев** (L. A. Mosionjnik. *Synergetics for Humanities*)

Н. Д. Руссев. **На грани миров и эпох** (N. D. Russev. *On the Edge of Civilizations and Epochs*)

Stratum plus. № 4 (2010)
Культурная антропология • Археология.
Кишинев. Университет «Высшая антропологическая школа». 2010. — 348 стр.

Подписано к печати 06. 07. 2010 г.

Университет «Высшая антропологическая школа», «Stratum plus» Р. Р.
MD 2024, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Формат 60×84^{1/8}. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «Liberation». Тираж 300 экз. Заказ № 2453.
Отпечатано в Центральной типографии:
г. Кишинев, ул. Флорилор, 1

